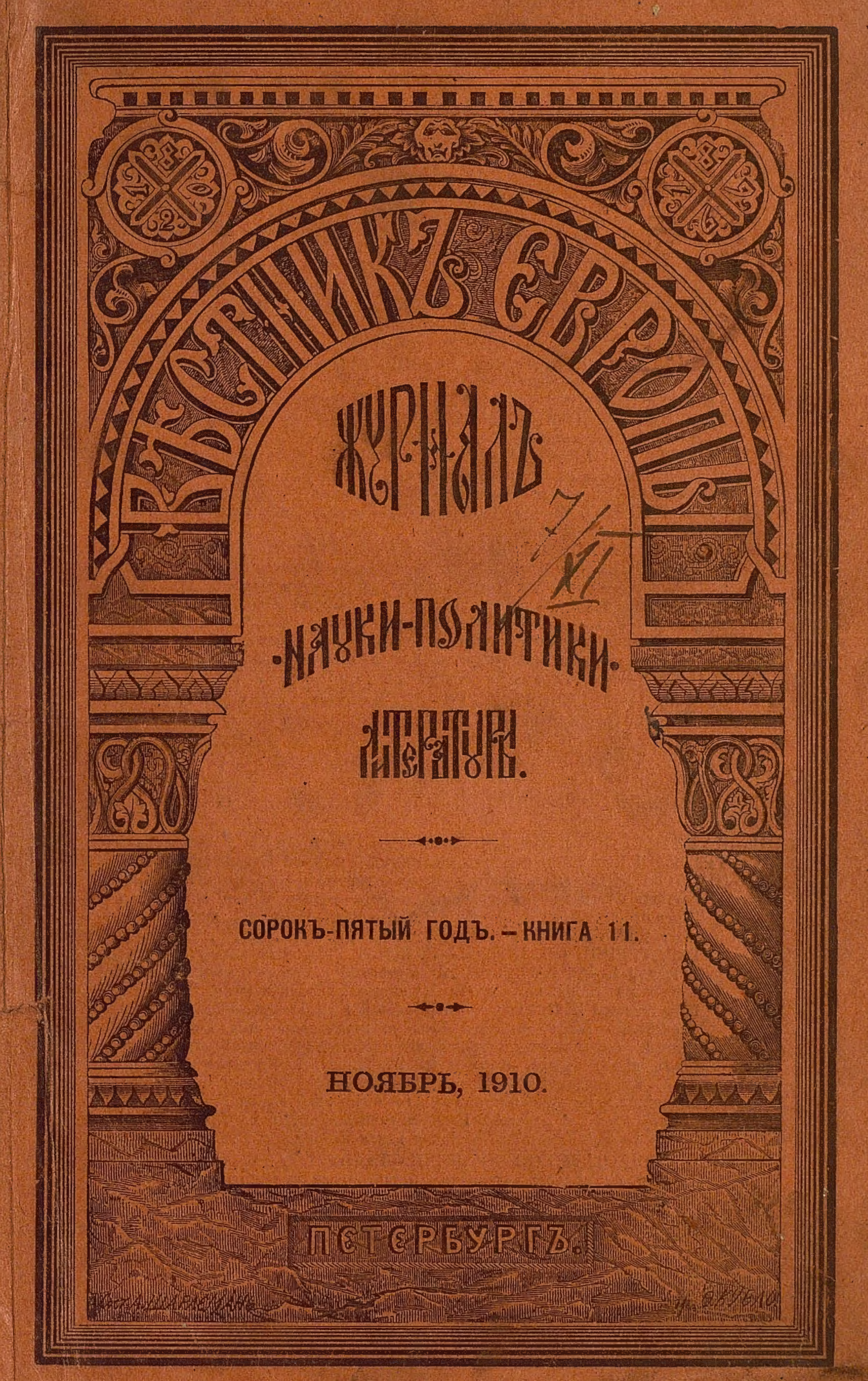

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1910.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ–ПОЛИТИКИ–ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

НОЯБРЬ

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

4117

СЛѢПЫЕ

ПОВѢСТЬ.

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ, въ буйной слѣпотѣ страстей,
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Ѳ. И. Тютчевъ.

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви...

М. Ю. Лермонтовъ.

I.

Въ переулкахъ еще лежалъ талый побурѣвшій снѣгъ, но уже вѣялъ влажный вѣтеръ и мартовская оттепель накрѣпко взяла землю.

Борисъ Андреевичъ Лунинъ, ослѣпленный весеннимъ небомъ, торопливо переходилъ черезъ площадь съ Николаевскаго вокзала на Рязанскій. Едва не раздавленный шальнымъ автомобилемъ и промочивъ изрядно ноги, онъ попалъ, наконецъ, на подъѣздъ вокзала. Разсѣянно сунувъ сакъ и деньги посыльному, пошелъ онъ въ буфетъ. И здѣсь чувствовалась московская весна—и въ странной смѣси зимней и лѣтней одежды, и въ запотѣвшихъ окнахъ, и въ лужахъ отъ калошъ, и въ нѣсколько возбужденномъ говорѣ пассажировъ.

Лунинъ съ любопытствомъ осмотрѣлся вокругъ, узнавая знакомое... Вонъ пробѣжалъ лакей съ дымящимся стаканомъ чая и двумя пирожками; вонъ проплылъ важно сѣдоусый начальникъ станціи въ красной фуражкѣ, преслѣдуемый хлопотливымъ пас-

сажиромъ; вонъ блѣдноликая дама въ траурѣ. Все то же самое, и весна такая же.

Борису Андреевичу Лунину на видъ можно было дать лѣтъ тридцать. Но уже немолодая грусть свѣтилась тихо въ его глазахъ, заключенныхъ въ синеватожелтые круги. Слишкомъ красныя губы, серебристо-матовая блѣдность и разсѣянный взглядъ—все отличало лицо Лунина отъ заурядныхъ физіономій.

Толпа пассажировъ со смѣшной торопливостью хлынула на перронъ. Разсѣянно занялъ Лунинъ первое попавшееся мѣсто въ вагонѣ. Рядомъ сидѣлъ молодой человѣкъ; и Лунину показалось, что гдѣ-то онъ видѣлъ его, этотъ низкій упрямый лобъ съ черными на немъ кудрями, эти глаза, мечтательные и злые, этотъ страстный ротъ и слишкомъ бѣлые зубы...

И молодой человѣкъ сдѣлалъ движеніе въ сторону Лунина, какъ бы желая поздороваться. Вскорѣ разговорились. Молодой человѣкъ назвалъ себя графомъ Бешметьевымъ и объяснилъ, что знаетъ Лунина: видѣлъ его портреты и въ прошломъ году встрѣчалъ въ Маріинскомъ театрѣ на вагнеровскихъ спектакляхъ.

Стараясь побороть свою болѣзненную разсѣянность, поддерживалъ Лунинъ разговоръ, заинтересовавшись не тѣмъ, что̀ говорилъ ему собесѣдникъ, а его до странности мечтательнымъ взглядомъ и непонятной улыбкой, некстати змѣившейся подъ темными усами.

Лунинъ почувствовалъ, что встрѣча съ этимъ графомъ будетъ имѣть для него какое-то значеніе. И это предчувствіе, а можетъ быть и не совсѣмъ обыкновенное лицо сосѣда растревожили Лунина. Изъ разговора выяснилось, что оба они ѣдутъ до станціи Пустынино.

— Я туда ѣду безъ опредѣленнаго плана,—сказалъ Лунинъ задумчиво:—не знаю, какъ тамъ устроюсь. Мнѣ говорили, что въ Пустынинѣ есть дачи, и что ихъ мало, и вокругъ тихо, а мнѣ это и надо. И хотѣлось пожить еще въ Московской губерніи: я все-таки москвичъ, хотя Петербургъ и покорилъ меня...

Бешметьевъ съ готовностью разсказалъ, какъ можно въ Пустынинѣ устроиться. Онъ самъ ѣдетъ сейчасъ въ имѣніе къ князю Ховрину. Это въ трехъ верстахъ отъ станціи. А на полпути—дачи. Если Борису Андреевичу нужно небольшое помѣщеніе, лучше всего снять у Михневича.

— Мнѣ называли эту фамилію,—сказалъ Лунинъ.

— Этотъ Михневичъ—зять мѣстнаго священника.

— А вы знаете этого священника?

— Какъ же! знаю. Отецъ Григорій...

— Вотъ какъ! Можетъ быть, вы и семейство знаете отца Григорія?

— Да, знаю. Видѣлъ его дочку, Наталью. Пріятная барышня. И Александру, ту, что за Михневичемъ, тоже знаю.

— А другую сестру, Анну Григорьевну, вы не встрѣчали?— спросилъ неожиданно Лунинъ.

— Нѣтъ, не встрѣчалъ. А вы, стало быть, отчасти знакомы съ этимъ семействомъ,—сказалъ Бешметьевъ, улыбаясь.

— Да я встрѣчался съ Анной Григорьевной въ Петербургѣ. Она, между прочимъ, хвалила мнѣ Пустынино. Разсказывала, что въ имѣніи князя паркъ замѣчательный.

— Паркъ чудесный и, можно сказать, таинственный. Прекрасный паркъ. А про Анну Григорьевну я слышалъ. Она, если не ошибаюсь, замужемъ за инженеромъ Полянскимъ. Говорятъ, эта Анна Григорьевна красоты необычайной...

Лунинъ ничего не отвѣтилъ и задумался. Молодой человѣкъ не тревожилъ его, и только, когда пріѣхали въ Пустынино, напомнилъ, что пора выходить изъ вагона.

У станціи стояли отъ князя присланныя сани, и Бешметьевъ предложилъ Лунину подвезти его до дачъ Михневича. Въ Пустынинѣ еще лежалъ глубокій снѣгъ, и лишь кое-гдѣ на буграхъ чернѣла обнаженная солнцемъ мартовская земля. Свѣжъ и прозраченъ былъ воздухъ. Вороны, съ гортаннымъ крикомъ, перелетали изрѣдка съ ели на ель, отряхая большіе снѣжные хлопья; ѣхать пришлось по лѣсной просѣкѣ. И казалось, что кто-то благословилъ бѣлый путь, и ели, и сосны на тишину. Страненъ былъ скрипъ полозьевъ на этомъ пути.

Лунинъ поблагодарилъ Бешметьева и побрелъ къ домику Михневича, проваливаясь въ снѣгъ. Визгливый лай потревожилъ обитателей усадьбы: на крыльцѣ появился высокаго роста мужчина и свистнулъ собакъ.

Рослый человѣкъ назвался Михневичемъ и повелъ Лунина въ комнату. Тамъ было душно, тѣсно и шумно. Куча неумытыхъ ребятъ возилась вокругъ русоволосой женщины, съ утомленнымъ лицомъ, которую Михневичъ назвалъ своей женою. Въ комнатѣ былъ безпорядокъ. На стѣнѣ висѣли лосиная голова и ружья. На столѣ валялись какія-то брошюры...

Семенъ Семеновичъ Михневичъ, повидимому, имѣлъ нѣкоторое понятіе о Лунинѣ и смотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Лицо Михневича показалось Лунину занятнымъ. Оно все заросло свинцовой щетиной, а тамъ, гдѣ не было волосъ, кожа на немъ была похожа на измятую сѣрую замшу. Когда Михневичъ

смѣялся, сотни морщинъ лучились на его физіономіи и маленькіе сѣрые глаза свѣтились лукаво. Одѣтъ онъ былъ въ блузу и высокіе сапоги.

Когда Лунинъ объяснилъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, Михневичъ набросилъ на плечи тулупъ и пошелъ показывать дачу. Лунину все нравилось—и дача, и старая мебель въ ней, и то, что обѣдать ему придется у священника, тестя Михневича.

— А что этотъ графъ Бешметьевъ?—неожиданно спросилъ Лунинъ: — вотъ онъ меня къ вамъ подвезъ... Что онъ за человѣкъ? Вы его хорошо знаете?

— Встрѣчался... Человѣкъ мнѣ непонятный, молчаливый... И, кажется, отъ любви голову потерявшій...

— Отъ какой любви?

— А видите ли, этотъ самый Бешметьевъ женихомъ считается княжны нашей, Любови Николаевны. Только что-то свадьбу все откладываютъ... А графъ, видимо, истомился. Однимъ словомъ, знаете, довольно глупая канитель вотъ ужъ второй годъ тянется... А вы какъ же? Въ городъ вернетесь? А то, если хотите, оставайтесь здѣсь: на ночь васъ устрою; Мисаилъ дачу протопитъ...

— Если я васъ не стѣсню, я останусь, пожалуй,—сказалъ Лунинъ, чувствуя, что слѣпнетъ отъ снѣга и мартовскаго солнца.

II.

Садъ передъ дачей весь былъ въ сугробахъ, и только одна дорожка была протоптана до калитки. Утромъ пришелъ Мисаилъ ставить самоваръ и началъ разговоръ по собственной охотѣ.

— Вчера видѣли княжну съ женихомъ. Подъѣзжали къ самой станціи, а потомъ повернули—и домой. Княжна правитъ, а онъ съ нея глазъ не спускаетъ. Чудная эта княжна. Второй годъ невѣстится...

Лунинъ ничего не отвѣтилъ, но Мисаилъ не унимался и еще съ полчаса топтался у порога, разспрашивалъ Лунина обо всемъ, о политикѣ, между прочимъ: не былъ ли Лунинъ въ Петербургѣ девятаго января и не видѣлъ ли попа Гапона? И кто такой Каляевъ? И что теперь дѣлается въ Черниговской губерніи? У него, Мисаила, подъ Черниговомъ тетка Лукерья живетъ, болѣетъ ухомъ, но баба хорошая.

Когда Мисаилъ ушелъ, Лунинъ сѣлъ-было работать, но

вскорѣ всталъ и долго бродилъ по комнатѣ, потирая руки и бормоча.

Въ три часа съ лаемъ влетѣла на террасу собака и закружилась по ней, яростно стуча хвостомъ. Послышался молодой, свѣжій голосъ:

— Сверчокъ! Сюда! Сверчокъ!

Это кричала Наташа, съ которой вчера познакомился Лунинъ.

— Борисъ Андреевичъ! Я за вами пришла.

Пошли обѣдать къ отцу Григорію. Авдотья Павловна угощала жирными яствами и хлѣбнымъ квасомъ. Ни водки, ни вина не было—и это даже умиляло Лунина: такъ онъ отвыкъ отъ трезвой жизни.

Самъ отецъ Григорій, старикъ, съ тяжелой сѣдой бородой и грустными глазами, говорилъ мало. За то сынъ его, Эксакустодіанъ, студентъ со значкомъ общества „Громобой", затѣялъ разговоръ на серьезныя темы.

Говорилъ сердито и неувѣренно:

— Войну проигрываемъ, потому что въ войскахъ крамола. А въ Писаніи сказано: „Противящійся власти, противится Божію установленію". Святополкъ-Мирскій на томъ свѣтѣ отвѣтитъ за потворство бунтовщикамъ... А можетъ и здѣсь успѣемъ посчитаться съ либералами...

Лунинъ замѣтилъ, что глаза у него тусклые, какъ у мертвой рыбы, кожа на лицѣ дряблая, губы вялыя... И слова его были тяжелы и скучны. И очень ему хотѣлось, должно быть, чтобы Лунинъ возражалъ, но Лунинъ молчалъ.

Тогда Эксакустодіанъ Григорьевичъ продолжалъ:

— Вообще развратъ пошелъ... Вотъ еще декадентство... Оно хуже чѣмъ анархизмъ, потому что посягаетъ на корень вещей...

— Эксакустодіанъ!—сказала Наташа:—ты на дятла похожъ...

— Мамаша! Слышите, что она говоритъ? Уймите безобразницу! — крикнулъ Эксакустодіанъ, и неожиданно въ тусклыхъ глазахъ его загорѣлся огонь.

Послѣ обѣда Наташа предложила Лунину идти на лыжахъ. Они съ трудомъ, проваливаясь въ снѣгъ, добрались до дороги, а тамъ легко, по насту, побѣжали къ княжескому парку.

Воздухъ былъ прозраченъ, и было пріятно бѣжать, но уже хрупокъ былъ подтаявшій снѣгъ, казавшійся лиловымъ подъ солнцемъ.

Наташа съ веселымъ любопытствомъ посматривала на Лунина. Ему нравилась эта семнадцатилѣтняя дѣвушка, но онъ не зналъ,

о чемъ и какъ надо съ ней говорить: такъ далеко онъ былъ отъ юности и такъ рѣдко видѣлъ молоденькихъ дѣвушекъ.

— Я знаю, что вы въ Петербургѣ встрѣчали Анну,—сказала она и покраснѣла.

И, помолчавъ, прибавила:

— Надо признаться: я завидовала ей, право...

— Вотъ этого я не понимаю,—сказалъ Лунинъ, улыбаясь.

— Ахъ, это такъ понятно, Борисъ Андреевичъ! Я видѣла ваши картины. Я люблю ихъ. И вотъ интересно и страшно увидѣть того, кто что-то разгадалъ, чего другіе до него не понимали.

— Я думаю, что творчество — болѣзнь, — сказалъ Лунинъ серьезно:—и всѣ мы, художники—больные. Знаете ли, въ родѣ чахоточныхъ. Въ сущности, отъ насъ надо подальше: мы заразительны.

Наташа звонко засмѣялась.

— Ахъ, какія глупости!..

— Нѣтъ, Наталья Григорьевна, я не шучу. Пока мы здоровы, все кажется обыденнымъ, а вотъ заболитъ душа—и начнешь видѣть по новому, по иному, все станетъ фантастическимъ, интереснымъ, необыкновеннымъ. Но самое плохое—это то, что мы, соблазнившись необыкновеннымъ, начинаемъ поддерживать въ себѣ болѣзнь и все стараемся запомнить что-то и запечатлѣть. Это—самое стыдное. Отъ такой вѣчной корысти мы ужъ дѣлаемся не холодными и не горячими, какъ надо быть человѣку и какъ Писаніе велитъ, а только теплыми. При такой средней температурѣ мы и живемъ, и любимъ, и страдаемъ. Когда настоящій любовникъ убиваетъ, мы только картину пишемъ. И это ужасно: здоровый человѣкъ одинъ разъ въ страсти преступленіе совершитъ, а художникъ десять разъ убьетъ, пока картину напишетъ. Это, кажется, нехорошо, что я молоденькой дѣвушкѣ такія вещи говорю, а впрочемъ все равно...

— Мнѣ все можно—сказала Наташа серьезно:—я взрослая...

— Такъ вотъ—продолжалъ Лунинъ:—ужъ кто-кто, а художникъ навѣрное погибнуть долженъ. Такое у него нехорошее ремесло. Возьмите поэта какого хотите великаго, со всѣми его прозрѣніями, съ его великолѣпной мечтой, и всетаки въ концѣ концовъ, если подслушать его шопотъ, услышишь неожиданное и кощунственное признаніе, отъ котораго разумъ туманится... Художникъ обреченъ на вѣчныя паденія и муки. Онъ всегда оскорбляетъ то, что ему дороже всего въ сущности... Я, пожалуй, всѣмъ не сказалъ бы этого и не написалъ. Вѣдь все равно не

скажешь самаго главнаго: да и стоитъ ли открывать всѣмъ всю правду? Я вотъ сейчасъ такъ разговорился съ вами, не знаю почему. Мнѣ кажется, что я говорю съ юностью вообще, не съ тою, что суетлива и многошумна, а съ тою, что задумалась и чего-то ждетъ. Это оттого, что сейчасъ тишина такая снѣжная и вотъ пахнетъ весною, и глаза у васъ милые...

Такъ разговаривалъ съ Наташей Лунинъ, стоя у конца просѣки, откуда былъ уже виденъ княжескій паркъ и ближе—прудъ, теперь занесенный снѣгомъ, замѣтный только потому, что на немъ чернѣла купальня.

Съ другой стороны, за взбугрившимися снѣжными холмами, синѣли дымки деревни. Оттуда слышался сиповатый лай, и казалось, что тамъ сейчасъ большая грусть.

— А вамъ нравится Анна?—неожиданно спросила Наташа, наивно и довѣрчиво заглядывая въ лицо Лунина.

— Нравится.

— Да, да... Она—необыкновенный человѣкъ!—прошептала Наташа мечтательно:—вы знаете, вотъ я сестра ея, а я почти влюблена въ нее, право. Еслибы я была мужчиной, я бы сказала ей, что вотъ пусть она прикажетъ мнѣ—и я брошусь въ огонь, умру за нее. Но я боюсь ея, Борисъ Андреевичъ. Вы знаете, она жестока. Она никого не жалѣетъ. Она только красоту любитъ и больше ничего не любитъ.

— Жестока?

— Да, да... Что вы такъ смотрите на меня? Если человѣкъ слабый и безталанный будетъ гибнуть на ея глазахъ, она не пожалѣетъ его никогда. А вотъ надъ стихами Пушкина она плачетъ. Прочтетъ: „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день" — и слезы, слезы... А какъ она красива! Правда, она красива?

— Да.

— У нея лицо мѣняется, какъ небо. Тѣнь такая серебристая пробѣжитъ—и всѣ черты, и всѣ краски дѣлаются новыми, неожиданными... А какія брови у нея умныя и строгія. И тишина въ нихъ какая. А гдѣ-то далеко въ глубинѣ глазъ—черная буря... Вѣдь я правду говорю, Борисъ Андреевичъ?

— Да. Правду.

— А ротъ у нея—какъ осенняя роза темная...

— Да, да... Какъ роза темная...

— Ахъ, я люблю Анну, люблю Анну...

Въ это время послышался звонъ бубенцовъ и на дорогѣ по-

казались шведскія санки, запряженныя парою. Кто-то ѣхалъ на станцію.

— Это княжна и Бешметьевъ — сказала Наташа: — они каждый день катаются.

Когда санки мчались мимо, Лунинъ увидѣлъ бѣлокурую дѣвушку въ собольей шубкѣ. Дѣвушка ударила лошадей бичомъ и звонко крикнула:

— Здравствуйте, Наташа...

Бешметьевъ раскланялся съ Лунинымъ.

— Я не люблю княжны — сказала Наташа: — я знаю ее. Она холодная, какъ ледъ...

Назадъ они бѣжали на лыжахъ молча, и только прощаясь Наташа спросила Лунина:

— А мужа Анны вы знаете?

Лунинъ нахмурился и отвѣтилъ сухо:

— Нѣтъ. Не знаю. Я познакомился съ Анной Григорьевной, когда ея мужъ былъ въ экспедиціи, на Алданѣ... Онъ вѣдь и сейчасъ тамъ...

— Да, да... Кажется, впрочемъ, онъ лѣтомъ вернется...

— Вотъ какъ. А вы съ нимъ дружны?

Наташа засмѣялась:

— Вы знаете, онъ похожъ на автомобиль. Вы сами увидите. Онъ—неудержимый и въ немъ рычаги какіе-то.

Наташа опять засмѣялась.

III.

Наконецъ, пришла настоящая весна, съ половодьемъ, грачами и великолѣпнымъ шумомъ апрѣльскаго вѣтра. Лунинъ, въ высокихъ сапогахъ, съ крѣпкой палкой въ рукѣ, бродилъ по окрестностямъ. Доходилъ до рѣчки Чернявки и подолгу стоялъ, прислушиваясь къ ея ропоту, и смотрѣлъ съ любопытствомъ на ея пѣнистыя, мутныя воды.

Въ княжескомъ паркѣ работники убрали мостки, и уже подсохли дорожки, щедро посыпанныя краснымъ пескомъ. Управляющій велѣлъ снять деревянные футляры со статуй. Теперь Киприда и Амуръ, Громовержецъ и Марсъ розовѣли въ лучахъ весенняго солнца.

Прошлогодніе листья, сметенные въ кучи, остро пахли. Круглую бесѣдку исправляли кровельщики: ходили по крышѣ,

распѣвая во все горло. И желѣзо гнулось съ громкимъ трескомъ подъ босыми ногами.

На широкой аллеѣ встрѣчалъ часто Лунинъ княжну и Бешметьева. Они катались верхомъ. Княжна, въ амазонкѣ, съ густыми рыжеватыми волосами, выбившимися изъ-подъ черной шляпы, казалась красивой, смѣлой, весенней... Бешметьевъ страстно смотрѣлъ на нее.

Она кивала Лунину, какъ знакомому. Одинъ разъ ему показалось, что княжна обернулась, смѣясь, и какъ будто хотѣла что-то сказать ему, но потомъ ударила лошадь хлыстомъ и пустила ее галопомъ.

По утрамъ, когда Лунинъ, проснувшись, открывалъ глаза, потоки весенняго солнца обрушивались ему на грудь. Ему казалось, что снова молодость посѣтила его. Онъ торопился одѣться, распахнуть дверь на террасу.

Однажды, когда онъ вышелъ такъ, привѣтствуя небо и влажную апрѣльскую землю, сердце его полетѣло на крыльяхъ въ непонятную голубизну: передъ Лунинымъ стояла Анна Григорьевна.

Она была вся тутъ передъ нимъ, обжигая его сіяніемъ своихъ глазъ, вся томная, ожидающая, влюбленная, какъ весенняя земля.

Онъ сталъ на колѣни, не находя словъ, бормоча несвязно:

— Ты... Ты... Опять со мной... Люблю, люблю...

Онъ припалъ къ ея рукамъ. Потомъ торопливо повелъ ее въ комнаты. На порогѣ они остановились, не въ силахъ идти дальше. Она приникла къ нему, и губы ихъ встрѣтились. Лунину показалось, что вотъ онъ сейчасъ открылъ что-то новое въ Аннѣ, что и поцѣлуй ея какой-то новый.

И когда Лунинъ увидѣлъ ея распустившіеся волосы и глаза, потемнѣвшіе отъ страсти, и ея грустную улыбку, онъ богомольно прижался къ ея ногамъ.

— Люблю... Люблю...

— Все—какъ сонъ!—сказала она, дѣлая такой жестъ, какъ будто она отмахивается отъ видѣнія: — все какъ сонъ, Борисъ! Я не знаю, что̀ со мной... Мнѣ хорошо, мнѣ хорошо. И откуда это голубое вокругъ? И этотъ шумъ откуда?

— Это весенній шумъ, Анна.

Они вышли на террасу, и Анна, простирая руки, громко кричала:

— Здравствуй, Апрѣль! Здравствуй, лѣсъ мой!

И вотъ, когда она такъ стояла съ поднятыми къ небу ру-

ками, изнемогая отъ любви, Лунинъ вдругъ сдѣлался мрачнымъ, какъ будто вспомнилъ что-то.

— Когда пріѣдетъ мужъ?—спросилъ Лунинъ сухо, стараясь не смотрѣть въ глаза Анны.

— Въ іюлѣ, вѣроятно. Онъ самъ не знаетъ, должно быть.

Они замолчали.

— Съ мужемъ все кончено, — сказала Анна Григорьевна тихо: — разлюбишь ты меня или нѣтъ—съ мужемъ я жить не стану.

— Да. Но ты жила съ нимъ.

Анна Григорьевна со страхомъ посмотрѣла на Лунина и стала торопливо поправлять прическу.

За обѣдомъ Анна Григорьевна сидѣла блѣдная, и на губахъ ея была улыбка, слабая и печальная.

Наташа волновалась и даже спросила, не утерпѣвъ:

— Анна! Что̀ съ тобою, Анна?..

И грозно посмотрѣла на Лунина.

Эксакустодіанъ, ничего не замѣчая, разсуждалъ о политикѣ:

— Русскіе люди должны сплотиться... Интеллигенція ожидовѣла... Министры трусятъ и либеральничаютъ.

Отецъ Григорій кивалъ задумчиво головой и говорилъ какъ будто некстати:

— Не высокомудрствуйте, но послѣдуйте смиреннымъ. Не мечтайте о себѣ...

Авдотья Павловна угощала пельменями. Иногда восклицала, обращаясь къ Аннѣ:

— Прекрасная ты моя! Ужъ рада я тебѣ и не знаю какъ. А мужъ-то когда пріѣдетъ?

— Въ іюлѣ, должно быть.

И, забывъ отвѣтъ, немного погодя опять спрашивала:

— А муженекъ-то когда пріѣдетъ?

Принесли телеграмму со станціи.

— Аннѣ Григорьевнѣ Полянской.

Она покраснѣла, распечатывая.

Кто-то спросилъ:

— Отъ кого это?

Она прошептала:

— Отъ мужа. Въ іюлѣ пріѣдетъ.

И скомкала въ рукѣ телеграмму.

IV.

Михневичъ пришелъ къ Лунину съ большимъ листомъ и сказалъ:

— Пожалуйте подписаться, Борисъ Андреевичъ.

— А въ чемъ дѣло?

Михневичъ сталъ разсказывать что-то сложное объ обществѣ трезвости, о народномъ домѣ, объ исправникѣ Усачевѣ...

Лунинъ махнулъ рукой и взялъ перо. Подписываясь, замѣтилъ, что въ числѣ учредителей есть и княжна.

— Вотъ нашего полку прибыло, — сказалъ Михневичъ: — Пойдемте, я вамъ огороды мои покажу за то, что вы человѣкъ сговорчивый.

Шли лѣсомъ. Тамъ было сыро и мглисто, а въ ямахъ, поглубже, лежалъ даже кое-гдѣ снѣгъ. Шумно пролетѣлъ глухарь, испугавъ Лунина.

Михневичъ говорилъ о соціализаціи земли, и казалось, что онъ вслухъ читаетъ брошюру—такъ у него все гладко выходило.

Лунинъ, улыбаясь, сказалъ:

— Вотъ вы складно говорите, Семенъ Семеновичъ, а все-таки вы мнѣ больше нравитесь, когда молчите. Вы не обижайтесь. Я не хочу сказать, что вы худое говорите. Только такія слова, знаете ли, всегда безкровны, а вотъ то, что у васъ взглядъ лѣсной, что вы огородъ любите, что вотъ, я слышалъ, пчельникъ у васъ великолѣпный, это все какъ-то у васъ по настоящему... Лѣсъ и пчелы—прежде всего, а все прочее—литература.

Михневичъ лукаво и весело засмѣялся:

— Я—пчеловодъ. Это правильно. И огородникъ я. Боюсь, по правдѣ сказать, что изъ нашей соціализаціи одна литература выйдетъ.

Лунинъ заинтересовался:

— А у васъ почему такія мысли, Семенъ Семеновичъ?

— Какъ вамъ сказать... Устали мы ждать преобразованій всяческихъ и, потерявъ терпѣніе, за двумя зайцами, пожалуй, погонимся. А это всегда къ худому.

— Однако, вы—соціалистъ.

— Помилуйте-съ. Я человѣкъ чистоплотный. Соціалистомъ быть—все равно что передъ обѣдомъ руки мыть. Только малыми дѣлами мы заняты. Вотъ огородъ нашъ на кооперативныхъ началахъ устроенъ...

— Это я слышалъ. Но вотъ насчетъ неудачъ вы какъ-то туманно выражаетесь. А что же помѣшаетъ вашему дѣлу?

— Многое. Во-первыхъ—истерика...

— Какъ истерика? Этого я что-то не пойму.

— Истерика не только съ медицинской точки бываетъ, знаете ли, интересна, но и съ общечеловѣческой, такъ сказать. Нашъ интеллигентъ русскій черезчуръ истериченъ въ томъ смыслѣ, что легко колеблется въ своихъ настроеніяхъ. Въ медицинѣ тоже нѣкоторые опредѣляютъ истерику какъ легкую внушаемость. Вѣтерокъ повѣетъ, а интеллигентъ, какъ домикъ картонный—на боку. И затѣмъ—потеря вѣрности, лада и гармоніи, такъ сказать. Все у насъ порывами и скачками. И въ революцію мы бросаемся, зажмуря глаза. А это храбрость не русская. Значитъ, и нашъ интеллигентъ отъ русскаго начала оторвался...

— Однако, Семенъ Семеновичъ, васъ товарищи ваши еретикомъ, пожалуй, назовутъ...

— И ужъ называли не разъ. Они меня терпятъ, потому что полезный я для нихъ человѣкъ. Однако, когда я въ ссылкѣ былъ въ Вологодской губерніи, судили меня однажды.

— За что?

— Не за идеи, а за безнравственное поведеніе.

— Какъ такъ?

— А очень просто. Хорошо, что о моемъ грѣхѣ жена заранѣе знала. А всетаки ей много непріятностей товарищи доставили.

— Однако, это любопытно.

— Да—что-жъ. Извольте, я разскажу... Дѣло прошлое... Жену я свою люблю и уважаю, но бываютъ у меня какіе-то припадки странные: иначе мои безнравственные поступки затрудняюсь назвать. Вдругъ что-то загорится на сердцѣ при иной встрѣчѣ, и тогда пиши пропало: непремѣнно спутаюсь и что-нибудь натворю. Потомъ это проходитъ. И даже какъ-то нѣжнѣе и болѣзненнѣе послѣ того жену любишь. Вотъ и тамъ, въ Вологдѣ, случилась со мной исторія: влюбился я въ жену аптекаря. Молоденькая была бабенка. И веснушки, знаете ли, на носу. Не знаю, чѣмъ она меня покорила. И что же? Пронюхали товарищи и судъ устроили. Развратное, дескать, поведеніе не соотвѣтствуетъ достоинству государственнаго преступника...

— Да, это и смѣшно, и нелѣпо.

— Еще бы. Хорошо, что аптекарь-нѣмецъ метафизикой увлекался и какъ-то не очень обратилъ вниманіе на эту исторію, а то бы бѣда была. Ну, а жена моя заранѣе меня простила...

— Но и вы тоже меня удивляете: какъ же это—любите жену, а сами аптекаршей занялись...

— Конечно, это худо. Я себя не оправдываю. Но вѣдь будьте снисходительны. Вы подумайте. Женился я ровнехонько тринадцать лѣтъ тому назадъ. Сегодня какъ разъ годовщина свадьбы нашей. Долженъ я вамъ сказать, что за это время я въ жену свою разъ восемь влюблялся и все по разному. Но, признаюсь, мѣсяцами равнодушенъ бывалъ, хотя, вообще говоря, и любилъ ее. Вотъ въ такіе темные дни и случались со мной исторіи. Она умная. Она понимаетъ.

— Но позвольте, однако. Въ такомъ случаѣ вы и ей должны свободу дать. Вѣдь и она можетъ увлечься.

— По логикѣ это такъ выходитъ. Не смѣю спорить. И принципіально согласенъ. Но, знаете ли, изъ такой справедливости ерунда получилась бы. Тутъ логика вверхъ ногами ходитъ.

Въ это время вышли они изъ лѣсу. За канавой протянулись огороды. На черныхъ грядкахъ пестрѣли дѣвки. Михневичъ что-то зычно крикнулъ имъ, и онѣ засмѣялись въ отвѣтъ.

Одна изъ нихъ пошла навстрѣчу. Увидѣвъ незнакомаго, остановилась-было, застыдившись.

— Ты что, Акулина?—сказалъ Михневичъ:—твой чередъ самоваръ ставить?

— Мой, Семенычъ.

Она стояла, босоногая, съ подоткнутой юбкой, улыбаясь, обнажая бѣлые ровные зубы.

— Вотъ, на!—сказала она, протягивая Михневичу маленькую книжку въ красной обложкѣ:—прочли мы. А „Землю Божью“ на завтра оставь.

— Ладно.

Сѣли пить чай за длинный столъ подъ навѣсомъ,—Лунинъ и Михневичъ вмѣстѣ съ дѣвками. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, бѣгали дѣвки въ сарай поправлять волосы передъ осколкомъ зеркала.

Лунина конфузились немного, а съ Михневичемъ были запросто.

Собирались облака растрепанныя, волокнистыя. Надвигаясь, чернѣли. Кто-то сказалъ:

— Охъ, гроза скоро! По веснѣ первая.

И въ самомъ дѣлѣ что-то глухо застучало мелкимъ стукомъ въ темномъ небѣ. Упало нѣсколько капель крупныхъ на деревянный навѣсъ.

Всѣ пошли гурьбой въ сарай, гдѣ устроены были сплошныя

низкія нары. Дѣвки сбились въ кучу, смѣясь. Повѣялъ вѣтеръ, взвивая черную пыль, видную изъ открытой настежь двери. Зашумѣли шумомъ шепотливымъ мшистыя ели и сосны. Красноватый свѣтъ ослѣпилъ глаза на мгновеніе. И троекратнымъ рокотомъ громъ привѣтствовалъ трепетную землю.

Дождевыя капли торопливо вразбродъ застучали по крышѣ. Какъ черныя раздранныя ткани висѣли тучи на небѣ. И вдругъ хлынули сверху потоки и все смѣшалось. Громыхалъ тяжко громъ, какъ будто кто-то громоздкій катился по каменнымъ ступенямъ лѣстницы высокой, стуча. И незримая рука разсѣкала непрестанно сумракъ острымъ ножомъ, оставляя на мгновеніе кровавый слѣдъ.

V.

Пріѣхалъ исправникъ Усачевъ, толстый и сонный человѣкъ, и съ нимъ совсѣмъ пьяный становой. Они ходили вокругъ Народнаго Дома, размахивая руками. За ними—крестьяне-понятые, съ видомъ обреченнымъ и понурымъ.

— Позвать сюда господина предсѣдателя Общества Трезвости села Пустынина!—сказалъ строго исправникъ, обращаясь къ понятымъ.

Мужики не поняли, кого надо позвать.

— Тезку моего позовите, Семена Семеныча, милые вы мои!—сказалъ становой ласково.

И потомъ неожиданно прибавилъ непечатную брань:

— Ну, маршъ! Живѣе!.. Такіе-сякіе...

Пока ходили за Михневичемъ, исправникъ сидѣлъ на крыльцѣ и дремалъ. Его лысина розовѣла въ лучахъ солнца, склонявшагося медленно къ березовой рощѣ.

Когда пришелъ Михневичъ, исправникъ сдѣлалъ кислое лицо и сказалъ:

— Вотъ, батенька, и дождались: опечатать приказано...

Исправникъ долго объяснялъ, по какой причинѣ не разрѣшенъ уставъ Общества Трезвости и почему надо опечатать Народный Домъ, но понять его было трудно.

Становой сказалъ:

— Трындили-брындили, а что толку? Плюньте, Семенъ Семеновичъ, и дѣло съ концомъ...

Потомъ исправникъ, кряхтя, взобрался на крыльцо и сказалъ:

— Ну, Семенъ Семеновичъ, приступимъ...

Приложили большія бурыя печати.

Внутри, изъ-за двери, послышался жалобный пискъ.

— Ахъ, грѣхъ какой!—вздохнулъ понятой: — кота опечатали... Васинька... Кысъ... Кысъ...

Въ это время къ Народному Дому подъѣхали въ шарабанѣ княжна съ Бешметьевымъ.

— Вотъ вамъ и спектакль!—сказалъ Михневичъ, здороваясь съ княжной:—опечатали насъ, княжна...

— Ахъ, Богъ мой! Гдѣ же мы будемъ играть?...

— Не знаю.

— Какъ нескладно!—пробормоталъ Бешметьевъ:—Какъ нескладно...

Исправникъ подошелъ къ Бешметьеву съ пріятной улыбкой:

— Еслибы вы, ваше сіятельство, написали губернатору...

— Нѣтъ, гдѣ же намъ устроить спектакль? Гдѣ?—волновалась княжна.

— Можно въ оранжереѣ старой,—сказалъ Михневичъ, соображая.

— Въ самомъ дѣлѣ въ оранжереѣ. Пожалуйста, Семенъ Семеновичъ, не отмѣняйте репетиціи... Сейчасъ всѣ туда и пойдемъ... И остальнымъ надо сказать... Графъ скажетъ. Пойдите, голубчикъ. Можетъ быть, вы, графъ, и Бориса Андреевича приведете?

Графъ поклонился покорно.

Огромная старая оранжерея, съ разбитыми кое-гдѣ стеклами, вся свѣтилась въ вечернемъ солнцѣ: на полу легла большая радуга семицвѣтнымъ ковромъ. Внутри оранжереи воздухъ былъ влажный и отъ стѣнъ вѣяло пріятной прохладой.

Михневичъ отгородилъ часть оранжереи скамейками и сказалъ:

— Вотъ здѣсь будетъ сцена. Пожалуйте, господа, начинать...

— Позвольте,—сказала княжна:—кажется, еще не всѣ собрались... Вотъ Лунина нѣтъ. Безъ него нельзя.

— Да вотъ и Борисъ Андреевичъ!—сказалъ бѣлокурый студентъ Чепраковъ, который долженъ былъ играть Кудряша.

Княжна первая подошла къ Лунину.

— Наконецъ-то мы съ вами познакомились. Вы должны намъ помочь, не правда ли? Вы будете играть?

— Нѣтъ, простите, я пришелъ извиниться. Играть не умѣю. Да и страшно это...

— Жаль какъ!—сказала княжна.—Ну, дѣлать нечего, графа играть заставимъ. А вы все-таки не уходите. Графъ! Будете играть?

— Хорошо. Я согласенъ.

— Вотъ здѣсь первая кулиса. Здѣсь скамья. Мы начинаемъ, господа!—кричалъ Михневичъ.

Лунинъ вышелъ изъ оранжереи. Благоухали томно липы. И легкій шелестъ вечерній чаровалъ сердце. Кое-гдѣ червонились стволы и листья, но уже благовонный сумракъ, сгущаясь, осѣнялъ паркъ. Лунинъ сѣлъ на чугунную скамейку.

— Вотъ сейчасъ придетъ она. И будетъ сладостно и больно. Такъ надо, надо...

И въ самомъ дѣлѣ Анна шла по аллеѣ, какъ сомнамбула, какъ будто ведомая невѣдомой силой.

Она подошла къ Лунину совсѣмъ близко.

— Борисъ! Борисъ! Зачѣмъ ты не вѣришь? Я люблю тебя... Люблю...

Онъ поднялся, дрожа.

И когда она прижалась къ нему, закинувъ голову и полуоткрывъ ротъ, и когда онъ увидѣлъ темные, страшные и влекущіе ея глаза, все вокругъ показалось ему волшебнымъ.

— Люблю... Вѣрю тебѣ... Люблю...

Уже погасло солнце и паркъ сталъ таинственнымъ и шепотливымъ. Лунинъ и Анна шли молча вдоль пруда. Переливаясь живою ртутью, сіяла лунная полоса на водѣ. А на томъ берегу, въ темнолиловыхъ кустахъ, пѣлъ соловей нѣжно и свирѣльно.

Чьи-то шаги послышались. Безцѣльно и слѣпо отошелъ въ сторону Лунинъ, увлекая за собой Анну. И медленно прошли мимо нихъ Бешметьевъ съ княжной.

Графъ говорилъ печально и страстно:

— Вы мучаете меня, княжна. Но сладки мнѣ эти муки. Любовь моя—пытка.

Княжна засмѣялась.

— Любовь всегда пытка, мой другъ.

VI.

Эксакустодіанъ пришелъ къ Лунину и долго сидѣлъ у него, разговаривая о незначительномъ, выпучивъ рыбьи свои глаза.

Лунинъ угощалъ его чаемъ, и онъ пилъ грустно, наливая на блюдечко жиденькій чай и обсасывая кусочки сахару.

Неожиданно сказалъ, блѣднѣя:

— Я пришелъ къ вамъ объясниться, потому что съ госпо-

диномъ Михневичемъ, съ Чепраковымъ и съ моими сестрицами я разговаривать не хочу. Доколѣ это будетъ продолжаться?

— Что такое?—не понялъ Лунинъ.

— Да вся эта мерзость крамольная.

— Простите меня, Эксакустодіанъ Григорьевичъ, но я, право, не пойму, что васъ такъ волнуетъ.

— Какъ что? А по вашему хороша эта затѣя со спектаклемъ и вся эта исторія съ Народнымъ Домомъ? Вы думаете, князь Николай Николаевичъ знаетъ, на что деньги пойдутъ? И княжна знаетъ? И графъ Алексѣй Петровичъ...

— По правдѣ сказать, и я не знаю.

— Ну такъ я вамъ скажу: денежки пойдутъ жидамъ-революціонерамъ на забаву, а намъ, русскимъ людямъ, на позоръ.

Лунинъ сухо засмѣялся.

— Скучное вы говорите, Эксакустодіанъ Григорьевичъ.

— Скучное? Вотъ отъ этакихъ словъ и Россія гибнетъ.

— А развѣ Россія гибнетъ?—спросилъ Лунинъ, заинтересовавшись.

Эксакустодіанъ всталъ со стула и, сложивъ руки на груди, какъ святые на иконахъ, испуганно прошепталъ:

— Гибнетъ... Гибнетъ... Гибнетъ...

Нахмурился Лунинъ.

— Что вы какъ воронъ... И странно: недавно разговаривалъ я съ Михневичемъ—и онъ тоже какъ-то мрачно смотритъ и даже въ соціализацію свою не вѣритъ.

— Да, да... Чепраковъ вѣритъ, а онъ нѣтъ... И сестры вѣрятъ, а онъ нѣтъ... Онъ только отъ досады бунтуетъ, а ему все равно.

— Ну, вы не совсѣмъ справедливы,—а вотъ то, что вы, черносотенецъ, такъ мрачно каркаете, и что этотъ радикалъ Михневичъ тоже не очень свѣтелъ—все это любопытно и, пожалуй, страшно... Что же, по вашему, дѣлать надо?

— Перевѣшать крамольниковъ... Народный Домъ сжечь... Еретиковъ въ монастырь заточить...

Когда Эксакустодіанъ говорилъ такъ, губы его дрожали, какъ въ лихорадкѣ, и онъ задыхался, кашлялъ и, наконецъ, сѣлъ на стулъ, изнемогая, прижавъ ко рту платокъ. На платкѣ заалѣли пятна крови.

Эксакустодіанъ показалъ на пятна и прошепталъ:

— Умираю... И у сестры Натальи тоже чахотка...

И потомъ, злобно смѣясь, прибавилъ:

— И вы, небось, недолго проживете. Да и всему скоро конецъ, слѣпой вы человѣкъ.

— Какъ вы смерти боитесь!—невольно вырвалось у Лунина.

— А вы не боитесь?

— Нѣтъ. Думаю, что нѣтъ.

— И я не боюсь, — сказалъ серьезно Эксакустодіанъ: — я тишины хочу и покоя. Вотъ поэтому я бунтовщиковъ не люблю. За безпокойство.

И вдругъ неожиданно прибавилъ:

— А вы знаете, я въ прошломъ году въ тюрьмѣ сидѣлъ.

— Вотъ какъ. За что?

— Къ сестрамъ рабочій одинъ приходилъ съ завода Прустъ. Думали, что ко мнѣ, и меня арестовали. Недѣли черезъ двѣ выпустили: я сказалъ, что вѣрноподданный, и тогда же въ „Громобой“ записался. А потомъ я слышалъ, что рабочаго этого повѣсили въ Варшавѣ.

— Не надо смерти бояться,—сказалъ задумчиво Лунинъ.

— Не надо? А вы голоса слышите?

— Какіе голоса?

— А я слышу. Тоненькіе такіе голоса: „Эксакустодіанъ! Я здѣсь... Эксакустодіанъ! Я жду“... А въ глазахъ—голубизна такая. А весной, когда еще мы въ городѣ жили, ко мнѣ рабочій этотъ варшавскій пришелъ. Показалось мнѣ, что звонокъ. Пошелъ я дверь отворить. Дѣло было въ сумеркахъ. Отворилъ—никого. Я заперъ дверь, и вдругъ, вижу, рядомъ стоитъ *онъ*. Я и думаю, какъ же онъ пришелъ... откуда?.. Забылъ сначала, что повѣсили его... А онъ, какъ и раньше былъ, рябой и борода рыжая. Поклонился мнѣ и говоритъ: „До свиданія, товарищъ“... А самъ въ коридоръ, не спѣша. И слышу, какъ сапоги поскрипываютъ.

— Какъ же вы толкуете это?

— А никакъ не толкую... Однако, будьте здоровы: мнѣ пора.

Лунинъ вздохнулъ свободно, когда ушелъ Эксакустодіанъ. Но тотчасъ же опять показалась на порогѣ его высокая, плоская фигура. И, задыхаясь, онъ прохрипѣлъ въ лицо Лунину:

— Я все знаю... Все знаю... Я не позволю... Пріѣдетъ мужъ Анны, я открою ему глаза, безчестный вы человѣкъ.

— Вы больны. Опомнитесь!—едва успѣлъ закричать вслѣдъ ему Лунинъ, потому что Эксакустодіанъ бросился бѣжать, не оглядываясь.

VII.

Вокругъ оранжереи висѣли китайскіе фонарики. Около ограды стояли шарабаны, коляски и линейки пріѣхавшихъ на спектакль дачниковъ.

Пришелъ князь Николай Николаевичъ, опираясь на палку. Сѣдой, строгій, съ усталыми умными глазами. Пріѣхала смотрѣть дочерей на сценѣ попадья, Авдотья Павловна, торжественная, въ сиреневой шляпкѣ; жужжали дачницы, осматривая наряды ревнивыми глазами.

Наконецъ, поднялся занавѣсъ.

Лунинъ смотрѣлъ на Анну и зналъ, что она это, и не узнавалъ ея.

Откуда эта страсть темная? И какъ полнозвученъ голосъ ея! Какъ мучительно прекрасны глаза эти!

„Мнѣ хоть умереть, да увидѣть его. Передъ кѣмъ я притворяюсь-то? Бросить ключъ? Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Онъ мой теперь... Будь что будетъ, а я Бориса увижу. Ахъ, кабы ночь поскорѣе“...

„И меня зовутъ Борисомъ“,—подумалъ Лунинъ.

Онъ былъ какъ во снѣ, какъ очарованный.

Опустили занавѣсъ, а передъ глазами Лунина все еще стояла безумная Катерина съ ключомъ въ рукѣ. И мерещились ея влюбленные глаза...

Лунинъ прошелъ за кулисы. Нельзя было узнать оранжерею, гдѣ такъ недавно было просторно, пахло влагой, листьями. Теперь здѣсь, за кулисами, суетились въ тѣснотѣ и уже инымъ пахло—пудрой, красками и еще чѣмъ-то театральнымъ...

Прошелъ Михневичъ съ подклеенной бородой, возбужденный, размахивая руками, и не замѣтилъ Лунина, хотя смотрѣлъ на него; Наташа торопливо своей горячей рукой пожала Лунину руку; за перегородкой, когда распахнулась занавѣска, видно было, какъ сидитъ передъ зеркаломъ княжна и горничная обсыпаетъ ей пудрой розоватую шею... Наконецъ, Лунинъ увидѣлъ Анну, и они отошли въ сторону, въ уголъ, гдѣ стояла кулиса—три березы.

— Анна! Ты — актриса, — сказалъ Лунинъ, съ восторгомъ вглядываясь въ безумные незнакомые глаза, съ фантастическими синими кругами подъ ними, въ странно-алый ротъ, въ это измѣнившееся и по новому влекущее лицо.

— Ахъ, я право не знаю, такъ ли надо играть. Я вѣдь по настоящему никогда не играла... Но тебѣ нравится, милый? Ну, ступай, ступай... Я вѣдь не Анна, я—Катерина сейчасъ...

Лунинъ отошелъ отъ нея, опьяненный ея глазами.

— Да, это не Анна... Это не только Анна. Какъ будто бы вошло въ душу Анны что-то новое—живое и страшное.

Послѣ спектакля большой компаніей отправились домой пѣшкомъ; одна лишь Авдотья Павловна поѣхала впередъ въ шарабанѣ.

Тусклозолотистая воздвиглась высоко въ небѣ луна, и отъ ея волшебнаго свѣта казалось, что въ лѣсу таятся бѣлыя фигуры, и нельзя было понять, кто это — живые или мертвые. И какъ будто бы луна вела съ землей безмолвную бесѣду тайными знаками. Холодная лунная душа открывала нашему міру свои извѣчныя правды, смутныя для земного сердца.

Луна всегда вліяла на Лунина, и теперь онъ шелъ какъ зачарованный. Не вѣрилось, что нѣтъ соотвѣтствія между лѣсомъ этимъ черносеребрянымъ и какой-то иной правдой, тамъ, въ омутѣ сердца.

— Какая тишина! — сказала Наташа, коснувшись теперь холодными пальцами руки Лунина.

— Да. Тишина... И вотъ все измѣнилось. И ваше лицо теперь иное. И руки стали холодными.

— У меня лихорадка,—прошептала Наташа, заглядывая въ глаза Лунину.

Лунинъ вспомнилъ, какъ говорилъ вчера Эксакустодіанъ, что у Наташи чахотка и что она умретъ скоро.

И тогда Наташа, какъ бы угадавъ его мысли, сказала, задыхаясь:

— Пойдемте тише. Я хочу сказать вамъ одно слово... О моей чахоткѣ...

— Какая чахотка?.. Не надо... Не надо...

— Борисъ Андреевичъ! Я хочу спросить васъ...

— Я слушаю васъ, Наташа.

— Я хочу спросить, что значитъ, если человѣкъ какой-нибудь покажется не такимъ, какъ всѣ; когда вдругъ вѣришь, что есть міръ безъ этого человѣка—простой, понятный, плоскій такой, и еще другой есть міръ—съ нимъ, съ человѣкомъ этимъ; и когда видишь этого человѣка, слышишь его голосъ, касаешься его рукой, все кажется таинственнымъ, непонятнымъ, глубокимъ. И тогда не боишься смерти, чахотки, ничего не боишься... Вотъ я теперь ничего не боюсь... Что это значитъ, Борисъ Андреевичъ?

— Это любовь, Наташа.

— Любовь? Ахъ, какъ страшно... Вы вѣрите мнѣ?

— Да, вѣрю, Наташа.

— Я никогда не спросила бы васъ объ этомъ, еслибы я не знала, что скоро умру.

— Зачѣмъ говорить такъ? Вы молоды...

— Я скоро умру... А вы... вы... Идите къ Аннѣ...

Наташа слегка оттолкнула руку Лунина и догнала ушедшихъ впередъ.

— Какая странная Наташа! — сказалъ Лунинъ задумчиво, подходя къ Аннѣ.

— Милый! Будь съ нею осторожнѣй! — прошептала Анна, прижимаясь къ плечу Лунина:—она влюблена въ тебя.

VIII.

Наступали событія странныя и тревожныя. Подымалась волна людская и несла свой высокій гребень отъ Восточной Сибири до Великороссіи; съ новымъ порывомъ Богъ вѣсть откуда прилетѣвшаго урагана вздымались новыя косматопѣнныя волны и, шумя, неслись отъ Петербурга до Черноморья.

И вокругъ Пустынина закружилась, заметалась жизнь, какъ ласточка передъ грозой. Забастовали по сосѣдству фабрики суконныхъ издѣлій купцовъ Растороповыхъ. Два дня ходили рабочіе съ краснымъ флагомъ и пѣли громко „Вставай, подымайся"... Пустынинскіе парни читали книжечку „На Бога надѣйся, а самъ не плошай". И книжечка нравилась молодежи... Въ княжескаго управляющаго кто-то бросилъ камнемъ, когда онъ проѣзжалъ по деревнѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и теперь управляющій ходилъ съ подвязанной рукой.

Жена Михневича, Александра Григорьевна, совсѣмъ забросила ребятъ и цѣлый день возилась съ мимеографомъ; Наташа по воскресеньямъ читала въ школѣ мужикамъ Глѣба Успенскаго, и потомъ долго кашляла, и на щекахъ у нея выступали красныя пятна; поговаривали, что скоро черезъ Пустынино проѣдетъ самъ Сергѣй Ивановичъ, а пока студентъ Чепраковъ обрилъ себѣ бороду для конспираціи и, когда ходилъ къ растороповскимъ рабочимъ, бралъ съ собою браунингъ.

Въ это же время въ трактирѣ собирались политики ради Ѳедька Хромой, купецъ Тароватовъ и Эксакустодіанъ Григорьевичъ Томилинъ. Они пили пиво.

Купецъ Тароватовъ говорилъ:

— Ежели дѣвокъ къ участію въ прибыляхъ господинъ Михневичъ допустилъ, что же выйдетъ изъ такого, съ позволенія сказать, огорода? Я бы дѣвокъ лозой, а Михневича господина—куда Макаръ телятъ не гонялъ. А давеча вотъ пришелъ ко мнѣ въ лавку Савельевъ сынъ и говоритъ: „Кровопійца ты и жуликъ, Тароватовъ“. Я—за безменъ, а онъ мнѣ изъ двери кричитъ: „Ужо брюхо тебѣ распотрошимъ, такой-сякой“... Ежели мы, господа, не обратимся къ губернатору, насчетъ казаковъ, никакой возможности жить не будетъ.

Ѳедька Хромой яростно перебивалъ:

— Дѣло, купецъ, не въ казакахъ, а въ русскомъ чувствѣ. Патріотъ ты или нѣтъ? Говори прямо.

— Я патріотъ.

— А ежели ты патріотъ, по какому такому праву у тебя до сихъ поръ значка нѣтъ?

— Да я бы не прочь, Ѳедя: только вѣдь, ты говоришь, сто рублей вносить надо. А вотъ Эксакустодіанъ Григорьевичъ безъ денегъ въ истинно-русскіе люди произведенъ...

— Эксакустодіанъ Григорьевичъ — образованный человѣкъ, а ты кто? Хамъ...

— Ѳедя! Ты не бранись... Что-жъ, я сто рублей могу...

Тогда вступилъ въ бесѣду Эксакустодіанъ. Говорилъ онъ вдохновенно, блѣдный, и теперь глаза его не были тусклыми.

— Россія гибнетъ отъ размягченія сердецъ. Люди забыли Бога и своего Государя. Ожидовѣла Россія. Жиды всегда суетятся, потому что душа у нихъ мышиная. Жиды суетою Россію заразили. А мы, русскіе люди, суеты не желаемъ. Правильно я говорю?

— Правильно, Эксакустодіанъ Григорьевичъ, правильно.

— Нужно въ холодѣ сердца наши укрѣпить. Никого не пожалѣемъ, Россію-матушку пожалѣемъ.

Эксакустодіанъ стукнулъ по столу кулакомъ.

— Погромъ—говорите? Ну, чтожъ. Погромъ такъ погромъ... Лучше жидовскую кровь пролить, чѣмъ Россію великую погубить.

Кашель душилъ Эксакустодіана.

— Мы, русскіе люди, благообразія и тишины желаемъ. Лучше благообразно умереть, чѣмъ жить по собачьи, по жидовски и спѣшить куда-то къ чорту на рога. Весь нашъ прогрессъ гроша мѣднаго не стоитъ, и забыли мы исконные завѣты и серьезность нашу великороссійскую. Правильно ли я говорю?

— Правильно, Эксакустодіанъ Григорьевичъ, правильно...

— Народный Домъ выдумали! Знаемъ мы дома эти... Зачѣмъ дома? Митинги устраивать, бунты заваривать. Вчера исправникъ пріѣхалъ: печати снялъ... Бумагу привезъ: Общество Трезвости утверждено... Князь на свою голову, старый дуракъ, хлопоталъ. Не позволимъ дома открывать... Къ чорту!..

— Не позволимъ...

— А по моему, — завизжалъ Ѳедька, подымая волосатый кулакъ:—а по моему проучить пора крамольниковъ...

Ѳедька нагнулся къ Эксакустодіану и что-то прошепталъ ему на ухо...

— Вѣрно! — крикнулъ Эксакустодіанъ, сверкая глазами: — вѣрно. Я согласенъ...

И опять кашель сталъ душить его.

Въ понедѣльникъ, когда народъ былъ въ полѣ, закурился синеватый дымокъ надъ Народнымъ Домомъ. Первымъ замѣтилъ его графъ, мимо проѣзжавшій на велосипедѣ. Онъ поспѣшилъ на станцію, гдѣ стояли бочки и насосъ пожарный. А когда удалось графу, и не безъ труда, заставить кое-кого взяться за машину и помочь запречь лошадей и когда, наконецъ, подъѣхали бочки къ Народному Дому, онъ былъ уже весь въ огнѣ.

Вокругъ толпились мужики, прискакавшіе съ поля. Теперь они стояли равнодушно и смотрѣли какъ посторонніе.

— Ишь ты тишина какая! — сказалъ кто-то, безсмысленно ухмыляясь.

Дымъ стоялъ прямымъ столбомъ, и огонь, то алѣя, то закручиваясь въ лиловые плащи, сжигалъ балки и стропила, какъ хорошо изготовленный сухой костеръ.

Облака, низко спустившіяся, казались коричневыми съ красной каймой по краямъ.

Въ шарабанѣ пріѣхали Анна Григорьевна и Михневичъ. Примчался за ними Сверчокъ.

Онъ сталъ, какъ вкопанный, и протяжно завылъ. Михневичъ вылѣзъ изъ шарабана и самъ взялся за насосъ. А когда огонь сталъ гаснуть, Михневичъ подошелъ ближе и, что-то замѣтивъ, позвалъ мужиковъ.

— Это что? — сказалъ онъ, указывая на жестяную посуду изъ-подъ керосина.

— Ахъ, грѣхъ какой!—сказалъ, качая сѣдой головой, одинъ изъ мужиковъ:—ахъ, грѣхъ какой! Это дѣло рукъ Ѳедьки Хромого...

— Онъ ужъ давно похвалялся балаганъ сжечь... Ахъ, дьяволъ!

Лунинъ пришелъ, когда пожаръ кончился. Жутко было смотрѣть на черныя обуглившіяся бревна и на зіявшія окна. Пахло горько гарью. А небо, теперь безоблачное, синѣло надъ пожарищемъ, какъ будто бы ничего не случилось.

Къ Лунину подошла Анна Григорьевна.

— Какая тоска!—сказала она.—Какая тоска! Поѣдемъ къ намъ, Борисъ. Тебя хочетъ видѣть Наташа. Ей совсѣмъ худо. Былъ докторъ и сказалъ, что ни за что не ручается. Подумать страшно. Господи!

Въ комнатѣ Наташи пахло креозотомъ. Она сидѣла въ креслѣ, у окна—вся прозрачная, съ обозначившимися голубоватыми линіями подъ тонкой кожей.

Она печально улыбнулась Лунину и прошептала:

— Солнце какое! Солнце!

И въ самомъ дѣлѣ четыреугольникъ окна сіялъ золотомъ. А за нимъ томно дышалъ благоуханный іюль.

— Я счастливая, — сказала Наташа: — я люблю... Я тебя люблю, Анна.

Анна сѣла на полъ, у ногъ Наташи, и прижалась головой къ ея колѣнямъ.

— А его можно любить?—прошептала Наташа, показывая глазами на Лунина:—вѣдь *теперь* мнѣ можно? *Теперь* мнѣ не стыдно сказать, что люблю я...

Лунинъ сталъ на колѣни и прижался губами къ маленькой прозрачной рукѣ.

IX.

„Не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи во тмѣ преходящія, отъ сряща и бѣса полуденнаго“...

Казалось, что не умерла Наташа, что спитъ она, что цвѣты и ладанъ и все вокругъ—сонъ ея, и что вотъ проснется она—и тогда жизнь будетъ истинная.

И вотъ прозвучалъ вѣчный зовъ, влекущій сердце:

— „Богородице безневѣстная, вѣрныхъ спасеніе“...

Тихо было въ церкви: одинъ только Эксакустодіанъ то рыдалъ, то повторялъ громко тропарь:

— „Погибшее овча азъ есмь, воззови мя, Спасе, и спаси мя...“

— „Бѣсъ полуденный“... — думалъ Лунинъ:—Что это значитъ?

А когда онъ, послѣ Анны Григорьевны, поднялся на возвышеніе и, перекрестившись, коснулся губами руки Наташи, а потомъ вѣнчика, онъ вспомнилъ, какъ три дня назадъ говорила Наташа: „Теперь мнѣ не стыдно сказать, что люблю я"...

Былъ знойный день. Подъ ногами трава шуршала, какъ бумага, когда Лунинъ, Бешметьевъ, Чепраковъ и Эксакустодіанъ несли гробъ Наташи на кладбище.

Вокругъ могилы пряно пахло вербеной и резедой. Тонко и нѣжно пѣли мальчики-пѣвчіе: „Упокой, Господи, рабу Твою"...

— Можно зайти къ вамъ сегодня вечеромъ?—спросилъ шопотомъ Бешметьевъ, наклонившись къ Лунину.

— Пожалуйста.

А хоръ пѣлъ:

— „Ты мене утверди въ любви Твоей".

На могилу положили три вѣнка. Одинъ былъ съ красной лентой. И на немъ была надпись: „Товарищу Наталіи". Положили его какіе-то смуглые парни въ рабочихъ блузахъ.

Вечеромъ пришелъ къ Лунину Бешметьевъ.

— Я къ вамъ по дѣлу, Борисъ Андреевичъ... А если не вò-время, я уйду.

— Пожалуйста, пожалуйста...

— Княжна поручила мнѣ просить васъ написать ея портретъ. Она—ваша почитательница и была бы счастлива, еслибы вы согласились ее написать.

— Только не теперь, только осенью, въ городѣ... Здѣсь не могу, право,—сказалъ Лунинъ, виновато улыбаясь.

— Хорошо. Я такъ и скажу княжнѣ.

Графъ поднялся, чтобы проститься, но Лунинъ задержалъ его руку въ своей.

— Вы спѣшите? А я такъ былъ бы радъ, еслибы вы посидѣли.

— Нѣтъ, я не спѣшу. Я думалъ, вы заняты.

— Вотъ вашъ портретъ я бы съ охотой написалъ, — сказалъ Лунинъ, вглядываясь въ темные огни его глазъ и въ ротъ страстный и какъ бы надменный.

— И ваше лицо волнуетъ меня,—сказалъ графъ:—мнѣ кажется, что во многихъ портретахъ, вами написанныхъ, есть ваши черты; какъ будто изъ души вашей что-то отдаете вы...

— Да вѣдь это всегда такъ. Вѣдь, иначе и нельзя... А вотъ Анну Григорьевну пробовалъ я писать. Ничего не вышло. Не сумѣлъ. А жаль мнѣ.

— Какъ странно!

— А это потому, должно быть, что я боялся *свое* вложить: мнѣ хотѣлось совсѣмъ просто написать, чтобы красоту ея сохранить. И вотъ не вышло...

— Какъ страшно жить такъ, какъ вы: всегда около искусства. Вѣдь искусство—колдовство... Вѣдь одинъ шагъ—и уже разучишься вѣрить, что дважды два — четыре. А безъ таблицы умноженія съ ума можно сойти...

— А я думаю, что не только художникамъ, но и вообще многимъ современникамъ нашимъ трудно теперь вѣрить въ логику и въ прочность нашего отношенія къ міру. Всѣ мы живемъ фантастически.

— О, да! Да! — поспѣшилъ согласиться Бешметьевъ: — это вы правду сказали: мы живемъ фантастически. Отчего бы это? Вотъ сейчасъ революцію переживаемъ мы — и я совсѣмъ внѣ политики, но, представьте себѣ, я чувствую революцію какъ-то особенно, и мнѣ все кажется, какъ будто бы вѣютъ надъ Россіей какія-то силы тайныя. Я объ этомъ не говорю никогда, но вотъ съ вами мнѣ хочется говорить. И я думаю, что силы эти на все вліяютъ... И особенно на любовь нашу. Въ восьмидесятыхъ, скажемъ, годахъ люди не такъ любили, какъ мы теперь. Отчего бы это? Мы любимъ болѣзненно, тревожно, а иногда видимъ свѣтъ какой-то голубой и слѣпнемъ отъ сіянія, потому что его недостойны.

— Я это очень понимаю,—сказалъ Лунинъ тихо, какъ бы взвѣшивая свои слова:—я это понимаю, но, можетъ быть, все, что вы говорите о новой любви и о тревогѣ нашей, все это—участь немногихъ, а тамъ гдѣ-то, среди полей, да и вообще въ провинціальной Россіи, по иному переживаютъ революцію—болѣе трезво, плоско и дѣловито.

— А я этого не думаю, Борисъ Андреевичъ. Тамъ, въ глубинѣ Россіи, не такими словами говорить станутъ на эту тему, но въ сущности полевая Россія такъ же безумна, какъ и нашъ безумный Петербургъ...

Бешметьевъ посмотрѣлъ на часы и сталъ торопливо прощаться.

— Ахъ, мнѣ пора, пора. А вы знаете, Борисъ Андреевичъ, у меня какое-то предчувствіе есть: что-то насъ должно связать въ жизни. А что именно—Богъ знаетъ.

Въ это время на террасу, шлепая босыми ногами, вошелъ мальчишка и подалъ Лунину письмо.

— Простите, пожалуйста! — сказалъ, почему-то волнуясь, Лунинъ и распечаталъ конвертъ.

Въ письмѣ было сказано:

„Борисъ! Пріѣхалъ мужъ неожиданно. Сидитъ сейчасъ у меня. Приходи ко мнѣ. Не хочу, не могу оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ. Пока не сказала ему ничего. Приходи, милый. Жду. Твоя Анна“.

X.

Дача Анны Григорьевны стояла на краю просѣки, по сосѣдству съ дачей отца Григорія. Передъ террасой росли кусты розъ, и благоуханіе ихъ всегда волновало Лунина. И сейчасъ, когда онъ взялся рукой за калитку, голова его блаженно закружилась и сердце забилось чаще и радостнѣе.

Маркизы были спущены, и только видно было, что на столѣ лампа и кто-то высокій стоитъ посреди террасы.

Лунинъ вошелъ, молча, со смутной надеждой, что выяснится, наконецъ, все—и скоро, сейчасъ же. И ему казалось, что онъ ко всему готовъ.

Передъ Лунинымъ стоялъ высокій, плотный господинъ въ инженерной формѣ, красивый и надменный, съ сѣрыми пустыми глазами, съ чертами лица какъ бы геометрически правильными, съ русой бородой, расчесанной безукоризненно.

Инженеръ вопросительно смотрѣлъ на Лунина.

— Я—Лунинъ... Анна Григорьевна дома?

Инженеръ протянулъ руку.

— Полянскій... Я хотѣлъ съ вами познакомиться... Слышалъ о васъ отъ моего beau-frère, Эксакустодіана Григорьевича... Вчера онъ былъ въ Москвѣ, и мнѣ довелось его видѣть.

„Знаетъ или не знаетъ?“—подумалъ Лунинъ, нерѣшительно пожимая руку Полянскаго.

Рука Полянскаго была какъ изъ стали, и что-то было въ немъ твердое, механическое. „Автомобиль“—вспомнилъ Лунинъ Наташино сравненіе.

Въ это время вышла Анна, въ траурномъ платьѣ, блѣдная и строгая. Она поздоровалась съ Лунинымъ и пристально посмотрѣла ему въ глаза, какъ будто спрашивая его, что надо дѣлать теперь.

— Петръ Ильичъ пріѣхалъ сегодня вечеромъ,—сказала она, какъ будто удивляясь его пріѣзду.

— Да, да... Такія дѣла... И сегодня въ половинѣ перваго ѣду въ Москву на три дня. Потомъ вернусь.

— Я годъ учился въ политехническомъ институтѣ,—сказалъ Лунинъ неожиданно и некстати,—и потомъ бросилъ, поступилъ въ академію и на филологическій одновременно: испугался математики, точности и, главное, необходимой дѣловитости. Я лѣнивъ безнадежно... Вотъ вы сейчасъ сказали: „дѣла", а мнѣ даже страшно стало.

— А я безъ точнаго плана жить не могу,—сказалъ Полянскій серьезно и строго:—Лапласъ когда-то высказалъ мысль, что возможна идеальная математическая формула, охватывающая всю сложность жизни. Я раздѣляю эту мысль. И мнѣ кажется, что мы должны жить, облегчая задачу гипотетическаго математика, то-есть жить проще, планомѣрнѣе, яснѣе. Лѣнь всегда фантастична. Лѣнтяй—всегда поэтъ. А поэзію труднѣе всего выразить въ математическихъ терминахъ. По моему, поэзія для человѣчества—занятіе преждевременное и потому вредное. Вѣдь нельзя одиннадцатилѣтнему мальчику заниматься любовью. Это для него безнаказанно не пройдетъ. Мы еще ариѳметики не знаемъ, а намъ предлагаютъ Петрарку и Гёте.

— То, что вы говорите, Петръ Ильичъ, весьма остроумно, можетъ быть, но я никакъ съ вами не долженъ соглашаться, по причинамъ отчасти неожиданнымъ. Вы думаете, я буду доказывать, что искусство полезно и необходимо для всѣхъ возрастовъ человѣчества? Нѣтъ, я полагаю, что искусство—болѣзнь, опасная, а иногда и смертельная. Но я не хочу „естественнаго" развитія человѣчества. Я хочу бороться съ глупой закономѣрностью міроваго порядка—вотъ смыслъ художества. Бетховенъ, Винчи, Достоевскій—это все великолѣпные безумцы, и они заразительны. Міръ сойдетъ съ ума, если всѣ станутъ художниками, и это неестественный, но за то воистину достойный конецъ міра. А думать о концѣ міра надо, потому что идея конца—благородная и чистая идея, и всегда безкорыстная.

— Еслибы я былъ законодатель,—сказалъ медленно Полянскій, направляя свой упорный, стальной взглядъ прямо въ лицо Лунину:—я бы казнилъ всѣхъ художниковъ. Я съ вами согласенъ: художество—болѣзнь. И надо истреблять заразу и паразитовъ.

— Художника невозможно убить,—улыбнулся, не безъ горечи, Лунинъ:—художникъ всегда воскресаетъ такъ или иначе. Умретъ художникъ и картины его могутъ испепелиться, но останется легенда о немъ, и это, быть можетъ, опаснѣе, чѣмъ самая картина. Примѣръ—Леонардо да-Винчи.

— Какъ странно,—сказала Анна Григорьевна, съ тревогой

и любовью смотря на Лунина, — какъ странно: вы только что познакомились, и вотъ разговоръ объ искусствѣ, и *такой* разговоръ!

— А вы съ кѣмъ изъ насъ согласны?—спросилъ Лунинъ и тотчасъ пожалѣлъ о томъ, что спросилъ такъ.

— Я ничего не знаю. У меня мыслей объ этомъ нѣтъ. Я слѣпая. И, должно быть, искусствомъ я больна безнадежно. Я люблю его и гибну, быть можетъ.

Всѣ замолчали.

— Я люблю и гибну, быть можетъ,—повторила Анна грустно и тихо.

— А мнѣ пора уходить отсюда,—сказалъ Полянскій, взглянувъ на часы.

— Значитъ, въ четвергъ.

— Да, Анна.

— Позвольте и мнѣ проститься,—сказалъ Лунинъ нерѣшительно.

Они сошли вдвоемъ со ступенекъ террасы во мракъ сада.

— Сегодня луны нѣтъ,—пробормоталъ Лунинъ.

Полянскій молча вынулъ изъ кармана электрическій фонарь. Засіялъ мертвый свѣтъ, какъ отъ прожектора, а по сторонамъ мракъ сталъ чернѣе и ужаснѣе. Они отошли шаговъ сорокъ отъ террасы, не разговаривая.

Неожиданно Полянскій разсмѣялся.

— Прощайте!—сказалъ онъ:—я раздумалъ ѣхать въ городъ.

Онъ быстро зашагалъ домой, освѣщая себѣ путь фонаремъ.

Лунинъ остался одинъ во мракѣ.

— Что̀ дѣлать? Что̀ дѣлать?—шепталъ онъ въ ужасѣ.

Съ трудомъ добрелъ онъ до своей дачи, шатаясь какъ пьяный, едва угадывая узенькую дорожку.

Не снимая шляпы и не выпуская изъ рукъ палки, онъ ходилъ по террасѣ. На столѣ горѣла лампа.

— Что̀ дѣлать? Что̀ дѣлать?—шепталъ Лунинъ.

И вдругъ ему показалось, что скрипнула калитка и кто-то идетъ по дорожкѣ.

— Кто это?—громко спросилъ Лунинъ, и уже зналъ кто, и уже шелъ навстрѣчу.

Анна была блѣдна и дрожала.

Лунинъ прижался губами къ ея рукѣ.

— Ты ему все сказала?

— Да.

XI.

Когда Бешметьевъ въ коляскѣ подъѣхалъ къ дачѣ Лунина, только что разсвѣло: былъ шестой часъ. Лунинъ стоялъ передъ зеркаломъ и завязывалъ галстухъ. У него болѣли зубы, и мучительная боль мѣшала ему сосредоточиться и обдумать свое положеніе.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросилъ графъ, пожимая Лунину руку.

— Болятъ зубы,—сказалъ Лунинъ, съ завистью взглянувъ на здороваго Бешметьева,—ни о чемъ думать не могу.

— Вотъ еще исторія! Не отложить ли?

— Нѣтъ, что̀ вы! Что̀ вы! — испугался Лунинъ: — Какъ можно!..

Они сѣли въ коляску. Ящикъ съ пистолетами поставили въ ногахъ. Утро было туманное.

— Вамъ удобно?—спросилъ графъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ тяжело больными или съ дѣтьми.

— Да. Очень.

Коляска миновала просѣку, и вокругъ стало просторно, но туманъ куталъ землю своей пеленой, и трудно было повѣрить, что за сѣролиловой завѣсой ничего не таится.

Ѣхали сначала мимо парового поля, съ котораго поднялась стая воронъ, протяжно каркая. Солнечные лучи какъ будто растворились во влажномъ туманѣ. Было сыро.

Неожиданно изъ мглы сѣрой выросла мельница. Крылья двигались, какъ живыя, и жалобно скрипѣли. Потомъ глухо зазвучалъ колоколъ, потомъ раздался жидкій звонъ маленькихъ колоколовъ: выдвинулась изъ тумана черная церковь, колокольня, погостъ съ алѣющими кое-гдѣ лампадками.

Коляска тихо спускалась съ горы, и теперь туманъ похожъ былъ на молоко—густой и бѣлый. Лошади фыркали.

Оттого что у Лунина мучительно болѣли зубы, чувство общаго здоровья у него повысилось, какъ это всегда бываетъ, когда человѣкъ испытываетъ острую боль въ одной точкѣ тѣла. И отъ этого повышеннаго чувства здоровья и силы все казалось Лунину необыкновенно красивымъ, влекущимъ и милымъ. Смутныя краски тумана и неопредѣленные контуры построекъ, возникавшіе время отъ времени, волновали Лунина. И онъ думалъ о томъ, что прекраснѣе этого міра—пусть исполненнаго боли и скорби—

ничего быть не можетъ, и ему хотѣлось жить. И онъ твердо вѣрилъ, что не умретъ.

Графъ крикнулъ кучеру:

— Направо!

Коляска свернула съ дороги и, покачиваясь, ѣхала теперь напрямикъ, по кочковатому лугу. Вдали виднѣлась синяя полоска—озеро.

Проѣхали такъ шаговъ двѣсти, и тогда можно было разсмотрѣть черные силуэты около одинокой березы, сухой, сожженной когда-то грозой.

Полянскій, Эксакустодіанъ и маленькій, круглый человѣкъ съ сонными глазками, незнакомый Лунину, очевидно—докторъ, стояли около березы и курили. Повидимому, экипажъ свой они отправили куда-то.

Графъ поклонился и сказалъ:

— Прошу извинить. Мы, кажется, опоздали.

Полянскій посмотрѣлъ на часы.

— Нѣтъ, графъ, вы точны.

Бешметьевъ предложилъ Эксакустодіану осмотрѣть пистолеты. И тотъ взялъ ихъ и неумѣло повертѣлъ въ рукахъ, очевидно не зная, что̀ съ ними дѣлать.

Солнце, закутанное до того времени въ лохматыя ткани облаковъ, теперь сбросило покровы и неожиданно расцвѣло на небѣ. Туманъ сталъ таять и уползалъ куда-то, расплываясь по землѣ.

— Итакъ, на пятнадцать шаговъ, — сказалъ графъ, ни къ кому не обращаясь.

Онъ отломилъ двѣ сухія вѣтки и поставилъ барьеръ.

Когда Полянскій и Лунинъ взяли пистолеты и разошлись, графъ сказалъ сухо и холодно, какъ заученный урокъ:

— Господа! вы доказали вашу готовность драться и тѣмъ поддержали ваше достоинство. Ссора, которая произошла между вами пять дней тому назадъ, можетъ быть предана забвенію, на мой взглядъ. Господинъ Полянскій, я считаю своимъ долгомъ предложить вамъ отказаться отъ вызова и примириться съ господиномъ Лунинымъ.

— Я не хочу примиренія,—сказалъ Полянскій твердо.

— Дуэлянты дерутся до первой крови?—спросилъ Эксакустодіанъ.

— Да. Условія не мѣняются, — пробормоталъ тихо Бешметьевъ и, возвысивъ голосъ, сказалъ:—Сходитесь, господа. Разъ... Два... Три...

Первымъ выстрѣлилъ Полянскій.

— А... О... А!..—крикнулъ Лунинъ и уронилъ пистолетъ.

Полянскій опустилъ руку и спокойно стоялъ у барьера. Лицо его не измѣнилось. Своими сѣрыми пустыми глазами онъ смотрѣлъ на Лунина, поблѣднѣвшаго отъ боли, какъ будто не замѣчая его.

— За вами выстрѣлъ, если можете стрѣлять,—сказалъ графъ Лунину.

— Хочу, хочу,—сказалъ Лунинъ, улыбаясь, и, неловко нагнувшись, взялъ пистолетъ. Онъ выстрѣлилъ, не подходя къ барьеру...

Когда докторъ, чтобы нащупать сердце, повернулъ Полянскаго на спину, глаза его, теперь неподвижные, были, какъ всегда, пусты; лицо было похоже на маску. И борода его показалась Лунину приклеенной.

XII.

Въ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ октябрьскихъ дней въ Петербургѣ, когда прозрачность воздуха неожиданно открываетъ перспективу длинныхъ и прямыхъ улицъ, обычно закутанныхъ въ туманъ, изъ дома номеръ первый по улицѣ Жуковскаго вышелъ господинъ съ усталымъ лицомъ, съ глазами до странности тревожными и со скорбною морщиною около бровей. Изъ-подъ мягкой шляпы выбивались непослушныя сѣдыя пряди. Это былъ Борисъ Андреевичъ Лунинъ. Три года прошло съ тѣхъ поръ, когда около озера пустынинскаго убилъ онъ на дуэли инженера Полянскаго...

Лунинъ повернулъ по Литейному на Невскій; шелъ, постукивая палкой, любуясь предвечерними красками, чувствуя, какъ близкую, торопливую петербургскую толпу... И отъ строгой прелести сѣвернаго города и этой изнемогающей осени голова художника кружилась сладостно.

Осень воистину была прекрасна; она вѣяла надъ старымъ гранитомъ, надъ великолѣпіемъ темныхъ камней, вѣяла своимъ нѣжнымъ опахаломъ. Петербургскій вечеръ окутывалъ завороженной сѣтью дома, церкви, лица прохожихъ... Сверкали электрическіе огни, кинематографы, витрины, вывѣски; голубыя зарницы трамваевъ загорались на мигъ—и вновь, и вновь...

И вечерній запахъ морского вѣтра, тонкій, едва уловимый, раздражалъ чуткія ноздри, дразнилъ, волновалъ и звалъ куда-то въ иныя страны, гдѣ просторъ и фіолетовое небо...

Лунинъ ходилъ неустанно по улицамъ, переулкамъ, площадямъ, не думая о пути, пока не очутился около зданія театра.

Подъѣзжали экипажи вереницей, и усатый приставъ грозно кричалъ на извозчиковъ:

— Пошелъ! Не задерживай! Пошелъ!

Лунинъ вмѣшался въ толпу и вошелъ въ театръ.

Контролерша-барышня поклонилась ему почтительно. Въ бѣломъ съ колоннами зрительномъ залѣ сдержанно шумѣла публика первыхъ представленій.

— Я не люблю Ибсена за его нарочитую серьезность и, по правдѣ сказать, дурной вкусъ,—говорилъ извѣстный художникъ, съ подстриженными усами и съ женственными губами, капризно очерченными.

Какой-то молодой человѣкъ, съ краснымъ макомъ въ петлицѣ, почтительно его слушалъ, счастливый, что говоритъ съ самимъ Ломовымъ.

Прошла высокая дама въ черномъ. И за ней слѣдовалъ, никого, повидимому, не замѣчая вокругъ, молодой человѣкъ, блѣдный, безбородый, съ безкровными губами, съ глазами мертвенно-сѣрыми.

Кто-то сказалъ сосѣду:

— Это Гертъ, поэтъ.

Нѣсколько человѣкъ обернулось, чтобы посмотрѣть на Герта.

— Мечтай, люби и улыбайся, мой другъ, и не надо, не надо резонерствовать,—говорилъ извѣстный Нузматовъ, съ огромными круглыми глазами, подведенными, темноблистающими...

И грустная умная улыбка накрашенныхъ губъ не вязалась съ оптимизмомъ его заповѣди.

Русоволосый студентъ, съ круглымъ ребяческимъ лицомъ, смущался и краснѣлъ. Ему что-то нашептывалъ господинъ небольшого роста, съ холенными усами, улыбаясь не то нѣжно, не то насмѣшливо.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Я не могу, Петроній...

Тотъ, кого студентъ назвалъ Петроніемъ, засмѣялся и продекламировалъ:

„Любви утѣхи длятся мигъ единый“...

Кто-то въ толпѣ сказалъ:

— Смотри направо... Это—Лунинъ...

— Тотъ самый?

— Да.

— Но какова Томилина! Въ одинъ годъ завоевать театръ, публику... Это не часто случается...

— Талантъ, братецъ.

Раздвинулся занавѣсъ.

Вотъ — Анна. Опять, близкая и чужая, съ новымъ и непонятнымъ лицомъ. Вотъ она, въ траурномъ платьѣ, подходитъ къ окну и смотритъ въ какую-то даль, чуждую для него, Лунина, но ее влекущую.

„*Онъ* и вчера *тамъ* прошелъ. Но вотъ посмотримъ теперь"...

Потомъ входитъ какой-то высокомѣрный господинъ и указываетъ на цвѣты.

„Вездѣ цвѣты"...

„*Онъ* ужасно любитъ свѣжіе, живые цвѣты вокругъ себя".

„И вы, повидимому, также?"

„Да. По моему, они такъ сладко одурманиваютъ своимъ ароматомъ. Прежде *намъ* приходилось отказывать себѣ въ этомъ удовольствіи".

Тогда высокомѣрный и строгій господинъ качаетъ головой:

„Бѣдная *покойница* не выносила запаха цвѣтовъ".

Лунинъ плохо понималъ, о *чемъ* говорятъ тамъ за рампой, но онъ чувствовалъ, что Анна живетъ сейчасъ какою-то *настоящею* жизнью, недоступною для него, и страдалъ отъ этого.

Голосъ Анны чаровалъ Лунина.

„Боюсь, что привидѣнія эти"...

Лунинъ вздрогнулъ.

— Что? Что такое?

И опять звучитъ въ сердцѣ голосъ:

— „Боюсь, что привидѣнія эти..."

Занавѣсъ сдвинулся.

Въ антрактѣ Лунинъ съ трудомъ узнавалъ тѣхъ, кто подходилъ къ нему здороваться, и разсѣянно слушалъ любезныя слова о талантѣ Анны Григорьевны. И къ волненію, которое онъ испытывалъ отъ игры Анны, примѣшивалось еще странное безпокойство. Ему казалось, что кто-то упорно смотритъ на него сейчасъ, кого онъ не видитъ.

Начался второй актъ.

Неизвѣстный господинъ, съ чужими и страшными глазами, стоитъ рядомъ съ Анной и говоритъ:

„Вѣдь радость облагораживаетъ душу".

И снова, волнуя, звучитъ голосъ Анны:

„А ты не думаешь, что и горе тоже? Великое горе?"

„Да... Если человѣкъ сможетъ пережить его. Превозмочь его. Перешагнуть черезъ него".

„Вотъ это и надо сдѣлать".

— Кому говоритъ это Анна? Не ему ли?

И Лунину казалось, что глаза ихъ встрѣтились.

Во второмъ антрактѣ къ Лунину подошелъ господинъ лѣтъ тридцати, съ низкимъ лбомъ, съ черными на немъ кудрями, съ глазами мечтательными и злыми. Онъ улыбался, обнажая зубы, неестественно бѣлые.

— Вы не узнаете меня?

— Простите, не узнаю,—сказалъ Лунинъ.

— Графъ Бешметьевъ.

— Ахъ, Боже мой!

— Моя жена хотѣла бы возобновить съ вами знакомство. Она сейчасъ здѣсь, въ ложѣ. Вы вѣдь помните ее дѣвушкой—княжна Ховрина...

— Какъ вы измѣнились!—невольно вырвалось у Лунина, когда онъ вошелъ въ ложу Бешметьевыхъ.

— А мнѣ кажется, я мало измѣнилась,—сказала графиня, протягивая маленькую нѣжную руку съ тонкими пальцами.

— Значитъ, раньше я не умѣлъ васъ видѣть.

— Я показалась вамъ тогда такой незначительной,—улыбнулась графиня:—вы даже отказались писать мой портретъ.

— Не совсѣмъ такъ,—сказалъ серьезно Лунинъ:—я хотѣлъ отложить: писать осенью. А осенью не пришлось: я долженъ былъ уѣхать за границу.

— А еслибы я теперь попросила васъ написать меня? Вы согласились бы?

Лунинъ посмотрѣлъ на ея надменную голову, на сѣрые гордые и жестокіе глаза, на нѣжно-алыя чувственныя губы и сказалъ, какъ бы раздумывая:

— Да. Я буду писать васъ... Да. Я буду писать васъ...

Въ третій разъ раздвинулся занавѣсъ.

Кто-то говоритъ шопотомъ:

„Никогда не восторжествовать тому дѣлу, начало которому положено во грѣхѣ“.

И Анна отвѣчаетъ:

„Ахъ, эта родовая мнительность... У васъ тутъ ходитъ повѣрье, что мертвецы возвращаются на землю“...

Странныя и жуткія слова волновали Лунина. И что-то еще по иному волновало его. Онъ остался въ ложѣ Бешметьевыхъ, и запахъ духовъ Любови Николаевны, освѣщенная наполовину ея розоватая шея и вьющіеся волосы на затылкѣ—все мѣшало Лунину сосредоточиться.

Послѣ третьяго акта Лунинъ пошелъ за кулисы.

Около уборной Анны стояла новая горничная, которая не знала Лунина, и когда онъ хотѣлъ отворить дверь, она взялась за ручку и сказала строго:

— Нельзя-съ такъ... Какъ прикажете доложить?

Въ это время изъ уборной вышелъ прославленный беллетристъ Ардальонъ Сергѣевъ. Пахло отъ него коньякомъ...

Онъ фамильярно пожалъ руку Лунину и для чего-то пробормоталъ съ пьяной улыбкой:

— Таланты и поклонники... А? Что?

Въ уборной Лунинъ засталъ цѣлое общество. Здѣсь торчалъ высокій господинъ, съ бритой физіономіей, рецензентъ большой газеты; меценатъ Туберозовъ, не смотря на безмѣрную тучность свою, жиденькимъ голосомъ пѣлъ хвалы Аннѣ; умирали отъ конфуза два по уши влюбленные въ Анну студента... Въ уборной отъ множества цвѣтовъ было душно, какъ въ теплицѣ. Анна сидѣла передъ зеркальнымъ триптихомъ загримированная и потому чужая для Лунина: теперь лицо ея казалось страшнымъ и особенно значительнымъ, какъ будто бы она не надѣла, а совлекла личину, ту обыденную личину, которая наскучила ей, наконецъ. И какъ ужасно, какъ очаровательно было теперь это сумасшедшее лицо.

Увидѣвъ Лунина въ зеркало, Анна кивнула ему головой и протянула руку для поцѣлуя.

Узнавъ художника, меценатъ пересталъ пѣть свои хвалы, и всѣ какъ будто ждали, что Лунинъ что-нибудь скажетъ, и смотрѣли на него.

Тогда Лунинъ сказалъ:

— У тебя хорошо, Анна, прозвучало въ третьемъ актѣ... Какъ это? „Мертвецы возвращаются“... Да... „Мертвецы возвращаются“...

И Анна повторила:

„У васъ тутъ ходитъ повѣрье, что мертвецы возвращаются на землю“.

Постучали въ дверь и вошелъ режиссеръ.

— Начинаемъ! Начинаемъ! Пожалуйте, господа...

И вотъ опять ходитъ по сценѣ, какъ слѣпой, человѣкъ въ черномъ, обреченный на гибель, и Анна раздѣляетъ съ нимъ его странную судьбу.

О чемъ говорятъ они? О смерти? Они уходятъ въ паркъ? Зачѣмъ это? Тамъ водопадъ?

Какъ странно все, какъ странно...

„Покойница взяла ихъ“...

XIII.

Когда Лунинъ вошелъ въ комнату Анны, она уже лежала раздѣтая въ постели, съ томикомъ Бальзака въ рукахъ.

Лунинъ уже три недѣли не оставался съ Анной наединѣ. Каждый вечеръ то Анна, то самъ онъ возвращались домой поздно, утомленные, и, торопливо обмѣнявшись незначительными фразами, уходили каждый въ свою комнату.

И теперь, когда Лунинъ вошелъ въ спальню Анны, на ея лицѣ появилось безпокойство, какъ будто бы она боялась, что помѣшаютъ ея уединенію.

Лунинъ сѣлъ въ кресло около постели и сказалъ нерѣшительно:

— Можно поговорить съ тобою, Анна?

— Можно, милый...

— Видишь ли, со мной, Анна, творится что-то неладное, и вотъ мнѣ хочется разсказать тебѣ... А зачѣмъ, не знаю, право...

— Да, да... Разскажи непремѣнно! — прошептала Анна, выронивъ изъ рукъ французскій томикъ, который мягко упалъ на коверъ.

Анна съ боязливымъ любопытствомъ смотрѣла на Лунина, и онъ смущался, не зная, какъ начать.

— Мнѣ такъ трудно, такъ трудно,—сказалъ Лунинъ:—ты, можетъ быть, замѣтила, Анна, что я мало работаю теперь и наши отношенія съ тобою какъ будто не тѣ, что раньше... Или нѣтъ? Или я ошибаюсь?

Анна съ тоской посмотрѣла на Лунина:

— Не знаю, не знаю...

— Ты не знаешь? Припомни исторію нашу, Анна... Я встрѣтилъ тебя въ Петербургѣ, когда мужъ твой былъ на Алданѣ. Я влюбленъ былъ тогда. По правдѣ сказать, у меня слѣпая тогда была страсть. Можетъ быть, это единственное настоящее, что дано людямъ узнать на землѣ...

— О, нѣтъ! Нѣтъ,—сказала Анна:—страсть—убійственна, губительна... Неужели недостойны мы иного?

— Вотъ я объ этомъ и думаю, Анна. Мы были влюблены... Что случилось потомъ? Я убилъ твоего мужа... Странно. Я не мучусь тѣмъ, что убилъ человѣка. Я помню лицо его. Пустые глаза и какъ будто приклеенная борода... Совѣсть, Анна, не мучитъ меня, но что-то иное меня тревожитъ... Но что? Что? Я самъ этого не знаю...

Анна поблѣднѣла. Она лежала съ закрытыми глазами и чутко прислушивалась.

— Я себя потерялъ, Анна, мнѣ жить страшно. Понимаешь? Какъ-то міръ дробится вокругъ меня. Вотъ эти краски мнѣ пріятны, вотъ эти нѣтъ... Вотъ эта мелодія созвучна сердцу, вотъ эта нѣтъ... Но почему это? Почему? Прости меня, Анна, я говорю нескладно и несвязно, но для меня во всемъ этомъ есть связь. Я хочу сказать, что я не умѣю любить и, значитъ, жить не умѣю...

— Ты не любишь меня?

— Люблю, люблю, но не такъ, какъ надо. Я не знаю, *какъ* надо, но любовь моя—недостойная, несовершенная любовь...

— Я, кажется, понимаю тебя, Борисъ. И я люблю недостойно. Что значитъ любить? Значитъ увидѣть человѣка лицомъ къ лицу, а мы видимъ душу того, кого любимъ, какъ въ зеркалѣ, какъ въ гаданіи... Я люблю тебя, Борисъ, но я не знаю тебя... Боже мой! Какъ страшно это! Какъ страшно...

— Я такъ цѣню тебя, Анна. Ты прекрасна. Но ты сама по себѣ, а я одинъ, одинъ...

— О, какъ мы одиноки!

— Да. Мы любимъ слѣпо... И вообще нѣтъ ничего прочнаго въ нашей жизни... Все проходитъ, все течетъ въ причудливой смѣнѣ звуковъ, красокъ, мыслей... Сегодня меня волнуетъ запахъ моря, завтра я влюбленъ въ облако, которое загорѣлось страннымъ огнемъ на вечерней зарѣ,—но все это какъ сладостный бредъ, а иногда мучительный бредъ.

— Да, ты правду говоришь. Да, Борисъ, и я чувствую, что все—туманъ, туманъ. И я не знаю, гдѣ мое *я*. Я вотъ играла сегодня Ребекку, и я вѣрила, что это жизнь, то-есть *почти* вѣрила. Понимаешь? Все смѣшалось. Я иногда въ комнатѣ одна стою передъ зеркаломъ и говорю: „Анна Томилина, Анна Томилина". И это такъ странно звучитъ, Борисъ.

— Я не знаю, что дѣлать, Анна... Я вспоминаю иногда Михневича, и завидую ему. Этотъ человѣкъ умѣетъ быть простымъ и наивнымъ. Все у него выходитъ складно — и огородъ, и супружество его, и соціализмъ, какъ требованіе чистоплотности... А мы—сумасшедшіе съ тобою, Анна...

Анна вздрогнула и приподнялась на постели.

— Я, Борисъ, получила сегодня письмо отъ отца и до сихъ поръ не распечатала... Все боюсь чего-то, все мнѣ кажется, что онъ о чемъ-нибудь непріятномъ пишетъ. Но надо прочесть... Конвертъ на столикѣ. Дай мнѣ его...

Когда Анна прочла письмо, у нея задрожали губы и она съ ужасомъ посмотрѣла на Лунина.

— Несчастье,—прошептала она:—несчастье какое! Эксакустодіанъ заболѣлъ душевно. Его вчера отвезли въ психіатрическую клинику.

XIV.

На слѣдующую ночь Лунинъ опять пришелъ къ Аннѣ и опять сѣлъ въ кресло около ея постели.

Онъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Анна! Брось сцену!

Анна со страхомъ посмотрѣла на Лунина:

— Что ты! Что ты! Какъ можно!

Лунинъ опять сказалъ:

— Анна! Брось сцену.

— Но почему, милый? Почему?

— И безъ театра жить страшно, Анна... А когда ты на сценѣ, я теряю голову: кто-то отнимаетъ тебя у меня... Демонъ какой-то. Я этого не хочу, Анна.

— Нѣтъ, Борисъ, не надо такъ говорить. Я не могу бросить сцену.

— Почему не можешь?

— Потому же, почему ты не можешь бросить живописи. Такъ суждено. Ты—художникъ; я—актриса.

— Но ты пойми, Анна: человѣкъ выше искусства. Вѣдь мы гибнемъ, гибнемъ, Анна... Надо всѣмъ пожертвовать и спасти себя.

— Однако, ты не бросишь живописи? Вѣдь нѣтъ?

Лунинъ молчалъ.

— Вотъ видишь, ты молчишь. А ты требуешь, чтобы я бросила театръ. Я не могу.

— Я требую этого, Анна.

— Оставь меня!—крикнула Анна:—Оставь.

— Да, мы безнадежно одиноки,—прошепталъ Лунинъ:—Прощай, Анна.

— Постой,—сказала она:—постой... Куда ты?

Анна приподнялась на постели и схватила маленькой рукой его рукавъ:

— Не уходи, Борисъ.

Лунинъ подумалъ, что надо уйти сейчасъ, и хотѣлъ уйти, но гдѣ-то въ глубинѣ сердца какъ будто прошла темная тѣнь,

и онъ остался, и сталъ на колѣни, и вдругъ почувствовалъ знакомый запахъ тѣла. Горячіе пальцы Анны прижались къ его губамъ, и Лунинъ, уже слѣпой и безвольный, ни о чемъ не думалъ.

Утромъ Лунинъ почувствовалъ, что душа его опустошена, и не могъ работать. Все вокругъ казалось простымъ, плоскимъ, скучнымъ... Лунинъ ненавидѣлъ такіе дни и боялся ихъ. Въ эти дни пилъ вино онъ. И на этотъ разъ въ часъ завтрака, когда Анна ожидала его въ столовой, онъ вышелъ изъ дому и направился въ кафэ.

Кафэ, какъ всегда, было наполнено сутенерами, биржевыми зайцами, ворами, сыщиками, загулявшими приказчиками и нѣмцами-конторщиками. Подъ низкими сводами этого каменнаго коридора носились сизые клубы дыма. Пахло кофе, сигарами, духами, пудрой и чѣмъ-то острымъ и прянымъ. Отъ дыма, отъ хриплыхъ криковъ, отъ пестрыхъ туалетовъ и, главное, отъ близости этихъ доступныхъ женщинъ пьянѣла голова и все казалось фантастическимъ.

Проститутки, старыя и молодыя, веселыя и грустныя, представительницы всѣхъ странъ, сидѣли за столиками, какъ стая пестрыхъ птицъ, слетѣвшихся на петербургскіе камни въ какой-то смутной надеждѣ: иныя—на большую добычу, иныя—на нищенскія крохи.

Однѣ изъ нихъ сидѣли въ непринужденныхъ позахъ, заложивъ ногу за ногу, приподнявъ юбки, множество разноцвѣтныхъ юбокъ, изъ-подъ которыхъ торчали ноги въ черныхъ чулкахъ и желтыхъ ботинкахъ, съ высокими каблуками; эти женщины курили папиросы и болтали на международномъ языкѣ кокотокъ, на этомъ циничномъ и насмѣшливомъ языкѣ; ихъ гримъ былъ преувеличенно ярокъ и жесты преувеличенно развязны. Другія, въ огромныхъ шляпахъ со страусовыми перьями, въ черныхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, казались закутанными въ трауръ. Наконецъ, были здѣсь и совсѣмъ молоденькія дѣвушки, недавно выброшенныя на улицу, въ наивныхъ платьяхъ, похожія на горничныхъ, съ большими деревенскими руками.

Здѣсь былъ рынокъ, гдѣ посредники въ красныхъ галстухахъ, съ перстнями на пальцахъ, вербовали женщинъ, подходящихъ для публичныхъ домовъ; здѣсь содержательницы хоровъ, сводни, въ черныхъ мантильяхъ, поставщицы дѣтей, съ лицами богомолокъ — всѣ имѣли свой кусокъ и копошились, какъ черви на падали. Тутъ же подозрительные безусые молодые люди, въ

мягкихъ шляпахъ, съ цвѣтами въ петлицахъ, манерничали какъ женщины.

Лунинъ спросилъ себѣ виски. И скоро затуманилась голова художника. Нравилось Лунину сидѣть такъ въ кафэ, среди гнуснаго сброда и этихъ сумасшедшихъ женщинъ; ему нравилось, что вотъ грязный ужасъ нелицемѣрно поетъ здѣсь свою уличную пѣсню поруганной любви...

Уже больная пьяная улыбка змѣилась на губахъ Лунина, когда онъ вышелъ на тротуаръ Невскаго. Онъ зналъ, что лишь утромъ вернется домой, что началась его темная болѣзнь, и онъ жадно вдыхалъ ядовитый петербургскій воздухъ, какъ эѳироманъ вдыхаетъ окрыляющій сердце эѳиръ.

Петербургское октябрьское небо! Какъ понималъ, какъ чувствовалъ Лунинъ эти блѣдныя краски, этотъ сѣросеребристый тонъ облачныхъ тканей, это больное, увядающее солнце. Лунинъ прошелъ Невскій, Морскую, зашелъ въ Исаакіевскій соборъ и тамъ, прижавшись къ огромной колоннѣ, насладился торжественнымъ сумракомъ. Потомъ онъ пошелъ къ фальконетовскому Петру и стоялъ, какъ завороженный, смотрѣлъ упорно на „кумиръ съ простертою рукою“; потомъ онъ очутился на Васильевскомъ Островѣ, зашелъ тамъ въ маленькій нѣмецкій ресторанъ и опять спросилъ виски...

Уже не мысли, а что-то иное волновало Лунина: какія-то мечтанія, похожія на правду болѣе, чѣмъ сама правда обычныхъ дней. Взглядъ случайный, встрѣтившійся съ его взглядомъ, жегъ ему сердце, какъ ярый факелъ. И кто-то пѣлъ тамъ, за фіолетовымъ туманомъ, въ который погружался вечерній городъ. Тонкій, высокій голосъ, нѣжный какъ флейта, а иногда похожій на скрипку, пѣлъ тамъ пѣсню странную, но какъ будто знакомую.

Лунинъ уже не зналъ, гдѣ онъ сейчасъ, и шелъ неустанно, не замѣчая пути. Казалось ему, что вотъ сейчасъ откроется то, что такъ нужно, такъ желанно, такъ близко, но голосъ нѣжный только дразнилъ и звалъ куда-то. И напрасно ждалъ Лунинъ, что вотъ увидитъ онъ чье-то лицо, и тогда умретъ...

Лунинъ очутился передъ освѣщеннымъ подъѣздомъ и прочелъ сверкающую электричествомъ вывѣску „Аполло“. Болѣзненная улыбка, безсмысленная и порочная, кривила его губы, и Лунинъ самъ испугался своего лица, увидѣвъ его въ большомъ зеркалѣ.

Лунинъ шелъ неувѣренно по фойэ, и ему казалось, что вокругъ—фантомы, а не живые люди, и что вотъ они подойдутъ

сейчасъ, окружатъ его, приблизятъ къ его лицу свои ужасныя маски и раздавятъ его своими жесткими деревянными туловищами.

На эстрадѣ плясала француженка. Лунинъ видѣлъ огромный красный ротъ, зеленыя пятна подъ глазами, золотую волну юбокъ и безстыдное движеніе ноги, обтянутой въ черное трико...

Лунинъ тяжело опустился на стулъ и лакей поставилъ передъ нимъ бутылку клико.

Неожиданно прозвучалъ знакомый голосъ:

— И вы здѣсь! И вы!

Какъ новая маска возникло лицо передъ Лунинымъ: блѣдный лобъ съ черными на немъ кудрями и глаза, полные страсти мрачной.

— Ахъ, это вы, графъ. Вы одинъ? Ну, что-жъ. Будемъ вмѣстѣ пить. Будемъ пить, графъ.

— А вѣдь у насъ съ вами былъ однажды разговоръ, — сказалъ Бешметьевъ:—Помните? Это было три года назадъ... Мы съ вами говорили, что многіе живутъ теперь фантастически, что силы тайныя вліяютъ на событія.

— Помню.

— Не правда ли, теперь, послѣ революціи, хуже стало?

Лунинъ молчалъ.

— Я не про политику говорю,—продолжалъ графъ задумчиво:—я въ политикѣ весьма наивенъ: я про наши души говорю. Года три тому назадъ у насъ мечта какая-то была. И вотъ, казалось, воплотится она. Идешь, бывало, по вечерней улицѣ и какъ будто шорохъ слышишь волнующій и поступь такую гордую и прекрасную. Чью? Богъ знаетъ. А помните, съ какимъ глупымъ лицомъ я слѣдовалъ повсюду за княжной Ховриной, нынѣ женой моей? Кстати: ей очень хочется, чтобы вы написали ея портретъ. Вы согласны? Нѣтъ? Я былъ бы очень радъ, еслибы вы написали ея портретъ... Чтобы понять ея лицо, надо отца ея разгадать. Вы видѣли князя?

— Раза два видѣлъ.

— Не правда ли любопытное лицо?

— Да. Въ немъ какая-то усталость мудрая.

— Вотъ именно: какъ будто бы не одну жизнь пережилъ онъ. Вы знаете, князь — астрономъ по спеціальности и даже какія-то открытія сдѣлалъ; но если съ нимъ поговорить какъ слѣдуетъ, то наука его во что-то другое превращается—въ магію, такъ сказать. Говоритъ онъ точно и трезво, и даже съ улыбкой матеріалистомъ себя называетъ, но при этомъ какъ будто бы есть у него тайная мысль. Я боюсь этого колдуна, ей-Богу.

Графъ засмѣялся.

— Вы начали, графъ, о фантастичности, о мечтѣ,—сказалъ Лунинъ:—я бы хотѣлъ послушать. Я не совсѣмъ понимаю.

— Какъ странно! А я думалъ, что именно вы поймете меня. Я сужу по вашимъ картинамъ. Вотъ у васъ есть „Дама въ черномъ“. У нея глаза тревожные. Она такой же крови, что и я. Вы должны понимать.

— Если въ этомъ смыслѣ, то понимаю, пожалуй. Только я думалъ, графъ, что вы можете сообщить что-нибудь реальное на эту тему.

— Откуда у васъ надежда такая?

— Я вамъ скажу, откуда. Я по лицу вашему вижу. Вотъ вы растревожены событіями, что-то предчувствуете; вы — человѣкъ ожидающій, ищущій... Все это мнѣ близко, но вы еще обладаете тѣмъ, чѣмъ я не обладаю. У васъ цѣльность есть и страсть въ сердцѣ. А я, какъ художникъ, не умѣю всего себя отдавать: силы берегу на мастерство.

— Да, вы скупы и холодны, пожалуй, — согласился Бешметьевъ:—но, можетъ быть, это оттого, что вы стыдливы очень, не смотря на всю вашу суровость.

— И брезгливъ.

— Да... Да... И брезгливы, конечно.

— Вы знаете, мнѣ кажется, что скоро убивать себя будутъ многіе...—неожиданно сказалъ Лунинъ: — я вотъ хожу по улицамъ и думаю: это все самоубійцы бродятъ... И у всѣхъ такіе пустые глаза.

Лунинъ вздрогнулъ.

— Да, графъ, нѣтъ ничего страшнѣе пустыхъ глазъ и вотъ еще когда кажется, что борода приклеена.

— И я многаго боюсь. Женщины боюсь особенно. Когда она говоритъ: „да, милый“, „нѣтъ, милый“, а сама думаетъ о чемъ-то своемъ.

— Но я скептикъ, графъ,—сказалъ серьезно Лунинъ:—мнѣ иногда неудержимо хочется весь свой опытъ отвергнуть, на зло самому себѣ... Иногда мнѣ хочется сказать: „Страшно? Ну, и прекрасно... Это ничто иное, какъ *романтическій испугъ*, болѣзнь психическая, отмѣченная и въ исторіи литературы, между прочимъ“. Такъ цинично мнѣ хочется иногда сказать.

— Ахъ, Боже мой! Я это очень понимаю. Вотъ новая любовь, новая любовь... Все такъ таинственно въ нашихъ сердцахъ и какія-то противорѣчія безумныя какъ будто разрѣшаются. Но придетъ историкъ и безстрастно скажетъ: „Распущенность нра-

вовъ во время революціи". И что вы думаете? Можетъ быть, педантъ будетъ правъ. То-есть съ одной стороны, разумѣется. Опредѣленность научная всегда однобока, не смотря на всю свою святую правоту...

Въ это время къ столику подошла высокая женщина, съ блѣднымъ овальнымъ лицомъ и злыми красивыми глазами. Графъ взялъ ее за руку и посадилъ рядомъ.

— Рекомендую... Клара... Прекрасная Клара... Я влюбленъ въ нее...

Клара повела глазами, которые казались пушистыми, когда она ихъ прищуривала, и сказала лѣниво:

— Глупости какія. Влюбленъ. До утра влюбленъ, милый, а утромъ къ женѣ поѣдешь.

— Не говори о женѣ!—сказалъ Бешметьевъ, и яркая краска выступила у него на щекахъ.

— Вотъ всѣ вы такіе. „Влюбленъ... Влюбленъ"—а о женѣ не смѣй говорить...

Клара засмѣялась и съ презрѣніемъ посмотрѣла на Бешметьева.

— Влюбленъ я, — сказалъ упрямо графъ: — сама знаешь, третью ночь въ вертепѣ вашемъ...

— Ну, прощай, милый... Меня вонъ офицеры ждутъ.

Но графъ, разговаривая съ Лунинымъ, все время подливалъ шампанское и теперь, совсѣмъ охмелѣвшій, не хотѣлъ отпустить Клару.

— Въ „Пятьдесятъ Девять" поѣдемъ,—бормоталъ онъ, цѣлуя у локтя руку Клары:—а потомъ на Острова...

Лунинъ расплатился и, не прощаясь, вышелъ изъ „Аполло".

XV.

Лунинъ не зналъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ возобновила Анна знакомство съ Любовью Николаевной, но уже не разъ онъ заставалъ ихъ вмѣстѣ въ маленькой гостиной. Прощаясь, онѣ цѣловались нѣжно, и, повидимому, у нихъ были какіе-то общіе интересы, о которыхъ ничего не зналъ Лунинъ.

Иногда Анна говорила ему:

— Сегодня изъ театра я поѣду къ графинѣ. Не жди меня.

Лунинъ такъ былъ занятъ собою и больными мечтами своими, что дружба Анны съ графиней не очень его интересовала.

Съ Анной рѣдко оставался Лунинъ наединѣ и отношенія ихъ потускнѣли.

Въ концѣ февраля Анна объявила Лунину, что ѣдетъ въ Москву, и надолго — можетъ быть, на цѣлый мѣсяцъ: опасно заболѣлъ отецъ.

Когда Лунинъ и Анна стояли на перронѣ вокзала и ожидали второго звонка, оба чувствовали, что надо сказать что-то, произнести какое-то слово значительное, но сердца ихъ были холодны и пусты. И слова нужнаго не сумѣли они произнести...

— Ты не забывай меня, смотри, — сказала Анна, съ такою же улыбкой и съ тѣмъ же выраженіемъ глазъ, какія волновали Лунина годъ назадъ, но теперь ему казалось, что и улыбка, и взглядъ Анны—только хорошее подражаніе той прежней улыбкѣ и прежнему взгляду.

Лунинъ, не отвѣчая Аннѣ на ея полувопросъ, процитировалъ поэта:

„Я тотъ же преданный, я рабъ твоей любви“...

Анна лѣниво улыбнулась, касаясь губами темныхъ розъ, которыя нѣжно и пьяно пахли, увядая.

— Да,—сказала она:—а я тебя забыла спросить: когда же ты будешь писать портретъ графини? Она такъ умоляла... Пожалуйста, милый, не отказывайся на этотъ разъ. Она тебѣ на дняхъ письмо пришлетъ.

— Да, да... Я буду писать портретъ графини, — сказалъ Лунинъ, припоминая ея лицо:—я охотно напишу ея портретъ.

Раздался звонокъ, и Анна прижала свою руку къ губамъ Лунина.

Лунинъ сталъ бывать у Бешметьевыхъ. Ему нравился старый Бешметьевскій домъ на Мойкѣ, около Пѣвческаго моста. И обстановка дома казалась ему пріятной, и самый бытъ бешметьевскій, сохранившій личину благообразія, нравился ему, быть можетъ, потому особенно, что не было у него, Лунина, связи съ его прошлымъ, что давно онъ жилъ какъ бродяга, оторвавшійся отъ земли...

И то, что Бешметьевъ былъ послѣднимъ въ родѣ, уже утомленнымъ потомкомъ когда-то не знавшихъ усталости графовъ, волновало воображеніе Лунина.

Впрочемъ, самого Бешметьева онъ рѣдко заставалъ дома. А съ Любовью Николаевной онъ провелъ нѣсколько долгихъ вечеровъ, прежде чѣмъ рѣшился приступить къ ея портрету. И въ эти вечера, когда вглядывался Лунинъ въ лицо ея, не-

отступно возникало передъ нимъ другое лицо—низкій упрямый лобъ съ черными на немъ кудрями, глаза съ темнымъ блескомъ и страстныя губы, шепчущія имя Клары... Лунинъ хотѣлъ разгадать тайну семьи Бешметьевыхъ и не могъ ея разгадать. Но непонятные глаза графини, ея губы, алчночувственныя и злыя, великолѣпные свѣтлые волосы съ золотисторыжимъ оттѣнкомъ и гибкая линія шеи радовали художника... И ничего не разсудивъ, но что-то разгадавъ безсознательно, Лунинъ рѣшился, наконецъ, писать портретъ.

Однажды во время сеанса Любовь Николаевна сказала Лунину:

— Вы знаете, я жду портрета съ волненіемъ и со страхомъ... И это для меня испытаніе, право... Сказать вамъ, чего я боюсь?

— Скажите.

— Я боюсь, что вы меня сдѣлаете слѣпой.

— Какъ слѣпой?

— Ну, да... Слѣпой. Понимаете? *Душевно слѣпой*...

Лунинъ смущенно улыбнулся.

— Я, по правдѣ сказать, не люблю объяснять мои портреты. Я самъ не знаю, какъ напишу. Но меня интересуетъ это... *Вы* боитесь слѣпоты душевной? *Вы*?

— Да, я. Почему вы удивляетесь?

— У васъ взглядъ самоувѣренный. Вотъ почему.

— Ахъ, это такъ. Это привычка и гордость моя. А вамъ я не стану лгать. Я слѣпая, слѣпая... Я какъ въ лабиринтѣ живу. Меня пожалѣть надо. Заблудилась я.

— И вы!—пробормоталъ Лунинъ:—и вы! Боже мой...

— Мы, женщины, живемъ любовью. Не правда ли? Но что значитъ любовь? Татьяна пушкинская умѣла любить. А мы всѣ безнадежно холодны и жестоки. Когда мы любимъ, мы убиваемъ, губимъ... И насъ убиваютъ.

— Какъ странно, — сказалъ Лунинъ: — кажется, что вотъ наступилъ часъ признаній... Всѣ признаются въ томъ, о чемъ до сихъ поръ молчали. Или ужъ невозможно молчать? Что это? Или, быть можетъ, мы въ самомъ дѣлѣ вырождающіеся, отпавшіе отъ настоящей жизни? Но гдѣ она — настоящая жизнь? А я? Что жъ, я готовъ признаться въ самомъ дурномъ и стыдномъ. Я *все забываю*. Вы понимаете? Я могу влюбиться, убить—и все забуду, чистосердечно. Можетъ быть, я поступка не забуду, но *себя* того времени забуду, то-есть *что я* тогда чувствовалъ, *какъ* я тогда переживалъ. А забыть себя — это значитъ свое я потерять. Вѣдь это ужасно... Вѣдь это гибель...

— Да, гибель—повторила тихо Любовь Николаевна.

Въ это время вошелъ князь Николай Николаевичъ и, здороваясь, сказалъ:

— О какой гибели ты говоришь, Люба?

— Вотъ объ утомленныхъ людяхъ вообще... О слабости нашей...

— Да, да—сказалъ князь:—если посмотрѣть на васъ, господа, со стороны, можно подумать, что вы въ самомъ дѣлѣ *послѣдніе*, что вы обреченные какіе-то... Слава Богу, что кромѣ васъ есть иная молодежь... Слава Богу...

— А вы какъ думаете, князь—спросилъ Лунинъ:—откуда слабость наша? И почему лѣтъ пять тому назадъ мы не унывали еще, а вотъ теперь разучились жить, любить, и даже картины пишемъ вяло и все по старому, какъ прежде выучились?

— Я думаю,—сказалъ князь серьезно,—что причинъ много было, но одна, быть можетъ, особенно повліяла на судьбу вашу. Это—революція, друзья мои. Она совсѣмъ прошла мимо васъ, и поэтому вы устали больше, чѣмъ другіе. Кто больше устанетъ: тотъ, кто плыветъ по теченію или тотъ, кто пытается удержаться на мѣстѣ? Вы ничего не дѣлали—и за это исторія растоптала васъ.

— Мы для тебя, папа, статистическіе матеріалы—засмѣялась графиня,—а вотъ намъ жить хочется, жить хочется.

— И то хорошо!—засмѣялся князь.—А вотъ я все въ газетахъ читаю о самоубійцахъ. „Жить не хочется"—въ запискахъ пишутъ. Что же это?

— Это все наши братья декаденты — сказалъ Лунинъ: — только мы на эту тему картины и стихи сочиняемъ, а у нихъ нѣтъ стиховъ, нѣтъ картинъ: они честнѣе насъ, откровеннѣе... Я это понимаю, но вотъ чего я не понимаю, такъ это васъ, князь. Откуда у васъ бодрость такая? Какъ это такъ легко вы міръ принимаете?

— Потому что я наивный реалистъ — улыбнулся князь: — у меня съ міромъ, признаюсь вамъ, отношенія очень близкія: намъ другъ безъ друга никакъ не обойтись. Приходится взаимно извинять слабости и пороки... Вотъ у меня склерозъ и сейчасъ голова кружится, и міръ отчасти виноватъ въ этомъ, но я великодушенъ и не слишкомъ жалуюсь на мою судьбу. Прощай, Люба, однако...

Когда князь ушелъ, Любовь Николаевна съ грустью сказала:

— Отецъ дурно выглядитъ сегодня. А мнѣ онъ такъ нуженъ теперь, такъ нуженъ...

Потомъ, когда Лунинъ собрался уходить, она удержала его.

— Покажите, наконецъ, портретъ мой! — сказала она съ вкрадчивой нѣжностью.

— Смотрите, пожалуй,—сказалъ Лунинъ.

Портретъ былъ написанъ въ розоватобѣлыхъ и золотисторыжихъ тонахъ. Глаза и губы были влажны, какъ у тиціановской Магдалины. И на лицѣ была печать какъ бы утомившейся страсти...

— Я бываю такой — прошептала смущенно графиня:—но какъ вы угадали это? При васъ я никогда такой не была... Но вы жестоки, Борисъ Андреевичъ: вѣдь здѣсь я куртизанка какая-то.

— Развѣ?—сказалъ Лунинъ, ничуть не смутившись.—Я бы не сказалъ такъ... И вообще я ничего не хотѣлъ...

— А вы сегодня вечеромъ свободны?—неожиданно спросила Любовь Николаевна:—если свободны, приходите къ намъ. Графа, впрочемъ, дома не будетъ... Мнѣ такъ хотѣлось бы поговорить съ вами о разныхъ вещахъ.

— Я приду — сказалъ Лунинъ, всматриваясь въ свѣтлые преступные глаза графини.

XVI.

Когда Лунинъ вечеромъ вошелъ въ гостиную Бешметьевыхъ, Любовь Николаевна сидѣла за роялемъ и играла шопеновскій „Marche Funèbre“.

— Это такъ,—сказала она, протягивая обѣ руки Лунину:—я больше не буду... Я не хочу меланхоліи. Мы слишкомъ часто грустимъ съ вами, художникъ. Зачѣмъ? Нѣтъ, право, я молода еще.

Она подошла къ зеркалу и сказала:

— И *это* во мнѣ есть...

— Что *это*?

— То, что вы написали... Портретъ вашъ... А вѣдь живу я какъ монахиня. Вы знаете?

— Я такъ и думалъ...

— Вотъ какъ. Почему же вы думали? Ахъ, да. Я понимаю. Графъ говорилъ мнѣ, что вы встрѣтили его въ кафэшантанѣ... А что эта Клара? Она въ самомъ дѣлѣ красива? Какіе глаза у нея? Она брюнетка?

— Я не знаю, про кого вы говорите... Я не помню...

— Вы, можетъ быть, думаете, что графъ скрываетъ отъ меня свои увлеченія?

Она засмѣялась.

— Нѣтъ, Борисъ Андреевичъ, графъ—откровенный и благородный человѣкъ...

Любовь Николаевна была взволнована, возбуждена и теперь еще болѣе походила на портретъ, написанный Лунинымъ. Казалось, что на глазахъ у нея слезы и что она смѣется, чтобы утаить ихъ. И ротъ ея былъ похожъ на цвѣтокъ алый, томко распустившійся, благоуханный и жаждущій влаги...

— Я не хочу умныхъ словъ, даже мыслей умныхъ не хочу,— сказала графиня: — мнѣ хочется говорить и дѣлать глупости сегодня... Эта злая и праведная жизнь убиваетъ меня... Я не могу больше, не могу. Я не хочу быть такой строгой, какъ ваша жена. Она прекрасна, я влюблена въ нее, но она не умѣетъ щадить никого, никого... Только васъ. Почему она только вамъ все прощаетъ?

— Я не знаю, я не совсѣмъ понимаю васъ...

Тогда она дерзко и вызывающе засмѣялась въ глаза Лунину.

— Хотите быть сегодня милымъ и дѣлать глупости вмѣстѣ со мной?

— Но вѣдь я старъ и скученъ.

— Неправда. Вы просто боитесь меня?

— Можетъ быть, и боюсь.

Глаза графини засіяли лукаво и нѣжно.

— Художникъ! Поѣдемте кутить... Повезите меня куданибудь въ невозможный притонъ или въ клубъ какой-нибудь подозрительный.

Любовь Николаевна взяла газету.

— Вотъ, смотрите: объявленія... Вотъ клубъ на Владимірской... Маскарадъ въ пятницу. Сегодня пятница. Очаровательно. Мы ѣдемъ? Не правда ли?

— Но тамъ грязно и скучно.

— Грязно... Можетъ быть... Но скучно не будетъ, потому что я сама полна радости и веселья. Ха-ха-ха! Почему вы такъ мрачны? Вы думаете, что это „пиръ во время чумы“?.. Не надо такъ думать. Не надо. Я совсѣмъ простая. И вы будьте простымъ. Мы будемъ пить шампанское...

Любовь Николаевна послала прислугу за домино.

И тамъ, въ клубѣ, она продолжала смѣяться, а когда она сняла маску, на глазахъ у нея были слезы.

Возбужденіе Любови Николаевны вліяло на Лунина. И грязная роскошь клубныхъ залъ, безсмысленныя шутки грубоватыхъ масокъ, холодное шампанское—все поддерживало въ Лунинѣ настроеніе странное и тревожное.

И слезы графини пугали его.

— Нѣтъ, вы не умѣете веселиться—смѣялась Любовь Николаевна:—почему вы мрачны? Вы думаете о женѣ вашей? Она—прекрасна, прекрасна... Но зачѣмъ такіе строгіе глаза? Вѣдь все проходитъ, все проходитъ... Мы слабы. И пусть. Правду я говорю?

— Да. Все проходитъ—улыбнулся Лунинъ, пьянѣя.

— А мой мужъ? Нравится онъ вамъ?

— Очень.

— Ну да, конечно. Я такъ и знала. Я влюблена въ вашу жену, а вы—въ моего мужа. И потому мы вмѣстѣ, должно быть, въ этомъ прелестномъ дворцѣ.

Она опять истерически разсмѣялась.

— А знаете, когда-то мой отецъ былъ противъ нашего брака. У насъ были тайныя свиданія съ мужемъ... И онъ простаивалъ на морозѣ по три часа, ожидая меня. А вы... вы... Ха-ха-ха! Вы могли бы на морозѣ... Такъ... Боже! Что я говорю! Простите меня. Онъ—рыцарь, мой мужъ. А эта Клара? Я хотѣла бы съ ней познакомиться, право.

— Довольно!—сказалъ Лунинъ, отнимая шампанское у Любови Николаевны.

— Какъ хотите...

— Все проходитъ—повторилъ Лунинъ разсѣянно.

— Нѣтъ, не все проходитъ—какъ-то особенно серьезно и значительно прошептала Любовь Николаевна: — любовь не проходитъ. А вы? Вы могли бы влюбиться, Борисъ Андреевичъ?

Лунинъ посмотрѣлъ въ пьяные и томные глаза Любови Николаевны, на ея нѣжныя губы и неожиданно для себя сказалъ:

— Да.

Когда они вышли изъ клуба, мартовскій влажный вѣтеръ обвѣялъ ихъ горячія лица. Любовь Николаевна теперь не смѣялась.

— Я не хочу домой,—капризно сказала она, прижимаясь къ плечу Лунина:—я хочу на Острова...

На Каменноостровскомъ она торопила извозчика:

— Скорѣй! Скорѣй!

Неожиданно она запрокинула голову.

— Милый! Милый! Цѣлуй!

Лунинъ покорно прижалъ свои холодныя губы къ ея тоже холоднымъ губамъ.

— Мы мертвые, — прошептала въ ужасѣ Любовь Николаевна.

И вдругъ она вскрикнула:

— Что это? Что это?

Они проѣзжали мимо дома стараго князя. Во второмъ этажѣ всѣ окна были освѣщены ярко. Двигались черныя тѣни.

— Съ отцомъ случилось что-то...—сказала Любовь Николаевна, судорожно сжимая руку Лунина:—Боже мой! Какъ страшно... Боже мой!

— Вы домой хотите?—съ тревогой спросилъ Лунинъ.

— Домой? Нѣтъ, нѣтъ... Я боюсь. Боже мой! Я схожу съ ума.

Она повернула заплаканное лицо къ Лунину.

— Я къ вамъ хочу, Борисъ Андреевичъ.

— На Жуковскую!—крикнулъ Лунинъ извозчику, и ему не казалось страннымъ, что Любовь Николаевна такъ неожиданно, ночью, рѣшила ѣхать къ нему и вотъ сейчасъ цѣловала его холодными губами.

Когда Лунинъ и Любовь Николаевна очутились вдвоемъ въ лифтѣ, она закрыла лицо руками и вздрогнула.

— Зачѣмъ это? Зачѣмъ?

— Разсуждать не надо—сказалъ Лунинъ:—судьба такая. Все какъ сонъ. И мы кому-то пригрезились, должно быть, такими.

— Какія у васъ холодныя руки.

Лунинъ отперъ квартиру и безъ звонка, не разбудивъ прислуги, провелъ Любовь Николаевну къ себѣ въ мастерскую.

— Свѣтаетъ—сказала графиня:—шесть часовъ.

Лунинъ отдернулъ штору на огромномъ окнѣ, и открылся Петербургъ утренній: туманная, желтая даль Литейнаго проспекта, скучная сѣть трамвайныхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ; синезеленыя пятна ночныхъ гулякъ, проститутокъ, дворниковъ...

Любовь Николаевна, въ тоскѣ ломая руки, отошла отъ окна. Она стояла посреди мастерской блѣдная теперь, съ темными кругами подъ глазами, улыбаясь растерянно, какъ будто недоумѣвая, зачѣмъ она попала сюда.

— Ну, цѣлуйте, цѣлуйте руки мои... Мыслей не надо. Правда? Вѣдь мы влюблены? Влюблены?

Лунинъ молча сталъ на колѣни передъ нею. Злые сладострастные огоньки загорѣлись въ ея глазахъ.

— Вы во мнѣ куртизанку увидѣли—сказала она тихо:—можетъ быть, вы правы... Я бы и натурщицей могла быть. Тѣло мое прекрасно...

Она сѣла на диванъ.

Казалось, что холодный желтый туманъ вошелъ въ мастерскую художника. Странный мертвый свѣтъ струился по стѣнамъ, тканямъ, картинамъ. Онъ оплеталъ душу паутиною, какъ огромный паукъ; сѣялъ въ сердцѣ монотонную тоску... И казалось, что никогда не развѣется слѣпой туманъ, что городъ задохнется въ этомъ траурѣ...

Неожиданно Любовь Николаевна вскрикнула:

— Страшно мнѣ! Сейчасъ случилось что-то... Ахъ, не хочу я думать, не хочу...

Она протягивала руки къ Лунину, но смотрѣла куда-то въ сторону, какъ будто видѣла иного, кого Лунинъ не видѣлъ.

Потомъ она сказала печально:

— Развѣ такъ надо было? Ахъ, все равно... Пусть...

Она раскинулась на диванѣ, какъ была, неодѣтая, и тотчасъ заснула.

Лунинъ сидѣлъ у окна и думалъ о томъ, что вотъ сейчасъ произошло то, что могло бы быть важнымъ и значительнымъ и что прошло, испепелилось, исчезло, какъ исчезнетъ этотъ желтый неживой туманъ.

Лунинъ не вѣрилъ, что онъ обнималъ и цѣловалъ графиню. Не вѣрилъ, что онъ, Лунинъ, какъ убійца, холодно и безстыдно обладалъ тѣломъ этой несчастной утомленной женщины, которая возбуждала въ немъ теперь только жалость.

Уже развѣялся туманъ; оживалъ городъ; шумѣла улица; подъ солнцемъ огнемъ чернымъ свѣтился гранитъ...

Графиня спала; распустились ея рыжіе волосы; не слышно было, какъ дышитъ она. Казалось, что она лежитъ въ глубокомъ обморокѣ.

Лунинъ очнулся, когда услышалъ звонокъ, когда кто-то прошелъ по коридору торопливо.

Дверь распахнулась и въ мастерскую вошла Анна.

Увидѣвъ спящую графиню, она слабо вскрикнула и закрыла лицо руками.

Потомъ онѣ сидѣли рядомъ на диванѣ—одна въ черномъ траурномъ платьѣ и шляпѣ, другая—почти нагая...

Графиня цѣловала руки Анны, безсвязно умоляя ее о чемъ-то.

— Это ужасно, это страшно—то, что случилось, но въ сущности не было ничего. Это такъ, такъ... Это кошмаръ, сонъ... О, я недостойная! Недостойная! Прости... Прости...

Анна, блѣдная, съ глазами полными ужаса, гладила нѣжно рыжіе волосы графини и говорила тихо:

— Я... Я виновата во всемъ... Такъ должно было случиться... Мы всѣ такіе холодные, такіе утомленные... Боже! Но что же дѣлать? Что дѣлать?

XVIII.

Въ ту ночь, когда графиня была въ мастерской Лунина, умеръ отъ удара князь Ховринъ.

Въ началѣ апрѣля Бешметьевы уѣхали въ свое подмосковное имѣніе. Анна была приглашена на гастроли въ Кіевъ.

Лунинъ жилъ въ Петербургѣ и почти не выходилъ изъ мастерской: писалъ большую картину — „Марію Египетскую въ пустынѣ".

Въ страстную субботу, вечеромъ, когда уже электричество горѣло на улицахъ, вышелъ Лунинъ изъ дому и вдругъ почувствовалъ, что апрѣль опять зоветъ его куда-то... Но куда?

Все прошлое казалось ему ненастоящимъ, случайнымъ, и хотѣлось вѣрить, что вотъ откроются иные міры, но сердце было какъ въ плѣну.

Лунинъ бродилъ по улицамъ въ полуснѣ, не замѣчая времени. Когда онъ очнулся, передъ нимъ разстилалась огромная черная Нева, и отъ огней на мостахъ въ глубинѣ водной сіяли золотыя колонны торжественно и безмолвно.

И двѣ черныя фигуры такихъ же, должно быть, скитальцевъ, какъ Лунинъ, стояли на берегу недвижно...

— Не мертвый ли я?—думалъ Лунинъ:—почему сердце такъ слѣпо? Не всѣ ли въ гробахъ мы?

Потомъ опять, какъ ведомый кѣмъ-то, пошелъ Лунинъ прочь отъ черной Невы и неожиданно открылась передъ нимъ площадь и церковь. Вокругъ церкви стояла толпа со свѣчами и у притвора тѣснился клиръ и червонились хоругви.

„Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ"...

Лунинъ слушалъ пѣсню, какъ древній зовъ таинственный.

— Но я—мертвый, мертвый,—шепталъ Лунинъ, склонивъ голову.

А клиръ пѣлъ:

„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ"...

Георгій Чулковъ.

ИСКРЫ

I.

Палестинское небо синё и свѣтло.
Какъ любовь, его солнце огнемъ обожгло.
Надъ душой моей солнце взошло.

Апельсины цвѣтутъ. Садъ какъ въ бѣломъ снѣгу.
Красный макъ огоньками горитъ на лугу.
Я любить и молчать не могу.

Какъ пьянитъ ароматъ! Вспомни, вникни, услышь!
Рдѣютъ въ бѣлыхъ садахъ пятна красныя крышъ.
А за городомъ—море и тишь.

Я не знаю, гдѣ ты и въ какомъ ты краю.
Я не знаю, услышишь ли пѣсню мою.
Но тебя я люблю и пою.

II.

Весь бѣлый городъ. Портъ неугомонный.
Далекая и чуждая страна.
Я на берегъ спѣшу завороженный.
Въ цвѣту сады. Душа опьянена.
Бѣла земля отъ свѣяннаго цвѣта.
Чей знойный взглядъ сверкнулъ изъ-за рѣсницъ?
Быть можетъ?.. Нѣтъ. Не эта ль?.. И не эта.

Ее узнать я могъ бы въ вихрѣ лицъ.
Одну ее, тоской любви влекомый,
Ищу вездѣ. Такъ минетъ много лѣтъ:
Мнѣ вспомнится и берегъ незнакомый,
И бѣлый осыпающійся цвѣтъ,
И съ нѣжною и грустною истомой
Вздохну о той, которой въ мірѣ нѣтъ,
Чей образъ въ сердцѣ чистъ и живъ, и свѣтелъ
Лишь потому, что я ее не встрѣтилъ.

III.

Полночью весеннею слышу въ полуснѣ:
Кто-то тихо крадется, крадется ко мнѣ.
Что-то шепчетъ ласково за окномъ въ саду,
И смѣется съ листьями, и зоветъ къ пруду.
Полночью весеннею кто-то манитъ вдаль,
Обѣщаетъ счастіе, нѣжность и печаль.
Ближе, ближе, внятнѣе... Это ты, родной,
Ты, весенній, трепетный дождичекъ ночной?
Полночью весеннею ты напомнилъ мнѣ
Скрытое, забытое въ темной глубинѣ.
Дождикъ нерѣшительно прошурשалъ и смолкъ,
И опять закуталась ночь въ прозрачный шолкъ.

IV.

Ты ребенокъ мой больной,
Ты цвѣтокъ мой ненаглядный.
Посмотри въ нашъ садъ нарядный:
Какъ сіяетъ онъ весной.
Я большой букетъ свяжу
Изъ цвѣтовъ, расцвѣтшихъ пышно.
Наклонюсь къ тебѣ неслышно,
Въ изголовье положу,
Чтобъ, проснувшись средь подругъ,
Ты опять повеселѣла,
Засмѣялась и запѣла,
И забыла свой недугъ.

V.

Я цвѣтокъ ли сорву, на звѣзду ли взгляну,
Все тебя назову, о тебѣ вспомяну.

А на землю ступлю, иль всплыву на волну,
Все твержу, что люблю и люблю я одну.

Пусть межъ нами моря. Я съ тобой разлученъ.
Какъ на небѣ заря, для несчастныхъ есть сонъ,

И, скорбя наяву, ночью, въ сладостномъ снѣ
Я съ тобою живу и я счастливъ вдвойнѣ.

Пусть темны мои дни,—ночь ясна и свѣтла.
Погасите огни, скройте всѣ зеркала,

Чтобъ они отразить моихъ сновъ не могли.
Кто умѣетъ любить, тотъ владыка земли.

VI.

Твои глаза, какъ тайна, молчаливы;
Въ твоихъ глазахъ—нѣмая тишь пустынь,
Ночныхъ небесъ тоскующая синь,
Алмазныхъ звѣздъ живые переливы,
Въ твои глаза какъ въ будущность смотрю.
Я—бедуинъ, бреду въ палящемъ знoѣ.
Блестятъ пески, подобно янтарю,
Томитъ миражемъ счастіе земное.
Клянусь, иль я найду его, найду,
Иль, какъ миражъ, самъ сгину, пропаду.

VII.

Въ этой бѣлой одеждѣ,
Съ нѣжной грустью лица,
Я ужъ зналъ тебя прежде
И любилъ безъ конца.

Оттого и при встрѣчѣ
Засіялъ мнѣ твой взглядъ,
Какъ вѣнчальныя свѣчи
Въ заповѣдный обрядъ.
Будь же сердцу покорна,
Подойди безъ борьбы.
Гдѣ любовь непритворна,
Не минуешь Судьбы.

VIII.

Я не знаю, за что ты меня полюбила
И на что ты любовь обрекла.
Тайну нашей судьбы вѣковая Сибилла
Въ свиткѣ пальмовыхъ листьевъ сожгла.
Я не знаю, спасешь ты меня иль погубишь,
Съ жизнью жизнь суждено ли намъ слить.
Знаю только одно, что когда ты разлюбишь,
Перестану я жить.

IX.

Мои стихи—гирляндъ вѣнчальныхъ
Благоухающій уборъ;
Въ нихъ—свѣжесть чувствъ первоначальныхъ
И сердца вѣчный договоръ.

Какъ обручальныхъ колецъ звенья,
Они раздѣльны и слитны.
Въ нихъ возрожденныя мгновенья
И оправдавшіеся сны.

А. Өедоровъ.

ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІЙ

Маленькіе разсказы.

Когда жизнь перевалитъ за сорокъ—ждать нечего...

Подобно страннику, отыскивающему невѣдомую страну счастія, человѣкъ переплываетъ всѣ синія моря, проходитъ всѣ дремучіе лѣса и взбирается, наконецъ, на вершину тѣхъ горъ, которыя когда-то заманчиво таяли въ голубой дымкѣ будущаго и манили странника все впередъ, впередъ, впередъ...

Вотъ она, вершина сказочныхъ горъ!..

Отдышавшись отъ усталости, человѣкъ смотритъ впередъ и съ ужасомъ видитъ: путь близокъ къ концу, дорога бѣжитъ внизъ и завершается гостепріимно распахнутыми настежь воротами кладбища...

Не стоитъ смотрѣть впередъ и некуда торопиться...

Не лучше ли сдѣлать привалъ на горахъ своей жизни?

Устали натруженныя ноги; въ клочья порвана и загрязнена одежда; изломанъ посохъ...

Идетъ путникъ къ роднику, наклоняется, чтобы утолить жажду, и, видя свое отраженіе въ зеркалѣ прозрачной воды, пугается...

Смотритъ уставшій человѣкъ въ зеркало души своей и пугается...

Гдѣ же цвѣты, яркіе, благоухающіе цвѣты, съ которыми вышелъ онъ въ путь на зарѣ жизни?..

О, еслибы можно было побѣжать назадъ, въ ту сторону, гдѣ восходитъ солнце!

Ничего не отнялъ бы у прошлаго, все оставилъ бы, что потерялъ, торопясь на закатъ,—только эти цвѣты, одни цвѣты подобралъ бы съ пыльной дороги, омылъ бы ихъ своими слезами и, прильнувъ лицомъ, сталъ бы жадно пить ихъ дыханіе!..

I.

Сирень.

Ахъ, какъ чудно пахнетъ сирень раннимъ весеннимъ утромъ, когда солнце еще не прогнало ночной прохлады и не выпило росы съ ея цвѣтовъ и листьевъ!..

Однажды, на зарѣ юности, я возвращался съ загородной прогулки съ милой, красивой дѣвушкой. Какъ стая веселыхъ птицъ, вылѣзли мы изъ лодки, разбились по парамъ и разбрелись по городу провожать другъ друга...

Солнце только-что поднялось надъ городомъ и засверкали золотые огни на церковныхъ куполахъ, крестахъ и въ окнахъ высокихъ домовъ. Улицы были еще прохладны и молчаливы, окна домовъ завѣшаны гардинами... Тамъ, за окнами, всѣ еще крѣпко спали. Наши шаги гулко звенѣли въ тишинѣ ранняго утра...

Изъ-за длиннаго забора, утыканнаго частыми гвоздями, свѣшивалась густая сирень съ тяжелыми влажными кистями лиловыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ...

Ахъ, какъ дивно пахнетъ сирень раннимъ весеннимъ утромъ, когда тебѣ всего двадцать лѣтъ и когда ты идешь рядомъ съ милой, красивой дѣвушкой и радостно вздрагиваешь при каждой встрѣчѣ глазъ и улыбокъ!..

— Сорвите мнѣ вѣтку сирени!..

Мы остановились. Заборъ, гладкій и высокій, утыканъ гвоздями. Попытка нагнуть кусты сирени тростью кончилась прекрасной неудачей: какъ дождемъ, осыпала насъ сирень каплями душистой росы...

— Хотя бы одну вѣтку!..

— Бѣлую?

— Да... Нѣтъ—лиловую...

Я самоотверженно полѣзъ на заборъ воровать сирень для милой, красивой дѣвушки... Я разрѣзалъ себѣ руку ржавымъ гвоздемъ, но не замѣтилъ этого, ибо не почувствовалъ никакой боли. Голова кружилась отъ сладкаго аромата, капли росы пры-

гали съ вѣтвей прямо въ лицо, хрустѣли подъ рукой вѣтки, радостно смѣялась дѣвушка, на которую я стряхивалъ душистый дождь утренней росы... Я готовъ былъ обломать для нея всю цвѣтущую сирень въ мірѣ, всю бѣлую и всю лиловую...

— Довольно!..

Я героемъ спрыгнулъ съ забора. Радостные, веселые, любящіе глаза сверкнули мнѣ молчаливой благодарностью.

— Это вамъ... на память о... о...

Она замолчала и, вспыхнувъ, спрятала лицо въ сирени...

— На память о чемъ?.. Почему мы такъ цѣпляемся за память?..

— На память объ этой прогулкѣ... объ этомъ утрѣ... о сирени... О томъ, какъ дивно она пахнетъ рано утромъ...—сказала дѣвушка и приблизила къ моему лицу влажный букетъ сирени.

— Что это на рукѣ? Кровь?..

Тутъ только я увидалъ на своей рукѣ кровоточащую рану.

— Больно?

— Нѣтъ... Это тоже на память...

Дѣвушка дала мнѣ маленькій шелковый платокъ; я обмоталъ имъ кисть руки и шелъ, какъ герой, получившій рану въ бою въ честь любимой дѣвушки. Когда мы остановились и стали прощаться, дѣвушка отняла платокъ...

— Подарите его мнѣ!

— Нѣтъ. Я возьму его себѣ... на память...

Я отдалъ: пусть! вѣдь платокъ обагренъ моей кровью...

Но вотъ подлая проза жизни... Она всегда вмѣшивается въ нашу жизнь и обрываетъ у насъ крылья какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы готовимся взлетѣть въ лазоревую высь далекихъ небесъ!..

Съ томленіемъ и счастіемъ во взорѣ держалъ я тонкую, трепещущую руку дѣвушки и не выпускалъ, желая отдалить разлуку еще на нѣсколько секундъ; я смотрѣлъ въ запылавшее румянцемъ лицо дѣвушки, полуприкрытое букетомъ сирени, и пьянѣлъ, не зная отъ чего: отъ аромата сирени, или отъ пылающихъ щекъ и застѣнчивыхъ взоровъ... Вышелъ лѣнивый, заспанный дворникъ съ метлой, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ:

— Штаны, баринъ, изорвалъ... Зашить надо... Нехорошо...

Я обернулся назадъ... Дѣвушка вырвала свою руку и съ звонкимъ смѣхомъ побѣжала въ глубь двора.

Убѣжала... Почему?—Что ты сказалъ, дворникъ?.. Какъ ты смѣлъ...—

Дворникъ дѣловито объяснилъ, въ чемъ дѣло...

— Видно, на гвоздь напоролся!.. Нехорошо...

Я осмотрѣлъ свой костюмъ и вспыхнулъ отъ стыда, обиды, униженія... Точно кто-то оплевалъ мою вѣтку бѣлой сирени... Тихо побрелъ я по улицѣ къ дому. Звонили колокола къ ранней обѣднѣ, потрескивали по мостовой рѣдкія еще извозчичьи пролетки, скрипѣли калитки въ воротахъ... Начиналась жизнь...

До сихъ поръ помню раннее весеннее утро, заборъ съ гвоздями, кусты свѣшивающейся сирени, каскадъ ароматной росы, застѣнчивое личико дѣвушки, выглядывающее изъ-за букета лиловой и бѣлой сирени...

И до сихъ поръ слышу грубый голосъ дворника, спугнувшаго и грёзы, и ароматъ весенняго утра.

Ахъ, какъ чудно пахнетъ сирень раннимъ утромъ, когда солнце не выпьетъ еще съ нея росы, когда тебѣ двадцать лѣтъ, когда съ тобой рядомъ милая, красивая дѣвушка!..

II.

Тяга.

...„Снѣгъ стаялъ. Только по оврагамъ и ямамъ въ лѣсу онъ еще прячется подъ старой листвой отъ теплаго солнышка. Уже на пригоркахъ зеленится свѣжая травка, распустилась верба, много подснѣжниковъ, на ветлахъ—пушистыя блѣдно-зеленыя сережки. Наливаются почки. Вечеромъ высоко въ небѣ кричатъ въ багровомъ заревѣ заката журавли, а на утреннихъ зоряхъ въ лѣсу бормочутъ и чуфыркаютъ тетерева. Со дня на день ждемъ вальдшнеповъ“...

У кого изъ охотниковъ не вздрогнетъ сердце при чтеніи такого письма? А если тамъ, откуда пишутъ, кромѣ бормочущихъ тетеревовъ, кромѣ кричащихъ на вечерней зарѣ журавлей и тянущихъ надъ лѣсомъ вальдшнеповъ, еще звучитъ голосокъ далекой любимой дѣвушки, а вамъ всего на всего семнадцать лѣтъ,—развѣ можно въ такомъ случаѣ равнодушно читать письмо, не любить тетеревовъ, вальдшнеповъ и тяги?.. Нельзя.

...„Вчера пріѣхалъ Завьяловъ. Сейчасъ онъ набиваетъ патроны, а Соня помогаетъ ему... Завтра ждемъ Колю Кремнева... Неужели ты не пріѣдешь на тягу?..“

Я?.. Завьяловъ и Кремневъ будутъ на тягѣ, Соня будетъ помогать имъ набивать патроны, а я останусь въ городѣ и буду

мучиться завистью и ревностью?.. Никогда! Я тоже поѣду на тягу...

Вынимаю изъ чехла ружье, пощелкиваю замкомъ, курками, прикладываюсь въ примѣрнаго вальдшнепа, а Джальма визжитъ отъ радости, прыгаетъ, обнюхиваетъ ружье...

— Не поѣдешь, Джальма, на тягу!.. На тягѣ охотятся безъ собаки... А вотъ я поѣду!.. Послѣзавтра я уже буду стоять въ красныхъ сумеркахъ заката гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса... Послѣзавтра я буду стоять рядомъ съ Соней... Задорное личико съ карими глазами, насмѣшливыми и острыми глазами, съ ямочкой на подбородкѣ, рѣзко встаетъ въ памяти... Сердце чувствуетъ опасность... Кремневъ не опасенъ: онъ питается безнадежнымъ томленіемъ перваго ученика съ пятерками за поведеніе, вниманіе и прилежаніе, а вотъ Завьяловъ—тотъ парень ловкій и большой „ухажёръ“, умѣющій останавливать на себѣ вниманіе гимназистокъ...

Непремѣнно надо ѣхать. Скорѣе! Завтра же ѣду на тягу!..

...„Соня собирается съ нами на тягу. Вчера она нарядилась въ мой костюмъ, въ большіе сапоги, закрутила волосы узломъ и спрятала ихъ подъ фуражкой Завьялова“...

Такъ и рѣзнуло по сердцу!.. Что-то тамъ не совсѣмъ ладно... Вертушки онѣ, гимназистки!.. Воображаю, какъ Соня кокетничаетъ съ Завьяловымъ... Надо было ѣхать раньше: тяга продолжается недолго, какихъ-нибудь двѣ недѣли, а то и меньше. Главное—пролетная тяга, а мѣстная—чепуха: тамъ очень мало осѣдлыхъ вальдшнеповъ... Однако, Завьяловъ хватъ! Донъ-Жуанъ проклятый!.. Почему онъ такъ нравится женщинамъ? Положительно не понимаю женскаго вкуса...

Подхожу къ зеркалу, закручиваю едва пробившіеся усики и остаюсь доволенъ своимъ отраженіемъ. Плохо, впрочемъ, лежатъ волосы. Противный вихоръ. Никакъ его не положишь, торчитъ на самой макушкѣ, какъ у индѣйца...

...„Вчера Сонька стрѣляла въ цѣль изъ Завьяловской одностволки“...

Ну, и ловкій же!.. Умѣетъ... Развѣ у него ружье? Не ружье, а мѣшалка... Вотъ оно, у меня, ружьецо! Легонькое, красивое, игрушка, а не ружье!.. Совсѣмъ женское ружье — какъ перышко... А бьетъ прекрасно... Неужели Соня стрѣляетъ?.. Молодецъ!.. Удивительная дѣвушка. Бабы ружья боятся, а она...

Ахъ, если я когда-нибудь женюсь, то непремѣнно на такой дѣвушкѣ, которая будетъ любить охоту и будетъ ходить со мною на тягу... Возьмемъ непромокаемые плащи, бутербродовъ, ружья

за спину и маршъ!.. Она на одной полянкѣ, я — на другой... То она, то я — „бухъ!“... Потомъ сойдемся, послѣ тяги, постелемъ плащи и аппетитно закусимъ бутербродами... Только не боялась бы ружья, а „натаскать“ всегда можно...

Загорѣлась душа... Все перевернуто вверхъ дномъ: ящики комода, гардеробъ, охотничьи принадлежности... Завтра вечеромъ на поѣздъ...

Ахъ, какъ тянется проклятое время!.. Ну-ка, что̀ еще онъ пишетъ:

...„Лучшимъ стрѣлкомъ въ цѣль оказался Завьяловъ“...

Опять Завьяловъ!.. Я ему покажу, какъ стрѣляютъ...

Плохо спится ночью передъ отъѣздомъ... на тягу... Все думаешь объ охотѣ. Мерещатся тянущіе надъ лѣсомъ вальдшнепы, токующіе тетерева; безпокоитъ, что мало патроновъ... Стоитъ передъ глазами Соня въ большихъ сапогахъ, въ Завьяловской фуражкѣ, съ ружьемъ, и насмѣшливо смотритъ въ глаза... Кокетки!.. Вертушки!.. Только съ глазъ вонъ и... Ну и чортъ съ ними!.. Который, однако, часъ!?.. Только четыре часа!..

Ну, слава Богу, я въ поѣздѣ и съ каждымъ часомъ все ближе и ближе къ тягѣ...

Въ вагонѣ полутьма, душно, накурено, тѣсно. Хорошо, что мнѣ удалось захватить верхнюю койку... Никто не захочетъ отбивать мѣсто... Пожалуйте! садитесь, если ухитритесь это сдѣлать!..

Лежу въ сосѣдствѣ съ пузатыми чемоданами, картонками, узлами...

— Потрудитесь взять часть вещей!..

— Извините: у меня только ружье и вотъ этотъ чемоданчикъ!..

— Чьи же это вещи?..

— Я не обязанъ этого знать...

Лежу, закрылъ глаза и прислушиваюсь къ шуму и постукиванію идущаго поѣзда. Странно стучатъ колеса! Точно говорятъ что-то... Что они тамъ говорятъ?..

— Тя-га, тя-га, тя-га...

А потомъ:

— Со-ня, Со-ня, Со-ня... Бухъ!..

Стукнула дверь, а мнѣ почудился ружейный выстрѣлъ... Раскрываю глаза, озираюсь. Что за диво: на сосѣдней верхней скамейкѣ лежитъ дѣвушка. Когда же она сѣла сюда и заснула? Не слыхалъ. Очевидно, я спалъ... и довольно крѣпко... Хорошія косы у нея: одна свѣсилась и тяжело покачивается, а другая коса, какъ жирная змѣя, на подушкѣ... Свѣтлая кофточка. Выглядываетъ башмачокъ. Плечи равномѣрно поднимаются и опу-

скаются... Спитъ... Отъ всей фигуры вѣетъ чѣмъ-то зеленымъ, молодымъ, радостнымъ... „Стаялъ снѣгъ... Наливаются почки... Распустилась верба. На ветлахъ блѣдно-зеленыя пушистыя сережки... Подснѣжники“... Словно подснѣжникъ эта дѣвушка въ бѣлой кофточкѣ среди чемодановъ, узловъ, корзинъ!.. Въ общемъ напоминаетъ Соню!

Лежу, однимъ глазомъ, какъ тетеревъ съ дерева, поглядываю въ сторону незнакомки съ толстыми косами и горю нетерпѣніемъ увидать дѣвичье лицо... Должно быть, хорошенькая... Это какъ-то чувствуется... Какія косы!.. Такъ хочется взять въ руку ту, что свѣсилась, и взвѣсить ее въ своей рукѣ... Можетъ быть, любитъ или понимаетъ охоту... Нѣтъ, если я когда-нибудь женюсь, то только при томъ условіи, чтобы жена ходила со мной на охоту!..

Что это за счастіе стоять въ золотисто-розовыхъ сумеркахъ весенняго вечера на опушкѣ лѣса и ждать, когда тянущій надъ лѣсомъ вальдшнепъ огласитъ чуткую тишину вечера своимъ „кршъ-кршъ-коххъ!“... Вся кровь бросается въ лицо и сладко замираетъ сердце... А когда тутъ же невдалекѣ — близкая, любимая?.. И у нея тоже вспыхиваютъ щеки и замираетъ сердце?.. Говорить нельзя. Можно только жестикулировать...

— Соня! Слышишь? — спрашиваю жестомъ головы и глазами.

— Да, — отвѣчаетъ кивкомъ головки Соня. Она въ большихъ сапогахъ, въ молодцеватой позѣ охотника, съ ружьемъ наготовѣ...

— Кршъ! Кршъ! Кохххъ!..

И снова тихо. Въ глубокомъ молчаніи пролетаетъ куда-то вѳронъ. О чемъ-то наскоро совѣщаются передъ сномъ маленькія птички въ чащѣ стемнѣвшаго лѣса... Гдѣ-то страшно бухаетъ выпь... И опять: „Кршъ! Кршъ! Кохххъ“!

— Соня! Не зѣвай!..

Вальдшнепъ тянетъ прямо на нее... Счастливая!..

— Бухъ!..

Вздрогнулъ лѣсъ, вздрогнула розовая тишина и повалился, какъ камень, вальдшнепъ... Эхо выстрѣла понеслось по лѣсу, какъ раскаты далекаго грома; притаилась вся природа, смолкли всѣ маленькія птички, испугались лягушки и замолчала выпь на болотѣ... А журавли закричали!.. Тревожный и грустный крикъ невѣдомой весенней печали!.. О чемъ плачете, журавли?.. Я такъ счастливъ, милыя птицы!.. Мнѣ хочется заплакать отъ счастія и отъ радости, что я живу на свѣтѣ!..

— Бухъ!..

Опять хлопнули дверью!.. Раскрываю глаза и вспоминаю про сосѣдку и ея косы. Смотрю на нее однимъ глазомъ и вдругъ... вдругъ встрѣчаю два темныхъ бодрствующихъ, испытующе устремленныхъ на меня глаза!.. Сконфузились оба... Отвернулись въ разныя стороны...

Ну, конечно, хорошенькая!.. Я это предчувствовалъ.

Опять блуждаютъ взоры по узламъ, пузатымъ чемоданамъ, по потолку и опять тянутся къ сосѣдней скамейкѣ. Ей Богу, чудное личико!.. Она похожа на Соню. Но у Сони косы хуже... Почему мнѣ такъ нравятся дѣвичьи косы? Не понимаю. Какъ парикмахеру, хотѣлось бы мнѣ расчесать эти косы сверху до низу... Читаетъ книгу. Интересно бы узнать, чѣмъ она интересуется...

— Соня! Не порти глазъ! Темно...

— Ничего, мама...

Соня!.. Она тоже Соня!.. Удивительное совпаденіе... Внизу—мамаша. Надо это принять къ свѣдѣнію... Какъ бы заговорить? О чемъ?.. О книгѣ? О погодѣ?.. Ахъ, да!.. Отличный поводъ:

— Не угодно ли... у меня есть свѣча... а вѣрнѣе — кусочекъ свѣчи!..

— Благодарю васъ...

Вытаскиваю огарокъ стеариновой свѣчки, зажигаю его и подаю въ протянутой надъ бездною рукѣ...

— Не подожги еще чего-нибудь!—ворчитъ внизу мамаша.

Мамаша довольно полная дама и все о чемъ-то безпокоится. Считаетъ вещи, подозрѣваетъ вокругъ воровъ, боится за нравственность дочери, за ея глаза, за ея косы.

— Подбери косы!..

Исподтишка слѣжу за дѣвушкой и за мамашей. Замѣтила, каналья!.. Что она хочетъ дѣлать?.. Ну и дошлая: подняла и повѣсила на ремешки полотняное забрало верхней койки, которое обыкновенно поднимается только на ночь, въ обезпеченіе отъ паденія спящаго пассажира... Досадно: скрылась дѣвушка, видна только часть головы...

— Зачѣмъ, мама?

— Того и гляди—упадешь!.. А вы, молодой человѣкъ, далеко ѣдете?

— Я?

— Вы, вы!..

Я назвалъ станцію и добавилъ:

— А тамъ еще верстъ пятьдесятъ на лошадяхъ... въ имѣніе.

— Въ свое имѣніе?

— Нѣтъ, въ чужое, къ товарищу... На тягу.

— Куда?

— На охоту.

— Жестокое удовольствіе!..

Дѣвушка выглянула изъ прикрытія и улыбнулась:

— Вы студентъ?..

Ахъ, что̀ бы я тогда далъ, еслибы могъ утвердительно отвѣтить на вопросъ дѣвушки!

— Мм... почти... Я нынче кончаю гимназію!..

— А-а, гимназистъ!..

Милое, красивое личико! Она красивѣе Сони... Румяныя-румяныя губы, а глаза! Какъ встрѣтишься, такъ и вздрогнетъ сердце. Словно качаешься на качеляхъ... Вотъ еслибы она любила охоту...

Я переложилъ на другое мѣсто ружье, на болѣе видное мѣсто.

— Ради Бога, молодой человѣкъ, осторожнѣе съ ружьемъ!

— Оно не заряжено.

— А Богъ его знаетъ! Я боюсь и не люблю, когда...

— Мама—ужасная трусиха.

— А вы?

— Я? Я стрѣляю изъ револьвера...

Ахъ, какая прелесть! Вотъ это была бы жена!..

Закрываю глаза и начинаю рисовать себѣ картину семейной тяги... Одолѣваетъ сладкая дрема... Несется поѣздъ впередъ, грохочетъ на мостикахъ, вздрагиваетъ на закругленіяхъ и стучитъ, стучитъ, стучитъ... Опять что-то выговариваютъ колеса:

— Тя-га, тя-га, тя-га... Соня, Со-ня, тя-га, Соня...

Кого я люблю?... Соню?..

— Соню, Со-ню, Со-ню...

Но которую? Ту, далекую? — жаль эту. Эту, близкую?— жаль ту...

— Со-ню эту, Соню ту, Со-ню эту, Соню ту... такъ, такъ, такъ...

Поѣздъ приближается къ станціи:

— Обѣихъ, обѣихъ, обѣихъ!..—болтаютъ колеса...

— Бухъ!..

Ахъ, проклятая дверь!..

— Будьте деликатнѣе: не хлопайте такъ дверями!..

III.

Кладъ.

Замѣчали ли вы, что когда, послѣ долгой разлуки, неожиданно встрѣчаются два друга юности, съ брюшками, съ лысинами, съ морщинами, съ сѣдыми бородами, они страшно пугаются другъ друга?.. Краснѣютъ, теряются, конфузятся, словно поймали другъ друга на мѣстѣ какого-то гнуснаго преступленія...

Почему? Не потому ли, что такія неожиданныя встрѣчи похожи на волшебное зеркало, въ которомъ внезапно и ярко отражаются два человѣка: далекій прошлый, призрачный, и настоящій, реальный?.. Только освоившись съ отраженіемъ, они успокаиваются, утѣшаясь тѣмъ, что „И ты, братъ, того... и полысѣлъ, и потолстѣлъ, и поглупѣлъ, и достаточно пропылился пошлостью жизни!" Словно обрадовавшись такому открытію, друзья юности перестаютъ пугаться другъ друга и съ умиленіемъ вспоминаютъ то, что было когда-то давно, когда не было ни брюшка съ брелоками, ни лысины съ блескомъ... Интересно бываетъ тогда послушать, какъ въ мусорѣ всяческихъ воспоминаній прошлаго они отыскиваютъ цвѣты жизни...

Въ тихій весенній вечеръ на Волгѣ два такихъ пріятеля сидѣли на балконѣ парохода и, прогнавъ виномъ страхъ и конфузливость первыхъ минутъ встрѣчи, производили раскопки въ своей памяти.

...„Дѣло было давно, вскорѣ послѣ того какъ университетскіе безпорядки разбросали насъ въ разныя стороны... Тогда я вѣрилъ еще въ науку, въ прогрессъ, въ разные „измы" и... и въ любовь!"...

— Теперь не вѣришь?

— Какъ тебѣ сказать? Усталъ вѣрить, потерялъ вкусъ... Теперь я блондинъ, а тогда былъ брюнетомъ... Надо покрасить бороду... Рано началъ сѣдѣть...

— Ты въ молодости былъ красивъ... тонкій, стройный, ходилъ грудью впередъ, въ глазахъ...

— Говорили!.. Жизнь коротка, все уноситъ съ собой. Выпьемъ лучше... Вотъ такъ!...

— Ну, продолжай!..

...„Такъ вотъ... Послѣ долгихъ мытарствъ и странствованій по свѣту въ качествѣ „бывшаго студента", я попалъ къ одному

помѣщику въ качествѣ репетитора... Обучалъ двухъ оболтусовъ невѣроятной тупости, отъ которой частенько приходилъ въ полное отчаяніе... Жили мы на хуторѣ, въ страшной глуши, среди лѣсовъ, верстахъ въ двадцати отъ почтовой станціи. Помѣщикъ былъ вдовъ, грубъ, неотесанъ, настоящій муромскій медвѣдь. Говорилъ хриплымъ басомъ, ругался скверными словами, курилъ трубку, плевалъ на полъ, ходилъ полураздѣтый по всѣмъ комнатамъ, а когда выходилъ изъ дома, всегда захватывалъ плетеную изъ ремней нагайку. Въ уѣздѣ онъ игралъ большую роль и въ числѣ почетныхъ должностей носилъ на себѣ титулъ попечителя колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, подъ дачу которой онъ отдавалъ свой второй хуторъ, верстахъ въ пятнадцати отъ нашего мѣстопребыванія...

Ходили въ народѣ слухи, что въ оврагѣ лѣса, близъ этой колоніи, зарытъ огромный кладъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе переходила легенда объ этомъ кладѣ. Когда-то, при царѣ Горохѣ, въ лѣсу укрывалась шайка разбойниковъ—Кудеяръ съ молодцами. Преслѣдуемая государевыми ратными людьми, шайка зарыла награбленное золото въ лѣсномъ оврагѣ и скрылась въ глубинѣ муромскихъ лѣсовъ. Когда шайка была частью перебита, частью переловлена, послѣдній изъ ея молодцовъ, по прозванію Ванька-Каинъ, передъ казнью ухитрился передать письмо на родину, молодой женѣ. Въ этомъ письмѣ разбойникъ открылъ ей секретъ о чугунѣ съ золотомъ и подробно описалъ примѣты того мѣста, гдѣ слѣдовало искать кладъ. По письму выходило, что чугунъ зарытъ въ одномъ изъ овраговъ того лѣса, гдѣ былъ расположенъ второй хуторъ дикаго помѣщика... Долго окрестные жители искали этотъ кладъ, изрыли всѣ овраги, надѣлали гротовъ и дудокъ, словно здѣсь работали золотоискатели. Помѣщикъ гонялъ ихъ, билъ нагайкой, таскалъ по судамъ, а въ концѣ концовъ самъ сталъ вѣрить, что кладъ есть.

Къ тому времени, когда я попалъ репетиторомъ къ муромскому медвѣдю, дѣла его сильно пошатнулись, почти весь лѣсъ онъ распродалъ, но тѣ двадцать-тридцать десятинъ, въ районѣ которыхъ предполагался кладъ, попридерживалъ и очень охотно и часто разсказывалъ мнѣ о Кудеярѣ и его молодцахъ... Очевидно, кладъ Кудеяра былъ его послѣдней надеждою.

Однажды, въ теплую майскую ночь, темную, звѣздную, благоухающую, когда соловьи и одиноко тявкающія собаки пробуждаютъ на душѣ какую-то сладостную тревогу и мѣшаютъ спать молодымъ людямъ, рождая склонность къ мечтательности, я сидѣлъ на верхнемъ балконѣ хутора, попыхивалъ красноватымъ

огонькомъ папиросы и думалъ о томъ, почему я одинъ, почему меня никто не любитъ, почему меня никто не цѣлуетъ и никто не ласкаетъ... Въ самомъ дѣлѣ это было несправедливо... Я былъ молодъ, недуренъ собою, носилъ въ душѣ огромный запасъ непотраченныхъ силъ любить и быть любимымъ, а между тѣмъ никто не приходилъ... Вѣдь должна же быть гдѣ-нибудь та дѣвушка, которая обречена мнѣ въ жены! Гдѣ она? Кто она? Какъ ея имя? Какъ на зло, старая дѣва Гликерія Петровна, сестра помѣщика, особа безъ всякихъ признаковъ красоты, играла внизу сентиментально-мечтательные ноктюрны на пьянино... Плакалъ соловушекъ, плакало пьянино и я готовъ былъ плакать... Я воображалъ, что какая-то дивная дѣвушка играетъ эти ноктюрны, а вовсе не Гликерія Петровна... Не вязались съ ней эти ноктюрны... Вотъ смолкли и ноктюрны...

— Вы не спите?

— Нѣтъ... Но собираюсь!—сказалъ я, опасаясь приглашенія на прогулку.

— Прекрасная ночь!

— Великолѣпная...

Гликерія Петровна глубоко вздохнула. Я не вздохнулъ: боялся этимъ вовлечь себя въ невыгодную сдѣлку...

— Неужели вы можете спать въ такую ночь?

— Могу,—отвѣтилъ я и для наглядности фальшиво позѣвнулъ во весь ротъ.

— Спокойной ночи!

— И вамъ также!

Щелкнулъ замокъ двери. Ушла! Опасность миновала. Опять выдвинулъ стулъ къ периламъ и сталъ пить прохладу теплой весенней ночи... Тишина стояла удивительная, и на фонѣ этой темно-синей тишины надрывался соловей въ саду, а на горѣ, въ угрюмо спавшей деревенькѣ, какой-то Шарикъ съ крючкообразнымъ хвостомъ отчаянно брехалъ и, казалось, прислушивался къ своему лаю, эхомъ отскакивавшему отъ черной стѣны лѣса... Звѣзды горѣли ярко, вздрагивали, и, конечно, я мысленно жаловался имъ на свое одиночество. Гдѣ-то въ лугахъ, казавшихся теперь черной бездною, дергалъ неугомонный коростель, а подъ балкономъ, въ цвѣточныхъ клумбахъ, стрекотали безсонные кузнечики, словно шептались о какихъ-то тайнахъ весенней ночи... Трудно въ такія ночи молодому, здоровому, жизнерадостному человѣку не думать о женщинѣ... Я жадно пилъ ночной ароматъ цвѣтовъ, земли, навоза, и думалъ: вотъ мнѣ и двадцать четыре года, а я все еще не встрѣтилъ той, которая и т. д.

И пока нечего надѣяться: живу въ лѣсныхъ дебряхъ и изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ теперь встрѣчаю, питаю маленькую симпатію только къ коровницѣ Лушѣ. Но при чемъ тутъ Луша, молодая солдатка? Здоровая бабенка съ лукавымъ взоромъ изъ-подъ спущеннаго на лобъ платочка; ходитъ грудью впередъ, словно несетъ ее съ гордостью предъ всѣмъ міромъ; когда бѣгаетъ, то трясетъ торсомъ; зоветъ коровъ густымъ альтомъ... Вѣдь не Луша же?.. А звѣзды горятъ ярко... И мысль скачетъ отъ небесъ къ коровнику, гдѣ спитъ смуглая, съ лукавымъ глазомъ Луша... Истомился, грохнулся не раздѣваясь въ постель и сомкнулъ глаза. А соловей не унимался и по прежнему брехалъ на горѣ Шарикъ... Въ довершеніе всего надъ ухомъ запѣлъ комаръ.

— Ну, и ты съ ноктюрнами!..

Комара убилъ. Злобно убилъ, не пощадивъ своей щеки. Только было сталъ забываться, какъ чрезъ раскрытую дверь балкона вѣтерокъ принесъ топотъ скачущей лошади...

— Тпру!..

Фыркаетъ лошадь. Кто-то стучитъ въ окно кухни. Что такое? Ко мнѣ? За мной?.. Чувствую что-то роковое въ своей жизни... Сошелъ внизъ.

— Откуда?

— Съ дальняго хутора.

— Что случилось?

— За бариномъ...

Разочарованіе... Была какая-то смутная надежда на этого таинственнаго всадника, прискакавшаго изъ таинственной темноты.

— Зачѣмъ?

— Не могу объяснить никому, кромѣ барина...

— Да ты кто такой?

— Сторожъ съ колоніи... Егоръ! Важное дѣло. Надо разбудить барина...

Разбудили барина. Сперва онъ долго кашлялъ, плевался и ругался, потомъ стихъ и сталъ говорить тихо, очень тихо, вкрадчиво какъ-то... взволнованно...

— Семенъ Петровичъ! Что случилось?..

— Я сейчасъ... Закладывайте тарантасъ!.. Парой!

Скрипитъ лѣстница подъ грузнымъ тѣломъ Семена Петровича. А вотъ и самъ онъ, со свѣчой, полуодѣтый, взъерошенный, тяжело отдувающійся...

— Говорилъ я вамъ, батенька... Такъ оно и вышло... Нашли!

— Что такое?

— Кладъ нашли...

— Гдѣ?

— Въ оврагѣ около того хутора... Уфъ! Я такъ и зналъ... Я словно предчувствовалъ... Хотите ѣхать?.. Посмотрѣть? Чугунъ... Только первое условіе—не болтать... Дайте слово!

— Даю.

— Дойдетъ до губернатора, отберутъ въ археологическую коммиссію и т. д. Егоръ! войди-ка сюда!..

Вошелъ Егоръ. Видъ таинственный. Не знаетъ, какъ держаться въ моемъ присутствіи со своимъ секретомъ...

— Разсказывай!..

Егоръ посмотрѣлъ въ мою сторону, замялся...

— При немъ можно... Свой!..

— Да вѣдь чего же тутъ разсказывать?.. Нашли!..

И Егоръ всетаки разсказалъ все сначала... Бѣгали по оврагамъ колонскіе ребятишки и рылись въ землѣ... Обнажился край чугуннаго котла... Въ этомъ мѣстѣ давно „звонко было“: топнешь ногой и бунитъ... Оставляли безъ вниманія, а вотъ оказалось...

— Растащили, поди, много?..

— Нѣтъ... Они не могли дорыться... Онъ глубоко. А только бокъ обнаружился... Развѣ безъ лома да безъ желѣзныхъ лопатъ управишься?..

— Ты скачи обратно... Я тебя поблагодарю потомъ... Покараулить надо, чтобы никто... А Татьяна Николаевна знаетъ?

— Знаетъ...

— Вотъ это напрасно... Ты уѣхалъ, а тамъ...

— Она не тронетъ... Ребятишки-то сперва ей разсказали про кладъ-то, а она—ко мнѣ: скачи, говоритъ... Непріятности не вышло бы... Я тамъ свою бабу оставилъ... Съ револьвертомъ стоитъ... Такъ я поскачу?

— Мм... Нѣтъ. Лучше поѣдешь съ нами...

Помѣщикъ торопилъ лошадей. По двору бѣгали съ фонарями, подъ сараемъ звенѣли колокольчики...

— Лучше пока и Егора этого не пускать... Народъ—подлый... Я и такъ не вѣрю, чтобы тамъ половину не разворовали... Лошади скоро?!

— Готовы, баринъ!..

Мы усѣлись въ тарантасъ и поѣхали. Егоръ поскакалъ впереди. Долго ѣхали молча. Помѣщикъ возился на сидѣньѣ,

словно своими движеніями хотѣмъ помочь лошадямъ. То и дѣло онъ тыкалъ въ спину работника и сердито кричалъ:

— Гони!..

Несомнѣнно онъ всю дорогу думалъ о кладѣ, его цѣлости, размѣрахъ, цѣнности...

— Почемъ нынче золотникъ золота-то?—неожиданно спросилъ онъ меня...

— Рубля три...

— Не можетъ быть! дороже... Егоръ!.. Егоръ, такъ твою...—закричалъ помѣщикъ.

Словно изъ-подъ земли, показалась вдругъ у тарантаса лошадиная морда съ оскаленными зубами, съ сверкающими синевой бѣлками глазъ, съ пѣною на мягкихъ губахъ.

— А не догадался ты, материнъ сынъ, наказать Татьянѣ Николавнѣ, чтобы она не пускала туда ребятъ?

— Она не пуститъ... Она дѣвушка съ разумомъ...—проговорилъ въ темнотѣ голосъ.

— Не ѣзди впередъ! Поѣзжай рядомъ, либо позади!.. Большой котелъ-то?

— Огромадный! Бочокъ только обнаружился... Чугунъ ведеръ на десять... Татьяна Николавна ходили туда...

— Одна?

— Не могу сказать...

— Какого же чорта ты глядишь?.. Слѣдовало огородить мѣсто и никого не подпускать на выстрѣлъ!..

Егоръ опять сталъ нахваливать Татьяну Николавну, и я какъ-то невольно началъ думать: что это за Татьяна Николаевна? Спросилъ о ней сосѣда:

— Надзирательница колоніи... дѣвушка... Въ чужую душу не влѣзешь...

Дорога пошла скверная, все время лѣсомъ, песками, по жесткимъ ползучимъ корнямъ старыхъ сосенъ. Сильно било въ спину и въ бока.

Ѣхали теперь ощупью, то и дѣло получая колючія пощечины отъ развѣсистыхъ сосенъ. Сквозь темные узоры вѣтвей въ синемъ небѣ вздрагивали звѣзды; временами, хлопая жесткими крыльями, съ испуганнымъ клохотаніемъ снимались съ деревъ глухарки—лошади пугались ихъ и дергали въ сторону, а сосѣдъ валился на меня всѣмъ грузнымъ тѣломъ.

— Ну и дорожка!—ворчалъ онъ и покашливалъ такъ загадочно, твердо, себѣ на умѣ.

— Гони! Гони!..—строго покрикивалъ онъ, когда лошади

бросали рысь и шли шагомъ, словно боялся, что опоздаетъ на свиданіе...

Часа черезъ полтора мы подъѣхали къ хутору. Большой домъ высился темной грузной массою и пряталъ свою крышу въ деревьяхъ, а маленькій, стоявшій въ глубинѣ двора, свѣтился двумя маленькими огнями, напоминая живое существо съ сверкающими глазами.

— У Татьяны Николавны огонекъ. Не спитъ еще!.. Тпру!

Лошадки встали у околицы. Егоръ соскочилъ съ сѣдла. Начали обсуждать, какъ быть: сейчасъ идти въ оврагъ, или отдохнуть, дождаться разсвѣта и тогда уже двинуться на раскопки чугуна съ золотомъ.

— Надо дождаться свѣту, баринъ... Ночь больно темная... Либо не найдемъ мѣста, либо собьемся и проплутаемъ...—совѣтовалъ Егоръ. Но помѣщикъ боялся медлить:

— Куй желѣзо пока горячо!

— Не найдемъ теперь... Только зря блуждать будемъ по лѣсу.

— Покричимъ твою бабу... Услышитъ — голосъ подастъ...

— Бабу-то?.. Едва-ли она на ночь останется... Я такъ полагаю, что она ушла... Сейчасъ сбѣгаю...

— Фонарь! Топоръ! Заступъ, лопаты!—закричалъ помѣщикъ въ догонку Егору, разбудилъ молчаливый лѣсъ и напугалъ Татьяну Николаевну: на окнѣ опустилась занавѣска.

— Татьяна Николавна! Не спите? — загремѣлъ помѣщикъ черезъ околицу.

— Нѣтъ еще! — отвѣтилъ мягкій, бархатный женскій голосъ, и темный силуэтъ головки мелькнулъ на фонѣ бѣлой занавѣски.

Послѣ грубаго, хриплаго баса помѣщика этотъ голосокъ прозвучалъ эоловой арфой... Среди хмураго лѣса, темной ночью, огонекъ Татьяны Николаевны казался какимъ-то сказочнымъ и приковывалъ къ себѣ мое вниманіе и мысли... Кто она, эта лѣсная затворница съ занавѣсочкой на окнѣ, обладательница такого чарующаго музыкой голоса?

— Спитъ моя баба... — печально произнесъ въ темнотѣ Егоръ, фигура котораго заколыхалась у околицы... Послѣдовала буря гнѣва со стороны барина, съ раскатами крѣпкихъ, занозистыхъ словъ, съ угрозами выгнать вонъ съ хутора...

— Бросьте, Семенъ Петровичъ! Неудобно... Татьяна Николаевна... Окно не закрыто...—шепталъ я.

Семенъ Петровичъ говорилъ, что всѣ жулики, что, навѣрно,

баба нагребла въ подолъ золота и зарыла его гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, что онъ сгноитъ бабу въ казематѣ и т. д.

— Жулики—вы!.. И ты—жуликъ! Почему ты прискакалъ поздно?.. Гдѣ ты пропадалъ?..

— Кабы жуликъ я былъ, поѣхалъ бы я къ становому, заявилъ о кладѣ, мнѣ выдали бы третью часть... А я, баринъ, не къ становому, а къ вамъ поѣхалъ... Спросите Татьяну Николавну!.. Я даже не поинтересовался, а осѣдлалъ лошадь да къ вамъ... А ежели бы я поумнѣй былъ, я могъ бы... А баба — она конечно безо всякой храбрости...

— Значитъ, ты не знаешь, гдѣ найденъ кладъ?

— Никакъ нѣтъ...

— Кто же знаетъ, чортъ васъ всѣхъ подери?!

— Ребятишки... Баба моя тоже... Татьяна Николавна...

Семенъ Петровичъ крякнулъ и дѣловой походкой направился къ маленькому домику. У меня сжалось сердце: я боялся, что вотъ-вотъ этотъ медвѣдь заговоритъ съ Татьяной Николаевной на томъ же языкѣ одичавшаго лѣсного человѣка, на которомъ онъ только что говорилъ съ Егоромъ... Я тихо направился къ свѣтлымъ окошечкамъ, чтобы быть на готовѣ и вступиться за незнакомку съ такимъ мелодичнымъ голосомъ...

Приближаюсь... Разговариваютъ о кладѣ... довольно миролюбиво...

— Кто это тамъ? — окликнула вдругъ Татьяна Николаевна немного строго.

Я растерялся и отвѣтилъ:

— Это я!..

— Кто ты? Не Егоръ?...

— Это со мной... Идите сюда! Познакомьтесь-ка! Нашъ репетиторъ...

— Простите! Въ темнотѣ я ошиблась... Я думала...

Я подошелъ къ окну и взялъ протянутую руку. Рука маленькая, сухая, горячая... Поднимаю смущенный взоръ и поражаюсь: лѣсная красавица!.. Какъ угли на солнцѣ, сверкаютъ большіе печальные глаза... Тонкія брови слегка приподняты къ вискамъ. Узелъ тяжелыхъ черныхъ волосъ... Но голосъ!.. Не умѣю передать впечатлѣнія ласковости, мягкости контральтовыхъ нотокъ этого голоса... Бросилась въ глаза еще темная родинка надъ верхней губой... Я буквально остолбенѣлъ отъ изумленія...

— Она!—шепнулъ на ухо вѣтерокъ, и такая музыка заиграла вдругъ во всемъ моемъ существѣ, что мнѣ захотѣлось засмѣяться отъ радости...

„Такъ вотъ гдѣ спряталось мое счастье!“—думалъ я, когда окошечко захлопнулось, упала занавѣска и погасъ огонекъ...

Мы рѣшили ждать разсвѣта. Семенъ Петровичъ ушелъ въ сторожку, и долго было слышно, какъ онъ ругалъ Егорову бабу. А я остался на дворѣ, рѣшивъ прилечь въ тарантасѣ. Ни на одну минуту я не сомкнулъ глазъ. Я лежалъ въ тарантасѣ и слушалъ, какъ дышалъ лѣсъ въ весеннюю ночь, какъ распряженныя лошади жевали сѣно, какъ гудѣли майскіе жуки, какъ кричала въ лѣсу сова... А передъ глазами все время стояло лицо Татьяны Николаевны. Приподнявшись въ тарантасѣ, я вперялся взоромъ въ занавѣшенное окошечко и старался разгадать спрятавшуюся за нимъ тайну. Почему такая юная, такая красивая—спряталась въ лѣсу, живетъ въ маленькомъ домикѣ, одинокая?.. Кого она любитъ и любитъ ли кто-нибудь ее?.. Гдѣ этотъ счастливецъ?.. Можетъ-быть, онъ умеръ, а можетъ-быть—нѣтъ его и никогда не было... Можетъ-быть, это... не я ли?.. не я ли?.. Передъ разсвѣтомъ зашумѣлъ лѣсъ... На старомъ домѣ заскрипѣлъ флюгеръ... Вотъ хлопнулъ гдѣ-то ставень... Сильнѣе заворчалъ угрюмый лѣсъ... Закрутился на дворѣ вѣтеръ и сталъ шевыряться въ сѣнѣ моего тарантаса... Жутко стало... Я свернулся клубкомъ, спряталъ голову въ сѣнѣ и хотѣлъ заснуть... Но скоро мелкій, спорый дождикъ зашепталъ въ лѣсу, по крышамъ, на моей спинѣ... Слѣзъ съ тарантаса и спрятался на крылечкѣ маленькаго домика. Теперь я такъ близко отъ Татьяны Николаевны!.. Слышно, какъ она покашливаетъ... Должно быть, не спится ей... О чемъ она думаетъ? Никогда не узнаешь... Прилегъ на крылечкѣ. Вдругъ звонко стукнуло окно, распахнулись створки... Я вздрогнулъ и прижался къ полу. Зачѣмъ я это сдѣлалъ? Не знаю. Я чувствовалъ себя какимъ-то преступникомъ, словно я сдѣлалъ нѣчто скверное, спрятавшись отъ дождя на крыльцѣ Татьяны Николаевны...

Донесся глубокій вздохъ, потомъ тихій-тихій голосокъ, который скорѣе проговорилъ, чѣмъ пропѣлъ начало какой-то грустной хохлацкой пѣсенки... Смолкъ. Оборвался. И вдругъ я услышалъ плачъ, осторожный, но такой горькій-горькій, спорый, какъ этотъ дождикъ... О чемъ?.. Какъ мнѣ хотѣлось подойти къ окну, погладить черную головку и сказать что-нибудь безконечно ласковое!..

— Кто здѣсь?—испуганно спросилъ вдругъ женскій голосъ съ бархатной контральтовой ноткой...

— Простите... Я прятался отъ дождя...

Все стихло... У меня стучало сердце. Я чувствовалъ себя

какъ провинившійся школьникъ. Было мнѣ и стыдно, и страшно. Я не зналъ, оставаться мнѣ на крыльцѣ или поскорѣе уйти отсюда.

— Возьмите мой плащъ!..

Пріотворилась дверь сѣней, и мелькнувшая въ темнотѣ бѣлая рука протянула мнѣ резиновый синій плащъ съ клѣтчатымъ капюшономъ.

— Какъ вы добры!.. Простите меня... Не надо...

— Берите, берите!.. Я попросила бы васъ къ себѣ, но...

— Я помѣшалъ вамъ?

— Нѣтъ. Я не спала... Душно...

Раскрылась дверь; Татьяна Николаевна вышла на крыльцо, съ плэдомъ на плечахъ, поежилась, плотно обвилась плэдомъ и присѣла на ступеньку лѣстницы.

— Скоро будетъ свѣтать...—прошептала она и, опершись на руки, устремила неподвижный взглядъ впередъ, въ темноту ночи.

— Скоро будетъ свѣтать... — повторилъ я и взглянулъ въ лицо дѣвушки. Она лѣвой рукой поправила узелъ волосъ съ гребенкой...

— Растрепалась... Знаете, вы мнѣ напомнили одного студента... Удивительное сходство! Голосъ, манеры, походка... Сперва я даже испугалась...

Мы сидѣли рядомъ и тихо говорили, словно давно-давно знакомые между собою...

— Должно быть, я здѣсь на крыльцѣ задремалъ и мнѣ во снѣ почудилось, что кто-то плачетъ.

— Не во снѣ... Я поплакала...

— Вы?.. О чемъ?

— Такъ... Вспомнилось прошлое... Не знаю, о чемъ...

— Можетъ-быть, я виноватъ въ этомъ... Мое сходство съ тѣмъ студентомъ...

— Должно быть...

Стихъ дождикъ. Стихъ вѣтеръ... Заиграли на востокѣ зарницы...

— Надо спать... Прощайте!.. Вамъ пора ѣхать за кладомъ.

Она встала и протянула мнѣ руку...

— Я не поѣду...

— Почему?

Мнѣ хотѣлось сказать, что я уже нашелъ свой кладъ, но я не посмѣлъ этого сказать. Ушла. Заперла дверь. Я долго смотрѣлъ на дверь, на окно, на занавѣску, которая тихо покачивалась отъ вѣтра...“

— Вѣришь ты въ то, что можно полюбить сразу? При первой встрѣчѣ?.. Можно. Даже должно... Влюбился я безумно, нетерпѣливо, мучительно... Плакалъ, кусалъ подушку, молился Богу, думалъ о смерти, ревновалъ къ тому студенту, который смѣлъ походить на меня...

— А она?

— Она уѣхала раньше, чѣмъ я успѣлъ сказать ей о моей любви... Поссорилась съ попечителемъ, который вмѣсто чугуна съ золотомъ нашелъ разбитый котелъ, въ которомъ бывшій здѣсь когда-то заводикъ варилъ паточное варенье,—бросила мѣсто въ колоніи и исчезла...

— Чѣмъ же все это кончилось?..

— Помѣщикъ бросилъ искать кладъ, а я очень долго искалъ свой... да такъ и не нашелъ... Пропала Татьяна Николаевна... Года три искалъ...

— А теперь?

— Теперь не ищу... Женился, имѣю кучу ребятъ, массу работы, заботъ, хлопотъ, непріятностей... А все еще, какъ встрѣчу на улицѣ женскій синій непромокаемый плащъ съ клѣтчатымъ капюшономъ, такъ и остановлюсь, какъ вкопанный... Не она ли? И забываю, что мнѣ перевалило за сорокъ, что борода у меня сѣдая и что давно износился тотъ синій плащъ, подъ которымъ я прятался отъ дождика въ одну изъ весеннихъ ночей своей юности...

Евгеній Чириковъ.

СЕЛЬСКІЕ СОНЕТЫ

I.

Весна купается въ небесной синевѣ.
Играютъ бабочки надъ солнечной поляной.
Веселый вѣтерокъ, отъ знойной нѣги пьяный,
Шалитъ съ березками и прячется въ листвѣ.

Средь милыхъ ящерицъ ничкомъ лежу въ травѣ
И весь дышу землей—ея истомой пряной.
И мысль овѣяна блаженною нирваной,
И сказки, но безъ словъ, роятся въ головѣ.

И, просвѣтленная, подъ лаской осіянья,
Душа всезрячая къ матеріи слѣпой
Припала въ радости дочерняго сліянья—

Пьетъ сонъ предвѣчности изъ урны голубой
И, внемля таинству святого волхвованья,
Летитъ за даль вѣковъ безсмертною мечтой.

II.

Лазурнымъ озеромъ, прозрачнымъ, но бездоннымъ,
Плывутъ два облачка къ востоку на поклонъ.
Безбрежье зелени блеститъ со всѣхъ сторонъ,
И воздухъ весь сквозитъ стекломъ озелененнымъ.

Шуршитъ—растетъ трава. Повисъ дыханьемъ соннымъ
Въ загрезившихъ вѣтвяхъ какой-то смутный звонъ.
Кого-то радуя, кукушки вѣщій стонъ
Сулитъ за годомъ годъ размѣромъ монотоннымъ.

Съ луговъ повѣяло цвѣтущимъ лознякомъ...
Защелкалъ соловей... Но смолкъ онъ—до заката.
И трель осыпалась серебрянымъ дождемъ.

И что-то милое, что было сномъ когда-то
Иль радостью цвѣло въ мгновеньи золотомъ,
Вновь ожило въ душѣ, взлелѣянное свято.

III.

Луна идетъ мечтать на мглистый небосклонъ,
Гдѣ рѣютъ тѣни грёзъ, роняя въ міръ мерцанье.
Спитъ ночь. И спитъ земля. Въ нѣмомъ очарованьѣ
Стою—и снится мнѣ волшебный бѣлый сонъ.

Весь садъ—какъ въ жемчугѣ. Отъ счастья плачетъ онъ.
Приникла тишина и пьетъ его дыханье.
И воздухъ силится шепнуть свое желанье—
И бредитъ трепетно, луной завороженъ.

На сумрачномъ лугу косматыя видѣнья,
Цѣпляясь за кусты, блуждаютъ у ручья
И слѣпо тянутся до бѣлыхъ стѣнъ селенья.

Имъ зябко—хочется погрѣться у жилья
И жаль покинуть лугъ: ихъ сладостью томленья
Пьянитъ любовная молитва соловья.

IV.

Пришла—стоитъ весна. Позеленѣвъ, съ испугомъ
Послѣдніе снѣга въ оврагахъ залегли.
Летятъ и празднично горланятъ журавли,
И утки, крякая, уже снуютъ надъ лугомъ.

Крестьянинъ весело идетъ за новымъ плугомъ.
Сынишка, выросшій въ преданіяхъ земли,
Слѣдя, какъ рѣзвый Жукъ охотится вдали,
Хозяйственную рѣчь ведетъ съ отцомъ, какъ съ другомъ.

Какъ мать-просвирница въ короткомъ зипунѣ
И въ сѣренькомъ платкѣ на сгорбленной спинѣ,
Ворона бороздой, спѣша, идетъ съ развальцемъ.

Вотъ—съ боку клюнула и тащитъ червяка.
А мальчикъ, на нее указывая пальцемъ,
Досадливо зоветъ далекаго Жука.

V.

Подъ солнцемъ утреннимъ блеститъ росою дворъ.
Коровы угнаны. Открыты настежь клѣти.
Телята чинныя, какъ маленькія дѣти,
Шажками робкими выходятъ на просторъ.

Бычекъ, склонивши лобъ, уставился въ упоръ
На диво-дивное—на желтаго цыпленка—
И вдругъ, задравши хвостъ, подпрыгнулъ, рявкнулъ звонко
И лихо поскакалъ, взбивая вихремъ соръ.

За нимъ—двѣ телочки; и поросенокъ бравый,
Захрюкавъ—тоже вскачъ; и, взлаявъ—съ ними Жукъ.
И ужасъ обнялъ куръ передъ такой забавой:

Разсыпались—орутъ, и всклоченный супругъ
Бѣжитъ, вопитъ, грозитъ обидчикамъ расправой
И женъ взволнованныхъ скликаетъ въ мирный кругъ.

А. Колтоновскій.

П. Л. ЛАВРОВЪ

О СЕБѢ САМОМЪ

*(Окончаніе *)*

II.

Ученіе.

Въ многочисленныхъ работахъ Лаврова, писанныхъ въ Петербургѣ, въ ссылкѣ и за границею въ продолженіе 34 лѣтъ (1855 — 1889 гг.), а частью лишь изложенныхъ словесно въ рѣчахъ и рефератахъ, удобнѣе разсмотрѣть особо слѣдующіе отдѣлы: 1) Общее міросозерцаніе, 2) Этика, 3) Соціологія и соціализмъ, 4) Построеніе исторіи и отношеніе ея къ антропологіи и 5) Практическія задачи по отношенію къ Россіи.

1. Общее міросозерцаніе.

Въ своемъ дѣтствѣ Лавровъ оставался постоянно на ступени привычнаго вѣрованія, не вызывавшаго размышленія, и никогда не проходилъ черезъ фазисъ религіознаго аффекта. Лѣтъ около 15—16 жизнь натолкнула его на размышленія о философской задачѣ свободной воли, отвѣтственности и необходимости, и онъ выработалъ въ себѣ самый рѣшительный детерминизмъ въ формѣ теистическаго фатализма, который отразился въ разныхъ раннихъ

*) См. октябрь, стр. 92.

стихотвореніяхъ, но всего полнѣе въ позднѣйшемъ: „Предопредѣленіе“ (кѣмъ-то помѣщено въ одномъ заграничномъ сборникѣ). Занимаясь самъ со страстью стихотворствомъ, Лавровъ придавалъ поэзіи въ молодости романтически-преувеличенное значеніе въ мысли и жизни, въ особенности же примирительную роль между религіей и наукой (что опять-таки отразилось въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, напримѣръ въ позднѣйшемъ, нигдѣ не напечатанномъ: „Первая глава книги Бытія“), и долго считалъ теистическое міросозерцаніе наиболѣе поэтическимъ, какъ форму мысли, даже когда отрекся въ своемъ убѣжденіи отъ всякаго теистическаго элемента. Съ аргументами матеріализма Лавровъ ознакомился лѣтъ 22-хъ. Лѣтъ около 30-ти его міросозерцаніе въ общихъ чертахъ установилось, но оно для него самого уяснилось и выработалось въ подробностяхъ лишь въ процессѣ литературныхъ работъ въ концѣ 50-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ онъ не нашелъ ни нужнымъ, ни возможнымъ измѣнить его ни въ одномъ существенномъ пунктѣ.

Для знакомства съ общими философскими воззрѣніями Лаврова, матеріалами могутъ служить частью его прежнія статьи въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ объ „Антропологической точкѣ зрѣнія“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ о „Механической теоріи міра“ и „Три бесѣды о современномъ значеніи философіи“ (1861 г.), частью позднѣйшія работы, особенно же лекціи по основнымъ вопросамъ философіи, читанныя имъ въ 1883—84 гг., и нѣкоторыя главы его послѣдняго историческаго труда.

Для міросозерцанія, которому Лавровъ слѣдуетъ, онъ предпочитаетъ употреблять названіе Антропологизма. Онъ видитъ первое проявленіе этого направленія у Протагора; находитъ возможнымъ прослѣдить его воззрѣнія у древнихъ скептиковъ, особенно во второй Академіи, когда вырабатывалось понятіе о вѣроятнѣйшемъ, впослѣдствіи у новыхъ теоретиковъ опыта и у сенсуалистовъ; еще болѣе основательное подготовленіе находитъ у Эммануила Канта; въ принципіальныхъ положеніяхъ философіи Людвига Фейербаха признаетъ установленіе опредѣленныхъ началъ антропологизма; затѣмъ находитъ важныя исправленія и дополненія въ этомъ отношеніи въ трудахъ нео-кантіанцевъ и особенно Альберта Ланге. При этомъ Лавровъ допускаетъ, что матеріализмъ, позитивизмъ и эволюціонизмъ, оставаясь односторонними, дали весьма важныя частныя указанія для построенія научной философской системы. Системы, заключающія въ себѣ сверхъестественное начало—спиритуалистическій дуализмъ и идеалистическую метафизику,—Лавровъ считаетъ вносящими въ фило-

софскія построенія наиболѣе патологическихъ элементовъ. Въ журнальныхъ статьяхъ, перечисленныхъ отчасти выше, Лавровъ высказалъ свое отношеніе къ позитивизму, къ философскимъ трудамъ Спенсера, къ пессимизму, къ гегелизму и къ нѣкоторымъ другимъ направленіямъ идеализма.

Для него философская мысль есть спеціально мысль объединяющая, теоретически-творческая въ смыслѣ объединенія, черпающая весь свой матеріалъ изъ знанія, вѣрованія, практическихъ побужденій, но вносящая во всѣ эти элементы требованіе единства и послѣдовательности.

Съ точки зрѣнія антропологизма, по мнѣнію Лаврова, невозможно знать такъ называемыя вещи сами въ себѣ или сущность вещей. Теоретическій и практическій міры остаются неизвѣстными по ихъ сущности и представляютъ для человѣка совокупность познаваемыхъ явленій съ непознаваемою подкладкою. Слѣдуетъ рѣшительно отказаться отъ познанія этой метафизической сущности и ограничиться, при философскомъ построеніи, гармоническимъ объединеніемъ міра явленій. Именно надо отыскать точку исхода, не безусловно-истинную, но неизбѣжную для насъ по способу организаціи нашего мышленія; надо оцѣнить, выходя изъ этой точки, наиболѣе вѣроятныя положенія для этого мышленія и надо расположить около этихъ положеній всю область мышленія о явленіяхъ по степени вѣроятности ихъ для насъ.

По мнѣнію Лаврова, всякое мышленіе и дѣйствіе предполагаетъ, съ одной стороны, міръ, какъ онъ есть, съ закономъ причинности, связывающимъ явленія; съ другой стороны, предполагаетъ возможность постановки нами цѣлей и выбора средствъ по критеріямъ пріятнѣйшаго, полезнѣйшаго, должнаго. Но то и другое существуетъ не само по себѣ, а *для насъ*, слѣдовательно предполагаетъ *человѣка* въ общественномъ строѣ, при взаимной провѣркѣ и взаимномъ развитіи мнѣній о мірѣ и о цѣляхъ дѣятельности. Слѣдовательно, основною точкою исхода философскаго построенія является *человѣкъ*, провѣряющій себя теоретически и практически и развивающійся въ общежитіи. На этой неизбѣжно-догматической для человѣка почвѣ мышленія единственно можетъ работать критика для построенія стройной и раціональной системы міра мыслимаго и міра практической дѣятельности.

Въ такомъ случаѣ, элементъ наиболѣе вѣроятнѣйшій, совершенно неизбѣжный для всякаго мышленія и для всякой дѣятельности человѣка, есть, прежде всего, его собственное сознаніе.

Далѣе одинаково вѣроятными или одинаково неизбѣжными предположеніями всякаго мышленія и всякаго дѣйствія оказываются: 1) реальный міръ, однородный тому, что установилось въ представленіи человѣка какъ его собственное тѣло, реальный міръ, въ которомъ все связано съ закономъ необходимости и въ которомъ основаніемъ является субстратъ, движущійся и вызывающій представленія; 2) постановка личностью цѣлей и выборъ ею средствъ для дѣятельности въ мірѣ, часть котораго она составляетъ. Третьимъ по степени вѣроятности, но вполнѣ необходимымъ для научной философіи, является положеніе о возможности для личности, провѣряющей себя и развивающейся въ общежитіи, критически оцѣнивать: 1) степень уменьшенія реальности явленій познаваемаго имъ міра по мѣрѣ отдаленія этихъ явленій отъ элементарныхъ понятій пространства, времени, движенія, движущагося; 2) достоинство цѣлей и средствъ практической дѣятельности. Скептическое отношеніе къ послѣдней ступени дѣлаетъ невозможною всякую научную философію. Скептическое отношеніе ко второй дѣлаетъ невозможной всякую философію вообще. Скептическое отношеніе къ первой дѣлаетъ невозможнымъ всякое мышленіе, всякую дѣятельность, да и само по себѣ невозможно.

Признавая критически вѣроятность этихъ трехъ ступеней построенія системы, антропологизмъ допускаетъ три здоровыя области зрѣлаго теоретическаго мышленія: 1) знаніе; 2) свободное, сознательное творчество искусства; 3) критически-объединяющее творчество философское. Онъ признаетъ зародышною или патологическою область религіознаго мышленія, не отрицая его важной роли въ исторіи, какъ всякаго зародышнаго фазиса въ эволюціи зрѣлыхъ формъ.

Въ научной системѣ антропологизма человѣческое „я“, провѣряющее себя и развивающееся въ общежитіи, является философскимъ центромъ одновременно какъ продуктъ всего мыслимаго (именно продуктъ механической системы мыслимаго міра) и какъ строитель всего мыслимаго, въ своемъ стремленіи: 1) къ мыслимой истинѣ (что̀ даетъ методъ логическаго мышленія, установленные факты точнаго знанія, наконецъ систему вѣроятнѣйшаго міросозерцанія); 2) къ лучшей жизни личности и общества въ ихъ взаимодѣйствіи (что̀ даетъ развитіе представленій о наслажденіи и развитіе индивидуальныхъ идеаловъ въ личности; развитіе требованія художественнаго творчества въ связи съ предыдущимъ; развитіе справедливѣйшихъ формъ общежитія; прогрессивную исторію).

Религіозное настроеніе есть для Лаврова настроеніе патологическое и прямо противоположное научной критикѣ. Онъ нѣсколько разъ возвращался къ религіознымъ вопросамъ, всего ранѣе въ статьѣ о „Гегелизмѣ“ („Библіотека для чтенія“) и о „Современныхъ германскихъ теистахъ“, позже — въ „Развитіи ученій о миѳическихъ вѣрованіяхъ“ („Современное Обозрѣніе“), въ статьяхъ: „Цивилизація и дикіе народы“ („Отечественныя Записки“), „Новая наука“ („Знаніе“), „Теоретики 40-хъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ“ („Устои“), въ рефератахъ, прочтенныхъ въ Парижѣ по поводу пріѣзда Фрея, наконецъ въ своемъ послѣднемъ историческомъ трудѣ, особенно въ выпускѣ VI перваго тома. Признавая обширную роль религіи въ эволюціи человѣчества, особенно въ доисторическій періодъ, Лавровъ пытался доказать, что собственно все творчество религіозной мысли принадлежитъ этому періоду; въ теченіе же исторіи подъ названіемъ религіи работаетъ исключительно мысль философская — эстетическая и, позже, нравственная; религіозный элементъ все атрофируется, встрѣчается лишь въ переживаніяхъ прошлаго, и цивилизація новаго времени есть, по своей существенной характеристикѣ, цивилизація свѣтская, стремящаяся выдѣлить изъ себя всякій религіозный элементъ, который, окончательно, и долженъ изъ нея исчезнуть.

Въ пониманіи природы Лавровъ, на основаніи предыдущаго, становится по необходимости на матеріалистическую точку зрѣнія, видоизмѣненную эволюціонизмомъ. Онъ считаетъ необходимымъ для человѣка различнымъ образомъ понимать требованіе открытія законовъ въ наукахъ повторяющихся явленій и въ наукахъ эволюціи, хотя признаетъ, что это — различіе въ точкахъ зрѣнія на явленія природы, а не въ существенномъ пониманіи этихъ явленій. Онъ отрицаетъ правильность распространенія понятій о жизни, сознаніи и общежитіи за предѣлы органическаго міра и распространенія понятія объ обществѣ на скопленія особей, въ которыхъ нельзя признать присутствія сознанія. На ступени органическихъ существъ онъ считаетъ, что явленіе сознанія и явленіе общественной солидарности представляютъ для организмовъ могущественныя оружія въ борьбѣ за существованіе и что, поэтому, человѣкъ, для успѣха въ этой борьбѣ, развиваетъ и долженъ развивать понятіе о сознательной солидарности всего человѣчества, ставить его цѣлью личной и общественной дѣятельности и цѣлью настоящаго процесса исторіи, вырабатывающаго соціалистическую солидарность кооперативнаго труда взаимно-развивающихъ другъ друга личностей, какъ выходъ изъ конкур-

ренціи личностей, борющихся между собою за существованіе, за барышъ, за монополію наслажденій (объ этомъ преимущественно— „Задачи соціализма" въ „Вѣстникѣ Народной Воли", I). Лавровъ особенно подчеркиваетъ, при разсмотрѣніи біологическаго дифференцированія особи и общества, различіе идеальныхъ типовъ біологическаго и соціологическаго организма, изъ которыхъ первый стремится выработать господство сознанія въ одномъ элементѣ съ засыпаніемъ сознанія во всѣхъ остальныхъ, послѣдній же стремится выработать наибольшее возможное сознаніе въ отдѣльныхъ элементахъ и на развитіи этого сознанія особей основываетъ идеальную солидарность частей общественнаго организма между собою и съ цѣлымъ. Впрочемъ, вопросамъ, относящимся къ естествознанію, Лавровъ посвящалъ мало доли въ своихъ трудахъ, кромѣ роли вступительныхъ понятій въ исторію человѣческой мысли.

Своимъ немногимъ работамъ по вопросамъ логики, психологіи и эстетики Лавровъ не придаетъ особаго значенія. Сюда относятся его примѣчанія къ русскому переводу „Логики" Милля, статья „О принципахъ и аксіомахъ" (трудъ, оставшійся въ рукописи), отчеты о нѣмецкой психологіи въ „Отечественныхъ Запискахъ" 50-хъ годовъ, статья о психологіи Кавелина въ томъ же журналѣ 70-хъ годовъ, статья о „Лаокоонѣ" Лессинга въ „Библіотекѣ для чтенія" конца 50-хъ или 60-хъ годовъ. Нѣсколько болѣе обработаны главы, относящіяся къ психологіи, въ „Опытѣ исторіи мысли новаго времени", кн. I, гл. 3.

Лавровъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о систематической классификаціи наукъ. Этому посвященъ первый трудъ, напечатанный имъ въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ", затѣмъ рядъ статей: „Очерки систематическаго знанія" въ журналѣ „Знаніе" (неоконченный), и къ этому вопросу онъ возвращался эпизодически и позже. Въ настоящее время Лавровъ признаетъ, что раціональная классификація наукъ должна неизбѣжно измѣняться при развитіи знаній, при углубленіи философскаго пониманія человѣка и его потребностей и при измѣненіи практическаго распредѣленія занятій ученыхъ и мыслителей по вопросамъ, возникающимъ въ разныя эпохи.

2. Этика.

Лавровъ въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности особенно занимался вопросами этики, начиная брошюрой „Очерки вопросовъ практической философіи: Личность", про-

должая статьею въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1870 (или 1871 г.): „Современныя ученія о нравственности и ея развитіе" (по поводу книги Лекки) и кончая статьею: „Соціальная революція и задачи нравственности" въ „Вѣстникѣ Народной Воли", не упоминая о болѣе случайныхъ или частныхъ трудахъ.

Для Лаврова область нравственности не только не прирождена человѣку, но далеко не всѣ личности вырабатываютъ въ себѣ нравственныя побужденія, точно также какъ далеко не всѣ доходятъ до научнаго мышленія. Прирождено человѣку лишь стремленіе къ наслажденію, и, въ числѣ наслажденій, развитый человѣкъ вырабатываетъ наслажденіе нравственною жизнью и ставитъ это на высшую ступень въ іерархіи наслажденій. Большинство останавливается на способности разсчета пользы. Нравственная жизнь начинается въ элементарной формѣ выработкою представленія о личномъ достоинствѣ и стремленіемъ воплотить въ жизни это достоинство, которое въ этой формѣ становится нравственнымъ идеаломъ. Нравственная жизнь получаетъ прочную основу, когда человѣкъ сознаетъ, что процессу этой жизни присуще развитіе, вырабатываетъ въ себѣ способность наслажденія собственнымъ развитіемъ и потребность развиваться. По самой сущности этого процесса отъ него нераздѣльна критика; нравственный аффектъ оказывается единственнымъ аффектомъ, допускающимъ и требующимъ критику. Это самое даетъ для этики, рядомъ съ субъективнымъ признакомъ необходимости выработать, развивать и осуществить въ жизни убѣжденіе, первый объективный признакъ нравственнаго убѣжденія, что оно не можетъ отрицать критику. Второй объективный признакъ нравственнаго убѣжденія зависитъ уже отъ того антропологическаго условія, что человѣкъ не можетъ жить внѣ общества и потому его нравственность не можетъ быть исключительно личною, но должна быть въ то же время нравственностью общественною, т.-е. допускать и требовать укрѣпленія и расширенія общественной солидарности. Отсюда признаніе за другими личностями человѣческаго достоинства и требованіе поступать съ ними сообразно ихъ достоинству, т.-е. требованіе справедливости, какъ формулирующее и исчерпывающее объективный признакъ общественной нравственности. По мнѣнію Лаврова, вся этика исчерпывается основными понятіями достоинства, развитія, критическаго убѣжденія и справедливости. Для развитаго человѣка они такъ же опредѣленны и обязательны, какъ понятія геометріи, всѣ же остальныя правила нравственной казуистики или морали не имѣютъ ничего прочнаго, но обусловливаются своимъ отношеніемъ, при

данныхъ обстоятельствахъ, къ этимъ основнымъ понятіямъ. Отношеніе этой этики, которую Лавровъ считаетъ научною, къ утилитаризму онъ устанавливаетъ слѣдующимъ образомъ: вслѣдствіе того, что большинство людей не дорабатывается до степени нравственнаго развитія и остается на ступени разсчета пользы, Лавровъ считаетъ, что аргументація утилитаризма—въ большинствѣ случаевъ совпадающая въ выводахъ съ тѣмъ, что онъ считаетъ научною этикою—гораздо чаще можетъ быть приложена въ нравственномъ обсужденіи мыслей и поступковъ, чѣмъ аргументація научной этики, годная лишь для людей уже развитыхъ. Впрочемъ, Лавровъ признаетъ, что всѣ утилитаристы, допускающіе оцѣнку пользы не только количественную, но и качественную, стоятъ уже болѣе или менѣе сознательно на почвѣ научной этики. Кромѣ того, такъ какъ требованіе справедливости на практикѣ ведетъ къ осуществленію справедливѣйшаго строя общества, а это, большею частью, приводитъ къ борьбѣ, относительно которой справедливость указываетъ лишь необходимость борьбы, а не формы ея, то, при опредѣленіи этихъ формъ борьбы въ частности, утилитаризмъ является едва ли не единственнымъ руководящимъ пріемомъ для развитаго человѣка.

3. Соціологія и соціализмъ.

Соціологическіе вопросы Лавровъ разрабатывалъ, кромѣ своихъ трудовъ по этикѣ, еще болѣе спеціально въ „Историческихъ письмахъ", въ статьяхъ о соціализмѣ во „Впередъ!", въ „Вѣстникѣ Народной Воли" и въ бесѣдахъ о соціологіи для небольшого кружка русскихъ соціалистовъ-пропагандистовъ—бесѣдахъ, о которыхъ сказано выше. Впрочемъ, экономическимъ вопросамъ онъ не посвящалъ особыхъ работъ, признавая себя ученикомъ Маркса съ тѣхъ поръ, какъ ознакомился съ его теоріею, но преимущественно изслѣдуя вопросы соціологіи по отношенію къ теоріи прогресса, къ этикѣ и къ исторіи.

Для Лаврова соціологія есть наука, изслѣдующая формы проявленія, усиленія и ослабленія солидарности между сознательными органическими особями, и потому охватываетъ, съ одной стороны, всѣ животныя общества, въ которыхъ особи выработали въ себѣ достаточную степень индивидуальнаго сознанія, съ другой—не только существующія уже формы человѣческаго общежитія, но и тѣ общественные идеалы, въ которыхъ человѣкъ надѣется осуществить болѣе солидарное и вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и болѣе справедливое общежитіе, а также тѣ практическія за-

дачи, которыя неизбѣжно вытекаютъ для личности изъ стремленія осуществить свои общественные идеалы или хотя бы приблизить ихъ осуществленіе. Приложеніе къ обществу понятія объ организмѣ возможно, но должно имъ пользоваться крайне осторожно, имѣя постоянно въ виду то существенное различіе біологическаго организма отъ соціологическаго, которое указано выше. Общественныя формы являются какъ измѣняющіеся въ исторіи продукты общественнаго творчества личностей въ виду ихъ блага, и потому личность всегда имѣетъ право и обязанность стремиться измѣнить существующія формы сообразно своимъ нравственнымъ идеаламъ, имѣетъ право и обязанность бороться за то, что она считаетъ прогрессомъ (постоянно подвергая критикѣ, по основнымъ требованіямъ этики, свои представленія о прогрессѣ), вырабатывая общественную силу, способную восторжествовать въ подобной борьбѣ. На почвѣ основныхъ требованій этики объективными признаками прогресса являются одновременное усиленіе сознательныхъ процессовъ въ особи и солидарности въ обществѣ, при расширеніи этой солидарности все на бо́льшее и бо́льшее число особей. Изъ четырехъ побудительныхъ причинъ человѣческой дѣятельности: обычая, аффекта, интереса и убѣжденія, первая безусловно противна критикѣ и прогрессу, который всегда заключается въ постепенномъ освобожденіи человѣка, по мѣрѣ его развитія, отъ узъ обычая (въ формѣ привычекъ или преданій). Личный аффектъ является то помѣхою, то содѣйствіемъ прогрессу и пріобрѣтаетъ все болѣе послѣдній характеръ лишь настолько, насколько онъ переходитъ въ аффектъ общественный и, подчиняясь критикѣ, становится аффектомъ нравственнымъ. Вслѣдствіе того, что большинство руководится лишь разсчетомъ пользы, интересъ является до сихъ поръ самымъ общимъ общественнымъ побужденіемъ, и въ каждую историческую эпоху прогрессивное движеніе прочно лишь тогда, когда интересы большинства совпадаютъ въ своихъ общественныхъ идеалахъ съ убѣжденіями наиболѣе развитаго меньшинства. Въ настоящую эпоху соціализмъ, какъ общественный идеалъ, вполнѣ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ: онъ представляетъ интересы рабочаго большинства, насколько оно проникнуто сознаніемъ классовой борьбы: онъ осуществляетъ для развитаго меньшинства идеалъ справедливѣйшаго общежитія, допускающаго наибольшее сознательное развитіе личности при наибольшей солидарности всѣхъ трудящихся, идеалъ, способный охватить все человѣчество, разрушая всѣ разграниченія государствъ, національностей и расъ; онъ есть, для личностей наиболѣе вдумавшихся въ ходъ исторіи, и

неизбѣжный результатъ современнаго процесса экономической жизни. Поэтому разсчетъ интереса всякаго трудящагося, одновременно съ нравственнымъ аффектомъ развитой личности, желающей отплатить человѣчеству за свое развитіе,—такъ дорого стоившее предыдущимъ поколѣніямъ, — и съ стремленіемъ этой личности осуществить наиболѣе справедливое общежитіе, наконецъ одновременно съ побужденіемъ наилучше понимающей личности облегчить необходимый прогрессъ исторіи,—должны побуждать всякую развитую личность становиться въ ряды соціалистовъ, стремиться усилить ихъ организацію, какъ общественной силы, бороться энергически противъ всѣхъ препятствій къ осуществленію ихъ общественнаго идеала и содѣйствовать этому осуществленію всѣми орудіями слова и дѣла, доступными личности.

4. Исторія и ея отношеніе къ антропологіи.

Довольно значительная часть трудовъ Лаврова, даже монографическихъ, имѣетъ историческій характеръ. Онъ всегда имѣлъ склонность разсматривать всякое явленіе въ его генезисѣ, и потому введенія въ его различныя работы занимаютъ весьма часто не менѣе мѣста, какъ и самыя работы; многіе начатые имъ труды остановились на историческихъ введеніяхъ къ нимъ. Къ срединѣ же 60-хъ годовъ онъ все болѣе занимается планами обобщающихъ историческихъ трудовъ. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на исторію науки и на роль, которую играетъ наука въ исторіи вообще. Сюда относится читанный имъ и печатанный въ двухъ оффиціальныхъ изданіяхъ неоконченный очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ и лекціи о вліяніи хода науки на военное дѣло; впослѣдствіи же этому предмету посвящены нѣкоторыя статьи о роли науки въ исторіи цивилизаціи, о ея роли спеціально въ періодъ Возрожденія и т. п. Съ самой минуты ареста—за которымъ, какъ онъ не сомнѣвался ни минуты, должно было слѣдовать прекращеніе его педагогической дѣятельности—онъ начинаетъ вырабатывать планъ *исторіи мысли*. Въ одномъ изъ сборниковъ того времени напечатана небольшая статья: „Нѣсколько мыслей объ исторіи мысли“, а подъ арестомъ набросана карандашомъ полная программа всеобщей исторіи преимущественно съ точки зрѣнія развитія мысли. Въ вологодской ссылкѣ онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ разрабатываетъ эту программу и планъ исторіи, состоящей изъ отрывковъ разныхъ авторовъ, но группированныхъ систематически по строго-опредѣленной программѣ подчиненія второстепеннаго существенному. Этотъ

подготовительный матеріалъ наполняетъ цѣлыя тетради, а одну небольшую эпоху изъ средневѣковой исторіи Лавровъ разработалъ даже довольно подробно по имѣвшимся у него тогда матеріаламъ. Подобный же опытъ, имѣвшій болѣе значеніе програмы, чѣмъ разработаннаго труда, напечатанъ имъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" для періода Возрожденія и реформаціи: „Роль науки въ эпоху Возрожденія и реформаціи", но съ преимущественнымъ поставленіемъ на видъ элемента науки. Тогда же помѣщены тамъ же: „Историческое значеніе науки и книга Уэвеля" и въ „Знаніи": „Научныя основы исторіи цивилизаціи".

Въ 1870—71 году за границей одинъ тогдашній пріятель (впослѣдствіи совершенно отрекшійся отъ сношеній съ нимъ) предлагаетъ ему заняться исторіею новаго времени съ указанной уже точки зрѣнія, и начинается подготовка этого труда (впрочемъ, скоро прекратившагося, такъ какъ измѣнчивый характеръ личности предлагавшаго работу недолго остановился на этомъ планѣ). Съ 1873 до 1875 г. Лавровъ находитъ возможность серьезно приступить къ „Опыту исторіи мысли"—и первый выпускъ ея появляется, ограничиваясь лишь общимъ планомъ и началомъ періода подготовленія мысли вообще. Но въ 1875 г. и это обрывается. Сознавая, что въ этомъ случаѣ планъ былъ слишкомъ широкъ, Лавровъ продолжалъ его обрабатывать и подготовлять его исполненіе хотя бы частями, не теряя надежды, что хотя сколько-нибудь подвинетъ впередъ его осуществленіе.

Въ началѣ 80-хъ гг., какъ сказано выше, онъ имѣлъ нѣкоторое время основаніе думать, что этому труду будетъ возможно появиться въ предѣлахъ Россіи. Но въ концѣ 1884 г. это оказалось совершенно невозможнымъ. Тогда онъ съ весны 1886 г. сталъ готовить къ печати за границею, уже не стѣсняясь никакими условіями цензуры, существующими въ Россіи, тотъ „Опытъ исторіи мысли новаго времени", который теперь печатается, но относительно котораго, при теперешнихъ годахъ Лаврова, есть основаніе сомнѣваться, удастся ли ему кончить этотъ трудъ, и во всякомъ случаѣ приходится сказать, что Лавровъ приступилъ къ нему нѣсколько поздно. Начиная его безъ надежды имѣть для него сейчасъ издателя, Лавровъ предпослалъ тексту предисловіе, въ которомъ объяснялъ предполагаемому позднѣйшему читателю условія происхожденія этого труда и его отношеніе къ предыдущимъ. Получивъ возможность издать первый томъ, онъ не нашелъ нужнымъ печатать это нѣсколько интимное объясненіе съ читателемъ, предоставляя себѣ его пере-

дѣлать въ концѣ труда (если этотъ трудъ удастся кончить) какъ „объясненіе автора съ читателемъ".

Основныя особенности историческаго пониманія Лаврова заключаются въ слѣдующемъ.

Исторія, какъ процессъ, есть процессъ развитія, т.-е. неповторяющихся явленій, и отличается отъ другихъ подобныхъ процессовъ тѣмъ, что ея явленія обусловлены положительнымъ или отрицательнымъ проявленіемъ въ нихъ прогресса, т.-е. увеличенія сознанія въ личности и солидарности между личностями во взаимной связи этихъ элементовъ между собою. Исторія, какъ наука, есть отысканіе закона послѣдовательности въ фазисахъ развитія сознанія въ личностяхъ и солидарности между личностями. Ея главная задача заключается въ отдѣленіи для каждой эпохи, въ области сознанія и солидарности, характеристическихъ чертъ эпохи отъ переживаній въ ней стараго и отъ зародышныхъ подготовленій новаго.

Поэтому для Лаврова къ важнѣйшимъ вопросамъ исторіи, какъ науки, относится разграниченіе ея отъ антропологіи и раздѣленіе ея на періоды по существеннымъ признакамъ процесса историческаго развитія.

Антропологіи, ея систематическому раздѣленію и ея состоянію въ 60-хъ годахъ Лавровъ посвятилъ нѣсколько статей въ журналахъ еще во время своей вологодской ссылки. Сюда относятся „Антропологическіе очерки" въ „Современномъ Обозрѣніи", „Антропологи въ Европѣ" и „Цивилизація и дикіе народы" въ „Отечественныхъ Запискахъ", „Обзоръ иностранной антропологической литературы" въ „Библіографѣ", наконецъ небольшія замѣтки въ „Вологодскихъ Вѣдомостяхъ". Какъ членъ парижскаго антропологическаго общества и сотрудникъ журнала Брока, онъ кое-что печаталъ по этому предмету и во Франціи. Вопросу о разграниченіи антропологіи отъ исторіи особенно посвящены труды Лаврова: „Цивилизація и дикіе народы", брошюра „De l'idée du progrès dans l'anthropologie", и этотъ вопросъ разобранъ какъ въ „Опытѣ исторіи мысли", такъ и въ „Опытѣ исторіи мысли новаго времени" (особенно см. „Вступленіе", гл. 2).

Основное различие для Лаврова заключается въ слѣдующемъ: къ антропологіи относится вся дѣятельность личности и группы личностей безсознательная, инстинктивная, и та доля сознательной дѣятельности, которая заключается въ *приспособленіи* къ существующему; къ исторіи относится дѣятельность личности и общества, которая заключается въ выработкѣ идеаловъ лучшаго и въ стремленіи *измѣнить* существующее сообразно этимъ идеа-

ламъ. Характеристическимъ признакомъ участія въ исторической жизни для личности и для общества, поэтому, является наслажденіе развитіемъ и потребность въ развитіи. Это связано съ обособленіемъ дѣятельности объединяющей, философской мысли отъ жизни по обычаю; но переходъ къ исторической жизни становится вполнѣ сознательнымъ лишь съ обособленіемъ дѣятельности критической мысли. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что историческій прогрессъ заключается въ переработкѣ культуры (т.-е. обычныхъ формъ жизни) помощью мысли и въ выработкѣ ряда цивилизацій, въ которыхъ становится все менѣе доля, принадлежащая обычаю, и все болѣе доля, принадлежащая сознательной мысли, сперва въ формѣ интересовъ, стремящихся къ полезному (изъ которыхъ, большей частью, преобладаютъ интересы экономическіе), затѣмъ въ формѣ убѣжденій, стремящихся къ нравственному (сначала религіозныхъ и метафизическихъ, потомъ все болѣе реальныхъ и научныхъ). Такимъ образомъ, внѣ исторіи остается все человѣчество въ его антропологическій періодъ до появленія историческихъ цивилизацій; остаются всѣ народы, не выработавшіе этихъ цивилизацій; остаются и въ средѣ историческихъ цивилизацій всѣ личности, которыя или внѣшними причинами были поставлены еще въ невозможность участвовать въ исторической жизни, или, имѣя эту возможность, оказались, по внутреннимъ причинамъ, неспособными въ ней участвовать. Всѣ они составляютъ достояніе антропологіи въ той долѣ ея, которая, отмѣчая и біологическія особенности, преимущественно изслѣдуетъ среди людей разнообразіе формъ обычныхъ культуръ, въ параллель тому, какъ зоологія изслѣдуетъ культуру муравьевъ, пчелъ, воробьевъ, бобровъ и т. под.

Существенные вопросы для каждой эпохи исторіи заключаются для Лаврова въ слѣдующемъ: какимъ образомъ цивилизація этой эпохи подготовлялась въ прошедшемъ? Каково было въ эту эпоху распредѣленіе долей, принадлежавшихъ, съ одной стороны, обычной культурѣ и переживанію прежнихъ эпохъ, съ другой—развитію мысли, стремившейся къ воплощенію въ жизнь интересовъ личностей и группъ, входившихъ въ цивилизацію эпохи, а также къ воплощенію въ жизнь убѣжденій развитаго меньшинства? Какимъ образомъ въ жизни этой эпохи сознательно и безсознательно подготовлялись послѣдующія эпохи той же цивилизаціи и цивилизаціи дальнѣйшихъ періодовъ? Главную роль здѣсь играютъ, на основаніи предыдущаго, во-первыхъ, развитіе сознанія личностей, насколько оно расширяло солидарность между людьми, во-вторыхъ — скрѣпленіе и расширеніе солидарности

между личностями, насколько оно способствовало развитію въ этихъ личностяхъ сознательности.

Поэтому и для исторіи, какъ науки, важны, въ періоды, предшествовавшіе исторіи, какъ процессу, подготовленія человѣческой мысли космическими и геологическими условіями, существовавшими для человѣка на землѣ, біологическими процессами развитія сознанія и общежитія въ мірѣ біологическихъ организмовъ, наконецъ тѣми инстинктивными явленіями и работою мысли подъ господствомъ обычая и доисторическаго человѣка, которыя образовали почву для исторической жизни. Эта почва представляетъ особый интересъ въ разныхъ формахъ доисторической техники, въ разныхъ доисторическихъ пріемахъ украшенія жизни, въ первыхъ попыткахъ работы теоретической мысли у доисторическаго человѣка, гдѣ самая большая доля принадлежитъ мысли религіозной, наконецъ въ творчествѣ первобытныхъ общественныхъ формъ, составляющихъ предметъ изученія эмбріологіи общества.

При раздѣленіи исторіи на періоды по существеннымъ признакамъ процесса историческаго развитія Лавровъ руководствовался слѣдующими началами.

Создаются сперва обособленныя національныя цивилизаціи, въ которыхъ работа критической мысли почти незамѣтна и которыя составляютъ слой какъ бы новаго, болѣе выработаннаго обычая. Съ появленіемъ критической мысли въ философскихъ школахъ, независимыхъ отъ религіознаго обычая, появляются и первыя попытки общечеловѣческаго универсализма, сначала для меньшинства исключительно развитыхъ и независимо мыслящихъ личностей, для которыхъ доступны одни и тѣ же пріемы критики и творчества, потомъ для всѣхъ подданныхъ одного государства, охваченныхъ дѣйствіемъ одного и того же сознательно установленнаго закона, независимо отъ существующихъ обычаевъ и національностей; наконецъ для всѣхъ вѣрующихъ въ одну универсальную религію, не знающую границъ ни политическихъ, ни этническихъ. Всѣ эти попытки оказываются неудачными, такъ какъ игнорируютъ экономическія условія, вызывающія все болѣе ожесточенную борьбу классовъ и потому не дозволяющія установленія прочной солидарности. Новая европейская цивилизація характеризована преимущественно обстоятельствомъ, что она есть и должна быть цивилизація свѣтская, постепенно выдѣляющая изъ себя всѣ религіозные элементы. Она начинается противоположеніемъ обособленія государствъ, не знающихъ никакой солидарности между собою, универсализму

какъ въ области точной науки, освобожденной отъ всѣхъ узъ обычая и религіознаго догмата, такъ и въ области индустріи, которая создаетъ всемірные экономическіе интересы, независимые отъ политическихъ. Новѣйшій періодъ этой цивилизаціи обозначенъ политическимъ господствомъ буржуазіи, представительницы универсальной индустріи, и господствомъ науки (въ ея высшей формѣ — соціологіи) въ политической и экономической области, прежде не входившей въ сферу науки. Огромное большинство человѣчества остается еще внѣ исторіи, частью какъ принадлежащее къ неисторическимъ народностямъ; частью—какъ входящее въ классы историческихъ народностей, настолько подавленные борьбою за существованіе, что для нихъ, по внѣшнимъ условіямъ, невозможно участіе въ исторіи; частью же—какъ принадлежащее къ господствующимъ классамъ передовыхъ народовъ, но, по внутреннему безсилію, не выработавшее ни наслажденія развитіемъ, ни потребности въ немъ и потому остающееся при низшихъ потребностяхъ и вкусахъ дикаря. Историческая эволюція имѣетъ мѣсто, какъ имѣла мѣсто съ самаго начала историческаго времени, лишь въ меньшинствѣ *интеллигенціи*, которая одна познала наслажденіе развитіемъ, ощутила въ немъ потребность и съ тѣмъ вмѣстѣ стала жить историческою жизнью. Въ настоящее время это развитое и развивающееся меньшинство выработало уже идеалъ личнаго достоинства и общественнаго строя, способный охватить всѣ личности и племена, которымъ станетъ доступна потребность развитія. Универсалистическій идеалъ человѣчества, связаннаго интересами коллективнаго труда и убѣжденіемъ въ потребности всеобщаго справедливаго общественнаго строя, стоитъ теперь въ теоріи научнаго соціализма лицомъ къ лицу съ заостряющейся и расширяющейся классовой борьбою, изъ которой старый строй не находитъ и не можетъ найти исхода и которая все больше выказывается какъ основная помѣха человѣческой солидарности. Въ борьбѣ за существованіе, перешедшей отъ міра организмовъ вообще въ человѣческую исторію, образованіе солидарнаго общежитія всего человѣчества позволитъ направить болѣе энергически коллективную работу послѣдняго на три главныя задачи историческаго процесса, именно: на господство надъ природою, на установленіе царства человѣка надъ животнымъ міромъ и на устраненіе борьбы за существованіе въ средѣ человѣчества, когда разумная кооперація замѣнитъ конкурренцію во всѣхъ ея видахъ. Съ этой точки зрѣнія философія исторіи заключается, для всѣхъ прошедшихъ періодовъ ея, въ постепенномъ разрушеніи царства обычая въ

пользу царства конкуррирующихъ интересовъ, при медленномъ расширеніи элементовъ царства нравственныхъ побужденій; для настоящаго — въ задачѣ установленія соціалистическаго строя, который даетъ первую историческую почву для построенія царства нравственныхъ убѣжденій; для будущаго — въ болѣе или менѣе постепенномъ разрушеніи конкуррирующихъ интересовъ и остатковъ царства обычая въ пользу господства во всѣхъ частностяхъ общественнаго строя царства нравственныхъ убѣжденій. Отсюда не только трудность, но даже почти невозможность нарисовать себѣ въ подробностяхъ сколько-нибудь удовлетворительную картину возможнаго будущаго строя общества: всѣ элементы, которые можетъ намъ доставить воображеніе для подобной картины, приходится черпать изъ прошедшаго и настоящаго, гдѣ почти исключительно господствовали обычай или конкурренція интересовъ, тогда какъ нравственныя убѣжденія если и проявлялись, то въ личной дѣятельности, а не въ формахъ общежитія; картина же будущаго строя, къ которому стремятся всѣ развитые люди нашей эпохи, должна представить намъ формы общежитія, проникнутыя господствомъ нравственныхъ убѣжденій. Поэтому развитому человѣку нашего времени нѣтъ основанія предаваться безплоднымъ мечтаніямъ о подробностяхъ формы будущаго строя, къ которому онъ стремится. Онъ долженъ имѣть въ виду лишь общія характеристическія черты этого строя; онъ стремится въ борьбѣ за соціалистическій строй разрушить современныя формы въ пользу общественныхъ формъ лучшихъ, но на первое время еще аналогическихъ современнымъ формамъ, такъ какъ ближайшій строй будущаго долженъ быть результатомъ существующей классовой борьбы. Развитый человѣкъ нашего времени стремится воплотить въ своей личной жизни возможно бо̀льшую долю солидарности съ убѣжденными соціалистами и возможно бо̀льшую долю справедливости по отношенію къ людямъ вообще, при существующихъ условіяхъ этой классовой борьбы.

5. Практическія задачи по отношенію къ Россіи.

Соціалистическій идеалъ Лаврова уяснялся постепенно. Съ раннихъ лѣтъ знакомый съ утопистами начала нашего вѣка, но не видя почвы, на которой соціалистическіе идеалы могли бы быть осуществимы, Лавровъ сперва, добывъ себѣ мѣсто въ литературѣ, пытался лишь содѣйствовать устраненію препятствій ясному сознанію истины и справедливости въ личности и пре-

пятствій сознанію необходимости солидарности въ обществѣ; онъ пытался дѣлать это распространеніемъ болѣе яснаго пониманія и болѣе научнаго міросозерцанія. Но съ самаго начала своей литературной дѣятельности необходимость политическаго и соціальнаго переворота была для него очевидна, и указанія на это можно легко найти въ его печатныхъ произведеніяхъ, въ особенности же въ его стихотвореніяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ не видѣлъ и въ это время почвы не только для соціальнаго переворота, но даже для политическаго дѣйствія внѣ медленной подготовки умовъ. Когда, во время волненій начала 60-хъ годовъ, депутація офицеровъ Артиллерійской Академіи пришла просить его совѣта, слѣдуетъ ли имъ участвовать въ готовившейся уличной демонстраціи, онъ положительно отсовѣтовалъ имъ это, прибавивъ, что если минута придетъ, когда подобную демонстрацію онъ сочтетъ нужною, онъ не только скажетъ имъ это, но самъ пойдетъ вмѣстѣ съ ними. Довольно долго Лавровъ допускалъ возможность гармоніи интересовъ личности господствующаго класса и интересовъ большинства подчиненнаго класса; допускалъ это даже для личности, руководящейся только разсчетомъ собственной пользы, а не развитіемъ нравственныхъ убѣжденій. Это допущеніе было одною изъ самыхъ крупныхъ, по его мнѣнію, ошибокъ, отъ которыхъ ему пришлось отречься впослѣдствіи, но которая оставила слѣдъ во многихъ его произведеніяхъ. Появленіе Интернаціонала и знакомство съ нимъ убѣдило Лаврова, во-первыхъ, въ существованіи реальной почвы для соціальнаго переворота, во-вторыхъ—въ существованіи непримиримой борьбы классовыхъ интересовъ, надъ которой можетъ возвыситься развитая личность господствующихъ классовъ лишь силою своего нравственнаго убѣжденія. Тогда Лавровъ счелъ своею обязанностью содѣйствовать соціальному перевороту въ томъ видѣ, какъ его требовала программа Интернаціонала. Политическую революцію для Россіи онъ считалъ въ эту эпоху полезною лишь въ тѣсной связи съ переворотомъ соціальнымъ, какъ революцію, опирающуюся на довольно широкое народное движеніе. Политическій переворотъ въ Россіи, чуждый экономическихъ задачъ, онъ считалъ вреднымъ, какъ образующій почву для такой же классовой эксплуатаціи народа, которая имѣетъ мѣсто на Западѣ подъ формою либеральныхъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе онъ ни минуты не допускалъ отреченія отъ политической оппозиціи существующему абсолютизму, полагая необходимымъ, насколько возможно, при всякомъ отвоеваніи у правительства доли силы, дѣйствовать въ смыслѣ внесенія экономическаго элемента во всѣ политическія

требованія, и это съ помощью привлеченія возможно большей доли низшихъ классовъ общества къ политической агитаціи.

Но Лавровъ ясно сознавалъ, что ни народъ не готовъ къ соціальному перевороту, ни интеллигенція не усвоила себѣ въ достаточной мѣрѣ то соціологическое пониманіе и то нравственное убѣжденіе, которыя одни могутъ выработать въ послѣдней искреннихъ соціалистовъ. Онъ считалъ, поэтому, необходимымъ подготовленіе соціальной революціи въ Россіи путемъ развитія научной соціологической мысли въ интеллигенціи и путемъ пропаганды соціалистическихъ идей въ народѣ. Поэтому онъ съ радостью принялъ на себя обязанность соціалистическаго пропагандизма въ Россіи, когда ему предложили редакцію „Впередъ!“. Согласно предыдущему, онъ поставилъ задачею своимъ сторонникамъ подготовить соціальную революцію въ Россіи развитіемъ въ пропагандистахъ соціализма знанія вообще, знанія Россіи въ особенности, соціалистическихъ привычекъ въ частной жизни,—и пропагандою соціализма въ народѣ, пропагандою, которая, по мнѣнію Лаврова, должна была попутно служить и оружіемъ агитаціи противъ правительства. Вопросы централизма и федерализма, тогда столь волновавшіе бакунистовъ и ихъ противниковъ, онъ считалъ второстепенными и рѣшеніе ихъ зависящимъ отъ случайной выработки среды и распредѣленія въ ней интеллигентныхъ силъ. Защитникъ требованія уменьшить въ каждую эпоху государственный элементъ въ обществѣ до возможнаго минимума и надѣясь, что, при полномъ господствѣ соціалистическаго строя, этотъ минимумъ близко подойдетъ къ нулю, Лавровъ никогда не былъ сторонникомъ анархизма въ настоящемъ, тѣмъ болѣе въ организаціи революціонной партіи. Всего полнѣе онъ высказалъ свои понятія о государствѣ и свое отношеніе къ политическимъ задачамъ революціи въ Россіи въ серединѣ 70-хъ годовъ въ трудѣ: „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ“ („Впередъ!“, т. IV, вып. I и единственный). Лавровъ оставилъ редакцію журнала лишь тогда, когда ему показалось, что его товарищи-пропагандисты „Впередъ“, слишкомъ суживая свою программу дѣйствій, особенно въ средѣ интеллигенціи, отнимаютъ у своей партіи всякій боевой характеръ и потому недостаточно энергически борются съ препятствіями, представляемыми пропагандѣ соціализма политическимъ строемъ Россійской имперіи. Когда этотъ недостатокъ энергіи въ борьбѣ съ мѣстными условіями повелъ къ распаденію партіи чистой пропаганды въ Россіи, Лавровъ продолжалъ, насколько позволяло его положеніе, соціалистическую пропаганду лично. Не имѣя

возможности, по долгому отсутствію своему изъ Россіи, опровергать все упорнѣе повторяемыя увѣренія личностей революціонныхъ группъ, что пропаганда въ народѣ въ Россіи сдѣлалась невозможна, а потому и подготовленіе пропагандистовъ безцѣльно, что необходима „пропаганда фактомъ“, возбужденіе революціоннаго духа примѣромъ, рѣшительные удары, нанесенные правительству, — Лавровъ оставался при личномъ мнѣніи, что, при искусствѣ и рѣшимости, пропаганда была бы возможна, хотя должна бы пойти медленнѣе и требовать немало жертвъ. Онъ считалъ ее необходимою во всякомъ случаѣ, рядомъ со всѣми другими пріемами агитаціи противъ правительства и прямого дѣйствія противъ него, такъ какъ не могъ себѣ представить, чтобы какой-либо политическій переворотъ, выгодный для большинства и, слѣдовательно, имѣющій въ виду экономическія задачи, могъ имѣть мѣсто безъ поддержки его народнымъ движеніемъ, которое предполагаетъ всегда предварительную пропаганду. Въ рефератахъ, которые онъ читалъ въ Парижѣ въ 1877 — 82 годахъ, онъ много разъ возвращался къ указанію тѣхъ опасностей, которыя представляютъ для успѣха революціонной партіи въ Россіи анархическія начала и террористическіе пріемы. Онъ съ радостью видѣлъ, что въ самой Россіи анархическія начала мало-по-малу исчезаютъ, но не могъ не замѣтить и того, что, рядомъ съ ослабленіемъ анархизма въ Россіи, всѣ группы, кромѣ такъ называемыхъ террористовъ, теряютъ значеніе въ движеніи и успѣхъ революціоннаго дѣла въ Россіи все болѣе отождествляется съ успѣхомъ этихъ „террористовъ“. Поэтому онъ рѣшительно отвергъ предложеніе стать во главѣ заграничнаго изданія, объявлявшаго войну этой партіи, и считалъ войну противъ „Народной Воли“ прямо вредною для дѣла въ Россіи, если исторія русскаго революціоннаго движенія выдвинула на первое мѣсто эту партію, поставившую себѣ непосредственною задачею потрясеніе самодержавія, а потомъ и его разрушеніе. Тѣмъ не менѣе Лавровъ тогда только вступилъ въ союзъ съ этой партіей, когда убѣдился, что она остается соціалистическою, признаетъ важность соціалистической пропаганды и направляетъ преимущественно свои удары противъ русскаго правительства лишь какъ противъ главнаго препятствія распространенія соціалистическихъ идей въ Россіи. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе своего участія въ редакціи „Вѣстника Народной Воли“, онъ смотрѣлъ на свою дѣятельность въ этомъ изданіи какъ на теоретическое уясненіе тѣхъ соціалистическихъ началъ, которыя остались основою дѣятельности этой революціонной

партіи въ Россіи, въ эпоху, когда она одна, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, умѣла выработать нѣчто похожее на общественную силу. Для него вопросъ о необходимости для Россіи, до установленія въ ней соціализма, пережить болѣе или менѣе полно капиталистическій строй, подобный тому, который имѣлъ возможность вполнѣ развиться на западѣ Европы—вопросъ, вызывающій въ послѣднее время довольно оживленные споры въ средѣ русскихъ соціалистовъ, — есть вопросъ, имѣющій лишь спекулятивное значеніе и нисколько не измѣняющій практическихъ задачъ русскаго соціалиста-революціонера. Какъ только въ Россіи образуется организованная партія искренне-соціалистическая, умѣющая отстоять себя въ общественной борьбѣ, умѣющая привлекать къ себѣ живыя силы и организовать ихъ для энергическаго дѣйствія, то Лавровъ считаетъ, что, согласно съ его нравственными и соціалистическими убѣжденіями, онъ, какъ всякій убѣжденный соціалистъ, обязанъ, даже не вполнѣ соглашаясь со всѣми пунктами программы партіи, въ союзъ съ которой онъ вступаетъ, и не вполнѣ одобряя всѣ ея дѣйствія, поддерживать всѣми средствами ту дѣйствительную соціально-революціонную силу, которая сумѣетъ на нашей родинѣ болѣе или менѣе успѣшно бороться за соціалистическіе идеалы противъ препятствій, противопоставленныхъ этимъ идеаламъ средою. Въ эпоху же, когда въ Россіи не существуетъ подобной организованной общественной силы съ соціально-революціоннымъ направленіемъ, личная пропаганда соціалистическихъ идей, не во имя какой-либо существующей партіи, но прямо во имя самихъ этихъ идей, остается для него—какъ и для всѣхъ убѣжденныхъ соціалистовъ, по его мнѣнію,—обязательною, не смотря ни на какія неудачи, препятствія и замедленія движенія. Процессъ разложенія современнаго капиталистическаго строя совершается съ неотвратимою необходимостью; онъ долженъ рано или поздно доставить торжество соціализму и вмѣстѣ съ тѣмъ унести тѣ политическія формы, которыя съ нимъ несовмѣстны. Въ этомъ случаѣ практическія задачи русскаго соціалиста отожествляются съ задачами соціалиста-революціонера всѣхъ странъ. Русскій соціалистъ долженъ работать для торжества соціализма, распространять его принципы въ умахъ окружающихъ личностей, осуществлять ихъ, по мѣрѣ возможности, примѣромъ своей жизни. Онъ долженъ устранять, насколько можетъ, и препятствія успѣхамъ соціализма. Одно изъ таковыхъ составляютъ политическія формы, поддерживающія капитализмъ или составляющія переживанія еще болѣе архаическаго слоя цивилизаціи. Насколько

можно, подобныя формы надо стремиться устранить немедленно, не выжидая организаціи въ странѣ рабочей партіи, составляющей необходимое условіе раціональнаго соціальнаго переворота. Но при этомъ, рядомъ съ этимъ, необходимо стремиться къ осуществленію этого необходимаго условія.

Сентябрь 1885 г.
и октябрь 1889 г.

КАКЪ РОСЛА МОЯ ВѢРА

Отрывки изъ автобіографіи *).

I.

Съ поступленіемъ въ гимназію для меня начинается продолжительный періодъ полнаго равнодушія къ религіознымъ вопросамъ.

Мои религіозныя воззрѣнія къ тому времени достаточно опредѣлились, чтобы я могъ сказать самому себѣ: „Я не вѣрю въ то, во что вѣрятъ другіе, но я еще не чувствую подъ собой достаточно твердой почвы, чтобы отстаивать свое невѣріе въ самое существованіе Бога; я не знаю, найду ли я когда-нибудь Бога или нѣтъ, но не чувствую и особой потребности торопиться съ этимъ трудно разрѣшимымъ вопросомъ“. Занимаю выжидательное положеніе, и при столкновеніи съ жизнью пользуюсь ея явленіями, какъ матеріаломъ для своего дальнѣйшаго религіознаго или иррелигіознаго развитія.

Этому способствовалъ и весь складъ моей новой жизни внѣ дома.

Для подготовки къ экзамену, отецъ уже съ весны помѣстилъ меня съ братомъ нахлѣбниками къ директору первой Казанской гимназіи, Гейнриху Ивановичу Крелленбергу, пользовавшемуся въ Казани большой популярностью. Для насъ былъ взятъ репетиторъ изъ учениковъ седьмого класса той же гимназіи, и мы все

*) Начало этой автобіографіи было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ 1909 г. (мартъ—іюнь).

лѣто прожили вмѣстѣ съ этимъ репетиторомъ въ семьѣ директора, на дачѣ подъ Казанью. А осенью, послѣ вступительныхъ экзаменовъ, когда начались занятія и репетиторъ былъ отпущенъ, мы, вмѣстѣ съ двумя другими нахлѣбниками директора, водворились въ казенной директорской квартирѣ при гимназіи.

Безъ особенныхъ усилій съ моей стороны я былъ въ IV-мъ классѣ то первымъ, то вторымъ ученикомъ. Какъ прежде дома, такъ и теперь въ гимназіи, моимъ любимымъ предметомъ былъ латинскій языкъ. За это я пользовался особеннымъ благоволеніемъ Крелленберга: онъ самъ былъ преподавателемъ латинскаго языка въ старшихъ классахъ. Случалось не разъ, что въ свободное время Гейнрихъ Ивановичъ занимался со мной латинскимъ просто по нашей общей любви къ этому языку, занимался не по классной программѣ, а выходя далеко за предѣлы ея. Когда я разсказывалъ ему о моемъ гувернерѣ Б., онъ слушалъ меня съ такимъ интересомъ, съ какимъ слушаютъ пришельца съ далекой родины. И этой общей для насъ далекой родиной былъ живущій за гранями вѣковъ древній Римъ. Среди той общей нелюбви къ древнимъ языкамъ, которая царила тогда среди гимназистовъ, встрѣтить ученика, относящагося къ латыни съ любовью—развѣ это не было похоже на встрѣчу соотечественниковъ на чужбинѣ?

Немного рѣзкій въ обращеніи, но ровный со всѣми, нелицепріятный, авторитетный не столько по своему положенію, сколько по довѣрію, какое онъ внушалъ къ себѣ, Г. И. Крелленбергъ отличался необычайной добротой,—разумной добротой. На его умномъ, красивомъ лицѣ не блуждала, а точно всегда покоилась добродушная улыбка философа-созерцателя. Коротко остриженный, гладко выбритый, онъ простотой своей внѣшности, казалось, какъ бы обнаруживалъ всю безыскусственность и чистоту своихъ душевныхъ качествъ. Но когда его служебное положеніе обязывало его къ извѣстной важности — его открытое, прямодушное лицо покрывалось какъ бы прозрачной вуалью напускной суровости. Зато дома, между своими, за вечернимъ чаемъ, эта вуаль всегда приподнималась, и то, что среди дѣловой жизни дня изъ-подъ нея только слегка просвѣчивало—доброе, ласковое выраженіе глазъ и чуть-чуть ироническая улыбка на тонкихъ, красиво очерченныхъ губахъ—все это теперь свѣтило и грѣло въ блескѣ милыхъ шутокъ.

Я очень скоро полюбилъ Гейнриха Ивановича почти такъ же, какъ любилъ отца. Но здѣсь къ этой любви примѣшивалась, кромѣ того, большая доза особеннаго уваженія къ еще новому

для меня авторитету: это вѣдь былъ *директоръ*, которому подчинены не только ученики, но въ извѣстной степени и учителя. А та самая замкнутость, которую иногда не могъ не напускать на себя Гейнрихъ Ивановичъ, какъ начальникъ, заставляла предполагать еще бо̀льшую значительность его духовной сущности. И то, что̀ проявлялось лишь кажущимися намеками въ рѣдкія минуты откровенности, я развивалъ въ моемъ воображеніи шире и глубже со всей доступной мнѣ смѣлостью. Вѣрно или нѣтъ, но мнѣ всегда казалось, что Гейнрихъ Ивановичъ не могъ смотрѣть на вопросы вѣры иначе какъ отрицательно—и все, что до сихъ поръ было передумано мной въ религіозной области, я готовъ былъ полностью приписать и ему. Но я понималъ, что я не могъ открыто говорить съ нимъ объ этомъ. Я-то еще можетъ-быть могъ бы рѣшиться на откровенность, но не онъ, въ его положеніи: еслибъ онъ мнѣ говорилъ одно, а другимъ другое, я потерялъ бы уваженіе къ нему. Напротивъ, наше обоюдное молчаніе, вообще „умалчиваніе", какъ „ложь жизни", уже не смущало меня теперь такъ, какъ это было еще недавно, дома, передъ отцомъ; теперь оно казалось мнѣ совершенно естественнымъ, неизбѣжнымъ. Я находилъ, что даже не имѣю права касаться вопроса о его религіозныхъ взглядахъ, пока онъ ни въ чемъ не проявляетъ ихъ внѣшне и пока онъ лично въ этомъ отношеніи ничѣмъ не задѣваетъ мою совѣсть.

Такія разсужденія съ самимъ собой чаще всего являлись у меня когда мы, гимназисты, собирались по утрамъ въ актовомъ залѣ на молитву передъ началомъ ученія. Совершенно равнодушный къ этой молитвѣ, стоишь, бывало, и поешь вмѣстѣ съ другими „Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины", шутя играешь при этомъ голосомъ, переходя съ дисканта на басъ. Или слушаешь „Преблагій Господи"... и съ гримасой умиленія дразнишь шалуна-товарища, шепча ему на ухо: „дабы, внимая преподаваемому намъ ученію, возрасли мы родителямъ нашимъ на утѣшеніе". И въ то же время посматриваешь на стоящаго впереди, въ полъ-оборота къ намъ, Гейнриха Ивановича, не поймалъ бы насъ на шалости—а самому такъ и кажется, что изъ-подъ густой вуали напускной суровости всѣми любимаго директора сквозитъ его добродушно-ироническая улыбка на замкнутыхъ, плотно сжатыхъ губахъ.

Оффиціально Законъ Божій считается самымъ важнымъ предметомъ преподаванія въ гимназіи; но, вопреки стараніямъ начальства, для насъ, гимназистовъ, онъ былъ самымъ послѣднимъ. Большинство моихъ товарищей по классу относились къ

вопросамъ вѣры по меньшей мѣрѣ безразлично. Я не помню въ числѣ ихъ никого, кого бы мы могли хотя бы только въ шутку назвать, какъ это принято между юнцами, „ханжей“, „святошей“; а будь такой—онъ несомнѣнно сейчасъ же обнаружился бы. Мнѣ ничего не стоило получать пятерки по Закону Божію при той огромной памяти, какою я обладалъ тогда. Легко давались мнѣ и тексты изъ катехизиса. Но если для ихъ запоминанія требовалось хотя малѣйшее напряженіе, я старался избѣжать его. Среди учащихся нашей гимназіи было тогда немало татаръ, калмыковъ, киргизовъ, и для нихъ было введено необязательное преподаваніе татарскаго языка. Въ числѣ нѣсколькихъ русскихъ, пожелавшихъ учиться этому языку, былъ и я. Какъ только мы выучились татарской азбукѣ, мы сейчасъ же стали пользоваться татарскими буквами, какъ средствомъ избавиться отъ заучиванія текстовъ изъ катехизиса. Передъ урокомъ Закона Божія напишемъ, бывало, на классной доскѣ татарскимъ алфавитомъ какой-нибудь текстъ, и если священникъ вызоветъ, отвѣчаемъ какъ по книгѣ: „Бога никтоже видѣ нигдѣже...“— или какой-нибудь иной текстъ.

Нашъ законоучитель, священникъ нашей гимназической церкви, былъ и нашимъ духовникомъ, но никто и не задумывался надъ тѣмъ, что мы обманываемъ его на урокахъ, и, конечно, никто и не собирался каяться ему въ этомъ. У всѣхъ почему-то было убѣжденіе, что нашъ попъ, человѣкъ изворотливый во всѣхъ дѣлахъ вѣры и жизни, легко идущій на компромиссы, смотритъ и на свое законоучительство съ чисто формальной, „мундирной“ точки зрѣнія. Мы знали, что онъ самъ хорошенько не помнитъ всѣхъ текстовъ и такъ же мало понимаетъ смыслъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ и мы. Если иногда и приходило желаніе попросить его дать какое-нибудь толкованіе, оно не осуществлялось по единственному мотиву: не стоитъ. Отбарабанилъ безъ запинки, значитъ знаешь, что въ книжкѣ напечатано, попъ доволенъ—а намъ больше ничего и не надо.

Но едва ли бы и другой законоучитель могъ что-нибудь измѣнить въ отношеніяхъ учащихся къ его предмету. Потому что гимназическій Законъ Божій не есть законъ богоугодной жизни и нравственности, внушаемый каждому отдѣльному ученику въ соотвѣтствіи съ его личной воспріимчивостью къ этому закону, а просто одинъ изъ гимназическихъ „предметовъ“, притомъ предметъ, болѣе другихъ связанный рамками программы. Учителя исторіи, географіи, русскаго языка и словесности могутъ позволить себѣ всякія „лирическія отступленія“ отъ про-

граммы—законоучителю не всегда безопасно вступать на этотъ скользкій путь. Догматичность его предмета не позволяетъ никакихъ толкованій и разъясненій, соприкасающихся съ вольнодумствомъ. И я не могу себѣ представить, чтобы наши тогдашніе уроки Закона Божія превратились въ какое-нибудь собесѣдованіе или съ законоучителемъ, или между нами, учениками, какъ это было у насъ съ учителями русской словесности и русскаго языка. Одинъ изъ нихъ умѣлъ, разбирая съ нами въ классѣ „Слово о полку Игоревѣ", такъ увлечь насъ красотами многихъ древнеславянскихъ реченій, что мы сами заучивали ихъ, какъ стихи, наизусть; а своими разсказами о богахъ небогатой славянской миѳологіи, о Перунѣ, Велесѣ, Стрибогѣ, Ярилѣ, онъ будилъ нашу фантазію, заставляя насъ жить бытомъ нашихъ предковъ.

Другой...

Болѣе сорока лѣтъ отдѣляютъ меня отъ того времени, но мнѣ хорошо помнится, что, волей судьбы, учитель русскаго языка въ нашемъ классѣ былъ изъ крещеныхъ евреевъ, кажется—изъ кантонистовъ. Въ его рѣчи слышался иногда чуть замѣтный акцентъ, букву „ч" онъ произносилъ съ легкимъ свистомъ, и весь классъ нерѣдко заочно высмѣивалъ его произношеніе. И все-таки мы его искренно любили. На его урокахъ даже русская грамматика дѣлалась интересной, потому что онъ бралъ примѣры для разбора изъ стихотвореній, которыя читалъ съ большимъ чувствомъ и умѣньемъ. Благодаря этимъ стихотвореніямъ мы учились любить, вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ, и все русское, родное. И если мы нерѣдко заочно высмѣивали нашего учителя, то еще чаще заочно же съ увлеченіемъ повторяли и тѣ стихи, которые онъ читалъ намъ,—повторяли, стараясь подражать его превосходной декламаціи. Въ годы ранней юности, какъ бы ни былъ развитъ умъ, молодое чувство всегда беретъ перевѣсъ надъ умомъ, если только какой-нибудь прекрасный, возвышенный образъ поманитъ это чувство за собой. Если синонимы: красота и истина, то эстетика и религія—тоже синонимы. Религія непосредственно чувствующаго юношества всегда будетъ только эстетична, а эстетическое чувство способно доходить до религіознаго экстаза, до призыва на подвигъ во имя истины, кажущейся прекрасною, и во имя красоты, кажущейся истинною. И какимъ бы убѣжденнымъ атеистомъ ни считалъ я себя въ тѣ годы, *красота* религіознаго *подвига* могла увлечь и меня совершенно такъ же, какъ и тѣхъ, кто никогда не увлекался ни Бюхнеромъ, ни Писаревымъ. У меня остается незабвеннымъ то увлеченіе, которое я испыталъ въ гимназіи, на одномъ изъ уро-

ковъ русскаго языка, когда нашъ учитель читалъ намъ стихотвореніе Языкова объ Евпатіи Коловратѣ:

„Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть?
Въ рязанскія стѣны вломились татары;
Тамъ сильные долго сшибались удары,
Тамъ долго сражалась съ насиліемъ честь.
Но все побѣдили батыевы рати:
Нашъ градъ пепелище и князь нашъ убитъ!"
Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ,
И, страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій".

Я помню, весь классъ проникся *религіозно-патріотическимъ* настроеніемъ. Древняя Русь, попранная Батыемъ, — Русь, гдѣ *православная вѣра* была синонимомъ *свободы*,—стала намъ въ одно мгновеніе такъ близка, ея свобода такъ дорога, какъ будто мы сейчасъ сами жили въ ней и на себѣ ощущали и боль пораженія русскаго воинства, и тяжесть татарскаго ига, и чувствовали себя готовыми хоть сейчасъ вотъ идти вслѣдъ за Евпатіемъ на борьбу съ ханской ратью за вѣру православную. Мнѣ думается, что этотъ подъемъ духа проявился тогда не только у русскихъ, но и у инородцевъ, не исключая и татаръ, бывшихъ въ нашемъ классѣ. Расоваго вопроса у насъ никогда не было; мы, товарищи, вообще не считались съ происхожденіемъ, и теперь то чувство, въ которомъ мы всѣ безъ различія вѣры и національности могли объединиться, могло бы выразиться такъ: мы всѣ за того, на чьей сторонѣ въ эту минуту истина — за угнетаемаго противъ угнетателя, за Русь противъ Орды. Это настроеніе длилось, вѣроятно, только въ теченіе урока, да быть-можетъ еще въ перемѣну, когда мы, по уходѣ учителя, повторяли наизусть понравившіяся намъ строфы стихотворенія; а съ началомъ слѣдующаго урока оно смѣнялось, вѣроятно, сейчасъ же какимъ-нибудь другимъ настроеніемъ—но... Юная душа, какъ поле весной: гдѣ упало сѣмя—дастъ ростокъ, упадетъ другое—явится другой. Иное заглохнетъ, пропадетъ, иное выростетъ, процвѣтетъ и снова обсѣменитъ пестрѣющее цвѣтами поле. Западаютъ въ душу настроенія, растутъ или глохнутъ, переплетаются, забываются или вызываютъ и родятъ новыя. Идутъ годы, человѣкъ старѣетъ, и обликъ души становится все сложнѣе да пестрѣе. Вглядишься въ него — смотришь, тамъ уже цѣлыя кладбища забытаго былого. И только отдѣльныя живучія воспоминанія, точно старики-сторожа кладбищенскіе, водятъ васъ иногда по знакомымъ могиламъ. Такъ вотъ и здѣсь: съ годами заглохло многое, а нашъ гимназическій учитель русскаго языка стоитъ въ

моей памяти передо мной, и я какъ будто еще слышу его немного свистящій голосъ, слышу это запомнившееся съ тѣхъ поръ стихотвореніе:

„Гдѣ-гдѣ по широкой долинѣ огонь
Сверкаетъ во мракѣ ночного тумана;
То грозная рать побѣдителя-хана
Покоится; тихи воитель и конь...“

И встаетъ опять въ моемъ воображеніи вся нарисованная поэтомъ картина: и бой послѣдней отважной дружины съ татарами, и распростертый въ полѣ трупъ подвижника. То—

„...падшій воитель свободы—Евпатій“.

II.

Говѣть, исповѣдаться и причащаться въ тотъ годъ мнѣ пришлось въ гимназической церкви. Въ церковь мы, конечно, ходили всѣмъ классомъ. И это оставляло впечатлѣніе, какъ будто это былъ одинъ изъ уроковъ. Строгій во всемъ, что касалось исполненія „гимназическихъ“ правилъ, директоръ распорядился, чтобы для насъ, его нахлѣбниковъ, готовили въ теченіе говѣнья постное. Но мы вознаграждали себя тѣмъ, что, тайкомъ отъ директора, ходили въ сосѣднюю мелочную лавочку и покупали тамъ колбасу и ветчину.

День исповѣди. Что-то томительно скучное. Насъ, гимназистовъ, много, и нашъ законоучитель исповѣдуетъ насъ такъ же, какъ спрашивалъ уроки—по чиновничьи, казенно, безучастно и со стороны исповѣдующаго, и кающихся. Точно заранѣе предполагается, что ему такъ же хорошо извѣстны и всѣ наши скрытые помыслы, какъ извѣстны познанія наши по преподаваемому имъ предмету. Всѣ исповѣдываются, такъ сказать, на тройку, на переводный баллъ. Каждый, выходящій изъ-за ширмы, улыбается товарищамъ точно послѣ хорошо отвѣченнаго урока. Кто-то изъ насъ даже сказалъ: „Лучше бы ужъ сразу задавалъ всѣмъ громко вопросы и требовалъ бы общаго покаянія, — было бы скорѣе“. Съ такимъ же чувствомъ полнаго равнодушія къ исполненію требуемаго обряда идемъ мы и къ причастію.

Но во время причащенія произошло нѣчто неожиданное.

Насъ причащали, выстроивъ колонной по три въ рядъ. Нашъ четвертый классъ былъ одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ, и колонна растянулась длинная. Какъ всегда, выстроили по росту, кто поменьше впереди. Я съ двумя товарищами оказался въ по-

слѣднемъ ряду, у входныхъ дверей. Пока первые ряды, одни за другими причастившись, отступаютъ въ сторону и даютъ намъ возможность подвигаться, мы, задніе, томясь долгимъ ожиданіемъ и совершенно забывъ, что нужно стоять съ благоговѣніемъ, весело болтаемъ между собой. Товарищи, съ которыми я стоялъ рядомъ, были: одинъ — сынъ помѣщика, другой — сынъ, кажется, сельскаго священника. Озорники мы всѣ трое были большіе, любили пошалить въ классѣ во время урока Закона Божія, не стѣснялись и тутъ. Попу не до насъ — онъ занятъ своимъ дѣломъ; постороннихъ прихожанъ, вѣроятно смотрѣвшихъ на насъ съ недоумѣніемъ и возмущеніемъ, мы не стѣснялись, а наше гимназическое начальство стоитъ впереди, спиной къ намъ: директоръ — у лѣваго клироса, а нашъ классный надзиратель — у самаго амвона, слѣдя за порядкомъ приближенія подходившихъ къ причастію. Въ нашей безцеремонности мы доходимъ до того, что всѣ трое встали на колѣни и присѣли на пятки, чтобъ посидѣть и отдохнуть; а потомъ опять разомъ всѣ трое, какъ по командѣ, встаемъ, точно на пружинѣ выскочили. И чуть не фыркнули, довольные своей остроумной выходкой. Но тутъ сейчасъ же видимъ, что священникъ сдѣлалъ знакъ надзирателю. Тотъ приблизился къ нему, священникъ что-то шепнулъ ему. Мы переглянулись: наши лица выражали уже нѣкоторую тревогу, когда мы увидѣли, что надзиратель приближается къ намъ. Мы не ошиблись. Въ суровой формѣ онъ заявляетъ, что батюшка приказалъ, чтобы мы вышли изъ колонны и отошли въ сторону: причастія намъ, за шалости, не дадутъ. Игривое настроеніе сразу перемѣнилось на унылое. Но дѣлать нечего, надо повиноваться.

Мы отошли и, уже съ опущенными взглядами, стояли смирно, шопотомъ перебрасывая другъ другу ругательства по адресу попа. Намъ было неловко смотрѣть на стоявшихъ около насъ прихожанъ, бросавшихъ на насъ недружелюбные взгляды. Мы только осторожно поглядывали въ сторону нашего директора. Онъ сначала какъ будто не обратилъ никакого вниманія на происшедшее и по прежнему стоялъ въ той позѣ равнодушнаго свидѣтеля, какимъ мы привыкли видѣть его каждое утро на гимназической молитвѣ. Но вотъ онъ кивнулъ головой надзирателю, тотъ подошелъ къ нему, поговорилъ и опять отошелъ на свое мѣсто. Директоръ, медленно, осторожно пробираясь между посторонними прихожанами, подходитъ къ намъ. Обычно спокойный и суровый тонъ въ его шопотѣ:

— Болваны вы длинные! Олухи неотесанные! Что надѣлали? Какъ вамъ не стыдно! Балбесы большіе, а ведете себя

хуже маленькихъ поросятъ. Теперь стойте тутъ, какъ пни, и не смѣйте уходить, пока я по окончаніи службы не подойду къ вамъ.

И, не удостоивъ насъ лишнимъ взглядомъ, опять отошелъ на свое мѣсто.

Это окончательно насъ опечалило. Если до сихъ поръ мы полу-шутя, полу-злобно побранивали нашего священника за учиненное надъ нами отлученіе, то теперь мы чувствовали, что дѣло не шуточное. Въ рукахъ директора были всякія мѣры наказанія: и карцеръ, и оставленіе безъ отпуска, и оставленіе на годъ въ классѣ,—словомъ...

Мы съ завистью смотрѣли, какъ подошли къ причастію послѣдніе ряды, какъ наконецъ кончилось все, и священникъ ушелъ въ алтарь, какъ наконецъ по окончаніи богослуженія стали выходить изъ церкви наши товарищи и посторонніе, а мы, отлученные, оставшись особнякомъ у стѣнки, должны были стоять и ждать какой-то кары. Ушелъ и нашъ надзиратель. Ни одинъ изъ товарищей не посмѣлъ подойти къ намъ, чтобы проститься съ нами. Церковь опустѣла. Остались только священникъ и дьяконъ въ алтарѣ, дьячокъ да сторожъ, гасившій восковыя свѣчи передъ иконами. Да еще впереди, у клироса, стоялъ, съ опущенной головой, нашъ директоръ. Въ глубокой задумчивости онъ, казалось, не замѣчалъ уходившихъ. Потомъ оглянулся. Увидалъ, что никого постороннихъ нѣтъ, и пошелъ въ алтарь.

Съ напряженнымъ вниманіемъ ждемъ, чѣмъ это кончится.

Черезъ нѣсколько минутъ директоръ выходитъ. Направляется къ намъ. Его лицо по прежнему сурово, но нашъ опытный глазъ уже различаетъ за видимой суровостью что-то хорошее: мы вѣдь знаемъ, что подъ этимъ синимъ мундиромъ со свѣтлыми пуговицами доброе сердце. „Нашъ Гейнрихъ“ не дастъ въ обиду своихъ балбесовъ и поросятъ.

Онъ сказалъ намъ какъ-то просто-дѣловито:

— Я упросилъ батюшку не лишать васъ причастія. Но вы должны быть наказаны. И сейчасъ васъ заставятъ здѣсь молиться и класть поклоны. Просите сами у батюшки прощенія, а затѣмъ...

Онъ точно что-то забылъ, постарался припомнить, и загадочно сказалъ:

— Вы будете имѣть дѣло со мной.

И ушелъ.

Прошло нѣсколько минутъ въ тревожномъ ожиданіи. Изъ алтаря вышелъ дьяконъ, сдѣлалъ намъ знакъ, чтобы мы прибли-

зились къ амвону, и здѣсь, по порученію священника, произнесъ намъ краткое поученіе. Онъ объяснилъ намъ всю преступность нашего поведенія, призвалъ насъ къ глубокому раскаянію, велѣлъ встать всѣмъ троимъ на амвонѣ на колѣни и, позвавъ дьячка, заставилъ его читать намъ какія-то молитвы, а насъ—кланяться въ землю. А самъ—опять въ алтарь.

Мы продѣлали все, что было приказано. Насъ это нимало не сокрушало. Какъ забавляетъ дѣтей новая игра, мы клали за спиной дьячка шаловливо размашистые земные поклоны, и только искоса поглядывали, не наблюдаетъ ли за нами дьяконъ.

Покаянное моленье кончилось. Насъ позвали въ алтарь. Тамъ священникъ въ полномъ облаченіи подошелъ къ намъ съ чашей въ рукахъ и заставилъ насъ опять повторять за собой причастную молитву. Точно не желая и взглянуть намъ въ лицо, онъ поспѣшно—не далъ, а сунулъ намъ со лжицы причастіе, видимо недовольный происшедшей изъ-за насъ задержкой. Затѣмъ опять отошелъ къ престолу, заставивъ насъ еще молиться. Тѣмъ временемъ дьяконъ сталъ, по установленнымъ церковнымъ правиламъ, доѣдать изъ чаши остатки причастія. Тутъ намъ было не до моленья: то, что мы невольно должны были наблюдать, молитвеннаго настроенія не внушало. Приложившись къ большой золоченой чашѣ, дьяконъ медленно допивалъ изъ нея оставшееся вино и при этомъ собиралъ причастной лжицей со дна и съ краевъ чаши остатки просвиры и съѣдалъ ихъ. Не знаю, полагалось ли и это по правиламъ, но хорошо помню, что когда дьякону нужно было сдѣлать въ это время какой-то возгласъ или что-то пропѣть, онъ пропѣлъ—вѣрнѣе пробурчалъ это прямо въ чашу, какъ въ рупоръ, не отрывая отъ чаши губъ. Мы, трое причастившихся, закусили губы, чтобы удержаться отъ смѣха—такъ необычно звучалъ голосъ дьякона изъ чаши.

Наконецъ все кончилось. Священникъ сказалъ намъ на прощанье еще нѣсколько кислыхъ словъ, пообѣщавъ на экзаменѣ убавить отмѣтку. Мы выслушали его съ наклоненными головами и вышли изъ церкви въ самомъ веселомъ настроеніи. Смѣясь, мы повторяли другъ другу: „Что взялъ!“ И если бы мы въ эту минуту были вообще расположены къ молитвѣ, наши горячія молитвы вознеслись бы къ небу за нашего нѣмца-директора.

Мы, однако, не забыли, что намъ еще предстоитъ „имѣть дѣло съ нимъ“, и не безъ страха ожидали, что-то будетъ. Но когда мы пришли къ нему, онъ только спросилъ:

— Что же, получили причастіе?

— Да.

Гейнрихъ Ивановичъ только обвелъ насъ всѣхъ троихъ сердитымъ взглядомъ и сказалъ:

— Ну и убирайтесь по мѣстамъ. Болваны!

Мы расшаркались, раскланялись и какъ на крыльяхъ понеслись домой. Мы смѣялись, мы прыгали отъ радости, и были совершенно согласны, что мы—„болваны". Мы сами себѣ уясняли, что вѣдь не будь это именно въ церкви, во время нашего праздностоянія, ни одинъ изъ насъ нигдѣ, никогда бы не отличился такой неделикатностью. Но тутъ, на этотъ разъ, былъ какой-то особый задоръ, какое-то особое, неясно сознаваемое желаніе показать неуваженіе къ тому, что насъ принуждали считать святыней, но къ чему не умѣли вызвать у насъ благоговѣйнаго отношенія.

III.

Я пробылъ въ гимназіи только годъ. Перейдя съ похвальнымъ аттестатомъ въ пятый классъ, я продолжалъ-было и въ пятомъ идти первымъ или однимъ изъ первыхъ учениковъ. Но уже въ началѣ учебнаго года я долженъ былъ прекратить, по совѣту доктора, мое гимназическое ученье. У меня сильно болѣла грудь, нервы были расшатаны—результатъ чрезмѣрнаго умственнаго напряженія и слишкомъ ранняго умственнаго развитія. Весной докторъ предписываетъ мнѣ кумысъ, и я ѣду на нѣсколько недѣль въ Самару, одинъ. А съ осени меня посылаютъ на „чистый воздухъ", жить въ деревнѣ, на только-что купленномъ отцомъ новомъ винокуренномъ заводѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Казани.

Проходитъ годъ практической торговой дѣятельности, кутежей и безпорядочнаго чтенія, и эта жизнь уже начинаетъ тяготить меня. Она мнѣ просто надоѣла, она не даетъ мнѣ удовлетворенія. Случайно у меня происходитъ съ отцомъ крупная ссора— и этого было достаточно, чтобы во мнѣ созрѣла рѣшимость самымъ кореннымъ образомъ измѣнить мою жизнь. Мнѣ предстоялъ выборъ: или быть болѣе или менѣе празднымъ, богатымъ, веселящимся сыномъ богатаго отца, управляющимъ по довѣренности отцовскими дѣлами, но во всемъ находящимся въ зависимости отъ отцовской воли, или быть самостоятельнымъ работникомъ, независящимъ въ средствахъ существованія отъ кого бы то ни было, кромѣ собственныхъ силъ и труда. Я выбралъ послѣднее. И тогда мнѣ стало ясно, что для независимости мнѣ нужно прежде всего систематическое образованіе. Мнѣ шелъ

восемнадцатый годъ. Здоровье мое къ этому времени значительно поправилось. Я рѣшилъ уѣхать куда-нибудь подальше и выработать въ себѣ способность къ самостоятельному труду, не надѣясь ни на какія поблажки, не надѣясь на наслѣдство.

Я поѣхалъ въ Москву, чтобы готовиться тамъ къ поступленію въ Московское Техническое Училище. Отецъ назначилъ мнѣ стипендію. Я платилъ 25 руб. въ мѣсяцъ за комнату съ полнымъ пансіономъ. Это говоритъ за то, что условія моей московской жизни были въ достаточной степени спартанскія.

Судьба столкнула меня въ Москвѣ съ человѣкомъ, проведшимъ значительную часть своей жизни въ религіозныхъ исканіяхъ и дошедшимъ до полнаго отрицанія смысла жизни. Магистръ богословія, бывшій псаломщикъ посольской церкви въ Женевѣ, Н. М. Г—овъ, потерявъ вѣру въ свою богословскую науку, потерявъ прежде всего вѣру въ самого Бога, не захотѣлъ заниматься „духовнымъ ремесломъ", какъ онъ говорилъ, и когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ класснымъ воспитателемъ въ одной изъ московскихъ гимназій. Въ то же время онъ сотрудничалъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ" Гилярова-Платонова и въ другихъ московскихъ газетахъ.

Я подробно и правдиво описалъ и мою московскую жизнь, и личность этого философа алкоголика въ моей повѣсти: „Цѣль вашей жизни?", гдѣ я вывелъ его подъ именемъ Николая Петровича Хрусталева.

Какъ и мой гувернеръ Б., Г—въ отказался отъ духовной карьеры по убѣжденію, какъ и мой гувернеръ, онъ былъ человѣкъ начитанный, сердечный, умный—но какой контрастъ въ отрицательномъ отношеніи къ жизни и къ религіи у того и у другого! У нѣмца была поэзія, была вѣра въ нахожденіе новыхъ, невѣдомыхъ путей къ невѣдомому Богу,—у русскаго была сплошная безнадежность найти что-нибудь свѣтлое въ самомъ существованіи міра, какъ онъ есть. И мнѣ теперь приходилось нерѣдко сопоставлять въ своихъ размышленіяхъ міросозерцаніе обоихъ этихъ моихъ „учителей жизни". Б. освободилъ мою молодую здоровую душу отъ всякихъ узъ, которыми связывали ее религіозныя вѣрованія; Н. М. Г—въ отравилъ ее ядомъ жгучаго сомнѣнія въ цѣлесообразности всего сущаго, но ему же я обязанъ тѣмъ, что вопросъ о существованіи Бога сталъ для меня тѣсно связаннымъ съ исканіемъ цѣли жизни. Раньше, отвергая идею не только личнаго, но и какого бы то ни было Бога, признавъ не только ненужной, но и вредной всякую религію, усвоивъ себѣ матеріалистическое міровоззрѣніе, самъ полный

силъ и жажды жизни, я никогда не задавалъ себѣ вопроса *о цѣли жизни* такъ прямолинейно, какъ онъ былъ поставленъ предо мной Николаемъ Михайловичемъ; теперь я говорилъ себѣ, что, найдя одно, я найду и другое.

Мое отрицательное отношеніе ко всѣмъ существующимъ религіямъ не измѣнилось. По прежнему я отвергалъ существованіе того конкретнаго Бога, всѣ свойства котораго я до мельчайшихъ подробностей зналъ не только изъ Священной Исторіи, но уже и изъ катехизиса. И чѣмъ точнѣе были эти знанія, преподанныя мнѣ какъ точная наука, тѣмъ съ большей увѣренностью смотрѣлъ я на нихъ какъ на чистѣйшую миѳологію. Но теперь, когда я жилъ въ Москвѣ, ни съ которой стороны не тревожимый церковью и ея обрядами, и имѣя подъ бокомъ такого богослова-отрицателя, какъ Н. М., я иногда чувствовалъ влеченіе къ московскимъ святынямъ, къ древнимъ храмамъ Москвы, ко всей поэзіи *былой* православной Руси.

Эти тогдашнія настроенія мои были, конечно, не столько религіознаго, сколько эстетическаго характера. Скудость внѣшней обстановки и отсутствіе свѣтлыхъ впечатлѣній въ моей личной жизни въ Москвѣ невольно заставляли меня переноситься къ прошлому. А въ ряду картинъ этого прошлаго, въ ряду воспоминаній дѣтства, когда вспоминалось все, рѣшительно все, воскресали въ памяти и картины религіозныхъ обрядовъ, и самыя первыя религіозныя впечатлѣнія, наивная дѣтская вѣра и молитва. И я чувствовалъ, что теперь мнѣ было бы жаль разстаться со всѣмъ этимъ. Тѣмъ болѣе казалось мнѣ печальнымъ лишать такихъ праздничныхъ воспоминаній тѣхъ, у кого и все-то дѣтство, а иногда и вся жизнь—сплошныя сѣренькія будни. Я чувствовалъ: нужна красота, въ чемъ бы она ни выражалась, и прежде всего красота въ душевныхъ ощущеніяхъ, красота въ настроеніи. Мое сердце говорило мнѣ, что *отрицаніе*, какимъ я видѣлъ его у представителей „нигилизма", не было этой *красотой*. Истина должна быть непремѣнно *прекрасна*, иначе ея и не нужно, иначе не стоитъ искать ее.

И обрядовая сторона религій,—разъ религіи вообще существуютъ, разъ признано существованіе Бога,—уже не казалась мнѣ теперь такой ненужной, такой затемняющей истину, какъ я думалъ раньше.

Отрицаніе, доведенное моимъ пьянымъ философомъ до абсурда, приводило меня, въ видѣ реакціи, къ выводамъ совершенно другого рода, чѣмъ можно было ожидать.

Въ ту же зиму я получилъ изъ Казани телеграфное извѣстіе,

что моего отца разбилъ параличъ и что мое присутствіе необходимо дома для веденія дѣлъ. И я сейчасъ же поѣхалъ.

IV.

Когда я пріѣхалъ изъ Москвы въ Казань, отецъ только-что началъ вставать съ постели послѣ постигшаго его удара. Опасность миновала, онъ поправлялся, но слѣды паралича были замѣтны рѣзко. Онъ волочилъ правую ногу, правая рука едва могла дѣлать привычныя движенія; онъ забывалъ многія слова, а то, что говорилъ, говорилъ съ какимъ-то своеобразнымъ скаканіемъ, точно спотыкался послѣ каждаго слова. Его мускулистыя, сильныя руки похудѣли и были слабы какъ у женщины. Человѣкъ еще недавно мощный физически и духовно, онъ былъ теперь слабъ и безпомощенъ.

Обстоятельства требовали, чтобы я остался при отцѣ заниматься его дѣлами, и я остался.

Эти торговыя занятія на цѣлый годъ захватили меня совершенно, и мнѣ некогда было въ это время ни читать, ни думать. И если мысль продолжала еще иногда работать въ привычномъ направленіи исканія смысла жизни, исканія истины, исканія Бога, то это было только между другими дѣлами, попутно.

Но въ смыслѣ моего дальнѣйшаго духовнаго развитія и этотъ годъ при больномъ отцѣ прошелъ для меня все-таки не безслѣдно. Я не могъ не задумываться надъ непрочностью всего земного, когда передо мною былъ такой примѣръ, какъ отецъ. Физически онъ уже черезъ три-четыре мѣсяца опять окрѣпъ настолько, что могъ помѣряться силой со мной; но рѣзко измѣнились его духовныя способности: все, что его память пріобрѣла въ послѣдніе годы, точно слетѣло съ поверхности, а изъ глубины какъ будто выглянуло то, что укоренилось тамъ въ прежніе, болѣе молодые годы. Широкій интересъ къ общественной жизни, къ прогрессивному движенію человѣческой мысли какъ-то совершенно исчезъ, но зато тѣмъ ярче выступила наружу покорность волѣ Божіей. Его религіозность прежде не мѣшала ему проявлять и удаль, и веселость, и чисто языческую жажду наслажденія; теперь все это смѣнилось христіанскимъ смиреніемъ, усиленными постами и молитвами, сокрушеніемъ о грѣхахъ. Жажда богатства и власти смѣнилась проповѣдью нестяжанія, покорности. Онъ часто повторялъ:

— Я выздоровѣлъ отъ моей прежней жизни. Я уже больше

не хозяинъ своего дѣла, я — Божій приказчикъ. И всѣ люди должны работать, какъ Божьи приказчики. Я волею Божьей исцѣленъ отъ слѣпоты.—

Для меня онъ былъ теперь новой загадкой въ вопросѣ о безсмертіи души. Сознаніе возможности такъ быстро перевоплотиться изъ человѣка духовно сильнаго въ нищаго духомъ, какъ это случилось съ нимъ, заставило меня еще разъ задуматься и о безсмертіи вообще, и о цѣлесообразности такихъ законовъ природы, которые невѣдомо зачѣмъ и почему совершаютъ надъ человѣкомъ такія метаморфозы. Мое всегдашнее стремленіе ничего не бояться распространялось само собой и на смерть. Но я все-таки любилъ эту земную жизнь со всѣми ея тревогами, со всѣмъ разнообразіемъ ея красоты. Исчезновеніе изъ жизни казалось мнѣ не столько страшнымъ, сколько нелѣпымъ, загадочнымъ. Вѣдь небытіе, которое сулило мнѣ матеріалистическое міропониманіе, было ничѣмъ не привлекательнѣе рая тетушки Марьи Яковлевны. Пожалуй, наоборотъ: представленіе о возможности загробной жизни скрашивало переходъ въ небытіе, даже при сознаніи всей призрачности этой будущей жизни, всей необезпеченности осуществленія ея. Вѣдь ее можно представлять себѣ такой, какой хочешь,—какъ это и дѣлалось всегда разными народами въ разные вѣка. И вотъ, въ раздумьи о возможности существованія безсмертныхъ душъ—а можетъ-быть и какъ доводъ противъ безсмертія,—я тогда задавалъ себѣ вопросъ: въ какомъ же видѣ явится душа моего отца въ томъ загробномъ мірѣ, куда онъ разсчитываетъ переселиться? Для меня онъ теперь былъ уже двойственнымъ человѣкомъ: одинъ—до болѣзни, другой—послѣ нея. Это были двѣ совершенно *разныхъ души*. Которая же изъ двухъ воскреснетъ? Почему та или другая? Если воскреснетъ та, которая будетъ въ его тѣлѣ, когда онъ умретъ, то куда же дѣвалась та, которая была до болѣзни—душа во всѣхъ отношеніяхъ болѣе сильная, болѣе интересная, болѣе отвѣтственная? Если же на томъ свѣтѣ нужна именно та душа, которая поддерживаетъ тѣло до его послѣднихъ дней, то зачѣмъ именно столько времени этой жалкой земной оболочкѣ—тѣлу—подчинена безсмертная душа, которая одна только и удостоивается „жизни вѣчной"? Говорятъ, души младенцевъ всегда попадаютъ въ рай за то, что они еще не успѣли нагрѣшить; такъ почему бы, въ такомъ случаѣ, изъ человѣколюбія не убивать младенцевъ, прежде чѣмъ жизнь заставитъ ихъ сдѣлаться грѣшниками? Я въ то время гдѣ-то прочелъ, что средневѣковые богословы разсматривали и такіе вопросы: „сколько ангеловъ можетъ умѣ-

ститься на остріи иголки?“ Такъ ужъ съ гораздо большимъ уваженіемъ могъ я отнестись къ моей мысли: сколько же милліардовъ безсмертныхъ душъ должно было накопиться въ теченіе тысячелѣтій съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, и сколько ихъ еще накопится? Какъ же велики должны быть рай и адъ, чтобъ вмѣстить ихъ?

Такіе и подобные вопросы возникали у меня тогда по тому или иному поводу. Какой-нибудь основатель секты могъ бы положить ихъ въ основу догматовъ своего ученія и страстно отстаивать то или иное рѣшеніе ихъ, какъ непреложную истину. Но меня они ничуть не трогали, и самый вопросъ о безсмертіи былъ для меня лишь холоднымъ вопросомъ ума, а не волнующимъ вопросомъ сердца.

Выздоровленіе отца шло довольно быстро. Лѣтомъ онъ съѣздилъ за границу, и хотя слѣды паралича остались и послѣ лѣченія на водахъ, все-же онъ могъ теперь уже и самъ заниматься своими дѣлами. У него опять появился нѣкоторый интересъ къ „земному“. И въ слѣдующую же зиму я рѣшилъ снова уѣхать изъ Казани. Если прежде у насъ возникали съ отцомъ разногласія по вопросамъ семейнаго или общаго характера, то теперь разногласія появлялись уже и на чисто дѣловой почвѣ. По мѣрѣ того, какъ я выросталъ, а онъ старѣлъ, мы все больше и больше расходились съ нимъ во взглядахъ на дѣла и на людей. Домашняя жизнь, домашній комфортъ, въ который я опять попалъ послѣ моего жалкаго пребыванія въ Москвѣ, одно время приковали-было меня къ дому. Но съ другой стороны узость домашнихъ и торговыхъ интересовъ, домашнія дрязги, заставили меня опять вспомнить о той свободѣ духа, которою я пользовался въ своемъ одиночествѣ въ Москвѣ. Я рѣшилъ теперь довести-таки до конца мое намѣреніе стать на ноги, получивъ систематическое образованіе. Отецъ не хотѣлъ противиться моему желанію и отпустилъ меня при первой возможности.

V.

Былъ конецъ января, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ. Его яркая, пестрая жизнь сначала захватила меня. Но я старался бороться съ соблазнами. У меня не было ни времени, ни охоты кружиться въ водоворотѣ развлеченій, какія могла мнѣ дать столица; не хватало на нихъ и тѣхъ скромныхъ средствъ, какими я опять располагалъ тогда отъ отца. Я усердно занимался,

готовясь къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Мнѣ, вышедшему изъ пятаго класса гимназіи въ началѣ учебнаго года, предстояло самостоятельно пройти курсъ за четыре года—V, VI и два года VII-го класса. Это значило пройти его въ четыре мѣсяца, еслибъ я захотѣлъ держать выпускной экзаменъ въ эту же весну. Такого намѣренія у меня первоначально не было и въ мечтахъ.

И вдругъ оно явилось.

Явилось оно какъ случайный результатъ похмѣлья послѣ одной безпутной ночи, проведенной въ кружкѣ товарищей, которые у меня какъ-то неожиданно скоро завелись въ Петербургѣ. Товарищи эти были студенты разныхъ учебныхъ заведеній, но все первокурсники и всѣ изъ псковской гимназіи. Отъ нихъ я зналъ, что въ Псковѣ можно прожить гораздо дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ, что бороться съ соблазнами тамъ не приходится, развлеченій тамъ никакихъ нѣтъ, и можно заниматься, живя отшельникомъ; а главное — греческій языкъ былъ введенъ тамъ только за годъ передъ этимъ, преподавался пока только въ IV-мъ и V-мъ классахъ, и выпускной экзаменъ предстояло держать съ однимъ латинскимъ. Правило это распространялось не только на учениковъ гимназіи, но и на экстерновъ. Все это, вмѣстѣ взятое, увлекло меня изъ Петербурга въ Псковъ.

Съ апрѣля я уже жилъ тамъ. Я нанялъ комнату съ полнымъ пансіономъ у одного изъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ, но не хотѣлъ знакомиться даже съ моими хозяевами. Съ утра до ночи просиживалъ за учебниками. Умственныя силы, опять накопившіяся за время послѣдняго пребыванія на отцовскомъ заводѣ, были еще свѣжи, и занятія шли успѣшно. Все прочитанное усваивалось сразу, не надо было и заучивать.

И тогда мнѣ пришла мысль: сдѣлать репетицію того экзамена, который я буду окончательно держать ровно черезъ годъ. Пойду на вѣрный провалъ по нѣкоторымъ предметамъ, зато по другимъ несомнѣнно выдержу. Это мнѣ ничуть не повредитъ, а ознакомитъ меня съ требованіями экзаменаторовъ и ознакомитъ ихъ со мной. Только и всего.

И я начинаю заниматься еще усерднѣе, еще напряженнѣе.

Весна. „Выставляется первая рама"... Повѣяло тепломъ, вскрылись Пскова и Великая, по берегамъ ихъ зазеленѣла трава, стали опушаться березы. Это было сильнѣе всякихъ соблазновъ Петербурга. Меня потянуло изъ комнатъ на волю. Душа почуяла близкое присутствіе Бога, незримо творящаго жизнь, и захотѣлось прильнуть душой къ этому благостному Творцу, слиться съ радостью рожденія каждаго новаго листка, каждаго вновь сви-

таго гнѣзда и каждаго бѣленькаго облачка, проплывшаго по синевѣ весенняго неба.

По счастію, въ моихъ занятіяхъ я не былъ связанъ мѣстомъ: мнѣ не надо было сидѣть въ классѣ, какъ гимназистамъ, у меня не было ни уроковъ ни репетиторовъ. Моя гимназія—я самъ и мои книги. И каждое утро, въ ясные солнечные дни, я забиралъ свои учебники, тетради, карандаши и шелъ заниматься на берегъ Великой. И, бывало, иду мимо зданія гимназіи и бросаю на нее и любовный, и вызывающій взглядъ: мы съ ней скоро помѣряемся.

Ухожу за давно дряхлѣющую крѣпостную стѣну стараго Пскова, ухожу къ подножію башни Стефана Баторія, и устраиваю тамъ, въ полномъ одиночествѣ, свою классную, — располагаюсь на молодой зеленой травѣ, какъ на коврѣ. Надо мной — синее небо и солнце, подо мной—отраженіе и солнца, и неба въ водахъ Великой, а за рѣкой—сосновая роща съ бѣлѣющимъ въ ней каменнымъ барскимъ домомъ, безпорядочно раскиданные по берегу домики Завеличья, и древняя церковь Пароменья съ ея разнообразными главами, съ ея старинной низкой „звонницей“ вмѣсто колокольни.

Мое вниманіе на время отвлечено этой картиной. Она мила мнѣ. Но я уже присмотрѣлся къ ней, я только — не словами, взглядомъ—говорю ей: „доброе утро!“—и сейчасъ же углубляюсь въ свои книжки, учусь. Осилю какой-нибудь отдѣлъ изъ физики, или прочту границы, климатъ, флору и фауну какой-нибудь страны изъ географіи—и, въ видѣ отдыха, взгляну опять на небо, на рѣку, на лѣсъ, на все кругомъ.

И вдругъ почувствую: родное все это! Милое. Такое хорошее-хорошее! Я вотъ сейчасъ читалъ про далекія, чудныя, чужія страны; манитъ меня туда, я знаю — увижу тамъ такое, чего нѣтъ и не будетъ здѣсь, такое, что, рядомъ съ этимъ скромнымъ обликомъ родного сѣвера, покажется сказкой; но то—чужое, а это здѣшнее—мое. Съ этимъ здѣшнимъ у меня неразрывная связь, восходящая до временъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Мгновенно, какъ молнія, зигзагомъ по небу, мелькнетъ въ памяти все это многообразное и многозначительное прошлое моего родного народа, и я почую въ этомъ родствѣ свою связь и съ безконечнымъ будущимъ его, и чрезъ него мою связь съ вѣчностью, мое безсмертіе, мою безсмертную душу...

Псковъ своей внѣшностью сначала не произвелъ на меня хорошаго впечатлѣнія: смѣсь старины глубокой съ современнымъ мѣщанствомъ, и въ эту русскую основу вкраплены, гдѣ попало, постройки чисто нѣмецкой архитектуры: вліяніе близости

прибалтійскаго края. Но когда я привыкъ къ нему, я полюбилъ его. Я полюбилъ въ немъ все то, что напоминало старину. И какая-нибудь маленькая церковка невѣдомаго мнѣ далекаго вѣка нерѣдко заставляла меня забывать всю окружающую современность, переноситься мечтою въ прошлое и мысленно жить среди людей того прошлаго, жить ихъ жизнью, считаясь съ ихъ взглядами и понятіями—но жить, обладая всѣми *моими* теперешними знаніями, теперешними понятіями. Это, можетъ-быть, было безсознательное творчество уже таившагося во мнѣ художника-бытописателя.

Но, переносясь мысленно въ русскую старину, я гораздо меньше интересовался внѣшней стороной тогдашняго быта, чѣмъ духовной сущностью людей того времени. Они представлялись мнѣ болѣе сильными духомъ, болѣе цѣльными людьми, чѣмъ мы, ихъ потомки. Они, казалось мнѣ, были отважнѣе, были болѣе способны на всякіе подвиги, были рѣшительнѣе насъ, когда для достиженія какой-нибудь цѣли приходилось ставить на ставку самую жизнь.

„Не потому ли, что они были глубоко религіозны?"—задавалъ я себѣ вопросъ.

И я отвѣчалъ себѣ: „Да!"

Не только отдѣльные люди — *вся* древняя жизнь была проникнута вѣрой въ Бога; нельзя себѣ представить человѣка тѣхъ временъ невѣрующимъ, и эта вѣра давала тѣмъ людямъ огромную духовную силу, позволявшую имъ, если только они исполняли свой долгъ, не бояться ни ужасовъ жизни, ни тайны смерти: всемогущій Богъ былъ имъ помощникъ при жизни и мздовоздатель по смерти.

Но какая же была нужна отвага людямъ другихъ, позднѣйшихъ поколѣній, людямъ нашего вѣка, чтобъ отвергнуть Бога и всѣхъ боговъ? Отвергнуть и помощь, и награду, взять все на свои человѣческія плечи, на свою свободную волю взять всю отвѣтственность за свои дѣйствія, и одинокимъ встать лицомъ къ лицу предъ непостижимой тайной міра. Какая духовная сила нужна была для этого!

А я всегда и во всемъ искалъ и любилъ силу. И Богъ для меня, гдѣ бы Онъ ни объявился, могъ быть только Силой. Кто же больше и сильнѣе: тѣ ли, кто, во имя Бога, подъ тяжелымъ крестомъ жизни, твердо, неуклонно блюдутъ „законы божескіе", въ упованіи получить за это и божью помощь, и божью награду—или тѣ, чья душа, отвергнувъ все, что не вмѣщается въ ней самой, отвергнувъ всякую помощь извнѣ, хочетъ жить въ этомъ

мірѣ и владѣть этимъ міромъ только собственными силами? Въ комъ же изъ двухъ больше божеской силы, въ комъ больше *Бога?*..

Я стоялъ на распутьи. Я не могъ дать себѣ яснаго отчета, почему я совершенно одинаково люблю и тѣхъ, чья душа свѣтла горячей вѣрой въ Бога, и тѣхъ, чья душа свѣтла гордымъ невѣріемъ въ Него.

VI.

Послѣ всего, что мною до сихъ поръ разсказано, мнѣ надо собрать все свое мужество, чтобъ разсказать то, въ чемъ даже и самому себѣ иногда не хочется признаться и что всегда вспоминается съ чувствомъ трудно подавляемой неловкости. Но я хочу быть простосердечно искреннимъ до конца, и, раскрывая тайны моей души, не хочу скрыть ни одной.

Подготовляясь къ экзаменамъ, я увидѣлъ, что выдержу ихъ удовлетворительно всѣ, за исключеніемъ двухъ: латинскаго и исторіи. Подумавъ, я рѣшилъ совсѣмъ и не готовиться по этимъ двумъ предметамъ, чтобъ не терять на нихъ ни часу дорогого времени, и не экзаменоваться, когда до нихъ дойдетъ очередь.

Экзамены начались, какъ полагается, съ письменныхъ работъ. Первымъ было — сочиненіе. Тема: „Слово о полку Игоревѣ, какъ литературный памятникъ". Я былъ счастливъ: въ „Словѣ о полку Игоревѣ" я зналъ почти всѣ лучшія мѣста наизусть. Сочиненіе, которое я написалъ, показалось совѣту гимназіи чѣмъ-то выходящимъ изъ ряда вонъ. Помнится, оно было проникнуто поэзіей и красиво сложено. Большія цитаты на память изъ подлинника были сдѣланы на древне-славянскомъ безошибочно. И послѣ этого перваго экзамена все гимназическое начальство отнеслось ко мнѣ съ такимъ благоволеніемъ, о какомъ я и не мечталъ.

На слѣдующихъ письменныхъ экзаменахъ я вполнѣ удовлетворительно разрѣшилъ всѣ задачи по ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи и безукоризненно написалъ переводъ съ французскаго и нѣмецкаго, но зато письменный переводъ съ русскаго на латинскій оказался ниже всякой критики: слѣдовало бы поставить единицу, но мнѣ поставили двойку — только изъ желанія дать мнѣ возможность продолжать экзамены. Члены совѣта гимназіи все еще находились подъ обаяніемъ моего сочиненія по русскому языку и готовы были сдѣлать все возможное, чтобъ не лишить меня аттестата; они надѣялись, что на устномъ экза-

менѣе по латинскому я можетъ-быть какъ-нибудь отвѣчу на тройку. Это возбуждало надежду и у меня. Я сознавалъ, что мои сверхпрограмныя познанія въ латыни, которыми я могъ хвастаться, когда учился въ IV-мъ и V-мъ классахъ гимназіи, были значительно менѣе того, что требуется по программѣ для выпускного экзамена. Да и эти старыя познанія значительно испарились въ послѣдніе годы, когда я латинскихъ книгъ не бралъ въ руки. Но я все-таки рѣшилъ попробовать подготовиться. На устныхъ экзаменахъ латинскій языкъ стоялъ первымъ по очереди. Всѣ дни и ночи, какіе были даны на подготовку, я, напрягая до послѣдней степени свои силы, занимался латинской грамматикой. Однако и на устномъ экзаменѣ по латинскому я дальше двойки не пошелъ. Мнѣ все-таки позволили держать всѣ слѣдующіе устные экзамены, и я выдерживалъ ихъ какъ нельзя лучше.

Но впереди былъ послѣдній, самый опасный камень преткновенія: экзаменъ исторіи.

Во всю мою жизнь, отъ юности и до сего времени, я никогда не зналъ годовъ историческихъ событій. Хронологія была для меня наукой положительно недоступной. Къ генеалогіи историческихъ лицъ я относился съ глубочайшимъ пренебреженіемъ. Зная многое изъ Бокля и Маколея, я совсѣмъ не зналъ Иловайскаго. Теперь, надѣясь на свою память, я передъ самымъ экзаменомъ прочелъ, какъ успѣлъ, его учебники. Но не только не было возможности заучить такъ скоро хронологію, но и всѣ событія сплелись въ моей памяти въ величайшую путаницу.

И вотъ тутъ я, единственный разъ въ моей жизни, смалодушничалъ самымъ постыднымъ для меня образомъ.

Я зналъ, что отъ экзамена по исторіи, только отъ него одного, зависитъ полученіе мною аттестата зрѣлости. Мнѣ захотѣлось получить его во что бы то ни стало, не смотря на недостаточность знаній. Что такое знаніе! То, что потребуетъ отъ меня въ свое время жизнь, я въ свое время долженъ буду сумѣть и самъ пополнить безъ экзаменовъ. А теперь — только бы, не теряя лишній годъ, получить аттестатъ!

И, постепенно наростая, это желаніе стало такъ сильно, что вылилось у меня жаждой чуда, жаждой вѣры въ помощь Вышнихъ Силъ. Вѣрятъ же милліоны людей въ Святую Троицу! И я основательно выучилъ три билета изъ исторіи наудачу: одинъ билетъ на Бога Отца, другой на Сына, третій на Св. Духа. Кто-нибудь изъ Троицы долженъ же помочь мнѣ! И я въ ночь передъ экзаменомъ самымъ серьезнымъ образомъ молился и Отцу, и Сыну, и Св. Духу, молился, стоя на своей постели на колѣ-

няхъ—совсѣмъ по-дѣтски. Это было не лицемѣріе, не надежда обмануть Бога: это была молитва, полная самой искренней вѣры. Быть-можетъ, чтобъ не казаться самому себѣ смѣшнымъ, я обманывалъ этой вѣрой самого себя, но я говорилъ себѣ: „я хочу вѣрить!“ И въ эти минуты я вѣрилъ, сколько это возможно для человѣческой души. Самъ апостолъ Ѳома не могъ быть болѣе искреннимъ, чѣмъ я. „Вѣрую, Господи, помози невѣрію моему“. Для меня въ эту ночь рѣшался не просто вопросъ объ экзаменѣ по исторіи,—рѣшался вопросъ о существованіи Бога: Бога моего отца, Бога моего родного народа, Бога всего цивилизованнаго человѣчества. Экзаменъ самъ по себѣ уже отходилъ на задній планъ: я только страстно хотѣлъ, чтобы Богъ явилъ мнѣ себя этимъ чудомъ дарованія мнѣ одного изъ трехъ выбранныхъ билетовъ. Мнѣ не казалось мое моленіе ни смѣшнымъ, ни недостойнымъ. Христосъ позволилъ апостолу Ѳомѣ вложить персты въ язвы; неужели Онъ не захочетъ открыть мнѣ сегодня праведный путь для всей моей дальнѣйшей жизни? Мнѣ было девятнадцать лѣтъ. О, какъ я хотѣлъ тогда, чтобы Богъ существовалъ, чтобы Онъ услышалъ меня!..

Проснувшись на другой день утромъ, я вспоминалъ мою вчерашнюю молитву, какъ сонъ. Я уже не смѣлъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, была ли это дѣйствительно жажда вѣры или только психозъ, вызванный экзаменаціоннымъ переутомленіемъ. Не была ли эта молитва такой же, какъ молитва моего отца Николаю Чудотворцу о спасеніи ихъ парома въ бурю?

И когда я пошелъ въ гимназію, я былъ настроенъ тревожно. Я не зналъ, что̀ больше страшило меня: то ли, что я могу провалиться, или то, что могу выдержать экзаменъ. Я шелъ и думалъ: что, если мнѣ попадется одинъ изъ выученныхъ билетовъ? Вѣдь я тогда уже больше не могу не вѣрить въ Бога. Иначе я буду подлецомъ предъ самимъ собой. А вѣрить—это вѣдь значитъ вѣрить во все, во что̀ вѣрятъ и мой отецъ, и тетушка Марья Яковлевна. Выдержать теперь этотъ экзаменъ по выигрышному билету — значитъ провалить всѣ знанія, ранѣе пріобрѣтенныя мною изъ всѣхъ тѣхъ дивныхъ книгъ, которыя я читалъ когда-то съ такимъ увлеченіемъ, всѣ ихъ промѣнять на знаніе текстовъ изъ катехизиса да на учебникъ Иловайскаго. И вмѣстѣ съ тѣмъ моя вчерашняя молитва казалась мнѣ такой искренней, казалась такимъ безкорыстнымъ исканіемъ Бога во имя Бога, что еще и сегодня, подходя къ экзаменаціонному столу, я не смѣлъ отвергнуть въ душѣ этого чуда. Я только въ новомъ припадкѣ

малодушія старался не думать о немъ. Какъ человѣкъ, бросающійся въ пропасть, я закрылъ на это мгновеніе глаза.

И—о, радость! Ожидаемаго не совершилось, а совершилось другое чудо: воспрянула свободная душа и поклонилась другому Богу—своей свободѣ.

Я сохранилъ самую лучшую память о членахъ педагогическаго совѣта псковской гимназіи: совершенно незнакомый имъ, пришлый юноша, котораго они видѣли въ первый разъ, я пользовался на рѣдкость сердечнымъ вниманіемъ съ ихъ стороны. Но билетъ на экзаменѣ исторіи я вынулъ такой, по которому я не могъ отвѣтить ровно ничего. Меня попробовали погонять по всему курсу, спрашивали года, генеалогію и какія-то событія изъ удѣльно-вѣчевого періода, предложили по крайней мѣрѣ десятка два вопросовъ и, сокрушенно переглянувшись между собой, поставили мнѣ единицу. Я съ улыбкой раскланялся и, сказавъ преподавателямъ: „До свиданія, до будущаго года!"—съ облегченнымъ сердцемъ вышелъ изъ гимназіи.

На улицѣ ликовалъ чудный іюньскій день. Голубое небо было безоблачно; всюду, гдѣ только изъ-за заборовъ свѣшивалась надъ тротуаромъ вѣтка липы или березы, пахло свѣжей зеленью, и я поспѣшилъ выйти за городъ. Развалившись на травѣ, я смотрѣлъ на голубое небо, на зеленѣющую даль поля, на березовый лѣсокъ вдали,—любовно смотрѣлъ на все и прислушивался, какъ громыхалъ желѣзнодорожный поѣздъ, а надо мной вился жаворонокъ и пѣлъ какую-то звонкую-звонкую пѣсню. Вся природа ликовала въ этотъ день, и вмѣстѣ со всей природой ликовала моя отнынѣ навсегда свободная душа: Бога больше не было! Не было христіанскаго Бога: не было ни Отца, ни Сына, ни Духа Свята. Они умерли для меня въ этотъ ликующій день, какъ умерли нѣкогда свѣтлые боги Эллады и Рима, съ приходомъ новаго Бога, Бога, распятаго на крестѣ. Я чувствовалъ въ этотъ часъ такую свободу, какой ни раньше, ни потомъ никогда въ жизни не чувствовалъ.

Вотъ подлинная выписка изъ того, что̀ мною было тогда записано на̀скоро себѣ на память:

„Псковъ, 10 іюня 1872 г.

Экзаменъ не выдержанъ. Что-жъ! Я не жалѣю и не досадую. До будущаго года!

. . . .

...Я радъ даже, что не выдержалъ экзаменъ, потому что иначе у меня опять засѣла бы въ головѣ idée fixe, я вѣрилъ бы и не вѣрилъ. Можетъ ли быть Богъ? Для меня *за* эту идею

только то: почему у всѣхъ народовъ Богъ? А противъ: что онъ такое? Для египтянина онъ—быкъ, для индѣйца—солнце, для гвебра—огонь, для грека—человѣкъ всесовершенный, для іудея—тоже, но съ другимъ характеромъ. У насъ — уже три Бога... Такого общаго для всѣхъ Бога, къ которому бы можно было приложить одну изъ религій, хотя бы очищенную отъ украшеній, не существуетъ. Какъ ничтоженъ человѣкъ съ его землей, когда и солнце и его система есть только капля въ громадномъ *дискѣ* безчисленныхъ міровъ. Какое имѣетъ право земля одна рѣшать, что такое богъ, и почему онъ такъ много долженъ заниматься землей?.. Зачѣмъ допускаетъ онъ на землѣ всѣ бѣдствія надъ добрыми и оставляетъ безнаказанно злыхъ? Зачѣмъ — если онъ имѣетъ всѣ приписываемыя ему качества? „Судьбы его неисповѣдимы!“ Что-жъ, жизнь человѣческая для него шахматная игра, что-ли? Забава? И гдѣ онъ, этотъ Богъ? Допуская одно понятіе о немъ, непремѣнно должны допустить и украшенія. Нѣтъ Бога, который бы занимался хоть сколько-нибудь судьбами человѣчества. Этотъ богъ—жизненная сила, природа, богъ, которому нѣтъ дѣла до того, живы ли мои папаша или мамаша, богъ, который создаетъ и разрушаетъ безцѣльно, самъ не сознавая своего бытія. Религія—игрушка, необходимая человѣчеству, какъ игрушка необходима ребенку. Чѣмъ меньше ребенокъ, тѣмъ игрушка эта грубѣе. Для развитого юноши эта игрушка—поэзія, любовь. Такова религія грековъ. Для взрослаго человѣка эта игрушка—идея добра: религія Христа. Дальнѣйшія игрушки—идея труда, долга: суровая религія пуританъ. Безъ этихъ игрушекъ отъ младенчества до старости пуста дѣлается жизнь человѣка. Грустно признаться, что духъ смертенъ, а тѣло безсмертно. Тяжело отрѣшиться отъ загробной жизни. Блаженны вѣрующіе во что бы то ни было! Проклятіе тому, кто старается разрушить эти вѣрованія! Каждая религія хороша и соотвѣтствуетъ своему времени. Всѣхъ выше религія Христа, всѣхъ лучше религія грековъ“.

VII.

Сейчасъ же послѣ неудачнаго моего экзамена я, на данныя мнѣ отцомъ средства, поѣхалъ, отчасти для лѣченія, отчасти для отдыха, одинъ за границу. Всѣ мои учебники я захватилъ съ собой, чтобы не прерывать мою подготовку къ экзамену.

Это была моя первая заграничная поѣздка, изъ которой я вынесъ большой запасъ новыхъ наблюденій и новыхъ настроеній. Между прочимъ—религіозныхъ.

Осматривая Берлинъ, я, конечно, не могъ не посѣтить его знаменитой, въ то время еще новой, синагоги. Мнѣ кто-то посовѣтовалъ послушать пѣніе въ ней при богослуженіи. Я пошелъ туда въ пятницу вечеромъ. И еврейская вечерня такъ увлекла меня, что въ субботу утромъ я уже снова былъ въ синагогѣ, у „обѣдни". Мнѣ не приходится заставлять работать воображеніе и память, чтобъ возстановить теперь мое тогдашнее настроеніе—у меня есть письменное свидѣтельство о немъ: сохранилась выписка, сдѣланная изъ моего письма къ пріятелю, которому я описывалъ мое первое заграничное путешествіе. Поѣздка эта не вызывала у меня того восторженнаго настроенія, какого можно было ожидать и какое я испыталъ при первой моей поѣздкѣ въ одиночествѣ въ Самару, на кумысъ. Напротивъ: я былъ въ какомъ-то разочарованномъ настроеніи. Вотъ, во всей неприкосновенности моего тогдашняго юношескаго стиля, то, что я писалъ моему пріятелю:

„Ѣду ли я, нѣтъ ли, все-то было мнѣ равно! Конечно, все новое, попадавшееся на глаза, интересовало, занимало, оставляло по себѣ впечатлѣніе, наводило на размышленія, и пройти мимо было нельзя. Но гдѣ тѣ прежніе, тѣ чистые восторги, та любознательность, которая каждый новый для меня предметъ оживляла, бывало, какой-то таинственной жизнью? Холодно, пусто было у меня на сердцѣ, и все мнѣ казалось холоднымъ, бездушнымъ. Разъ, одинъ только разъ, ожилъ во мнѣ дѣтскій восторгъ прежнихъ лѣтъ!..

Любите ли вы музыку? Сохранилась ли въ васъ хоть іота вѣры, не говорю въ поповщину, ни даже въ Бога, нѣтъ—одна іота вѣры въ нравственное совершенство, милосердіе и любовь человѣка? Если да—пойдите въ синагогу!—Звучнымъ баритономъ тянетъ раввинъ [1]) божественные речитативы. Высоко, высоко, подъ самый куполъ несутся мягкіе звуки его восторженной молитвы. Чѣмъ дальше, тѣмъ громче, тѣмъ выше, сильнѣй раздается хвала Іеговѣ. И вотъ ужъ ангелы подхватили эти звуки и несутъ ихъ къ Творцу. Не замерли еще въ вашемъ ухѣ послѣдніе тоны—вы чутко прислушиваетесь къ нимъ, дорожите секундой, знаете, что эти звуки сейчасъ же смолкнутъ, а они вамъ дороги, вы не разстались бы съ ними—и вотъ уже новыя, новыя, еще болѣе чистыя, болѣе восторженныя ноты понеслись къ небесамъ, въ аккордъ къ прежнимъ, сливаясь съ прежними и точно волны погоняя другъ друга! То не раввинъ поетъ, — вы его не замѣ-

[1]) Канторъ.

чаете, не слышите,—нѣтъ, то весь воздухъ обратился въ звукъ и льется, льется, переливаясь мимо ушей вашихъ въ невыразимой гармоніи. Каждый атомъ поетъ Іегову, Творца и Промыслителя вселенной. Но вотъ звуки пошли мягче, нѣжнѣе, тише. Громко пропѣвъ во всеуслышаніе народамъ славу Творца, вдохновенный жрецъ обращается къ самому Творцу, моля принять его хвалу. Каскадомъ потекли низкіе тоны, робкіе, умоляющіе звуки, и вотъ, какъ послѣдній отголосокъ эхо, замерла въ воздухѣ послѣдняя бархатная нотка. Онъ кончилъ, но въ священномъ восторгѣ стоялъ еще съ поднятыми руками. Медленно опустилъ онъ руки. Все молчало, а я все еще слушалъ. Стройные аккорды раздались вдругъ и быстро оборвались; потомъ опять снова шли аккорды за аккордами. То органъ игралъ прелюдію. Громадный хоръ пѣвчихъ, чистѣйшими дѣтскими голосами, подхватилъ аккорды органа. Быстрый, живой мотивъ раздался отъ края до края и понесся куда-то далеко, увлекая вашу душу: то ангелы возвѣщаютъ смертному, что благосклонно принялъ богъ его молитву. Но вотъ ангелы запѣли свою хвалу: полились нѣжные, ясные, млѣющіе, страстно томительные звуки. Какіе мотивы! И такъ цѣлая всенощная. Строго-холодной рѣчью раввина, которой я, конечно, не понялъ, хотя съ любовью слѣдилъ за его словами, громкими божественными аккордами органа закончилась она. Всѣ поднялись съ мѣстъ. Я вышелъ изъ синагоги. Сердце было полно".

Сопоставленіе этого письма съ записью, которую я сдѣлалъ для памяти послѣ провала на экзаменѣ, — два документа несомнѣнной искренности,—свидѣтельствуетъ о томъ, какъ въ нашей душѣ въ одно и то же время легко могутъ уживаться не смутныя, а ярко выраженныя настроенія, повидимому несовмѣстимыя: съ одной стороны — достаточно обоснованное отрицаніе самаго бытія Божія, съ другой — страстное влеченіе къ этому Невѣдомому Богу, исканіе связи съ нимъ, жажда религіи. И это при полномъ безразличіи къ тому, какая или чья эта религія, лишь бы проявленія ея въ обрядахъ удовлетворяли эстетическому чувству, лишь бы эмоціи, которыя этими обрядами вызываются, были возвышенны, художественны, свѣтлы. И вѣчно грозный, карающій Іегова могъ подъ звуки свѣтлыхъ пѣснопѣній предстать предо мной въ образѣ Бога-Отца, сердечно пекущемся о своемъ избранномъ народѣ.

Привыкнувъ посмѣиваться надъ бормотаньемъ молитвъ евреями, какъ это я видѣлъ у нашего старика-винокура, я всего менѣе ожидалъ, что богослуженіе въ синагогѣ захватитъ меня своей

красотой. Я встрѣтилъ это настроеніе неподготовленный къ нему. Напротивъ, я съ нетерпѣніемъ ждалъ момента, когда увижу Кёльнскій соборъ. Я не разъ слышалъ о немъ отъ Б., я такъ много читалъ о красотѣ готическихъ храмовъ, о томъ особенномъ настроеніи, которое вызываютъ эти точно рвущіяся отъ земли къ небесамъ постройки, съ ихъ стрѣльчатыми сводами, съ ихъ высокими и узкими стрѣлообразными окнами, съ ихъ уходящими въ небо остроконечными колокольнями. Я зналъ, что въ ряду этихъ храмовъ Кёльнскій соборъ занимаетъ первое мѣсто по своей громадности и что, начатый въ XII-мъ столѣтіи, онъ все еще недостроенъ за недостаткомъ средствъ, и что на эту постройку до сихъ поръ этому „нищему“ отовсюду собираютъ пожертвованія. Я зналъ разныя легенды, связанныя съ его постройкой, я зналъ, что католики покланяются въ немъ гробницѣ трехъ волхвовъ, принесшихъ дары Христу-Младенцу, я читалъ подробныя описанія произведеній скульптуры и живописи, украшающихъ его, и этотъ храмъ былъ въ моихъ мечтахъ символомъ торжествующаго католицизма и средневѣковаго изувѣрства. Моя душа не лежала къ нему, и все-таки я думалъ найти въ этомъ храмѣ источникъ новаго религіознаго вдохновенія въ такомъ же духѣ, какъ я неожиданно испыталъ это въ синагогѣ.

И вотъ я въ Кёльнѣ. Мрачный, величественный, весь выточенный изъ сѣраго гранита, весь въ мелкихъ, драгоцѣнныхъ по работѣ, вытесанныхъ изъ того же гранита или изъ мрамора статуяхъ и арабескахъ, стоялъ передо мной der grosse Bettler am Rhein—Кёльнскій соборъ, этотъ гигантъ, которымъ гордится вся католическая Германія. Самый воздухъ въ немъ и вокругъ него долженъ быть наэлектризованъ молитвами милліоновъ вѣрующихъ, побывавшихъ здѣсь.

Но холодно осмотрѣлъ я его снаружи, едва взглянулъ на него внутри, быстро обѣжалъ я Кёльнъ, осматривая другія его достопримѣчательности,—и дальше, въ Аахенъ. Религіознаго настроенія не было. Напротивъ, отъ холодныхъ, сѣрыхъ стѣнъ великаго собора на меня повѣяло тюрьмой. Его, въ это время еще неоконченныя, башни-колокольни съ ихъ усѣченными вершинами напомнили мнѣ соборъ Парижской Богоматери, какимъ я зналъ его по рисункамъ, напомнили романъ Гюго, его героевъ, синдика Клода Фролло, и въ мое сердце вползло какое-то жуткое чувство. Вспомнились пытки и костры инквизиціи, вспомнилось все, что было сдѣлано нелѣпаго и ужаснаго во имя вѣры въ кроткаго и милосерднаго Христа, котораго католиче-

скіе монахи bona fide превратили въ безпощаднаго карателя несуществующихъ грѣховъ. Его именемъ тормазилось просвѣщеніе, объявлялись ересью научныя истины, сковывалось всякое проявленіе мысли и чувства, несогласное съ догматами, которые были сочинены „отцами церкви". Вспомнилось мнѣ тутъ не только это, но и все пережитое и передуманное мною въ дѣтскіе и отроческіе годы—и, вмѣсто религіознаго настроенія, Кёльнскій соборъ вызвалъ у меня настроеніе враждебное. И на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда въ Аахенъ, я въ свою записную книжку внесъ, какъ бывало въ гимназіи, татарскимъ алфавитомъ, но русскими словами: „Христіанство задержало цивилизацію, потому что около того времени римляне уже ни во что не вѣрили".

Съ этимъ настроеніемъ осматривалъ я въ Аахенѣ соборъ, гдѣ короновался Карлъ Великій; это же настроеніе поддерживали во мнѣ тамъ и попадавшіяся на прогулкахъ по горамъ часовеньки со статуями Христа или Мадонны, и скульптурныя изображенія распятаго Христа на перекресткахъ полевыхъ дорогъ, и частыя католическія процессіи, гдѣ толпа носила не иконы, какъ у насъ, а статуи, иногда одѣтыя въ шелковыя ткани. Все это говорило мнѣ о той страшной жаждѣ вѣры въ Бога, которую только-что недавно пережилъ я самъ. Но въ то же время это говорило мнѣ о томъ, что и эта цивилизованная часть человѣчества, кичащаяся своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ больше, чѣмъ нашъ русскій народъ, находится въ смыслѣ религіознаго развитія все еще на той же ступени, на какой стояли и древніе римляне, покланявшіеся идоламъ.

Когда я къ осени вернулся изъ Аахена въ Псковъ, когда я увидалъ опять его старинныя своеобразныя церкви, говорившія моему сердцу все же больше, чѣмъ храмы чужой земли, я сказалъ себѣ: „Долженъ быть какой-то Невѣдомый Богъ. А всѣ аттрибуты, которыми украшаютъ его въ своихъ вѣрованіяхъ народы, все это не больше какъ національный нарядъ: у русскихъ одинъ, у татаръ другой, иной у нѣмцевъ, иной у евреевъ, у всѣхъ свой!"

Но теперь мнѣ было не до религіозныхъ размышленій: некогда, надо было учиться. Погрузившись опять съ головой въ мои учебники, я больше уже не вспоминалъ о Богѣ. И весной слѣдующаго года, въ той же псковской гимназіи, безъ всякой лоттереи, безъ всякихъ молитвъ, я получилъ аттестатъ зрѣлости, съ высшимъ балломъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ Закона Божія.

Ал. Луговой.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВЪ СТРАНѢ ОЗЕРЪ

(Изъ лѣтнихъ скитаній по Финляндіи *)

II.

Кузьма изъ Чембара.

Часто въ бѣлыя ночи я выходилъ на дорогу и на гребнѣ высокаго каменистаго холма любовался синею далью ровной лѣсной долины. На горизонтѣ въ легкой голубоватой дымкѣ виднѣлось море. Издали оно казалось мнѣ тихимъ, уснувшимъ, пустыннымъ... Можетъ-быть надъ его гладью въ синевѣ воздуха купаются бѣлые паруса, но я не могъ разсмотрѣть этихъ красивыхъ крыльевъ яхтъ и лодокъ финляндскихъ рыбаковъ. Когда проходили большіе военные и торговые пароходы, надъ моремъ темноватой густой кисеей вытягивался дымъ. Я представлялъ себя на палубѣ этихъ пароходовъ и думалъ о тѣхъ невѣдомыхъ мнѣ людяхъ, которые уплываютъ въ чужія страны или возвращаются на родину... И странно, какая-то тихая грусть начинала точить сердце.

Кисея дыма разсѣивалась и сливалась съ окраской далекаго горизонта, пароходы уходили, а грусть, тихая и сладкая, оставалась со мною. Мысли неслись къ роднымъ берегамъ и тонули въ далекой синеватой дымкѣ.

Я смотрѣлъ на лѣсную долину съ ярко-зелеными кусками пахатныхъ полей и луговъ. Ближе сѣрѣли тесовыя кровли избъ

*) См. октябрь, стр. 137.

и сараевъ финляндской деревушки... И этотъ лѣсъ, и пашни, и луга, и сѣрыя кровли казались мнѣ вырванными изъ живого пейзажа родной мнѣ губерніи и перенесенными подъ облачное небо Финляндіи. Кто забросилъ ихъ сюда, въ страну озеръ? Кто утопилъ ихъ въ волнахъ сѣдыхъ тумановъ?

Какъ-то разъ до слуха моего донесся съ полей зычный и тягучій окрикъ. Далекое эхо повторило неясный и плохо понятный мнѣ окрикъ призыва, но я не могъ пойти на этотъ призывъ. Кто-то звалъ кого-то... Но никто не призывалъ меня!.. Тихая, нѣмая бѣлая ночь смотрѣла мнѣ въ глаза и опять отчего-то становилось невыносимо грустно...

На гребнѣ холма—невысокая, но широкая стѣнка, выложенная изъ тяжелыхъ овальныхъ гранитныхъ камней. Стѣнка отгораживаетъ пахатное поле отъ дороги. Я любилъ одиноко сидѣть на этихъ камняхъ, смотрѣлъ въ сторону моря и вспоминалъ теплые, тихіе вечера родины...

За послѣдніе дни я сталъ замѣчать, что на тотъ же кремнистый холмъ и къ той же каменной стѣнкѣ сталъ приходить и еще одинъ скучающій одинокій человѣкъ... Это былъ парень лѣтъ 17—18-ти, бѣлобрысый, длинноволосый, одѣтый въ пиджакъ, грязно-сѣрые штаны, запущенные въ большіе сапоги, и въ картузѣ. Я наблюдалъ новаго посѣтителя холма издали и задавался вопросомъ: кто онъ?

Онъ усаживался на крайнихъ камняхъ стѣнки, подпиралъ руками голову и смотрѣлъ куда-то вдаль. И мнѣ казалось, что и онъ смотритъ въ сторону моря, за которымъ незримо для меня утонули въ синевѣ и пахатныя поля, и лѣсные холмы родной мнѣ губерніи.

Нерѣдко къ одинокому юношѣ подходили „пойги“ (такъ называются въ Финляндіи юноши). Шумной толпой они останавливались около одинокаго юноши, говорили съ нимъ, смѣялись и, какъ мнѣ казалось, звали его куда-то... Пойги уходили. Онъ оставался одинокимъ, снова подпиралъ голову руками и снова смотрѣлъ вдаль...

Одинокій юноша отличался отъ своихъ товарищей костюмомъ, одиночествомъ и длинными волосами, и я нерѣдко думалъ: не безумный ли это юноша? Почему онъ въ его годы склоненъ къ одиночеству?..

Какъ-то разъ я замѣтилъ, что одинокій юноша грызъ сѣмечки и при этомъ съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ отплевывалъ скорлупу. Такъ умѣютъ грызть подсолнухи только русскіе, и я сказалъ себѣ: онъ—русскій... И я не ошибся.

Какъ-то разъ, когда небо бѣлой ночи было завѣшано сѣрыми густыми облаками, а море исчезло за сѣткой ливня отдаленныхъ синихъ тучъ, я снова увидѣлъ сидящимъ на камняхъ юношу въ картузѣ. Какъ и всегда, онъ истреблялъ подсолнухи и съ ожесточеніемъ отплевывалъ скорлупу.

Рѣзкій, хотя и теплый вѣтеръ гналъ синія тучи на насъ. Долина потемнѣла. Потемнѣла узкая полоска зари заката. Вдали по временамъ грохоталъ громъ. Было душно, какъ бываетъ передъ грозой. Я любовался вспышками молній въ сторонѣ моря, смотрѣлъ на быстро идущія облака надъ головою и снова знакомая мнѣ тоска по родинѣ щемила сердце.

До меня донеслись отрывки пѣсни, въ которыхъ слышалась какая-то отчаянная грусть. Парень въ картузѣ пѣлъ:

Разлука ты-ы разлука —
Чужа-а-я сто-о-рона...
Никто насъ не-е разлучитъ —
Ни ~~солнце~~, ни луна...

Послѣ паузы юноша пѣлъ тотъ же куплетъ... Снова пауза и снова тѣ же слова. Очевидно, онъ только этотъ куплетъ и зналъ изъ всей длинной и тягучей пѣсни родины.

И мнѣ казалось — рѣзкій вѣтеръ моря принесъ ко мнѣ эту грустную русскую пѣсню съ задумчивыхъ долинъ родины, или изъ рабочихъ кварталовъ большого города, или съ черныхъ лѣстницъ петербургскихъ домовъ... Столичная прислуга любитъ пѣть эту пѣсню и всегда поетъ съ какимъ-то особеннымъ душевнымъ надрывомъ. Большой туманный и холодный городъ кажется тогда чужимъ, а пѣвцы печальной пѣсни—заброшенными на чужбину.

Меня потянуло къ одинокому юношѣ, пѣвцу грустной пѣсни, и я двинулся вдоль каменной стѣнки. Я остановился около него шагахъ въ десяти. Онъ покосился на меня свѣтло-голубыми глазами, оборвалъ недопѣтую пѣсню и опять принялся грызть подсолнухи.

— А что, господинъ, мотри-ка, вонъ за этимъ моремъ русская земля?

И онъ указалъ вдаль моря, за кисеей дождя.

— Какъ же, русская... Тамъ—Финскій заливъ, а за нимъ—Петербургская губернія...

— А Петербургъ тамъ?—спросилъ онъ, указывая рукою еще лѣвѣе.

— Да... только еще лѣвѣе... вонъ тамъ!..

Онъ что-то соображалъ и грызъ подсолнухи.

Молодое, но блѣдное и худощавое лицо съ втянутыми щеками, шея загорѣлая, руки темныя отъ загара и работы. Юноша показался мнѣ нездоровымъ. Въ глазахъ его отражалась какая-то муть, точно онъ только что вынесъ на собственномъ горбу тяжелые камни изгороди и теперь присѣлъ, чтобы передохнуть.

Я предложилъ ему папиросу и мы разговорились. Почему-то, въ началѣ бесѣды, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы не подумайте господинъ, что я—чухна!.. Крещеный я, настоящій хрестьянинъ изъ Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи... и зовутъ меня Кузьмой...

— Какъ же ты попалъ сюда изъ Чембара-то?..

И его неуклюжая, путанная рѣчь запрыгала, какъ прыгаютъ колеса экипажа по каменистой дорогѣ, у которой мы познакомились.

Исторія начала столичной жизни Кузьмы не сложна. Весною онъ, гонимый нуждою и безработицей, покинулъ свой Чембарскій уѣздъ и добрался до Петербурга, отыскалъ дядю, который служилъ на какой-то лѣсной биржѣ. Дядя не оправдалъ его надеждъ: племянника пожалѣлъ, но не приложилъ стараній устроить его.

— Бился, бился я въ Питерѣ-то, искамши работу... Акромя какъ крестьянскую работу, ничего я не могу дѣлать—не обученъ!.. А дядя-то и говоритъ: „чего, говоритъ, ты, Кузьма, слоняешься, какъ курица передъ вечеромъ! Ходи бодрѣй да и спрашивай у кажнаго двора, нѣтъ ли, молъ, работы? Давайте работу—руки-ноги есть!“ Пошелъ я этакъ-то и повстрѣчался съ Петрухой Силинымъ въ чайной. А тутъ и увезъ онъ меня сюда, въ Чухну въ эту самую, и сталъ обучать по печной части. Ходимъ теперь по дачамъ да по крестьянамъ и печи выкладываемъ...

Съ блескомъ въ глазахъ и съ сознаніемъ собственнаго достоинства говорилъ Кузьма о своей грамотности и при этомъ добавлялъ:

— Осенью на заводъ опредѣлюсь... А то что̀ этакъ-то!.. печи-то выкладывать! Финскіе ребята зовутъ меня на ихній заводъ... да, видишь ты, господинъ, въ Росею-то ужъ очень мнѣ захотѣлось... Опять же...

Онъ не закончилъ какой-то для него важной фразы, искоса посмотрѣлъ на меня, какъ будто о чемъ-то соображая, и снова принялся за подсолнухи, держа между пальцами потухшую папиросу. Потомъ онъ зажегъ спичку, но налетѣвшій вѣтеръ по-

тушилъ пламя. Онъ воспламенилъ вторую спичку, но и она потухла. Вѣтеръ чужой стороны, повидимому, былъ враждебно настроенъ по отношенію Кузьмы. Весь перегнувшись и уткнувъ лицо подъ полу пиджака, третьей спичкой онъ, наконецъ, зажегъ окурокъ и сказалъ:

— Спички здѣсь хороши... и дешевы...

Я былъ радъ за Финляндію: хорошо, что страна озеръ хоть своими спичками до нѣкоторой степени примиряла съ собою чужестранца.

— Въ Росеѣ спички дорогія—сообщилъ онъ мнѣ, и снова уставился пристальными глазами въ ту сторону, гдѣ въ сумракѣ ночи потонула его родина.

Надъ холмомъ и надъ дорогой вытянулись темныя, тяжелыя облака. Блеснула молнія, гдѣ-то близко загрохоталъ громъ. Густой, тягучій ударъ какъ будто опустился на землю и замолкъ. Накрапывалъ крупный и рѣдкій дождь. Мы съ Кузьмой распрощались.

Въ теченіе слѣдующей недѣли, по ночамъ, мы часто сходились съ Кузьмою у каменной стѣнки, откуда были видны берега родины, и бесѣдовали. Я снабжалъ Кузьму папиросами, онъ угощалъ меня россійскими подсолнухами и дружба наша укрѣплялась.

Вскорѣ я познакомился и съ „хозяиномъ“ Кузьмы. Это былъ лохматый и бородатый мужиченко съ обильными веснушками на лицѣ. Въ открытыхъ сѣрыхъ глазахъ его почти всегда играла какая-то лукавая усмѣшка. Ходилъ онъ скрючивая спину и какъ будто неувѣренно ступая кривыми ногами, и при этомъ топалъ тяжелыми и большими сапогами по землѣ, какъ по полу. Зарабатывалъ россійскій печникъ въ Финляндіи очень хорошо, на свое будущее въ чужой сторонѣ смотрѣлъ съ оптимизмомъ и говорилъ:

— Второй годъ вотъ собираюсь перевезти жену сюда, да все на старинѣ съ дѣлами не управлюсь... Пять человѣкъ насъ, братьевъ-то, съ раздѣломъ-то все раздоры и идутъ...

Кузьма относился къ своему „хозяину“ двойственно: говоря съ нимъ, льстилъ ему, а за глаза бранился:

— Аспидъ этотъ, Петруха, живодеръ! Семьдесятъ-пять копеекъ въ день платитъ, а развѣ это поденщина по тутошнимъ мѣстамъ!.. Опять же и кормитъ-то плохо. Кажный день селедка съ хлѣбомъ да чай...

— Скупъ, что-ли, Петруха-то?

— Не скупъ онъ, а такъ что-то... Все говоритъ, что, молъ, вотъ уродится молодая картошка—будемъ картошку ѣсть. Уродилась картошка, а онъ все селедкой да хлѣбомъ кормитъ. Ужъ и опротивѣла же мнѣ эта селедка! Только пьешь гораздно, а въ брюхѣ пусто!

Онъ немного помолчалъ и добавилъ:

— Хорошо зарабатываетъ Петруха! Съ весны-то сотни три домой почтой послалъ. Изъ Новгородской губерніи онъ... Домой деньги-то посылаетъ, а мнѣ семьдесятъ-пять копеекъ платитъ! А придетъ воскресенье — въ Питеръ ѣдетъ, гуляетъ тамъ въ трактирахъ и у дѣвочекъ бываетъ... Хозяинъ нашъ, чухна, у котораго на квартирѣ, все коритъ его. „Женатый, молъ, ты, Петруха, человѣкъ, а по непристойнымъ домамъ шляешься!" А Петруха — ему хошь бы что!.. „Надо, говоритъ, и мнѣ поразгуляться!" Угоститъ Петруха чухну водкой — и давай они пѣсни пѣть! Петруха по-своему, по новгородски поетъ, а чухна свою волынку затянетъ!.. Смѣхъ одинъ!.. Казенка-то здѣсь не продается, а чухна водку страсть какъ любитъ! Вотъ имъ и хорошо съ водкой-то!..

Подсыпавъ мнѣ въ ладонь новую щепотку подсолнуховъ, Кузьма продолжалъ:

— И чудной народъ здѣсь живетъ! Водку любитъ, а водки нѣтъ. Продаютъ тутъ тихонько водку, наши же русскіе, а развѣ укупишь ее—дорого! Петруха бранится! „Зачѣмъ, говоритъ, я поѣхалъ бы въ Питеръ, коли бы тутъ водка продавалась какъ въ Росеѣ"... Купи-ка ее, матушку! За бутылку-то рубль али девять гривенъ требуютъ! да и то, мотри-ка, водой разбавлена! А безъ водки Петруха никакъ не можетъ жить!..

— А тебя онъ угощаетъ водкой-то?

— Стаканчикъ поднесетъ, а остальное все съ чухной вылакаютъ!

Онъ сказалъ это съ сожалѣніемъ въ голосѣ. Повидимому, онъ и самъ скучалъ по россійской водкѣ, и въ этомъ отношеніи походилъ на Петруху.

Какъ-то разъ, когда мы съ Кузьмой мирно бесѣдовали и грызли подсолнухи, съ теплымъ дыханіемъ долины на холмъ принеслись крикливые и визгливые звуки гармоники. Играли гдѣ-то въ лѣсу, или въ узкихъ улицахъ деревушки, или около группы дачъ, расположившихся у подножія холма. Назойливые и безшабашные звуки гармоники съ какой-то дерзкой настойчивостью врывались въ идиллическую тишину вечера съ догорающей зарей, и мнѣ было жаль задумчивой тишины лѣсной долины. Играли

излюбленную русскими мастеровыми пѣсню, и звонкіе голоса гармоники то прыгали и точно неслись къ намъ съ веселымъ хохотомъ, то понижались и подползали къ холму съ какимъ-то затаеннымъ весельемъ. Я не зналъ, какъ называлась эта пѣсня, но что она была чисто-русская, народная—въ этомъ я не сомнѣвался. Не сомнѣвался въ этомъ и Кузьма. Насторояживъ слухъ и жадно всматриваясь въ глубину долины повеселѣвшими глазами, онъ внимательно слушалъ пѣсню и даже пересталъ грызть сѣмечки.

— Что это за пѣсня?—спросилъ я.

— Кто ее знаетъ. У насъ въ Чембарѣ не играютъ...

— А вѣдь русская пѣсня-то?

— Ру-у-сская!.. — протянулъ онъ и глаза его блеснули. — Гдѣ же чухнамъ такую пѣсню сыграть! У нихъ и гармоникъ-то нѣтъ!.. Чортъ ихъ знаетъ, что за народъ! Ни на гармоньяхъ не играютъ! ни пѣсенъ не поютъ!.. Хозяинъ нашъ, чухна-то, выпьетъ и затянетъ какую-то пѣсню, а что это за пѣсня — Богъ знаетъ!..

Онъ говорилъ лѣниво, а самъ все вслушивался въ мотивъ пѣсни. Наконецъ, онъ слѣзъ съ каменной стѣнки, стряхнулъ съ полъ пиджака табачный пепелъ и сказалъ:

— Пойду, посмотрю—не наши ли русскіе ребята играютъ...

И онъ ушелъ съ счастливымъ выраженіемъ въ лицѣ. Точно онъ пошелъ навстрѣчу счастью, притаившемуся въ голубоватыхъ волнахъ тумана, выползавшаго изъ лѣса на луга и на огороды финской деревушки.

На другой день я спросилъ Кузьму:

— Ну, что—узналъ, кто игралъ на гармошкѣ?

— Видалъ — отвѣтилъ онъ, но по выраженію его лица я понялъ, что это открытіе не очень-то его обрадовало.—Кучеръ это игралъ. Нашъ русскій человѣкъ у какихъ-то господъ кучеромъ служитъ... Подошелъ я къ нему, а онъ у воротъ дачи сидитъ да играетъ. Всталъ я этакъ шагахъ въ пяти отъ него, а онъ со зломъ такъ говоритъ: „Ну, проходи, чухна, что буркулы-то вылупилъ! Не велитъ баринъ останавливаться у воротъ-то! — Я говорю: какой я чухна? Изъ Чембара я, изъ Пензенской губерніи, и человѣкъ крещеный... А онъ играетъ себѣ да играетъ... Постоялъ я такъ немного, да и пошелъ спать...

Послѣднія слова Кузьма произнесъ съ нескрываемой грустью въ голосѣ.

Въ слѣдующіе два дня Кузьма измѣнялъ мнѣ, къ каменной стѣнкѣ не выходилъ. Наконецъ, на третій день,—это было въ

субботу, часу въ двѣнадцатомъ ночи,—я увидѣлъ его въ обществѣ пойгъ. Они поднимались на холмъ, дымили папиросами и о чемъ-то серьезно разсуждали. Проходя мимо меня, Кузьма снялъ картузъ, улыбнулся и махнулъ рукой куда-то впередъ: „молъ, идемъ туда!..“ Провожая молодежь глазами, я задавался вопросомъ: на какомъ, собственно, языкѣ изъясняется съ ними Кузьма? А потомъ я пришелъ къ выводу, что всѣ трудящіеся всѣхъ странъ говорятъ на одномъ, имъ понятномъ языкѣ. Какъ они объясняются—я не знаю, но они понимаютъ другъ друга.

На другой день я спросилъ Кузьму:

— Съ кѣмъ это ты гулялъ въ субботу?

— А это пойги, парни чухонскіе! Они тоже по печной части... Все смѣялись надо мною!..

— Почему же смѣялись?

— А надъ тѣмъ и смѣялись, что вотъ я по семидесяти пяти копеекъ зарабатываю, а они по четыре марки въ день закатываютъ (около 1 р. 50 к.)! Почти что вдвое!.. Петруха-то тутъ третій годъ работаетъ и эти пойги-то его знаютъ, да только работать-то они не хотятъ къ нему идти, потому ужъ очень дешево!.. Говорилъ я и Петрухѣ, молъ, очень дешево ты платишь, и не разъ говорилъ! И нечего тутъ смѣяться!.. А Петруха-то и говоритъ: „А ты, г-ритъ, Кузьма, не фордыбачь и не слухай чухну! Ты, говоритъ, у меня въ родѣ какъ ученикъ!“... Что съ нимъ сдѣлаешь, а пойги смѣются и въ свою артель зовутъ...

Кузьма подсѣлъ ко мнѣ поближе. Лицо его вдругъ сдѣлалось серьезнымъ и съ какимъ-то таинственнымъ запросомъ въ глазахъ.

— Видишь ли, господинъ, штука-то какая! Печниковъ-то у нихъ здѣсь мало, они и подговариваютъ меня къ себѣ! Больше, говоритъ, будешь зарабатывать, марки по три въ день!.. А потомъ и еще есть штука! Есть у нихъ тутъ союзъ рабочихъ печниковъ, они къ этому союзу приписаны... Вотъ они и подговариваютъ меня, чтобы и я записался. А я боюсь!.. Запишешься къ нимъ, поѣдешь въ Росею, а потомъ тебя въ Бѣлоостровѣ и сцапаютъ!..

Мнѣ пришлось прочесть Кузьмѣ краткую лекцію о значеніи профессіональныхъ союзовъ. Слушалъ онъ съ большимъ вниманіемъ, но, какъ я убѣдился, далеко не все понялъ изъ моей лекціи. Какая-то странная боязнь рабочихъ союзовъ точно сковывала его мысли, порабощала волю. Сколько я ни убѣждалъ его скорѣе вступить членомъ въ союзъ печниковъ, онъ все-же таращилъ глаза и бормоталъ:

— Кто ее знаетъ—выйдетъ ли изъ этого хорошо-то?.. Поѣдешь въ Росею, а тебя въ Бѣлоостровѣ и сцапаютъ!

По его разспросамъ о профессіональныхъ союзахъ можно было судить, что ему соблазнительнымъ представляется будущее, когда онъ вступитъ въ союзъ и начнетъ жизнь въ дружбѣ и единеніи съ своимъ братомъ-рабочимъ по печной части. Но онъ никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что какъ же это такъ— русскій онъ человѣкъ и вдругъ „отрѣшится" отъ Петрухи, своего же россійскаго товарища. Эту мысль онъ высказалъ съ большой искренностью:

— Какъ же это такъ выйдетъ-то?.. Отъ Петрухи, отъ русскаго человѣка я отрѣшусь и пойду къ чужимъ?.. А потомъ доведется ѣхать въ Росею, а тебя въ Бѣлоостровѣ и сцапаютъ?..

Возможность катастрофы въ Бѣлоостровѣ удержала его отъ рѣшимости вступить въ „союзъ чухонцевъ". Онъ остался работникомъ у Петрухи и, продолжая зарабатывать по 75 коп. въ день, питался селедкой съ хлѣбомъ и все ждалъ, когда уродится молодой картофель, внеся разнообразіе въ меню его обѣда.

Сколько я ни старался поколебать въ немъ страхъ передъ Бѣлоостровомъ и разукрасить будущую его жизнь въ союзѣ съ финляндскими печниками, онъ все-же остался вѣренъ своему рѣшенію. Сношеній съ пойгами онъ не прерывалъ. Жаловался даже, что они попрежнему продолжаютъ посмѣиваться надъ нимъ, но все-же россійскому товарищу Петрухѣ измѣнить не могъ.

На фонѣ суроваго пейзажа страны озеръ фигура Кузьмы представлялась мнѣ какой-то одинокой, странной и печальной. Я часто сравнивалъ его съ тѣми овальными гранитными валунами, которыми усѣяны финляндскія поля и изъ которыхъ сооружена облюбованная нами каменная стѣнка на гребнѣ холма. Тысячелѣтія назадъ эти валуны, оторванные отъ горныхъ кряжей, носили на себѣ холодныя льдины Ледовитаго океана. Жизнь трудового человѣка родной мнѣ страны также представляется мнѣ большимъ холоднымъ океаномъ. Носитъ этотъ громадный океанъ по землѣ русской громадныя льдины, а на льдинахъ—люди, такіе же, какъ и Кузьма, одинокіе и нерѣшительные.

Когда я гулялъ по холму около каменной стѣнки въ одиночествѣ, мнѣ часто вспоминались Кузьма и его хозяинъ Петруха. Оторвались они отъ русской почвы и уплыли. Петруха скоро обрѣтетъ себѣ пристань, только бы покончить съ раздѣломъ на старинѣ. Ну, а Кузьма?.. О немъ я боялся думать...

И оба они съ тоской вспоминаютъ, что гдѣ-то тамъ, за

дымкой дáли, есть родная имъ сторонушка. Они скучаютъ по этой родинѣ такъ же, какъ скучаютъ и по русской водкѣ. Водку продаютъ въ Финляндіи дорого, да еще и по секрету. А у насъ, на родинѣ, разливается она широкимъ океаномъ и смѣющимися и веселыми волнами идетъ навстрѣчу волнамъ океана жизни. Волны эти пѣнятся, урчатъ, какъ разъяренные звѣри, и, сталкиваясь, разсыпаются.

А заброшенный на чужую сторону русскій человѣкъ выходитъ по вечерамъ на гребень холма, грызетъ подсолнухи, смотритъ въ туманную дымку и боязливо косится на новыя условія чужеземной жизни.

Въ эти бѣлыя нѣмыя ночи я многое передумалъ о судьбѣ Кузьмы. А когда онъ приходилъ, садился рядомъ со мною и съ тоской смотрѣлъ вдаль, мнѣ хотѣлось его обласкать и стряхнуть съ него грызущую тоску по родинѣ.

III.

Давидъ Мартиненъ.

Давиду Мартинену шестьдесятъ два года, но онъ еще бодръ, иногда весело-добродушенъ и, какъ и раньше, умѣетъ порадѣть чужому горю или несчастію. Всѣ жители прихода считаютъ старика Мартинена почтеннымъ крестьяниномъ, и многіе бѣдняки съ завистью смотрятъ на его небольшое, но исправное хозяйство. За послѣднія десять лѣтъ, впрочемъ, постройки усадьбы Мартинена обветшали, да и хозяйство упало: самъ старикъ съ каждымъ годомъ слабѣетъ; сынъ его Юхано оказался плохимъ наслѣдникомъ и полевую работу не очень-то любитъ, и еслибы не дочка Хильда, старику Мартинену пришлось бы нанимать батрачку для того, чтобы выдоить коровъ и сварить супъ и картофель.

Молодой и здоровый Юхано отъ работы не отказывается, но работа сына какъ-то мало радуетъ старика-отца. Больше всего на свѣтѣ Юхано любитъ лошадей, холитъ двухъ саврасенькихъ меренковъ и лихо носится на своихъ рысакахъ по гладко наѣзженнымъ шоссейнымъ дорогамъ.

Знаетъ Давидъ и еще про одну сердечную рану Юхано. Два года прошло съ тѣхъ поръ. Любилъ Юхано дочь торпаря Лямбіани, юную, синеокую Матильду, и немало тихихъ лѣтнихъ вечеровъ провелъ съ нею на пригоркѣ, гдѣ скрещиваются дороги... Въ началѣ почему-то очень безпокоила старика эта любовь. Давидъ

Мартиненъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы его Юхано, наслѣдникъ немалаго клочка земли и хорошаго хозяйства, могъ жениться на дочери безземельнаго торпаря.

— Hän on sinua köyhempi (она бѣднѣе его)—говорилъ онъ часто самому себѣ, хотя чувствовалъ, что ни словомъ не попрепятствовалъ бы этому браку, потому что любилъ Юхано. Послѣ глубокой молитвы въ уединенiи старикъ сказалъ себѣ, что никогда не будетъ говорить этой фразы, потому что такiя мысли приходятъ отъ грѣха, отъ гордыни, а человѣкъ передъ человѣкомъ равенъ, какъ передъ Богомъ. Было время, когда старикъ готовъ былъ самъ идти къ Лямбiани сватомъ за сына, но тутъ свалилась на его Юхано неожиданная бѣда. Уѣхала Матильда въ Або на зимнюю работу, да такъ и не вернулась. Юхано затосковалъ и одолѣла его тутъ эта блажь — склонность къ русской водкѣ и къ картамъ. Но больше всего на свѣтѣ Юхано любитъ лошадей.

Его лошади—красивыя, выхоленныя животныя, съ быстрымъ бѣгомъ, неутомимыя при перевозкѣ тяжестей. Юхано считается лучшимъ извозчикомъ на десять километровъ въ округѣ, и дачники, любящiе быструю ѣзду, отъ него въ восторгѣ.

Но старика Давида мало утѣшаетъ слава сына, и онъ нерѣдко говоритъ ему:

— Женись, Юхано, тебѣ ужъ двадцать пять лѣтъ... Женись и займись хозяйствомъ. Весь вѣкъ дачники тебя не прокормятъ...

Особенное безпокойство за сына овладѣваетъ старикомъ зимою, когда дачники разъѣзжаются и промыселъ извозчика перестаетъ быть доходнымъ. Въ минуты грустнаго раздумья онъ начинаетъ укорять сына, а Юхано съ усмѣшкой отвѣчаетъ:

— Лошадей я за зиму прокормлю! Сѣна и овса довольно!

Юхано имѣетъ особую причину хвастаться овсомъ и сѣномъ. Участокъ земли для посѣва овса онъ самъ всегда тщательно обрабатываетъ, съ любовью убираетъ и сѣно. И все это для своихъ любимцевъ-коней... Отецъ подумаетъ-подумаетъ и рѣшитъ, что Юхано правъ: сѣна и овса, дѣйствительно, запасено чуть не на двѣ зимы. И онъ перестаетъ ворчать и въ уединенiи проситъ у Бога счастья сыну.

Но у старика есть и еще забота. Это двадцати-двухъ лѣтняя дочка Хильда. Давно бы ей пора замужъ, а она отказываетъ женихамъ, и Давидъ знаетъ, что дѣлаетъ она это только ради него. Давидъ Мартиненъ овдовѣлъ давно, и кто бы сталъ вести хозяйство, еслибы Хильда покинула родительскiй домъ? Всякiй

разъ съ какимъ-то особенно скорбнымъ чувствомъ Давидъ думаетъ о судьбѣ дочери, и чѣмъ больше онъ объ этомъ думаетъ, тѣмъ большей нѣжностью проникается къ дѣвушкѣ. Одно только обстоятельство не веселитъ старика: Хильда не особенно религіозна, рѣдко посѣщаетъ кирку и совсѣмъ не читаетъ духовныхъ книгъ. Книгъ у Хильды много, но все это — свѣтскія книги. Имѣетъ Хильда пристрастіе и къ газетѣ, интересуется дѣлами сейма и нерѣдко говоритъ съ своими друзьями о политикѣ и о жизни трудящихся. Давидъ Мартиненъ иногда заглядываетъ въ книги дочери, читаетъ внимательно, а когда старческіе глаза устанутъ, отложитъ книгу, вздохнетъ и подумаетъ:

„А все правду пишутъ въ этихъ книгахъ!.. Истинную правду!“

И только потомъ, послѣ размышленія о содержаніи свѣтскихъ книгъ, Давидъ вернется къ своимъ постояннымъ думамъ и скажетъ:

— А все-же безъ Бога не проживешь ты, Хильда! Не проживешь...

Дѣвушка серьезно посмотритъ на отца и промолчитъ. Она избѣгаетъ говорить съ нимъ о Богѣ и о религіи.

Когда Давидъ Мартиненъ узналъ, что сынъ его пристрастился къ картамъ, это его сильно опечалило. Съ нахмуренными бровями и съ сердитымъ выраженіемъ въ глазахъ подошелъ онъ къ кругу играющихъ и рѣзко сказалъ:

— Юхано, домой!..

Игравшіе съ удивленіемъ посмотрѣли на старика, но никто изъ молодежи не вздумалъ засмѣяться. Давида Мартинена всѣ уважаютъ и любятъ. Безъ злобы посмотрѣлъ на отца и Юхано и сказалъ:

— Почему домой? Еще рано... лошади у меня убраны...

— Не дѣломъ ты занялся!—приподнявъ къ небу руку, продолжалъ старикъ.—Карты, это—пагуба!.. Это—преступленіе противъ церкви и Бога! Иди домой!

Сынъ не послушался. Въ эту ночь Давидъ Мартиненъ долго молился, прося Бога о просвѣтленіи ума Юхано. Когда вернулся Юхано, онъ съ грустью посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Утянутъ эти карты тебя въ бездну! И лошадей ты своихъ можешь проиграть!

Сынъ только разсмѣялся. Какъ будто отецъ не знаетъ, что значатъ для Юхано лошади! Развѣ онъ можетъ ихъ проиграть?

Уговаривала Юхано бросить карты и Хильда, и говорила:

— Нѣтъ у тебя, Юхано, любви къ книгамъ и газетамъ, а это такъ интересно!

— Давно я прочелъ твои книжки! — отмахивался братъ. — А газеты я читаю въ чайной.

Чайная близъ станціоннаго вокзала также внушала Давиду отвращеніе и злобу. Многимъ было извѣстно, что въ этой чайной по секрету продаютъ русскую водку, а съ водкой Давидъ Мартиненъ никогда не примирится. Въ молодости, когда вся Финляндія отравлялась страшнымъ зельемъ, онъ не пилъ, и теперь съ душевнымъ прискорбіемъ смотритъ на тѣхъ, кто пьетъ. Вмѣстѣ съ другими благоразумными гражданами боролся онъ съ пьянствомъ въ тѣ памятные годы, а теперь онъ часто говоритъ:

— Еслибы была моя власть, я смертной казни предалъ бы и тѣхъ, кто пьетъ, и тѣхъ, кто приготовляетъ поганое зелье.

Юхано особенной склонности къ водкѣ не имѣлъ, но иногда возвращался домой навеселѣ. За чайной у станціи водились и еще кое-какіе грѣшки. Ни для кого не было тайной, что содержатель чайной водится съ русскими сыщиками и нерѣдко у него находятъ пріютъ какія-то темныя личности. Давиду Мартинену и это не нравилось, и онъ говорилъ сыну:

— Смотри, Юхано, ухо держи остро!

Юхано улыбался и отвѣчалъ со смѣхомъ:

— Ха-ха!.. Чортъ отмѣтилъ имъ рожи!.. Кто ихъ не знаетъ...

Не любилъ старикъ Мартиненъ и русскихъ дачниковъ, хмурилъ брови и ворчалъ:

— Портятъ они молодежь! Ой, какъ портятъ!..

Съ каждымъ годомъ все больше и больше дачники пріобрѣтали участки земли, строили дома на берегахъ тихихъ, задумчивыхъ озеръ, у полотна дороги и даже въ глуши лѣсовъ. Къ этому „злу жизни“ Мартиненъ относился особенно чувствительно. Въ бесѣдѣ съ крестьянами, особенно съ тѣми, которые подумывали о продажѣ своихъ участковъ, старикъ нервничалъ, сверкалъ глазами и съ неудовольствіемъ выкрикивалъ:

— Что вы дѣлаете! У насъ столько бѣдныхъ торпарей, у нихъ земли нѣтъ, а тутъ со стороны чужіе люди пріѣзжаютъ и все скупаютъ!

Безземельные торпари постоянно были особой заботой Мартинена. Отправляясь на выборы депутатовъ въ сеймъ, онъ постоянно думалъ о томъ, что сеймъ прежде всего долженъ устроить этихъ несчастныхъ людей, а потомъ уже заниматься политикой.

Политики Мартиненъ не боялся, но считалъ, что, кромѣ политики, есть и еще важные вопросы въ жизни. Замѣчая нерадѣніе молодежи къ церкви, онъ обращался душою къ тому же

сейму и молилъ депутатовъ, за которыхъ клалъ бюллетени, побудить сеймъ издать скорѣе законы, укрѣпляющіе въ народѣ религіозность.

Съ этой цѣлью онъ вступилъ и въ члены религіознаго союза „Свободная церковь“. Увлекали его передъ выборами своими программами и члены крестьянскаго союза, и агитаторы рабочей партіи, но старикъ оставался вѣрнымъ своимъ религіознымъ исканіямъ...

Въ приходѣ, гдѣ жилъ Давидъ Мартиненъ, членовъ „Свободной церкви“ можно было насчитать не больше десяти, но старикъ зналъ, что гдѣ-то тамъ, въ Гельсингфорсѣ или въ Або, къ союзу примыкаютъ сильные проповѣдники и есть среди членовъ богатые и знатные aatelismiehiä (дворяне) и даже бароны, но довольствовался сближеніемъ съ своимъ братомъ-крестьяниномъ и ревностно выполнялъ правила союза.

— Да кто знаетъ, правда ли это? — спрашивалъ онъ самъ себя, считая „господъ“ плохими радѣтелями религіи.

Съ весны Мартиненъ сталъ часто посѣщать домъ лавочника Райвойнена, гдѣ обыкновенно собирались члены союза. Разговоры все время велись о предстоящихъ выборахъ въ сеймъ. Старики однихъ съ Давидомъ лѣтъ говорили о предстоящей работѣ, какъ о большомъ дѣлѣ своей совѣсти, и съ энтузіазмомъ восклицали:

— Проведемъ въ сеймъ нашихъ!.. Пусть установятъ религію!.. Натерпѣлись мы горя!..

И старики, подогрѣтые въ своихъ чувствахъ краснорѣчіемъ Райвойнена, начинали длинный разговоръ о несчастьяхъ, которыя переживаетъ страна, и все потому, что народъ забылъ о религіи. Слушая стариковъ, Давидъ часто вспоминалъ свои разговоры и споры съ дочерью Хильдой.

Хильда добродушно посмѣивалась надъ отцомъ и говорила:

— Отецъ, не потому людямъ плохо живется, что они мало молятся... Торпарь Хоттиненъ цѣлыя ночи молится, а какъ день придетъ, то ему надо идти на работу къ лавочнику Райвойнену... къ вашему проповѣднику...

— Райвойненъ — хорошій человѣкъ! — обижался за друга Давидъ.

— Я знаю, онъ очень хорошій: хитрый какъ лисица и жирный какъ свинья, — продолжала дѣвушка, и въ ея голубыхъ глазахъ вспыхивали искорки...

Дѣвушка вздохнула, провела по глазамъ рукою и добавила:

— Хоттиненъ молится всю ночь, а Райвойненъ подсчитываетъ барыши... Днемъ ему тоже некогда молиться...

Старикъ пряталъ отъ дочери глаза, молчалъ и думалъ: „Да... да... Хоттинену плохо живется, а Райвойнену нѣтъ времени молиться...“

Это противорѣчіе, ясное для старика, являлось какимъ-то страннымъ скачкомъ въ его міросозерцаніи, но онъ все-же соглашался съ дочерью. Къ остальнымъ выводамъ Хильды онъ относился съ какимъ-то сомнѣніемъ и точно не довѣрялъ дочери.

А дѣвушка, съ воодушевленіемъ въ голосѣ, говорила:

— Надо дать земли торпарямъ и работы — безработнымъ! Надо уменьшить рабочій день!..

— Ага... да... да... надо! — соглашался старикъ: — торпарямъ земли надо... Мы — христіане, они — наши братья, — соглашался старикъ; но только онъ не зналъ, какъ же все это совершится, кто же сможетъ сдѣлать такое большое христіанское дѣло?

Разговоры о судьбѣ безземельныхъ людей велись и на собраніяхъ союза. По представленію единомышленниковъ Давида выходило такъ, что когда во всей Финляндіи распространятся и окрѣпнутъ союзы „Свободной церкви“, то именно эти союзы-то и сдѣлаютъ что нужно...

— Но какъ? Какъ это сдѣлать? — спрашивалъ Давидъ и самого себя, и союзныхъ ораторовъ. И всѣ они одинаково безнадежно задумывались надъ этимъ роковымъ вопросомъ и не знали, какъ же торпари вдругъ станутъ людьми съ землею?

Когда на собраніяхъ союза заходила рѣчь о выступленіяхъ на предстоящихъ выборахъ, всѣ въ одинъ голосъ говорили, что безземельныхъ торпарей и бѣдныхъ крестьянъ надо объединить однимъ общимъ кличемъ: „Вся земля для истинныхъ христіанъ!“

А когда потомъ въ руки Давида попалъ длинный избирательный листокъ, въ которомъ перечислялись кандидаты въ депутаты отъ всѣхъ партій, онъ убѣдился, что религіозные союзы выставили своимъ лозунгомъ фразу: „Объединеніе христіанской бѣдноты!“

Это обстоятельство очень обрадовало старика. Вернувшись домой, онъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства показалъ Хильдѣ избирательный листокъ и воскликнулъ:

— Хильда, ты вотъ все смѣешься надъ стариками! Читай — развѣ мы не заботимся о бѣдныхъ людяхъ!?

Дѣвушка звонко расхохоталась.

— Отецъ! да развѣ это случится?.. Развѣ можетъ случиться такъ, что депутаты отъ вашего союза захотятъ подѣлиться землею

съ бѣдными! Ты же самъ говорилъ, что у васъ въ союзѣ много помѣщиковъ и бароновъ!.. Возможно ли то, на что ты надѣешься?..

Сомнѣнія дочери прокрались въ его сознаніе и тамъ, на днѣ души, отложились также сомнѣніемъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это тоже что-то неладное выходитъ, — думалъ старикъ: — захотятъ ли помѣщики передать землю торпарямъ?..“

О другихъ своихъ сочленахъ, кто бы они ни были, онъ судилъ по себѣ. Если онъ въ глубинѣ души рѣшилъ, что безземельные торпари должны имѣть землю и депутаты сейма объ этомъ будутъ заботиться, то онъ ни на минуту не сомнѣвался, что и другіе члены союза и ихъ будущіе депутаты рѣшатъ такъ же.

„А вдругъ этого не случится? — думалъ онъ. — Можетъ быть, и правду говоритъ Хильда: помѣщики и бароны только показываютъ видъ, что заботятся о бѣдныхъ. Надо же чѣмъ-нибудь привлечь голоса на выборахъ...“

Вынашивая въ себѣ зерно такихъ сомнѣній, Давидъ уже не такъ довѣрчиво относился къ своимъ пріятелямъ-союзникамъ, хотя среди нихъ не было ни бароновъ, ни помѣщиковъ. Правда, лавочникъ Райвойненъ—богатый человѣкъ, земли у него много. И о немъ могъ бы сказать Давидъ: „а что для тебя бѣдные люди? ты хорошо живешь!“ Но онъ боялся думать такъ. Съ какой-то наивной, дѣтской вѣрой относился Мартиненъ къ своимъ собратьямъ по союзу и вѣрилъ имъ больше, чѣмъ самому себѣ...

Наканунѣ выборовъ депутатовъ Давидъ Мартиненъ возвращался домой поздно ночью.

Молчаливая бѣлая ночь не навѣвала на него тихихъ думъ о молитвѣ и жизни, какъ раньше, а какъ будто тревожила въ немъ что-то новое, что было въ немъ съ молодости, но истлѣло съ годами.

Беззвѣздное, бѣлое, безоблачное небо... Гдѣ-то далеко еще горитъ вечерняя зорька. На смѣну ей скоро загорится заря восхода. Молчаливый лѣсъ стоитъ и не шелохнетъ листвою. Пыльная дорога безлюдна и пустынна. Надъ болотами поднимается туманъ и жмется къ лѣсу.

Давидъ Мартиненъ осматривался по сторонамъ и думалъ о минувшемъ днѣ. Истекшимъ днемъ онъ остался доволенъ.

Послѣ обѣда онъ пошелъ на собраніе въ лѣсъ, верстахъ въ шести отъ дома. Предвыборное собраніе устраивала рабочая партія, но извѣстно было также, что на этомъ собраніи высту-

питъ и ораторъ отъ крестьянскихъ союзовъ. А этихъ ораторовъ Мартиненъ всегда слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ. Ихъ рѣчи о положеніи крестьянской бѣдноты всегда растрагивали старика, и онъ говорилъ:

— Вотъ это хорошо! Это—настоящее... То, что надо... Главное, о торпаряхъ не забываютъ, о нихъ заботятся...

Собраніе въ лѣсу было шумное и оживленное. На обширной полянѣ среди сосноваго лѣса до начала рѣчей шумными группами двигались люди. Тутъ были дѣвушки въ свѣтлыхъ платьяхъ, какъ на праздникѣ, пойги, солидные крестьяне и старики въ возрастѣ Мартинена. Молодежь бродила толпами по откосу берега шумной лѣсной рѣчки. Волны рѣчки съ безпрерывнымъ плескомъ перекатывались по камнямъ. Мѣстами шумѣли водопады и ихъ ровный шумъ сливался въ общій хоръ съ говоромъ и смѣхомъ оживленныхъ людей.

Подъ кустами у рѣчки юноши съ красными ленточками въ петлицахъ продавали партійныя книжки и листки и открытки всевозможнаго содержанія. Въ отдаленіи, за густой порослью елокъ, размѣстился походный буфетъ. Длинный и узкій столъ, прикрытый бѣлой скатертью. На столѣ—бутерброды, бутылки съ лимонадомъ, стаканы чаю, апельсины, конфекты. На груди распорядительницы стола красовались букетики гвоздики. Дѣвушки съ оживленіемъ заманивали пойгъ сластями и бутербродами и около буфета было шумно и весело. Кое-гдѣ бродили любопытствующіе дачники.

До открытія собранія толпа была настроена по праздничному. Но вотъ, на возвышеніи, сооруженномъ изъ бревенъ и досокъ, появился ораторъ, и гулъ голосовъ постепенно затихъ. Около оратора тѣснѣе сжалось кольцо изъ слушателей.

Давидъ Мартиненъ протискался къ самой трибунѣ, потому что плохо слышалъ. Но онъ внимательно, съ напряженіемъ слушалъ и старался не проронить ни слова изъ рѣчи оратора.

Когда говорилъ представитель рабочихъ, по лицу старика бродила умильная улыбка и онъ мысленно твердилъ: „да, да... это правда“... Представителя рабочихъ смѣнилъ крестьянскій ораторъ, и на лицѣ старика снова бродила умильная улыбка и онъ опять говорилъ себѣ: „да, да... это правда“...

Рѣчь господина въ очкахъ, оратора отъ младофиннов, толпа слушателей выслушала со вниманіемъ, но когда онъ кончилъ рѣчь, въ толпѣ жидко зааплодировали, тогда какъ рѣчи обоихъ предыдущихъ ораторовъ потонули въ гулкомъ всплескѣ аплодисментовъ и возгласовъ.

Во время рѣчи младофинна Мартиненъ улыбался и негромко говорилъ:

— Ну, ну... говори... такъ тебѣ мы и повѣрили!..

Въ толпѣ шутили и вызывали на трибуну оратора отъ старофинновъ. Но никто изъ ораторовъ этой партіи не выступилъ. Очевидно, они еще не забыли, что во время предыдущихъ выборовъ на этой же полянѣ, былъ осмѣянъ помѣщикъ Сонниненъ, вздумавшій побрататься съ ораторами отъ народа.

Въ началѣ собранія Мартиненъ пожалѣлъ-было о томъ, что на трибунѣ не появится ораторъ отъ ихъ союза.

„Какъ же это такъ? Ни слова не скажутъ?"—думалъ онъ, но потомъ вниманіе его сосредоточилось на рѣчахъ и онъ забылъ о своемъ союзѣ. То, что онъ услышалъ на собраніи, захватило его и наполнило душу до краевъ.

Съ этимъ впечатлѣніемъ онъ и ушелъ изъ лѣса, когда загремѣлъ оркестръ музыки и молодежь пустилась въ танцы. Бредя въ одиночествѣ, по пустынной дорогѣ, въ молочномъ свѣтѣ бѣлой ночи, онъ перебиралъ въ памяти цѣлыя фразы изъ рѣчей, вспоминалъ отдѣльныя слова и чувствовалъ, какъ тускнѣютъ передъ смысломъ этихъ словъ его молитвенныя думы, съ которыми онъ явился на собраніе.

На собраніи онъ повстрѣчался съ дочерью. Съ красной ленточкой на кофточкѣ она ходила въ толпѣ и продавала листки и открытки въ пользу партіи.

— Ну что, отецъ, доволенъ, что со мною пошелъ?—спросила она.

Онъ моргнулъ глазами, улыбнулся и купилъ у дочери какой-то листокъ. И сдѣлалъ онъ это такъ, безотчетно. Ему было весело и отрадно въ шумной толпѣ, а тутъ подошла къ нему Хильда. Красная ленточка на ея груди показалась ему чѣмъ-то такимъ особеннымъ и значительнымъ.

„Вотъ она какая у меня, Хильда-то!.. Партія ей довѣряетъ..."

И ему захотѣлось стать ближе къ дочери и раздѣлить съ нею общіе интересы.

Остатокъ ночи Давидъ Мартиненъ провелъ плохо. Ему не спалось, а думы, все новыя думы осаждали голову. Онъ чувствовалъ въ себѣ какое-то раздвоеніе. Какое-то колебаніе въ мысляхъ не давало ему заснуть. Раньше его увлекали своими разговорами друзья по союзу, и онъ вѣрилъ всему, о чемъ они говорили. А теперь ему представляется, что кто-то взялъ эти слова въ руки, нажалъ ихъ и выдавилъ изъ нихъ всѣ соки. И слова поблекли, какъ блекнутъ скошенные цвѣты на лугахъ.

То, о чемъ онъ всегда думалъ, ближе къ небу и къ Богу, но далеко отъ жизни и отъ людей. А то, о чемъ говорилъ ораторъ отъ крестьянъ, то—сама повседневная жизнь, въ которой и самъ Мартиненъ барахтается какъ навозный жукъ, положенный на спинку.

Утромъ онъ проснулся поздно, выпилъ два стакана кофе и, молча любуясь своей Хильдой, чистившей картофель къ обѣду, думалъ о предстоящемъ путешествіи въ школу, гдѣ должны были произойти выборы депутатовъ.

Пережитыя имъ колебанія еще давали о себѣ знать, точно тонкой иглой касались его совѣсти, и она ныла...

„Какъ же такъ измѣню я своимъ?“—думалъ онъ, но потомъ думы эти уступали новымъ настроеніямъ.

Вручивъ предсѣдателю собранія свой бюллетень съ отмѣткой противъ фамиліи крестьянскаго кандидата, онъ вышелъ изъ зданія школы съ поникшей головою и думалъ:

„Богъ не взыщетъ... По совѣсти я поступилъ“...

Вас. Брусянинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

Н. И. КОСТОМАРОВѢ

Когда я прочла въ сентябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ воспоминанія А. Л. Костомаровой, мнѣ ярко и живо вспомнились нѣсколько недѣль, проведенныхъ мною у Костомаровыхъ въ Дѣдовцахъ. Это было въ 1880-мъ или 1881-мъ году.

Мѣстность, гдѣ находится усадьба, гориста и красива. Съ одной стороны дома — обширный дворъ со службами, съ воротами, открывавшимися на дорогу, обсаженную тополями, и, за ней, на поля и нивы; видъ съ балкона, съ другой стороны дома, описанъ Алиной Леонтьевной; громадный вишневый садъ, окружавшій домъ, былъ довольно запущенъ и потому живописенъ; его отдѣлялъ отъ сосѣдняго сада заборъ съ деревянной высокой калиткой—„форткой“, какъ тамъ говорятъ,—заросшей зеленью. Изъ сада велъ спускъ къ рѣчкѣ, съ полуразрушеннымъ мостомъ; за нимъ—небольшой холмъ, съ котораго открывался роскошный видъ на утопающія въ зелени деревню, церковь и усадьбу. Господскій домъ былъ простой, но удобный и помѣстительный.

Въ этомъ домѣ вѣяло чѣмъ-то повышеннымъ надъ обыкновенной жизнью большинства людей.

Н. И. Костомаровъ былъ тогда уже старъ и боленъ, но умъ его былъ ясенъ и свѣжъ, рѣчь блестяща, память поразительна; глаза горѣли жизнью.

Мы были цѣлый день вмѣстѣ, и ни одинъ разговоръ съ нимъ не проходилъ для меня даромъ: всегда получала я новыя и новыя свѣдѣнія, всегда пробуждались во мнѣ новыя мысли, выяснялись новые взгляды на вещи. Какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, въ немъ былъ тотъ же интересъ къ общественнымъ дѣламъ, къ наукѣ и искусству, та же терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, то же спокойное отношеніе къ враждебности и инсинуаціямъ. Почти тѣми же словами, какъ и во время моей юности, отвѣтилъ онъ однажды, на наше возмущеніе направленною противъ него статьею Каткова: „И вы говорите о свободѣ! Да какая же это свобода, какая справедливость, если вы сердитесь на то, что человѣкъ высказываетъ свой взглядъ, свое убѣжденіе?"

Между серьезными разговорами Н. И. часто переходилъ на шутки, разсказывалъ анекдоты, читалъ наизусть комическія стихотворенія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ нельзя было его не заслушаться. Алина Леонтьевна была очень умная, отзывчивая женщина, съ оттѣнкомъ юмора. У нея была высоко-поэтическая, художественная натура, но судьба сломила ея жизнь, заставила заниматься самыми прозаическими дѣлами. Сломила ея жизнь, но не ея духъ. Благодаря своему ясному уму и твердому характеру, А. Л. примирилась съ неизбѣжнымъ, сдѣлалась превосходной хозяйкой, практической женщиной; но огонь поэзіи не потухъ въ ея душѣ и продолжалъ горѣть, пока не нашелъ себѣ исхода въ заботахъ о любимомъ человѣкѣ. „Если я не могла быть счастливой съ нимъ въ молодости,—говорила она,—то хоть успокоить его старость; вѣдь и это великое счастье!"

„Бѣда мнѣ съ моимъ „старьемъ"! — жаловалась она мнѣ полушутя:—ни на минуту не отпускаетъ отъ себя! Въ Петербургѣ, повѣрите ли, не могу пойти шляпу купить! Поручаю кому-нибудь. Читаю, читаю ему дни и ночи! Онъ себѣ заснетъ, а я—читай! Если остановлюсь, сейчасъ проснется: „Что жъ вы перестали? Такъ-то вы интересуетесь?" Иной разъ злость беретъ!"

— Вы сами избаловали его, какъ капризнаго ребенка.—

Она помолчала и взяла меня за руку: „Знаете, я иногда смотрю на него, и вдругъ, черта какая-нибудь, нотка въ голосѣ, движенье такъ напомнитъ его молодымъ!.. Такъ дохнетъ прежнимъ!.."

Дѣйствительно избаловала А. Л. своего стараго ребенка! Бывало, на минуту выйдетъ она изъ комнаты, а онъ ужъ обрываетъ разговоръ: „А гдѣ моя барыня?" И начинаетъ въ волненіи ходить по комнатѣ, держа въ вытянутой рукѣ носовой платокъ и крича: „Барыня, барыня!"

— Да что, Богъ съ вами, что вамъ отъ нея надо?

„А куда же мнѣ платокъ дѣвать?"

— Господи, да дайте мнѣ!—говорю я, вынимая изъ рукъ ненужный платокъ.

„Мнѣ все равно мою „барыню" нужно... Не могу безъ моей „барыни" быть!"

За обѣдомъ всегда были исторіи: того не можетъ ѣсть, это не такъ приготовлено, зачѣмъ въ морковь горчицы не положили... „Да кто же, помилуйте, въ морковку горчицы кладетъ?"

— По вашему не надо, а по моему надо; по вашему не кладутъ, а по моему кладутъ.—

Потомъ онъ, конечно, все ѣлъ, находилъ, что все очень вкусно, но это предварительное брюзжаніе, которое только смѣшило насъ съ Софьей Марковной, младшей дочерью Алины Леонтьевны, до слезъ иногда огорчало такъ старавшуюся угодить ему жену. Она какъ-то была нездорова и должна была пролежать два дня въ постели. „Вотъ увидите—говорили мы ей,—какой у насъ Н. И. будетъ шолковый. Это вы его избаловали, при васъ только онъ такой". И принялись же мы за него за обѣдомъ! Чуть Н. И. сдѣлаетъ какое-нибудь замѣчаніе, мы обѣ сейчасъ: „По вашему надо, а по нашему не надо... По вашему не такъ, а по нашему такъ", до тѣхъ поръ, пока Н. И. не расхохотался до слезъ. „Что? Теперь не будете больше капризничать съ вашей бѣдной „барыней"?"

— Не буду капризничать! Никогда не буду!—говорилъ онъ сквозь смѣхъ.

„То-то же! Будете помнить, какъ *мы* съ вами обращались!"

Смѣялась и А. Л., слыша насъ изъ своей комнаты. И сладки дѣлались этой самоотверженной женщинѣ ея труды, когда „капризникъ" становился передъ ней на колѣни, припадалъ къ ней, цѣловалъ ея руки и говорилъ: „Какъ это я могъ жить безъ тебя!"

Среди этихъ двухъ стариковъ стояла молодая, свѣжая, полная жизни дѣвушка, Софья Марковна. Открытое милое лицо, бѣлые зубы, загорѣлыя, напоминающія персикъ щеки, большіе умные, смѣющіеся глаза... Она дразнила Н. И., писала на него комическія стихотворенія, которыя приводили его въ восторгъ, но, подъ шуткой, сквозили наблюдательность и постоянная забота о немъ. Чудесной любовью окружали старика эти двѣ женщины, и, надо сказать, онъ стоилъ этой любви. Глядя на нихъ, освѣжалась душа.

Жизнь въ Дѣдовцахъ протекала для меня восхитительно.

Утромъ рано... Но здѣсь я опять должна сдѣлать отступленіе въ область „капризовъ". Н. И. любилъ купаться, и это было ему предписано врачами, купаться же можно было въ верстахъ пяти отъ дома, гдѣ былъ большой прудъ съ протечною водой. Н. И. ѣздилъ туда ежедневно въ пять часовъ утра; въ другое время онъ не желалъ купаться. И вдругъ онъ разъ объявилъ, что ему скучно ѣздить одному, и что если А. Л. или С. М. не будутъ съ нимъ ѣздить, онъ совсѣмъ броситъ это леченье. С. М. на отрѣзъ отказалась такъ рано вставать, А. Л. только и пользовалась утромъ для хозяйства; главное, ѣзда была ей вредна, что признавалъ и Н. И.

— Я буду съ вами ѣздить, хотите?—сказала я.

Нахмуренное лицо немного прояснилось: „Да вы не будете".

— Почему?—

„Чтобъ вы встали въ пять часовъ? Это невозможно".

— Вотъ увидите.—И я стала ѣздить съ нимъ.

Въ какомъ-то раззоренномъ имѣніи былъ прудъ, къ которому мы ѣздили. Онъ былъ прелестенъ: съ разными заливчиками, съ нависшими надъ нимъ ивами, съ двумя, далеко находящимися другъ отъ друга, посѣрѣвшими отъ времени купальнями. Дорожка, ведшая къ пруду, среди могучихъ деревьевъ, была крайне живописна. Н. И. любезно предоставлялъ мнѣ ближнюю купальню, а самъ отправлялся въ дальнюю. Онъ долго купался; я же, быстро окунувшись въ довольно холодную воду, принималась за этюдъ. Я оставляла работу, когда Костомаровъ, освѣженный и довольный, возвращался; иногда, впрочемъ, онъ садился около меня, интересуясь моей работой, и терпѣливо ждалъ ея окончанія. Засимъ мы непремѣнно заѣзжали въ Прилуки, купить горячихъ бубликовъ, и возвращались къ ожидавшему насъ чаю.

Вскорѣ открывалась живописная „фортка" и являлась сосѣдка — Марья Петровна Совченко, приходившая каждый день читать Николаю Ивановичу вслухъ (въ то время—Тэна). Этимъ временемъ пользовалась А. Л. для своихъ дѣлъ; я отправлялась на этюды, а иногда мы съ С. М. забирались въ садъ „попастись", то-есть поѣсть сочныхъ вишень.

Послѣ вкуснаго обѣда я обыкновенно немного отдыхала, а при закатѣ мы отправлялись на наши поэтическія прогулки. Почти всегда мы шли на любимую гору, откуда открывался чудный видъ во всѣ стороны: на усадьбу, на безконечныя поля золотистаго хлѣба, съ разбросанными вдали селами и церквами, съ живописными малороссійскими крылатыми мельницами на первомъ планѣ.

Въ деревнѣ ждала насъ сотня дѣтей всѣхъ возрастовъ, чтобы сопровождать насъ. Придя на гору, мы усаживались противъ заката, ребята становились въ кружокъ и начинали пѣть тѣ чисто-народныя или старинныя пѣсни, которыя указывалъ имъ Костомаровъ. Управляемый двѣнадцатилѣтней дѣвочкой, дѣтскій хоръ былъ прекрасный, свидѣтельствующій о музыкальныхъ способностяхъ малорусскаго народа.

Красота природы, прелесть дѣтскихъ голосовъ, мелодичныя пѣсни, комментаріи къ нимъ Костомарова—это былъ просто восторгъ!..

По окончаніи концерта, артистамъ раздавали конфекты и пряники, и веселая толпа провожала насъ до дома.

„Вотъ, послушайте-ка,—говорилъ дорогой Н. И.—что они будутъ пѣть по своему выбору. Ну, дѣти, пойте теперь что сами хотите!“

Шумно раздались не столько пѣнье, какъ выкрики какихъ-то солдатскихъ и лакейскихъ частушекъ.

„Вотъ какъ пропадаетъ все народное, все самобытное!“ — замѣчалъ онъ съ грустью. Мы долго сѣтовали о томъ, что теряется красота народныхъ костюмовъ, ручныхъ работъ, пѣсень, что граціозная въ плахтѣ, обтягивающемъ ея стройную фигуру, въ развѣвающихся лентахъ и вѣнкахъ на головѣ, хохлушка дѣлается неуклюжей и некрасивой въ нѣмецкомъ платьѣ. Къ счастью, въ Дѣдовцахъ еще носили народную одежду, и я, къ удовольствію Н. И., написала съ дивчинъ нѣсколько этюдовъ.

Вечеромъ мы всѣ, съ М. П. Совченко, усаживались за большой столъ съ лампой, и Н. И. читалъ намъ „Мазепу“, надъ которымъ тогда работалъ. Тутъ опять шли самые интересные разговоры; своими разсказами объ описываемомъ времени Н. И. иллюстрировалъ написанный текстъ.

А. Л. иногда дѣлала вѣскія замѣчанія, которыя принималъ къ свѣдѣнію Н. И. Вообще А. Л. много помогала ему въ его работахъ.

Въ воскресенье мы съ Н. И. обязательно бывали въ церкви. Всѣ крестьянскія дѣвушки приходили съ букетиками цвѣтовъ, которые клали передъ образомъ Божьей Матери, такъ что передъ нимъ возвышалась цѣлая горка цвѣтовъ.

Я часто думаю, что, кромѣ религіозности, привлекала Костомарова, можетъ быть и безсознательно, къ церковнымъ службамъ ихъ художественная сторона, а также связанныя съ ними воспоминанія о первыхъ вѣкахъ христіанства и о всей нашей исторіи.

Ѣздили мы съ Костомаровыми къ нашему общему другу Н. Н. Ге, который тогда еще не былъ толстовцемъ, и къ В. В. Тарновскому. Сильный контрастъ съ простой обстановкой жизни Ге представляла роскошь Коченовки. У Ге Анна Петровна сама занималась обѣдомъ; кушанье подавала босоногая, веселая хохлушка; за столомъ сидѣли близкіе друзья, затрогивавшіе свободно и искренне всѣ предметы разговоровъ; царила уютность. Около оконъ небольшого дома росли мальвы; аллея, между густыми ветлами, вела въ поле, гдѣ, довольный ею, Н. Н. показывалъ намъ свою новую молотилку. Въ свѣтлой мастерской валялись кипы этюдовъ и прямо противъ входа стояла безъ рамы на полу картина Ге: „Въ Геѳсиманскомъ саду“. Никогда эта картина, видѣнная мною на выставкахъ, не производила на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ тутъ, гдѣ вдумчивое лицо Христа приходилось на уровнѣ съ моимъ лицомъ, въ простой комнатѣ, гдѣ ничего не было лишняго, гдѣ все было въ соотвѣтствіи съ картиной. Мнѣ казалось, что я вижу передъ собой живого человѣка, печальные глаза котораго смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ и упрекомъ.

Въ Коченовкѣ—масса нарядныхъ гостей, толпа лакеевъ, серебромъ и цвѣтами убранный столъ, шикарные экипажи цугомъ, громадный домъ, садъ съ вычурными фонтанами и насыпанными горками. Но и здѣсь было много интереснаго для меня: собранный В. В. Тарновскимъ музей украинскихъ древностей; историческіе споры по его поводу, такъ какъ Н. И. не признавалъ автентичности нѣкоторыхъ вещей и откровенно высказывалъ это; въ стилѣ восемнадцатаго вѣка старый садъ, соблазнившій меня хоть карандашемъ набросать нѣкоторые его уголки. Я должна сознаться, что и катанье по стриженому газону аллей на нѣсколько сотъ десятинъ растянувшагося парка, на хорошихъ лошадяхъ, доставляло мнѣ большое удовольствіе. Наконецъ, въ Коченовкѣ гостилъ К. Маковскій съ семьей, писалъ тамъ, въ зелени листьевъ, свою красавицу-жену и очаровательныхъ малютокъ, а по вечерамъ развлекалъ насъ своимъ веселымъ нравомъ и превосходнымъ пѣньемъ. Онъ пожелалъ также написать портретъ Николая Ивановича, и я наслаждалась быстротой и ловкостью его работы.

Окончу разсказъ о столь пріятно и содержательно проведенномъ мною времени въ Дѣдовцахъ описаніемъ одного изъ послѣднихъ вечеровъ моего пребыванія среди дорогой семьи Костомаровыхъ. Въ усадьбу пришелъ кобзарь Вересай. Была чудная, благовонная украинская ночь. На крыльцѣ одной изъ службъ, на

ступенькахъ, сидѣлъ со своей бандурой слѣпой древній старикъ; около него расположились мы, а деревенскія дивчины стояли, оперевшись о деревянныя колонки или обнявшись другъ съ другомъ. Вся группа была залита сіяніемъ луны, покрывавшимъ какъ бы снѣгомъ обширный дворъ.

Н. И. говорилъ Вересаю, какія пѣть былины. И старецъ пѣлъ... Трудно словами дать понятіе объ этомъ пѣніи или, вѣрнѣе, декламаціи, перемѣшанной съ пѣніемъ. Начинается былина вступленіемъ на кобзѣ, потомъ идетъ нѣчто похожее на речитативъ, переходящій въ простой, но полный паѳоса разсказъ; подъ конецъ строфы—какой-то странный гортанный припѣвъ подъ аккомпаниментъ. Въ трагическихъ мѣстахъ, вмѣсто этого припѣва, старецъ издавалъ долгіе звуки, похожіе на причитанія бабъ, звуки плача и рыданія. Это было поэтично, ново для меня, дѣйствовало на нервы, затрогивало душу... Мнѣ кажется—*такъ* пѣлъ Гомеръ...

Е. Юнге.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

Радикалы и ихъ вожди.

I.

На судьбу общественныхъ и политическихъ движеній оказываетъ большое вліяніе то взаимоотношеніе, въ какомъ стоятъ вожди къ массѣ своихъ послѣдователей. Существуютъ движенія стихійныя, и въ нихъ вожди почти совсѣмъ растворяются въ массѣ; безымянная масса является и иниціаторомъ движенія, и его свершителемъ. Трудно указать лицъ, которыя въ такихъ случаяхъ даютъ первый толчокъ, и если даже такія лица могутъ быть найдены, то они—лишь наиболѣе нервные и воспріимчивые выразители стихійной силы. Ихъ личная воля въ плѣну у стихіи, и если они стремятся обуздать ее или мнятъ себя сильными не ею, а личнымъ вліяніемъ — они въ большинствѣ случаевъ гибнутъ подъ ея тяжестью.

Но есть и другія движенія, въ которыхъ роль руководителя имѣетъ огромное значеніе, не смотря на зависимость его отъ условій времени, т.-е. отъ тѣхъ же назрѣвшихъ въ массѣ потребностей, духовныхъ и матеріальныхъ, удовлетворить которымъ онъ призванъ. Такія движенія—при которыхъ масса группируется вокругъ вождей, ждетъ отъ нихъ не только указаній, но и приказаній, охотно переноситъ ихъ, иной разъ, деспотическое давленіе —

отличаются отъ движеній стихійныхъ главнымъ образомъ силою идейнаго элемента. Движенія стихійныя, уравнивающія героя и толпу, имѣютъ почти всегда своимъ источникомъ недовольство извѣстными матеріальными условіями жизни, недовольство, непосредственно ощущаемое массой, и потому столь неудержимое въ своемъ развитіи. Такое недовольство матеріальной стороной жизни можетъ, конечно, принимать и идейную окраску, и идея религіозная, національная или даже сословная, съ дозой романтической идеологіи, можетъ иногда покрывать собою чисто практическіе разсчеты и соображенія. Но всетаки въ движеніяхъ стихійныхъ главный импульсъ исходитъ не отъ идеи, а отъ тѣхъ матеріальныхъ нуждъ, которыя обладаютъ способностью соединять и сливать людей въ единомъ желаніи и единомъ дѣйствіи.

Общественное движеніе шестидесятыхъ годовъ — поскольку имъ были охвачены интеллигентные слои общества—было несомнѣнно движеніемъ идейнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя самый фактъ поворота русской жизни со старой дороги на новую совершился несомнѣнно подъ давленіемъ многихъ силъ матеріальныхъ.

Существуетъ мнѣніе (и оно числитъ немалыхъ сторонниковъ), которое силится объяснить программы различныхъ партій и круговъ того времени сословными, т.-е., въ извѣстномъ смыслѣ, стихійными тенденціями ихъ сторонниковъ. Въ отношеніи консервативной партіи, партіи правительственной и нѣкоторыхъ группъ партіи либеральной, такое „сословное“ толкованіе общественныхъ программъ допустимо: люди этихъ партій, прежде чѣмъ быть партійными людьми, были въ огромномъ большинствѣ случаевъ дворянами-помѣщиками — носителями вѣковыхъ опредѣленныхъ традицій. Правовѣрному послѣдователю сословнаго толкованія общественной эволюціи можетъ показаться лишь страннымъ то обстоятельство, что всѣ эти люди, принадлежащіе къ единому сословію, иногда такъ расходились въ своихъ убѣжденіяхъ.

Но если и признать, что круги консерваторовъ, охранителей и многихъ либераловъ отъ предразсудковъ касты не освободились, то о такихъ сословныхъ тенденціяхъ радикальной группы говорить рискованно.

Люди, стремящіеся во что бы то ни стало привести идейныя потребности человѣка въ прямую связь съ его матеріальнымъ положеніемъ, готовы объяснить направленіе тогдашней радикальной мысли и радикальной воли психикой того пресловутаго и всемогущаго „разночинца“, который въ шестидесятыхъ годахъ, въ

числѣ другихъ своихъ побѣдъ, будто бы захватилъ литературу и положилъ конецъ дворянскому въ ней вліянію. Что въ шестидесятыхъ годахъ въ интеллигентный кругъ вошло большое количество лицъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ и классовъ общества—это несомнѣнно; что въ литературѣ количественный перевѣсъ оказался на сторонѣ лицъ недворянскаго происхожденія—это тоже вѣрно, какъ несомнѣненъ и тотъ фактъ, что качественная сила таланта оставалась попрежнему за писателями изъ дворянскаго круга. Что же касается зависимости, въ какой будто бы образъ мыслей писателей разночинцевъ находился отъ ихъ матеріальнаго положенія—то это утвержденіе едва-ли можно отстаивать съ успѣхомъ. Едва-ли разночинецъ думалъ и дѣйствовалъ такъ или иначе только потому, что онъ былъ „разночинецъ". Всѣ характерныя черты въ психикѣ радикаловъ, вышедшихъ изъ среднихъ и низшихъ слоевъ общества, ничѣмъ не отличаются отъ психическихъ движеній той „дворянской" души, которая въ шестидесятыхъ годахъ примкнула къ радикальному движенію. Пусть радикализмъ среди разночинцевъ имѣлъ большее число сторонниковъ, но онъ самъ, по существу своему, достояніемъ опредѣленнаго общественнаго слоя не былъ и распространенію его способствовала историческая динамика, а не сословная статика. Какъ на особую черту разночинца указываютъ часто на его демократическій гнѣвъ обездоленнаго и много страдавшаго человѣка. Но этотъ гнѣвъ нельзя назвать новинкой. Недовольство условіями общественной и политической жизни—отличительная черта нашей литературы съ очень давняго времени, и поскольку позволяли цензурныя условія, оно и въ дворянскій періодъ русской словесности прорывалось наружу съ большой силой. Правда, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, на короткій срокъ, свирѣпость цензуры смягчилась и обличитель могъ дать большій просторъ своему гнѣву; но нельзя забывать, что среди этихъ новыхъ обличителей и отрицателей самые сильные—Писаревъ и Салтыковъ—разночинцами не были.

Есть впрочемъ одна черта, довольно характерная для группы радикаловъ того времени, допускающая извѣстное „сословное" толкованіе. Это—та угловатая и грубая откровенность, съ какой радикалы высказывали свои мнѣнія, вели свою полемику—откровенность, которую они часто выставляли на показъ какъ подкрѣпленіе своей правоты и образецъ искренняго, прямого отношенія къ вопросамъ и людямъ. На эту грубость молодыхъ людей часто жаловались люди старшіе, и она несомнѣнно свидѣтельствовала о томъ, что весьма многіе радикалы, щеголявшіе ею, не имѣли случая или возможности получить хорошее вос-

питаніе. Но эта грубость во внѣшнемъ проявленіи мыслей и чувствъ, въ тѣ нервные и тревожные годы, была достояніемъ не однихъ лишь радикаловъ. Быть можетъ, въ домашнемъ обиходѣ она именно у радикаловъ давала себя всего яснѣе чувствовать; но вѣдь обильные примѣры публичнаго поведенія на распашку могутъ быть найдены въ журналистикѣ всѣхъ тогдашнихъ партій. И въ данномъ случаѣ разночинецъ бывалъ невѣжливъ и рѣзокъ не потому, что онъ былъ разночинецъ, а потому что онъ былъ сыномъ своей эпохи, молодымъ человѣкомъ, обозлившимся на приличныхъ и корректныхъ людей, благородство манеръ которыхъ уживалось со страшнымъ гражданскимъ попустительствомъ.

Въ одномъ только смыслѣ сословное начало давало себя непосредственно чувствовать. Съ появленіемъ въ интеллигентномъ кругѣ большого числа лицъ различныхъ сословій многія стороны русской дѣйствительности, остававшіяся въ тѣни, попадали наконецъ въ полосу свѣта. Разночинецъ приносилъ съ собой знаніе быта, очень испытанное знаніе, вынесенное изъ близкаго знакомства съ самыми неприглядными уголками русской жизни. Объ этихъ уголкахъ онъ говорилъ часто, и устно, и въ печати, и такой притокъ свѣдѣній имѣлъ, конечно, свою стоимость въ тѣ годы, когда такъ много толковали объ оздоровленіи и просвѣщеніи разныхъ темныхъ царствъ. Эти бытовыя картины изъ жизни столицъ, провинціальныхъ городовъ и деревни вносили въ литературу большое оживленіе. Но сравнительно съ писателями старшаго поколѣнія, которые также успѣли собрать немало наблюденій надъ темными углами жизни—молодые этнографы и бытописатели радикальной окраски были, какъ художники, всетаки силой второстепенной.

Итакъ, приводить психику радикаловъ въ прямую связь съ тѣми особенностями сословной жизни, изъ нѣдръ которой они вышли—едва-ли возможно. Въ ихъ образѣ мыслей и въ порядкѣ ихъ чувствъ сословный элементъ могъ, конечно, прорываться при случаѣ наружу, но признать его за одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ всей ихъ психики было бы ошибкой. Масса, которая входила въ составъ этихъ радикальныхъ группъ, была именно разночинная, всесословная; въ ней сливались и скрещивались тенденціи, привычки, традиціи всевозможныхъ слоевъ общества—отъ типично дворянскаго до крестьянскаго,—не говоря уже о племенной розни въ ихъ средѣ. Не стихійное чувство безправныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ влекло ихъ по тому пути, который они избрали; ими руководила почти исключительно идея, завладѣвшая ихъ умами и вызвавшая въ нихъ сразу сильное на-

пряженіе чувствъ и смѣлый подъемъ воли. Идея ихъ скрѣпила и, не смотря на принадлежность ихъ къ разнымъ племенамъ и сословіямъ, придала ихъ мыслямъ, стремленіямъ и поступкамъ цѣльность и единство.

II.

При всемъ несходствѣ взглядовъ на отдѣльные вопросы философскіе, нравственные, общественные и политическіе—какъ они рѣшались въ разныхъ кружкахъ радикальнаго лагеря—одна мысль или, правильнѣе, одна вѣра собирала всѣхъ этихъ крайнихъ вокругъ единаго знамени. Это была цѣпкая вѣра человѣка въ почти чудотворную силу своей личности.

Въ старое доброе время сентиментализма и романтизма молодежь основывала свою вѣру въ себя частью на вѣрѣ въ Бога, частью на поэтической вѣрѣ въ возвышенное призваніе человѣка вообще. Энтузіастъ-мечтатель былъ убѣжденъ въ томъ, что его помыслы и поступки находятся подъ прикрытіемъ благого міропорядка, не имъ установленнаго, но имъ отгаданнаго. Онъ чувствовалъ на себѣ санкцію какихъ-то высшихъ началъ, которыми предначертанъ ходъ жизни, и онъ вѣрилъ въ силу своей личности, такъ какъ былъ убѣжденъ, что дѣйствуетъ въ духѣ этого предвѣчно установленнаго гармоничнаго міропорядка. Въ содружествѣ съ такой таинственной силой онъ сознавалъ себя и правымъ, и крѣпкимъ.

Тѣмъ же сознаніемъ былъ силенъ и молодой философъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, когда онъ мѣнялъ сентиментально романтическія мечты на схемы философскаго идеализма. Пріобрѣтя, какъ онъ думалъ, ключъ ко всѣмъ тайнамъ мірозданія и опредѣливъ точно свое собственное назначеніе въ мірѣ, онъ могъ спокойно повышать стоимость своей личности. Она не была одинока въ мірѣ; она думала и дѣйствовала также подъ охраной неизмѣнныхъ предвѣчныхъ истинъ, которыя въ немъ, въ ихъ смиренномъ служителѣ, находили себѣ временное воплощеніе. Философъ чувствовалъ на себѣ лучъ мірового разума, чувствовалъ въ себѣ движеніе мировой души и воли, и эта связь съ трансцендентнымъ міромъ утверждала въ немъ сознаніе правоты и силы его идей и стремленій.

Радикалъ шестидесятыхъ годовъ находился въ особомъ положеніи. Тяготѣнія къ религіозному міропониманію въ немъ совсѣмъ не было; трансцендентные міры были ему очень подозрительны и на всѣ попытки человѣка проникнуть въ ихъ тайны

онъ смотрѣлъ какъ на безплодное занятіе любопытствующаго ума; романтизмъ во всѣхъ видахъ вызывалъ въ немъ не то презрѣніе, не то насмѣшку. Онъ хотѣлъ стоять обѣими ногами твердо на „реальной“ земной почвѣ; онъ старался выработать въ себѣ своего рода религіозное отношеніе къ факту, и мысль о всякихъ санкціяхъ, не людьми установленныхъ, была отъ него далека. Онъ признавалъ одну лишь санкцію „трезвой“ мысли и „свободнаго“, „здороваго“ чувства, въ мельчайшихъ оттѣнкахъ и изгибахъ которыхъ онъ могъ отдать себѣ полный и ясный отчетъ. Былъ ли онъ правъ или неправъ въ такомъ отрицаніи недоказуемыхъ духовныхъ началъ жизни—это вопросъ иной; въ данномъ случаѣ важно, что такое реалистическое міровоззрѣніе взваливало всю отвѣтственность за мысли и дѣянія всецѣло на безстрашнаго исповѣдника трезвыхъ взглядовъ.

Личность „реалиста“, независимая и гордая, стояла на совершенно обнаженной позиціи, безъ прикрытія какихъ-либо предустановленныхъ началъ, опираясь на которыя реалисты могли бы сказать, что они правы не только передъ самими собою, но и передъ всѣмъ міропорядкомъ. Отрицатели сверхчувственнаго, они отлично понимали опасность такой позиціи и думали найти въ философіи матеріализма, въ позитивизмѣ и въ естественныхъ наукахъ все то, что теряли въ отрицаніи идеализма. Въ извѣстномъ смыслѣ они, конечно, были вознаграждены, но агностицизмъ во всѣхъ его формахъ и теорія строгой эволюціи, какъ ее подтверждала наука объ естествѣ, могли только поколебать въ нихъ вѣру въ силу ихъ личности. Увѣренность въ этой силѣ должна была убывать въ нихъ по мѣрѣ того, какъ знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ въ разработкѣ исторіи, политической экономіи и соціологіи все яснѣе и убѣдительнѣе доказывало имъ, сколь ничтожна роль отдѣльной особи и какъ сильна закономѣрность процесса эволюціи, которая во взаимной связи явленій не позволяетъ выпадать ни одному звену и не признаетъ никакихъ скачковъ въ переходѣ отъ прошлаго къ настоящему и будущему.

Романтикъ и философъ-идеалистъ имѣли для каждаго порыва своего ума, чувства и воли готовое оправданіе въ таинственной сущности этихъ порывовъ. „Реалистъ“ принужденъ былъ быть болѣе осторожнымъ въ такомъ самооправданіи, и мысль о зависимости отъ среды, отъ условій историческихъ далекаго и близкаго прошлаго, мысль о нерасторжимомъ сцѣпленіи причинъ и слѣдствій могла и должна была смирять въ немъ излишнее довѣріе къ силѣ своего ума и чувства.

Но какое бы рѣшеніе ни подсказывала „реалистамъ" ихъ теоретическая мысль, они оставались неизмѣнны въ своей вѣрѣ—глубокой фанатичной вѣрѣ въ силу своей личности, своего личнаго вліянія на ходъ событій, призвавшихъ ихъ самихъ къ жизни. Они въ данномъ случаѣ ничѣмъ не отличались отъ столь нелюбимыхъ ими идеалистовъ и романтиковъ, и разница была только въ томъ, что эту вѣру въ себя радикалы не могли формулировать такъ глубокомысленно и такъ восторженно, какъ это дѣлали ихъ предшественники. Но это не мѣшало имъ вѣрить, вѣрить безъ разсужденія въ возможность произвести крутую ломку всей окружавшей ихъ жизни. И единственной силой, которая могла произвести такой переломъ, была—по ихъ убѣжденію—свободная отъ всякихъ предразсудковъ личность, свободно выработавшая новый взглядъ на міръ и на человѣка и свободно установляющая новыя нравственныя отношенія между людьми.

Вѣра въ быстрые и плодотворные результаты такого вторженія заново воспитанной и образованной личности въ среду обветшалыхъ понятій и отживающихъ условій жизни—была той идейной связью, которая объединяла всѣхъ разночинныхъ и разноплеменныхъ членовъ радикальнаго лагеря.

III.

Итакъ, въ разныхъ городахъ Россіи — преимущественно, конечно, въ столицахъ,—стали формироваться кружки людей молодыхъ, обоего пола, весьма различныхъ по семейнымъ традиціямъ, воспитанію и образованію, людей различныхъ слоевъ и классовъ общества, разныхъ вѣроисповѣданій, разной національности; объединяла ихъ всѣхъ ясно сознанная мысль о необходимости перемѣнить тѣ условія жизни, въ которыхъ они выросли и которыя грозили имъ въ дальнѣйшемъ. Это недовольство существующимъ и, конечно, неразрывно съ нимъ связанная туманная мечта о лучшемъ — вотъ та первичная несложная психика, которая легла въ основаніе всѣхъ сложныхъ душевныхъ движеній русскаго радикала шестидесятыхъ годовъ.

Въ первые годы новаго царствованія этихъ будущихъ радикаловъ совсѣмъ нельзя выдѣлить изъ той большой массы лицъ, которыя провожаютъ минувшее царствованіе съ чувствомъ душевнаго облегченія. За весь короткій срокъ взаимнаго довѣрія между обществомъ и властью радикалы теряются въ толпѣ либераловъ разныхъ оттѣнковъ и отличаются отъ старшаго поколѣнія лишь

вполнѣ понятнымъ нетерпѣніемъ, въ которомъ нѣтъ пока еще никакой нетерпимости.

Но эволюція мыслей и чувствъ въ молодыхъ кругахъ интеллигентнаго общества совершается съ поразительной быстротой въ сторону радикализма. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ они рѣшительно и рѣзко порываютъ свой союзъ съ либералами, не смотря на приближающееся осуществленіе обѣщанныхъ реформъ. Либераловъ они обвиняютъ въ медлительности, требуютъ отъ нихъ рѣшительнаго дѣла — не опредѣляя, впрочемъ, въ точности, въ чемъ это дѣло должно заключаться: становится ясно, что въ своемъ недовольствѣ либералами они руководятся не какой-нибудь опредѣленной программой, а тѣмъ органическимъ чувствомъ недовѣрія, какое уже сформировавшійся радикалъ питаетъ ко всѣмъ людямъ не его лагеря. Ко времени осуществленія первой реформы они находятся уже на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, являются выразителями оппозиціи, не идущей ни на какое соглашеніе, и часть ихъ не останавливается даже передъ открытыми революціонными актами. Когда затѣмъ правительство начинаетъ усилять свою опеку, они все рѣшительнѣе и смѣлѣе ведутъ свою радикальную проповѣдь, стремясь создать боевые кадры изъ интеллигентныхъ единицъ, въ надеждѣ, что такая армія „новыхъ" людей будетъ въ силахъ оказать успѣшное сопротивленіе правительственной реакціи. Когда надежды эти оказываются тщетными, они, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, обращаются за помощью къ народной массѣ.

Все это развитіе радикальной мысли и радикальнаго настроенія совершалось съ головокружительной быстротой.

IV.

Помимо неожиданной быстроты, съ какой вскипалъ русскій радикализмъ въ шестидесятыхъ годахъ, онъ въ своемъ развитіи обнаружилъ еще одну характерную черту. Онъ жилъ и размножался безъ дисциплины. Уже одинъ этотъ фактъ указываетъ на то, насколько въ немъ волевой элементъ преобладалъ надъ чисто идейнымъ.

Всякая доктрина, хотя бы и самая анархическая, требуетъ извѣстнаго порядка, извѣстной дисциплины въ своемъ развитіи. Прежде, чѣмъ переходить въ жизнь, доктрина должна быть разработана хотя бы въ основныхъ своихъ частяхъ, должна точно и ясно отвѣчать на вопросы, поставленные даннымъ историческимъ

моментомъ, должна, наконецъ, имѣть проводниковъ болѣе или менѣе сильныхъ, учителей теоретиковъ и практиковъ, вокругъ которыхъ могли бы группироваться наростающіе кадры послѣдователей. Исторія показываетъ намъ, что всякое идейное общественное движеніе имѣло свои священныя книги и своихъ вождей, и чѣмъ опредѣленнѣе были догмы такихъ книгъ и чѣмъ яснѣе проповѣдь вождей, тѣмъ жизнеупорнѣе само ученіе.

Радикальная доктрина шестидесятыхъ годовъ стояла въ данномъ случаѣ въ совсѣмъ особыхъ условіяхъ.

Во-первыхъ, она была лишена возможности развиваться открыто при гласномъ, всестороннемъ обсужденіи ея основоположеній. Если цензурныя условія при новомъ порядкѣ вещей и были нѣсколько мягче, чѣмъ въ дореформенное время, то идеи крайнія этой льготой во всякомъ случаѣ не могли пользоваться. Правильное идейное развитіе доктрины было заторможено и затѣмъ пріостановлено; не могло быть и рѣчи о какой-нибудь открытой пропагандѣ доктрины, объ открытомъ выступленіи вождей, насаждающихъ это ученіе, громко сказаннымъ словомъ и ни отъ кого не скрываемымъ дѣйствіемъ. Съ первыхъ же дней своей жизни радикализму пришлось не договаривать, усваивать себѣ иносказательную рѣчь и быть осторожнымъ въ подборѣ даже частныхъ аудиторій. Но кромѣ этихъ неблагопріятныхъ условій чисто внѣшняго характера, были еще и иныя, характера внутренняго, которыя еще рѣшительнѣе налагали на радикальное движеніе свой отпечатокъ и обусловили его необычную судьбу.

Прежде всего этотъ радикализмъ не имѣлъ корней въ прошломъ нашей общественной жизни. Когда онъ появился въ шестидесятыхъ годахъ и началъ высказываться, онъ, прежде чѣмъ разсердить несогласныхъ съ нимъ, удивилъ ихъ какъ явленіе, которому въ прошломъ нельзя было подобрать аналогіи. Всѣ партіи имѣли свою исторію, и ультраконсервативная, и оффиціально-правительственная, и славянофильская, и либерально-конституціонная, и либеральная безъ опредѣленной политической идеи. Не уходя вглубь старины, можно было съ начала XIX вѣка, во времена либеральныхъ реформъ и плановъ императора Александра Павловича, найти въ изобиліи зерна любой политической и общественной мысли, которая въ царствованіе Николая Павловича давала ростки и побѣги, а въ шестидесятыхъ годахъ— уже первый цвѣтъ.

Что касается лѣваго крыла, то пристегнуть его тенденціи и программы къ идеямъ и настроеніямъ въ прошломъ было очень трудно. Движеніе декабристовъ, о которомъ радикалы

всегда вспоминали съ нѣжной благодарностью, едва-ли можетъ быть названо первоисточникомъ русскаго радикализма. Оно было движеніемъ сословнымъ, и возмущеніе, къ которому оно привело, имѣло больше сходства со старыми дворцовыми переворотами, чѣмъ съ натискомъ общественной мысли и общественнаго настроенія на установившійся порядокъ. Да и радикализма въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ декабрьскомъ движеніи не было, если не считать случайныхъ вспышекъ террористической мысли, не приведенной, однако, въ исполненіе. Кромѣ того, тотъ религіозный сентиментализмъ или та сентиментальная религіозность, которою было пропитано міросозерцаніе большинства участниковъ декабрьскаго движенія, проводила рѣзкую разграничительную черту между психикой радикала и духовной сущностью романтика въ политикѣ.

Въ тѣхъ молодыхъ кружкахъ, гдѣ ютилась либеральная мысль въ царствованіе Николая Павловича, настоящаго радикализма во взглядахъ и чувствахъ также не было. Московскіе кружки тридцатыхъ годовъ числили въ своей средѣ юныхъ идеалистовъ-философовъ, въ большинствѣ аристократовъ и по рожденію, и по духу, лицъ, заходившихъ въ своихъ мечтахъ и теоретическихъ выкладкахъ иногда далеко влѣво, но неизмѣнно сохранявшихъ душевную уравновѣшенность, съ яснымъ тяготѣніемъ къ религіи и къ эстетикѣ. Петербургскій кружокъ петрашевцевъ—тотъ нѣсколько отошелъ отъ идеологіи и готовъ былъ вступить на путь проповѣди утопическаго соціализма, о которомъ мечтали и москвичи; но дѣятельность этого кружка была прервана въ самомъ началѣ. И сказать опредѣленно, во что разрѣшилось бы движеніе петрашевцевъ въ дальнѣйшемъ—трудно. Въ ихъ программѣ, насколько можно судить по самому процессу, во всякомъ случаѣ не было послѣдовательнаго отрицанія всѣхъ устоевъ старой жизни, отъ личной до государственной, отъ идейной до матеріальной.

Какъ народились наши радикалы—кто могъ отвѣтить? Они образовались въ тиши, въ нѣдрахъ частныхъ провинціальныхъ семей, въ среднихъ и высшихъ школахъ свѣтскихъ и духовныхъ, и когда они выдвинулись какъ опредѣленная общественная сила—никто не могъ установить ихъ прямой генеалогіи.

То обстоятельство, что радикалы собственно не имѣли исторіи и должны были начинать собою совсѣмъ новое движеніе въ русской жизни, затрудняло во многомъ ихъ задачу. По наслѣдству отъ старой жизни имъ ничего не осталось, кромѣ поэтическаго воспоминаніи о людяхъ, которые не боялись плыть противъ те-

ченія и которые погибли и разсѣялись. Эти отцы или старшіе братья не передали дѣтямъ никакой доктрины, никакой тактики. Новымъ людямъ приходилось устраиваться на новомъ мѣстѣ, хотя и освященномъ нѣкоторыми традиціями, но совершенно незащищенномъ. Все надо было создать заново: заново выработать доктрину, составлять новые кадры и, самое главное, найти новыхъ вождей.

V.

Дѣйствительно, если положеніе радикаловъ затруднялось тѣмъ, что въ прошломъ они не имѣли поддержки и общество было совсѣмъ неподготовлено къ ихъ появленію и ихъ пропагандѣ, то трудность эта увеличивалась тѣмъ, что имъ пришлось жить и дѣйствовать почти не имѣя въ своей средѣ лицъ, которыя могли бы выполнить роль настоящихъ вождей и крѣпко сплотить одинаково настроенныхъ, но разно мыслящихъ и разно чувствующихъ людей.

Старшее поколѣніе такихъ вождей дать не могло въ силу особенностей его душевнаго склада и его образа мыслей. Вождемъ могъ еще стать Герценъ; онъ и былъ имъ на короткій срокъ. Но жилъ онъ за предѣлами Россіи, и, какъ уже сказано, сильный въ постановкѣ вопросовъ, онъ не давалъ тѣхъ отвѣтовъ, которыми радикалы могли бы удовлетвориться. Всѣ данныя для вождя были и у Бакунина, но во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ жилъ въ Сибири и только въ 1861-мъ году появился на горизонтѣ, и то въ Лондонѣ. Дѣйствовать могъ онъ также лишь на разстояніи и, притомъ, въ сферу его вліянія попадали лишь исключительныя натуры.

Кромѣ этихъ двухъ лицъ, старшее поколѣніе не могло выставить ни одного полководца. Оставалось ждать пока они появятся въ средѣ самихъ радикаловъ, среди тѣхъ юнцовъ, которые сами въ нихъ нуждались. Дѣйствительно, такіе вожди появились, и на первый взглядъ можетъ показаться, что лучше, чѣмъ они выполнили свою роль, выполнить ее при данныхъ условіяхъ было невозможно. Давно уже имена этихъ вождей причислены къ самымъ яркимъ именамъ нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Радикальная партія шестидесятыхъ годовъ располагала многими талантливыми силами въ разныхъ областяхъ духовной и практической дѣятельности. Но среди этихъ силъ найдется немного такихъ, которыя обладали бы способностями руководящими,

а не исполнительными, могли бы стоять на посту административномъ, а не служебномъ. Большинство годилось на работу спеціальную и рѣдко кто обладалъ самымъ нужнымъ и цѣннымъ даромъ организатора. Если судить по силѣ вліянія отдѣльнаго лица на массу, то такихъ организаторовъ и вождей, учителей и руководителей было въ шестидесятыхъ годахъ только четверо—Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ и Лавровъ. Они одни имѣли болѣе или менѣе широкую аудиторію и могли говорить если не о своихъ партіяхъ, то о своихъ послѣдователяхъ. На нихъ легла трудная работа критической оцѣнки всѣхъ старыхъ устоевъ нашей жизни и выработка програмы образованія и воспитанія „новаго" человѣка. Весь свой трудъ и свое дарованіе отдали эти люди на выполненіе такой задачи и дали все, что они могли дать въ тѣхъ условіяхъ, въ какія были поставлены.

Позволительно, однако, спросить, достаточно ли было ихъ силъ для организаціи цѣлой новой партіи, призванной дѣйствовать безъ поддержки традицій, среди условій крайне враждебныхъ ея свободному развитію и при наличности совершенно недисциплинированныхъ молодыхъ умовъ и характеровъ, среди которыхъ эта партія почти исключительно вербовала своихъ членовъ? Та путаница, тѣ недоразумѣнія, тѣ явныя ошибки теоретическія и тактическія, какія допустила эта партія въ развитіи своего ученія и своей практической программы — не объясняются ли они во многихъ случаяхъ тѣмъ, что какъ масса, такъ и вожди этого движенія сами находились въ періодѣ бореній умственныхъ и душевныхъ и какъ бы ощупью искали новаго пути?

Положеніе вождей было несомнѣнно трагическое, и къ тому же судьба была къ нимъ безжалостна. Всѣ они сошли съ арены въ самомъ расцвѣтѣ силъ, иногда даже наканунѣ этого расцвѣта, унесенные то смертію естественной, то смертію гражданской.

Добролюбовъ и Писаревъ умерли не достигнувъ тридцатилѣтняго возраста. Не пройдя никакой серьезной школы научной,—которая въ тѣ годы и не существовала,—они должны были, образовывая и просвѣщая другихъ, заботиться о самообразованіи. Они взяли на себя роль руководителей партіи тогда, когда ихъ образованіе не только не было закруглено, но находилось еще въ подготовительной стадіи. Имъ пришлось говорить и писать о чрезвычайно сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ отвлеченныхъ и практическихъ, которые для нихъ самихъ были новинкой. Ихъ часто обвиняли за подобную дерзость и они сами сознавали вѣроятно свою вину, но сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ и невозможность молчать, такъ какъ никто не говорилъ за нихъ

и никого не было около нихъ, кто могъ бы эту отвѣтственную задачу выполнить лучше. Ждать же, пока накопятся знанія, было невозможно—невозможно потому, что упустить удобнаго времени не хотѣлось въ интересахъ общаго блага, а также и потому, что молодость ждать не привыкла, въ особенности когда она чувствуетъ за собой силу. А молодые проповѣдники новаго міровоззрѣнія и новой житейской практики чувствовали за собой несомнѣнно такую силу. Ихъ слушали, ими зачитывались; иногда они сами могли видѣть, какъ ихъ взгляды входили въ практику жизни. Все это льстило ихъ самолюбію и могло укрѣплять ихъ въ сознаніи правоты того, что̀ они проповѣдывали за свой личный страхъ. Но всетаки, отдавая должное ихъ колоссальной способности усвоенія, ихъ уму и литературному таланту, признавая, что нѣкоторыя мысли и чувства, вполнѣ законныя и для тогдашняго историческаго момента очень плодотворныя, были ими глубоко продуманы, прочувствованы и укрѣплены въ ближнихъ—можно всетаки поставить вопросъ: а не страдало ли новое ученіе отъ того, что самимъ учителямъ приходилось учиться? Категоричность и рѣзкость въ скороспѣлыхъ отвѣтахъ на очень трудные вопросы могла сердить людей, которые охотно во многомъ бы согласились съ молодыми проповѣдниками, еслибы за ихъ словами могли предположить достаточное количество знаній и серьезное, осмотрительное отношеніе къ предмету. Поспѣшность, съ какой эти люди работали надъ собственнымъ образованіемъ, при необходимости немедленно дѣлиться своей работой съ другими—не позволяла имъ позаботиться объ архитектоникѣ ихъ ученія. Ихъ статьи и рѣчи представляли собой рядъ случайныхъ трактатовъ, въ которыхъ попадались въ перемежку мысли на самыя разнообразныя темы, что̀, конечно, очень вредило единству впечатлѣнія. Читатель былъ мало подготовленъ къ самостоятельной умственной работѣ и ему было трудно изъ массы статей самаго пестраго содержанія выжать необходимую сущность, вычитать стройное міровоззрѣніе и стройную программу поведенія, въ которыхъ онъ очень нуждался.

Чернышевскій стоялъ, конечно, въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ Добролюбовъ и Писаревъ. Онъ годами былъ старше и располагалъ большимъ количествомъ разнообразныхъ знаній, когда взялся за перо. И умъ его былъ болѣе глубокій и болѣе вышколенный, и вообще какъ личность онъ былъ крупнѣе другихъ. Какъ вождь, руководитель и организаторъ онъ былъ совсѣмъ на своемъ мѣстѣ—что̀ подтверждается и тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, какое онъ имѣлъ на свое поколѣніе. Но именно сила этого

вліянія и заставила правительство поскорѣй изъять его изъ обращенія, и онъ пересталъ существовать для своей партіи въ моментъ, когда онъ былъ ей всего нужнѣе, въ самый трудный моментъ ея жизни, въ дни разгара реакціи, въ минуту унынія и усталости, наступившей послѣ бурныхъ лѣтъ легковѣрной и смѣлой молодости. Романъ, написанный Чернышевскимъ въ тюрьмѣ — это своеобразное руководство къ теоретическому познанію жизни и практическому ея устройству, оставленное имъ въ наслѣдство всѣмъ вѣрующимъ въ него,—конечно, не могъ замѣнить его личность. Но и въ тѣ годы, когда Чернышевскій дѣйствовалъ на свободѣ, когда обдумывалъ то, что потомъ въ лицахъ представилъ въ романѣ, онъ былъ, частью по доброй волѣ, частью въ силу необходимости, лишенъ возможности отдать свои силы всецѣло на воспитаніе и образованіе новаго человѣка. Во-первыхъ, цензура принуждала его къ молчанію по вопросамъ самымъ существеннымъ; затѣмъ его личные широкіе умственные интересы заставляли его отдавать много времени на работы въ высшей степени полезныя, но всетаки такія, плодами которыхъ могли пользоваться не столько молодые люди, сколько старшее поколѣніе. Чернышевскій любилъ разрабатывать чисто теоретическіе вопросы, требовавшіе отъ читателя большой подготовки; онъ потратилъ очень много труда и времени на пересказъ извѣстныхъ на Западѣ сочиненій по новѣйшей исторіи, которыя несомнѣнно имѣли общеобразовательное значеніе, но на прямые вопросы русской жизни не отвѣчали; онъ велъ въ „Современникѣ“ отдѣлъ иностранной политики, гдѣ, конечно, намековъ на русскую дѣйствительность было немало, но гдѣ ихъ приходилось вылавливать съ немалымъ трудомъ. На его же плечахъ лежалъ и журнальный отдѣлъ по крестьянскому вопросу и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ отдавалъ этой работѣ весь свой трудъ и талантъ. Эта работа, удивительная по теоретической силѣ и по количеству знаній—несомнѣнно историческій памятникъ большой цѣны; но она была разсчитана не на молодую, неподготовленную аудиторію. Неподготовлена была аудиторія и къ тѣмъ научнымъ изслѣдованіямъ въ области политической экономіи, которыя прославили имя Чернышевскаго за предѣлами Россіи. Надо было быть спеціалистомъ въ этихъ вопросахъ, чтобы вникать въ нихъ со всей подобающей имъ серьезностью, какъ надо было имѣть вообще широкое образованіе, чтобы разобраться въ историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ нашего автора. Для прямой задачи воспитанія и обученія „новаго“ человѣка работы Чернышевскаго были слишкомъ

спеціальны и учены, и тѣ немногія общедоступныя публицистическія статьи, которыя имъ были написаны одновременно съ этими серьезными изслѣдованіями, не пополняли пробѣла. Самъ Чернышевскій понималъ это, когда въ романѣ „Что дѣлать?“ принялся за популяризацію своей философской и соціальной доктрины.

Лаврова можно было бы и не зачислять въ ряды вождей поколѣнія шестидесятниковъ, такъ какъ вліяніе его ученія стало замѣтно лишь позднѣе—послѣ выхода въ свѣтъ его „Историческихъ писемъ“ (1868—70). Самъ онъ принадлежалъ, однако, къ шестидесятникамъ перваго призыва, и можно только пожалѣть, что онъ такъ долго вполнѣ не высказывался и что въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось высказываться, онъ не выходилъ изъ области трудныхъ философскихъ вопросовъ, о которыхъ онъ, вдобавокъ, говорилъ и очень труднымъ языкомъ. Среди всѣхъ своихъ сверстниковъ онъ былъ, пожалуй, единственный настоящій философскій умъ, съ большимъ философскимъ образованіемъ и съ несомнѣннымъ даромъ творчества въ области чистой мысли. Для той эпохи, которая съ философскими вопросами обходилась довольно небрежно, аналитическая и синтетическая работа мысли Лаврова могла бы принести большую пользу въ дѣлѣ дисциплины мышленія. Но Лавровъ, какъ и Чернышевскій, слишкомъ опережалъ своихъ слушателей и читателей, которые на первыхъ порахъ нуждались въ элементарномъ руководствѣ, а не въ ученыхъ трактатахъ.

Всѣ эти указанныя особенности въ положеніи вождей среди массы отнюдь не умаляютъ ихъ большого вліянія на тѣхъ, кто въ нихъ вѣрилъ, и отнюдь не уменьшаютъ ихъ культурной заслуги. Но въ общей оцѣнкѣ эпохи мы не должны упускать изъ виду, какъ несистематично и неполно развивалась доктрина радикализма. Лишь тѣ немногочисленные люди, которые съ учителями стояли въ личныхъ сношеніяхъ, могли пройти болѣе систематическую школу. Остальная масса была осуждена на очень отрывочное теоретическое, общественное и политическое воспитаніе. А изъ этой-то массы и надлежало выйти тѣмъ „новымъ“ людямъ, которые должны были произвести ожидаемый радикальный переворотъ во всемъ строѣ нашей жизни.

VI.

Была, однако, возможность пополнить до извѣстной степени недочетъ въ образованіи, вызываемый такимъ положеніемъ дѣлъ.

Если въ предѣлахъ Россіи учительская каѳедра не давала всего того, чего требовала минута, то можно было обратиться за помощью на Западъ, который неоднократно выручалъ насъ въ подобныя трудныя минуты. Западъ могъ дать либо живой урокъ, либо урокъ книжный.

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ европейскія страны, за исключеніемъ развѣ Италіи, не могли, однако, стать примѣромъ для нагляднаго обученія. Послѣ волненій 1848-го года реакція была въ полномъ ходу, и среди своихъ недавнихъ враговъ и недоброжелателей Россія была, пожалуй, единственной страной съ ясно обозначившейся либеральной тенденціей въ своемъ государственномъ развитіи. Но если радикалы не могли разсчитывать на поддержку самой жизни на Западѣ, то западная наука, публицистика и литература были всегда къ ихъ услугамъ. Въ этихъ областяхъ иноземнаго духовнаго творчества радикализмъ могъ найти себѣ сильныхъ союзниковъ. Недостатокъ въ учителяхъ русскихъ могъ быть, такимъ образомъ, восполненъ. И дѣйствительно, начиная со средины пятидесятыхъ годовъ мы замѣчаемъ большое оживленіе переводной литературы. Цензура служитъ и въ данномъ случаѣ большой преградой, но при помощи разныхъ хитростей переводчики ее обходятъ или просто не считаются съ ней, распространяя свои переводы въ рукописныхъ спискахъ. Молодое поколѣніе получаетъ, такимъ образомъ, возможность ознакомиться со многими трудами по всѣмъ отраслямъ науки, и преимущественно науки естественно-исторической. Всѣ эти науки, столь слабо представленныя у насъ въ дореформенное время, кружатъ молодежи голову; она набрасывается на нихъ съ большимъ рвеніемъ и желаніемъ ихъ осилить, тратитъ много времени на этотъ трудъ, но, за неимѣніемъ подготовки, устаетъ быстро, и это научное самообразованіе сводится очень часто къ усвоенію лишь самыхъ послѣднихъ обобщающихъ выводовъ, близкихъ къ гипотезѣ. За нѣкоторыми исключеніями большинство остается на той ступени полуобразованности, которая такъ часто мѣшаетъ человѣку стать вполнѣ образованнымъ. Такъ какъ научныхъ традицій у насъ въ тѣ годы было мало и сразу войти въ кругъ европейской научной образованности мы не могли, то такая замѣна органическаго научнаго развитія готовой иностранной книгой могла имѣть свою вредную сторону.

Но то, что терялось въ смыслѣ солидности и неполноты образованія, уравновѣшивалось, какъ мы увидимъ, тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, какое западная наука — историческая, экономическая, политико-соціальная, философская и естественно-истори-

ческая—производила вообще на психику радикальной молодежи. Настроеніе радикальной группы во многомъ зависѣло отъ ея наскоро составленнаго міровоззрѣнія, которое, какъ ей казалось, имѣло за собой нерушимую научную санкцію, европейскимъ умомъ установленную.

Итакъ, въ дѣлѣ воспитанія и образованія радикальная молодежь шестидесятыхъ годовъ была во многомъ предоставлена себѣ самой, при весьма небольшомъ количествѣ учителей въ предѣлахъ Россіи и при большомъ выборѣ иностранныхъ книгъ, къ чтенію которыхъ она была мало подготовлена.

VII.

Вербовалась эта молодежь, какъ мы знаемъ, изъ всѣхъ слоевъ и классовъ общества, отъ низкихъ до высокихъ. Движимая силой идейной, образовала она ту армію волонтеровъ, которая рѣшилась, почти безъ поддержки другихъ оппозиціонныхъ партій, оказать упорное сопротивленіе дисциплинированной правительственной силѣ.

Идея, одушевлявшая молодыхъ людей, не была выработана какимъ-нибудь долгимъ трудомъ мысли: она сразу овладѣла ихъ умомъ, чувствомъ и волей, и сводилась она къ несложному и ясному убѣжденію въ томъ, что личность, сознающая свою умственную и нравственную правоту, можетъ обладать огромной силой воздѣйствія на окружающую ее среду. Эти юноши, молодыя дѣвицы и дамы, входившіе въ составъ радикальной группы, были увѣрены, что добрая воля отдѣльныхъ единицъ, способна повернуть жизнь цѣлаго народа на новую дорогу. Съ недавней стариной они порвали безпощадно, отрицая многое, что можно было бы и не отрицать. Передъ ними носился образъ „новаго“ человѣка, новаго гражданина и новой гражданки, — на новыхъ, разумныхъ началахъ воспитанныхъ, вооруженныхъ послѣднимъ словомъ науки. Эти новые люди должны были служить оплотомъ противъ всякой попытки жизни вернуться вспять, противъ всякаго насилія и опеки надъ свободно развивающейся личностью. Союзъ такихъ свободно развившихся личностей обѣщалъ быстрое торжество новаго уклада жизни личной и гражданской. Все зависѣло отъ ихъ стойкости, прямолинейности, отъ способности устоять передъ соблазномъ компромисса. И имъ нужны были учителя, чтобы привести ихъ кратчайшимъ путемъ къ намѣченной цѣли. Изъ ихъ среды пришло имъ на помощь нѣ-

сколько сильныхъ людей, но обстоятельства сложились такъ, что эти люди, по разнымъ причинамъ, не могли способствовать ихъ воспитанію и образованію въ той мѣрѣ, въ какой это было необходимо. Въ трудной задачѣ выработки теоретическихъ взглядовъ и ихъ проведенія въ жизнь молодые умы и сердца были во многомъ предоставлены самимъ себѣ. Они и занялись ревностно самовоспитаніемъ и самообразованіемъ, использовавъ все, что имъ могли дать русскіе учителя, и пополняя недочеты своего образованія усерднымъ чтеніемъ иностранныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ науки. Для огромнаго большинства изъ нихъ это чтеніе было довѣрчивое и безсистемное, и если въ общемъ великъ былъ для нихъ приростъ знаній, то столь же велика была опасность поспѣшныхъ выводовъ.

Всѣ эти трудности и неловкости въ общественномъ положеніи радикальной группы не помѣшали ей выполнить въ движеніи шестидесятыхъ годовъ особую культурную роль. Эта роль измѣряется не столько количествомъ и качествомъ пущенныхъ въ оборотъ мыслей, сколько повышеніемъ общественнаго настроенія и темперамента, повышеніемъ въ обществѣ сознанія своего права на самоопредѣленіе, на свободный выборъ пути, который долженъ былъ привести къ полной ликвидаціи стараго порядка, формально отмѣненнаго, но въ дѣйствительности еще живого.

VIII.

Исторія идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ за періодъ ихъ возникновенія и первыхъ лѣтъ ихъ дѣятельности въ шестидесятыхъ годахъ можетъ быть раздѣлена, для удобства ея обозрѣнія, на слѣдующіе общіе отдѣлы.

I. Первое, что надлежитъ выяснить, это — міросозерцаніе и психику тѣхъ сильныхъ людей, которые, выйдя изъ нѣдръ самихъ радикальныхъ круговъ, стали ихъ учителями и вождями. Обзоръ литературной и общественной дѣятельности Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева и Лаврова долженъ открыть собою исторію этой долголѣтней борьбы радикальныхъ элементовъ русскаго общества съ тѣми силами, которыя стремились либо затормозить, либо умѣрить ростъ прогрессивныхъ идей и агрессивнаго настроенія.

II. Надлежитъ затѣмъ опредѣлить, что дали радикальнымъ группамъ западная наука и литература, и какъ усвоеніе вновь открытыхъ научныхъ истинъ и соприкосновеніе съ западной

жизнью въ мечтѣ и дѣйствительности отразились на ихъ міропониманіи и на ихъ настроеніи.

III. Наконецъ, нужно воскресить самый обликъ массовой жизни этихъ людей, постараться раскрыть тотъ образъ мыслей, какого держалась масса, и слѣдить за ней въ проявленіяхъ ея настроенія и темперамента при разныхъ обстоятельствахъ жизни общественной и личной.

IV. Въ совсѣмъ особый отдѣлъ можно выдѣлить такъ называемый „женскій вопросъ“, который въ радикальныхъ кругахъ былъ такъ открыто поставленъ въ теоріи и на практикѣ.

Несторъ Котляревскій.

КОНСТАНТИНЪ ПЕККЕРЪ

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВО ФРАНЦІИ.

I.

Конецъ 30-хъ и начало 40-хъ гг. XIX в. являются однимъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ въ исторіи развитія соціалистической мысли во Франціи. Соціалисты и соціальные философы начала XIX в., оказавшіе опредѣляющее вліяніе на теоріи послѣдующихъ соціалистовъ, къ этому времени сошли со сцены; Фурье, Сенъ-Симона и Сисмонди уже не было въ живыхъ. Изъ соціалистовъ конца 20-хъ и начала 30-хъ гг. Базаръ умеръ, Анфантэнъ уѣхалъ изъ Франціи и прекратилъ свою соціалистическую пропаганду и агитацію; ортодоксальный сенъ-симонизмъ вообще былъ убитъ менильмонтанскимъ процессомъ. Продолжали работать Бюшезъ, Консидеранъ и Бланки. Въ концѣ 30-хъ гг. къ нимъ почти одновременно присоединилась цѣлая плеяда молодыхъ теоретиковъ соціализма: Прудонъ, Луи Бланъ, Пеккеръ, Кабе и Дезами. Ими кончается классическій періодъ развитія соціалистической мысли во Франціи. Потомъ эта мысль какъ бы изсякла: ни февральская революція, ни эпоха второй имперіи не дали ничего оригинальнаго въ области теоретическаго соціализма. Новое пробужденіе ея наступаетъ лишь въ 70-хъ гг., подъ прямымъ вліяніемъ теоріи Маркса и Энгельса и практики Международнаго Общества рабочихъ.

Пеккеръ не пользовался большимъ практическимъ вліяніемъ. Какъ практическій дѣятель и публицистъ, онъ совершенно стушевывается передъ крупными фигурами Прудона, Луи Блана,

Кабе, Бланки. Напротивъ, въ области теоріи у него есть серьезныя заслуги. Недаромъ Бенуа Малонъ называлъ его „отцомъ современнаго коллективизма". Во многихъ вопросахъ Пеккеръ является непосредственнымъ предшественникомъ Маркса; многія идеи современнаго соціализма или высказаны, или развиты впервые Пеккеромъ. Поэтому ознакомленіе съ его соціалистическими воззрѣніями представляетъ не только историческій интересъ.

Пеккеръ умеръ сравнительно недавно, въ 1887 г.; однако, послѣ революціи 1848 г. онъ ничего не печаталъ. Его соціалистическая система цѣликомъ изложена въ трехъ его первыхъ произведеніяхъ: „Economie sociale. Des intérêts du commerce, de l'industrie et de l'agriculture" (1837, 2 тома); „Des améliorations matérielles dans leur rapport avec la liberté" (1839); „Théorie nouvelle d'économie sociale et politique" (1842). Послѣдующіе его трактаты и журнальныя статьи, поскольку онъ касался въ нихъ вопросовъ соціализма, представляютъ собою лишь повтореніе идей, высказанныхъ въ этихъ трехъ его основныхъ работахъ.

Въ области критики современнаго общественнаго строя почти всѣ соціалисты исходятъ изъ интересовъ личности, полноты удовлетворенія ея потребностей, обезпеченности условій ея физическаго и духовнаго развитія. Исключеніемъ являются Платонъ и находившіеся подъ его вліяніемъ Кампанелла и отчасти Родбертусъ. Со временъ Т. Мора, этого перваго соціалиста новаго времени, признаніе правъ личности на удовлетвореніе ея потребностей и всестороннее развитіе является одной изъ основныхъ идей соціализма. Анализируя современный общественный строй съ точки зрѣнія интересовъ личности, соціалисты находятъ, что потребности широкихъ слоевъ населенія остаются въ немъ неудовлетворенными, и массы лишены условій, необходимыхъ для ихъ физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они видятъ, что причина общественнаго зла и народныхъ бѣдствій кроется не въ испорченности человѣческой природы, не въ грѣхопаденіи человѣка, не въ прирожденной ему наклонности ко злу, а въ плохомъ общественномъ устройствѣ, главнымъ образомъ—въ господствѣ права частной собственности, порождающаго имущественное неравенство, роскошь однихъ и нищету другихъ. Начиная съ XVI в. идея детерминизма, соціальной обусловленности моральной личности человѣка проникаетъ всю соціалистическую литературу, является одной изъ руководящихъ идей соціалистической критики современнаго общества. Человѣкъ не имѣетъ ни врожденныхъ идей, ни врожденныхъ

наклонностей; его идеи и склонности являются продуктомъ соціальной среды, въ которой онъ живетъ. Если при плохомъ общественномъ устройствѣ человѣкъ преступенъ и золъ, то при хорошемъ онъ будетъ добръ и ласковъ. Главной причиной зла является имущественное неравенство, порождаемое частной собственностью. Поэтому, принципу частной собственности соціалисты противополагаютъ принципы коллективной собственности болѣе или менѣе крупныхъ общественныхъ единицъ.

При до-капиталистическомъ строѣ хозяйства, въ обществѣ мелкихъ производителей, вредъ частной собственности состоитъ въ томъ, что, при разной плодовитости отдѣльныхъ семей, однѣ изъ нихъ, мало плодовитыя, оказываются съ избыткомъ обезпеченными землею и другими средствами производства, тогда какъ въ семьяхъ съ большимъ количествомъ дѣтей воцаряются нищета и голодъ. Каждый пользуется продуктами одного лишь своего труда; но трудъ хорошо обезпеченнаго средствами производства приноситъ богатые плоды, трудъ неимущаго—скудные. Въ этой неравной оборудованности труда, а не въ эксплуатаціи имущимъ неимущаго,—главное зло до-капиталистическихъ формъ частной собственности и источникъ порождаемаго ею имущественнаго неравенства. Когда соціалисты XVI—XVIII вв. говорятъ объ эксплуатаціи трудящихся, они имѣютъ въ виду почти исключительно до-капиталистическія формы этой эксплуатаціи, феодальные поборы и повинности или государственные налоги. Съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній производства главное значеніе пріобрѣтаетъ эксплуатація труда наемныхъ рабочихъ. Въ настоящее время вопросъ о разной плодовитости различныхъ семей утратилъ свое былое общественное значеніе: даже французскіе крестьяне научились регулировать число рождающихся дѣтей. Этимъ объясняется, что моментъ, игравшій такую видную роль въ соціалистической литературѣ XVIII в., совершенно позабытъ современными французскими соціалистами. Пеккеръ послѣдній упоминаетъ о немъ. При капиталистическомъ способѣ производства зло частной собственности состоитъ въ томъ, что она позволяетъ капиталисту, собственнику средствъ производства, эксплуатировать трудъ наемныхъ рабочихъ, взимать съ нихъ особый налогъ, называемый прибылью или рентой. Сисмонди первый сосредоточиваетъ все свое вниманіе на критикѣ капиталистическихъ отношеній найма, достигшихъ въ его время въ Англіи высокой степени развитія. Пеккеръ, какъ и Сисмонди, строитъ свою критику капиталистическаго строя на анализѣ основного экономическаго понятія — цѣнности. По его мнѣнію,

цѣнности создаются только трудомъ. „Реальная и денежная цѣнность всякаго продукта—говоритъ онъ—должна была бы опредѣляться только количествомъ труда, затраченнаго на его производство. Слѣдовательно, цѣнность двухъ продуктовъ, стоившихъ одинаковаго количества труда, одинакова при справедливомъ обмѣнѣ, какова бы ни была ихъ относительная отдѣлка или талантъ, вложенный въ каждый изъ нихъ“. Количество труда, затраченное на производство того или другого продукта, исчисляется не только временемъ: необходимо принять во вниманіе еще напряженность труда. Цѣнность вещи опредѣляется не „по времени и издержкамъ, затраченнымъ на ея производство, даже не по количеству часовъ работы человѣка; ибо нервная сила можетъ быть израсходована въ одинъ часъ, на данной работѣ, въ такомъ количествѣ, въ какомъ она не будетъ затрачена въ шесть часовъ на работѣ другого рода. Продолжительность труда является, слѣдовательно, ложнымъ мѣриломъ, неспособнымъ служить единицею мѣры для всѣхъ родовъ труда и занятій... Въ одинъ часъ можно затратить больше умственной и физической силы на производство одной вещи, чѣмъ въ два и даже въ четыре часа — другой“. Пеккеръ отрицаетъ способность земли и капитала создавать новыя цѣнности. Эта творческая способность принадлежитъ только человѣку, его рабочей силѣ, его труду. „Капиталъ самъ по себѣ ничего не приноситъ, ничего не создаетъ, ничего не воспроизводитъ; создаетъ и воспроизводитъ тотъ, кто его примѣняетъ — кредитуемый или заемщикъ. Онъ одинъ даетъ капиталисту прибыль, порожденную его потомъ, его трудомъ, его воспроизводительной силой, имъ затраченною. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, капиталъ? Инертная матерія — и ничего больше; эта матерія получаетъ способность воспроизводить другія полезности лишь при условіи, что человѣкъ приложитъ къ ней свой трудъ, т.-е. свой разумъ, свою силу, свою волю, наконецъ—свое я... Поэтому нехорошо, безнравственно, если кто-либо вынужденъ, вопреки своему желанію, отдавать другому, и безъ того имѣющему больше его, какую бы то ни было часть плодовъ своего труда“. Такимъ образомъ, Пеккеръ рѣшительно отрицаетъ цѣнностеобразовательную способность у земли и капитала. Цѣнности создаетъ одинъ лишь человѣкъ своимъ трудомъ, затратою своихъ мускульныхъ и нервныхъ силъ. Онъ исходитъ въ этой теоріи изъ противоположенія человѣческой личности, человѣческаго я всей прочей природѣ, всему, что не я. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предполагаетъ полную равноцѣнность всѣхъ я: каждая человѣческая личность равноцѣнна

всякой другой, трудъ каждаго человѣка равноцѣненъ труду всякаго другого. Въ основѣ теоріи трудовой цѣнности Пеккера, слѣдовательно, лежитъ идея этической равноцѣнности всѣхъ людей [1]).

Признаніе исключительнаго значенія трудового начала въ области производства матеріальныхъ цѣнностей неизбѣжно вызываетъ дальнѣйшій вопросъ—о значеніи этого начала въ области обмѣна и распредѣленія. Экономисты придаютъ большое значеніе вліянію трудовыхъ затратъ на мѣновую цѣнность товаровъ. Ихъ примѣру слѣдуютъ нѣкоторые соціалисты, напр. Марксъ; большинство же соціалистовъ интересуется главнымъ образомъ значеніемъ трудового начала въ области распредѣленія народнаго дохода между отдѣльными классами общества. Поэтому соціалистическія теоріи трудовой цѣнности всегда развертываются въ теоріи прибавочной цѣнности. Пеккеръ совершенно не касается вопроса объ образованіи мѣновыхъ цѣнностей въ капиталистическомъ строѣ, о вліяніи трудовой цѣнности на рыночныя цѣны. Его интересуетъ исключительно анализъ отношеній распредѣленія въ капиталистическомъ строѣ съ точки зрѣнія теоріи трудовой цѣнности. Основнымъ моментомъ, вліяющимъ на распредѣленіе доходовъ, является распредѣленіе собственности на средства производства. „При современномъ порядкѣ вещей,—говоритъ Пеккеръ,—многіе люди не располагаютъ средствами производства въ такой же мѣрѣ (au même titre), какъ и другіе, ибо получаютъ ихъ лишь при условіи добраго на то согласія другихъ людей и могутъ, слѣдовательно, совершенно быть ихъ лишены. Вслѣдствіе этого матеріальныя блага не добываются равномѣрно, на одинаковыхъ условіяхъ, всѣми людьми; многіе изъ нихъ находятся, по отношенію ко второму элементу всякаго богатства—средствамъ производства, въ полной зависимости отъ другихъ, вслѣдствіе чего они могутъ быть совершенно ихъ лишены,—что повлекло бы за собою ихъ голодную смерть или жестокія лишенія. Послѣ нищеты самымъ крупнымъ зломъ, вытекающимъ изъ этого радикальнаго и основного неравенства, является необходимость для лицъ, не обладающихъ средствами производства, становиться въ полную зависимость отъ тѣхъ, кто владѣетъ этимъ вторымъ условіемъ всякаго матеріальнаго богатства. Они соглашаются на эту зависимость вовсе не сознательно: къ ней толкаетъ ихъ сила

---

[1]) По словамъ Маркса, „равенство и равноцѣнность всѣхъ работъ, потому что и поскольку онѣ являются вообще трудомъ человѣка, могли быть обнаружены лишь послѣ того какъ понятіе равенства всѣхъ людей пріобрѣло прочность народнаго предразсудка“ („Das Kapital“, I, изд. 1890, стр. 26).

экономическихъ отношеній, установленныхъ съ незапамятныхъ временъ". Владѣніе средствами производства позволяетъ собственникамъ взимать „десятину съ чужого труда", брать въ свою пользу разность между издержками производства и продажною цѣною продукта, — разность, которую Пеккеръ, по примѣру Сисмонди, называетъ прибавочною цѣнностью (plus-value). Въ первыхъ своихъ экономическихъ сочиненіяхъ Сисмонди называетъ избыточною цѣнностью (mieux-value) всякій приростъ цѣнности, откуда бы онъ ни происходилъ — отъ земледѣльческихъ меліорацій, роста цѣнъ, роста производительности труда вслѣдствіе помощи усовершенствованныхъ орудій производства. Въ этомъ же смыслѣ употребляетъ Марксъ этотъ терминъ (Mehrwert) въ 1842 г. Въ первомъ изданіи „Nouveaux principes d'économie politique" (1819) мы находимъ робкую попытку обозначить этимъ терминомъ нетрудовыя формы дохода: Сисмонди указываетъ здѣсь, что дифференціальная рента является одною изъ формъ избыточной цѣнности. И лишь въ „Etudes sur l'économie politique" (1837) мы находимъ понятіе прибавочной цѣнности (plus-value) въ современномъ значеніи этого термина: онъ говоритъ о прибавочной цѣнности продукта труда рабовъ, крѣпостныхъ и мелкихъ арендаторовъ-земледѣльцевъ надъ стоимостью ихъ содержанія. Вложивъ въ понятіе новое содержаніе, перенеся его изъ области производства въ область распредѣленія, Сисмонди нашелъ нужнымъ измѣнить и терминологію. Пеккеръ принимаетъ и развиваетъ теорію прибавочной цѣнности Сисмонди. По его наблюденіямъ, „вся прибыль, составляющая разность между издержками производства и реализованною продажною цѣною, идетъ въ настоящее время въ пользу одной изъ договаривающихся сторонъ, безъ всякаго вознагражденія другой. Отсюда—внезапныя раззоренія однихъ, внезапныя обогащенія другихъ". Эта подать или прибавочная цѣнность, взимаемая капиталистами съ рабочихъ, является причиною неравенства, нищеты и всего соціальнаго зла, отъ котораго страдаетъ современное общество. „Самой общей и постоянной причиной неравенства въ богатствѣ, знаніяхъ и нравственности среди людей является не собственность, не капиталъ, даже не право изслѣдованія, а прибыль, воспроизводительная сила, присущая капиталу, и присвоеніе въ полную частную собственность орудій труда, источниковъ и матеріальныхъ условій богатства... Постояннымъ и серьезнымъ препятствіемъ благосостоянію народныхъ массъ является не индивидуальная собственность, не накопленіе средствъ потребленія человѣкомъ, создающимъ ихъ своимъ трудомъ, даже не право наслѣдованія, а прибыль на разъ накоплен-

ный капиталъ, прибыль, дающая этому капиталу безграничную воспроизводительную силу въ ущербъ не имѣющимъ его, и присвоеніе въ частную собственность орудій труда". Другою причиною бѣдности является недостаточное развитіе производительныхъ силъ въ современномъ обществѣ.

Такимъ образомъ, въ основѣ распредѣленія народнаго дохода въ капиталистическомъ строѣ общества лежитъ частная собственность на средства производства. Партикуляризація средствъ производства, принадлежность ихъ частнымъ лицамъ создаетъ отсутствіе планомѣрности, организованности общественнаго процесса производства. Анархія производства, въ свою очередь, вызываетъ конкурренцію, борьбу каждаго противъ всѣхъ. „Упускали изъ виду—говоритъ Пеккеръ,—или не рѣшались признать, что конкурренція, имѣющая столь важное общественное значеніе, является лишь слѣдствіемъ индивидуальнаго и произвольнаго присвоенія орудій труда. Конкурренція выражаетъ собою не что иное, какъ возможность обмѣна, который, въ свою очередь, есть ближайшее и логическое слѣдствіе индивидуальнаго права произвольно пользоваться средствами всякаго производства. Эти три, сливающіеся въ одинъ, экономическихъ момента—право произвольнаго пользованія, свобода обмѣна и произвольная конкурренція,—ведутъ къ слѣдующимъ слѣдствіямъ: каждый производитъ что̀ хочетъ, какъ хочетъ, когда хочетъ, гдѣ хочетъ; производитъ хорошо или дурно, слишкомъ много или недостаточно, слишкомъ рано или слишкомъ поздно, слишкомъ дорого или слишкомъ дешево; никто не знаетъ, продастъ ли онъ свой продуктъ, какъ продастъ, когда продастъ, гдѣ продастъ, кому продастъ; въ подобномъ же невѣдѣніи находится и покупатель. Производитель не знаетъ ни потребностей и средствъ потребителя, ни спроса и предложенія. Онъ продаетъ когда хочетъ, когда можетъ, гдѣ хочетъ, кому хочетъ, по какой ему угодно цѣнѣ. И покупаетъ онъ точно такъ же. Во всемъ этомъ онъ постоянно находится въ полной власти случая, въ рабской зависимости отъ воли наиболѣе сильнаго, наименѣе спѣшащаго, наиболѣе богатаго... Отсюда, какъ неизбѣжное слѣдствіе, постоянство и всеобщность банкротствъ, обманутые разсчеты, внезапныя раззоренія и обогащенія, торговые кризисы, безработица, періодическое перепроизводство или недопроизводство, неустойчивость и паденіе заработной платы и прибыли, огромная потеря и растрата богатствъ, времени и силъ на аренѣ изступленной конкурренціи".

Но эта борьба всѣхъ противъ всѣхъ не развивается въ классовую борьбу. Какъ вѣрный ученикъ Сенъ-Симона, Пеккеръ вѣ-

ритъ въ гармонію интересовъ труда и капитала. Сенъ-Симонъ считалъ совершенно нормальнымъ дѣленіе общества на классы; соціальныя неравенства не вызываютъ въ немъ протеста. Предприниматели, по его мнѣнію, являются „естественными и неизмѣнными руководителями народа“, „истинными вождями народа“, рабочіе — ихъ „подчиненные“. Интересы капиталистовъ вовсе не противоположны, а, напротивъ, солидарны съ интересами трудящихся: руководители промышленныхъ работъ являются прирожденными покровителями рабочаго класса. „Если рабочіе въ Англіи ломаютъ станки, то только потому, что собственники мануфактуръ разсчитываютъ на военную силу, чтобы ихъ сдерживать, и недостаточно заботятся о томъ, чтобы сдерживать ихъ буйныя страсти путемъ уясненія имъ ихъ истинныхъ интересовъ; благодаря незнанію, въ которомъ они держатъ рабочихъ относительно ихъ политическихъ и частныхъ интересовъ, радикалы нашли средства вызвать ихъ возстаніе, такъ что власти вынуждены были избить ихъ въ Манчестерѣ“. Слѣдовательно, „истинные“ интересы рабочихъ солидарны съ интересами предпринимателей; Сенъ-Симонъ отрицалъ борьбу классовъ въ современномъ пониманіи этой борьбы, болѣе или менѣе уже установленномъ Бабёфомъ, Фурье и Сисмонди. Какъ Сенъ-Симонъ, такъ и сенъ-симонисты Базаръ и Бюшезъ и бывшіе подъ прямымъ вліяніемъ доктрины сенъ-симонизма Пеккеръ и Луи Бланъ, признавая дѣленіе современнаго общества на классы, совершенно отрицаютъ борьбу классовъ. Въ силу странной непослѣдовательности, отрицаніе классовой борьбы не мѣшало сенъ-симонистамъ признавать классовый характеръ современнаго права и правительства [1]).

До развитія фабричной промышленности соціалистамъ была чужда идея экономическаго прогресса, роста производительныхъ силъ. Соціалисты и соціальные философы XVIII в. видѣли въ экономическихъ отношеніяхъ измѣненія и перемѣны, но совсѣмъ не замѣчали внутренней преемственности въ этихъ измѣненіяхъ, развитія, эволюціи. Развитіе крупной промышленности сдѣлало очевиднымъ, что въ области матеріальнаго производства происходятъ не только перемѣны, но и движеніе впередъ. Въ 1808 г. Фурье формулировалъ идею экономическаго прогресса, выражаю-

---

[1]) Bazard, „Exposition de la doctrine Saint-Simonienne“, изд. 1854 г., стр. 170; Buchez, „Introduction à la science de l'histoire“, стр. 9—10; Pecqueur, „Des améliorations matérielles“, стр. 333—4, 336; L. Blanc, „Organisation du travail“, изд. 1848 г., стр. 270.

щагося въ ростѣ производительныхъ силъ [1]). Для соціалистовъ XVI—XVIII вв. соціализмъ былъ исключительно вопросомъ распредѣленія; Фурье, поставивъ вопросъ о недостаточности народнаго дохода, о необходимости, для уничтоженія народной бѣдности, развитія производительныхъ силъ общества, показалъ, что теорія соціализма не можетъ ограничиваться одними вопросами распредѣленія, а должна охватить также вопросы производства, всю хозяйственную жизнь общества въ цѣломъ. Пеккеръ также считаетъ одною изъ причинъ народной бѣдности недостаточное развитіе производительныхъ силъ: по его мнѣнію, „не трудно доказать, что ни въ одной странѣ міра нѣтъ, не производится достаточно матеріальныхъ полезностей, чтобы, при равномѣрномъ ихъ распредѣленіи между всѣми членами общества, каждый имѣлъ бы достаточно и могъ бы себя считать свободнымъ, даже дѣлая изъ нихъ самое лучшее употребленіе, даже пользуясь ими только для удовлетворенія своихъ первыхъ потребностей“. Развитіе производительныхъ силъ и крупнаго производства приводитъ къ концентраціи богатства на одномъ полюсѣ современнаго общества, и нищеты — на другомъ. Уже Фурье даетъ краснорѣчивое описаніе преимуществъ крупнаго производства надъ мелкимъ [2]). Сисмонди далъ теорію борьбы крупныхъ предпріятій съ мелкими, формулировавъ законъ абсолютной, ничѣмъ не ограниченной концентраціи производства; въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ онъ признавалъ, однако, одно ограниченіе этого закона — жизнеспособность мелкихъ предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ. Пеккеръ также признаетъ, что въ современной конкурренціи, въ борьбѣ каждаго противъ всѣхъ, побѣждаютъ болѣе сильные, богатые. Постепенно мелкое производство уступаетъ мѣсто крупному, мелкая собственность — крупной. Процессъ концентраціи производства чрезвычайно ускоренъ новѣйшими техническими изобрѣтеніями. „Не въ наше время и не съ изобрѣтеніемъ паровой машины начинается крупное производство и соединеніе большого числа рабочихъ въ одной мастерской. Давно уже существуютъ торговыя общества и компаніи; но нужно признать, что они были исключеніями, значенія, будущности и соціальныхъ и экономическихъ выгодъ которыхъ не понимали; къ тому же, они не выходили изъ области торговли и никогда не учреждались для производства; все это

[1]) „Théorie des quatre mouvements“, 1808, изд. 1846 г., стр. 218, 221; „Théorie de l'unité universelle“, 1822, изд. 1843 г., I, стр. 96, 138.

[2]) Тюрго, Кондорсэ и Сенъ-Симонъ видѣли прогрессъ лишь въ области знанія, науки.

создаетъ огромную разницу между старыми и новыми компаніями. Лишь съ момента, когда стали примѣняться большія машины, изобрѣтенныя въ новѣйшее время, начинается эра ассоціацій и крупнаго производства. Земледѣліе, одно составляющее половину всего матеріальнаго производства и непосредственно производящее самыя необходимыя, если не самыя многочисленныя матеріальныя блага, въ которыхъ нуждается человѣкъ, также призвано воспользоваться всѣми этими выгодами (а съ нимъ и всѣ безчисленные потребители), если оно перейдетъ къ крупному производству. Сдѣлаетъ ли оно это? Это другой вопросъ. Но оно можетъ это сдѣлать" [1]). Такова основная тенденція въ развитіи экономическихъ предпріятій—тендеція къ концентраціи. Она встрѣчаетъ, однако, противодѣйствующія вліянія. Такъ, „мелкое земледѣліе можетъ меньше опасаться конкурренціи крупнаго производства, чѣмъ мелкая промышленность. Мелкіе земельные участки во многихъ случаяхъ даютъ столь же хорошій доходъ, какъ и крупные". Подобная же жизнеспособность извѣстнаго рода мелкихъ предпріятій наблюдается также въ обрабатывающей промышленности и торговлѣ. „Индивидуальная конкурренція, изолированная и чахлая, найдетъ себѣ, въ концѣ концовъ, убѣжище почти исключительно въ мелкой розничной торговлѣ, въ торговлѣ предметами домашняго потребленія, а также въ весьма обширной категоріи либеральныхъ профессій и тонкихъ и замысловатыхъ ремеслъ, удовлетворяющихъ подвижнымъ и постоянно мѣняющимся капризамъ моды и утонченнымъ требованіямъ изящныхъ искусствъ и вкуса. Здѣсь мелкое производство сохранится на вѣчныя времена, ибо для этой категоріи работъ и продуктовъ никогда нельзя будетъ установить другого, болѣе экономнаго способа производства, чѣмъ индивидуальное, основанное на личномъ вдохновеніи и отдѣльномъ исполненіи каждой работы и вещи. Къ числу такихъ предметовъ принадлежатъ граверныя работы, драгоцѣнныя и серебряныя издѣлія, предметы моды, туалета, украшенія, меблировки и т. д. Человѣкъ всегда долженъ будетъ налагать печать своей индивидуальности на массу полезныхъ и пріятныхъ предметовъ, которые на первыхъ порахъ не будутъ поддаваться механическимъ способамъ произ-

[1]) „Des intérêts du commerce, de l'industrie et de l'agriculture", 1837, изд. 1839 г., I, стр. 61—62. Книга эта написана Пеккеромъ на тему, предложенную академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ: „какое вліяніе могутъ оказать на матеріальную экономію, на гражданскую жизнь, на общественный строй и могущество націй двигательныя силы и транспортныя средства, распространяющіяся въ настоящее время какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ свѣтѣ".

водства въ крупныхъ размѣрахъ". Такимъ образомъ, концентрація производства и торговли въ крупныя предпріятія никогда не будетъ всеобъемлющею; въ извѣстныхъ отрасляхъ экономической дѣятельности навсегда сохранятся мелкія, индивидуальныя предпріятія.

Наряду съ концентраціей производства происходитъ концентрація богатства и пролетаризація трудящихся массъ. По мнѣнію соціалистовъ XVI—XVIII вв., единственною причиною бѣдности однихъ было богатство другихъ. Идея развитія производительныхъ силъ осложнила вопросъ. Принявъ эту идею, соціалисты XIX в. не могли уже считать, что бѣдность рабочаго класса зависитъ исключительно отъ способа распредѣленія народнаго дохода въ современномъ обществѣ; на положеніе рабочихъ вліяетъ также производительность общественнаго труда. Съ развитіемъ капитализма растетъ не только норма эксплуатаціи труда, но и величина народнаго дохода; поэтому, ростъ нормы прибавочной цѣнности можетъ сопровождаться не только пониженіемъ, но и повышеніемъ уровня жизни рабочаго класса. Равнодѣйствующая этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій можетъ быть найдена лишь путемъ статистическаго изученія экономическаго положенія рабочихъ на различныхъ ступеняхъ развитія капиталистическаго способа производства. Фурье полагалъ, что бѣдность рабочихъ всегда остается одною и тою же, а весь прогрессъ производительныхъ силъ въ капиталистическомъ обществѣ идетъ въ пользу имущихъ классовъ. Базаръ, напротивъ, думалъ, что съ развитіемъ капитализма положеніе рабочихъ улучшается. Сисмонди утверждалъ, что съ ростомъ матеріальнаго богатства общества растетъ нищета трудящихся массъ. Особенно вредно на положеніи рабочихъ отражается прогрессъ техники, развитіе машиннаго производства за счетъ ручного. Оно не только понижаетъ уровень заработной платы, но губитъ и тѣлесныя, и духовныя силы рабочихъ. Пеккеръ признаетъ правильность наблюденій Сисмонди. Борьба за сбытъ вынуждаетъ предпринимателей вводить машины и сокращать число рабочихъ, а у оставшихся — понижать заработную плату. Слѣдовательно, „конкурренція, въ той формѣ, въ какой она производится въ Европѣ со времени уничтоженія средневѣковыхъ учрежденій, стремится къ пониженію заработной платы; введеніе же машинъ ведетъ все болѣе и болѣе къ обезцѣненію и упраздненію труда или участія рабочихъ въ общемъ національномъ производствѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что нищета и пауперизмъ наемныхъ рабочихъ были бы общимъ состояніемъ, къ которому непреоборимо стремились бы всѣ націи

и, въ особенности, тѣ, которыя предаются главнымъ образомъ мануфактурной промышленности и внѣшней торговлѣ, еслибы вліяніе другихъ мощныхъ факторовъ не создавало противовѣса разлагающему вліянію эгоистической и произвольной конкурренціи“. Насколько велико соціальное неравенство и нищета трудящихся массъ въ современномъ обществѣ, показываютъ данныя о распредѣленіи народнаго дохода между различными классами населенія во Франціи и Англіи. Относительно Франціи Пеккеръ приводитъ таблицу Бальби, цитированную у Фурье; еще болѣе показательны статистическія свѣдѣнія о распредѣленіи народнаго дохода въ Англіи. Приводимъ сообщаемую Пеккеромъ таблицу въ сокращенномъ видѣ:

1—7-й классы.	19.415 ч.,	доходъ. . . .	211 фр.	85 с.	въ день.
8—14-й „	258.545 „	„	35 „	76 „	„
15—22-й „	1.428.955 „	„	7 „	67 „	„
23—26-й „	5.000.000 „	„	1 „	09 „	„
27—28-й „	8.000.000 „	„	0 „	38 „	„

Нищета деморализуетъ народныя массы, порождаетъ преступленія. „Статистика побѣдоносно доказала, что покушенія на жизнь и имущество и, вообще, всѣ преступленія, порождаемыя нуждой въ матеріальныхъ благахъ, совершаются въ прямой зависимости отъ нищеты, соединенной съ невѣжествомъ. Въ Испаніи, гдѣ народная самодѣятельность не имѣетъ общественнаго приложенія, гдѣ потребности не находятъ себѣ удовлетворенія и гдѣ образованіе и воспитаніе находятся въ полнѣйшемъ загонѣ, убійства и покушенія на убійство совершаются въ 45 разъ чаще, чѣмъ во Франціи, и въ 27 разъ чаще, чѣмъ въ Англіи. Квалифицированныя воровства происходятъ тамъ втрое чаще, чѣмъ въ послѣднихъ двухъ странахъ. Въ значительной степени эти воровства могутъ тамъ объясняться лишь лишеніями и нищетой, а исключительно большое число убійствъ вызывается, какъ показываетъ статистика, дѣятельной и весьма распространенной въ Испаніи контрабандой; но именно контрабанда является слѣдствіемъ и служитъ доказательствомъ нищеты тѣхъ, кто рѣшается ею заниматься“. Причина нищеты и преступленій, слѣдовательно, лежитъ въ современной организаціи производства и распредѣленія матеріальныхъ благъ, а не въ злой волѣ отдѣльныхъ личностей и классовъ. „Мы не думаемъ нападать ни на одинъ классъ, — говоритъ Пеккеръ, — и возлагать отвѣтственность на личности за то, что̀ является слѣдствіемъ данной общественной организаціи, которой никто въ отдѣльности не создалъ, которую всѣ приняли невольно и которой всѣ, въ большей или меньшей

степени, являются жертвами". Исходя изъ этой общности страданій всѣхъ классовъ, хотя и въ разной мѣрѣ, Пеккеръ удѣляетъ очень мало вниманія дѣленію современнаго общества на классы и никакого — происходящей между ними борьбѣ. Идея соціальнаго детерминизма даетъ ему поводъ, такимъ образомъ, игнорировать одно изъ основныхъ соціальныхъ явленій современнаго общественнаго уклада. Лишь въ теоріи Маркса находимъ мы правильную оцѣнку общественнаго значенія классовой борьбы.

По мнѣнію Пеккера, существующая въ капиталистическомъ обществѣ тенденція къ обнищанію народныхъ массъ нейтрализуется другими вліяніями. Онъ думаетъ, что, не смотря на эту тенденцію, пауперизація въ дѣйствительности не имѣетъ мѣста. Напротивъ, количество нищеты въ обществѣ относительно уменьшается. Сравнивая положеніе рабочихъ въ 30-хъ годахъ XIX-го вѣка съ положеніемъ трудящихся въ средніе вѣка, Пеккеръ приходитъ къ заключенію, что съ теченіемъ времени положеніе трудящихся массъ улучшилось и продолжаетъ улучшаться. „Сколько крошекъ — восклицаетъ онъ — падаетъ для нихъ со столовъ во время пира, безпрерывно продолжающагося въ высокихъ сферахъ богатства". Въ общемъ и въ цѣломъ онъ вполнѣ согласенъ съ Базаромъ, что въ обществѣ наблюдается скорѣе разсѣяніе богатствъ, ихъ болѣе справедливое распредѣленіе, чѣмъ ихъ концентрація и приближеніе къ промышленному феодализму, наступленіе котораго предсказывалъ Фурье.

Очевидно, этотъ спорный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь путемъ тщательнаго изученія фактическихъ измѣненій въ положеніи рабочихъ, вызываемыхъ развитіемъ капиталистическаго способа производства. Пользуясь собранными французской „Office du travail" данными, мы можемъ, принимая отношеніе заработной платы, получавшейся рабочими въ 1806 г., къ стоимости ихъ жизни за 100, составить слѣдующую таблицу, довольно вѣрно изображающую измѣненія въ уровнѣ жизни французскихъ рабочихъ въ XIX-мъ вѣкѣ [1]).

1806 г.	0,100
1820 „	96,3
1830 „	93,0
1840—45 г.	98,3
1853 „	114,0
1860 „	103,0
1873 „	120,1
1880 „	138,2
1892 „	155,1

[1]) Вычислено по даннымъ E. Levasseur, „Questions ouvrières et industrielles

Слѣдовательно, для начала XIX в. правъ былъ Сисмонди, утверждавшій, что положеніе рабочихъ ухудшается съ развитіемъ капитализма. Въ 40-хъ годахъ и позже, начиная съ 60-хъ годовъ, съ момента развитія современнаго рабочаго движенія, въ экономическомъ положеніи рабочихъ наблюдается положительное улучшеніе. Съ этого времени теорія пауперизаціи рабочихъ, формулированная Сисмонди, становится анахронизмомъ.

II.

Основнымъ выводомъ, къ которому приходятъ всѣ соціалисты въ своей критикѣ современнаго общественнаго строя, является положеніе, что источникъ всего общественнаго зла лежитъ не въ злой или испорченной природѣ человѣка, а въ плохой общественной организаціи, главнымъ образомъ въ частной собственности на землю и другія средства производства. Принципу частной собственности они противополагаютъ принципъ коллективной собственности болѣе или менѣе крупныхъ общественныхъ единицъ. Беря ту или другую существующую въ современномъ обществѣ форму коллективной собственности и экономической организаціи,—напр. земельную или дворовую общину, производительныя ассоціаціи, промышленныя предпріятія современнаго государства, экономическія организаціи пролетаріата,—соціалисты развивали ея принципы въ систему, охватывающую все общество. Такъ были созданы различные соціалистическіе идеалы. Подобно тому какъ „лучшее государство" Платона представляетъ собою идеализацію существовавшихъ въ Спартѣ и на Критѣ общихъ трапезъ, коммунизмъ Т. Мора, Морелли и Бабёфа является идеализаціей дворовыхъ общинъ средневѣковыхъ крестьянъ, ассоціативный соціализмъ Фурье, Бюшеза и Луи Блана—идеализаціей производительныхъ ассоціацій ремесленниковъ и крестьянъ новаго времени, государственный соціализмъ Бюшеза, Пеккера и Маркса — идеализаціей государственныхъ промышленныхъ предпріятій новѣйшаго времени. Конечно, каждый соціалистъ по-своему идеализируетъ и развиваетъ далѣе ту или иную форму коллективной собственности. Поэтому, каждая соціалистическая система несетъ на себѣ печать индивидуальности своего творца. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ соединить всѣ со-

en France", 1907, стр. 555, 569. Таблица эта, само собою разумѣется, не можетъ претендовать на математическую точность; она носитъ лишь показательный характеръ.

ціалистическія системы въ нѣсколько группъ, по экономическимъ организаціямъ, лежащимъ въ ихъ основѣ. Нѣкоторые соціалисты прямо указываютъ на земные корни своихъ соціалистическихъ идеаловъ. Такъ, въ своемъ извѣстномъ романѣ Верассъ д'Алэ говоритъ, что установленіе коммунистическаго строя персомъ Северисомъ было значительно облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что племена, населявшія Австралію, жили большими семьями или дворовыми общинами; осмазіи, организованныя Северисомъ, представляютъ собою расширенныя и нѣсколько развитыя большія семьи туземцевъ или ихъ дворовыя общины, и носятъ то же названіе (communautés) [1]. По мнѣнію Фурье, экономисты „должны, оставивъ всѣ другія дѣла, поставить себѣ главной задачей и наиболѣе спѣшнымъ занятіемъ изученіе ассоціаціи. Она является основаніемъ всей хозяйственной жизни: зародыши ея разсѣяны во всемъ соціальномъ механизмѣ, начиная съ могущественныхъ компаній, какова, напр., компанія индійская, и кончая бѣдными обществами сельчанъ, соединяющихся для какого-либо спеціальнаго производства. У горцевъ Юры мы встрѣчаемъ это соединеніе въ производствѣ сыровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ грюйеръ: двадцать или тридцать хозяйствъ приносятъ каждое утро свое молоко сыровару или фабриканту, и въ концѣ лѣта каждое изъ нихъ получаетъ плату сыромъ, пропорціонально принесенному имъ количеству молока, ежедневно отмѣчаемому. Такимъ образомъ, мы повсюду, и въ маломъ, и въ великомъ, находимъ зародыши добра, необдѣланные алмазы, которые наука должна отшлифовать. Проблема состоитъ въ томъ, чтобы развить въ единый, всеобъемлющій и сложный механизмъ эти обрывки ассоціаціи, разсѣянные во всѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ они возникали случайно и подъ вліяніемъ инстинкта“ [2]. Аналогичное замѣчаніе мы находимъ и у Пеккера. Онъ прямо ссылается на промышленныя предпріятія современнаго государства, какъ на матеріальную основу своихъ соціалистическихъ идей. „Табачная, пороховая и соляная монополіи и управленіе мостами и шоссейными дорогами, представляющія собою крупныя промышленныя предпріятія съ огромнымъ числомъ наемныхъ рабочихъ; управленіе хозяйственною жизнью арміи; управленіе тюрьмами, которыя становятся настоящими общественными мастерскими, конкуррирующими съ частнымъ производствомъ; вся совокуп-

[1]) „L'histoire des Sevarambes“, 1677—1679, ч. II, т. I, стр. 82, 119, 123, 136, 189.

[2]) „Théorie de l'unité universelle“, 1822, изд. 1843 г., I, стр. 37; также „Le nouveau monde industriel“, 1829, изд. 1848 г., стр. 6—7.

ность административныхъ учрежденій, начиная съ министерствъ и кончая полевыми сторожами; исполненіе солдатами общественныхъ работъ; недавно реформированныя сберегательныя кассы, получившія возможность вкладывать въ промышленныя предпріятія накопившіеся въ нихъ капиталы или обращать ихъ на исполненіе большихъ общественныхъ работъ подъ управленіемъ какого-либо общественнаго учрежденія; сбереженія собственниковъ, передаваемыя въ формѣ вѣчныхъ вкладовъ государству, какъ довѣряются ему временно сбереженія рабочихъ; таможни, налоги и проч., — всѣ эти хозяйственныя функціи государства являются, въ глазахъ вдумчивыхъ людей, несомнѣнными зародышами грядущей роли правительства въ организаціи труда, замѣны правительствомъ нынѣшнихъ неорганизованныхъ промышленниковъ, непосредственно заинтересованныхъ въ результатахъ предпріятія" [1]). Жоресъ, напротивъ, полагаетъ, что не промышленная дѣятельность государства, а рабочее движеніе создаетъ „зародыши соціализма, разсѣянные на капиталистической почвѣ", „учрежденія, подготовляющія и намѣчающія будущее общество" [2]).

Итакъ, современной анархіи производства Пеккеръ противопоставляетъ государственную организацію всей экономической жизни. „Въ принципѣ, въ каждой странѣ долженъ быть только одинъ собственникъ, одинъ предприниматель, одинъ хозяинъ, одинъ капиталистъ-заимодавецъ, одно кредитное учрежденіе, а именно—государство, народъ, въ лицѣ своихъ представителей. Каждый производитель, каждый торговецъ, каждый держатель обрабатываемыхъ матеріаловъ долженъ быть должностнымъ лицомъ національной ассоціаціи". Все производство и распредѣленіе матеріальныхъ цѣнностей должно быть сосредоточено въ рукахъ государства. „Матеріальное и духовное существованіе общества можетъ быть обезпечено лишь постольку, поскольку въ немъ есть регулирующій центръ, который знаетъ всѣ потребности и всѣ средства ихъ удовлетворенія, который завѣдуетъ производствомъ всѣхъ полезностей, который располагаетъ этими полезностями, чтобы имѣть возможность распредѣлять ихъ по разнымъ мѣстностямъ въ достаточномъ количествѣ и въ нужное время для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія. Изолированные производители, свободные производить что хотятъ и

---

[1]) Ср. Fr. Vidal, „Projets, voies et moyens des réformes sociales", 1848, стр. 14—15.

[2]) „Etudes socialistes", 1902, стр. LXVII; „Congrès de Toulouse", 1908, стр. 340, 347.

сколько хотятъ, неизбѣжно должны производить безъ пользы, расточать матеріальныя блага и свое время. Они не могутъ знать ни размѣровъ общаго потребленія, ни количества продуктовъ, произведеннаго ихъ конкуррентами. Въ принципѣ производители не должны имѣть права ни рѣшать самостоятельно, какого характера, какого качества, какое количество продуктовъ они произведутъ, ни въ какое время, съ какими людьми они ихъ будутъ производить, ни располагать этими продуктами, ни забирать сырые матеріалы, гдѣ пожелаютъ, ни, наконецъ, производить обмѣнъ продуктовъ, произведенныхъ ими". Все это должна рѣшать, всѣмъ этимъ должна завѣдывать центральная правительственная власть.

Въ этой системѣ огосударствленной промышленности нѣтъ мѣста самодѣятельности рабочихъ — нѣтъ мѣста ни коопераціямъ, ни профессіональнымъ союзамъ, ни экономическимъ предпріятіямъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Государственный соціализмъ знаетъ только одну организацію: государство. Очевидно, эта система представляетъ собою обобщеніе, распространеніе на всю область народнаго хозяйства тѣхъ производственныхъ отношеній, которыя наблюдаются въ принадлежащихъ государству промышленныхъ предпріятіяхъ. Конечно, превращеніе капиталистическихъ государственныхъ предпріятій въ соціалистическую организацію всего общественнаго производства предполагаетъ радикальное измѣненіе соціальной сущности государства: изъ орудія господства класса буржуазіи оно должно превратиться въ слугу трудящихся массъ. Но это уже вопросъ политики. Демократизація государственнаго устройства является, по этой концепціи, гранью, отдѣляющею государственный соціализмъ отъ государственнаго капитализма. Разъ эта грань перейдена, соціализація производства совершается путемъ концентраціи въ рукахъ государства всѣхъ средствъ матеріальнаго производства, путемъ экспропріаціи современныхъ собственниковъ, съ вознагражденіемъ или безъ него. Пеккеръ первый, среди французскихъ соціалистовъ, является сторонникомъ этого способа развитія коллективной собственности. До него соціалисты требовали лишь уничтоженія права наслѣдованія, напр. Бабёфъ и Базаръ; Бабёфъ допускалъ принудительную экспропріацію лишь въ томъ случаѣ, если собственникъ не обрабатываетъ свои земли. Напротивъ, самая идея государственнаго соціализма принадлежитъ не Пеккеру, а Базару [1]. Пеккеръ лишь развилъ въ

[1] См. „Exposition de la doctrine Saint-Simonienne", изд. 1854 г., стр. 139, 338—9.

стройную систему идеи, высказанныя впервые Базаромъ. Огосударствленіе всей промышленной дѣятельности общества превращаетъ всѣхъ предпринимателей и рабочихъ въ должностныхъ лицъ государства. „Всякое положеніе,—говоритъ Пеккеръ,—всякое мѣсто, всякое ремесло, всякая профессія, всякая служба, всякое промышленное, торговое, земледѣльческое, домашнее, научное или артистическое занятіе, словомъ, всякій видъ соціальной дѣятельности долженъ разсматриваться какъ общественная функція. Всякая функція предполагаетъ полезный или производительный для общества трудъ. Каждый гражданинъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ быть чиновникомъ: въ націи должны быть только должностныя лица или работники, уполномоченные производить какую-либо общественную полезность. Ни одна функція, ни одна должность не должна быть ни наслѣдственной, ни пожизненной. Другими словами, всѣ чиновники смѣняемы. Должностное лицо, къ какому бы разряду функцій оно ни принадлежало, не должно имѣть никакого права собственности на инструменты, относящіеся къ его дѣятельности". Такимъ образомъ, всѣ члены общества должны находиться на службѣ у правительства. „Подобно тому, какъ законодатель не имѣетъ права продавать законы, имъ издаваемые; какъ судья не имѣетъ права продавать въ свою пользу свои приговоры, т.-е. общественныя полезности, вытекающія изъ его функціи; какъ священникъ не можетъ продавать религіозныя чувства и моральныя правила, которыя онъ прививаетъ молодежи; какъ генералъ и его солдаты не продаютъ одерживаемыя ими побѣды и дѣлаемыя ими завоеванія; какъ полиція не продаетъ проступки и преступленія, ею предупреждаемые или открываемые—точно также и земледѣлецъ, ставъ должностнымъ лицомъ государства, не будетъ имѣть права продавать въ свою пользу продукты земли, которую онъ обрабатываетъ; должностное лицо или чиновникъ, занятый въ обрабатывающей промышленности,—продукты, получаемые имъ путемъ обработки сырыхъ матеріаловъ, которые онъ преобразуетъ своимъ трудомъ и своимъ разумомъ; торговецъ-чиновникъ—полезности или сырые матеріалы, которые онъ уполномоченъ перевезти изъ одного мѣста въ другое. Природа полезностей—матеріальныхъ у однихъ, духовныхъ у другихъ—не мѣняетъ сущности дѣла. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ это функціи и полезности, одинаково необходимыя для существованія національной общины". Всѣмъ матеріальнымъ производствомъ управляетъ „центральная власть, судья, который регулируетъ все и постановляетъ, по мѣрѣ надобности, какія потребности и въ какой

степени будутъ удовлетворяться. Дабы дать власти основанія для ея постановленій, каждый гражданинъ долженъ будетъ представлять округу или центру, къ которому онъ принадлежитъ, каждый округъ—высшему округу и, въ послѣднемъ счетѣ, національному центру, списокъ своихъ потребностей на каждый годъ и на каждое время года". Производство, слѣдовательно, будетъ планомѣрно организовано государственною властью. Напротивъ, въ потребленіи своего заработка каждый будетъ совершенно свободенъ; каждый „будетъ свободенъ потреблять въ мѣру своихъ заработковъ, ускорять или сокращать свое потребленіе и свои расходы, словомъ—каждый будетъ имѣть возможность накоплять, сберегать для болѣе или менѣе близкаго будущаго, чтобы доставить себѣ отдыхъ или удовольствіе, дѣлать подарки, предпринимать путешествія, организовывать праздники, развлеченія и т. д.".

Эта свобода или индивидуализація потребленія является одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ соціалистическихъ системъ XIX в., ассоціативнаго и государственнаго соціализма, отличающею ихъ отъ коммунистическихъ системъ XVI—XVIII вв. и даже XIX в. Коммунистическій соціализмъ, дитя средневѣковаго строя жизни, отрицавшаго право личности на самоопредѣленіе, характеризуется полнымъ поглощеніемъ личности общиною, государствомъ. Въ немъ нѣтъ мѣста ни индивидуальнымъ вкусамъ, ни индивидуальнымъ дарованіямъ. Однообразіе, шаблонъ царятъ и въ производствѣ, и въ потребленіи. Развитіе крупной промышленности и капитализма въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX ст., развивъ производительныя силы общества, уничтожило стаціонарный характеръ производства и традиціонный—потребленія, убило общинное равенство и однообразіе, открыло просторъ развитію личныхъ дарованій и вкусовъ, создало соціальный индивидуализмъ новаго времени. Этимъ индивидуализмомъ, въ противоположность коммунизму, проникнуты и соціалистическія системы XIX в., порожденныя развитіемъ капитализма.

Отношенія распредѣленія, по концепціи государственнаго соціализма, регулируются слѣдующимъ принципомъ: „каждый гражданинъ имѣетъ право на трудъ и, слѣдовательно, право на существованіе и на общественную должность. Каждый человѣкъ, въ качествѣ моральнаго существа, имѣетъ право на существованіе безъ труда—въ дѣтствѣ, въ старости, въ случаѣ болѣзни, немощи или неспособности къ труду". Всѣ члены общества дѣлятся, слѣдовательно, на двѣ категоріи: трудоспособные имѣютъ право на трудъ и заработокъ, неспособные къ труду—право на общественное содержаніе. Заработокъ лицъ трудоспособныхъ опре-

дѣляется количествомъ затраченныхъ ими трудовыхъ единицъ. „Трудящіеся имѣютъ право—говоритъ Пеккеръ—на равную заработную плату. И въ самомъ дѣлѣ, моя работа стоитъ столько же, сколько твоя—ни больше, ни меньше, ибо моя личность равна твоей, ибо передъ Богомъ, передъ обществомъ, передъ собою самимъ, я стòю столько же, сколько и ты. Поэтому, если я работаю столько же часовъ, сколько и ты, я имѣю право на ту же заработную плату, что и ты, на удовлетвореніе моихъ потребностей, равное удовлетворенію твоихъ. Не говорите, что вещь, сработанная болѣе талантливо, вамъ больше нравится и имѣетъ безконечно большую цѣнность для другихъ: что мнѣ до того, какую цѣнность представляетъ она въ вашихъ глазахъ—вопросъ лишь въ томъ, какую цѣнность я въ нее вложилъ. И вотъ, я знаю, что я положилъ на эту вещь столько же пота и утомленія, сколько и ты, и что я равенъ тебѣ; и оба мы знаемъ, что соціальныя отношенія между тобою и мною могутъ опредѣляться лишь согласно самому строгому равенству... Принципъ, позволяющій приписывать продуктамъ неравную цѣнность или, точнѣе, давать неравное вознагражденіе за продукты неравнаго совершенства, потребовавшіе, однако, одинаковаго количества труда, непосредственно вытекаетъ изъ догмы неравенства или низшей природы нѣкоторыхъ расъ: это—языческая традиція, т.-е. традиція народовъ, дѣлившихся на касты и имѣвшихъ рабовъ. Отвергайте же, свободные народы, отвергайте всякій законъ, имѣющій это происхожденіе“. Въ разныхъ отросляхъ производства трудъ требуется различной напряженности. Поэтому, при равной заработной платѣ, рабочій день въ различныхъ профессіяхъ долженъ быть различной длины. Въ каждомъ занятіи будетъ опредѣлено число часовъ, „которое работники средней силы въ каждомъ родѣ труда могутъ, также въ среднемъ, быть занимаемы ежедневно на данной работѣ, безъ ущерба для ихъ здоровья; затѣмъ будетъ установлено отношеніе равенства между опредѣленными такимъ способомъ единицами работы въ различныхъ категоріяхъ труда, и назначено для каждой изъ этихъ единицъ одно и то же вознагражденіе, совершенно одинаковое для всѣхъ,— и это окончательно опредѣлитъ относительную цѣнность разныхъ категорій труда или функцій... Лица, обладающія силой выше или ниже средняго уровня, будутъ имѣть при подобной оцѣнкѣ одни—выгоду, другіе—убытокъ, измѣряемые разстояніемъ, отдѣляющимъ ихъ способности или силы отъ установленнаго средняго уровня, ибо одни будутъ отдавать меньше времени и труда на исполненіе своей работы, другіе же, напротивъ, больше“.

Слѣдовательно, равная заработная плата за равный трудъ: болѣе способные работаютъ меньше часовъ въ день, но получаютъ ту же плату. Иначе, еслибы болѣе сильный, болѣе талантливый производилъ больше и, слѣдовательно, зарабатывалъ бы больше, мы вернулись бы опять къ экономическому неравенству, къ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. „Работники, работающіе быстрѣе другихъ, могутъ кончать свою ежедневную работу гораздо раньше, чѣмъ остальная масса рабочихъ, и отъ нихъ, однако, нельзя будетъ требовать сверхурочной работы; но точно такъ же и они, въ свою очередь, не будутъ имѣть права, по этой причинѣ, всегда и при всякомъ положеніи вещей производить сверхъ установленной нормы, съ цѣлью увеличить свой заработокъ. Эта возможность должна быть строго и совершенно воспрещена всякій разъ, когда она могла бы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ повредить той или иной профессіональной группѣ рабочихъ, что почти всегда будетъ имѣть мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждой отрасли производства ежегодно нужно только опредѣленное количество продуктовъ, чтобы удовлетворить потребности данной націи или всей вселенной. Чтобы заработная плата всѣхъ могла постоянно уравновѣшиваться или уравниваться, это количество подлежащихъ производству продуктовъ должно, въ принципѣ, быть равными частями распредѣлено между всѣми трудящимися—на каждый день, каждый мѣсяцъ и каждый годъ жизни гражданъ, ибо всѣ они имѣютъ одинаковое право на одинаковый трудъ. Поэтому, еслибы каждый имѣлъ право производить столько, сколько онъ можетъ въ одинъ день, въ одинъ мѣсяцъ или въ теченіе цѣлаго года, не считаясь съ суммой нуждъ потребленія и съ числомъ рабочихъ, участвующихъ въ общемъ производствѣ,—тогда тѣ, кто обладаетъ бо̀льшей силой, бо̀льшей ловкостью или большей скоростью въ трудѣ, вырабатывали бы болѣе высокую заработную плату въ ущербъ своимъ товарищамъ: весь избытокъ производства первыхъ былъ бы взятъ съ той части, которая первоначально предназначалась бы послѣднимъ. Равенство было бы, такимъ образомъ, нарушено, и весь строй былъ бы расшатанъ... Въ виду этого, никто не будетъ имѣть права производить сверхъ своей доли въ теченіе дня, мѣсяца или года. Все, что онъ сдѣлаетъ сверхъ этого, будетъ безплатно и будетъ зачтено въ равной долѣ всѣмъ его товарищамъ по работѣ“. Эта мысль объ ограниченіи права на трудъ заимствована Пеккеромъ у Прудона [1]); она представляетъ собою по-

---

[1]) Proudhon, „Qu'est-ce que la propriété?“, 1841, стр. 130—31.

пытку втиснуть коммунистическую идею абсолютнаго равенства въ систему, построенную на началахъ полной свободы личныхъ дарованій и личныхъ вкусовъ. Гдѣ трудъ является обязанностью, какъ въ коммунистическихъ системахъ, тамъ его регламентація необходима; но гдѣ трудъ—право, тамъ подобное регулированіе теряетъ смыслъ и представляетъ собою внутреннее противорѣчіе. Забота о предупрежденіи перепроизводства въ обществѣ съ планомѣрно-организованнымъ хозяйствомъ внушена, очевидно, кризисами перепроизводства, происходящими при современномъ, основанномъ на конкурренціи строѣ жизни. Но планомѣрная организація производства, хотя бы и не вполнѣ проведенная, совершенно исключаетъ возможность промышленныхъ кризисовъ. Къ тому же, и въ капиталистическомъ строѣ уклоненія отдѣльныхъ рабочихъ отъ средней нормы въ силѣ, ловкости и быстротѣ никоимъ образомъ не могутъ считаться одною изъ причинъ періодическихъ кризисовъ. Уклоненія отъ средней въ одну сторону всегда уравновѣшиваются уклоненіями въ другую сторону; каждый сильный и ловкій рабочій имѣетъ, по другую сторону средней линіи, соотвѣтствующаго ему слабаго и неумѣлаго рабочаго; все дѣло, слѣдовательно, въ правильномъ исчисленіи среднихъ величинъ. Вниманіе, удѣляемое Прудономъ и Пеккеромъ этому пустому вопросу объ ограниченіи и регулированіи права на трудъ въ цѣляхъ охраненія всеобщаго равенства, представляетъ собою любопытный примѣръ живучести традиціонныхъ идей и формулъ. Эта идея принадлежитъ до-капиталистической концепціи соціализма, коммунизму. Съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній производства коммунизмъ умеръ, уступивъ свое мѣсто ассоціативному и государственному соціализму. Однако, отдѣльныя его идеи и формулы, утративъ свои первоначальные смыслъ и содержаніе, продолжали по традиціи жить далѣе, какъ своего рода живыя ископаемыя въ новой идейной формаціи. Такіе чужеродные элементы, нарушая цѣльность соціалистическихъ системъ, чрезвычайно затрудняютъ проникновеніе въ ихъ сущность.

Итакъ, способные къ труду члены общества, по мысли Пеккера, будутъ имѣть равное право на трудъ. Кромѣ того, имъ будетъ обезпеченъ минимумъ средствъ существованія, исчисленный соотвѣтственно „обычной цѣнѣ основного гигіеническаго минимума; никакая должность не будетъ оплачиваться выше уровня этого минимума, прежде чѣмъ онъ не будетъ обезпеченъ всѣмъ гражданамъ общимъ достояніемъ національной ассоціаціи". Неспособные къ труду будутъ содержаться не на счетъ своихъ

способныхъ къ труду родственниковъ, а на счетъ государства. Къ этой категорiи относятся дѣти, старики, больные. Воспитанiе дѣтей будетъ или общественнымъ, или частнымъ, семейнымъ, но за счетъ государства. „Жена перестанетъ быть на иждивенiи своего мужа, поскольку дѣло касается средствъ ея существованiя, а дѣти обоего пола—на иждивенiи своихъ отцовъ и матерей въ отношенiи какъ содержанiя и воспитанiя, такъ и подготовки къ профессiи и будущей дѣятельности. Каждая брачная пара будетъ имѣть возможность сама заботиться на первыхъ порахъ о своихъ новорожденныхъ дѣтяхъ и даже продолжать, если она того пожелаетъ, воспитывать и содержать ихъ и руководить ими до возраста, установленнаго народнымъ собранiемъ; въ такомъ случаѣ ей будетъ выдаваться на каждаго ребенка опредѣленная сумма, или же она будетъ имѣть право на всѣ полезности, отпускаемыя на пропитанiе, содержанiе и гигiену ранняго дѣтства. Но въ принципѣ ассоцiацiя беретъ на себя обязанность давать всѣмъ дѣтямъ, безъ всякаго различiя, воспитанiе, работу, личное обезпеченiе, а впослѣдствiи — средства и условiя моральнаго, интеллектуальнаго и физическаго развитiя. Въ виду этого, въ каждой коммунѣ для родителей, которые этого пожелаютъ, будутъ устроены всѣ приспособленiя для содержанiя и ухода за новорожденными до установленнаго народнымъ собранiемъ возраста“. Что касается содержанiя стариковъ, утратившихъ трудоспособность, то получаемая ими пенсiя, по предположенiямъ Пеккера, должна находиться въ зависимости отъ высоты ихъ трудового заработка и числа лѣтъ участiя въ общественныхъ работахъ. „Съ доли каждаго въ годовомъ доходѣ ассоцiацiи будетъ взиматься извѣстная часть, и сумма назначаемой каждому пенсiи будетъ зависѣть отъ общей суммы взносовъ, выплаченныхъ имъ въ продолженiе его трудовой жизни“. Слѣдовательно, Пеккеръ придерживается, въ пенсiяхъ на дожитiе, принципа личныхъ счетовъ.

Такъ какъ въ соцiалистической системѣ Пеккера каждый членъ общества долженъ получать отъ общества опредѣленную заработную плату или содержанiе, и воленъ прiобрѣтать на эти средства любые продукты изъ государственныхъ складовъ, то, слѣдовательно, при огосударствленiи всей промышленности, сохраняется покупка продуктовъ частными лицами у государства; должны быть, слѣдовательно, и цѣны товаровъ — только не рыночныя, устанавливаемыя на рынкѣ двусторонней конкурренцiею продавцовъ и покупателей, а продажныя, установленныя хозяйственной администрацiей. Эта продажная цѣна должна опредѣляться главнымъ образомъ количествомъ труда или рабочей силы, затрачен-

нымъ на производство продукта. „Не желаніе или нужда сторонъ должны опредѣлять продажную или относительную цѣнность обмѣниваемыхъ полезностей, а трудъ, вложенный въ каждую изъ нихъ. Однако, такъ какъ спросъ на извѣстныя полезности можетъ безгранично превышать средства производства, и такъ какъ принципы равенства и свободы не позволяютъ отдавать какое-либо предпочтеніе однимъ любителямъ полезности, которой не хватитъ на всѣхъ, передъ другими, то регулирующимъ моментомъ, которымъ должно руководствоваться національное управленіе при распредѣленіи разныхъ полезностей этого рода, должно быть опредѣленіе продажной цѣны отношеніемъ спроса къ предложенію, производства—къ потребленію. Но здѣсь этотъ законъ обмѣна совершенно свободенъ отъ неудобствъ, свойственныхъ ему при свободномъ обмѣнѣ между частными лицами. Вся выгода, проистекающая изъ разности между издержками производства и реализованной продажною цѣной, идетъ въ настоящее время исключительно въ пользу одного изъ контрагентовъ, безъ всякаго вознагражденія другого. Отсюда—внезапныя раззоренія однихъ, внезапныя обогащенія другихъ. При національной организаціи обмѣна, напротивъ, вся прибыль, реализованная благодаря этой искусственной прибавочной цѣнности, или вся потеря, вызванная пониженіемъ цѣнъ (въ случаѣ внезапнаго обезцѣненія какой-либо полезности, ранѣе произведенной въ предвидѣніи соотвѣтствующаго на нее спроса), распредѣляется поровну между всѣми членами общины". Правильное распредѣленіе этихъ относительно рѣдкихъ вещей, — количество которыхъ недостаточно для удовлетворенія всѣхъ желающихъ,—достижимо исключительно путемъ повышенія ихъ продажной цѣны выше ихъ трудовой цѣнности и, слѣдовательно, соотвѣтствующаго сокращенія спроса. „Отпускать все по цѣнѣ издержекъ производства невозможно, потому что превосходныя, но слишкомъ рѣдкія вещи немедленно спрашивались, расхватывались и потреблялись бы небольшимъ числомъ потребителей въ ущербъ большинству. Это было бы какъ въ театрахъ, гдѣ лучшія мѣста достаются пришедшимъ первыми,—что несправедливо". Другимъ необходимымъ отступленіемъ отъ трудовой цѣнности является не-включеніе въ продажную цѣну продуктовъ издержекъ по ихъ перевозкѣ. „Никто не можетъ быть закономѣрно наказуемъ обществомъ—говоритъ Пеккеръ—за то, что онъ живетъ въ одной части территоріи ассоціаціи, а не въ другой, разъ онъ тамъ поселился, чтобы выполнять какую-либо общественную функцію. А между тѣмъ къ этому-то и приводитъ на каждомъ шагу законъ свободнаго обмѣна и обу-

словливаемое имъ нормированіе продажной цѣны. Бордоское вино обходится дороже обитателямъ Лилля, чѣмъ жителямъ Бордо. Это—несправедливо. Въ будущемъ этого не будетъ: общія издержки ассоціаціи по транспорту будутъ распредѣляться между всѣми полезностями или, если угодно, между всѣми членами ассоціаціи, въ какой бы части территоріи они ни жили". Такимъ образомъ, и въ соціалистическомъ строѣ продажная цѣна товаровъ должна опредѣляться, съ одной стороны, не только трудовыми затратами, а съ другой — не всѣмъ затраченнымъ количествомъ труда.

Современное рабочее движеніе до сихъ поръ считаетъ идеальною цѣлью своихъ стремленій государственную организацію народнаго хозяйства, намѣченную Базаромъ и разработанную Пеккеромъ. Этому весьма способствовало отсутствіе у концепціи государственнаго соціализма (или, какъ ее обычно называютъ, коллективизма) классовой основы. Коммунистическій соціализмъ представляетъ собою идеалъ средневѣковаго крестьянина, ассоціативный соціализмъ—идеалъ ремесленника и крестьянина новаго времени; государственный соціализмъ, напротивъ, представляетъ собою идеализацію не тѣхъ или иныхъ формъ хозяйственной жизни опредѣленнаго общественнаго класса, а современныхъ государственныхъ предпріятій—учрежденій, лишенныхъ классовой основы и лишь эксплуатируемыхъ классовымъ государствомъ въ интересахъ господствующихъ классовъ. Разъ государство, путемъ политической реформы или революціи, утратитъ свой классовый характеръ, экономическая дѣятельность его перестанетъ носить капиталистически-предпринимательскій характеръ и можетъ превратиться въ форму соціализаціи народнаго хозяйства. Такой абстрактный—отвлеченный отъ классовой основы—характеръ учрежденій, идеализируемыхъ государственнымъ соціализмомъ, позволилъ современному рабочему движенію усвоить, подъ прямымъ вліяніемъ Маркса, этотъ соціалистическій идеалъ. Конечно, взгляды Маркса во многихъ пунктахъ расходятся съ воззрѣніями Пеккера; но основные принципы будущаго строя—именно организація всего народнаго хозяйства изъ единаго національнаго или интернаціональнаго центра,—у нихъ одни и тѣ же. Эта популярность основныхъ идей Пеккера въ современномъ рабочемъ движеніи представляетъ собою, по нашему мнѣнію, преходящее явленіе. Та самая особенность концепціи государственнаго соціализма, которая сдѣлала возможнымъ ея усвоеніе передовымъ пролетаріатомъ нашего времени,—ея внѣ-классовый характеръ,—дѣлаетъ неизбѣжнымъ, на болѣе высокой ступени раз-

витія пролетарскаго движенія и пролетарской мысли, отказъ отъ этой концепціи: соціалистическій идеалъ долженъ пріобрѣсти классовый характеръ. Въ какомъ направленіи будетъ развиваться далѣе соціалистическая мысль — показываютъ отчасти взгляды Жореса, который видитъ „зародыши соціализма" не въ государственныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, а въ современныхъ формахъ рабочаго движенія.

III.

Въ XVI—XVIII вв. соціалистамъ была чужда идея историческаго развитія; поэтому, они могли вѣрить во всесилье политической власти и ждали осуществленія соціализма или отъ просвѣщеннаго монарха, или отъ народнаго возстанія, которое передастъ политическую власть въ руки истинныхъ друзей народа. Послѣ великой французской революціи, обнаружившей безсиліе политической власти въ области соціально-экономическихъ отношеній, соціалисты, проникнувшись историческою точкою зрѣнія на ходъ соціальнаго развитія, начинаютъ поиски соціальныхъ силъ, дѣйствующихъ въ современномъ обществѣ и способныхъ преобразовать его, замѣнить капиталистическій строй общественныхъ отношеній соціалистическою организаціей народнаго хозяйства. Ассоціативные соціалисты видѣли подобную силу, стихійно увлекающую современное общество по пути къ соціализму, въ ассоціативномъ движеніи ремесленниковъ и крестьянъ. Опираясь на производительныя ассоціаціи, спонтанейно развивающіяся въ современномъ общественномъ строѣ, они хотѣли лишь „ускорить" своимъ вмѣшательствомъ ходъ соціальнаго развитія, „перепрыгнуть" черезъ ближайшія фазы общественнаго развитія, въ одно поколѣніе исполнить работу нѣсколькихъ столѣтій. Попытки ассоціативныхъ соціалистовъ въ этомъ направленіи кончились, однако, полной неудачей. Первые государственные соціалисты, Базаръ и Пеккеръ, считали подобною силою мирную пропаганду, которая сформируетъ общественное мнѣніе и съ его помощью принудитъ государственную власть осуществить реформу. Но вѣдь не всякую же идею можно съ успѣхомъ пропагандировать. Успѣхъ пропаганды показываетъ, что идея отвѣчаетъ жизненнымъ интересамъ вліятельныхъ соціально-политическихъ группъ. Поэтому, пропаганда сама по себѣ представляетъ столь же неудачное разрѣшеніе вопроса объ искомыхъ соціально-политическихъ силахъ общественнаго прогресса, какъ и надежды ассоціативныхъ соціалистовъ

на ускореніе развитія кооперативнаго движенія съ помощью меценатовъ, буржуазіи или государства. Творческою силою исторіи являются лишь реальные интересы различныхъ соціальныхъ группъ, борьба которыхъ опредѣляетъ направленіе и ходъ общественнаго развитія. Послѣдующіе государственные соціалисты, Бланки, Марксъ, Энгельсъ, Гэдъ, исходятъ именно изъ этой точки зрѣнія; они видятъ путь осуществленія соціализма въ борьбѣ классовъ и считаютъ пролетаріатъ тою соціальною силой, которая соціализируетъ общественный строй.

Придавая рѣшающее значеніе мирной пропагандѣ и организаціи общественнаго мнѣнія въ цѣляхъ воздѣйствія на государственную власть, Пеккеръ очень низко цѣнитъ различныя формы самодѣятельности рабочихъ. Исключеніе составляютъ лишь общества взаимопомощи, которыя необходимы ему для организаціи пособій утратившимъ трудоспособность членамъ общества. „Общества взаимной помощи, образовавшіяся за послѣднія тридцать лѣтъ, должны разсматриваться какъ весьма несовершенное еще выраженіе солидарности, которая установится впослѣдствіи между всѣми рабочими одной и той же профессіи, сходныхъ или подобныхъ отраслей сельскохозяйственной, фабричной и торговой промышленности". Съ теченіемъ времени эта несовершенная организація взаимной помощи уступитъ мѣсто болѣе совершенной, государственной формѣ взаимнаго страхованія. Повидимому, на Пеккера произвело сильное впечатлѣніе развитіе обществъ взаимопомощи въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и Голландіи въ первыя десятилѣтія XIX в. Какъ сторонникъ идеи солидарности „истинныхъ" интересовъ рабочихъ и предпринимателей, онъ совершенно равнодушенъ къ стачкамъ и профессіональнымъ союзамъ и ни словомъ не упоминаетъ о нихъ. Пеккеръ знакомъ съ сыроваренными и молочными товариществами, съ артелями рыболововъ и китолововъ, но не придаетъ имъ никакого соціальнаго значенія. Онъ такъ далеко идетъ въ своемъ равнодушіи къ соціальнымъ особенностямъ кооперативовъ, что отождествляетъ ассоціаціи съ капиталистическими акціонерными компаніями, хотя уже Фурье строго ихъ различалъ. Напротивъ, фабричное законодательство, какъ форму регулирующаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь, Пеккеръ ставитъ очень высоко. „Прекрасный примѣръ—говоритъ онъ—вполнѣ правомѣрнаго вмѣшательства государственной власти въ организацію труда былъ данъ Франціи два года тому назадъ Англіей и повторенъ совсѣмъ недавно Пруссіей. Законодатели въ этихъ странахъ положили, наконецъ, предѣлъ или внесли смягченіе въ

варварскій торгъ малолѣтними бѣлыми пролетаріями, ибо именно этимъ именемъ нужно назвать тяжкій трудъ, которому подвергали дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ; повидимому, извѣстные классы общества не могутъ чувствовать себя счастливыми, не поработивъ значительную часть себѣ подобныхъ, бѣлыхъ или черныхъ". Напомнимъ, что эта положительная оцѣнка фабричнаго законодательства дана Пеккеромъ въ концѣ 30-хъ годовъ.

Какъ соціалистъ, Пеккеръ придаетъ главное значеніе соціальнымъ преобразованіямъ, политическія же реформы считаетъ средствомъ для достиженія соціально-экономическихъ цѣлей. По его мнѣнію, „чтобы понять болѣе важное значеніе соціальнаго вопроса, достаточно принять во вниманіе, что люди гораздо больше живутъ въ семьѣ и въ мастерской, чѣмъ въ публичныхъ собраніяхъ, что они гораздо больше питаются нѣжными привязанностями и матеріальнымъ благополучіемъ, чѣмъ правами. Производить и потреблять, продавать и покупать—вотъ на что уходитъ три четверти жизни большинства людей. Регулируйте же прежде всего эти отношенія. Къ измѣненію характера политической власти слѣдуетъ стремиться главнымъ образомъ лишь въ цѣляхъ измѣненія соціальной среды. Но вѣдь ясно, что мы можемъ раздѣлить наши усилія и преслѣдовать двойную цѣль, что, борясь съ формой, мы одновременно должны вести борьбу и противъ сущности. Послѣдняя тактика является наиболѣе цѣлесообразной въ странѣ, гдѣ свобода слова, печати и мнѣній составляетъ уже прочное завоеваніе. Гласность, пропаганда, убѣжденія будутъ, конечно, болѣе медленно, но зато болѣе надежно содѣйствовать прогрессу идей и нравовъ. И еслибы всѣ эти усилія поддерживались содѣйствіемъ прогрессивной власти, то трудно выразить, какъ великъ, неминуемъ и скоръ былъ бы достигнутый результатъ. Какъ бы то ни было, до настоящаго времени гораздо больше занимались политическими реформами, чѣмъ экономическими улучшеніями. Наступило время заняться и послѣдними, не пренебрегая, однако, также вопросомъ о политическихъ формахъ и личностяхъ".

Еще болѣе опредѣленно высказывается Пеккеръ въ 1842 г.: „Вліятельные голоса—говоритъ онъ—совѣтовали направить всѣ усилія на осуществленіе избирательной реформы, вмѣсто того чтобы бороться за эту реформу одновременно съ реформой соціальной. Въ этомъ спорѣ необходимо прежде всего договориться относительно самой постановки вопроса. Избирательная реформа есть лишь средство, орудіе; реформа соціальная—цѣль, сущность. Орудіе реформъ—это власть, законодатель; сущность реформъ—

это права и обязанности, отношенія человѣка къ человѣку, какъ напр. законы объ отношеніяхъ между людьми, о вознагражденіи труда; наконецъ, это организація и механизмъ промышленности, науки, изящныхъ искусствъ и воспитанія". Слѣдовательно, реформа избирательнаго права является лишь средствомъ соціальнаго преобразованія, измѣненія соціальныхъ отношеній. Матеріальною силою, которая создастъ соціалистическій строй, Пеккеръ считаетъ государственную власть. Поэтому необходима опредѣленная организація этой власти—такая организація, которая сдѣлала бы ее орудіемъ соціальной реформы.

Въ противоположность всѣмъ предшествовавшимъ соціалистамъ, Пеккеръ рѣшительно высказывается за всеобщее избирательное право, какъ средство освобожденія пролетаріата отъ ига капитализма. Большинство французскихъ соціалистовъ смотрѣло весьма скептически на способность народныхъ массъ къ политической самодѣятельности. Одни изъ нихъ, считавшіе основнымъ факторомъ историческаго прогресса развитіе человѣческаго разума и знаній и видѣвшіе невѣжество трудящихся массъ, полагали, что эти необразованныя массы не могутъ быть творцами историческаго и соціальнаго развитія, неспособны къ соціальному творчеству. Таковы Сенъ-Симонъ, Сисмонди, Прудонъ до февральской революціи. Другіе—и ихъ подавляющее большинство—въ своемъ отрицаніи всеобщей подачи голосовъ исходили изъ представленія о развращающемъ вліяніи современнаго строя. По ихъ мнѣнію, народъ, воспитанный на отношеніяхъ экономическаго неравенства, неспособенъ уничтожить это неравенство и создать новый, совершенный общественный строй. Современный соціальный порядокъ порождаетъ нищету, невѣжество и деморализацію трудящихся классовъ; поэтому массы лишены творческихъ способностей, безсильны играть въ исторіи роль прогрессивнаго фактора. Этихъ взглядовъ держались Бабёфъ, Буонаротти, Консидеранъ, Прудонъ съ 1848 г. [1]), Дезами, Бланки. Пеккеръ первый изъ соціалистовъ призналъ за всеобщимъ избирательнымъ правомъ положительное значеніе. До него мы встрѣчаемъ лишь отдѣльные намеки на возможное соціальное значеніе политической самодѣятельности массъ. Такъ, Сисмонди выражалъ опасенія, что „просвѣщенная воля" собственниковъ можетъ преслѣдовать собственные эгоистическіе интересы, а не интересы общества въ цѣломъ. Буонаротти, по классовымъ соображе-

---

[1]) За исключеніемъ краткаго періода въ 1849—50 гг., когда онъ ждалъ отъ примѣненія всеобщаго избирательнаго права положительныхъ результатовъ.

ніямъ, высказывался въ 1830 г. за всеобщее избирательное право, потому что богачъ не можетъ защищать интересовъ бѣдняка; но онъ не видѣлъ во всеобщей подачѣ голосовъ силы, способной реформировать общественный строй. Пеккеръ идетъ несравненно дальше. Народъ можетъ принудить государственную власть защищать его интересы или путемъ возстанія и бунта, или путемъ законной и мирной подачи бюллетеня; весь вопросъ, по мнѣнію Пеккера, заключается въ выборѣ между этими двумя путями воздѣйствія на власть. Но та или другая форма воздѣйствія является необходимымъ условіемъ для защиты и осуществленія интересовъ народа законодательнымъ путемъ. Возражаютъ, что народъ „невѣжественъ и нищъ; но именно потому-то—отвѣчаетъ Пеккеръ—народъ и долженъ обладать избирательнымъ правомъ, что онъ бѣденъ и невѣжественъ, такъ какъ единственнымъ хотя нѣсколько надежнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ избавиться отъ невѣжества и нищеты является для него участіе въ народномъ представительствѣ, которое создаетъ учрежденія, обезпечивающія ему воспитаніе, образованіе, средства производства и справедливую долю въ продуктахъ труда... Все, что можно противопоставить участію народныхъ массъ въ выборахъ, это то, что онѣ пошлютъ въ палаты большинство, постояннымъ стремленіемъ котораго будетъ провести, наконецъ, законы, благопріятные большинству народа. Гдѣ же тутъ зло? Вы имѣете пріобрѣтенныя права; имъ нужно ихъ пріобрѣсти. Всѣ возраженія, которыя можно было бы сдѣлать противъ представительства пролетаріевъ, падаютъ передъ тѣмъ фактомъ, что масса, что народъ лишенъ представительства своихъ матеріальныхъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ интересовъ, что онъ не признанъ, забытъ законодательствомъ. Народъ будетъ имѣть свое представительство лишь тогда, когда онъ пошлетъ своихъ представителей наряду съ представителями бывшаго третьяго сословія, нынѣ всемогущаго и всѣхъ эксплуатирующаго". Пеккеръ, такимъ образомъ, не даетъ прямого отвѣта на возраженія противниковъ всеобщаго избирательнаго права, а лишь обходитъ ихъ: вопросъ не въ томъ, нужно ли народу это право, а въ способности народа, при его нищетѣ, невѣжествѣ и деморализаціи, надлежащимъ образомъ использовать всеобщую подачу голосовъ въ своихъ интересахъ. Указывая на возможное соціальное значеніе всеобщаго избирательнаго права, Пеккеръ, однако, вовсе не разсматриваетъ условія его примѣненія въ современномъ строѣ. Поэтому его взгляды на этотъ вопросъ носятъ въ значительной мѣрѣ отвлеченный, теоретическій характеръ.

Итакъ, неопредѣленная, туманная мысль Базара объ осуществленіи соціальныхъ реформъ правительствомъ пріобрѣла у Пеккера довольно ясныя, болѣе или менѣе опредѣленныя очертанія. Служеніе правительства интересамъ народа, а не имущихъ классовъ, обезпечивается введеніемъ всеобщаго избирательнаго права. Тогда соціальное преобразованіе совершится мирнымъ, не-революціоннымъ путемъ, безъ насилія и борьбы.

Въ области соціальныхъ отношеній этотъ мирный путь эволюціи, по мнѣнію Пеккера, тѣмъ болѣе необходимъ, что для созрѣванія соціальныхъ реформъ требуется много времени. „Поскольку это возможно,—говоритъ онъ,—необходимо, чтобы прогрессъ не совершался скачками. Ибо, чтобы улучшенія всякаго рода могли осуществляться и быть прочными, они должны проводиться послѣдовательно, съ благоразуміемъ и осмотрительностью. Часто окольные пути, едва даже замѣтные для прямолинейныхъ умовъ и узко и грубо понимаемыхъ интересовъ, скорѣе и успѣшнѣе ведутъ къ цѣли, чѣмъ рѣзкія, прямыя и открытыя дѣйствія. Къ тому же, время — необходимый элементъ соціальныхъ и психологическихъ перемѣнъ“.

Итакъ, всеобщее избирательное право позволитъ мирнымъ путемъ, безъ борьбы и насилія, осуществить соціальныя реформы. Но какъ достичь введенія всеобщаго избирательнаго права?

На этотъ вопросъ мы не найдемъ отвѣта у Пеккера. Въ вопросѣ о силахъ соціальнаго развитія онъ, признавъ способность трудящихся массъ къ соціальному творчеству, сдѣлалъ значительный шагъ впередъ по сравненію со своими предшественниками; однако, мы не находимъ у него законченной теоріи соціальной эволюціи, частнымъ случаемъ которой явится уничтоженіе современнаго строя общественныхъ отношеній и замѣна его соціалистическимъ режимомъ. Современная ему соціальная дѣйствительность не давала никакихъ указаній на силы, способныя трансформировать весь строй современной жизни.

Тѣмъ не менѣе, мы находимъ у Пеккера одно замѣчаніе, заключающее въ себѣ нѣкоторый намекъ на правильное разрѣшеніе этого вопроса. Съ распространеніемъ паровыхъ машинъ и фабричнаго производства рабочіе „получаютъ въ обширныхъ мастерскихъ предпріятій съ паровыми двигателями какъ бы мѣсто для свиданій... Вотъ они собраны по 100, 200, 400, 800 человѣкъ въ обширныхъ заведеніяхъ; отъ нихъ требуютъ точности въ исполненіи своихъ обязанностей, совершенства въ производствѣ работъ, единства дѣйствій и направленія, промышленной дисциплины и порядка, согласія, которыхъ и въ поминѣ нѣтъ въ

механизмѣ труда и производства нашего времени. Собранные, чтобы совмѣстно работать и встрѣчаться другъ съ другомъ на каждомъ шагу своей частной жизни, часто помѣщаясь въ одномъ зданіи или живя массами въ одной мѣстности, они тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ и въ своихъ страстяхъ" [1]). Изъ этого общенія выростаетъ коллективное сознаніе рабочихъ, ихъ коллективная воля. Появленіе этой новой соціальной силы ускоритъ развязку. „Не очевидно ли,—спрашиваетъ Пеккеръ,—что новое развитіе, данное промышленности всеобщимъ примѣненіемъ паровыхъ двигателей, скопленіе, съ каждымъ днемъ все болѣе многочисленное, трудящихся массъ въ одномъ предпріятіи и то моральное сближеніе, которое вызывается соприкосновеніемъ чувствъ, идей, страстей, лишь ускорятъ развязку—вызовутъ или ужасные безпорядки, или примиреніе, т.-е. какое-либо соглашеніе, которое обезпечитъ рабочему улучшеніе его участи"?

Мы видимъ, что Пеккеръ вплотную подошелъ къ вопросу о той соціальной силѣ, которая можетъ и должна насадить соціалистическій строй; но онъ такъ и остановился передъ этимъ вопросомъ, не найдя въ себѣ силъ не только разрѣшить его, но даже поставить. Намѣченныя здѣсь Пеккеромъ возможности были развиты впослѣдствіи въ стройную концепцію Марксомъ.

Не слѣдуетъ забывать, что насъ отдѣляютъ отъ Пеккера семьдесятъ лѣтъ соціальнаго развитія. Все современное рабочее движеніе во Франціи и вообще на континентѣ Европы сложилось и развилось уже послѣ Пеккера. Его соціалистическія теоріи принадлежатъ еще до-пролетарскому періоду въ развитіи соціалистической мысли. Тѣмъ не менѣе, многія идеи, впервые высказанныя Пеккеромъ или развитыя имъ, до сихъ поръ не утратили своего значенія, и многія страницы его трактатовъ все еще могутъ быть прочтены съ большимъ интересомъ.

С. Прокоповичъ.

---

[1]) „Des intérêts du commerce", I, стр. 272—3.

МОДЕРНИЗМЪ
ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ

I.

Пути и перепутья творчества.

Валерій Брюсовъ все болѣе и болѣе становится признаннымъ главою современнаго русскаго „модернизма". У него уже есть школа, къ нему относятся какъ къ „учителю". Онъ тѣмъ интереснѣе для литературно-критическаго анализа, что въ его поэзіи— множество напластованій, соотвѣтствующихъ разнымъ періодамъ его эстетическихъ исканій. Недаромъ онъ самъ двумъ первымъ сборникамъ своихъ стихотвореній далъ выразительное заглавіе: „Пути и перепутья".

Мы болѣе чѣмъ далеки отъ преклоненія передъ всѣми зигзагами скитаній современнаго модернизма и декадентства, которыя диктовала „затѣйливая мода", передъ его искусственностью и манерностью, часто заставляющими вспоминать слова одного изъ щедринскихъ персонажей: „Нѣтъ необходимости, другъ мой, столь вяще изломиться". Но мы равно далеки и отъ того огульнаго отрицанія, которымъ современное литературное старовѣрство встрѣчаетъ все исходящее изъ Назарета модернизма. И потому мы съ большимъ интересомъ присматривались и присматриваемся къ „путямъ и перепутьямъ" модернистскаго творчества вообще и творчества его вождя, Валерія Брюсова, въ частности.

Вслѣдъ за двумя томами „Путей и перепутій", въ печати были объявлены „Всѣ напѣвы" Брюсова. Пока эта книга не появлялась въ свѣтъ, казалось, что уже самымъ заглавіемъ ея поэтъ рѣзко противополагаетъ свое творчество послѣднихъ лѣтъ— исканіямъ и блужданіямъ прежняго времени. Казалось, что въ новомъ сборникѣ поэтъ предстанетъ передъ нами, какъ нѣчто устоявшееся, уравновѣшенное и въ то же время развернувшееся во всю величину своихъ силъ, владѣющій „всѣми напѣвами" своей лиры, въ то время какъ въ первыхъ сборникахъ онъ весь—въ броженіи, въ процессѣ роста, „im Werden", какъ говорятъ нѣмцы. Здѣсь—свободно и широко разлившееся озеро; тамъ—пробивающійся съ трудомъ изъ-подъ земли ручей, лишь медленно вбирающій въ себя растущія силы водной стихіи и прокладывающій себѣ свое русло...

Обѣщанный сборникъ вышелъ въ свѣтъ... Но самъ авторъ во̀-время замѣтилъ, что и по кругу тѣхъ темъ, которыя въ немъ затрагиваются, и по методу ихъ разработки „Всѣ напѣвы"—не разливъ во всю широту стихіи таланта, а только небольшой затонъ, въ которомъ онъ можетъ отдохнуть, чтобы двинуться въ новый путь, брать новыя преграды и прорывать новое, болѣе широкое русло — конечно, если ему не угрожаетъ опасность изсякнуть... И вотъ, Брюсовъ превращаетъ „Всѣ напѣвы" въ новый, третій томъ „Путей и перепутій". „Этимъ я хотѣлъ указать" — говоритъ онъ въ предисловіи,— „что во многомъ этотъ сборникъ завершаетъ мои прежнія начинанія, или, вѣрнѣе, что онъ лучше рѣшаетъ тѣ же задачи, за которыя, безъ достаточной подготовки, я брался и раньше". Не всѣ читатели согласятся съ этой сравнительной оцѣнкой, и, вѣроятно, не на одного меня новый сборникъ въ цѣломъ произвелъ болѣе блѣдное впечатлѣніе, чѣмъ, скажемъ, „Στέφανος" или „Urbi et Orbi". Во „Всѣхъ напѣвахъ" мелькнуло слишкомъ много *перепѣвовъ...* „Во всякомъ случаѣ" — продолжаетъ Брюсовъ, — „третій томъ я считаю *послѣднимъ* томомъ „Путей и перепутій". Эти „пути" пройдены мною до конца". Въ будущемъ поэту мечтаются совершенно новые горизонты, и въ нихъ „безконечное число задачъ, никѣмъ не рѣшенныхъ, темъ, почти никѣмъ не затронутыхъ, и средствъ совершенно неиспользованныхъ". Полный разливъ поэту рисуется весь въ будущемъ...

Критика уже отмѣчала, какою неувѣренностью, какимъ блужданіемъ ощупью запечатлѣны стихотворенія перваго періода творчества Брюсова. Многое въ нихъ было справедливо высмѣяно — и критикой, и, напримѣръ, остроумными пародіями

Вл. Соловьева. Въ нихъ много пробъ, много попытокъ въ такихъ направленіяхъ, которыя впослѣдствіи поэтомъ были оставлены. Мелькающіе передъ нимъ образы порою оказывались блуждающими болотными огоньками, грозящими завести въ трясину. Въ исканіи новыхъ аккордовъ часто слышались диссонансы. Въ жаждѣ избѣжать банальности терялось чувство мѣры.

Ты вновь со мной! ты—та же! та же!
Дай повторять слова любви...
Хохочутъ дьяволы на стражѣ
И аллебарды ихъ—въ крови!

—

Ходятъ, стоятъ, преклоняются ницъ
(Словно обычные люди!),
Рѣютъ рядами чудовищныхъ птицъ,
Лепечутъ привѣты и шепчутъ угрозы—
Предъ утромъ бродячія грезы!
О, дымъ на безжизненномъ прудѣ!
О, оклики демоновъ! ваши свистки, паровозы!

—

Члены пыткой злой обезсилены.
Я во прахѣ кровавомъ, какъ трупъ.
Выжидаютъ мгновенія филины,
Опустившись на ближній уступъ.

—

Какъ лица женщинъ въ синемъ свѣтѣ
Обнажены, углублены!
Взметайте яростныя плети
Надъ всѣми, дѣти Сатаны!

—

Свѣтъ озарилъ насъ и странно погасъ,
Сжались извивы объятій,
Стрѣлка часовъ обозначила „часъ“
На роковомъ циферблатѣ!

Но поэтъ неутомимъ въ исканіяхъ новой красоты, въ исканіяхъ болѣе совершенной формы. Онъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ.

Впередъ, мечта, мой вѣрный конь!
Неволей, если не охотой!
Я близъ тебя, мой кнутъ тяжелъ,
Я самъ тружусь, и ты работай!

Стихи Брюсова, если взять ихъ съ перваго періода, въ самомъ дѣлѣ носятъ слѣды упорной и требовательной къ себѣ работы. Только въ самомъ началѣ они отличаются непосредственной, юношеской увѣренностью и поспѣшностью, дышатъ вызовомъ установившимся формамъ, охотно щеголяютъ экстравагантностями. „Многое въ ней — пишетъ въ предисловіи самъ

авторъ о своей юношеской поэзіи — показалось мнѣ наивнымъ и невѣрнымъ, многіе пріемы творчества—безсильными и неудачными". То, что казалось раньше легкимъ — добыть „золотое руно" новой красоты—привело поэта къ длинному и трудному пути, на которомъ „все каменнѣй ступени, все круче, круче всходъ". Ядовитый скептицизмъ колебалъ прежнюю увѣренность и самонадѣянность. Но онъ же толкалъ впередъ. Претенціозность первыхъ попытокъ изглаживалась, творчество становилось болѣе твердымъ и увѣреннымъ. Озираясь на зигзаги пройденнаго пути, на его восходящія ступени, поэтъ уже можетъ спокойно и раздумчиво спросить себя: „ужель въ быломъ ступала на всѣ нога моя?" Прежній путь вспоминается лишь „какъ въ полуснѣ недавній день..."

Мы были дерзки, были дѣти,
Намъ все казалось въ яркомъ свѣтѣ...
Теперь кругомъ и тишь, и тѣнь.
Далеко первая ступень —
Пять бѣглыхъ лѣтъ, какъ пять столѣтій!

Метаморфоза, пережитая Брюсовымъ, дѣйствительно велика. „Еслибы захотѣлъ я выбрать изъ всего, напечатаннаго мною въ стихахъ за первыя десять лѣтъ литературной работы только то, что теперь удовлетворяетъ мой художественный вкусъ, мнѣ пришлось бы ограничиться небольшой книжкой въ 10—20 страницъ",—сознается онъ самъ. И, въ виду этого, невѣрной нотою, напрасной данью прошлому звучатъ продиктованныя самолюбіемъ слова поэта: „Менѣе всего пришлось мнѣ руководиться указаніями критики, такъ какъ она—какъ всѣмъ еще памятно—при появленіи моихъ первыхъ стиховъ твердила одно: что она ихъ не понимаетъ". Послѣ того какъ онъ самъ исключилъ изъ сборника своихъ стиховъ такія вещи, которыхъ „не понимала" критика, въ родѣ пресловутыхъ „Тѣнь несозданныхъ созданій", „О, закрой свои блѣдныя ноги" и т. п.; послѣ того, какъ въ редактируемыхъ Брюсовымъ „Вѣсахъ" стали подвергаться суровому и безпощадному осмѣянію декадентскія кривлянія многихъ молодыхъ поэтовъ, въ сущности идущихъ на тѣ же „перепутья", на которыя когда-то ступала и нога самого Брюсова; послѣ того, какъ Валерій Брюсовъ, вернувшись во многомъ къ Пушкину, къ его классической естественности и простотѣ, и обновивъ ее вновь найденными красками и формами, сталъ всѣми признаннымъ крупнымъ поэтомъ — это запоздалое сведеніе счетовъ съ прежнею критикой отдаетъ ненужной мелочностью. Но съ подобными невѣрными нотами мы у автора еще встрѣтимся...

Форма не далась Валерію Брюсову разомъ. Въ процессѣ упорной борьбы выработалъ онъ тотъ чеканный стихъ, который составляетъ силу и прелесть лучшихъ его стихотвореній. Въ этомъ отношеніи—да и не только въ этомъ—онъ представляетъ прямую противоположность своему „другу и брату“, К. Бальмонту. Тотъ — баловень Музы. Его стихи и риѳмы льются легко — порою слишкомъ легко, — какъ изъ переполненнаго сосуда. Но балованныя дѣти слишкомъ часто бываютъ небрежны. Переливающійся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, искрометный, вѣчно и неустанно бьющій фонтанъ поэзіи Бальмонта—увы! все больше и больше заставляетъ опасаться за будущее его необыкновенной плодовитости. Все чаще начинаютъ чувствоваться въ его стихахъ повторенія, все чаще встрѣчаются поблѣднѣвшія копіи прежнихъ яркихъ оригиналовъ. Угрозой встаетъ перспектива упадка творчества. Возьмемъ хотя бы послѣдніе сборники стихотвореній Бальмонта, гдѣ, какъ въ „Жаръ-Птицѣ“, онъ опускается въ непочатые родники народной поэзіи и перерабатываетъ ея мотивы въ звучные, цвѣтистые чисто бальмонтовскіе стихи. Нѣтъ спора, и здѣсь Бальмонтъ даетъ иногда настоящіе перлы, усвоивая, претворяя идею и смыслъ народнаго мотива въ самостоятельный и стильный образъ. Но на каждое изъ такихъ удавшихся произведеній наберется всегда добрый десятокъ такихъ, изъ которыхъ лишь видно, какъ легко „набившему руку“ поэту написать переложеніе, даже стихотворный подстрочный переводъ съ народнаго языка на бальмонтовскій. И такіе, не претворенные, а лишь переведенные и переложенные темы и образы народной поэзіи, утратившіе всю прелесть непосредственности, принаряженные въ стилѣ moderne, невольно заставляютъ вспомнить крылатыя слова Шекспира о людяхъ, имѣющихъ несчастную слабость

Расписывать цвѣтъ лиліи прелестной,
И золото скрывать подъ позолотой,
И ароматомъ окроплять фіалку,
И ледъ лощить, и къ радуги цвѣтамъ
Цвѣтъ прибавлять, и ясный неба сводъ
Огнемъ свѣчей надѣяться украсить, —
Пустая роскошь, трудъ, достойный смѣха!

Еще неудачнѣе въ этомъ отношеніи послѣдняя книжка Бальмонта: „Зовы древности“...

Недостатокъ *значительнаго содержанія* въ стихахъ Бальмонта заставляетъ ихъ нерѣдко скользить мимо читателя, не задѣвая его глубоко и лишь слегка лаская слухъ то чистымъ пе-

резвономъ серебряныхъ колокольчиковъ, то звучно-бархатнымъ кимвальнымъ бряцаніемъ, то пѣвучестью нѣжныхъ струнъ... Совершенно иное—въ стихахъ Брюсова. Послѣдняго скорѣе можно обвинять иногда въ холодномъ резонерствѣ: такъ много у него обдуманности, такъ все взвѣшено, такъ значителенъ замыселъ, такъ пригнана къ содержанію форма, такъ строгъ и отчетливъ кованый стихъ. Въ одномъ изъ стихотвореній, посвященныхъ Бальмонту, Брюсовъ самъ проводитъ между нимъ и собою эту параллель. Вѣчно вольный и вѣчно юный, какъ весна, безотчетный, какъ ласкающій все кругомъ себя вѣтерокъ—вотъ образъ Бальмонта, которому нашъ авторъ желаетъ только еще больше этой элементарной стихійности: „будь покоренъ, будь безпеченъ, будь подобенъ облакамъ",—этимъ легкимъ, перистымъ облакамъ, для которыхъ „все равно, куда ихъ двинетъ вѣтеръ, вѣющій кругомъ"; „будь же тучкой безполезной, какъ она, лови закатъ" и т. д. Въ этой чертѣ Брюсовъ видитъ преимущество Бальмонта, какъ поэта, надъ собою и всѣми другими: „дара высшаго не требуй, дара высшаго и нѣтъ". На первый взглядъ даже можетъ закрасться подозрѣніе—не скрыто ли здѣсь немного вольной или невольной ироніи. Но нѣтъ, такое впечатлѣніе ошибочно. Настроеніе Брюсова искренно и цѣлостно.

Ты не нашъ—ты только Божій.
Мы—весь годъ, ты—краткій май.
Будь единый, непохожій,
Нашей силы не желай.

Не ищи, гдѣ жаждетъ поле,
На раздумья сновъ не трать.
Намъ забота. Ты на волѣ!
На тебѣ ея печать!

Можетъ—наши сны глубоки,
Голосъ нашъ—вѣкамъ завѣтъ.
Какъ и ты, мы одиноки,
Мы—пророки... Ты—поэтъ!

И здѣсь, и дальше у Брюсова вырываются ноты глубокаго, искренняго преклоненія передъ талантомъ Бальмонта, признаніе его первенства: „намъ къ тебѣ не досягнуть"... Помните ли вы пушкинскаго Сальери, который „провѣрилъ алгеброй гармонію" и съ бою, упорными трудами, вырвалъ у своей богини-Музыки нѣкоторые изъ ея секретовъ — рядомъ съ болѣе счастливымъ избранникомъ капризной богини, съ „гулякой празднымъ", геніальнымъ Моцартомъ? Въ приведенныхъ стихахъ Брюсовъ какъ

будто устанавливаетъ между своимъ и бальмонтовскимъ талантомъ то же разстояніе, которое отдѣляло Сальери отъ Моцарта...

Но если въ первые годы, годы смутныхъ исканій Брюсова, годы, когда онъ еще далеко не нашелъ самого себя, эта параллель могла походить на правду, то теперь — не то. Тогда Брюсовъ былъ на распутьѣ, тогда его не созрѣвшій, не успѣвшій развернуться талантъ искалъ образцовъ; тогда Бальмонтъ имѣлъ на него большое вліяніе, а „своего пути“ у поэта еще не было. Тогда не онъ владѣлъ „новою красотою“, раскрывшейся ему въ мірѣ смѣлыхъ откровеній символизма и особой музыки слова, особыхъ своеобразныхъ звуковыхъ сочетаній, составляющихъ тайну новаго стихотворнаго импрессіонизма; нѣтъ, онъ самъ „былъ владѣемъ“ предчувствіемъ новой красоты, и со всѣмъ пыломъ литературнаго бунтарства поднималъ знамя „декадентской“ поэзіи, щеголяя всѣми ея крайностями, „на зло“ старымъ, къ тому времени порядочно застоявшимся поэтическимъ традиціямъ. Но въ то время какъ Бальмонтъ шелъ разъ выбранною дорогою все дальше и дальше, развивъ въ себѣ своеобразную манерность настолько, что она, повидимому, стала его второю природою и обратиться къ простотѣ и естественности теперь для него значило бы „ломаться“ и быть неестественнымъ — Брюсовъ своротилъ на другой путь и постепенно отдѣлялся отъ своихъ собратій по оружію. Уже довольно рано — еще до „Tertia Vigilia“ — онъ подпалъ подъ вліяніе тонкой пѣвучести Тютчева, у котораго, правда, многіе штрихи являются какъ бы предвосхищеніемъ или зародышевой формой методовъ современнаго символизма; но образецъ Тютчева показалъ ему, что возможенъ синтезъ того, что мы въ русской поэзіи назвали бы пушкинскимъ классицизмомъ, съ „модернистскими“ вѣяніями Запада. Этотъ синтезъ былъ труденъ. Онъ требовалъ гораздо болѣе серьезной и упорной работы, чѣмъ направленіе, предрѣшенное капризной прихотливостью Бальмонта. Вотъ почему образъ Сальери здѣсь не годится, вотъ почему въ особомъ характерѣ брюсовской работы смѣшно было бы видѣть элементъ ремесленности, противорѣчащій свободному полету генія. Да и вообще исторія происхожденія лучшихъ, классическихъ произведеній нашихъ величайшихъ поэтовъ показываетъ намъ, что есть доля правды и въ извѣстномъ парадоксѣ: „геній есть терпѣніе“. Такой мастеръ стиха, какъ Бодлэръ, въ своемъ обычномъ, наполовину ироническомъ, наполовину серьезномъ тонѣ говорилъ: „Il sera toujours utile de faire voir aux gens du monde quel labeur exige cet objet de luxe qu'on nomme poésie“. Наиболѣе плавными, легко и свободно льющимися обычно кажутся тѣ

стихи, на обработку и переправку которыхъ было затрачено всего болѣе труда. Отсюда и другой крылатый парадоксъ Бодлэра: „вдохновеніе есть долгая и непрерывная гимнастика"... Какъ всѣ парадоксы, и этотъ заключаетъ въ себѣ частичную истину, которой лишь придана, для большей выпуклости, универсальная, всеобъемлющая форма.

Какъ бы кто ни относился къ „модернистскому" теченію въ поэзіи, странно было бы отрицать, что оно несетъ съ собою опредѣленныя пріобрѣтенія, завоеванія въ области пріемовъ творчества. Даже такой заклятый врагъ декадентства, какъ Гюйо, говоритъ: „Именно для того, чтобы создать иллюзію, скрывающую пустоту содержанія, декаденты доводятъ до самой крайней степени обработку формы" [1]. Нужно быть крайнимъ литературнымъ старовѣромъ, оскопляющимъ всѣ порывы къ новому, чтобы не замѣтить той красивой изысканности, печатью которой отмѣчены творенія модернистовъ, той утонченности въ исканіи нюансовъ, оттѣнковъ, порою почти неуловимыхъ намековъ для выраженія наименѣе поддающихся осязанію и взвѣшиванью, наиболѣе смутныхъ или сложныхъ душевныхъ переживаній. Въ поэзіи есть мѣсто даже для того гипертрофированнаго стремленія ко всему, что носитъ на себѣ очарованіе недосказанности, намека, дышащаго тайной неяснаго силуэта, которое такъ хорошо выражено у Верлена:

De la musique avant toute chose,
Et pour cela préfère l'impair
Plus vague et plus soluble dans l'air,
Sans rien en lui qui pèse ou qui pose.

Il faut aussi que tu n'ailles point
Choisir tes mots sans quelque méprise:
Rien de plus cher que la chanson grise
Où l'indécis au précis se joint...

Car nous voulons la nuance encor,
Pas la couleur, rien que la nuance!
Oh! la nuance seule fiance
Le rêve au rêve et la flûte au cor...

Само собою разумѣется, что и здѣсь, какъ во всемъ, можно дойти до уродливыхъ крайностей и средство превратить въ цѣль. Поскольку въ глубинахъ нашей души, въ нашихъ интимнѣйшихъ переживаніяхъ существуютъ, дѣйствительно, почти неуловимые

---

[1]) Guyau, „L'art au point de vue sociologique", Парижъ, 1897, стр. 362.

„нюансы“, которымъ болѣе отвѣчаетъ музыка, своею непередаваемою въ отчетливыхъ словахъ мелодичностью и гармоніей, постольку законны и попытки создать специальную музыку стиха, которая подборомъ звуковъ дополняетъ значеніе словъ и даетъ то недостающее, чего тщетно пытались бы мы достигнуть работой надъ идейнымъ содержаніемъ стихотворенія. Обработка формы съ этой специальной стороны, стремленіе одною ею, одною звуковою стороной стиха создать извѣстное настроеніе, достаточно тонкое и даже неопредѣленное — болѣе чѣмъ законно въ поэзіи. И только тогда, когда опредѣленное и ясное намѣренно дѣлаютъ неяснымъ и загадочнымъ, когда присущій самой природѣ поэзіи „символизмъ“ вырождается въ искусственный и туманный *аллегоризмъ*, когда вмѣсто стиховъ намъ подносятъ гіероглифы, которые нужно расшифровывать и для пониманія которыхъ потребовались бы особые комментаріи — только тогда мы выступаемъ противъ этого, какъ противъ проявленія литературнаго декаданса. Изобразительная сила поэта должна дѣлать его творенія доступными всѣмъ, способнымъ чувствовать прекрасное. Пусть въ нихъ, какъ въ ихъ великой матери — природѣ, одни будутъ цѣнить легко осязаемыя красоты, другіе, избранные, будутъ находить красоты болѣе тонкія, улавливать смыслъ болѣе глубокій; но поэзія вырождается, когда она въ цѣломъ дѣлается понятной только узкому кружку посвященныхъ и недоступной остальному міру. Намѣренная „неуловимость“ и загадочность требуютъ труда расшифровки, нарушающей цѣлостность и непосредственность художественнаго впечатлѣнія.

Итакъ, менѣе всего склонны мы чуждаться новшествъ и осуждать попытки найти неиспробованные пути для произведенія художественнаго впечатлѣнія. Въ области поэзіи, какъ и въ жизни, мы готовы привѣтствовать всякое дѣйствительно обновляющее начало. Человѣческая психика находится въ процессѣ непрестаннаго развитія. Старыя слова, старые пріемы все менѣе и менѣе способны проникать до тѣхъ глубинъ души, гдѣ становится „холоденъ и жалокъ бѣдный нашъ языкъ“. Да, недаромъ сказано, что „нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова“. Еще Тютчевъ съ глубокой, раздумчивой меланхоліей спрашивалъ: „Какъ сердцу высказать себя? Другому какъ понять тебя?“ Въ самыхъ интимныхъ уголкахъ нашей души, гдѣ все въ вѣчномъ движеніи, гдѣ „количество“ медленно и незамѣтно „переходитъ въ качество“, гдѣ опредѣленные, легко схватываемые словомъ результаты даются безконечнымъ переходомъ, превращеніемъ

цѣлой гаммы оттѣнковъ, гдѣ комбинаціи душевныхъ элементовъ безконечно сложны и безконечно разнообразны — мыслимо ли иначе, какъ частично и несовершенно, дать понятіе о своемъ внутреннемъ мірѣ, во всей индивидуальной цѣлостности и живомъ своеобразіи его аккордовъ? „Мысль изреченная есть ложь" — съ глубокою тоскою заключалъ Тютчевъ. Только чуткость воспринимающаго порою можетъ одолѣть эту „ложь" и по словамъ, какъ по грубымъ вѣхамъ, найти дорогу въ святое святыхъ переживаній. И это несоотвѣтствіе между мыслью, переживаніемъ и словеснымъ выраженіемъ есть вѣчный стимулъ къ развитію, усовершенствованію нашей способности передавать другимъ свои настроенія, заражать ими другихъ. А искусство, поэзія — одни изъ самыхъ сильныхъ средствъ такого психическаго зараженія, умѣнья „заставить сердца вибрировать по симпатіи такъ же, какъ вибрируютъ инструменты или голоса" (Фулье).

И въ этомъ—огромное соціальное значеніе поэзіи, значеніе, присущее ей по самой ея природѣ, а не сообщенное извнѣ, какъ посторонняя цѣль, которой поэзія должна „подчиниться". Этимъ свойствомъ своей внутренней сущности поэзія проникаетъ въ заповѣдную область чувствованій, въ область, которая казалась исключительнымъ достояніемъ индивидуальности, царствомъ самаго полнаго и абсолютнаго субъективизма. Здѣсь она прививаетъ одному добытое другимъ; здѣсь она вырываетъ личность изъ узкихъ рамокъ ея замкнутаго бытія и ставитъ въ соприкосновеніе ея интимный міръ съ интимнымъ міромъ другихъ людей, обогащаетъ ограниченный эмоціональный кругозоръ одного данными болѣе богатаго, болѣе разнообразнаго эмоціональнаго кругозора другого человѣка — а этому другому даетъ огромное удовлетвореніе: удовлетвореніе творчествомъ.

Довольно, довольно! я васъ покидаю! берите и сны, и слова!
Я къ новому раю спѣшу, убѣгаю, мечта неизмѣнно жива!
Я создалъ, и отдалъ, и поднялъ я молотъ, чтобъ снова сначала ковать,
Я счастливъ и силенъ, свободенъ и молодъ, творю, чтобы кинуть опять!

Подобно тому, какъ внутренняя сущность *науки* есть соціализація *истины мышленія*, подобно тому, какъ смыслъ *морали* заключается въ соціализаціи *воли* — сущность, природа *искусства* заключается въ соціализаціи *чувствованій, переживаній*. И потому искусство имѣетъ свою особую, независимую область, подчиняющуюся своимъ особымъ нормамъ и законамъ. Его міръ есть міръ красокъ, звуковъ, образовъ. Умѣнье тонко ощущать, съ неоскудѣвающей свѣжестью чувствованій схватывать

въ обычномъ, всѣми видимомъ нѣчто новое, цѣлостное, гармоничное, скрытое отъ поверхностнаго взгляда, умѣнье съ глубокою воспріимчивостью жить одною жизнью съ природой и людьми, и силою творчества постигать и воспроизводить жизнь во всѣхъ ея многочисленныхъ и разнообразныхъ видахъ, формахъ, проявленіяхъ—все это драгоцѣнныя, рѣдкія свойства, которыя дѣлаютъ поэтовъ и художниковъ дѣйствительно властителями сердецъ, настолько же, насколько мыслители являются властителями нашихъ думъ. И поскольку поэтъ не *копируетъ* дѣйствительность (къ чему намъ простое *удвоеніе* ея въ поэтической фотографіи?), а извлекаетъ изъ нея то, что наиболѣе способно затрогивать самыя чувствительныя струны нашего сердца, поскольку, словомъ, онъ *конденсируетъ* жизнь, исходя изъ спеціальныхъ эстетическихъ требованій—постольку поэтъ является творцомъ, создателемъ нѣкотораго новаго, идеальнаго міра, всеобщаго и универсальнаго по замыслу, по охвату, и въ то же время чисто субъективнаго, запечатлѣннаго печатью индивидуальной оригинальности и своеобразія, по способу преломленія сквозь призму авторскаго творчества лучей, исходящихъ отъ окружающаго. Въ этомъ смыслѣ поэтъ, претворяя всеобщее въ горнилѣ своей индивидуальности, пріобщаясь самъ къ универсальной жизни какъ міра природы, такъ и человѣческаго міра, ведетъ къ тому же и своихъ читателей; изъ темной кельи эмоціональной жизни онъ выходитъ въ открытое море жизни, разлитой во всей вселенной, уча постигать ея біеніе всюду, откликаясь живымъ сердцемъ на все, что „проситъ у сердца отвѣта"... И въ этомъ смыслѣ у всякаго истиннаго поэта должно быть сознаніе своего „служенія цѣлому": силою „прозвучавшаго навѣкъ" стиха

Онъ входитъ въ кровь, онъ входитъ въ душу,
Преображаетъ явь и сонъ...
Такъ! я незримо стѣны рушу
Въ которыхъ духъ нашъ заточенъ,

Чтобъ въ день, когда мы сбросимъ цѣпи
Съ покорныхъ рукъ, съ усталыхъ ногъ,—
Мечтамъ открылись бы всѣ степи
И волямъ—дали всѣхъ дорогъ.

Внутренняя самоцѣнность искусства, поэзіи—вотъ что всегда будетъ, поэтому, чувствоваться всѣми поэтическими натурами, и въ этомъ онѣ будутъ глубоко правы.

Намъ ввѣрены загадочныя сказки,
Каменья, ожерелья и слова,

Чтобъ міръ не сталъ глухимъ, чтобъ не померкли краски,
Чтобъ тайна вѣяла, жива.

А потому и критерій для оцѣнки поэтическихъ произведеній, разумѣется, долженъ быть извлеченъ изъ внутренняго существа поэзіи. Онъ не долженъ быть чѣмъ-то чуждымъ для нея, чѣмъ-то взятымъ изъ другой области, какъ бы ни была значительна и цѣнна эта область — будь то политика, мораль или что угодно другое. Эта самостоятельность, независимость, самоцѣнность искусства для Брюсова есть великій завѣтъ, во имя котораго онъ никогда не устаетъ ломать копья,—и кстати, и некстати.

Дано мнѣ пѣть, что любо, что нравится мечтамъ,
А вамъ—молчать и слушать, вникать въ напѣвы вамъ!
И что бы ни задумалъ я спѣть—запрета нѣтъ,
И будетъ все достойно, затѣмъ, что я—поэтъ!
Я понялъ неизбѣжность случайныхъ думъ своихъ,
И самъ я чту покорно свой непокорный стихъ.
Въ моемъ самохваленьи служенье Богу есть,
Не знаю самъ, какая—и все жъ я міру вѣсть!

Здѣсь затронутъ—и нѣсколько неосторожно, ибо слишкомъ бѣгло и по необходимости поверхностно — все тотъ же стародавній споръ между защитниками „свободы творчества“ или „искусства для искусства“ и поборниками идейнаго искусства. Споръ столько же старый, сколько безплодный, и менѣе всего мы хотѣли бы въ него вмѣшиваться. Да и какъ же вмѣшаться въ него, когда съ самаго начала этотъ споръ поставленъ на неправильную плоскость, когда спорящія стороны говорятъ на разныхъ языкахъ, когда положенія ихъ несоизмѣримы?

Въ самомъ дѣлѣ, глубоко поучительна судьба этого спора. Пока копья ломались по теоретическому вопросу о томъ, какова должна быть поэзія, сторонники идейнаго искусства обычно оказывались у насъ гораздо лучше вооруженными и наносили своимъ противникамъ пораженіе за пораженіемъ. Теоретическій багажъ ихъ оказывался гораздо значительнѣе; въ то время какъ они аргументировали, пользуясь данными философіи, соціологіи, этики—сторонники искусства для искусства были беззащитны. Они аппеллировали къ непосредственному чувству, впадали въ декламацію, на аргументы отвѣчали восклицаніями. Но реваншъ ихъ нерѣдко бывалъ близокъ... Побитые теоретически, они часто блестяще побѣждали практически—созданіемъ художественныхъ произведеній, неотразимо говорящихъ за себя. И въ то же время авторы, пробовавшіе творить по указкѣ защитниковъ идейной поэзіи, слишкомъ часто оказывали плохую услугу своимъ учите-

лямъ. Нѣтъ сомнѣнія, они перекладывали въ стихи очень благородныя мысли; нѣтъ сомнѣнія, имъ часто удавалось даже въ безупречныя по размѣру, въ очень прилично риѳмованныя строки вмѣщать всѣ наиболѣе жгучіе лозунги дня, даже не слишкомъ злоупотребляя фатальною риѳмой „свободу — народу". Г. Танъ во-время сумѣлъ вмѣстить въ риѳмованныя строки: „и учредительный да здравствуетъ соборъ!" Г. Минскій пошелъ еще дальше, изобрѣтя не менѣе во-время размѣръ, въ который, съ грѣхомъ пополамъ, при нѣкоторой свободѣ и щедрости въ разстановкѣ удареній, можно было вложить, въ качествѣ первой строчки, знаменитое „Пролетарій всѣхъ странъ соединяйтесь!" Можетъ быть, для „учредительнаго собора" и даже для дѣла „пролетаріевъ всѣхъ странъ" это было и не безъ нѣкоторой маленькой пользы, но позволительно было спросить—при чемъ тутъ поэзія? „Что имъ Гекуба? Что она для нихъ?" Вѣдь и учебникъ географіи можно, при извѣстномъ версификаторскомъ навыкѣ, изложить въ размѣренныхъ и риѳмованныхъ строчкахъ...

Значитъ ли это, однако, что изъ поэзіи должны быть изгнаны „гражданскіе" мотивы для того, чтобы она осталась „чистой", истинной поэзіей? Нисколько не значитъ. Эмиль Верхарнъ доказалъ смѣлымъ примѣромъ, что для поэзіи нѣтъ запретныхъ темъ, что она можетъ браться за вопросы и сюжеты, на первый взглядъ принадлежащіе къ области прозы и только прозы—прозы философской, соціологической, исторической. Онъ доказалъ, что это возможно безъ всякаго смѣшенія областей поэзіи и философіи, поэзіи и соціологіи и т. д. Не въ темахъ разница между этими областями, а въ способахъ обработки и въ сторонѣ явленій, на которой останавливается вниманіе мыслителя, въ отличіе отъ вниманія поэта. Для перваго въ каждой темѣ, въ рѣшеніи каждаго вопроса существенъ обнаженный отъ всего посторонняго *логическій скелетъ* даннаго рѣшенія. Но вѣдь это „чистое мышленіе" не есть реальный жизненный фактъ: это только абстракція. Холодная стальная цѣпь чисто логической аргументаціи въ ея чистомъ видѣ не есть конкретно переживаемый нами процессъ, которымъ мы фактически доходимъ до рѣшенія: нѣтъ, это лишь элементы нашего духа, выдѣляемые послѣдующей рефлексіей изъ цѣлостнаго комплекса пережитыхъ нами умонастроеній. Мышленіе, волевые импульсы, чувствованія—все это лишь разныя стороны цѣлостнаго психическаго процесса, открываемыя въ немъ благодаря различнымъ точкамъ зрѣнія, на которыя мы поперемѣнно становимся, условно отвлекаясь отъ другихъ. Обезкровленный логическій остовъ опредѣленныхъ переживаній не есть полная

правда жизни, а лишь искусственное построеніе. Въ дѣйствительности мысли не только продумываются нами, а и *переживаются*, въ полномъ и глубокомъ смыслѣ этого слова; мы вызываемъ ихъ актами воли, въ мышленіи проявляется дѣятельная сторона нашего духа; эти мысли имѣютъ для насъ всегда опредѣленную сенситивную окраску; чувствованія ни на минуту не исчезаютъ изъ нашего сознанія, вѣчно освѣщая какъ бы изнутри потокъ нашихъ воспріятій и представленій. Да, мы не можемъ не *перечувствовать* и не *прочувствовать* нашихъ мыслей. Разница лишь въ томъ, что у людей со слабымъ, холоднымъ, вялымъ темпераментомъ это умѣнье *прочувствовать* и *дѣятельно пережить* процессъ своего мышленія доведено до minimum'а; они влагаютъ въ мышленіе больше привычнаго автоматизма, чѣмъ страстной воли, больше холодной регистраціи, чѣмъ горячаго чувства. Но есть другіе темпераменты, для которыхъ волевой и чувственный тонъ переживаемыхъ мыслей звучитъ ясно и громко, для которыхъ въ серіи силлогизмовъ удовлетворяется кипучая жажда дѣятельности, напрягается и переливается всѣми цвѣтами радуги стремительная, живая воля. Для нихъ отдѣльныя звенья свершающей свои завоеванія, уходящей въ безконечность логической цѣпи—огромныя *событія* психической жизни, поднимающія цѣлую гамму чувствованій, входящихъ въ самыя разнообразныя сочетанія со всѣмъ міромъ интимнѣйшихъ и глубочайшихъ душевныхъ переживаній... Для такихъ людей „пурпурной воли", для такихъ „верхарновскихъ" темпераментовъ существуетъ во всей своей силѣ и величинѣ *поэзія мышленія*, и они могутъ безстрашно брать для поэтическаго творчества любыя, самыя сложныя философскія и общественныя темы. Имъ не грозитъ опасность потонуть въ прозаизмахъ, нарядить въ сшитую бѣлыми нитками поэтическую одежду простую газетную передовицу или отрывокъ изъ философскаго трактата. Касаясь любой темы, они удержатся въ области субъективной стороны духа, въ области, законно принадлежащей поэзіи; они будутъ учить другихъ воплощать абстрактныя мысли въ живыя, трепещущія, полныя огня и страсти психическія силы, одухотворенныя, дѣятельныя монады внутренняго міра. Они будутъ обогащать, усложнять психику другихъ людей, внося гармонію и единство туда, гдѣ современная цивилизація создала разрывъ, гдѣ она разсѣкла живого человѣка на безжизненныя части; путемъ высшаго синтеза они возвратятъ человѣка его первоначальной цѣлостности, обогащенной, однако, всѣми пріобрѣтеніями эпохи всеразлагающаго анализа и сложной дифференціаціи. Но не всякому

дано обрѣсти этотъ высшій поэтическій синтезъ жизни—и вотъ почему „гражданская„ поэзія такъ богата переложенными въ риѳмованныя строки газетными передовицами, удовлетворяющими только весьма неприхотливые вкусы. И вотъ почему истинное искусство, истинно поэтическое творчество до сихъ поръ чаще и легче удается въ области болѣе элементарныхъ темъ, какъ міръ вѣчныхъ и какъ міръ разнообразныхъ. Однимъ изъ неисчерпаемыхъ источниковъ этого творчества служитъ общеніе съ матерью-природой, другимъ—„das ewig Weibliche“ и любовь. И вотъ почему создался предразсудокъ, что „чистое“ искусство есть все-таки, въ концѣ концовъ, искусство, изъ котораго изгнаны всякія морально-политическія, соціальныя и гражданскія „злобы дня“ —и не только „злобы дня“, но и болѣе глубокія, менѣе скоропреходящія „злобы вѣка“...

Вотъ откуда происходятъ многочисленные безсмертные реванши „чистаго искусства“. И вотъ въ чемъ *практически* оказывался слабый пунктъ, Ахиллесова пята его антагонистовъ. Въ стремленіи—совершенно законномъ—къ расширенію области поэзіи на все поприще „проклятыхъ вопросовъ“ человѣчества и происходящихъ вокругъ нихъ соціальныхъ битвъ сторонникамъ идейнаго искусства слишкомъ часто поневолѣ приходилось грѣшить забвеніемъ собственно поэтической мѣрки. Имъ приходилось порою искусственно принижать уровень своихъ эстетическихъ требованій, чтобы подбирать крупицы и проблески поэтическаго вдохновенія у поэтовъ съ гражданскими мотивами—и въ то же время порой, подобно Одиссею, затыкать уши ближнихъ размягченнымъ воскомъ, чтобы предохранить ихъ отъ сладкихъ, обольстительныхъ звуковъ сиренъ чистаго искусства. Конечно, нападеніе Писарева на Пушкина возможно было лишь „на зарѣ туманной юности“ сторонниковъ идейнаго искусства, какъ „на зарѣ туманной юности“ Брюсовской поэзіи было возможно стихотвореніе „О, закрой свои блѣдныя ноги!“. Но развѣ не къ тому же разряду явленій принадлежатъ многія другія, менѣе яркія событія русской литературы? Развѣ былъ, напримѣръ, оцѣненъ какъ слѣдуетъ нашею критикой Ѳ. И. Тютчевъ? Развѣ образъ крѣпостника Шеншина, тягающагося на судѣ съ потравщиками-мужиками, не заслонялъ очень долго отъ той же критики воздушной, дѣтски-непосредственной музы А. Фета? Развѣ, перескакивая къ позднѣйшему времени, не видѣли мы одно время сплошного, огульнаго гоненія противъ всего „модернизма“? Развѣ даже нѣкоторыя изъ крайностей современнаго декадентства не были дерзкой реакціей противъ упрямаго непризнанія

всего „идущаго изъ Назарета“? И развѣ сплошь во всемъ неправы были первые наши декаденты, когда они составляли одинъ боевой враждебный лагерь противъ литературнаго староверія и чувствовали себя аргонавтами, пустившимися смѣло въ невѣдомый путь со всей силой энтузіазма и вѣры въ будущія завоеванія? Этими боевыми кличами полны и первыя произведенія Брюсова:

Я знаю бѣглость Ночи и Зимы,
Молюсь увѣренно Веснѣ и Маю.
Что нѣкогда восторжествуемъ мы—
Я знаю.

Въ мірѣ широкомъ, въ морѣ шумящемъ
Мы—гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящимъ,
Предчувствіемъ пѣсни полны.

Радуйтесь, братья, вѣрнымъ побѣдамъ!
Смотрите на даль съ вышины!
Намъ чуждо сомнѣнье, намъ трепетъ невѣдомъ,—
Мы—гребень встающей волны.

Смѣшныя и уродливыя стороны увлеченій декадентства были ярки, они бросались въ глаза даже и поверхностному взгляду. Но представители „новаго теченія“ въ поэзіи—по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ—чувствовали, что у нихъ есть за душой что-то кромѣ этихъ дерзкихъ и смѣшныхъ выходокъ. Болѣе того: иногда они отваживались на эти выходки только благодаря тайному сознанію своей силы. Отсюда вѣра въ свое будущее, не смотря на всеобщее осмѣяніе, которому они первое время подвергались. И теперь, конечно, ясно, что они вправѣ были считать себя не просто безобразными недоносками, уродливыми выкидышами поэзіи, безъ всякой будущности, а „гребнемъ встающей волны“. И вотъ почему — какъ пора критикамъ забыть о первыхъ, слабыхъ, неувѣренныхъ, ложныхъ шагахъ творчества крупнѣйшихъ современныхъ „модернистовъ“, такъ и этимъ послѣднимъ пора встать выше счетовъ со старою критикой: это значитъ, въ сущности, встать только выше собственнаго прошлаго. Помѣшать этому можетъ только либо ложное самолюбіе, либо та цѣпкая власть прошлаго, которая выражается въ извѣстномъ изреченіи: le mort saisit le vif. Кончилась ли эта власть прошлаго? Или еще нѣтъ?

Старая критика была безусловно права, когда ополчалась

противъ разрыва искусства съ жизнью. Внутренняя самоцѣнность искусства не есть еще его „самодовлѣніе". Что бы ни говорили и какъ бы ни говорили объ искусствѣ для искусства, но безпристрастная истина свидѣтельствуетъ о томъ, что искусство — какъ и наука, какъ и мораль—есть явленіе *соціальное*, что и по происхожденію, и по существу своему оно является одною изъ чрезвычайно важныхъ въ соціологическомъ отношеніи формъ *общенія людей*. Произведеніе тѣмъ художественнѣе, чѣмъ съ болѣе магическою силой способно оно заставлять души другихъ людей настраиваться въ униссонъ съ настроеніемъ автора или вызывать въ представленіи другихъ людей, какъ живые, тѣ образы, которые выносилъ онъ въ своей фантазіи. Итакъ, въ сущности, степень вліянія на другихъ людей—одновременно сила и широта, интенсивность и экстенсивность этого вліянія—есть критерій, есть мѣрило художественности. Искусство, конечно, есть нѣчто совершенно отличное отъ морали, отличное уже потому, что мораль обращается къ волѣ и рисуетъ то „прекрасное", которое *надо* реализовать, а искусство имѣетъ своимъ предметомъ уже существующее, наблюденное, найденное въ мірѣ прекрасное. Мораль стремится *осуществить* нѣкоторую всеобщую гармонію; искусство *подмѣчаетъ* элементы гармоніи или „прекраснаго", разлитые въ мірѣ и либо соединяемые фантазіей, либо уже имѣющіеся на лицо въ видѣ цѣлостнаго образа или картины. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что искусство рисуетъ только нравственно-прекрасное; нѣтъ, оно можетъ схватывать и уродливое, рисуя его съ такою степенью изобразительной силы, что уродливость этого „уродливаго" встаетъ „какъ живая", и даже еще болѣе живая, цѣлостная, не загроможденная мелкими деталями, не засоренная случайными аксессуарами, какъ это бываетъ въ жизни. Но только у плохихъ художниковъ (или у хорошихъ художниковъ, но больныхъ людей) прекрасное можетъ выглядѣть блѣднымъ и скучнымъ, а уродливое—привлекательнымъ и соблазнительнымъ. Въ этомъ, такимъ образомъ, сказывается одновременно и глубокая *косвенная* связь, и не менѣе глубокое *прямое* отличіе между областями искусства и морали. Искусство не должно быть непремѣнно морализирующимъ, чтобы быть глубоко моральнымъ. Еще Михайловскій, въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній: „Что такое прогрессъ?", провелъ рѣшительное разграниченіе между искусствомъ *тенденціознымъ* и искусствомъ глубоко, внутренно *идейнымъ*. Стоитъ только лучше вдуматься въ это различіе, чтобы

понять, насколько мало затрогивается нашими воззрѣніями дѣйствительная „свобода“ и „чистота“ искусства.

Художники и поэты, однако, слишкомъ часто не различаютъ этихъ вещей. Нерѣдко простую ограниченность своего кругозора, влекущую за собою скудость темъ и бѣдность содержанія твореній, они склонны возводить въ принципъ, во имя все той же „свободы“ отъ тенденціи. Нѣтъ спора, иные литературные старовѣры и вульгаризаторы подаютъ имъ для такого смѣшенія достаточно поводовъ. Но странно, когда приверженцы *свободы* искусства находятся въ такой *зависимости* отъ вульгаризаторовъ принципа „идейнаго искусства“, что за искаженіемъ извѣстной истины не могутъ разглядѣть ея настоящаго свѣтлаго лика. И еще страннѣе, когда, изъ боязни *подчинить* искусство, къ его искаженію и вреду, какой-либо не менѣе *частной* области жизни—напр. политикѣ—они готовы оторвать его отъ жизни въ цѣломъ и, наоборотъ, все, вплоть до жизни въ ея цѣломъ, подчинить одной ограниченной отрасли и части великаго цѣлаго: искусству. А даже такой умный представитель модернизма, какъ Брюсовъ, доходитъ до такихъ, напр., мотивовъ:

Быть можетъ, все въ мірѣ—лишь средство
Для ярко-пѣвучихъ стиховъ,
И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи сочетанія словъ...

Трудно не обратить вниманія на внутреннее родство этихъ строфъ съ приведеннымъ нами выше восторженнымъ гимномъ „весенней“ элементарности и стихійности таланта Бальмонта, переполненнымъ горячими пожеланіями ему еще больше этой безпечной, безотчетной стихійности. Но это—роковыя пожеланія. Ихъ осуществленіе несетъ съ собою дѣйствительныя узы таланту. Въ самомъ дѣлѣ, всякое дарованіе имѣетъ, такъ сказать, два измѣренія. Съ одной стороны—важна *изобразительная сила*: въ ней — интенсивность таланта. Съ другой стороны—не менѣе важенъ *охватъ* этой изобразительной силы, кругъ явленій, на который она простирается; въ этомъ — *экстенсивность* таланта. Только соединеніе двухъ этихъ чертъ даетъ настоящаго мірового поэта. Изобразительная сила Бальмонтовскаго таланта простирается на слишкомъ ограниченный кругъ явленій; его талантъ скованъ узкимъ поприщемъ родныхъ духовному облику поэта мотивовъ; въ предѣлахъ этого узкаго поприща онъ можетъ давать настоящіе перлы. Конечно, если признать, что этотъ узкій кругъ для него фataленъ, можно отъ всей души поже-

лать ему не выходить за его предѣлы. Но говорить по этому поводу: „дара высшаго не требуй, дара высшаго и нѣтъ“ — значитъ либо золотить пилюлю, либо глубоко обманываться самому. Не тотъ же ли самый Брюсовъ въ недавней рецензіи на одну изъ послѣднихъ книжекъ стиховъ Бальмонта, хотя и въ очень мягкомъ тонѣ, отмѣчаетъ у своего „друга и брата“ частые перепѣвы, повторенія, ослабленныя копіи прежнихъ, болѣе оригинальныхъ и яркихъ мотивовъ? А это неизбѣжно при ограниченности круга творческаго постиженія и творческой переработки дѣйствительности. И развѣ самъ Бальмонтъ не чувствуетъ этого? Развѣ въ инстинктивномъ стремленіи расширить поле своей поэзіи онъ не рыщетъ сѣрымъ волкомъ по полю и не растекается мыслью по древу? Когда онъ то бросается къ народному эпосу славянъ, то прислушивается къ „зовамъ древности“, къ сказаніямъ, сохранившимся среди бретонскаго и норвежскаго крестьянства, среди горцевъ сѣверной Испаніи, къ древнему эпосу грековъ, римлянъ, даже китайцевъ — что руководитъ имъ, какъ не стремленіе обогатить новымъ содержаніемъ грозящій истощиться арсеналъ своей поэзіи? Правда, изъ этого получается только стилизація на разные лады все тѣхъ же, вѣчныхъ, сравнительно элементарныхъ мотивовъ. Кто только теперь не стилизуетъ! Стилизація теперь въ модѣ; стилизація порою какъ будто даже угрожаетъ поглотить самостоятельное творчество; стилизація—послѣднее убѣжище тамъ, гдѣ угрожаетъ — говоря словами того же Брюсова — „бѣдность горькая опустошенныхъ думъ“. И если Бальмонтъ чаще, чѣмъ нужно, обращается къ этому убѣжищу, то только потому, что для него кончилась неудачей другая попытка выбиться изъ заколдованнаго круга темъ, въ которыхъ онъ былъ „не какъ весь годъ, а лишь какъ краткій май“. Эта попытка — стихи Бальмонта на гражданскія и революціонныя темы, собранныя въ изданномъ за границей сборникѣ „Пѣсни Мстителя“. Врядъ ли возможны два мнѣнія относительно достоинства этихъ стиховъ. Преобладаніе искусственной взвинченности, внутренній холодъ внѣшняго паѳоса, чрезмѣрная фразистость и неумѣстность даже внѣшне-красивыхъ фіоритуръ—все это бьетъ въ глаза и показываетъ, что поэтъ лишь отдалъ дань вѣянію времени, но самъ, внутренно, далеко не проникся этими мотивами; они были для него внѣшнимъ налетомъ, а не сдѣлались внутренней сущностью. Большей глубины, а не красивой беззаботности нужно было пожелать Бальмонту; въ этомъ направленіи можно было ждать дальнѣйшаго развертыванія его таланта. Тогда у него удались бы

и „гражданскія“ стихотворенія; тогда они были бы проникнуты глубокой внутренней идейностью, а не внѣшней тенденціозностью.

Болѣе всѣхъ должно быть это понятно Валерію Брюсову, который на собственномъ опытѣ научился цѣнить продуманность творчества и обогащеніе его путемъ теоретической подготовки: „тѣсно я приникъ къ стоцвѣтнымъ стекламъ, къ окнамъ вѣщихъ книгъ и увидалъ сквозь нихъ просторы и сіянья“... Правда, Валерій Брюсовъ взываетъ къ Бальмонту: предоставь намъ глубину вѣщихъ сновъ, пусть нашъ голосъ будетъ „вѣкамъ завѣтъ“, ибо „мы—пророки, ты—поэтъ“. Но тотъ же Валерій Брюсовъ вдохновенно восклицаетъ:

Художникъ быть не можетъ не пророкомъ,
И рабства съ творчествомъ соединить нельзя...

Правда, Валерій Брюсовъ готовъ все въ мірѣ сдѣлать „лишь средствомъ для ярко пѣвучихъ стиховъ“—но тотъ же Валерій Брюсовъ написалъ превосходныя строфы о томъ глубоко-освободительномъ вліяніи поэзіи, которое открываетъ „мечтамъ—всѣ степи, и волямъ—дали всѣхъ дорогъ“ для того времени, „когда мы сбросимъ цѣпи съ покорныхъ рукъ, съ усталыхъ ногъ“...

Правда, Валерій Брюсовъ готовъ „служенье Богу“—и только его—видѣть даже „въ своемъ самохваленьи“; правда, онъ самъ склоняется предъ понятой имъ „неизбѣжностью случайныхъ думъ своихъ“ и предлагаетъ всѣмъ такъ же склониться предъ нею, доходя до окрика, болѣе подобающаго непризнанному и раздраженному школьному учителю, чѣмъ тому, „кто въ жизнь пришелъ поэтомъ, предъизбранъ былъ судьбой“:

А вамъ—молчать и слушать! вникать въ напѣвы вамъ!

Но тотъ же самый Валерій Брюсовъ прекрасно понимаетъ, что его „сокровенныя думы“ требуютъ и другой оцѣнки, кромѣ признанія ихъ „случайной неизбѣжностью“.

Есть думы свѣтлыя, какъ ангелъ Божій,
Затерянныя мной въ холодныхъ дняхъ.
Есть думы гордыя—мои исканья Бога—
Но оскверненныя притворствомъ и игрой.
Есть думы—женщины, глядящія такъ строго,
Есть думы—карлики съ изогнутой спиной...

И если Валерій Брюсовъ съ отчасти законной гордостью говоритъ: „Не знаю самъ, какая, но все-жъ я міру вѣсть“, то передъ нами, читателями, дѣйствительно, послѣ ознакомленія съ блужданіями Брюсова по его „путямъ и перепутьямъ“, возникаетъ интересная проблема: какая „вѣсть“ содержится для насъ въ содержаніи его измѣнчивой и разнообразной поэзіи?

Викторъ Черновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ДЖЕМСЪ И ТЕОРІЯ ПРАГМАТИЗМА

Наука понесла недавно крупную утрату въ лицѣ американскаго философа и психолога Уильяма Джемса. Въ послѣдніе годы его имя стало извѣстно и популярно даже у насъ въ Россіи, гдѣ не очень скоро отзываются на новѣйшія теченія общечеловѣческой мысли. Его сочиненія стали переводиться и читаться не только въ виду ихъ научныхъ и литературныхъ достоинствъ, но, какъ думается, еще больше изъ-за соотвѣтствія нѣкоторыхъ идей Джемса новымъ теченіямъ въ русской интеллигенціи.

Въ краткой замѣткѣ невозможно дать характеристику всѣхъ научныхъ заслугъ Джемса. Одно прежде всего бросается въ глаза въ личности мыслителя: это былъ умъ истинно свободный, въ высшемъ смыслѣ слова. Онъ не боялся идти новыми путями, не зналъ никакихъ предразсудковъ — ни традиціонныхъ, ни научныхъ; онъ подходилъ съ строгимъ анализомъ къ изученію такихъ явленій, которыя одними принимались на вѣру слѣпо и огульно, а другими такъ же огульно отвергались и осмѣивались. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ, сдѣлавшихъ спиритизмъ предметомъ серьезнаго научнаго изслѣдованія—достаточно припомнить труды Society for psychical researches (общества психическихъ изслѣдованій),—и въ то же время въ своихъ лекціяхъ по психологіи тщательно держался только общепризнанной несомнѣнной истины. Читатель, знакомый съ другими его трудами, можетъ оцѣнить не только научное, но и нравственное достоинство этой крайней осторожности, этой боязни внести что-либо спорное, субъективное въ преподаваніе науки. Намъ придется, при разборѣ его труда по прагматизму, отмѣтить опасность его теоріи для малоподготовленной къ серьезному мы-

шленію публики; но Джемсъ самъ лучше всѣхъ понималъ это и большую часть своихъ трудовъ посвятилъ именно закладыванію твердаго фундамента научнаго знанія, сдѣлавъ его доступнымъ широкимъ кругамъ читателей, благодаря своему выдающемуся таланту популяризатора. Остается только пожелать, чтобы знакомство съ американскимъ мыслителемъ не ограничилось у насъ бѣглымъ прочтеніемъ маленькой его книжки о прагматизмѣ.

Начинать изученіе Джемса нужно съ его лекцій по психологіи, переведенныхъ и на русскій языкъ. Помимо нѣкоторыхъ спеціальныхъ отдѣловъ—напримѣръ ученія объ эмоціяхъ,—составляющихъ вкладъ Джемса въ науку, достоинствомъ его курса является пріемъ обработки матеріала: онъ не анатомируетъ для микроскопическаго анализа человѣческую душу, а всегда имѣетъ ее передъ собою, какъ цѣльный предметъ. Отсюда яркость, жизненность изслѣдованія, незамѣтно увлекающаго читателя въ самую глубь вопроса. Большое мѣсто отводитъ Джемсъ вопросу о свободѣ воли и, склоняясь самъ на сторону положительнаго отвѣта, не высказываетъ его, однако, догматически, а очерчиваетъ границы, въ которыхъ строгая наука можетъ допускать эту свободу. Даже не соглашаясь съ личнымъ взглядомъ Джемса, можно извлечь большую пользу изъ самой постановки имъ вопроса, благодаря производимой имъ расчисткѣ почвы отъ метафизическихъ словопреній.

Болѣе спеціально Джемсъ занимался одной областью психологіи—проявленіями религіозныхъ исканій. Имъ посвященъ его обширный и глубокій трудъ: „Многообразіе религіознаго опыта" (русскій переводъ въ изд. ред. „Русской Мысли"). Менѣе всего склонный проповѣдывать самъ какую-нибудь догму (догматики, напротивъ, могутъ упрекнуть его въ излишнемъ эклектизмѣ), Джемсъ включаетъ въ свое изслѣдованіе даже пресловутую американскую секту Mind-curer и не останавливается передъ возможностью признанія множественности религіозныхъ началъ. Здѣсь, какъ и въ „Прагматизмѣ", онъ гораздо болѣе психологъ, чѣмъ философъ; но заслуги его, какъ психолога, огромны: какъ и въ лекціяхъ по психологіи. Достаточно припомнить разсужденія его „о святости", дающія новое освѣщеніе психологическаго матеріала, который до сихъ поръ подносился намъ совсѣмъ въ иной формѣ и потому оставался намъ чуждъ. Если читатель признаѐтся (какъ это фактически случалось), что Джемсъ разъяснилъ ему его собственные, смутные, странные ему самому порывы, то это— высшая похвала, для автора: онъ достигъ той цѣли, какую себѣ ставилъ.

Любимой областью изслѣдованій Джемса, куда его видимо тянуло, была какъ разъ та темная область безсознательной, точнѣе—внѣ-сознательной психической жизни, которой онъ придавалъ огромное значеніе и для изученія которой такъ много сдѣлалъ именно потому, что шелъ туда вооруженный всѣми методами современнаго точнаго знанія, съ умомъ, открытымъ для всякой новой истины, какъ бы ни противорѣчила она установленной научной традиціи. Только такіе мыслители могутъ прокладывать новые пути и находить разрѣшеніе проблемъ, кажущихся неразрѣшимыми.

I.

Вѣковѣчный вопросъ стоитъ передъ человѣчествомъ. Новѣйшее теченіе философской мысли пытается дать ему новую постановку. Прагматизмъ не столько раскрываетъ содержаніе истины, сколько опредѣляетъ, что̀ собственно надо понимать подъ этимъ словомъ. Блестящій литературный талантъ Джемса дѣлаетъ книгу его о прагматизмѣ интересной даже для тѣхъ, кто не согласится съ его выводами; самый же прагматизмъ заслуживаетъ вниманія не только какъ одна изъ попытокъ освѣтить, если не рѣшить, міровые вопросы, но еще болѣе какъ знаменіе нашего времени.

Что такое прагматизмъ? „Прагматическій методъ—это прежде всего методъ улаживанья философскихъ споровъ, которые безъ него могли бы тянуться безъ конца. Представляетъ ли собою міръ единое или многое? Лежитъ ли въ основѣ его матеріальный принципъ или духовный? Царитъ ли въ немъ свобода или необходимость? Все это—одинаково правомѣрныя точки зрѣнія на міръ. Прагматическій методъ пытается истолковать каждое мнѣніе, указывая на его практическія слѣдствія. Какая получится практическая разница, если принять за истинное именно это мнѣніе, а не другое? Если мы не въ состояніи найти такую разницу, то оба противоположныхъ мнѣнія означаютъ по существу одно и то же, и всякій дальнѣйшій споръ безполезенъ. Чтобы добиться полной ясности въ нашихъ мысляхъ о какомъ-нибудь предметѣ, мы должны разсмотрѣть, какихъ можно ожидать отъ него ощущеній и къ какого рода реакціямъ съ своей стороны мы должны подготовиться. Что измѣнилось бы въ мірѣ, еслибы изъ конкуррирующихъ точекъ зрѣнія была вѣрна та или другая? Метафизики довѣряютъ словамъ, которыя будто бы даютъ намъ принципъ міра

и объясненіе его, на которомъ и можно успокоиться. Напротивъ, прагматизмъ извлекаетъ изъ каждаго слова его наличную цѣнность (cash-value), разсматриваетъ его скорѣе не какъ рѣшеніе, а какъ программу дальнѣйшей работы. Теоріи становятся для него только орудіями: онѣ полезны потому, что суммируютъ старые факты и ведутъ къ новымъ; это — „логическая стенографія". Прагматисты „не успокоиваются въ сладкой бездѣятельности": теоріи постоянно видоизмѣняются опытомъ, становятся менѣе тугими, болѣе приспособляемыми къ новымъ даннымъ. Отъ разныхъ принциповъ и категорій прагматизмъ обращаетъ насъ къ результатамъ, фактамъ. Онъ „означаетъ собою открытый воздухъ, все многообразіе живой природы, противопоставленное догматизму, искусственности, притязаніямъ на законченную истину".

Въ этомъ прагматизмъ не новъ: то же говорятъ и эмпирики, но, по мнѣнію Джемса, прагматизмъ радикальнѣе и менѣе уязвимъ для нападокъ. Прагматизмъ опирается на опытъ, но и даннымъ опыта не придаетъ абсолютной цѣнности. То, что приходитъ къ намъ въ опытѣ, не есть еще истина; истина—то, „*что мы говоримъ* о немъ". Старыя истины постепенно, не безъ борьбы замѣняются новыми и перерабатываютъ ихъ, въ свою очередь, въ процессѣ жизни. Всякая истина есть посредникъ между старымъ и новымъ опытомъ. „*Мысли наши становятся истинными ровно постольку, поскольку онѣ помогаютъ намъ приходить въ удовлетворительное отношеніе къ другимъ частямъ нашего опыта*— утверждаетъ Джемсъ вслѣдъ за Шиллеромъ и Дьюи. Истинность нашихъ мыслей—это ихъ способность „работать" на насъ. Для прагматиста нѣтъ Истины съ прописной буквы, а есть лишь рядъ истинъ; „истина для него—родовое названіе для всѣхъ видовъ опредѣленныхъ рабочихъ цѣнностей въ опытѣ". Абстрактная истина—такое же условное словесное обозначеніе, какъ напр. законъ, въ смыслѣ родового понятія для конкретныхъ законовъ и постановленій.

Такова „инструментальная" теорія истины, сводящая ее къ ряду относительно справедливыхъ и практически полезныхъ для человѣка ученій, изъ которыхъ ни одно не представляетъ точной копіи дѣйствительности. Этимъ прагматизмъ противополагается позитивизму, признающему истинность и обязательность для человѣка выводовъ науки, основанной на точномъ внѣшнемъ опытѣ и логической аргументаціи. Противъ него прагматисты выдвигаютъ „гуманистическую" теорію происхожденія истины. Всѣ аксіомы, способы разсужденія, нашъ житейскій „здравый смыслъ"—все это создано человѣкомъ постепенно. Міръ представляется для

ребенка хаосомъ разрозненныхъ явленій, для дикаря—смѣсью дѣйствительности и грезъ. Связать постоянно совпадающую по мѣсту и времени группу явленій понятіемъ „вещь", установить извѣстныя категоріи, какъ напр. время, пространство, сущность, отношеніе—все это работа вѣковъ; это—идеи, которыя были открытіями геніальныхъ людей до-историческаго времени, какъ наши новыя идеи — открытія Беркли, Дарвина и другихъ. „Наши предки могли въ извѣстные моменты случайно напасть на такіе методы мышленія, до которыхъ они вѣроятно никогда не додумались бы путемъ логическаго мышленія. Но разъ это было сдѣлано, разъ фактъ произошелъ, наслѣдственность вступила въ свои права". „Мы можемъ затѣвать какія угодно измѣненія въ нашемъ домѣ, но основной планъ перваго архитектора остается". Теперь мы уже не можемъ идти иначе, какъ по проторенной дорогѣ: самый языкъ ведетъ насъ по ней. „Всѣ наши существительныя и прилагательныя—это гуманизированное наслѣдіе предковъ". Въ изслѣдованіи мы руководимся нашими человѣческими чувствами и потребностями. Правда, намъ данъ извѣстный матеріалъ, не отъ насъ зависящій: во-первыхъ — наши ощущенія, во-вторыхъ—отношенія между ними, въ-третьихъ—накопленный старый опытъ, съ которымъ мы постоянно должны считаться. Но мы имѣемъ возможность выбора и координируемъ этотъ матеріалъ по своему произволу. Такимъ образомъ мы сами создаемъ истину и, слѣдовательно, дѣйствительность. По выраженію Эйкена, мы, можетъ-быть, повышаемъ этимъ цѣнность находимаго нами бытія, не только вносимъ нѣчто новое въ нашъ субъективный міръ, но и оставляемъ слѣдъ въ объективномъ мірѣ, участвуемъ въ творческомъ процессѣ мірозданія, которое раціоналистъ считаетъ навѣки законченнымъ. Именно это не дозволяетъ принять прагматистамъ монистическаго объясненія вселенной. Быть-можетъ, въ ней есть нѣсколько началъ; быть-можетъ, нельзя опредѣлить судьбу ея однимъ приговоромъ погибели или спасенія; быть-можетъ, нѣкоторыя части ея осуждены на гибель; быть-можетъ, только часть міра можетъ быть „спасена", объединена. Съ прагматизмомъ мы лишаемся того спокойствія, какое даетъ намъ монизмъ, но за то повышаемъ творческую роль человѣка, хотя и подверженную риску неопредѣленности. Волѣ человѣка мы придаемъ значеніе мірового агента: наши идеалы — не абстрактности, а живыя возможности; при извѣстныхъ условіяхъ и при собственномъ нашемъ усиліи идеалы обращаются въ реальные факты; почему же не можемъ мы приписать себѣ участія въ творчествѣ міра, разъ мы творимъ

истины о немъ? Допущеніе этого и признаніе нѣсколькихъ разнородныхъ началъ, т.-е. *плюрализма* міра, ведетъ къ еще болѣе широкимъ предположеніямъ: быть-можетъ, мы въ своей дѣятельности касаемся дѣятельности другихъ силъ, относимся къ нимъ, какъ касательныя къ кругу, или, по болѣе вульгарному, но наглядному сравненію Джемса, какъ наши комнатныя собаки и кошки относятся къ нашей жизни, въ которой принимаютъ участіе, не понимая ея содержанія?

Все это опредѣляетъ позицію прагматизма по отношенію къ одному изъ способовъ объясненія проблемы міра, а именно — къ религіи. Прагматизмъ признаетъ истиной только то, что „служитъ" человѣку, но за то признаетъ безотговорочно всѣ такія „рабочія" истины, какимъ бы образомъ онѣ ни были добыты. „Прагматизмъ не знаетъ никакихъ предубѣжденій, никакихъ стѣсняющихъ свободное изслѣдованіе догматовъ, никакихъ неизмѣнныхъ каноновъ и критеріевъ. Онъ считается со всякой гипотезой, прислушивается ко всякимъ аргументамъ... готовъ слѣдовать за логикой или за чувствомъ и считаться съ самыми скромными, самыми личными переживаніями. Прагматизмъ готовъ считаться и съ мистическимъ опытомъ, если онъ имѣетъ практическія слѣдствія. Онъ готовъ признать Бога, живущаго въ глубочайшей тьмѣ личной жизни, если только окажется, что здѣсь можно найти его". „*Если окажется, что религіозныя идеи имѣютъ цѣнность для дѣйствительной жизни, то, съ точки зрѣнія прагматизма, онѣ будутъ истинны въ мѣру своей пригодности для этого. Что касается вопроса о томъ, можно ли имъ приписать бо́льшую мѣру истинности, то рѣшеніе его будетъ цѣликомъ зависѣть отъ ихъ отношеній къ другимъ истинамъ, которыя тоже должны быть признаны*"... „Еслибы вѣра въ какую-нибудь идею помогала намъ вести лучшій образъ жизни, тогда дѣйствительно было бы *для насъ лучше* вѣрить въ эту идею,— *исключая, разумѣется, тотъ случай, когда вѣра въ нее пришла бы въ столкновеніе съ другими, болѣе важными, жизненными интересами*".

Далѣе, однако, Джемсъ высказывается уже не условно, а положительно и находитъ преимущество прагматизма передъ эмпиризмомъ въ томъ, что первый свободенъ отъ матеріализма и удовлетворяетъ нашей неискоренимой потребности въ нравственномъ міропорядкѣ. Картина механическаго дѣйствія законовъ природы и конечной неизбѣжной гибели живущаго способна погрузить человѣка въ бездну отчаянія, между тѣмъ какъ идея Бога „гарантируетъ идеальный и вѣчный міропорядокъ". „Тамъ, гдѣ есть Бо-

жество, трагедія носитъ только временный и частичный характеръ; финальный крахъ и гибель здѣсь—не конецъ всего". Однако онъ прибавляетъ: „наше *окончательное* мнѣніе о Богѣ можетъ быть установлено лишь тогда, когда всѣ истины придутъ въ гармоническое сочетаніе". Въ заключеніе Джемсъ даетъ такое опредѣленіе: „Посреди двухъ крайностей—грубаго натурализма съ одной стороны и трансцендентальнаго идеализма съ другой—лежитъ то, что̀ я рѣшаюсь назвать прагматическимъ или мелиористическимъ типомъ теизма".

II.

Итакъ, Джемсъ не приходитъ ни къ чему, кромѣ гадательныхъ предположеній. Прагматизмъ — не новое міровоззрѣніе, а лишь путь къ выработкѣ его, даже не путь, а скорѣе вѣха въ началѣ пути, ведущаго въ сторону отъ проторенныхъ тропинокъ. Позиція, занятая Джемсомъ, не удовлетворитъ ни сторонниковъ научнаго міросозерцанія, ни приверженцевъ религіозныхъ воззрѣній. Г. Юшкевичъ полемизируетъ противъ Джемса съ научной точки зрѣнія, предполагая, что прагматизмъ можетъ проложить мостъ къ религіознымъ вѣрованіямъ. Но г. Юшкевичъ не поколебалъ главнаго положенія Джемса относительно гуманистическаго происхожденія истины. Если первый утверждаетъ, что описательныя истины представляютъ „копіи" дѣйствительности (напр. утвержденіе, что въ Сахарѣ есть горы), то это показываетъ, что онъ не понялъ существа ученія Джемса: самая необходимость выражать истину человѣческимъ языкомъ накладываетъ на эту „копію" человѣческій отпечатокъ, суживаетъ, обезцвѣчиваетъ явленіе. Даже географическая карта представляетъ не копію, а лишь весьма условное обозначеніе мѣстности, которое надо умѣть дешифрировать. Казалось бы, что̀ больше заслуживаетъ названія точной копіи, какъ не фотографія? Но фотографія, снятая съ лунныхъ горъ въ телескопъ, даетъ лишь рядъ черныхъ пятенъ, въ которыхъ неопытный глазъ не разберетъ горъ и равнинъ. Фотографія копируетъ точно, но только одну сторону предмета—свѣтъ и тѣни, а самый свѣтъ есть лишь впечатлѣніе отъ предполагаемыхъ волнъ эѳира на сѣтчаткѣ человѣческаго глаза. То же въ сущности представляютъ и всѣ наши научныя понятія: всѣ наши слова и идеи, какъ и наши инструменты, могутъ охватить предметъ изученія лишь съ одной стороны, притомъ не непосредственно, а въ формѣ реакцій на нихъ человѣческихъ чувствъ; по реакціямъ этимъ мы только и судимъ о

мірѣ, поправляя ошибки одной реакціи другими, но никогда не будучи увѣрены, что поправили ихъ до конца. Наука можетъ устанавливать свои выводы только путемъ разобщенія естественно связанныхъ между собою сторонъ явленія, анатомируя ихъ и тѣмъ самымъ теряя непосредственное чувство жизни. Поэтому она никогда не можетъ охватить всего богатства жизненныхъ явленій; ея выводы всегда относительны и къ каждому отдѣльному случаю должны примѣняться не иначе какъ съ оговоркой. Стремиться научнымъ путемъ постигнуть или хотя бы „скопировать" жизнь—все равно, что желать обнять призракъ, облачко, тающее при приближеніи къ нему или окутывающее путника непроницаемой для глазъ пеленой. Вотъ почему, съ философской, критической точки зрѣнія, иногда вся жизнь кажется призракомъ. Г. Юшкевичъ весьма кстати припоминаетъ слова какого-то философа, который говорилъ, что Божество мыслитъ конкретными фактами, а не отвлеченно, дискурсивно, какъ мы; но, не восходя уже къ божественному разуму, мы видимъ примѣръ непосредственнаго мышленія образами въ человѣческомъ творчествѣ, именно— въ художественномъ, и очень характерно, что оно называется *творчествомъ*. Конечно, оно ограничено въ своихъ силахъ; оно даетъ не настоящую дѣйствительность, а только тѣнь ея—однако мы признаемъ истинность этой тѣни, ея соотвѣтствіе съ жизнью, и истинность эта подтверждается не лабораторнымъ путемъ и не логическими дедукціями. Есть люди, которые и къ ней относятся пренебрежительно, для которыхъ поэзія — пустыя бредни, музыка—простой шумъ; но приговоръ всего человѣчества былъ иной, искусству отведено видное мѣсто въ исторіи культуры, и прагматисты будутъ правы, если поставятъ въ заслугу искусству его „полезность", понимая ее, конечно, не въ грубомъ, лавочномъ смыслѣ слова. Въ оцѣнкѣ произведеній искусства много субъективнаго, однако великихъ мастеровъ цѣнятъ всѣ: большинство человѣчества находитъ въ нихъ одинаковый откликъ на свои переживанія. Конечно, большинство судитъ субъективно, руководствуясь переживаніями; но вѣдь и научная достовѣрность основывается также на переживаніяхъ, на внутреннемъ чувствѣ соотвѣтствія новаго опыта со старымъ или на „правильности" логической конструкціи, т.-е. на чувствѣ соотвѣтствія данной цѣпи посылокъ и слѣдствій съ установленнымъ методомъ мышленія.

Но противники прагматизма правы, когда указываютъ на то, что онъ создаетъ полный произволъ и не даетъ намъ никакого руководящаго начала въ дѣлѣ установленія истины. Мы пола-

гаемъ, вмѣстѣ съ Джемсомъ, что могутъ быть иные методы изслѣдованія истины, кромѣ извѣстныхъ нынѣ; мы даже согласны, что человѣчество въ теченіе вѣковъ остановилось не на самыхъ лучшихъ методахъ—но тѣмъ не менѣе нельзя отвергать методы и добытые ими результаты однимъ указаніемъ на возможность лучшихъ. Дайте это лучшее—и человѣчество пойдетъ за нимъ, какъ бы ни ворчали на это рутинеры и догматики. Затѣмъ, критерій полезности неудовлетворителенъ и потому, что сама полезность нуждается въ критеріи. Вѣдь полезность тоже бываетъ различнаго рода и разной степени. Награды и наказанія могутъ казаться полезны учителю, вызывая въ ученикахъ рвеніе или спасительный страхъ; однако современная педагогія все болѣе возстаетъ противъ нихъ. То же примѣнимо и ко взрослымъ. „Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“; но полезно ли поддерживать вѣрованіе, побуждающее народъ подчиняться принципу, „полезному“ для государственной власти? Полезно ли расписывать народу блага всеобщаго голосованія такими красками, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности? Прагматисты скажутъ, что все это — возраженія вульгарныя, а не философскія; но вѣдь они хотятъ окунуться въ жизнь, и потому, чтобы сдѣлать свою теорію доступной всѣмъ, они должны отвѣчать и на вульгарныя возраженія. Чѣмъ ихъ философская „полезность“ отличается отъ „вульгарной“? И чѣмъ предупредятъ они печальныя ошибки отъ игры словъ? Да и въ области самыхъ основныхъ философскихъ проблемъ, нужно ли во что бы то ни стало „оправдывать жизнь“, какъ къ тому склонны прагматисты? Или дозволительно придти къ выводу о конечной негодности всего міра? Какая же, однако, „польза“ можетъ быть отъ такой идеи? Чѣмъ можетъ она служить жизни, которую все-таки надо пережить? А если заранѣе исключить такую оцѣнку міра, то это значило бы предрѣшить отвѣтъ на самый основной и интересный намъ вопросъ, т.-е. подорвать довѣріе къ самому изслѣдованію. Истины полезны, но только до тѣхъ поръ, пока мы вѣримъ, что онѣ—истины, какъ молитва сильна только для вѣрующаго въ ея силу.

Нѣчто подобное могутъ возразить Джемсу и представители религіознаго міровоззрѣнія. Джемсъ говоритъ, что „доказательства въ пользу признанія Бога коренятся прежде всего въ нашемъ внутреннемъ, личномъ опытѣ“. Религія познаетъ дѣйствительность своеобразнымъ методомъ, который обыкновенно называютъ вѣрованіемъ; но оно совершенно отлично отъ простого довѣрія къ фактамъ науки, напр. къ существованію горъ въ

Африкѣ или къ біографіи Юлія Цезаря: здѣсь мы просто довѣряемъ путешественникамъ или лѣтописцамъ, самые факты для насъ безразличны и мертвы. Религіозныя истины — разумѣется, если онѣ не восприняты механически изъ учебника или катехизиса—представляютъ собою цѣнности, освѣщающія весь остальной міръ; утвержденіе ихъ основано на личномъ, непосредственномъ, интуитивномъ чувствѣ реальности. Можно сколько угодно критиковать достовѣрность его, но для человѣка, считающаго себя обладателемъ религіозной истины, логическіе аргументы будутъ такъ же неубѣдительны, какъ для человѣка, вооруженнаго житейскимъ здравымъ смысломъ, неубѣдительны доводы критической философіи, доказывающіе ему условность всѣхъ обычныхъ нашихъ понятій. Противъ свидѣтельства нашего опыта, хотя бы не внѣшняго, а внутренняго, недѣйствительно и возраженіе, что результаты его представляютъ абсурдъ. Развѣ не абсурдомъ казалось нашимъ предкамъ существованіе антиподовъ— и развѣ не абсурдомъ могли бы показаться нашимъ отцамъ явленія, связанныя съ радіемъ?

Особенность религіозныхъ идей—въ томъ, что онѣ представляются живыми фактами, болѣе значительными, чѣмъ всѣ данныя внѣшняго опыта. „Именемъ Бога живого" властно говорятъ пророки; изъ этого основного факта вытекаетъ весь міръ явленій, имъ объясняется онъ и оправдывается. Это — истина по преимуществу, Истина съ прописной буквы, и въ этомъ ея отличіе отъ джемсовскихъ „служебныхъ" истинъ. Есть тонкая разница оттѣнка между „вѣрю" и „вѣрую"; она указываетъ тотъ пунктъ, на которомъ сбивается аргументація прагматизма. Не безъ причины называютъ религіозно-психологическій процессъ „переживаніемъ", ибо въ немъ одинаково участвуетъ и сознаніе, и подсознательная сфера; оттого-то и получается такая сила впечатлѣнія, которая становится руководящею для человѣка во всемъ его жизненномъ поведеніи. Гдѣ имѣется только „гипотеза Бога", тамъ нѣтъ и тѣни религіи, а есть лишь метафизическая теорія, открытая всѣмъ возраженіямъ, приводимымъ противъ метафизики и ея ученій. Религія сильна только абсолютностью своего вѣрованія, какъ монета можетъ ходить только при увѣренности въ томъ, что она сдѣлана изъ золота или серебра; если на этотъ счетъ возникаетъ сомнѣніе, она теряетъ всякую цѣнность. Ничего средняго, никакой „гипотезы" здѣсь быть не можетъ. Абсолютность факта представляется человѣку независимо отъ роли этого факта въ жизни. Религія несомнѣнно играетъ огромную и, какъ правильно полагаетъ Джемсъ, въ большинствѣ случаевъ

полезную роль въ человѣческой жизни,—но лишь поскольку она признается монетой чистой чеканки: всякое сомнѣніе обезцѣниваетъ ее немедленно. Инстинктивное сознаніе полезности заставляетъ иногда слабыхъ людей цѣпляться за религію, независимо отъ ея истинности; но не такова была религія людей, шедшихъ на крестъ или на костеръ за свои вѣрованія—а вѣдь они-то и двигали вѣру, создавали церкви, воодушевляли толпу. Даже слабымъ людямъ, разъ у нихъ подорвана вѣра, недолго удается обманывать самихъ себя — и тѣмъ трагичнѣе, вплоть до самоубійства, бываетъ развязка. Не на такомъ шаткомъ фундаментѣ построена многовѣковая исторія религіозныхъ движеній человѣчества. Истинность чего-нибудь можно доказывать лишь опираясь на нѣчто болѣе твердо установленное, чѣмъ то, что надлежитъ доказать. Оправдывать полезностью то, что можетъ принести человѣку пользу только въ томъ случаѣ, если оно предварительно принято человѣкомъ за высшую правду, которая сама оправдываетъ все существующее въ мірѣ — въ этомъ заключается не только психологическій, но даже логическій абсурдъ.

Выработается ли въ религіозной области своего рода точный методъ, свяжутся ли когда-нибудь отрывочные плоды вдохновенія, „откровенія“ религіозныхъ геніевъ общимъ и прочнымъ цементомъ твердаго критерія и непрерывной послѣдовательности, хотя и иной природы, чѣмъ методы и критеріи точной науки — это вопросъ будущаго. Достоинство прагматизма—въ томъ, что онъ не закрываетъ дороги къ установленію новыхъ критеріевъ: онъ протестуетъ противъ догматизма и нетерпимости, расчищаетъ человѣчеству всѣ пути, на какихъ только можно найти истину. Какъ бы ни сжились мы съ теперешнимъ способомъ мышленія, какъ бы ни дорога была намъ нынѣшняя наука—magis amica veritas. Да восторжествуетъ истина, какими бы путями и какой бы цѣной мы ни дошли до нея! Прагматизмъ призываетъ къ дѣятельной работѣ, къ погруженію въ кипучій потокъ жизни; онъ стремится покончить съ пустыми словопреніями; онъ внушаетъ намъ бодрость и вѣру, что мы сами творцы дѣйствительности, если не міровой, то по крайней мѣрѣ той, которая окружаетъ насъ и имѣетъ для насъ значеніе. Жизнь—не сонъ, потому что мы можемъ до нѣкоторой степени направлять своей волей ея сновидѣнія. Прагматизмъ — нѣчто среднее между научнымъ, поэтическимъ и религіознымъ творчествомъ; онъ раскрываетъ намъ новые горизонты въ области познанія, несетъ въ себѣ задатки новыхъ *возможностей*. Въ человѣкѣ всегда жила смутная вѣра въ свою творческую силу. Прагматизмъ оживляетъ ее снова,

и этимъ онъ „полезенъ“, говоря его же словами. Но эта польза—въ будущемъ. Пока прагматизмъ не даетъ ничего твердаго; какъ настоящій сынъ нашего вѣка, онъ стоитъ на перепутьѣ всѣхъ дорогъ, пытается составить амальгаму всѣхъ вѣрованій, по выраженію г. Юшкевича—создать посредническую, но пока довольно посредственную философію. Этимъ онъ интересенъ, но этимъ же онъ и опасенъ: современники—и въ особенности мы, русскіе,—и безъ того крутятся въ хаосѣ противорѣчивыхъ идей и настроеній. Прагматизмъ насъ изъ него не выведетъ, а иныхъ можетъ окончательно сбить съ толку своимъ основнымъ тезисомъ: „истина есть полезность“.

Н. Езерскій.

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II

ВЪ ЕГО РѢЧАХЪ И ДѢЛАХЪ

I.

Наиболѣе яркій выразитель монархическаго начала въ современной Европѣ, Вильгельмъ II является не только центральною фигурою новѣйшей международной политики, но и чрезвычайно интересною индивидуальностью, заслуживающею серьезнаго изученія. Мы видимъ въ немъ сочетаніе характерныхъ чертъ и традицій мистическаго монархизма, прусской разсчетливой государственности и нѣмецкой просвѣщенной культурности. Эти разнородныя черты и традиціи, отчасти находящіяся между собою въ противорѣчіи, объединяются твердымъ сознаніемъ долга и отвѣтственности предъ страною и исторіею,—сознаніемъ, пріобрѣвшимъ силу и значеніе наслѣдственнаго инстинкта въ семьѣ Гегенцоллерновъ.

Природная живость, предпріимчивость и энергія способствовали развитію въ немъ качествъ, соединеніе которыхъ рѣдко встрѣчается среди лицъ, выросшихъ на ступеняхъ трона. Безусловно честный и правдивый по натурѣ, замѣчательно добросовѣстный въ трудѣ, въ житейскихъ привычкахъ и наклонностяхъ, общительный по воспитанію и по принципу, гордо увѣренный въ своемъ великомъ призваніи, онъ обнаруживаетъ удивительную потребность постояннаго публичнаго дѣйствія. Вильгельмъ II представляетъ собою новый типъ активнаго, самостоятельно дѣйствующаго, путешествующаго и говорящаго монарха. Частыя передвиженія его по сушѣ и по морю имѣютъ большею частью опре-

дѣленную политическую цѣль; его тосты и рѣчи, произносимыя въ разныхъ пунктахъ страны, горячо обсуждаются и комментируются въ печати всего міра. Собраніе его рѣчей, изданное извѣстною лейпцигскою фирмою Реклама въ трехъ компактныхъ томахъ, даетъ богатый матеріалъ для анализа и оцѣнки его своеобразной психики.

Чтобы понять сущность его міровоззрѣнія, надо вспомнить, при какихъ исключительныхъ обстоятельствахъ онъ провелъ дѣтство и молодость. Онъ родился и выросъ въ періодъ необыкновеннаго національнаго подъема и возвеличенія Пруссіи; семилѣтнимъ мальчикомъ онъ пережилъ годъ торжества надъ Австріею, когда положено было начало объединенію Германіи по системѣ „крови и желѣза“; позднѣе онъ испыталъ на себѣ чарующее вліяніе военныхъ побѣдъ, приведшихъ къ созданію новой прусско-германской имперіи. Онъ достигъ зрѣлаго возраста въ эпоху величайшаго могущества и авторитета Германіи, при полномъ расцвѣтѣ славы его дѣда и отца—престарѣлаго короля-императора и знаменитаго кронпринца, съ ихъ блестящими „паладинами“. Имя Бисмарка гремѣло въ Европѣ, но для молодого принца оно заслонялось внушительною личностью оффиціальнаго повелителя, первымъ слугою котораго считался канцлеръ. Сохранить умственное равновѣсіе въ такой легендарной военно-политической и въ то же время семейной атмосферѣ было слишкомъ трудно. Родители принца Вильгельма благоразумно рѣшили помѣстить его въ скромную провинціальную гимназію, чтобы пріучить его къ общенію съ людьми разныхъ слоевъ общества; онъ нѣсколько лѣтъ обучался, такимъ образомъ, въ Касселѣ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ своего воспитателя, д-ра Гинцпетера, и въ январѣ 1877-го года выдержалъ надлежащій выпускной экзаменъ, на равныхъ правахъ съ другими учениками, послѣ чего посѣщалъ лекціи въ Боннскомъ университетѣ. Одновременно онъ проходилъ и военную службу, которой отдавался съ особеннымъ стараніемъ, чѣмъ доставлялъ большое удовольствіе своему дѣду Вильгельму I. Въ мартѣ 1888-го старый императоръ умеръ; въ іюнѣ того же года, послѣ мучительной болѣзни, скончался и императоръ Фридрихъ III. Эти тяжкія утраты, послѣдовавшія одна за другою въ короткое время, наложили свою печать на умъ и настроеніе Вильгельма II. Великій дѣдъ остался для него на всю жизнь недосягаемымъ образцомъ правителя-полководца, героемъ національной легенды, достойнымъ благоговѣйнаго поклоненія; отецъ, императоръ Фридрихъ, былъ только близкимъ участникомъ этой славы и слишкомъ недолго царствовалъ самостоятельно, чтобы

оставить сыну прочное наслѣдіе своихъ личныхъ благородныхъ идей и стремленій. Могущественныя семейныя и политическія вліянія опредѣлили собою тотъ идеалъ монарха, который такъ ярко отражается въ рѣчахъ Вильгельма II.

Какъ ораторъ, Вильгельмъ II отличается нѣкоторою высокопарностью и напыщенностью тона, но онъ всегда высказывается искренно и вращается постоянно въ кругѣ однихъ и тѣхъ же понятій и чувствъ. Нѣкоторые взгляды повторяются имъ много разъ, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Все міросозерцаніе его покоится на религіозной основѣ, но сама религія понимается имъ весьма своеобразно, какъ служебная сила по отношенію къ Пруссіи и ея династіи. Въ одной изъ своихъ раннихъ рѣчей, въ февралѣ 1892-го года, Вильгельмъ II выразилъ „незыблемое убѣжденіе, что союзникъ по Россбаху и Денневицу не покинетъ Пруссію, ибо послѣ безконечныхъ заботъ о старой Бранденбургской маркѣ и о домѣ Гогенцоллерновъ нельзя предположить, что всѣ эти труды предприняты безцѣльно и напрасно“. Не сразу можно было бы догадаться, что „старый союзникъ“ Пруссіи, доставившій ей побѣду при Россбахѣ и неустанно хлопотавшій о Бранденбургѣ и Гогенцоллернахъ, есть не кто иной, какъ самъ Господь Богъ. „Богъ всегда былъ вѣренъ Прусской землѣ и всему нѣмецкому отечеству“—говоритъ императоръ въ 1897-мъ году, при обращеніи къ войскамъ. „Я увѣренъ, что мы всегда будемъ побѣдителями, хотя бы со всѣхъ сторонъ насъ окружали враги, ибо живъ могущественный союзникъ, нашъ старый, добрый Богъ на небѣ, который еще со временъ великаго курфюрста и великаго короля былъ всегда на нашей сторонѣ“ (1901 г.).

Это фамильярное обращеніе съ творцомъ вселенной, какъ съ „старымъ союзникомъ“, истекаетъ не изъ сознательнаго неуваженія къ религіи, а изъ крайне высокаго представленія о божественномъ характерѣ прусской королевской власти. Гогенцоллерны, какъ „избранныя орудія неба“, дѣйствуютъ на землѣ „по уполномочію свыше“ и даже на небесахъ занимаютъ особое, почетное мѣсто, гдѣ производятъ смотры явившимся частямъ арміи и принимаютъ доклады и отчеты отъ бывшихъ подданныхъ. „Взоры моихъ предковъ обращены на меня съ того свѣта, — говоритъ Вильгельмъ II въ первомъ приказѣ по арміи, по вступленіи на престолъ—и я обязанъ буду отдать имъ отчетъ о славѣ и чести арміи“. „Взоръ великаго императора покоится на васъ, какъ и на всей арміи, — повторяетъ онъ въ обращеніи къ рекрутамъ, восемь лѣтъ спустя;—дай Богъ, чтобы при небесномъ призывѣ

мы могли предстать предъ нимъ въ достойномъ видѣ!" „Вы знаете—заявляетъ онъ своимъ „бранденбуржцамъ" въ февралѣ 1891-го года,—что все мое положеніе и мою задачу я разсматриваю какъ назначенныя мнѣ небомъ и что я призванъ по порученію свыше". Городъ безсмертнаго Канта—Кенигсбергъ— „пріобрѣлъ крупное значеніе для всей современной жизни тѣмъ однимъ фактомъ, что здѣсь его величество усопшій императоръ Вильгельмъ I вновь провозгласилъ королевство Божіею милостью и выразилъ это торжественно въ дворцовой церкви предъ цѣлымъ свѣтомъ"; это „королевство Божіею милостью означаетъ, что мы, Гогенцоллерны, получаемъ свою корону только отъ неба и за лежащія на ней обязанности должны отвѣчать предъ небомъ" (рѣчь 15-го мая 1890 г.). Предъ глазами оратора неизмѣнно стоитъ образъ его царственнаго дѣда „въ тотъ моментъ, когда онъ, въ качествѣ короля Божіею милостью, съ скипетромъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой, отдавалъ честь только Богу и отъ него принималъ корону; этимъ онъ сдѣлался не только избраннымъ орудіемъ, но и образцомъ для всѣхъ потомковъ, которые, подобно ему, должны сознавать, что они могутъ достигнуть чего-нибудь только черезъ своего Бога и въ единеніи съ своимъ Богомъ, назначившимъ ихъ на должность" (рѣчь въ память двадцатипятилѣтія франкфуртскаго мира, въ маѣ 1896-го года). Вильгельмъ I вступилъ на царство „какъ избранное орудіе Господа" и самъ признавалъ себя такимъ орудіемъ. „Для всѣхъ насъ и прежде всего для государей—восклицаетъ его внукъ въ августѣ 1897-го года—онъ поднялъ высоко драгоцѣнность и увеличилъ ея блескъ, драгоцѣнность, которую и намъ слѣдуетъ держать высоко и свято: королевство Божіею милостью, королевство съ его тяжелыми обязанностями, съ его нескончаемыми, непрерывно продолжающимися трудами и заботами, съ его страшною отвѣтственностью передъ однимъ Творцомъ, отъ которой никакой человѣкъ, никакой министръ, никакая палата депутатовъ не можетъ освободить государя". Членамъ имперскаго сейма, въ маѣ 1898-го года, предлагается всегда помнить, что „каждый, кто бы онъ ни былъ, долженъ стараться быть готовымъ по небесному призыву явиться съ чистою совѣстью предъ своимъ Богомъ и своимъ старымъ императоромъ, и когда его спросятъ, работалъ ли онъ отъ чистаго сердца для блага имперіи, открыто сказать: да!"

Старому императору уже прямо отводится здѣсь какая-то властная роль и на небѣ, рядомъ съ „старымъ, добрымъ Богомъ"... „Я представляю собою королевство Божіею милостью, подобно моему царственному дѣду",—говоритъ Вильгельмъ II.

въ сентябрѣ 1894-го года. „Король царствуетъ Божіею милостью, — пишетъ онъ въ „золотой книгѣ“ одной иллюстрированной газеты, на рубежѣ новаго столѣтія,—и потому онъ отвѣтственъ только передъ Господомъ Богомъ. Онъ долженъ избирать свой путь и свои дѣйствія только съ этой точки зрѣнія. Эта страшно тяжелая отвѣтственность, которую несетъ король за свой народъ, даетъ ему также право на вѣрное содѣйствіе подданныхъ. Каждый человѣкъ изъ народа долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что на немъ лично лежитъ извѣстная доля отвѣтственности за благосостояніе отечества“. Наконецъ еще недавно, въ августѣ текущаго года, на банкетѣ въ Кенигсбергѣ, Вильгельмъ вновь подтвердилъ, что прусскіе короли носятъ корону по собственному праву, помимо всякихъ парламентовъ и народныхъ собраній, и исполняютъ свои правительственныя и королевскія функціи въ качествѣ высшихъ органовъ Провидѣнія на землѣ, не обращая вниманія на „мнѣнія и взгляды текущаго дня“.

II.

Если задать себѣ вопросъ, въ чемъ собственно заключается реальное содержаніе этого божественнаго права королей и какіе должны быть сдѣланы изъ него практическіе выводы, то отвѣта мы не найдемъ въ рѣчахъ Вильгельма II. Мы имѣемъ только прямыя указанія на то, что *не* входитъ въ составъ этого права, не противорѣчитъ ему и не задѣвается имъ.

Во-первыхъ, король Божіею милостью признаетъ себя безусловно обязаннымъ соблюдать конституцію, уважать законы и права народнаго представительства. Въ своей первой тронной рѣчи, при открытіи имперскаго сейма, 25-го іюня 1888-го года, Вильгельмъ II торжественно заявилъ, что важнѣйшая задача германскаго императора въ области внутреннихъ дѣлъ—надзоръ за исполненіемъ имперскихъ законовъ; „высшій изъ этихъ законовъ—имперская конституція; охранять и ограждать ее, во всѣхъ правахъ, которыя она обезпечиваетъ обоимъ законодательнымъ учрежденіямъ имперіи и каждому нѣмцу, а также императору и отдѣльнымъ союзнымъ государствамъ и ихъ правителямъ—главнѣйшее право и обязанность императора“. Въ прусской палатѣ депутатовъ, 27-го іюня того же года, онъ далъ требуемое конституціею формальное обѣщаніе „твердо и неукоснительно соблюдать конституцію королевства и управлять въ согласіи съ нею и съ законами“. „Соотвѣтственно данному обѣщанію—ска-

залъ онъ по этому случаю—я буду вѣрно и добросовѣстно уважать и охранять законы и права народнаго представительства и съ одинаковою добросовѣстностью ограждать и осуществлять конституціонныя права короны, чтобы когда-нибудь передать ихъ безъ урѣзокъ моимъ преемникамъ на престолѣ... Я приступаю къ поставленной мнѣ Божіимъ промысломъ задачѣ съ твердымъ сознаніемъ долга, памятуя слово великаго Фридриха, что въ Пруссіи король есть первый слуга государства".

И дѣйствительно, Вильгельмъ II за все время своего царствованія не совершалъ и не допускалъ никакого покушенія на права народнаго представительства, хотя ему не разъ приходилось встрѣчать упорные отказы парламента въ осуществленіи самыхъ излюбленныхъ его проектовъ; въ такихъ случаяхъ онъ подчинялся необходимости и откладывалъ свои планы или отказывался отъ нихъ окончательно. Нигдѣ въ его рѣчахъ мы не видимъ намека на отрицательное отношеніе къ идеѣ народнаго представительства или на какой-либо принципіальный антагонизмъ между властью и народомъ; напротивъ, всегда предполагается, что органы власти существуютъ для пользы и блага народа и что само государство есть только высшее воплощеніе народныхъ правъ и интересовъ.

Служеніе государству, съ точки зрѣнія Вильгельма II, есть въ то же время служеніе народу. „Мы должны жить и трудиться для народа, для общихъ цѣлей прогрессивной культуры и для поддержанія мира"—говоритъ онъ въ мартѣ 1897-го года. „Мои силы принадлежатъ отечеству; всѣ мои стремленія и всѣ мои труды направлены къ тому, чтобы видѣть мое отечество великимъ, могущественнымъ и уважаемымъ. Воодушевляемый этой мыслью, я вступилъ на престолъ; въ этихъ мысляхъ я живу, и если задача кажется мнѣ иногда тяжелою, и я иногда начинаю думать, что она мнѣ не по силамъ, то поддержкою и поощреніемъ къ дальнѣйшей дѣятельности служитъ выражаемое мнѣ довѣріе" (рѣчь во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ декабрѣ 1889-го года). „Во главѣ арміи служить отечеству—такова моя воля и таково было главнѣйшее желаніе всѣхъ моихъ предковъ". „Въ скорби и радости, въ войнѣ и побѣдѣ король и народъ Пруссіи связаны неразрывно, твердо проникнутые одной идеею—служить отечеству" (1901 г.). „Въ довѣрчивомъ расположеніи моего народа я всегда буду видѣть лучшую награду за мои труды; мои усилія будутъ неустанно направлены къ тому, чтобы укрѣпить основы успѣшнаго дальнѣйшаго развитія во всѣхъ областяхъ общественной жизни и двинуть отечество впередъ на мирномъ пути" (1902 г.).

Въ этихъ и подобныхъ имъ указаніяхъ на задачи и стремленія королевской власти чувствуется уже нѣчто другое, чѣмъ въ гордыхъ ссылкахъ на божественное право и на полномочія свыше. Если источникъ могущества королей находится на небѣ, а не на землѣ, то зачѣмъ имъ грозныя, разорительныя для народовъ арміи? Противъ полномочій свыше были бы безсильны всякія конституціонныя гарантіи, и никакая конституція не устояла бы предъ лицомъ посланника небесъ. „Солдаты и армія, а не парламентскія рѣшенія, создали имперію", — замѣчаетъ Вильгельмъ II въ одной изъ своихъ рѣчей за 1891-ый годъ; но солдаты и армія не представляютъ собою божественнаго начала и не могутъ претендовать на полномочія свыше. Солдаты и армія—это „вооруженный народъ", котораго нельзя противопоставлять тому же народу, выражающему свою коллективную волю въ парламентѣ. Въ устахъ прусскаго короля, возведеннаго въ санъ германскаго императора побѣдами національныхъ нѣмецкихъ войскъ, „королевство Божіею милостью" не имѣетъ и не можетъ имѣть значенія враждебнаго или чуждаго національнымъ правамъ и интересамъ; оно указываетъ скорѣе на священный характеръ королевскихъ обязанностей, чѣмъ на силу и объемъ королевскихъ правъ.

Во-вторыхъ, монархія „Божіею милостью" въ лицѣ Вильгельма II фактически не умаляетъ правъ общественной свободы, не ограничиваетъ и не стѣсняетъ оппозиціи и вполнѣ уживается съ широкимъ правомъ публичной критики. Печать всегда безпрепятственно обсуждала заявленія и дѣйствія короля-императора, затрагивая нерѣдко и его интимную жизнь. „Ежедневныя газеты моей столицы—жаловался онъ въ октябрѣ 1888-го года—вовлекаютъ въ кругъ своихъ сужденій обстоятельства моей фамиліи въ такомъ тонѣ, какого никогда не потерпѣло бы частное лицо". Печать, по его словамъ, перетолковываетъ его мнѣнія вкривь и вкось, „забывая старое правило, высказанное нѣкогда старымъ императоромъ (Рудольфомъ Габсбургскимъ), что императорскимъ словомъ не слѣдуетъ вертѣть въ разныя стороны" (1890 г.). Когда въ мартѣ 1901-го года было совершено на него покушеніе въ Бременѣ, онъ заявилъ, что этотъ инцидентъ не можетъ оказать никакого вліянія на его мнѣнія и намѣренія: „всѣ комбинаціи и предположенія, высказываемыя по этому поводу въ печати относительно моего настроенія, основаны на полномъ незнаніи и лишены всякой почвы". „Я остаюсь тѣмъ же, какимъ былъ,—говорилъ онъ далѣе, при пріемѣ президіума прусской верхней палаты,—и никогда не допущу, чтобы подобныя

происшествія могли отклонить меня отъ пути, по которому я считаю себя обязаннымъ слѣдовать. Въ своихъ путешествіяхъ я сталкиваюсь со всѣми слоями населенія и очень хорошо знаю, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ въ народѣ. Но сильно ошибается тотъ, кто повѣритъ, что случившееся можетъ отразиться на моихъ общихъ предположеніяхъ и мѣропріятіяхъ". Вильгельмъ II не поколебался въ убѣжденіи, что общественная свобода есть необходимое условіе всякихъ культурныхъ и государственныхъ успѣховъ. „Велики заслуги нѣмцевъ въ ихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, велики способности ихъ къ организаціи и дисциплинѣ. Свобода для отдѣльной личности, стремленіе къ развитію индивидуальности, присущее германскому племени, обусловлены подчиненіемъ цѣлому для блага всѣхъ... Свобода для мысли, свобода для дальнѣйшаго развитія религіи и свобода для научнаго изслѣдованія—такова свобода, которой я желаю нѣмецкому народу и которую я хотѣлъ бы завоевать для него, а не свобода плохо управлять собою по произволу" (ноябрь 1902 г.). Прусскій король „стоитъ выше всякихъ партій и партійныхъ счетовъ"; онъ съ одинаковымъ вниманіемъ и „съ равною заботливостью относится ко всѣмъ и къ каждому въ отдѣльности"—по крайней мѣрѣ въ принципѣ; на практикѣ онъ, конечно, чувствуетъ свою близость къ поземельной аристократіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что общій взглядъ на міръ и на людей имѣетъ у Вильгельма II какія-то странныя, средневѣковыя черты: современныя событія и отношенія, личности королей и императоровъ переносятся въ искусственныя, условныя рамки и окрашиваются фантастическимъ свѣтомъ. Настойчивыя, однообразно повторяемыя усилія возвеличить до небесъ стараго императора и присвоить ему титулъ „Великаго" должны вызывать непріятное чувство среди нѣмецкихъ патріотовъ уже потому, что рядомъ съ этимъ несправедливо принижается или даже замалчивается великая роль Бисмарка. Знаменитый канцлеръ упорно низводится на степень „вѣрнаго слуги", простого исполнителя мудрыхъ предначертаній и плановъ монарха; онъ зачисляется въ рядъ тѣхъ „почтенныхъ и дѣловитыхъ совѣтниковъ, которые имѣли честь осуществлять мысли своего повелителя, оставаясь только орудіями его возвышенной воли" (1897 г.). Въ теченіе будущихъ столѣтій „величавая личность" Вильгельма I „будетъ такъ же окружена легендами, такъ же высоко стоять надъ всѣми въ нѣмецкомъ народѣ, какъ нѣкогда образъ императора Барбароссы". „Еслибы онъ родился въ средніе вѣка, онъ былъ бы признанъ святымъ, и толпы пилигримовъ приходили бы изъ раз-

ныхъ странъ, чтобы молиться надъ его прахомъ. Слава Богу, что и теперь это происходитъ: дверь его могилы всегда открыта, ежедневно съѣзжаются туда вѣрные подданные и приводятъ своихъ дѣтей; иностранцы являются, чтобы порадоваться лицезрѣніемъ этого великаго старца и его статуй". Для современниковъ этотъ легендарный монархъ былъ воплощеніемъ прусской военной выправки и добродушной корректности; Бисмаркъ откровенно приписывалъ ему міросозерцаніе „средняго прусскаго офицера", соединенное съ природнымъ упорствомъ, которое иногда трудно было преодолѣть. Святой и великій мудрецъ-властелинъ, объединившій Германію при помощи „вѣрныхъ слугъ", принадлежитъ къ области той національно-патріотической миѳологіи, которая владѣетъ умомъ и воображеніемъ Вильгельма II.

III.

Эта миѳологія Вильгельма II сказывается и въ его частыхъ историческихъ параллеляхъ и примѣрахъ, и въ удивительныхъ разсужденіяхъ о „небесномъ союзникѣ", и даже въ оцѣнкѣ добродѣтелей и заслугъ отдѣльныхъ классовъ народа. Дворянъ-аграріевъ онъ принимаетъ за искреннихъ представителей интересовъ крестьянства; „я неустанно думаю о томъ, какъ бы вамъ помочь — говоритъ онъ ихъ делегатамъ, — но вы должны меня поддерживать не шумною агитаціею, которую вы такъ справедливо ставите въ вину оппозиціи, а довѣрчивымъ обращеніемъ къ своему суверену; моя дверь во всякое время открыта для каждаго изъ моихъ подданныхъ, и я охотно готовъ выслушать всякаго". Каждый подданный—конечно, только изъ разряда тѣхъ привилегированныхъ счастливцевъ, предъ которыми дѣйствительно во всякое время откроется дверь къ королю-императору. Къ представителямъ крупно-землевладѣльческаго „союза сельскихъ хозяевъ" Вильгельмъ II обращается со словами: „изъ того, что я принялъ васъ, вы видите, насколько мнѣ близки нужды и потребности нашихъ крестьянъ, и насколько серьезно мое заявленіе, что моя дверь открыта для каждаго изъ моихъ подданныхъ" (1895 г.). Въ роли „каждаго" изъ подданныхъ, и притомъ изъ крестьянъ, фигурировалъ въ данномъ случаѣ дворянинъ фонъ-Плетцъ, съ товарищами по президіуму союза. На банкетѣ бранденбургскаго провинціальнаго сейма, въ февралѣ 1895-го года, король опять-таки утѣшаетъ дворянъ-землевладѣльцевъ, какъ бѣдствующихъ представителей крестьянскаго землевладѣнія, и

совѣтуетъ имъ не требовать осуществленія утопій, ибо „ни одно сословіе не можетъ претендовать на то, чтобы получать особыя преимущества предъ другими". Другими словами, рѣчь идетъ о непомѣрныхъ требованіяхъ привилегированныхъ аграріевъ, а вовсе не о нуждахъ крестьянства. Короля особенно огорчаетъ недовольство и оппозиція близкихъ ему круговъ дворянства: „оппозиція прусскихъ дворянъ есть нелѣпость,—она только тогда имѣетъ оправданіе, когда во главѣ ея стоитъ король". Это значитъ, что дворянство, по своему вліянію и связямъ, можетъ успѣшно достигать своихъ цѣлей при помощи власти, не прибѣгая къ открытой оппозиціи, и что, слѣдовательно, оно поставлено по отношенію къ коронѣ совершенно иначе, чѣмъ другіе разряды подданныхъ.

Оппозиція буржуазныхъ прогрессистовъ и соціалъ-демократовъ должна была бы считаться вполнѣ естественною, но тѣмъ не менѣе она вызываетъ далеко не столь благодушные и снисходительные отзывы, какъ оппозиція дворянская. Недовольство низшихъ и среднихъ классовъ объясняется не какими-либо разумными и основательными причинами, а злонамѣренностью, враждебными интригами и агитаціею. „Духъ непокорности крадется по странѣ; облеченный въ соблазнительно-сіяющія одежды, онъ пытается произвести замѣшательство въ умахъ моего народа и смутить преданныхъ мнѣ людей; онъ употребляетъ океанъ печатныхъ чернилъ и бумаги, чтобы скрыть тѣ пути, которые должны быть ясны для всякаго, кто знаетъ меня и мои принципы. Это меня однако не останавливаетъ,—продолжаетъ король-императоръ:—мы должны стремиться впередъ, мы должны работать и бороться; а для успѣховъ цѣлаго неизбѣжно въ отдѣльныхъ случаяхъ жертвовать частными интересами. Наши нынѣшнія партіи построены на интересахъ и часто слишкомъ односторонне преслѣдуютъ ихъ, каждая для себя. Великая заслуга моихъ предковъ — въ томъ, что они никогда не становились на сторону какой-либо партіи, а всегда стояли надъ партіями, и имъ удавалось объединять ихъ для блага цѣлаго" (1891 г.). Между тѣмъ самъ Вильгельмъ II много разъ заявлялъ, что чувствуетъ себя солидарнымъ только съ консерваторами и аграріями и относится отрицательно къ прогрессивно-радикальнымъ партіямъ. Духъ недовольства и оппозиціи представляется ему чѣмъ-то ненормальнымъ, чуть-ли не граничащимъ съ измѣною. „Къ сожалѣнію—замѣчаетъ онъ,—у насъ вошло теперь въ обычай осуждать и перетолковывать все, что исходитъ отъ правительства. Подъ ничтожнѣйшими предлогами разстраивается спокойствіе

людей и отравляется ихъ радость существованія, ихъ сознаніе жизни и процвѣтанія нашего великаго германскаго отечества. Изъ этихъ кривотолковъ и этой травли возникаетъ у многихъ мысль, что наша страна — самая несчастная въ мірѣ, что она управляется наихудшимъ образомъ и что жить въ ней — одно мученіе. Мы всѣ знаемъ, что это не такъ. Но тогда не лучше ли было бы, еслибы эти недовольные ворчуны отряхнули нѣмецкій прахъ съ ногъ своихъ и поскорѣе удалились отъ нашихъ бѣдственныхъ и жалкихъ условій? Это помогло бы имъ и доставило бы намъ большое удовлетвореніе" (1892 г.). Такъ какъ къ числу недовольныхъ принадлежитъ огромное число рабочаго класса, то удаленіе ихъ было бы едва-ли удобно для высшихъ сословій; „ворчуны" и отрицатели осмѣливаются думать, что имѣютъ такое же, если не большее, право на прочное существованіе въ родной странѣ, какъ и самодовольные и удовлетворенные элементы прусскаго юнкерства.

Противъ активной оппозиціи трудящихся выдвигается на словахъ угроза военной расправы. Въ ежегодныхъ обращеніяхъ къ рекрутамъ гвардейскихъ полковъ, при принесеніи ими присяги въ Потсдамѣ, король неизмѣнно проводитъ ту мысль, что присягнувшіе солдаты принадлежатъ ему лично, въ качествѣ безотвѣтныхъ исполнителей его воли. Особенно рѣзко выразилъ онъ эту идею въ ноябрьской рѣчи 1891-го года: „отнынѣ, послѣ присяги, вы становитесь моими солдатами, вы отдались мнѣ душой и тѣломъ, и если при нынѣшнихъ соціалистическихъ волненіяхъ я вынужденъ былъ бы—чего Боже упаси—приказать вамъ стрѣлять въ вашихъ близкихъ родныхъ, въ братьевъ и даже родителей, вы должны бы исполнить это безпрекословно". Извѣстно, что въ началѣ своего царствованія Вильгельмъ II разошелся съ Бисмаркомъ именно изъ-за того, что не допускалъ и мысли объ „устройствѣ кровопролитія среди своего собственнаго народа"; тогда онъ еще надѣялся на свои собственные способы благополучнаго рѣшенія соціальной проблемы, на почвѣ христіанскихъ чувствъ, при помощи международныхъ конференцій и соглашеній, разсчитывая отвлечь рабочія массы отъ соціалъ-демократіи. „Для меня—заявлялъ онъ въ 1889-мъ году—всякій соціалъ-демократъ есть врагъ имперіи и отечества". „Я смотрю на соціалъ-демократію какъ на преходящее явленіе,—говорилъ онъ въ 1900-мъ году:—она сама себя исчерпаетъ". При пріемѣ рабочихъ депутацій онъ обыкновенно убѣждалъ ихъ не вѣрить соціалъ-демократамъ и полагаться болѣе на заботливыя мѣры правительства. „Годами продолжалась въ вашей средѣ

агитація соціалистовъ,—объяснялъ онъ рабочимъ въ Бреславлѣ,— и вы давали себя увѣрить, что еслибы вы не принадлежали къ этой партіи и не признавали себя ея членами, вы не имѣли бы никакого значенія и не были бы въ состояніи добиться, чтобы ваши справедливые интересы принимались во вниманіе для улучшенія вашего положенія. Это—грубая ложь и тяжелая ошибка. Вмѣсто того, чтобы быть объективными вашими представителями, агитаторы пытались возстановить васъ противъ вашихъ хозяевъ, противъ другихъ сословій, противъ трона и алтаря, и въ то же время безпощадно васъ эксплуатировали, терроризировали и порабощали, чтобы увеличить свое могущество. И на что употреблялось это могущество? Не для возвышенія вашего благосостоянія, а для того, чтобы сѣять вражду между классами и распространять постыдныя клеветы, для которыхъ не осталось ничего святого... Съ такими людьми вы, какъ честные работники, не можете и не должны имѣть никакого дѣла. Посылайте намъ въ составъ народнаго представительства вашихъ друзей и товарищей изъ вашей среды, скромныхъ людей изъ мастерскихъ, простыхъ рабочихъ, пользующихся вашимъ довѣріемъ. Пусть они отстаиваютъ ваши желанія и интересы, и мы будемъ радостно привѣтствовать ихъ, какъ трудовыхъ представителей нѣмецкаго рабочаго класса, но не какъ соціалъ-демократовъ. Съ такими представителями рабочаго сословія, сколько бы ихъ ни было, мы будемъ охотно работать совмѣстно для блага народа и страны" (1902 г.).

Само собою разумѣется, что эти тихіе и скромные рабочіе имѣли бы мало шансовъ попасть въ прусскій парламентъ при существующей трехклассной избирательной системѣ, и готовность привѣтствовать ихъ тамъ, какъ депутатовъ, „сколько бы ихъ ни было", имѣетъ видъ горькой ироніи; но еслибы даже ихъ оказалось много въ имперскомъ сеймѣ, они безъ общаго сознательнаго руководства никогда не составили бы той могущественной партіи, какою признаетъ ихъ теперь самъ Вильгельмъ II. Тихіе и скромные избранники рабочихъ, попавшіе, съ соизволенія хозяевъ и господъ, въ составъ народнаго представительства, находились бы въ томъ же незавидномъ положеніи, въ какомъ находятся смиренные нѣмецкіе крестьяне, за спиною которыхъ устраиваютъ свои дѣла мнимые представители и защитники ихъ, дворяне-землевладѣльцы. Что касается вопроса, зачѣмъ нужно рабочей партіи могущество, то вмѣсто отвѣта можно спросить: почему такой вопросъ не ставится относительно аграріевъ или промышленниковъ? Вліятельное положеніе соціалъ-демократиче-

ской группы въ парламентѣ несравненно вѣрнѣе обезпечиваетъ заботливое вниманіе правительства къ рабочему классу, чѣмъ добрая воля высокопоставленныхъ лицъ. Посѣтивъ одно изъ своихъ помѣстій близъ Эльбинга, въ іюнѣ 1899-го года, императоръ нашелъ, что помѣщеніе для скота составляетъ настоящій дворецъ сравнительно съ жилищами для рабочихъ: „необходимо позаботиться, чтобы свиные хлѣвы не были лучше тѣхъ построекъ, гдѣ помѣщаются рабочіе". Вполнѣ естественно, что духъ недовольства растетъ въ трудящемся населеніи, вынужденномъ жить хуже скота даже въ королевскихъ помѣстьяхъ. Организованная соціалъ-демократія развивается и крѣпнетъ именно для того, чтобы охрана правъ и интересовъ рабочихъ массъ не зависѣла отъ благорасположенія отдѣльныхъ распорядителей и отъ разныхъ случайностей. По мѣрѣ роста и усиленія рабочей партіи исчезаетъ и наивная надежда на возвратъ ея къ идеаламъ тихихъ и скромныхъ тружениковъ, привыкшихъ терпѣливо переносить всякія невзгоды въ ожиданіи лучшихъ временъ; вмѣстѣ съ тѣмъ смягчаются прежнія угрозы противъ соціалистовъ и становятся менѣе настойчивыми призывы къ совмѣстной борьбѣ буржуазно-консервативныхъ партій противъ идеи соціальнаго переворота. Грозныя слова легко сходили съ устъ Вильгельма II, но не переходили въ дѣло. Въ мартѣ 1890-го года, на банкетѣ бранденбургскаго сейма, онъ неожиданно обѣщалъ „сокрушить тѣхъ, кто станетъ ему поперекъ дороги въ его работѣ", но съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени никого еще не сокрушилъ. За всѣ двадцать два года его правленія ни разу прусскія войска не были поставлены въ необходимость употребить оружіе противъ рабочихъ и соціалъ-демократовъ; можно быть увѣреннымъ, что и въ будущемъ ничего подобнаго не произойдетъ. Король-императоръ по существу стоитъ за прогрессивное рабочее законодательство и за удовлетвореніе законныхъ соціально-экономическихъ потребностей рабочаго класса; онъ очень много и хорошо разсуждаетъ о рабочемъ вопросѣ, но упорно отказывается понимать соціалъ-демократію.

IV.

Фантастическій элементъ отпадаетъ въ заявленіяхъ Вильгельма II по текущимъ вопросамъ внутренней и особенно внѣшней политики. Онъ вполнѣ здраво говоритъ о важности прочнаго мира, опирающагося на сильную армію, и о необхо-

димости создать могущественный флотъ для расширенія и поддержки международной торговли и колоніальныхъ интересовъ Германіи. Онъ не вѣритъ въ возможность полнаго устраненія войнъ путемъ общихъ взаимныхъ соглашеній между великими націями. „Это, конечно, великое начинаніе — установить миръ для всѣхъ народовъ, но въ логическихъ предпосылкахъ этой идеи допущена ошибка. Пока неискупленный грѣхъ господствуетъ въ человѣчествѣ, до тѣхъ поръ будутъ возникать война и вражда, зависть и раздоръ, и люди будутъ стараться одерживать верхъ другъ надъ другомъ; а что̀ составляетъ законъ между людьми, то примѣнимо и къ народамъ. Поэтому по крайней мѣрѣ мы, германцы, должны держаться вмѣстѣ, какъ крѣпкая скала, и объ эту скалу нѣмецкаго народа разобьется далеко на морѣ и у насъ дома въ Европѣ всякая угрожающая миру волна“ (февраль 1899 г.). „Прежде чѣмъ теоріи вѣчнаго мира получатъ всеобщее примѣненіе, пройдетъ еще не одно столѣтіе, а пока вѣрнѣйшею охраною мира служитъ Германская имперія, ея государи и предводимая ими армія“ (сентябрь того же года). Извѣстная фраза Бисмарка: „мы, нѣмцы, никого не боимся кромѣ Бога“ цитируется множество разъ, хотя и безъ указанія автора; но предпринимать войну безъ крайней надобности было бы безуміемъ, и Вильгельмъ II выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ мира, подъ условіемъ неустанныхъ мирныхъ завоеваній и пріобрѣтеній. „Наука, искусство и языкъ Германіи распространяютъ свою власть въ мірѣ, и къ такому именно владычеству стремится германскій духъ“ (1902 г.). О всемірной монархіи иного рода никто и не думаетъ въ наше время. „Я далъ себѣ зарокъ, на основаніи моего знакомства съ исторіею, никогда не стремиться къ пустому и безплодному міровому господству. Что̀ осталось отъ такъ называемыхъ міровыхъ имперій? Александръ Великій, Наполеонъ первый, всѣ эти великіе полководцы,—они плавали въ крови и оставили послѣ себя порабощенные народы, которые тотчасъ же вновь возстали и привели созданныя имперіи къ распаденію. Міровая власть, о которой я мечталъ,—говоритъ далѣе Вильгельмъ II—должна заключаться въ томъ, что Германская имперія прежде всего будетъ пользоваться абсолютнѣйшимъ довѣріемъ, въ качествѣ спокойнаго, честнаго, мирнаго сосѣда, и что если когда-нибудь въ исторіи будетъ идти рѣчь о нѣмецкой міровой имперіи или о міровомъ владычествѣ Гогенцоллерновъ, то эта имперія и это владычество будутъ основываться не на завоеваніяхъ мечомъ, а на взаимномъ довѣріи націй, стремящихся къ одинаковымъ цѣлямъ, чтобы, по

выраженію поэта, мы были „ограничены извнѣ и безграничны внутри“ (мартъ 1905 г.). „Каждый объективный наблюдатель событій на нашемъ земномъ шарѣ невольно замѣчаетъ, что солидарность между народами культурныхъ странъ дѣлаетъ безспорные успѣхи въ различныхъ областяхъ. И эти области расширяются; эта солидарность незамѣтно, но неудержимо переходитъ какъ въ программу правителей государствъ, такъ и въ мысли самоуправляющихся мирныхъ гражданъ. Эта солидарность питается и поддерживается разными способами,—то въ серьезныхъ политическихъ совѣщаніяхъ, то на конгрессахъ, то въ состязаніяхъ и игрѣ. И въ этомъ отношеніи можно сказать, что въ дѣтскихъ играхъ заключается глубокій смыслъ“ (іюнь 1904 г.).

При такомъ широкомъ взглядѣ на международныя отношенія теряетъ почву узкій націонализмъ, несвойственный вообще германскому народу. Имперія создалась изъ многихъ народностей и племенъ, сохраняющихъ свои автономныя черты, но связанныхъ политическимъ единствомъ и общностью культуры. Въ германской арміи—сказано въ одномъ изъ военныхъ приказовъ 1902-го года—соединяются традиціи многихъ племенъ и областей; имперское правительство считаетъ своимъ долгомъ беречь эти традиціи, такъ какъ въ нихъ отражается исторія страны. Принципы самоуправленія свободно примѣняются повсюду, даже въ завоеванныхъ у французовъ пограничныхъ земляхъ Эльзаса и Лотарингіи, гдѣ исключительныя полномочія администраціи окончательно отмѣнены въ маѣ 1902-го года. Только относительно поляковъ продолжаются старыя усилія внѣшней германизаціи, но—какъ неоднократно подчеркивалось Вильгельмомъ II—безъ ущерба для религіозной свободы и внутренняго культурнаго развитія. „Прусское королевство состоитъ изъ многихъ народностей, которыя гордятся своею прошлою исторіею и своими мѣстными особенностями. Это, однако, не мѣшаетъ имъ быть вѣрными пруссаками. Такъ должно быть и здѣсь: воспоминанія и традиціи могутъ спокойно существовать, но они составляютъ исторію и принадлежатъ прошлому. Теперь мы знаемъ только пруссаковъ“ (1902 г.). Господство нѣмецкаго элемента „означаетъ господство культуры, свободы для всѣхъ, какъ въ религіи, такъ и въ настроеніи и дѣятельности“ (1905 г.). Величайшая заслуга и хвала прусской администраціи, съ точки зрѣнія императора—въ умѣніи заслужить спокойное довѣріе и расположеніе различныхъ слоевъ населенія, пріобрѣсти и поддерживать репутацію безупречной добросовѣстности, умѣлости и пониманія (1903 г.).

О политикѣ обуздавія и устрашенія подданныхъ ничего не знаютъ и не слыхали въ Пруссіи.

Съ замѣчательною энергіею и настойчивостью проводитъ Вильгельмъ II ту идею, что „будущность Германіи—на моряхъ и океанахъ“ (сентябрь 1898 г.) и что „сильный германскій флотъ есть дѣло горькой необходимости“ (октябрь 1899 г.). Событія въ Китаѣ, въ связи съ убійствомъ германскаго посла въ Пекинѣ, дали императору случай наглядно демонстрировать практическое значеніе флота для Германіи. Въ іюлѣ 1900-го года нѣмцы впервые вынуждены были отправить экспедицію въ далекія страны для огражденія чести и достоинства своей имперіи. „Всѣ могли убѣдиться—говорилъ по этому поводу Вильгельмъ II,— какъ могущественно ударяютъ волны океана въ ворота нашего дома и заставляютъ насъ, въ качествѣ великаго народа, занять подобающее намъ мѣсто въ мірѣ, — однимъ словомъ, толкаютъ насъ къ міровой политикѣ. Океанъ необходимъ для величія Германіи. Но океанъ доказываетъ также, что на немъ и за нимъ, безъ Германіи и безъ германскаго императора, не можетъ и не должно быть принято ни одно рѣшеніе“. „Я не успокоюсь, пока Китай не будетъ наказанъ и пока всѣ кровавыя злодѣянія не будутъ отомщены—такъ напутствовалъ онъ моряковъ уходившей эскадры.—При встрѣчѣ знайте: пощады нѣтъ, плѣнныхъ не берутъ. Дѣйствуйте такъ, чтобы черезъ тысячу лѣтъ ни одинъ китаецъ не осмѣлился косо взглянуть на нѣмца“. Послѣ этихъ жестокихъ, чисто языческихъ изреченій императоръ произнесъ религіозную проповѣдь на своей яхтѣ „Гогенцоллернъ“, исполняя, по обыкновенію, роль священника; онъ взялъ тему изъ ветхаго завѣта и доказывалъ цитатами изъ священнаго писанія, что рядомъ съ безпощадными проявленіями „бронированнаго кулака“ должны возноситься къ „старому Богу“, „старому союзнику“, смиренныя молитвы объ успѣхѣ и благополучіи отечественныхъ войскъ (29 іюля 1900 г.). Въ августѣ того же года, при отъѣздѣ графа Вальдерзее на Дальній Востокъ, Вильгельмъ II сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о Россіи, по иниціативѣ которой состоялось назначеніе прусскаго фельдмаршала главнокомандующимъ соединенными отрядами великихъ державъ въ Китаѣ. О Россіи и русскомъ правительствѣ онъ оффиціально отзывался всегда въ самыхъ сердечныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ. Къ Японіи онъ относился сперва съ замѣтнымъ недовѣріемъ, такъ какъ она принадлежала къ тому грозному и загадочному монгольскому міру, отъ котораго, по его мнѣнію, предстояли великія опасности для Европы. Извѣстенъ рисунокъ импе-

ратора, изображавшій это мнѣніе, съ надписью: „народы Европы, оберегайте самыя священныя свои блага!“ Прошло нѣсколько лѣтъ—и неожиданныя событія привели къ переоцѣнкѣ достоинствъ Японіи и Россіи. Въ мартѣ 1905-го года Вильгельмъ II говорилъ уже о геройскихъ подвигахъ японцевъ, объ ихъ любви къ отечеству и объ ихъ великолѣпной дисциплинѣ, а въ маѣ указывалъ на „безнравственность и пьянство“ русскихъ офицеровъ и солдатъ, какъ на главную причину русскихъ пораженій. Въ ноябрьской тронной рѣчи того же года, прочитанной въ имперскомъ сеймѣ, выражалось сочувствіе Японіи по поводу вступленія ея въ число великихъ державъ, съ „искренними пожеланіями успѣха мирной культурной миссіи этого высоко-одареннаго народа“.

Въ дѣлахъ практической международной политики Вильгельмъ II является свободнымъ отъ всякаго подобія мистики: мечтательныя соображенія о „небѣ“ и о прусскомъ христіанствѣ исчезаютъ, и на сцену выступаетъ трезвый, тонко разсчетливый умъ, обладающій удивительною способностью оцѣнивать событія и схватывать надлежащій моментъ для совершенія нужнаго шага. Все, что дѣлалъ онъ въ этомъ родѣ—напр. въ Марокко или Турціи, или по боснійскому вопросу—сдѣлано безошибочно, рукою мастера: это уже дѣйствительный талантъ „Божіею милостью“.

Л. Слонимскій.

ГОРОДЪ СЪ КРАСИВЫМИ БАШНЯМИ

«Giovanna», von Sophus Michaëlis.

Городокъ расположенъ въ волнообразной мѣстности. Дорога къ нему ведетъ черезъ рядъ холмовъ, которые такъ поросли оливковыми лѣсами, что кажутся затканными сѣрозеленымъ шелкомъ. Когда дорога поднимается вверхъ, городъ пропадаетъ въ долинѣ между холмами, и только однѣ его башни привѣтствуютъ путника. Тогда вмѣсто города виднѣется лишь каменная корона, глубоко надвинутая на голову одной изъ возвышенностей. Затѣмъ дорога извивается, и городъ совершенно исчезаетъ изъ виду. То поднимаясь, то опускаясь, всадникъ ищетъ глазами этой короны, которая служитъ ему маякомъ.

Вблизи кажется, что какая-то твердая рука опустилась съ неба на этотъ лѣсъ каменныхъ столбовъ. Башни словно расщеплены непогодой, шапки словно сбиты у нихъ съ головы. Только на одной башнѣ сохранился еще кровельный шлемъ, опирающійся на четыре столба; подъ сводомъ его виситъ колоколъ. Но металлическій языкъ безмолвствуетъ.

Наконецъ всадникъ у городской стѣны. Ворота благосклонно открываютъ передъ нимъ свою черную пасть, и онъ попадаетъ въ лабиринтъ узкихъ улицъ, гдѣ подъ конскими копытами шумно гремитъ мостовая. Каменныя стѣны отзываются въ отвѣтъ, и средніе вѣка охватываютъ всадника своимъ ледянымъ дыханіемъ. Изъ угловатыхъ оконъ обдаетъ холодомъ и спертымъ воздухомъ. Двери дышатъ мракомъ, словно ведутъ къ высѣченнымъ въ скалахъ гробницамъ. Не склонивъ головы нельзя переступить ни одного порога. Городъ выложенъ каменными плитами, напоми-

нающими чешую на брюхѣ допотопнаго чудовища. Лѣниво лежитъ тѣнь на улицѣ, наполняя холодомъ каждое отверстіе. Только наверху, на высокихъ башняхъ, царствуетъ солнце, но ему не удается до дна проникнуть въ холодную тьму города.

Что означаютъ всѣ эти башни, которыя возносятся къ небу, словно приносящіе клятву пальцы окаменѣлой руки? Онѣ не имѣютъ въ виду достигнуть до неба, но стремятся перерости другъ друга, служа выразителями мелкаго тщеславія, которымъ полны человѣческія сердца.

Было время, когда одинъ изъ могущественныхъ гражданъ этого городка пришелъ къ убѣжденію, что жилище его слишкомъ низко. Онъ сидѣлъ въ своемъ дворцѣ какъ орелъ въ клѣткѣ, за желѣзной рѣшеткой. Большія окна въ нижнемъ этажѣ закрывались сѣткой изъ желѣзныхъ прутьевъ. Сидя за ними, онъ желтыми, завистливыми глазами видѣлъ, какъ сосѣдъ его, жившій напротивъ, важно шествовалъ въ соборъ, сіяя словно павлинъ съ развернутымъ хвостомъ, увѣшанный цѣпями и драгоцѣнными каменьями—а между тѣмъ всѣ знали, что онъ нажился ростовщичествомъ. Когда жена и дочь шли вмѣстѣ съ нимъ, онѣ были одѣты въ такую твердую парчу, что она стояла вокругъ нихъ словно бочка; онѣ могли бы поднять ноги съ земли и не упали бы. И этотъ надутый дуракъ ходилъ ежедневно въ церковь, гдѣ купилъ себѣ одинъ изъ придѣловъ и заказалъ сіенскому художнику дорогую картину, чтобы помѣстить ее надъ алтаремъ.

Но орла въ желѣзной клѣткѣ не тѣшила мысль о пышной гробницѣ. Онъ принадлежалъ къ сильному и знатному роду Сальвуччи, на который всегда могъ положиться императоръ въ своей борьбѣ съ властолюбивымъ папой. Онъ хотѣлъ еще при жизни вознести голову надъ этимъ хвастливымъ и завистливымъ городомъ и открыть себѣ болѣе широкій видъ на окрестности, чѣмъ тѣ глупцы, которые своими шелковыми мантіями сметали грязь съ каменныхъ плитъ. Такъ понемногу выросла его башня. Она росла какъ стволъ пальмы, а вмѣстѣ съ нею поднималось вверхъ и орлиное гнѣздо. Теперь орлу уже не нужно было сидѣть за рѣшеткой и мозолить себѣ глаза наблюденіемъ за сосѣдомъ. Онъ жилъ теперь достаточно высоко, чтобы слѣдить за всѣмъ, что сосѣдъ дѣлалъ у себя на дворѣ.

Внизу Ардингелли съ насмѣшкой слѣдили за тѣмъ, какъ росла башня, и думали: все это хорошо, если башня не дастъ трещинъ и въ одинъ прекрасный день не свалится внизъ, какъ неоперившійся аистъ. Но они такъ долго смотрѣли вверхъ, что

у нихъ заболѣли шейные позвонки, и они захотѣли сами посмотрѣть, на что ихъ соперникъ глазѣетъ съ своей высоты. Любопытство уступило мѣсто раздраженію, когда они вышли за городъ и увидѣли на зубцахъ башни знамя Сальвуччи, между тѣмъ какъ не было флаговъ даже на домѣ подесты. Городъ принадлежалъ вѣдь не однимъ Сальвуччи, хотя они и чванились своимъ величіемъ.

И вотъ, начала подниматься вверхъ башня Ардингелли. Такъ какъ строили не по точной отвѣсной линіи, то башни слегка наклонялись другъ къ другу черезъ улицу, какъ два быка, грозящіе другъ другу рогами. Сальвуччіо сидѣлъ на верху своей башни и насмѣшливо смотрѣлъ на своего соперника, какъ на презрѣннаго нищаго, который, задыхаясь, взбирается наверхъ.

Враждующія семейства въ теченіе многихъ лѣтъ не обмѣнивались ни единымъ звукомъ, пока Ардингелло не достроилъ своей башни до той же высоты, на какую взобрался Сальвуччіо. Орудія для постройки были отложены въ сторону, и лѣса съ одной стороны удалены. Ардингелло ожидалъ момента, ради котораго воздвигъ башню. Но ему долго пришлось ждать непріятеля. Лишь около заката солнца голова Сальвуччіо показалась въ дверяхъ. Ардингелло едва сдерживался, пока добирался до верху.

— Сальвуччіо, запрещаю вамъ бросать навозъ на мою землю!

— А я, Ардингелло, запрещаю вамъ говорить со мною на моей землѣ!

— Вы же видите, что я стою на своей землѣ.

— Врядъ-ли. Мнѣ кажется, что ваши лѣса склонились черезъ-чуръ на мою сторону. Вамъ слѣдовало бы выпрямить вашу кривую шею.

— Позаботьтесь о томъ, чтобы я не выпрямилъ вашей!

— Копеечникъ!

— Вѣтренникъ!

— Ростовщикъ!

— Измѣнникъ отечества!

Капли этого словеснаго потока брызгами летѣли внизъ на улицу. Любопытство охватывало людей все болѣе и болѣе. Съ какою цѣлью были выстроены эти башни? Открывался ли оттуда видъ на отдаленныя владѣнія ихъ обладателей? Или же они со своей высоты тайно обмѣнивались сигналами съ непріятелемъ?

Мало-по-малу по ихъ примѣру всѣ важнѣйшіе въ городѣ роды полѣзли кверху, состязаясь въ постройкѣ башенъ. Мѣсто обмѣна пріятными и непріятными сообщеніями было перенесено въ высшія сферы. Иные продолжали постройку даже ночью,

чтобы сосѣди на другой день увидѣли, что ихъ опередили. Происходилъ постоянный споръ между цѣлымъ рядомъ башенъ, которыя точно дрались между собою и дразнили другъ друга яркими флюгерами. Неистовство дошло до такихъ размѣровъ, что городской совѣтъ, по требованію подесты, долженъ былъ положить ему предѣлъ. Было постановлено, что ни одна постройка не должна превосходить вышиною самой древней башни. Еще выше возносилась только башня самой коммуны. Многочисленныя башни должны были склонить передъ нею головы, какъ сломанные цвѣты. Но вражда между семьями Сальвуччи и Ардингелли не прекратилась. У нихъ была вынужденная обстоятельствами общая собственность—колодецъ. Чтобы не сталкиваться около него, онѣ завели себѣ колеса и длинныя цѣпи для поднятія воды—правда, въ одномъ и томъ же ведрѣ, такъ какъ колодецъ не могъ вмѣстить въ себѣ большаго количества ведеръ. Случалось, что враждующіе стояли каждый у своей цѣпи и спорили о томъ, кому прежде пить.

Однажды двое молодыхъ людей вздумали вытащить изъ колодца не воду, а нѣчто иное. Пользуясь дномъ пустого ведра, они обмѣнивались нѣжными словами любви. Въ маленькое письмецо они вкладывали цѣлое море любви. Въ одинъ прекрасный день отецъ дѣвушки перехватилъ письмо молодого человѣка изъ ненавистнаго рода. Онъ отдалъ приказаніе своимъ домочадцамъ никогда больше не черпать воды изъ колодца, а письмо прибилъ ко дну ведра, ощупавъ его предварительно ядовитыми пальцами ненависти. И въ сосѣдней семьѣ многіе заболѣли и умерли потому только, что письмо попало не въ тѣ руки, въ которыя предназначалось.

Прошло съ тѣхъ поръ болѣе ста лѣтъ. Каждое изъ враждующихъ семействъ уже давно соорудило себѣ собственный колодецъ, а старымъ сообща пользовалось какъ ямой для стока фамильной ненависти. Онъ разрушился; мраморные края его обломались. Вода все больше уходила вглубь. Тотъ, кто смотрѣлъ въ колодецъ, не видѣлъ тамъ отраженія своей головы на клочкѣ голубого неба, а видѣлъ некрасивый дернъ съ зелеными пятнами, на которомъ расли разнообразные блѣдные мхи и качающіяся травы, боящіяся свѣта, образуя какой-то дикій, топкій лѣсъ. Внизу зіяла и постепенно увеличивалась ядовитая лужа; кислый запахъ распространялся изъ проклятаго колодца.

Всякій разъ, когда кондотьеръ Леоне деи-Сальвуччи возвращался въ свой дворецъ, онъ инстинктивно, еще сидя на конѣ,

плевалъ въ открытое отверстіе колодца. Онъ привыкъ дѣлать это съ дѣтства, потому что слѣдовалъ примѣру отца. Никогда не случалось ему спрашивать о настоящей причинѣ этого обыкновенія. Онъ думалъ, что это само собою разумѣется, какъ разумѣется само собою, что, войдя въ церковь, надо опустить руку въ сосудъ со святой водою.

Городъ съ красивыми башнями пришелъ въ упадокъ. Этимъ онъ былъ обязанъ враждѣ родовъ, которые нѣкогда были причиной его процвѣтанія. Башни давно уже были сломаны. Многіе смотрѣли на нихъ лишь какъ на кучи камней, которыми можно было пользоваться для починки старыхъ домовъ. Заброшенная крѣпость города поросла травою. На развалившихся бастіонахъ лежали старыя метательныя орудія и, какъ муміи, только сохраняли видъ прежняго величія. Никто уже не поднималъ знамя наверху крѣпости. Надъ независимымъ нѣкогда городомъ развѣвалась то красная лилія Флоренціи, то желтые шарики Медичи, привѣтствуя чужое владычество.

Леоне деи-Сальвуччи нерѣдко отлучался изъ города. Онъ научился военному ремеслу у фамиліи Сфорца въ Миланѣ, лучшіе годы своего зрѣлаго возраста прослужилъ наемникомъ въ чужихъ государствахъ и всегда выбиралъ болѣе выгодную службу, находя, что золото всегда пахнетъ правымъ дѣломъ. Но правое дѣло оказывалось непрочнымъ и невѣрнымъ — и Леоне всякій разъ становился на сторону другого. Онъ умѣлъ держать въ повиновеніи пришлыхъ со всѣхъ сторонъ наемниковъ, покупая ихъ души за золото, звенѣвшее на кожѣ барабановъ. Онъ пріобрѣталъ ихъ преданность хладнокровіемъ, съ какимъ онъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ радикальному средству. Для него не было ничего вѣрнѣе смерти. Смерть за упорство, за непослушаніе, за малѣйшій звукъ, изданный мятежнымъ языкомъ. Смерть, по мнѣнію Леоне, была самымъ испытаннымъ помощникомъ, величайшимъ и надежнѣйшимъ изъ всѣхъ благодѣтелей человѣчества. Слѣдомъ за нею шло много хорошаго: она порождала счастье и благосостояніе. Служить всего выгоднѣе было послѣ кровопролитной битвы, и всего легче дышалось, когда смерть хорошенько опустошала какой-нибудь городъ. Стоило только дать ей время, и она не измѣняла. Леоне свернулъ шею своимъ злѣйшимъ врагамъ, и при достаточно долгой жизни могъ возложить на могилы своихъ ярыхъ противниковъ примиряющіе цвѣты вѣчности. Дайте только время! только время! Леоне нигдѣ и никогда такъ не молился, какъ на мраморной плитѣ,

подъ которою покоился его врагъ; влажными глазами взиралъ онъ на золотую надпись: „Молитесь за его душу!“

Возвращаясь въ свой родной городъ и плюнувъ въ колодецъ, Леоне всякій разъ спрашивалъ, кто умеръ. Рѣдко задавалъ онъ этотъ вопросъ напрасно. Всегда среди населенія происходило нѣкоторое опустошеніе, и Леоне могъ чистосердечно отвѣтить: „Значитъ, все обстоитъ благополучно“! Кладбища украшались, въ церквахъ появлялись прекрасныя эпитафіи, служились заупокойныя обѣдни, на которыя шло множество свѣчей, колокола торжественно гудѣли, продавались имѣнія, освобождались должности, исчезали непріятныя лица: въ самомъ дѣлѣ, все шло хорошо!

Но настало время, когда уже не жилось хорошо безпокойному и подвижному военному человѣку. Въ государствахъ наступилъ миръ. Всѣ внѣшнія войны прекратились. Необходимую войну доставляли себѣ сами граждане, безъ посторонняго вмѣшательства. Кондотьеръ не могъ зарабатывать себѣ на хлѣбъ насущный. Уличная чернь просто вырывала камни изъ мостовой и дралась хлѣбными ножами и сапожными шилами. Не было больше потребности въ воинахъ по ремеслу. Леоне ѣздилъ изъ одного государства въ другое и не находилъ работы. Синьоріи посылали его къ чорту. Онѣ вычеркнули изъ своихъ расходныхъ книгъ счета кондотьеровъ.

Старый и сѣдой, но все еще ретивый въ своемъ дѣлѣ, Леоне объѣзжалъ на конѣ всѣ окрестныя большія дороги. Онъ довольствовался тѣмъ, что̀ выпадало на его долю. Онъ нанимался даже на недѣлю, когда надо было по всѣмъ правиламъ искусства напасть на какую-нибудь ненавистную шайку разбойниковъ, отстоять границу, оказать полицейскую услугу, отправить подъ конвоемъ товары изъ одного мѣста въ другое.

Никогда не удавалось заработать ни гроша въ городѣ съ красивыми башнями. Туда онъ пріѣзжалъ только потому, что это была родина его отцовъ и тамъ жила его дочь, выросшая въ старомъ, высокомъ дворцѣ, какъ нѣжная, трепещущая мимоза на тонкомъ слоѣ земли, который время отложило на старой каменной стѣнѣ. Тамъ жилъ онъ въ мертвыя времена года. Лѣто онъ проводилъ въ своей деревенской виллѣ близъ Поджибонзи.

Однажды онъ возвращался верхомъ изъ Пизы. Онъ оказалъ ей услуги въ борьбѣ съ контрабандистами и воспользовался случаемъ контрабандой привезти съ собою для дочери всевозможныя драгоцѣнныя вещи, между прочимъ—фламандскую парчу и восточные алмазы.

Доро̀гой ему захотѣлось посмотрѣть, достаточно ли созрѣлъ

для сбора виноградъ въ Поджибонзи. Онъ любилъ эти извилистыя дороги, которыя изобиловали всякими неожиданностями. Надъ возвышенностями всплывали стѣны и шпицы виллъ, окруженныхъ темными кипарисами, какъ торжественною почетною стражей. На самыхъ красивыхъ мѣстахъ выростали передъ глазами монастыри, съ ихъ жилыми помѣщеніями и колокольнями. Тамъ и сямъ виднѣлось слабое деревцо, одиноко дрожавшее вдали на фонѣ золотистаго полуденнаго неба.

Черный какъ мавръ, Леоне тяжело сидѣлъ на своемъ сѣдлѣ. Онъ надвинулъ на затылокъ красный беретъ, изъ-подъ котораго выбивались скудныя пряди сѣдыхъ волосъ. На лбу и у угловъ рта виднѣлись словно вырѣзанныя на деревѣ борозды. Глубокая морщина залегла между маленькими голубовато-сѣрыми глазами, смотрѣвшими вдаль. Линіи вокругъ рта казались окаменѣлыми ругательствами и угрозами. На шеѣ вздувались жилы, подобныя крученымъ веревкамъ.

Двое оруженосцевъ ѣхали сзади, каждый со своею вьючною лошадью, нагруженною ящиками и отнятымъ оружіемъ. Къ сѣдлу были привѣшаны шлемы; на плечахъ лежали желѣзныя пики.

Передъ самой виллой Леоне приказалъ имъ ѣхать впередъ. Они не имѣли права ни на отдыхъ, ни на глотокъ вина.

Леоне ходилъ одинъ по своимъ виноградникамъ и ощупывалъ спѣлыя ягоды. Виноградныя вѣтки свѣшивались безжизненно, какъ груди, отдавшія все свое молоко потомству. Гроздья винограда тяжело висѣли на лозахъ. Что-то зашуршало на высокой стѣнѣ. Леоне обернулся и увидѣлъ человѣка, собиравшагося перескочить черезъ нее. Леоне сорвалъ съ пояса мечъ и бросилъ его по направленію къ длиннымъ желтымъ чулкамъ. Широкій клинокъ со звономъ отскочилъ отъ камня.

— Остановись же, чортъ тебя возьми!

Но чулки не спѣшили скрыться. Они уже спускались внизъ по стѣнѣ.

— Трусливый воръ!

Чулки соскочили, и обладатель ихъ пошелъ къ нему навстрѣчу. Леоне тотчасъ же узналъ младшаго члена дома Ардингелли — двадцатилѣтняго юношу въ синей курткѣ, съ вышитыми на ней бѣлыми сердцами, съ длинными фестонами по бокамъ и длинными разрѣзными рукавами. Волосы падали ему на глаза, а носъ торчалъ вверхъ, какъ одна изъ старыхъ башенъ.

— Теперь, мессеръ Леоне, вы наконецъ дадите *мнѣ* отчетъ и отвѣтъ!—сказалъ онъ съ яростью.

— Конечно, я поговорю съ тобою и намажу тебѣ мой

отвѣтъ на спинѣ одною изъ лозъ, съ которыхъ ты хотѣлъ полакомиться виноградомъ.

— Вы лжете, Леоне! Вы знаете прекрасно, что я не ворую.

— А зачѣмъ же ты перелѣзаешь на своихъ желтыхъ цыплячьихъ ногахъ черезъ мою стѣну?

— Я надѣялся увидѣть вашу дочь, а не вашу проклятую рожу. Пока вы держите ее въ городѣ за замками и за рѣшетками, я долженъ стараться увидѣть ее въ деревнѣ.

— Такъ я постараюсь свернуть голову негодной птицѣ, попавшейся въ мой силокъ,—сказалъ Леоне безъ всякаго раздраженія.—Я тебя повѣшу, какъ вора.

— Я не кралъ.

— Ты вломился ко мнѣ.

— Только для того, чтобы увидѣть ту, которую я люблю.

— Никогда ты не увидишь ея, клянусь святымъ Рохомъ.

— Я буду говорить съ нею, хотя бы мнѣ пришлось вломиться въ вашъ дворецъ. Клянусь честью вашей дочери!

Кондотьеръ отвѣчалъ ударомъ, нанесеннымъ плашмя и заставившимъ противника опуститься на колѣни. Одною рукой Леоне держалъ обѣ руки юноши, какъ въ тискахъ, пока не связалъ ихъ оторванными отъ его одежды крыльями рукавовъ. Леоне привязалъ молодого человѣка къ своей лошади и выѣхалъ изъ виллы. Плѣнникъ, стиснувъ зубы, терпѣлъ боль, скрывая злобу, и безъ единой жалобы мчался по дорогѣ въ облакѣ пыли. Скоро онъ началъ задыхаться; лицо его побагровѣло.

Передъ воротами сосѣдняго двора стояло двое молодыхъ людей. Они подбѣжали къ лошади.

— Въ чемъ провинился этотъ человѣкъ? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Онъ мой плѣнникъ.

— Но онъ все-таки не ваша лошадь.

Своимъ кинжаломъ одинъ изъ молодыхъ людей разрѣзалъ веревку, которою юноша былъ привязанъ къ сѣдлу, между тѣмъ какъ товарищъ его держалъ лошадь подъ уздцы. Прежде чѣмъ пораженный Леоне успѣлъ вытащить оружіе или позвать своихъ оруженосцевъ, которые уже далеко уѣхали впередъ, молодые люди скрылись въ отверстіе воротъ и готовились запереть ихъ.

Кондотьеръ сталъ ломиться въ ворота, чтобы помѣшать юношамъ запереть ихъ.

— Этого вамъ не слѣдовало бы дѣлать, если вы сами не имѣете охоты попасть въ ловушку. Мы запремъ васъ, какъ только вы ворветесь въ ворота.

— Разбойники! Отдайте мнѣ сейчасъ же моего плѣнника!

— Мы не разбойники, а честные флорентинцы. Если хотите жаловаться на насъ, то жалуйтесь синьоріи нашего города. Но мало чести въ томъ, что вы хотѣли благороднаго человѣка загнать на смерть, какъ животное.

Они заперли ворота на засовъ, не обращая вниманія на угрозы Леоне. Онъ долго кричалъ и шумѣлъ передъ воротами, толкалъ ногами балки и звякалъ оружіемъ. Молодые люди, поддерживая своего гостя, отправились въ домъ. Одинъ предложилъ ему сѣсть на каменную скамью, другой пошелъ за виномъ.

Молодой Ринальдо дельи Ардингелли еще не произнесъ ни слова. Онъ стоналъ и вздыхалъ, стараясь свободно перевести духъ. Къ сердцу его снова прилила кровь. Онъ понемножку глоталъ вино, которое налилъ ему одинъ изъ молодыхъ господъ. Затѣмъ онъ всталъ и глубоко поклонился каждому изъ нихъ.

— Добрые, благородные господа, я еще не настолько оправился, чтобы поблагодарить васъ отъ всей полноты сердца.

— Дорогой господинъ,—отвѣчалъ тотъ, который освободилъ его,—вы уже достаточно благодарили насъ. Не спрашивая васъ ни о родинѣ, ни объ имени, приглашаю васъ погостить въ моемъ имѣніи, которое я недавно получилъ въ наслѣдство, и куда я самъ въ первый разъ пріѣхалъ. Прошу васъ быть моимъ гостемъ вмѣстѣ съ этимъ превосходнымъ и великолѣпнымъ молодымъ художникомъ изъ Флоренціи, Доменико Бигорди, который находится на пути въ Санъ-Джиминьяно, гдѣ будетъ украшать церкви своимъ прекраснымъ талантомъ. Самъ я тоже флорентинецъ, и зовутъ меня Джентиле Кавальканти.

Они обнялись. Ринальдо такъ сильно жалъ руки своего хозяина, что вдавилъ себѣ въ палецъ перстень, который носилъ Джентиле. Ринальдо взялъ его руку и сталъ любоваться кольцомъ. Въ отвѣтъ на это Джентиле молча снялъ перстень и, улыбаясь, надѣлъ его на палецъ своего новаго друга. Ринальдо въ восхищеніи заставлялъ крупный алмазъ переливаться на солнцѣ разными цвѣтами. Потомъ онъ сталъ разсматривать флорентинскаго художника, словно диковиннаго звѣря.

Доменико отличался важнымъ спокойствіемъ движеній. Короткая верхняя одежда изъ темнокраснаго бархата ложилась красивыми складками на грудь и падала ниже пояса. Маленькая шапочка изъ той же матеріи сидѣла на густыхъ, совершенно черныхъ волосахъ, мягко спускавшихся на широкія синеватыя щеки. Когда онъ взглядывалъ куда-нибудь, онъ всякій разъ поднималъ подбородокъ и немного склонялъ голову на бокъ. Но онъ не

глядѣлъ прямо въ глаза, какъ другіе; глаза его бѣгали въ вѣчномъ безпокойствѣ.

Ринальдо смотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Еще болѣе ослѣпительнымъ казался ему молодой хозяинъ. Джентиле Кавальканти такъ сгибалъ свою голову, словно каждое его движеніе было выраженіемъ придворной любезности. Онъ такъ раскрывалъ свои красивыя губы, какъ будто благозвучіе его словъ сдѣлало его ротъ столь привлекательнымъ. Онъ не улыбался, но изъ прозрачныхъ и блестящихъ свѣтло-карихъ глазъ его сіяла искренняя доброта, распространявшаяся на всѣ черты его лица. Взглядъ его, полный ясности и теплоты, казался лаской, солнечнымъ лучомъ, не имѣя въ себѣ ничего вкрадчиваго, а напротивъ, возбуждая довѣріе. Красивый изгибъ лба виднѣлся подъ густыми темно-каштановыми волосами, висшими на вискахъ. Даже шапочка надѣта была повидимому для того только, чтобы завершить чистое очертаніе головы. Цвѣтъ его скромной куртки, съ высокимъ воротомъ, съ тонкой полотняной каймой наверху, а также цвѣтъ его узкихъ суконныхъ панталонъ были лишь оттѣнками цвѣта его волосъ.

Передъ тонкой флорентинской культурой Ринальдо почувствовалъ себя варваромъ. Его волосы, торчавшіе на лбу пучками, шевелились при каждомъ рѣзкомъ движеніи головы. Порывистыя движенія его рукъ составляли противоположность мягкимъ и граціознымъ движеніямъ флорентинцевъ. Но глаза его горѣли, когда онъ разсказывалъ, съ какою цѣлью онъ хотѣлъ проникнуть въ виллу кондотьера.

— Клянусь святой Финой,—сказалъ художникъ,—она должна быть прекрасна. Не можете ли вы описать намъ ее?

— Описать? Это невозможно!

— Почему?

— Я никогда ея не видѣлъ.

— Почему же вы знаете, что она такъ хороша?

— Клянусь красотою Джіованны, я заключаю о красотѣ ея изъ того, что этотъ скряга скрываетъ ее отъ всего міра.

Леоне деи-Сальвуччи мчался въ городъ въ безумномъ волненіи. Онъ не могъ на этотъ разъ тотчасъ же самъ добиться своихъ правъ, какъ дѣлалъ обыкновенно. Оба оруженосца должны были наблюдать за вьючными лошадьми и за товарами, которые онѣ несли на себѣ. Леоне скакалъ такъ, что пыль взвивалась до самыхъ его ушей. Онъ слышалъ, какъ конь его жуетъ удила,

словно ѣстъ рубленое желѣзо. И не успѣлъ онъ опомниться, какъ уже остановился у городскихъ воротъ и проклиналъ медлительность, съ какою сторожъ отворялъ ихъ.

Въ узкихъ улицахъ царилъ уже полумракъ. У темныхъ дверей домовъ сидѣли городскіе жители и желали ему добраго вечера. Онъ не отвѣчалъ имъ. Лошадь несла его по улицѣ; она знала дорогу. Онъ очутился передъ своимъ дворцомъ, съ его двойными башнями.

Всякій разъ, когда онъ возвращался домой, сердце его начинало колотиться въ груди при видѣ этихъ крутыхъ каменныхъ стѣнъ, съ единственными узкими воротами, съ немногочисленными и рѣдкими отверстіями оконъ, которыя напоминали глубоко сидящіе въ своихъ впадинахъ внимательные глаза.

Всякій разъ, когда онъ останавливалъ коня передъ этими стѣнами, ему казалось, что тамъ лежитъ и ждетъ его покойникъ. Въ былыя времена онъ отдалъ одну недѣлю послѣ свадьбы личному счастью, но потомъ снова взялся за свое ремесло. Когда онъ вернулся, жена его уже цѣлый мѣсяцъ лежала въ гробу, и его привѣтствовалъ плачъ слабаго ребенка. Съ этихъ поръ каждый разъ, когда онъ останавливался передъ своимъ домомъ, изъ глубокихъ оконъ вѣяло на него могильнымъ холодомъ, и ему казалось, что кто-то плачетъ за толстыми стѣнами.

Леоне плюнулъ въ колодецъ, и взоръ его скользнулъ по стѣнамъ дворца вверхъ, до самыхъ башенныхъ зубцовъ, еще слегка позолоченныхъ заходящимъ солнцемъ. И вдругъ онъ улыбнулся, увидѣвъ, что маленькая женская рука словно приласкала старую темницу. На всѣхъ выступахъ развела она растенія и разставила горшки съ цвѣтами. Одинъ крошечный балконъ весь заросъ ползучими растеніями. Подъ однимъ окномъ, высовываясь надъ пропастью, на головокружительной высотѣ расли стройныя лиліи. Въ самомъ низу сквозь прутья желѣзной рѣшетки пробивались жизнерадостные побѣги согнутой неерiи. Изъ оконъ верхняго этажа свѣшивались пестрые восточные ковры. Онъ зналъ, что все это дѣлала маленькая бѣлая ручка. Только это и зналъ городъ о его дочери. Скрытая въ глубинѣ высокой оконной ниши, она бросала робкіе взгляды на нѣмой городъ, которому сама не была видна.

Мало-по-малу запахъ тлѣнья исчезъ изъ стараго каменнаго дома передъ дыханіемъ жизни, таившимся во всѣхъ этихъ растеніяхъ. Тѣнь смерти скрылась передъ тѣмъ блескомъ, какой распространяла вокругъ себя молодая дѣвушка. Кондотьеръ зналъ, что во дворцѣ его предковъ живетъ свѣтлое, тонкое и невинное

существо, нѣжные пальцы котораго заставили зацвѣсти старыя твердыя стѣны. И оно обовьетъ загорѣлую шею отца своими молодыми руками, словно вѣнками изъ розъ.

Никто не узналъ бы Леоне деи-Сальвуччи въ этихъ стѣнахъ. Тамъ всѣ когти его втягивались, всѣ морщины становились менѣе рѣзкими. Левъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы тонкіе пальчики трепали его бороду. Страшная маска воина снималась. Онъ говорилъ вполголоса. Передъ входомъ въ домъ онъ приказывалъ снять съ себя шпоры. Въ стѣнахъ дворца не допускалось никакого остраго оружія. Леоне на ципочкахъ прокрадывался въ свою комнату, чтобы умыться прежде, чѣмъ она узнаетъ о его прибытіи. Онъ теръ свои жесткія руки пемзой, чтобы онѣ стали чистыми.

Но Джіованна узнала стукъ копытъ его коня и выбѣжала къ нему навстрѣчу, чтобы обнять его.

— Не трогай меня! — прошепталъ онъ жалобнымъ голосомъ. — Я весь въ пыли, какъ свинья. Побереги свои руки и свое платье. — Но она поцѣловала его прямо въ его горячее и грязное лицо.

Джіованна почти не видѣла людей, кромѣ своего отца и своей кормилицы. Тѣмъ не менѣе она обладала врожденнымъ умѣньемъ держать себя, столь же безсознательнымъ, какъ благоуханіе и нѣжныя краски цвѣтка, когда онъ во-время распускается изъ своего бутона.

По гладкимъ каменнымъ плитамъ пола она ступала мягко, какъ кошка. Невидимые башмаки ея не производили никакого шума. Голова ея держалась высоко и граціозно, какъ цвѣтокъ на стеблѣ. Блестящіе волосы лежали гладко по обѣ стороны пробора и на вискахъ были густы, какъ твердые пучки коричневаго шелка; на уши они падали въ безпорядкѣ и слегка вились; отдѣльныя нити свертывались кольцами и отливали золотомъ. Тонкія брови оттѣняли открытый взглядъ ея большихъ карихъ глазъ. Носъ сохранялъ еще дѣтскую мягкость формъ и не отличался опредѣленностью линій. Губы выдѣлялись своей блѣдной и влажной розовой окраской. Яркое ожерелье изъ крупныхъ красныхъ коралловъ дѣлало еще болѣе замѣтной дѣвственность рта и нѣжной кожи. Грудь замѣтна была на узкомъ бѣломъ платьѣ только по легкому подъему, отъ котораго натягивались и чуть-чуть шуршали зашнурованные розовые рукава.

Такою увидѣли ее и трое молодыхъ людей, когда Джіованна, нѣсколько дней спустя, пріѣхала верхомъ, въ сопровожденіи отца,

въ Поджибонзи, чтобы присутствовать при сборѣ винограда. Молодые люди выглядывали изъ-за стѣны, окружавшей виллу Джентиле.

— Я хотѣлъ бы посмотрѣть на нее, когда она краснѣетъ,— сказалъ Доменико, и усѣлся на стѣну верхомъ, какъ на сѣдло.

— Она не можетъ покраснѣть — возразилъ Джентиле. — Краснѣютъ только отъ безстыдныхъ мыслей.

— Такъ я заставлю ее покраснѣть, хотя бы мнѣ пришлось въ полночь проникнуть въ ея комнату!—воскликнулъ Ринальдо.

— Отъ такихъ словъ вы сами должны были бы покраснѣть,— сказалъ Джентиле. — Женская красота существуетъ для того, чтобы на нее молиться, а не для оскорбленій.

— Но и для того, чтобы наслаждаться ею, какъ виномъ, которое явился собирать нашъ кровожадный сосѣдъ.

Со всѣхъ сторонъ сборщики винограда устремились къ винограднику кондотьера. Они принесли лѣстницы, большія корзины и разсыпались по саду, какъ птицы по вѣтвямъ дерева. Корзины наполнялись спѣлыми ягодами, сокъ которыхъ уже готовъ былъ брызнуть изъ-подъ тонкой, блестящей кожицы. Леоне руководилъ сборомъ, какъ полководецъ сраженіемъ. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы добыча попадала въ надлежащіе сосуды. Босыя женщины и дѣвушки приходили съ полными корзинами на головѣ и опорожняли ихъ. Леоне зорко слѣдилъ за ними и старался замѣтить каждую испорченную или не вполнѣ созрѣвшую виноградину, которая могла попасть въ общую массу. Негодныя ягоды онъ бросалъ сборщицамъ въ лицо съ такою силой, что разлетались брызги. Около него стояла Джіованна и своими маленькими бѣлыми руками укладывала кисти, тихо чистила ягоды и выбрасывала плохія, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ ихъ замѣтить.

Виноградные листья на облегченныхъ стебляхъ начали раскачиваться отъ вѣтра. На темносинемъ небѣ появились маленькія бѣлыя облачка. Работники обливались потомъ въ душномъ воздухѣ. Солнце уже опустилось низко и просвѣчивало сквозь высоко нагроможденныя въ корзинахъ кисти винограда, какъ сквозь полупрозрачные алмазы. Изъ колодца накачали воды, и мужчины начали смывать пыль со своихъ загорѣлыхъ ногъ.

Наступало время выжиманія сока. У Леоне былъ только одинъ мраморный сосудъ, переходившій изъ рода въ родъ черезъ безчисленный рядъ поколѣній. Сосудъ былъ наполненъ самыми лучшими и крупными ягодами, черная кровь которыхъ свѣтилась, какъ свѣтятся шлифованные камни.

— Джіованна, милая дочка,— сказалъ Леоне и поднялъ ее

на руки,—теперь ты должна освятить мой сборъ и нажать мнѣ вино столь же чистое и прекрасное, какъ ты сама.

Она привыкла къ этому обычаю съ двухлѣтняго возраста. Но теперь она въ первый разъ пришла сюда въ длинной одеждѣ, переставъ быть дѣвочкой. Служанкамъ пришлось подвязать ей юбки. Ей обнажили ноги до колѣнъ; отецъ поднялъ ее черезъ край мраморнаго чана и отошелъ въ сторону. Ея тонкія икры погружались и исчезали въ синевато-черномъ виноградѣ. Устремивъ глаза на красную кровь винограда, струившуюся у нея изъ-подъ ногъ, она принялась мять ягоды ногами. Шаги ея мало-по-малу начали принимать ритмическій характеръ, она дѣлала два шага впередъ и два шага назадъ. Дѣвушки стояли вокругъ нея и пѣли старую пѣсню о сборѣ винограда.

Въ чанѣ было много ягодъ, больше чѣмъ во всѣ предыдущіе годы. Джіованна усердно и безъ устали мяла виноградъ, пока кровь не прилила къ ея щекамъ и она покраснѣла отъ усилія.

Кондотьеръ смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Больше, чѣмъ сотню побитыхъ враговъ, любилъ онъ эту чистую дѣвушку, выжимавшую для него первое вино. Онъ думалъ о флорентинскихъ деспотахъ и о ихъ нелѣпыхъ, скверныхъ играхъ, которыми, какъ шла молва, они забавлялись на своихъ виллахъ: собирали своихъ непотребныхъ дѣвицъ, раздѣвали до нага и бросали каждую изъ нихъ въ чанъ съ виноградомъ, гдѣ онѣ валялись, какъ дикія нимфы, и выжимали своимъ любовникамъ вино, которому и давалось соотвѣтственное названіе: вино Джилетты, вино Нонны, вино Симонетты. Это было оскверненіемъ чистыхъ источниковъ Вакха тѣлами падшихъ женщинъ. Нѣтъ, здѣсь была сама невинность, которая освящала собою дѣвственный виноградъ и краснѣла отъ радости, обращая въ вино богатый урожай отца.

Онъ поднялъ ее изъ чана и передалъ на руки дѣвушкамъ. Онѣ съ тріумфомъ носили ее на плечахъ, словно это былъ самъ Вакхъ, и цѣловали виноградную кровь, которая ручьями текла по ея бѣлымъ ногамъ.

Леоне самъ опустилъ свой серебряный кубокъ на дно бочки и наполнилъ его крѣпкимъ сокомъ, созрѣвшимъ на солнцѣ.

Вслѣдъ затѣмъ мужчины съ сильными смуглыми ногами начали давить виноградъ въ другихъ чанахъ. Урожай былъ раздавленъ; потекло молодое вино. И со всѣхъ сторонъ зазвучали радостныя, горячія пѣсни.

Въ сосѣдней виллѣ сидѣли трое молодыхъ людей. Они взобрались на самый высокій каменный балконъ и внимательно

смотрѣли въ ту сторону, откуда неслось пѣніе. Они знали, что прекрасная Джіованна находится въ этой толпѣ, и хотя разстояніе было слишкомъ велико, чтобы различить ее среди пестрой толпы сборщиковъ винограда, но они все-таки думали только о ней, о ея молодомъ тѣлѣ, болѣе дѣвственномъ, чѣмъ только что выжатое вино, о ея эластичныхъ ступняхъ, о ея поднятыхъ рукахъ, срывавшихъ ягоды, о тѣхъ счастливыхъ ягодахъ, которыя падали въ сокровенную тайну ея неразвившейся груди.

Имѣнье Джентиле Кавальканти находилось въ забросѣ. У него не было тщательно обработанныхъ виноградниковъ. Виноградъ его одичалъ и висѣлъ недозрѣлый и заглушенный слишкомъ буйно разросшимися вязами. Въ этотъ теплый вечеръ трое юношей помѣстились подъ тяжелымъ, густымъ покровомъ листьевъ виноградника, зажгли костеръ, улеглись, завернувшись въ плащи, вокругъ огня и ѣли понемногу кислый виноградъ, свѣшивавшійся надъ ихъ головами.

Разговоръ шелъ о любви.

Ринальдо недавно вернулся изъ Венеціи, гдѣ познакомился съ головокружительными и таинственными любовными похожденіями. Онъ разсказывалъ о поѣздкахъ по узкимъ каналамъ, о глазахъ, сверкавшихъ въ тѣни изъ-подъ занавѣсокъ гондолъ, о дамахъ, сидѣвшихъ подъ тростниковыми навѣсами, словно сіяющія райскія птицы въ открытыхъ клѣткахъ, о мимолетномъ соприкосновеніи одной гондолы съ другою, напоминавшемъ прикосновеніе одной руки къ другой во время бѣгства. Жаркіе взоры изъ-подъ черныхъ масокъ... Молніеносные взгляды съ балконовъ, откуда на корму гондолы падаютъ розы... Плескъ волнъ, столь же мягкій, какъ поцѣлуй... Стройные мавры, украшенные страусовыми перьями, управляющіе гондолой при помощи пурпуроваго весла... На мосту Ріальто потоки людей, ищущихъ любовныхъ приключеній... Ночныя серенады въ тѣни мрачныхъ дворцовъ... Луна, нѣмой наблюдатель, въ надлежащій моментъ прикрывающій глаза серебристо-бѣлыми облаками... Вотъ веревочная лѣстница ударяетъ по водѣ... Качаясь, влѣзаешь на балконъ... Ринальдо никогда не оставлялъ безъ вниманія ни одной брошенной розы, не оставлялъ безъ отвѣта ни одного взгляда.

Доменико улыбался, слушая его разсказы.

— Ты такъ говоришь, Ринальдо, что можно принять тебя за хищнаго звѣря... Жизнь имѣетъ иныя цѣли, кромѣ побѣдъ надъ женщинами. Каждая одержанная тобою побѣда отнимаетъ у тебя часть твоей жизненной силы. Такъ какъ наши красивыя женщины и дѣвушки живутъ праздно, въ то время какъ мы,

мужчины, работаемъ, то онѣ всегда будутъ имѣть больше стремленія къ любви, чѣмъ мы въ силахъ удовлетворить. Надо знать мѣру, Ринальдо. Хуже подпасть подъ власть женщины, чѣмъ подъ власть вина. Пей столько, чтобы ты могъ протрезвиться за ночь—не больше. А женщинамъ никогда не отдавай больше, чѣмъ то время, которое остается свободнымъ отъ работы.

Джентиле лежалъ, склонившись впередъ и подперевъ голову обѣими руками. Прищуренными глазами онъ уставился на огонь, отблескъ котораго падалъ на его длинныя шелковистыя рѣсницы. Онъ смотрѣлъ на огонь костра сквозь кисть винограда и видѣлъ, что косточки кажутся темными и окруженными пурпуровымъ сокомъ. Потомъ онъ тихо промолвилъ:

— Зачѣмъ вы говорите о любви, какъ о товарѣ, продающемся на рынкѣ? По моему, нельзя называть любовью того, что подбирается случайно, какъ роза, упавшая съ балкона, или считать, что любовь подобна бутылкѣ рѣдкаго вина, которую уносишь въ свою комнату, чтобы въ ночной тиши насладиться драгоцѣннымъ напиткомъ. Любовь—не ласка, какую всякій можетъ найти на улицѣ. Любовь—не то, что̀ можетъ получить всякій, что̀ можно завоевать красивой одеждой, ловкими манерами, мѣшкомъ съ дукатами, бряцаньемъ на мандолинѣ или льстивыми рѣчами надъ ухомъ кокетливой дамы, подобными шуму въ пустой морской раковинѣ. Не думайте, что Амуръ—богъ черни, расточающій свои дары передъ толпою. Не называйте любовью того, что̀ щекочетъ вашу чувственность или возбуждаетъ ваше тщеславіе. Не считайте любовью того, что̀ вы испытали и чѣмъ на другое утро хвастались. Не называйте любовью того, что̀ заставляетъ васъ расхаживать по площадямъ въ красивыхъ одеждахъ, напоминающихъ павлина съ длиннымъ хвостомъ. Не думайте, что любовь—источникъ гордости и хвастовства, соревнованія и жажды побѣдъ. Не любовь—все то, что̀ мужчины охотно повѣряютъ мужчинамъ, а женщины женщинамъ. Кто употребляетъ священное названіе любви, говоря о сходящихся животныхъ? Какъ смѣете вы говорить о любви, когда вы поочередно пользуетесь благосклонностью одной и той же дамы? Взгляните на эти ягоды—кто изъ васъ станетъ ѣсть ихъ съ удовольствіемъ, если другой сотретъ съ поверхности ихъ бархатистый иней? Кто возьметъ въ ротъ косточки, выплюнутыя другимъ? Всѣ плоды любви, какіе выпадаютъ на вашу долю, съ червоточиной или надкусаны чужими зубами. Вы смотрите на царство Венеры какъ на общедоступный рынокъ непотребныхъ женщинъ, гдѣ все подъ-рядъ попадаетъ вамъ въ ротъ или въ ваши объятія. Словомъ любовь злоупотребляютъ

для выраженія чувствъ черни, которая страдаетъ вѣчнымъ голодомъ по тѣлу падшихъ женщинъ. На томъ мѣстѣ, куда хоть одинъ разъ ступилъ настоящій Амуръ, трава больше не растетъ. Но на васъ всѣхъ, знающихъ одну чувственность, еще никогда не падало ни единой пылинки съ крыльевъ бога любви. Ибо эта пылинка была бы зерномъ, которое заглушило бы всякое другое растеніе.

Джентиле совсѣмъ закрылъ глаза. Доменико смотрѣлъ на него сбоку спокойнымъ, испытующимъ взоромъ.

— Можно подумать, что вы ходили по небеснымъ селеніямъ, гдѣ божественный Данте видѣлъ Беатриче, и собирали цвѣты въ небесныхъ садахъ. Итакъ, вы думаете, что истинная любовь существуетъ только въ мечтахъ?

— Я думаю, что въ такихъ мечтахъ и грезахъ больше истинной любви, чѣмъ во всѣхъ побѣдахъ Ринальдо въ Венеціи и во Флоренціи.

— Цѣломудренный Джентиле! —засмѣялся Ринальдо.—Зачѣмъ вы прикидываетесь томящимся мученикомъ въ застѣнкѣ маленькаго бога Амура? Ужъ не собираетесь ли вы отрицать, что вы испытываете иныя чувства, чѣмъ мы, къ прекрасной Джіованнѣ, которая сегодня давила виноградъ отца своими блестящими бѣлыми ногами? Теперь это вино еще похоже на сахарную воду, которая меня не привлекаетъ. Но черезъ нѣкоторое время, когда оно побродитъ, оно станетъ вкуснѣе и на него будетъ больше спросу. Съ любовью дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ хорошимъ виномъ. Не пейте ея слишкомъ рано!

— Я никогда не любилъ, — сказалъ Джентиле и поднялъ глаза на огонь костра.—Я не люблю и Джіованну деи-Сальвуччи.

— Хорошо, что вы это говорите, — сказалъ Доменико. — По вашему собственному ученію вы именно ее-то и любите, потому что вы это отрицаете.

Когда окончился сборъ винограда и вино въ первый разъ перебродило, кондотьеръ отправился вмѣстѣ съ дочерью верхомъ обратно въ Санъ-Джиминьяно.

Трое мужчинъ вышли навстрѣчу лошадямъ, держа въ рукахъ большія кисти винограда, съ виноградною зеленью на рукавахъ и на шапкахъ.

Леоне узналъ Ринальдо и поскакалъ-было на него, чтобы схватить его, но увидѣлъ, что Джіованна остановила свою лошадь, и невольно сдѣлалъ то же самое.

Трое молодыхъ людей низко склонились передъ ея лошадью, и пока двое другихъ продолжали стоять съ опущенными головами, Доменико поднялъ свои умные глаза и взглянулъ на нее.

— Не сердитесь, мадонна, что трое молодыхъ людей поклоняются красотѣ на большой дорогѣ. Не наша это вина, а вина вашего достойнаго отца, который два раза прогонялъ насъ изъ своей виллы и отказался принять выраженіе нашего почтенія.

— Клянусь Богомъ, кажется дерзость нынче пребываетъ на большой дорогѣ!—сказалъ Леоне, подскакивая къ дочери.—Грабитель, вломившійся ко мнѣ, и его товарищи осмѣливаются еще разъ попасться мнѣ на глаза. Но теперь, клянусь святымъ Рохомъ, вы всѣ трое отвѣтите мнѣ за это!

— Мессеръ Леоне,—продолжалъ Доменико, спокойно хлопая лошадь по шеѣ,—мы вѣдь готовы отвѣчать вамъ. Ваша прекрасная дочь можетъ увидѣть, отъ какихъ грабителей вы скрываете ее за семью замками.

Леоне хотѣлъ отвѣтить. На лбу его надулась большая жила, словно толстый синій червякъ. Но Джіованна схватила его сжатый, поднятый кулакъ и перебила его:

— Если вы желаете, чтобы я считала васъ вѣжливыми и благородными людьми, то вы не должны начинать съ клеветы на моего дорогого отца. Онъ мнѣ не тѣлохранитель и не тиранъ. Я сама по своей свободной волѣ не желаю имѣть знакомства съ врагами моей семьи.

— Да здравствуетъ гордая и прекрасная Джіованна!—воскликнулъ Ринальдо и прикрѣпилъ свои виноградныя кисти къ широкой подпругѣ ея лошади, которую она пришпорила. Доменико накинулъ свою зелень на гриву коня, а Джентиле, еще не поднимавшій головы, бросилъ свои ягоды подъ его копыта. Джіованна ни одному изъ нихъ не поклонилась.

Подъѣхавъ къ своему дворцу, Леоне въ первый разъ забылъ плюнуть въ колодецъ. Онъ помогъ дочери сойти съ лошади, подалъ ей у дверей связку ключей и сказалъ:—Впредь, Джіованна, ты можешь собственной волей входить во дворецъ и выходить изъ него. Ты чище и мягче меня, но гордость твоя достойна твоего отца.

Весь городъ сдѣлался теперь собственностью Джіованны. Она отправлялась въ соборъ не по обыкновенной дорогѣ, а по кривымъ улицамъ и закоулкамъ. Отецъ водилъ ее ко всѣмъ воротамъ города. Скоро она даже одна стала выходить за городъ, спокойно и увѣренно. У подножія мирныхъ городскихъ стѣнъ она вбирала въ себя золотые лучи осенняго солнца. Солнечный свѣтъ

дрожалъ словно теплый паръ надъ травою, среди которой виднѣлись еще мелкіе желтые цвѣточки; дѣти называли ихъ фіалками святой Фины. Когда Джіованна сидѣла на травѣ, со всѣхъ сторонъ сбѣгались полунагіе и полудикіе мальчишки. Усердные пальцы искали цвѣты въ травѣ и складывали ихъ ей на колѣни, чтобы только имѣть право коснуться ея парчевой юбки съ вышитыми по темнокрасному фону золотыми пальмами, точно это Божья Матерь сошла съ соборнаго алтаря. Какъ шаловливые козлята или непривязанные жеребята, дѣти скатывались внизъ по склону горы. Тутъ же недалеко расли оливковыя деревья. Они сгибались подъ тяжестью влѣзавшихъ на нихъ дѣвушекъ, едва одѣтыхъ въ какія-то жалкія юбки. Онѣ взлѣзали и на каменныя стѣны, гоняясь за ящерицами, которыя бѣгали вверхъ по отвѣсному скату.

Здѣсь, за городомъ, Джіованна часто думала о бѣдной маленькой святой Финѣ. Она, несчастная, не могла ходить на валъ въ расшитыхъ золотомъ платьяхъ и собирать свои собственные желтые цвѣточки. Она лежала тамъ, въ сыромъ и холодномъ городѣ, въ плохомъ и темномъ помѣщеніи, хромая и жалкая калѣка; при смерти больная, она, лежа на своей жесткой постели, исцѣляла другихъ, касаясь ихъ своими бѣдными, увядшими руками. Когда Джіованна снова вступала въ городъ и чувствовала подъ ногами твердыя каменныя плиты, ей навстрѣчу словно вѣялъ воздухъ изъ комнаты святой Фины. Изъ дверей и оконъ узкихъ переулковъ, какъ изъ глубокой нездоровой пропасти, несло холодомъ и мракомъ. Солнце вѣнчало дворцы и башни золотыми коронами, но глубоко внизу, въ сѣрой тѣни каменныхъ стѣнъ, куда не проникало солнце, притаились, боязливо скрываясь отъ свѣта, зараза и нищета. Въ тѣсныхъ каморкахъ не мало лежало больныхъ грудью. Джіованна слышала, какъ раздавался кашель, какъ его повторяло эхо отъ каменныхъ стѣнъ; она видѣла, какъ красные, воспаленные, постоянно гноящіеся глаза пристально вглядывались въ темноту, видѣла изъѣденныхъ ракомъ и полуживыхъ нищихъ, осаждавшихъ церковныя двери, такъ что ей приходилось почти наступать на ихъ изсохшія ноги, чтобы проникнуть въ церковь. Всѣ болѣзни святой Фины процвѣтали въ городѣ, но не было больше маленькой блѣдной святой, чтобы совершать чудеса; она лежала въ соборѣ въ своей мраморной гробницѣ, и лишь немногіе вѣрующіе черпали утѣшеніе въ ея часовнѣ. Еще меньше было такихъ, которые такъ сильно вѣрили, что вѣра ихъ исцѣляла.

Джіованна долго лежала на каменныхъ плитахъ передъ алтаремъ святой Фины. Она молилась до тѣхъ поръ, пока не чувствовала въ себѣ всепобѣждающее желаніе дѣлать добро всѣмъ больнымъ и калѣкамъ города. Съ опущенными глазами, словно не желая расточать безъ нужды своей силы, она выходила изъ часовни, входила въ тѣсныя и вонючія каморки, прикладывала свои руки къ влажнымъ лбамъ, касалась изсохшихъ членовъ, подавала питье людямъ, лежавшимъ въ горячкѣ, чистыми бѣлыми пальцами удаляла гнойныя капли изъ больныхъ глазъ. Прикасаясь такимъ образомъ къ больному члену, она могла, закрывъ глаза, воображать себя святой Финой или ея посланной. Изъ горячихъ концовъ ея пальцевъ истекала цѣлительная сила глубокой вѣры.

Но руки ея не совершали чудесъ. Прикосновеніе ея могло облегчить, но не излечить страданія. Джіованна думала, что вѣра ея недостаточно сильна. Надо было имѣть терпѣніе. Ей приходилось много разъ навѣщать больного прежде чѣмъ онъ замѣчалъ ея желаніе исцѣлить его. Чума и зараза были подобны грѣху: безъ ежедневнаго сопротивленія раны все больше разъѣдали тѣло. Она часто уставала и чувствовала отвращеніе къ лохмотьямъ нищеты и къ зловонію болѣзней. Выходя изъ церкви, она иногда вдругъ широко раскрывала глаза и, видя, какъ блестятъ золотыя нити ея одежды, вспоминала, кто она. Тогда она отходила въ сторону, не рѣшаясь касаться грязныхъ нищихъ, ползавшихъ у ея ногъ, и быстро бросала имъ монеты, словно онѣ уже напередъ были загрязнены тѣми руками, которыя ихъ ловили.

Кондотьеръ покачивалъ головою при видѣ ея стремленія дѣлать добро. По его мнѣнію, болѣзни и нищета, вонь и гнойныя раны были неразрывно связаны съ жилищами бѣдняковъ. Онъ не понималъ, какъ можно добровольно отыскивать грязныя мѣста. Грязи довольно было передъ дверьми всѣхъ домовъ. Надо было радоваться, что къ своей собственной двери можно было подъѣзжать, высоко сидя на лошади.

Молодые люди въ городѣ смотрѣли на Джіованну такими внимательными и упорными взглядами, что она думала, ужъ не въ безпорядкѣ ли ея одежда, и начинала оправлять свои волосы или ощупывать ожерелье на шеѣ. Многіе кланялись ей, но она никогда не отвѣчала на поклоны иначе, чѣмъ едва замѣтнымъ кивкомъ. У Ринальдо, повидимому, не было никакого другого дѣла, какъ съ утра до вечера искать случая встрѣтиться съ нею. Особенно усердно онъ ходилъ вокругъ нея, когда она

сидѣла на городскомъ валу и играла съ оборванными ребятишками. Онъ приближался къ ней, какъ шмель къ подсолнечнику.

— Зачѣмъ вы постоянно ходите за мною, мессеръ?—спросила она однажды, чувствуя себя храброй среди дѣтей.

— Наконецъ,—сказалъ онъ,—на мою долю выпалъ одинъ взглядъ, котораго я такъ давно жажду. Наконецъ хоть одно слово услышалъ голодный.

Джіованна засмѣялась мягкимъ, гортаннымъ смѣхомъ.

— Вы смѣетесь, мадонна?

— Да, смѣюсь. Въ первый разъ слышу эти безсмертныя слова о голодѣ и жаждѣ, которыя, какъ разсказывала мнѣ моя кормилица, употребляютъ молодые влюбленные.

— Развѣ это такъ смѣшно?

— А какъ же иначе? Молодой человѣкъ, съ золотыми перстнями на всѣхъ пальцахъ и въ шелковой одеждѣ, говоритъ о голодѣ и жаждѣ. Почему вы говорите объ этомъ мнѣ, мессеръ? Вѣдь я не хозяинъ гостинницы. Но я дамъ вамъ хорошій совѣтъ со словъ моей кормилицы. Прежде чѣмъ говорить о любовномъ голодѣ, попробуйте-ка день или два поголодать на самомъ дѣлѣ, а потомъ беритесь пожалуй за нищенскій посохъ Амура.

— Ваша кормилица уже научила васъ своей стародѣвичьей мудрости. Ахъ, вы не знаете, что такое любовь!

— Но зато вы знаете это, опытный господинъ. Это замѣтно по вашимъ рукавамъ. Вы знаете, какъ сильно дѣйствуютъ на другихъ яркія краски, напр. зеленые вышитые листья клевера на бѣлой курткѣ, какое обаяніе имѣетъ помада, пахнущая ванилью, или длинные ногти. Ахъ, ищите себѣ болѣе достойной цѣли, добрый господинъ!

— Вы для меня солнце, мадонна,—сказалъ онъ, по возможности пронизывая ее глазами.

— Солнце заходитъ, и я иду домой — безъ провожатаго, какъ и солнце,—сказала она и встала.

— Но каждую ночь, мадонна, каждую ночь моя любовь возносится къ вашему балкону, когда вы слышите мою игру.

— Ахъ, мессеръ, не сердитесь на меня за то, что я ночь употребляю для сна, и что мой балконъ слишкомъ малъ, чтобы вмѣстить вашу любовь. На немъ можетъ помѣститься только одинъ цвѣточный горшокъ.

Въ спальнѣ Джіованны передъ образомъ Мадонны теплился маленькій красный огонекъ. Онъ горѣлъ слабо: при его свѣтѣ

выдѣлялся только фонъ за ликомъ Богоматери, и въ висящемъ металлическомъ сосудѣ поблескивала святая вода. Но Джіованна отлично находила всякій предметъ, точно при яркомъ дневномъ освѣщеніи. На небольшомъ, словно дѣтскомъ столѣ, покрытомъ скатертью съ бѣлой бахромой, лежалъ открытый молитвенникъ, съ сіяющими золотыми заглавными буквами. Маленькій часовой стаканчикъ вытягивалъ нить времени изъ сыплющагося песку. Она поднесла стаканчикъ къ уху, прислушиваясь къ его жужжанію. Потомъ взяла графинъ съ его обычнаго мѣста на стѣнномъ шкафу, гдѣ онъ стоялъ около трехъ-четырехъ книгъ съ металлическими застежками, подошла къ окну и напоила свои цвѣты. Передъ рѣшеткой въ выпукломъ сосудѣ стояла драгоцѣнная перистая гвоздика, подаренная ей отцомъ. Она касалась оконной рамы такъ нѣжно, какъ надушенное перо. Тутъ же былъ миртъ, съ твердою, торчащею зеленью. Джіованна потерла свои руки о листья и подумала о своей матери, съ мраморной могилы которой этотъ миртъ былъ принесенъ въ видѣ маленькаго побѣга.

Потомъ она вышла на свой крохотный, узкій балкончикъ. Шелъ мелкій, беззвучный дождь, точно сквозь сито. Она вынесла цвѣты на балконъ, послѣ чего нельзя уже было закрыть двери. Но она успокоилась при мысли о цвѣткахъ, которые стояли точно стражами при входѣ. Она улыбнулась въ темнотѣ и взглянула на мрачный сосѣдній домъ. Онъ стоялъ слишкомъ далеко, чтобы можно было перескочить черезъ улицу. Сюда могли забраться развѣ только легкія ласточки, которыя гнѣздились въ высѣченной изъ камня оконной рамѣ.

Она долго стояла подъ дождемъ. Волосы ея, словно растенія, высасывали себѣ пищу изъ дождя. Она чувствовала въ темнотѣ, что все растетъ. Ночь казалась вѣчною. Она связывала прошедшее съ будущимъ. Джіованна, стоя подъ дождемъ, мысленно цѣловала свою мать, которой никогда не видала. Изъ невидимаго и необъятнаго пространства ночи она удалилась въ свою комнатку, раздѣлась и легла на свое низкое ложе между длинными копьями, поднимавшимися вверхъ подобно стеблямъ лилій и поддерживавшими легкій фестончатый пологъ надъ постелью.

Нѣкоторое время она лежала и смотрѣла, какъ блеститъ золото за чернымъ ликомъ Мадонны. Потомъ она встала, взяла сосудъ со святою водою и обрызгала свою постель и полъ. Послѣ этого она потушила свѣчку и въ глубокомъ мракѣ спокойно заснула.

Не спали однѣ только кошки. Но не спали также два глаза,

не принадлежавшіе кошкѣ. Когда Ринальдо увидѣлъ, что потухъ скудный огонекъ по ту сторону улицы, фантазія его разыгралась. Онъ сидѣлъ болѣе часа и прислушивался, положивъ мандолину на колѣни, къ тихому звуку падающаго дождя. Вдругъ неожиданно выглянулъ изъ-за тучъ мѣсяцъ и ярко озарилъ своимъ бѣлымъ свѣтомъ противоположную каменную стѣну.

Мѣсяцъ словно говорилъ Ринальдо: „Видишь, какъ я беру приступомъ домъ. Отчего ты не имѣешь такой же храбрости, какъ я?“

Онъ не колебался больше. Онъ вышелъ изъ дому и очутился на улицѣ между двумя запертыми дверями. Мѣсяцъ надъ головой его словно насмѣхался надъ нимъ. Ринальдо перепрыгнулъ черезъ улицу, какъ черезъ подъемный мостъ, почти не касаясь каменныхъ плитъ мостовой. Свѣтъ бѣлою полосою лежалъ на балконѣ. Мѣсяцъ, какъ воръ, пробирался къ Джіованнѣ и цѣловалъ своими блѣдными поцѣлуями ея закрытые глаза. Мѣсяцъ стыдилъ его: „Найди къ ней дорогу, найди дорогу! Полѣзай по водосточной трубѣ, прицѣпись къ карнизу. Для смѣлаго любовника все возможно!“ И все оказалось возможнымъ для Ринальдо. Онъ тотчасъ же открылъ, какъ ему попасть наверхъ. Ему надо было подняться отъ колодца на узкій каменный мостикъ, который подходилъ къ верхней части воротъ и соединялъ между собою выступы двухъ флигелей. Оттуда уже нетруденъ былъ доступъ къ маленькому балкону.

Ринальдо ощупалъ сумку, висѣвшую у него на поясѣ. Да, веревочная лѣстница была на своемъ мѣстѣ. Это обезпечивало ему благополучное возвращеніе даже въ случаѣ самаго опаснаго подъема.

Теперь надо было изслѣдовать, достаточно ли прочны старыя, сотни лѣтъ тому назадъ сооруженныя приспособленія для поднятія воды изъ колодца. Ринальдо вскочилъ на край проклятаго колодца и потянулъ за цѣпь. Сверху ему отвѣчалъ ржавый металлическій смѣхъ: ясно, что цѣпь цѣла. Итакъ, впередъ! Ринальдо началъ медленно взбираться на верхъ. Шероховатое желѣзо рѣзало ему пальцы. Цѣпь опускалась подъ его тяжестью въ видѣ колеблющейся, звенящей дуги. Онъ задерживалъ дыханіе, словно стараясь сдѣлаться легче, и осторожно лѣзъ все выше и выше, точно думалъ, что старая цѣпь можетъ проснуться и почувствовать свою собственную ветхость. Но она держала его, она его держала! Ринальдо схватился за перила и вскочилъ на мостикъ. И вотъ онъ ѣхалъ верхомъ по воздуху, какъ сова по краю башни. Онъ надушилъ свои руки благовонною водою,

которая всегда была у него въ карманѣ, снялъ со спины мандолину и началъ бряцать на ней, потомъ вдругъ вспомнилъ о веревочной лѣстницѣ и прикрѣпилъ ее. Нѣсколько разъ онъ открывалъ ротъ, чтобы запѣть, но чувствовалъ, что голосъ его какъ-то странно хрипитъ, а въ горлѣ такъ сухо, что онъ издаетъ звуки, напоминающіе сдерживаемый крикъ, между тѣмъ какъ мандолина чирикала такъ же весело и легко, какъ днемъ.

Самъ Ринальдо сидѣлъ въ тѣни и слѣдилъ за движеніемъ луннаго свѣта, падавшаго на балконъ. Ринальдо думалъ, что свѣтъ проходилъ черезъ запертыя двери, сквозь щели и стекла, проникая, куда ему вздумается. Онъ переложилъ нѣмой лунный свѣтъ на музыку, и слабые звуки понеслись ввысь, какъ жужжаніе насѣкомаго, увѣренно и рѣзко пронизывающее тишину, пока не достигнетъ слуха спящаго. Золотистый звукъ струнъ висѣлъ въ воздухѣ, словно крылья пчелы, пронзенной невидимою иглою и остановившейся въ своемъ полетѣ. Музыка при лунномъ свѣтѣ пріобрѣтала какую-то трепещущую назойливость, разгоняя тишину. Когда Ринальдо былъ влюбленъ, то въ чувствѣ его было лишь одно теченіе: желаніе, вожделѣніе. Взоръ его тогда имѣлъ лишь одно направленіе, жизнь—одно назначеніе, кровь—одно стремленіе. Все его сознаніе, вмѣстѣ съ луннымъ свѣтомъ, неудержимо устремлялось внутрь дома, за предѣлы балкона. Онъ игралъ, словно желая передать свой жаръ струнамъ. Играя, онъ чувствовалъ себя все ближе и ближе къ своей цѣли. Глаза его подъ вліяніемъ музыки стали видѣть яснѣе. Онъ увидѣлъ, какъ трепещутъ листья перистой гвоздики. Онъ увидѣлъ, какъ при лунномъ свѣтѣ вдругъ загорѣлся маленькій красный цвѣтокъ, выглядывавшій изъ-за одной колонны. Онъ приподнялся и наклонился впередъ. И вдругъ ему показалось—или нѣтъ... Край двери дѣйствительно виднѣлся за цвѣтами; дверь была открыта—побѣда! Онъ больше не колебался. Забросивъ нѣсколько разъ неудачно крючки своей веревочной лѣстницы, онъ наконецъ достигъ того, что они зацѣпились за край балкона. Ринальдо взвился кверху по веревкамъ, нѣкоторое время колебался въ воздухѣ, потомъ взобрался наверхъ и наконецъ проникъ на балконъ, отдѣленный отъ спальни только нѣсколькими цвѣточными горшками—защитой, достойной Венеры.

Онъ едва осмѣливался переводить дыханіе. Мандолина висѣла у него на спинѣ, но звонъ струнъ все еще струился въ воздухѣ. Этотъ звонъ дрожалъ при лунномъ свѣтѣ. Ринальдо старался унять его и осторожно наклонился надъ перистыми листьями гвоздики, которые щекотали ему лицо.

Во снѣ Джіованна видѣла яркій солнечный свѣтъ. Сонъ ея не былъ вызванъ звуками мандолины. Онъ возникъ изъ ея собственнаго безсознательнаго существа, какъ бѣлая точка въ черную ночь. Вся облитая солнечными лучами, она сидѣла у ручья въ Поджибонзи, со множествомъ цвѣтовъ на колѣняхъ, и проводила рукою по водѣ, по направленію теченія. Вода, словно нити твердаго жемчуга, скользила у нея между пальцами.

Вдругъ теченіе воды прекратилось. Джіованна подняла руку, но вода послѣдовала за нею и, казалось, обдавала ее нѣжными поцѣлуями. Горячій вѣтерокъ дунулъ ей въ лицо. Она проснулась при свѣтѣ луны, увидѣла, что на грудь ея падаютъ густые черные волосы, и почувствовала жаркіе поцѣлуи на своей рукѣ, которую она, въ видѣ защиты, положила себѣ на сердце.

Джіованна не упала въ обморокъ. Она не вскрикнула, не потеряла присутствія духа. Она вспомнила о дождѣ, объ открытой балконной двери и узнала гриву Ринальдо. Рѣзко отдернувъ руку, она сказала, не поднимая головы съ подушки:

— Вы, кажется, съ ума сошли, любезный?

Ринальдо приподнялся и почти приложился лицомъ къ ея лицу:

— Джіованна, моя возлюбленная! Благодарю васъ, что вы не заперли двери. Проснитесь же и посмотрите, кто пришелъ къ вамъ.

— Это я отлично вижу,—возразила она громко.—Скорѣе васъ слѣдовало бы разбудить. Мнѣ стоитъ сказать только одно слово, и вамъ не избѣжать смерти.

— Жизнь или смерть въ твоихъ объятіяхъ, Джіованна! Я не оставлю тебя.

Онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Но она схватила его за волосы, точно она была Юдиѳью, которая срываетъ Олоферну съ плечъ отсѣченную голову. Однимъ прыжкомъ вскочила она изъ кровати и толкнула дверь. Ему казалось, что пронзительный крикъ ея раздается у него въ ушахъ. Но она только холодно и рѣшительно сказала въ дверь тихимъ голосомъ:—Беритола! Беритола! Вставай и разбуди немедленно мессера Леоне!

Онъ слышалъ, что рядомъ кто-то возится.—Джіованна! Джіованна! Опомнись! Посмотри, кто у тебя!

— Придите сами въ себя, мессеръ, и исчезайте тѣмъ же путемъ, какимъ вы сюда явились. Вы не успѣете оглянуться, какъ уже будетъ слишкомъ поздно.

Сквозь дверную скважину доносились шумъ и крики. По полу,

сверхъ полосъ луннаго свѣта, побѣжали длинныя полосы огня. Ринальдо слышалъ тяжелый топотъ ногъ, производимый точно дикими звѣрями, и узналъ страшныя боевыя проклятія кондотьера. Страхъ охватилъ его, когда дверь отворилась и появился полунагой кондотьеръ, размахивая своимъ широкимъ мечомъ, какъ орудіемъ казни.

Ринальдо отпустилъ Джіованну, съ бѣшеной поспѣшностью бросился на балконъ, ударился ногою о цвѣточные горшки такъ сильно, что боль проникла до самаго колѣна, перекинулся черезъ перила и успѣлъ уже одною рукой схватиться за веревочную лѣстницу, когда кондотьеръ нагналъ его и обоюдоострый, отточенный мечъ прожужжалъ надъ его головою. Онъ наклонился. Лезвее ударило въ темноту и отскочило отъ каменнаго края балкона. Леоне не зналъ, попалъ ли онъ, но услышалъ крикъ— впереди или сзади раздался онъ? Посмотрѣвъ внизъ, Леоне увидѣлъ, какъ человѣческая фигура исчезала, тяжеловѣсно спускаясь по лѣстницѣ. Обѣими руками Леоне схватилъ веревочную лѣстницу, отцѣпилъ крюки и выбросилъ ихъ въ темноту. Что-то слабо шлепнулось на землю и раздался вопль, какъ отъ страшной боли:—Моя рука, моя рука, моя рука!

Кормилица держала факелъ между Леоне и его дочерью, когда кондотьеръ обернулся. Вся кровь отлила отъ лица Джіованны. Такимъ она видѣла отца въ первый разъ; такимъ онъ былъ, вѣроятно, въ разгарѣ битвы. Пламя его глазъ обжигало ей лицо. Жилы налились на его черепѣ, какъ распухшія змѣи. Она закрыла глаза. Она дрожала и чувствовала потребность издать пронзительный крикъ, отъ котораго она до сихъ поръ удерживалась. Но вдругъ она увидѣла свои помятые цвѣты. Миртъ былъ растоптанъ. Сломанная гвоздика безжизненно свѣшивалась съ балкона, словно упорно глядя во слѣдъ злодѣю. Джіованна сдѣлала шагъ впередъ и нагнулась черезъ перила. Ея голая нога скользнула по какому-то мягкому и теплому предмету, который точно согнулся подъ ея тяжестью. Снявъ съ него ногу, она увидѣла при свѣтѣ факела отрубленную кисть руки. Содрогнувшись, она закрыла лицо руками, вошла въ свою спальню и бросилась на постель. А кондотьеръ схватилъ отрубленную руку, и пока все слабѣе и слабѣе становились стоны, доносившіеся изъ глубины темной, узкой улицы, онъ разсматривалъ при свѣтѣ факела всѣ блестѣвшіе на ней перстни.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни весь городъ ходилъ взадъ и впередъ передъ дворцомъ Сальвуччи, чтобы смотрѣть на отрубленную руку, которая торчала на палкѣ на высокомъ балконѣ. Въ солнечныхъ лучахъ на желтыхъ пальцахъ сверкали и блестѣли кольца.

Обладатель этой руки лежалъ больной въ каморкѣ напротивъ дворца, откуда можно было видѣть кровавый трофей. Ослабѣвъ отъ потери крови, онъ едва дотащился домой, гдѣ ему перевязали рану. Вражда между обоими домами разгорѣлась опять съ прежнею силою. Мать Ринальдо подала на Леоне деи-Сальвуччи жалобу въ судъ. Но судьи оправдали его, такъ какъ онъ защищалъ свой домъ и свою дочь отъ ночного нападенія. Тогда она судебнымъ порядкомъ стала требовать возвращенія руки Ринальдо. Кондотьеръ отказывался вернуть ей руку, находя заслуженнымъ наказаніемъ вора выставленіе на публичный позоръ его дерзкой руки на самомъ мѣстѣ преступленія. Время шло. Высохшая рука представляла небольшой интересъ, но семья Ардингелло добивалась возвращенія драгоцѣнныхъ перстней, и Леоне деи-Сальвуччи обвиняли въ незаконномъ присвоеніи себѣ чужихъ драгоцѣнностей. Кондотьеръ предложилъ суду посѣтить его домъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что кольца оставались нетронутыми на рукѣ вора. Пусть удовлетворено будетъ правосудіе: когда само время отдастъ эти кольца, то собственники ихъ могутъ поднять ихъ съ улицы, какъ упавшіе плоды.

Отрубленная рука продолжала торчать на прежнемъ мѣстѣ. Леоне былъ могущественъ и упрямъ, и слово его имѣло большой вѣсъ въ совѣтѣ. Но чѣмъ дольше высохшая рука держала золотыя кольца и драгоцѣнные каменья, тѣмъ болѣе расла жадность тѣхъ, кому они принадлежали. Птицы небесныя или воры могли украсть законное достояніе семьи Ардингелло. Однажды раннимъ утромъ дядя Ринальдо сталъ стрѣлять въ руку изъ лука, и одинъ за другимъ сбилъ съ нея всѣ пальцы, а потомъ подобралъ ихъ.

Джіованна была напугана. Она больше не выходила изъ дома. Ей не хотѣлось слышать, какъ граждане говорятъ о ней на улицѣ, не хотѣлось видѣть, какъ изъ оконъ и дверей показываютъ на нее пальцами. Никто не могъ видѣть, весела она или печальна, никто не могъ истолковывать выраженіе ея лица. Въ прежнюю свою комнату она больше не входила.

Мысль о балконной двери заставляла ее вздрагивать. Кондотьеръ, по ея желанію, приказалъ заколотить эту дверь. Сама она переселилась ниже, въ большой мрачный покой, освѣщаемый

только однимъ окномъ. Здѣсь цвѣты не могли цвѣсти. Да и не было больше у Джіованны такихъ цвѣтовъ, за которыми она могла бы ухаживать. Когда отецъ приносилъ ей новыя дорогія, махровыя гвоздики, она отстраняла ихъ: ей казалось что отъ нихъ пахло кровью. Ничего не должно было расти въ ея большой кельѣ, изъ угловъ которой нельзя было выгнать тьму. Джіованна не рѣшалась даже близко подходить къ рѣшеткѣ окна, боясь встрѣтить любопытные взоры, устремленные вверхъ въ надеждѣ ее увидѣть. Она слышала, что во Флоренціи, въ глубокихъ ямахъ съ гладкими мраморными стѣнами, содержатся дикіе львы, когти которыхъ отскакиваютъ отъ гладкаго камня; въ этихъ ямахъ устроены дверцы съ выдвижной рѣшеткой, и надменные господа могли щекотать свои истрепанные нервы зрѣлищемъ безсильныхъ прыжковъ, совершаемыхъ несчастными животными. У Джіованны было такое чувство, что злоба и клевета толпятся передъ ея собственной клѣткой, чтобы глумиться надъ нею, какъ только она подойдетъ къ рѣшеткѣ.

Въ ея дѣвическомъ чувствѣ что-то было смято, не успѣвъ расцвѣсть. Раньше въ ней все было свѣтло и свѣжо, все было открыто для солнца юности, счастья и любви, которое должно было взойти надъ ея головой. Теперь она стала робка, какъ человѣкъ, тронувшій гадюку вмѣсто цвѣтка, который собирался сорвать.

Въ ея шутливомъ отстраненіи Ринальдо и его нѣжныхъ изліяній заключалась доля тайнаго любопытства: чувства его казались ей фальшивыми и лживыми. Теперь она знала, что любовь—не пустая игра, а властная сила, горячая жажда, прерывающая дыханіе и заставляющая произносить безумныя слова. Джіованна слышала отъ Беритолы, что говорили въ городѣ о бѣдномъ Ринальдо, такъ дорого поплатившемся изъ-за молодой недотроги. Ринальдо разсказывалъ въ свое оправданіе, что его смѣлость была возбуждена открытою дверью балкона и кивающими цвѣтами.

Вотъ какое опасное и тяжкое наказаніе постигло ее за молодость и довѣрчивость! Такъ люди истолковывали дѣтское безстрашіе! Такъ мстилъ отвергнутый любовникъ молодой дѣвушкѣ, которая совершила только одно преступленіе—на его желаніе отвѣтила отказомъ! Обжегшееся дитя боится огня. Но Джіованна вѣдь не протянула къ опасному огню и одного пальца. Огонь этотъ проникъ извнѣ въ ея цѣломудренное невѣдѣніе и уничтожилъ, какъ перышко, ея молодую довѣрчивость.

Когда Джіованна сидѣла въ полутьмѣ, задумавшись надъ

своимъ вышиваньемъ по мягкому бархату, она вспоминала юнаго флорентинца, вилла котораго находилась рядомъ съ виллою ея отца въ Поджибонзи, — вспоминала его добрые каріе глаза, его бѣлый дѣвическій лобъ подъ маленькой шапочкой. Когда она встрѣчала его въ узкомъ переулкѣ, онъ отходилъ въ сторону, чтобы ей не пришлось отступать къ стѣнѣ. Онъ склонялся передъ нею, положивъ правую руку на сердце. Волосы падали ему на лицо, и ей не видно было его глазъ, которые были опущены, какъ сама она опускала глаза, когда мимо нея въ церкви проносили Святое Святыхъ. Неужели и это мягкое, прекрасное благоговѣніе было обманомъ? Неужели его рука удерживала бьющееся сердце, чтобы ее не обожгло его пламя? Она разглядѣла его губы. Хотя онѣ молчали, но на нихъ, казалось, дрожало милое, непроизнесенное слово—его собственное имя: Джентиле. Джентиле—какъ бы онъ произнесъ его?

Иначе держалъ себя молодой Доменико. Онъ пріѣхалъ, чтобы изобразить красками легенду о святой Финѣ въ ея собственной церкви. На своихъ длинныхъ, прямыхъ ногахъ онъ выступалъ по мостовой, словно журавль по лугу въ весеннюю пору. У него былъ смѣлый взглядъ, похожій на взглядъ орла, измѣряющаго разстояніе между собою и своей добычей. Волосы его были волнисты, какъ ночная тьма; черный пушокъ обрамлялъ подбородокъ и губы словно тѣнью, отъ которой нельзя было избавиться. Когда Джіованна проходила мимо него, губы его складывались какъ для поцѣлуя. Глаза его не переставали смотрѣть на нее, а рукою онъ описывалъ дугу, словно водилъ кистью по полотну.

Джіованна сидѣла въ своей клѣткѣ и рѣшалась выглянуть черезъ улицу лишь настолько, чтобы видѣть лоджію дворца подесты и уголъ церкви. Зима тянулась долго и однообразно. Когда снѣгъ покрылъ площадь собора словно бѣлою простынею, передъ окномъ стало свѣтло, точно небо упало на землю, то самое небо, котораго Джіованна такъ давно не видѣла. Снѣгъ цѣлыми днями лежалъ на улицѣ, какъ бѣлая сверкающая сказка.

Молодые громкіе голоса смѣялись внизу. Трое молодыхъ людей шли по снѣгу, прикрѣпивъ высокія деревянныя сандаліи къ ногамъ, обтянутымъ въ длинные чулки-панталоны. Они небрежно накинули свои плащи на гордыя плечи. Джіованна узнала Доменико по его походкѣ, по упертой въ бокъ лѣвой рукѣ и по смѣлому изгибу плаща. Двое другихъ были вѣроятно его братомъ и зятемъ. Они боролись на снѣгу. Снѣжки перекрещивались, летая по воздуху. Одинъ снѣжный комокъ ударился объ ея окно, разлетѣлся въ мелкіе кусочки и въ видѣ хлопьевъ пробивался

сквозь желѣзные прутья рѣшетки. Дрожа отъ холода въ своихъ мѣхахъ, она слѣдила глазами за бѣлыми хлопьями, которыя прилипали къ окну, подобныя пуху изъ крыльевъ огромнаго, сильнаго лебедя, который облеталъ города и села. Какъ всѣ они были свободны и веселы внизу! Они бѣжали по сверкающему снѣгу до самыхъ церковныхъ воротъ, а затѣмъ исчезли въ церкви.

Но можно ли было послѣдовать за ними въ маленькую часовню, гдѣ они стояли и расписывали стѣны? Отъ Беритолы Джіованна знала, что художники стояли тамъ все свѣтлое время дня и наносили на свѣжештукатуренную стѣну фигуры, живо изображавшія смерть и похороны святой Фины. Они ходили тамъ за рѣшеткой не какъ нищіе, преклонявшіе колѣно и осѣнявшіе себя крестомъ, а высоко держа голову, какъ близкіе друзья святой, создавшіе для нея новое жилище.

Отецъ Джіованны разсказывалъ ей объ этомъ удивительномъ художникѣ. Онъ такъ изображалъ епископа и мальчиковъ, прислуживавшихъ при алтарѣ, что они казались осязаемыми, а хоругви точно двигались на картинѣ. Молодой флорентинецъ самъ просилъ у кондотьера позволенія написать его голову и помѣстить его между членами совѣта, стоящими вокругъ гроба Фины. Онъ сдѣлалъ набросокъ головы Леоне такъ сильно и живо, что, казалось, видишь передъ собою самого кондотьера.

Однажды, когда снѣгъ уже стаялъ и свѣтъ погасалъ на хмуромъ небѣ, Джіованна, закутавшись въ плащъ съ капюшономъ, одна пробралась въ соборъ. Она отправилась въ капеллу святой Фины, которую надѣялась найти пустою въ столь пасмурную погоду. Но рѣшетка была заперта, а за нею она увидѣла на лѣстницѣ одинокую фигуру въ широкомъ черномъ одѣяніи, съ длинными кистями въ рукѣ.

Джіованна раскаялась въ своемъ любопытствѣ и, стоя на колѣняхъ передъ рѣшеткой, молила святую Фину простить ей этотъ проступокъ. Она глядѣла вверхъ и видѣла золотыя точки звѣздъ на темно-синемъ небѣ позади Мадонны съ порхающими ангелами.

„Святая Фина,—молилась Джіованна,—ты, чей духъ живетъ въ этомъ мѣстѣ, научи меня быть сильной смиреніемъ и отойти отъ тлѣннаго бытія въ жизнь вѣчную у престола Всевышняго Бога. Какъ и ты, я привязана къ этому грубому и тѣсному городку, я не могу отдѣлаться отъ своей душевной слабости и вознестись надъ нею, мои здоровыя руки не имѣютъ силы твоихъ увядшихъ рукъ, но научи меня..."

Рѣшетка вдругъ звякнула. Ее медленно отодвинули, и Джіо-

ванна услышала, какъ странный серебристый голосъ прошепталъ: „Войдите, мадонна, если хотите быть ближе къ вашей святой“.

Она не подняла глазъ, вставая и направляясь въ капеллу. Весь полъ былъ заставленъ ведрами и горшками съ краской. На мраморныхъ плитахъ блестѣло просыпанное сусальное золото.

Боясь снова уступить любопытству, она ни на что не хотѣла глядѣть. Она опустилась на колѣни на послѣдней ступенькѣ алтаря и подняла глаза на нижній край алтаря, отдѣланный въ видѣ длиннаго ряда раковинъ. Потомъ она закрыла глаза и опять хотѣла молиться. Но всѣ ея мысли безсвязно роились въ головѣ; она понимала значеніе только отдѣльныхъ словъ, и молитвы у нея не выходило. Желаніе взглянуть на работу художника мѣшало ея молитвенному настроенію. Она обернулась. Онъ стоялъ наверху, на лѣстницѣ, прислонившись къ стѣнѣ, и безмолвно работалъ, точно не было ничего на свѣтѣ, кромѣ маленькаго пространства, по которому двигалась его кисть. Джіованнѣ стало стыдно за себя, и она стала смотрѣть на противоположную стѣну.

Не расширилось ли передъ ней поле зрѣнія? Не упала ли стѣна? Не видѣніе ли посѣтило ее?

Сквозь оконную щель прорывался свѣтъ голубого дня, освѣщая гору, покрытую деревьями. На длинномъ деревянномъ столѣ, на заднемъ планѣ, стояли фрукты и графинъ съ водою, а впереди пластомъ лежала Фина на своей доскѣ; длинныя ноги ея были словно вырѣзаны изъ дерева, руки сложены на молитву; сіяніе окружало блѣдную тонкую голову съ длинными свѣтлыми распущенными волосами, которую слегка поддерживала ея кормилица, чтобы она могла видѣть фигуру папы Григорія, окруженнаго головами ангеловъ и возвѣщавшаго маленькой святой скорую и блаженную кончину.

Джіованна ползала на колѣняхъ по холодному мраморному полу и съ невѣдомымъ ей дотолѣ удивленіемъ молилась этому лицу, ожившему на полотнѣ словно по волшебству. Джіованна не знала ничего болѣе таинственнаго. Маленькая святая буквально дышала на стѣнѣ; папа виднѣлся словно облако; гора высилась точно на разстояніи многихъ миль отъ оконнаго ставня. И это можно было исполнить на плоской церковной стѣнѣ! Старыя картины въ кораблѣ церкви висѣли на сводахъ и колоннахъ, словно вытканныя изображенія ярко-коричневаго и зеленаго цвѣта. Но здѣсь стѣна расширяла церковь, и казалось, что по ней двигаются живыя фигуры.

За спиною дѣвушки раздались шаги по каменнымъ плитамъ. Художникъ длинною палкой отворилъ ярко разрисованное стеклянное окно, въ которое ворвался холодный зимній свѣтъ. —Простите, мадонна,—опять сказалъ мягкій, серебристый голосъ, — простите, если здѣсь станетъ холодно, но мнѣ нуженъ свѣтъ для моей работы.—Не взглянувъ на нее, онъ подвинулъ лѣстницу и влѣзъ на высоту открытаго окна. Онъ выглянулъ изъ окна, потомъ посмотрѣлъ на стѣну, и кисть его начала заполнять красками контуръ башни.

Джіованна встала, чтобы осмотрѣть другую стѣну. Здѣсь картина была готова лишь наполовину, но и тутъ художникъ сумѣлъ ясно представить небо надъ постелью изъ золотой парчи, на которой лежала почившая Фина. Джіованна узнала парчевой покровъ, узнала мальчиковъ, прислуживавшихъ въ церкви, одѣтыхъ въ короткія бѣлыя рубашки и стоявшихъ съ хоругвями и съ длинными восковыми свѣчами въ ногахъ усопшей. Она узнала на заднемъ планѣ среди членовъ совѣта лицо своего отца, а надъ ихъ головами увидѣла небо, которое начинало покрываться башнями. Да, это Санъ-Джиминьяно возвышался за мраморной нишей, въ которой святая Фина лежала на своемъ великолѣпномъ ложѣ и совершала чудеса даже послѣ своей смерти. Джіованна увидѣла старуху, которая выздоровѣла, коснувшись рукъ усопшей, увидѣла бѣднаго слѣпого мальчика, который съ вѣрою молился на колѣняхъ у ногъ святой, прижимая ихъ къ своимъ глазамъ до тѣхъ поръ, пока они не прозрѣли.

Джіованна не замѣчала холода, струившагося изъ окна. Она видѣла, какъ рѣзкій профиль художника быстро, словно голова птицы, поворачивался то въ ту, то въ другую сторону. Она видѣла, что его длинная бѣлая рука увѣренно и мягко водила кистью. Глазъ и рука жили одною жизнью и вмѣстѣ творили! Уходя, она сказала едва слышно:

— Благодарю васъ, маэстро, за то счастье, какое мнѣ доставило ваше великолѣпное искусство.

Онъ на мгновеніе остановилъ кисть и поглядѣлъ на нее сбоку, слегка кивнувъ ей.

— Во всякое время, мадонна, приходъ вашъ будетъ мнѣ пріятенъ, когда бы вы ни оказали моей работѣ честь взглянуть на нее.

— А я не мѣшаю вамъ, маэстро?

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Когда я пишу, мнѣ не помѣшало бы даже появленіе самой

Матери Божьей. Вашъ взглядъ дѣлаетъ мой собственный взглядъ болѣе проницательнымъ.

Онъ снова отвернулся къ стѣнѣ. Она еще нѣсколько мгновеній прислушивалась къ тихому шуршанію кисти по известковой стѣнѣ.

Идя домой по узкой улицѣ, она уже не смотрѣла, какъ прежде, въ черныя отверстія жилищъ. Святая Фина уже больше не лежала за этими дверьми больная, въ холодѣ и въ нищетѣ. Она воскресла для вѣчной жизни и вѣчнаго преображенія на церковной стѣнѣ. Послѣ продолжительнаго глухого страха передъ жизнью Джіованна наконецъ свободно вздохнула при мысли, что есть силы болѣе могущественныя, чѣмъ любовь и страсть, чѣмъ насиліе и вожделѣніе,—что есть творческія силы, какъ тѣ, которыя таились въ живыхъ рукахъ Доменико, въ быстро двигавшейся головѣ его.

Она уже больше не желала обладать чудесною силою Фины. Болѣзнь и нужда на свѣтѣ растутъ гораздо быстрѣе, чѣмъ можетъ исцѣлить ихъ чья-либо рука. Но она желала обладать силой такъ же живо и ярко грезить, какъ молчаливый художникъ въ капеллѣ святой Фины.

Фрески Доменико мѣшали молитвѣ Джіованны, но молитвенное настроеніе художника не было нарушено ея посѣщеніемъ. Онъ продолжалъ работать съ тѣмъ же неутомимымъ усердіемъ и повидимому почти не замѣчалъ ея присутствія. Онъ раскладывалъ свои картоны, мѣшалъ краски, отмѣрялъ и наносилъ окончаніе своей композиціи на сырую известь, не удостаивая Джіованну ни словомъ, ни взглядомъ.

Джіованнѣ казалось, что капелла святой Фины—самое уединенное и спокойное мѣсто на свѣтѣ. Она принимала участіе въ работѣ Доменико, какъ почти невидимый зритель. Она видѣла, какъ картина растетъ, какъ постепенно изъ игры свѣта и тѣней на бѣлой извести рождается жизнь. Глаза ея слѣдовали за безмолвной работой творящихъ рукъ. Она была увѣрена, что художникъ ни на мгновеніе не проникъ мысленно въ ея внутреннюю сущность.

Но въ одинъ прекрасный день художникъ очутился передъ нею въ ея жилищѣ. Кондотьеръ за руку подвелъ его къ ней и сказалъ: „Доменико Бигорди, прославившійся уже по всей Тосканѣ своимъ великолѣпнымъ искусствомъ, пожелалъ изобразить твое лицо, Джіованна. За это я буду ему весьма признателенъ, и надѣюсь, что таково же будетъ и твое чувство“.

Джіованнѣ пришлось одѣться въ то самое свѣтлое платье съ розовыми рукавами, которое было на ней въ тотъ день, когда Доменико впервые ее увидѣлъ. Она позировала ему въ теченіе нѣсколькихъ свѣтлыхъ дней ранней весны, которая чувствовалась подъ холщевымъ навѣсомъ на высокой терассѣ, гдѣ Доменико писалъ ее.

Глаза его безпрепятственно скользили по ея лицу. Она чувствовала ихъ, какъ два мягкихъ солнечныхъ пятна, отъ которыхъ она не могла отдѣлаться, которыя останавливались то на ея лбѣ, то на глазахъ, то, словно согрѣвая ее, устремлялись на ея влажныя губы. Она чувствовала пытливое движеніе этихъ черныхъ глазъ по ея подбородку, по ея шеѣ. Она чувствовала, какъ эти взоры изслѣдовали всѣ линіи ея лица. Лишь изрѣдка приближались они къ ея глазамъ, пробѣгали вдоль края ихъ и потомъ внезапно устремлялись въ глубину ея взгляда. Тогда затуманивалось ясное зеркало ея глазъ, и мракъ глубокаго, остраго взора заслонялъ отъ нея свѣтъ. Его голосъ продолжалъ звучать тѣмъ же мягкимъ, серебристымъ тономъ. Онъ разсказывалъ все, что случайно приходило ему въ голову, говорилъ о дракахъ на улицѣ, передавалъ исторіи о монахахъ и о дуэляхъ между художниками, описывалъ празднества во Флоренціи, массу цвѣтовъ на Арно въ весеннее время, служеніе молодыхъ людей избраннымъ ими дамамъ. Онъ разсказалъ ей о молодомъ человѣкѣ, заказавшемъ свой портретъ для той, къ которой онъ обращался съ словами: Tu mihi causa doloris. Никто, кромѣ нея, не долженъ былъ видѣть этого портрета; но красавица показывала его всѣмъ своимъ подругамъ. Доменико поднялся, чтобы со своимъ тихимъ смѣхомъ поправить что-то около головы Джіованны. Онъ осторожно прикоснулся къ ея щекамъ своими прохладными руками и повернулъ ея лицо къ свѣту. На мгновеніе онъ остановился и взглянулъ на ея губы. И словно задумавшись, онъ нагнулся и поцѣловалъ ихъ, закрывъ глаза. Затѣмъ онъ спокойно вернулся на мѣсто, схватилъ кисть и продолжалъ писать. Начавъ искать глазами Джіованну, онъ увидѣлъ, что ея уже больше нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ: она стояла отвернувшись около лѣстницы.

— Мадонна,—сказалъ онъ съ мягкимъ, непритворнымъ удивленіемъ,—не больны ли вы? Почему вы отвернулись?

Онъ наклонился надъ нею. Губы ея дрогнули и выдали ее. Доменико съ улыбкой спохватился при видѣ этого вспыхнувшаго рта.—Бѣдный маленькій невинный ротикъ,—сказалъ онъ,—неужели онъ въ претензіи на меня за то, что я поцѣловалъ его подъ вліяніемъ такого же побужденія, какое заставляетъ эти

губки поцѣловать розу? — Онъ снова приблизилъ свои уста къ ея губамъ. Но она уклонилась и сухо сказала:

— Доменико, вы забываетесь!

— Это правда, мадонна, я все забываю, когда гляжу на васъ; но я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ. Простите, что я поступилъ не такъ, какъ слѣдовало. Я еще никогда не цѣловалъ розы, въ вѣнчикѣ которой заключенъ былъ шипъ.

Онъ сказалъ это съ такой искренностью, что она не могла не улыбнуться. Онъ воспользовался этой улыбкой, чтобы снова приняться за работу. Джіованна опять сѣла, хотя и неохотно. По дрожащимъ губамъ ея было видно, что она удерживала слезы.

— Видите ли, мадонна,—опять зазвучалъ его мягкій, серебристый голосъ, и глаза его по обыкновенію глядѣли испытующе:— я не понимаю, какъ вы еще не чувствуете желанія отдаться счастью молодости и красоты. Вѣдь вы никогда не видѣли розы, которая, вмѣсто того, чтобы раскрыться, ушла бы въ себя, словно думая: „я не могу доставить другимъ радости видѣть, какъ распустится мой цвѣтокъ; лучше ужъ я завяну и замерзну въ своемъ зеленомъ покровѣ“. Распуститесь же, мадонна, и взгляните на свою собственную прелесть, которая мнѣ открыта. Нельзя наказывать пчелу, которую манитъ къ себѣ цвѣтокъ. Намъ присуще испытывать любовь, мадонна. Изъ любви проистекаетъ все, что мы можемъ сдѣлать. Что можетъ быть естественнѣе встрѣчи юныхъ губъ? Я придаю этому не больше значенія, чѣмъ вдыханію аромата цвѣтка. Любовь для меня—не опьяненіе, а источникъ всяческой силы. Я не принадлѣжу къ числу глупцовъ, которые готовы сломать себѣ шею, гуляя въ лунныя ночи по крышамъ подобно мяукающимъ котамъ. У меня нѣтъ, впрочемъ, лишней руки, которую я могъ бы положить на алтарь Венеры. Но Венера налагаетъ свою руку на всякую мою работу. Она водитъ моей кистью. Неужели вы считаете симпатію разсчетомъ или торгомъ? Для меня поцѣлуй молодого мужчины имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ поцѣлуй молодой женщины. Но вы, мадонна, повидимому, высоко цѣните любовь, и я замѣчаю, что одинъ вашъ поцѣлуй пожалуй стоитъ шеи и головы человѣка.

— Да, мессеръ Доменико, мой первый поцѣлуй стоитъ не меньше, чѣмъ вы сказали. Онъ въ тѣмъ бóльшей степени недоступенъ, чѣмъ менѣе цѣнится вашъ собственный. Вы просто ошиблись, коснувшись моихъ устъ, и въ своемъ недомысліи предложили мнѣ то, что обыкновенно даете всѣмъ другимъ отъ избытка чувствъ.

Доменико поклонился и сказалъ нѣсколько уязвленнымъ тономъ, медленно произнося слова, словно желая начертать передъ собою каждое изъ нихъ на деревянной доскѣ:

— Повторяю вамъ, мадонна, что Венера выбираетъ за меня. Я горжусь тѣмъ, что любилъ только красивыхъ женщинъ.

— Было бы больше чести для васъ, мессеръ Доменико, еслибы вы любили хоть одну некрасивую.

— А для васъ было бы больше радости, еслибы вы имѣли здоровыя и естественныя чувства и еслибы для васъ любовь не была лишь мечтою безъ словъ, какъ для нѣкоторыхъ молодыхъ и красивыхъ юношей. Они дрожатъ отъ робости, когда обожаемая женщина смотритъ на нихъ. Они думаютъ, что въ самомъ воздухѣ, сквозь который она прошла, остается сіяніе счастья и благоговѣнія. Они думаютъ, что однимъ ея шагомъ освящается земля, по которой она ходитъ. Они думаютъ, что поцѣлуй унижаетъ, что объятія оскверняютъ чувство. Они шепчутъ о своей любви только нѣжному зефиру и молятъ его отнести ихъ жалобы на острова блаженныхъ. Они опускаютъ очи, какъ передъ солнцемъ, когда ихъ возлюбленная проходитъ мимо. Они не видятъ неудовлетворенности въ ея глазахъ, они не слышатъ страсти въ ея вздохѣ. Они слѣпы, и глухи, и нѣмы; они не понимаютъ, что возлюбленной хочется, чтобы ею и рано, и поздно любовались, и чтобы ее цѣловали, и чтобы ей говорили о любви.

— Да, да,—прошептала Джіованна, закрывъ лицо руками, словно прислушиваясь къ тому, что̀ въ ней происходитъ и внимая первымъ проблескамъ жизни въ дремлющемъ сердцѣ. — И поэтому, Доменико, вы меня поцѣловали?

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами, пораженный измѣненнымъ звукомъ ея голоса.

— Поэтому? Мадонна, на что̀ вы намекаете?

Она подняла на него глаза. Во взглядѣ ея горѣло пламя, словно свѣтъ, зажженный впервые.

— Доменико, вы хотѣли сказать мнѣ, что вы...

Она не рѣшилась произнести этого слова.

Доменико долго смотрѣлъ на нее. Казалось, что вся кровь его сосредоточилась въ двухъ красныхъ пятнахъ, горѣвшихъ на его щекахъ. Онъ въ первый разъ трепеталъ передъ необходимостью облечь свои чувства въ слова. Губы его раскрывались и смыкались какъ бы для того, чтобы говорить. Наконецъ, онъ овладѣлъ собою и сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Нѣтъ, Джіованна, вамъ я не могу лгать. Я поцѣловалъ васъ для того, чтобы видѣть, не выступитъ ли краска на вашихъ

блѣдныхъ губахъ, чтобы видѣть, какъ вы покраснѣете въ первый разъ. И я это увидѣлъ. Но и мои щеки горятъ сильнѣе, и я не смѣю больше оставаться возлѣ васъ.

Онъ быстро поклонился и вышелъ. Онъ ушелъ, не окончивъ картины, ушелъ отъ Джіованны, отъ самого себя. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ изъ города, дрожа какъ должникъ, пристыженный какъ легкомысленный волокита, заклейменный выраженіемъ глазъ Джіованны.

Раннею весною кондотьеръ отправился съ дочерью въ Поджибонзи. Она ничего не сказала отцу о причинѣ внезапнаго отъѣзда Доменико. Но, хорошо зная грубыя стороны жизни и безпредѣльно обожая свое дитя, онъ понималъ то, чего не видѣлъ, и видѣлъ все, чего не понималъ. Онъ съ радостью испепелилъ бы Санъ-Джиминьяно, еслибы это могло доставить Джіованнѣ удовольствіе. Но она ничего не желала, и онъ самъ долженъ былъ придумывать ей желанія.

Съ наступленіемъ весны онъ опять надолго отлучился. Но вилла хорошо охранялась надежными людьми, и Джіованна могла спокойно двигаться въ ея границахъ. О внѣшнемъ мірѣ она и не спрашивала. Беритола разсказала ей, что въ сосѣдней виллѣ поселился молодой Джентиле Кавальканти и часто проѣзжаетъ мимо на соколиную охоту; но она утаила, что къ нему пріѣхалъ Ринальдо дельи-Ардингелли, который держалъ повода въ лѣвой рукѣ, а самъ былъ желтый и мрачный.

Леоне деи-Сальвуччи, наконецъ, вернулся домой изъ Флоренціи и сидѣлъ за столомъ въ крытой галлереѣ. Онъ весело шутилъ съ Джіованной, обѣщалъ сообщить ей хорошее извѣстіе за дессертомъ и отгонялъ воробьевъ отъ раскрошеннаго хлѣба. Но одинъ воробей продолжалъ летѣть прямо впередъ, и только когда онъ вонзился въ грудь Леоне, глаза послѣдняго замѣтили, что на стѣнѣ блеснулъ лукъ.

Кондотьеръ тяжело упалъ на стулъ. Изъ угловъ его рта сочилась кровь.

Когда слуги подняли его и хотѣли внести въ домъ, онъ покачалъ головою. Они должны были принести его на терассу и положить на каменную скамью, освѣщенную солнцемъ, подложить ему подъ голову подушки и повернуть въ ту сторону, откуда нанесенъ былъ ударъ. Нѣсколько разъ Леоне погрозилъ кулакомъ по направленію къ стѣнѣ. Джіованна плакала, тихо причитая надъ отцомъ. Когда открыли его куртку и хо-

тѣли перевязать рану, онъ отстранилъ отъ себя всѣ руки, судорожно сжимая рану своею собственною рукою, такъ что кровь капала у него между пальцами. Онъ приподнялся, услышавъ недалеко отъ себя голосъ Ринальдо: „Не потребуется ли еще, Леоне Сальвуччи? Вы мнѣ все-таки оставили одну руку. Она ждетъ только вашего слова, чтобы еще разъ послать въ вашу хищную грудь благодарность за ваше гостепріимство“.

Кровь лилась струей изо рта Леоне. Онъ открылъ глаза: они посинѣли, какъ гнилое мясо, но блистали гнѣвомъ, когда онъ обратилъ взоръ на Ринальдо. Голосъ его изгибался, какъ дуга моста надъ рѣкою. „Убійца!“—еще могъ онъ воскликнуть; потомъ арка рухнула и голосъ захрипѣлъ, словно развалина.

Въ отвѣтъ раздался звонкій насмѣшливый хохотъ. Ринальдо вызывающе высунулъ обрубокъ своей руки, ударяя длиннымъ рукавомъ по воздуху.

Прежде чѣмъ посинѣлые глаза Леоне закрылись, они увидѣли наклоненное надъ ними лицо Джіованны. Горячія слезы падали на глаза Леоне Губы дѣвушки трепетали отъ сдерживаемаго крика.

— Мнѣ плохо, маленькая Джіованна,—прошепталъ онъ съ улыбкой, которая на мгновеніе стерла кровь съ его устъ.—Кусокъ желѣза, застрявшій у меня въ груди, лишилъ меня возможности говорить, и все-таки желѣзо говоритъ яснѣе всякихъ словъ. Это награда за твою добродѣтель, Джіованна, награда за то, что я защитилъ тебя, защитилъ честь твою въ такое время, когда стыдливость молодыхъ дѣвушекъ подвергается насмѣшкамъ, и отецъ не смѣетъ защищать свою плоть и кровь, не возбуждая ненависти дикихъ уличныхъ звѣрей. Куда дѣвалась строгость нашихъ отцовъ, которые выбирали своимъ дочерямъ честныхъ мужей и учили ихъ, что безъ добродѣтели нѣтъ чести для женщины, а безъ чести не можетъ быть и любви? Ты проливаешь надо мной обильныя слезы, Джіованна. Ты хочешь, чтобы я молчалъ, и чтобы слова мои вытекли вмѣстѣ съ моею кровью. Нѣтъ, ты услышишь ихъ, хотя бы они были залиты кровью. Ты должна знать, что я думалъ о твоемъ благополучіи прежде, чѣмъ настало время умирать. Сегодня я былъ во Флоренціи и выбралъ для тебя мужа по своему и по твоему сердцу, которое отвергаетъ всякую ложь и мишуру. Я выбралъ человѣка одного закала со мною, который не считаетъ городъ сборищемъ домовъ разгула, а въ молодыхъ дѣвушкахъ видитъ не только стаю дикихъ птицъ, находящихъ удовольствіе въ преслѣдованіи коршуновъ и соколовъ. Я выбралъ человѣка, который сооружаетъ

свой домъ, подобно крѣпости, и бережетъ свою жену, какъ сокровище, какого не найти на большой дорогѣ. Этотъ человѣкъ выбираетъ себѣ въ жены ту, которая умѣетъ хранить свою честь и не дѣлаетъ изъ брака ширмы для своего распутства. Я выбралъ его для тебя, Джіованна, думая, что ты сама изберешь его. Жизнь—не забава, не игра чувствами. Жить—значитъ бороться острымъ оружіемъ, сооружать укрѣпленія вокругъ себя и своей семьи. Я погибаю на валу, который воздвигъ вокругъ тебя, но отдаю свою власть въ твои руки и знаю, что ты устоишь. Ты покажешь этимъ оскорбителямъ женщины, этимъ грабителямъ, которые жертвуютъ жизнью для того, чтобы соблазнять и обманывать, ты покажешь имъ, что уважающая себя женщина по собственному побужденію признаетъ обязанности по отношенію къ себѣ самой и къ своему роду.

Каждое слово этой рѣчи стоило кондотьеру крови, но онъ упорно говорилъ, словно передъ битвой и не ожидая отвѣта. Глаза его глубоко ввалились. Онъ чувствовалъ, что губы дочери касаются его лба. Она отерла кровь, сочившуюся у него изо рта. Она сжимала его слабѣющія руки, и онъ не требовалъ отъ нея болѣе сильныхъ обѣщаній.

Его охватило безпредѣльное презрѣніе къ тому, что онъ покидалъ въ этомъ мірѣ. Сердце его истощилось. Онъ чувствовалъ, что земля — это огромный погребъ, наполненный мясомъ, гдѣ приходится отстаивать свою жизнь, избивая другихъ, если самъ не желаешь погибнуть. Онъ видѣлъ въ своей жизни слишкомъ много тѣла для того, чтобы вѣрить въ воскресеніе плоти. Конецъ всего—это гнилая, безыменная падаль. Даже кусочекъ мрамора надъ его костями разсыплется въ прахъ въ нѣсколько мгновеній вѣчности.

Умирающая воля его еще разъ приподняла вѣки надъ потухающими глазами, чтобы оцѣнить и измѣрить міръ, который будетъ существовать безъ него. Сквозь окрашенный кровью покровъ своего нѣкогда столь сильнаго лица онъ увидѣлъ холодное и безчувственное небо и проклялъ его за то, что оно не низвергается и не губитъ вмѣстѣ съ нимъ все остальное. Словно отъ бури, надъ нимъ качались листья акаціи. Взоръ его, какъ пожирающій огонь, скользнулъ по виноградникамъ и оливковымъ рощамъ. Ему казалось, что онъ погружается въ болото, полное падали. Сколько еще времени будутъ люди копошиться въ немъ, подобно безкрылымъ мяснымъ мухамъ? Вдругъ онъ вспомнилъ о пятистахъ червонцахъ, которые остался ему долженъ городъ Пиза. Почему эти деньги не принеслись по воз-

духу и не опустились на леденѣющія руки? Но развѣ было тепло въ золотѣ, въ этомъ дьявольскомъ металлѣ, изъ-за котораго дрались и ссорились люди? Еслибы золото всего міра посыпалось на него, то это не могло бы избавить его отъ огромнаго погреба, въ которомъ одинаково плохо пахнутъ и царь, и нищій. Онъ видѣлъ, какъ корабли, словно воздушные шары, скользятъ по морю, какъ купцы кричатъ на рынкѣ, какъ векселя и расписки шелестятъ на столахъ мѣнялъ. Вездѣ кипитъ жизнь. Но подождите! Подождите! Развѣ лѣто и зима не проносятся надъ землею съ бѣшеной быстротою? Развѣ не для того краснѣютъ цвѣты, чтобы тотчасъ увянуть, не для того поспѣваетъ виноградъ, чтобы сгнить въ скоромъ времени? Развѣ смерть, подобно чумѣ, не перелетаетъ отъ человѣка къ человѣку? Развѣ она не кружится надъ головою всякаго, кто гордится своею жизнью? Мимо! Мимо!

Леоне деи-Сальвуччи хрипѣлъ такъ, какъ будто силился приподнять земную кору со своей груди. Весь міръ, сіявшій передъ его глазами, обратился для него въ крышку, плотно закрывавшую огромный погребъ. Крышка хлопала, то открываясь, то закрываясь. И она раздавила его въ то мгновеніе, когда онъ проклиналъ жизнь, остававшуюся послѣ него, и когда въ головѣ его проносилась послѣдняя ужасная мысль, что его никогда и не было, что онъ выбрасывается въ ничто, какъ капля, которая никогда не найдетъ сама себя въ морѣ.

Перев. съ нѣм. М. Чепинская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА

I.

L'apaisement.

L'apaisement, умиротвореніе—эта новая политическая директива, впервые прозвучавшая въ Перигорѣ, гдѣ Бріанъ, предсѣдатель совѣта министровъ, произнесъ свою первую руководящую рѣчь, и затѣмъ повторенная и углубленная въ министерской деклараціи передъ новой палатой—открываетъ ли она новую полосу внутренней политики во Франціи, и если открываетъ, то какую?

Едва-ли надо доказывать, что слова и лозунги, какъ бы содержательны и опредѣленны они ни были, поддаются разнообразнѣйшей интерпретаціи. Логическій и грамматическій смыслъ словъ рѣдко соотвѣтствуетъ ихъ политическому смыслу; исторія знаетъ немало случаевъ, когда черная реакція прикрывалась благороднѣйшими и даже прогрессивнѣйшими лозунгами, а съ другой стороны жесткія, грубыя и злыя слова не мѣшали людямъ работать, подъ ихъ флагомъ, на благо человѣчества. Поэтому, при оцѣнкѣ политическаго значенія провозглашаемыхъ лозунговъ, надо прежде всего выяснить себѣ, въ какой исторической обстановкѣ, кто и съ какою цѣлью ихъ выдвигаетъ.

Итакъ, въ какой исторической обстановкѣ, кѣмъ и съ какою цѣлью провозглашена во Франціи политика умиротворенія?

Третья республика, прочно установившаяся только съ крушеніемъ послѣдней попытки монархической реставраціи, совершенной Брольи и Фурту, пережила съ тѣхъ поръ двѣ эпохи. Въ теченіе первой власть принадлежала преимущественно оппортунистамъ-республиканцамъ, во

имя возстановленія государственной силы и военнаго могущества Франціи отказавшимся отъ осуществленія старой республиканской программы: омірщвленія государствъ и соціальныхъ реформъ. Въ теченіе второй эпохи, начавшейся въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка, у власти стояли радикалы. Центральное мѣсто въ ихъ политикѣ заняла борьба съ клерикализмомъ; въ этой сферѣ они выполнили старую республиканскую программу. Что касается соціальныхъ реформъ, то, конечно, радикалы никогда не рѣшались послѣдовать примѣру Гамбетты, объявившаго, на митингѣ въ Бельвиллѣ, что „соціальнаго вопроса не существуетъ", и обозвавшаго протестовавшихъ противъ этого утвержденія рабочихъ „пьяными рабами". Напротивъ, часть радикаловъ присоединила къ имени своей партіи кличку „соціалистической"—что свидѣтельствовало, какъ извѣстно, не о преданности ихъ принципамъ коллективизма, а о рѣшимости осуществить глубокія соціальныя реформы. Радикалы-соціалисты исполнили это обязательство лишь въ слабой степени: Франція, демократическая Франція, въ области соціальнаго законодательства и соціальной политики занимаетъ далеко не первое мѣсто. Однако, коечто было сдѣлано, и именно за послѣднее время; частичный выкупъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, пенсіи для престарѣлыхъ рабочихъ; право стачекъ, право синдикатовъ группироваться въ конфедераціи, включеніе рабочихъ, не имѣющихъ ценза, въ списки присяжныхъ засѣдателей, наконецъ, прошедшій въ палатѣ законопроектъ о подоходномъ налогѣ.

Эта антироялистская, антиклерикальная и умѣренная соціальная политика, осуществляемая радикальной буржуазіей, утвердившейся у власти, создала ей враговъ справа и слѣва.

Составъ правой оппозиціи очень сложенъ, и упреки, дѣлаемые ею третьей республикѣ, весьма разнообразны. Мы находимъ здѣсь всѣ остатки монархическихъ режимовъ, смѣнявшихся во Франціи въ теченіе XIX-го вѣка; всѣ они упрекаютъ республику за то, что она—республика. Это—принципіальная оппозиція, но слабая численно. Дальше идутъ католики-клерикалы, ожесточенные враги свѣтской республики, ставящіе условіемъ своего примиренія съ нею если не возвратъ къ конкордату, то возвращеніе церкви храмовъ, школъ, государственныхъ субсидій, имуществъ, а также допущеніе въ страну конгрегацій. Какъ видно, и это—принципіальные противники дѣйствующаго режима, но, къ счастью для него, тоже не очень многочисленные.

Слѣдующую ступень занимаютъ монархисты и католики, „присоединившіеся" къ республикѣ. Присоединеніе это совершалось по различнымъ мотивамъ и не очень искренно. Одни не хотѣли прать противъ рожна; другіе завидовали тѣмъ благамъ, которыя сыпались въ руки республиканцевъ со стола правительства и которыхъ лишена

была вся принципіальная оппозиція. Мѣста, оклады, ленточки въ петлицы, табачныя лавочки, пенсіи, субсидіи всякаго рода—все это были житейскіе соблазны, противъ которыхъ принципы не всегда могли устоять. И вотъ, „присоединялись". Но „франкъ-масоны" не всегда признавали формально присоединившихся и продолжали устранять ихъ отъ общественнаго пирога. Съ другой стороны, ходъ событій принималъ все болѣе непримиримо-радикальный характеръ, и союзъ съ безбожной и радикальной республикой становился не подъ силу оппортунистамъ монархіи и католицизма. Изъ этого-то лагеря по адресу радикальной республики посылались упреки въ томъ, что она недостаточно справедлива, не безпристрастна, не либеральна,—упреки непринципіальные, но именно поэтому, быть можетъ, труднѣе отразимые.

Граница, отдѣляющая „присоединившихся" отъ умѣренныхъ республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ, отъ оппортунистовъ чистой воды, не всегда ясна и опредѣленна. И неудивительно, что на правомъ крылѣ республиканской партіи съ теченіемъ времени образовались политическія группы, въ которыхъ—искренно и неискренно—республиканскіе и не-республиканскіе элементы смѣшались между собою чрезвычайно тѣсно. Этому смѣшенію сильно содѣйствовала общность, у буржуазіи и у состоятельныхъ классовъ вообще, экономическихъ интересовъ, прикрывающая различія въ политическихъ и религіозныхъ взглядахъ. Поэтому среди умѣренныхъ республиканцевъ, враждебно относящихся къ „соціальнымъ экспериментамъ" радикаловъ, немало тайныхъ монархистовъ и вѣрующихъ католиковъ. Еще больше ихъ среди „прогрессистовъ", и они составляютъ большинство среди „либераловъ". Всѣхъ ихъ вмѣстѣ соединяетъ въ одну большую и многочисленную армію боязнь краснаго призрака—съ одной стороны, излишняго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь страны, съ другой—желаніе сохранить не только существующій экономическій строй, но и всѣ экономическія выгоды, которыя доставляетъ экономическое господство.

Такова сложная и разносоставная правая оппозиція, ведущая атаку противъ республиканцевъ-радикаловъ по двумъ линіямъ: монархисты и католики защищаютъ церковь и интересы религіи, умѣренные—экономическіе интересы буржуазіи.

Лѣвую принципіальную оппозицію представляютъ въ парламентѣ соціалисты, въ странѣ—соціалисты и синдикалисты.

Соціалистическая партія во Франціи — если не считать сравнительно малочисленной группы марксистовъ, съ Гедомъ во главѣ,—обладаетъ достаточной гибкостью и пропитана скорѣе эволюціонными, чѣмъ революціонными тенденціями. Ея принципіальная оппозиція буржуазному радикализму въ области идей не исключала „въ добрыя старыя времена" возможности практическаго сотрудничества съ радикалами.

Примѣръ—соціалистически-радикальный блокъ во времена Комба. Но эти времена прошли, и однимъ изъ факторовъ, разорвавшихъ кратковременный союзъ республиканцевъ-коллективистовъ и республиканцевъ-индивидуалистовъ, явилось синдикалистское движеніе.

Внѣшней, формальной особенностью синдикализма является его строго профессіональный характеръ и аполитизмъ. Но аполитизмъ этотъ вытекаетъ не изъ равнодушія къ политическимъ формамъ жизни, а изъ исторически воспитаннаго недовѣрія ко всѣмъ формамъ буржуазной государственности.

— Къ чорту ихъ республику и ихъ парламентаризмъ!—говорилъ мнѣ Пато.—Въ шкурѣ рабочаго больше республиканскихъ пуль, чѣмъ королевскихъ или императорскихъ. И ужъ это одно доказываетъ, что дѣло—не въ формѣ государства. Мы не хотимъ имѣть надъ собой палку. Мы сами хотимъ управлять собою.—

Можно допустить, что масса синдикалистовъ не столь рѣшительна въ своихъ антигосударственныхъ тенденціяхъ; тѣмъ не менѣе синдикализмъ дѣйствительно окруженъ атмосферой вражды къ государству и парламентаризму. Идеологической надстройкой экономическаго синдикализма во Франціи является своеобразная и новая концепція общественной организаціи. Для идеологовъ синдикализма нормальнымъ общественнымъ устройствомъ является федерація самостоятельныхъ профессіональныхъ организацій. Всѣ общественныя службы исполняются ассоціаціями работниковъ, профессіональными синдикатами. Органами, завѣдующими устройствомъ и координированіемъ отдѣльныхъ общественныхъ службъ, являются особыя делегаціи синдикатовъ. Не правительству, дѣйствующему по уполномочію національнаго представительства, и не этому послѣднему принадлежитъ власть, а всему коллективу трудящихся, организованному въ рабочіе синдикаты и въ всеобщую ихъ федерацію.

Можно оспаривать достоинство такой общественной концепціи, можно съ ней и соглашаться. Но и оспаривая, и соглашаясь, нельзя не видѣть того вліянія, которое она оказала на общественное мнѣніе страны и на тактику партій.

По мѣрѣ того, какъ ряды соціалистовъ пропитывались синдикалистскими элементами, для соціалистической партіи все менѣе возможнымъ становилось сотрудничество съ партіями буржуазными. И именно благодаря этому пропитыванію во Франціи теперь совершенно невозможенъ формальный блокъ съ радикалами. Соціалистическій міръ подвинулся влѣво.

Съ другой стороны, „элементы порядка“, буржуазные государственники, видятъ въ синдикализмѣ революціонное теченіе, а въ „Всеобщей

конфедераціи труда"—организацію, готовящуюся опрокинуть государство, чтобы самой занять его мѣсто.

Когда, поэтому, буржуазная пресса говоритъ о синдикализмѣ, о всеобщей конфедераціи труда, — она не только не жалѣетъ эпитетовъ, характеризующихъ анархическую природу этихъ теченій и организаціи, но временами категорически требуетъ разрушенія, законодательнаго упраздненія конфедераціи.

Когда съ такими пожеланіями обращались къ Клемансо, онъ всегда рѣзко и ядовито обрывалъ:

— Это—никогда!

Но годъ идетъ за годомъ, и именно послѣдніе годы обострили оба отмѣченныя мною оппозиціонныя теченія: буржуазно-консервативное и синдикалистско-революціонное. И не случайно, а и отражая теченіе, ярко опредѣлившееся среди имущихъ и консервативныхъ классовъ, написалъ Поль Бурже въ прошломъ году свою „Баррикаду". Это былъ зовъ боевой трубы, скликающей войска передъ битвой. И вызванъ онъ былъ растущимъ сознаніемъ, что часъ жаркихъ столкновеній между третьимъ и четвертымъ сословіями близится.

Этотъ часъ могъ бы быть отсроченъ, а быть-можетъ и надолго устраненъ, только энергичной работой соціальныхъ реформаторовъ,—въ настоящій моментъ исторіи, конечно, буржуазныхъ. Но, какъ я уже подробно излагалъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ [1]), партія соціальныхъ реформъ, радикально соціалистическая партія переживаетъ именно теперь глубокій внутренній кризисъ. Часть ея, слѣдуя внушенію классовыхъ интересовъ, тормозитъ осуществленіе программы соціальныхъ реформъ; другая, оберегая свои политическіе интересы, тормозитъ дѣло реформъ политическихъ. Лишенная единства, лишенная активности, радикально-соціалистическая партія теряетъ въ странѣ моральный авторитетъ и позицію суперъ-арбитра въ соціальномъ спорѣ. Она не можетъ воспрепятствовать образованію въ странѣ широкаго соціально-консервативнаго теченія. Она безсильна остановить ростъ, въ общественныхъ низахъ, чувства недовольства. По обѣ стороны баррикады собираются враждующія силы, вѣютъ знамена, раздаются бранные клики. И вдругъ надъ всѣмъ этимъ воинственнымъ шумомъ слышится вѣское и авторитетное слово: „l'apaisement!" Въ данной исторической обстановкѣ оно должно бы было имѣть одинъ смыслъ: смыслъ приглашенія соціальныхъ антагонистовъ къ соглашенію, къ отказу отъ крайнихъ требованій. Его политическимъ эквивалентомъ должна была бы явиться политика соціальныхъ реформъ, строго послѣдовательная, широкая и, скажемъ,

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", январь 1910 г.

въ то же время умѣренная,—другими словами, послѣдовательно осуществленная программа соціалистической партіи. Между тѣмъ...

Между тѣмъ рѣчи Бріана объ умиротвореніи были и радикально-соціалистической партіей, и всей правой оппозиціей, и крайними лѣвыми, т.-е. большинствомъ страны, поняты если не какъ разрывъ съ радикалами, то какъ ударъ по нимъ, какъ попытка повести страну по новой линіи. По новой линіи, ведущей страну—куда? Здѣсь начинается разноголосица. Наиболѣе подозрительные изъ лѣвыхъ утверждаютъ, что Бріанъ идетъ прямо въ объятія черной реакціи и клерикализма; радикалы-комбисты на послѣднемъ конгрессѣ радик.-соціалистической партіи слѣдующимъ образомъ формулировали политику кабинета Бріана:—Бывшіе соціалисты хотятъ заставить радикаловъ дѣлать политику прогрессистовъ... Наконецъ, вся правая оппозиція въ одинъ голосъ одобряетъ Бріана и начавшуюся при немъ эру справедливости и истиннаго либерализма.

Не будемъ, однако, останавливаться на этихъ субъективныхъ оцѣнкахъ и постараемся опредѣлить новый курсъ по объективнымъ даннымъ. Ихъ достаточно, чтобы придти къ опредѣленнымъ выводамъ.

Составляя свой кабинетъ, Бріанъ передалъ портфель министра финансовъ не Кальо, проектъ котораго о подоходномъ налогѣ, одобренный палатой, подлежалъ обсужденію въ сенатѣ, а Кошри, финансисту иной школы, чѣмъ Кальо. И Кошри, и самъ Бріанъ въ рѣчи при открытіи новой палаты, высказавшись въ принципѣ за подоходный налогъ, указали, что онъ долженъ быть очищенъ отъ инквизиціонныхъ элементовъ и быть свободнымъ, въ процессѣ исчисленія и взиманія, отъ притѣснительныхъ пріемовъ. Общественное мнѣніе истолковало эти замѣчанія въ смыслѣ уступки требованіямъ буржуазіи, протестовавшей противъ обязательства объявлять сумму общаго дохода. Пусть налогъ взыскивается съ отдѣльныхъ доходныхъ статей,—говорила буржуазія. Общій доходъ—это часто коммерческій секретъ.

Въ области соціальнаго законодательства Бріанъ обѣщалъ предложить на обсужденіе палатъ проектъ коллективнаго договора, обязательнаго арбитража, и другой проектъ, предоставляющій синдикатамъ права гражданскихъ лицъ, а слѣдовательно и ихъ отвѣтственность. Этимъ открывалась возможность вчинать противъ синдикатовъ, въ случаяхъ стачекъ, начатыхъ по ихъ иниціативѣ, иски объ убыткахъ. „Программа соціальнаго консерватизма“ — такъ можно было бы характеризовать эти обѣщанія.

Но, кромѣ министерской программы, есть еще практика управленія. Эта практика отличается при Бріанѣ большою мягкостью по отношенію къ консерваторамъ и большою суровостью по отношенію... къ палатамъ.

При предшественникахъ Бріана, даже при властномъ Клемансо, вліяніе палаты депутатовъ не только въ ея собственной, законодательной области, но и въ области управленія, достигло высокой степени. Вошло въ обычай, что депутаты являлись ходатаями передъ правительствомъ за различные частные и общіе интересы, сопровождали депутаціи, представлявшіяся министрамъ, являлись ихъ проводниками и помощниками, оказывали на министерство, частнымъ образомъ и по частнымъ вопросамъ управленія, вліяніе, соотвѣтствующее значенію ихъ и ихъ группъ въ палатѣ. Такой порядокъ давалъ, конечно, мѣсто злоупотребленіямъ — но въ то же время онъ устанавливалъ тѣсное общеніе между представительствомъ и исполнительною властью, и говорилъ о суприматіи парламента. Бріанъ рѣшительно пошелъ противъ этого обычая. Онъ два раза отказался принять вліятельныхъ депутатовъ, сопровождавшихъ депутаціи, и рѣшительно указалъ представительству на его мѣсто и сферу дѣятельности—законодательство. Такимъ образомъ въ его соціально-консервативную программу вошелъ новый тезисъ—сильной и независимой исполнительной власти.

Наконецъ, въ правительственныхъ программахъ важно не только то, что въ нихъ заключается, но еще и то, чего въ нихъ нѣтъ. Нѣтъ въ Бріановской програмѣ ни дальнѣйшаго выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ, ни расширенія государственныхъ монополій. Онъ сошелъ, такимъ образомъ, съ линіи, по которой двигались его радикально-соціалистическіе предшественники, смотрѣвшіе на выкупъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ какъ на начало огосударствленія сначала путей сообщенія, потомъ страховыхъ операцій и т. д.

Неудивительно, поэтому, что консервативная буржуазія увидѣла въ Бріанѣ своего друга и объявила его политику разумной, твердой и національной.

Быть-можетъ, однако, эта радость консервативныхъ круговъ преждевременна, какъ преждевременно и смущеніе радикальныхъ круговъ? Быть-можетъ, Бріанъ просто взвѣсилъ силу различныхъ общественныхъ теченій и увидѣлъ, что Франція нуждается въ соціально-реформаторской передышкѣ, чтобы потомъ съ новыми силами идти дальше? Никакого поворота назадъ, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, посмотримъ, что такое самъ Бріанъ, какова его общественно-политическая физіономія, къ чему стремится онъ и какими путями привыкъ ходить?

Свою политическую карьеру Бріанъ началъ въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка въ качествѣ анархиста. Занимаясь адвокатурой въ Сенъ-Назэрѣ, онъ велъ среди портовыхъ и кораблестроительныхъ рабочихъ революціонную агитацію и нажилъ среди мирныхъ и буржуаз-

ныхъ обитателей небольшого городка такую репутацію, хуже которой трудно выдумать. Вслѣдствіе романа съ замужней женщиной, принявшаго для Бріана скандальный оборотъ и приведшаго его на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ оскорбленіи общественной нравственности, Бріанъ долженъ былъ не только покинуть Сенъ-Назэръ, но и выйти изъ числа адвокатовъ, чтобы предупредить исключеніе изъ сословія, уже поставленное на очередь совѣтомъ.

Переселившись въ Парижъ, Бріанъ зарабатывалъ средства къ жизни репортажемъ въ „L'Aurore". Попытка записаться въ сословіе парижскихъ адвокатовъ окончилась неудачей. Совѣтъ, ознакомившись съ его сенъназэрскимъ дѣломъ и съ мнѣніями его старыхъ товарищей по адвокатурѣ, отказалъ ему въ пріемѣ, въ очень рѣзкой формѣ. Эти неудачи не помѣшали, однако, Бріану понемногу выдвинуться въ соціалистическомъ мірѣ. Проработавъ недолго въ анархистскихъ газетахъ, Бріанъ тѣсно сблизился съ синдикалистами и только-что возникшей Биржей Труда. Здѣсь, среди революціонно-настроенныхъ рабочихъ, онъ нашелъ идею, давшую ему извѣстность и навсегда во Франціи связанную съ его именемъ: идею всеобщей революціонной стачки.

Бріанъ былъ всегда практическимъ человѣкомъ, человѣкомъ съ широкимъ дѣловымъ смысломъ. Его не удовлетворялъ, поэтому, метафизическій анархизмъ; революціонный бланкизмъ, съ заговорами и конспираціями, казался ему простой растратой силъ; парламентаризмъ марксистовъ вызывалъ въ немъ презрѣніе; уже много лѣтъ спустя онъ злобно высмѣивалъ Геда, говоря, что „Гедъ считаетъ избирательный бюллетень лучшей пулей въ ружьѣ возставшаго рабочаго". Поссибилизмъ и эволюціонный соціализмъ не удовлетворяли въ Бріанѣ бойца. Стачка, ставшая изъ частичной — всеобщею, изъ экономической — революціонною, казалась ему средствомъ, противъ котораго буржуазное общество и буржуазное государство устоять не могутъ. Она дѣйствуетъ непосредственно на жизненный нервъ капиталистическаго общества, и въ то же время выводитъ рабочаго изъ-подъ дѣйствія пуль и ядеръ. Она, такимъ образомъ, рѣшительное средство, требующее только одного: организаціи рабочихъ, сплоченія ихъ въ революціонные синдикаты. Этой организаціонной работѣ и отдался Бріанъ, послѣ того какъ на марсельскомъ соціалистическомъ конгрессѣ провелъ резолюцію о всеобщей стачкѣ.

Въ половинѣ девяностыхъ годовъ мы уже видимъ Бріана секретаремъ объединенной соціалистической партіи, редакторомъ „Humanité", вліятельнымъ вождемъ соціалистическаго движенія, далеко подвинувшимся вправо отъ былого анархизма, но еще не порвавшимъ связи съ синдикализмомъ. Въ порядкѣ идей онъ принадлежитъ къ лѣвому крылу соціалистической партіи, къ ея революціонному крылу;

однимъ изъ его ближайшихъ друзей является Густавъ Эрвэ, антимилитаристъ и „sans patrie“. Но на границѣ новаго вѣка въ Бріанѣ намѣчается новый переломъ. Имѣетъ ли соціалистъ право входить въ составъ буржуазнаго министерства? Вопросъ этотъ практически поставилъ передъ французскимъ соціалистическимъ міромъ Мильеранъ, вошедшій министромъ почтъ и телеграфовъ въ составъ кабинета Вальдека-Руссо. Министеріальный соціализмъ есть одно изъ отвѣтвленій реформизма, и едва-ли надо здѣсь указывать на рядъ общихъ и глубокихъ причинъ, выдвинувшихъ въ наши дни теоретическій и практическій реформизмъ рядомъ съ революціоннымъ соціализмомъ, разсчитывавшимъ на катастрофическую смерть капиталистическаго строя. Во Франціи, къ тому же, въ концѣ XIX-го вѣка дѣйствовалъ рядъ частныхъ и мѣстныхъ причинъ, оправдывавшихъ сотрудничество радикальныхъ и соціалистическихъ элементовъ. Неудивительно, поэтому, что рядъ соціалистовъ взялъ Мильерана подъ свою защиту. Потребовалось четыре года, чтобы рѣшить поставленный имъ практическій вопросъ принципіально.

Во время этого долгаго спора Бріанъ почти два года занималъ выжидательное положеніе и отмалчивался. Если Жоресъ, эволюціонный соціалистъ, легко могъ найти оправданіе для Мильерана, то Бріанъ не могъ примкнуть къ нему, не порвавъ съ своими революціонными идеями. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, обращаться къ рабочимъ на синдикалистскомъ собраніи съ воззваніемъ къ мятежу, и вмѣстѣ съ тѣмъ одобрять соціалиста, вступающаго въ буржуазное министерство. Въ 1899-мъ году Бріанъ съ митинговой трибуны говорилъ: „Идите въ бой, вооружившись пиками, ломами, пистолетами, ружьями; я буду счастливъ занять мѣсто въ вашихъ рядахъ“... Въ 1900 г. онъ защищалъ уже министеріабельный соціализмъ.

Разрывъ съ прошлымъ произошелъ, однако, не сразу. Въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, склоняясь постепенно къ реформизму, Бріанъ временами распускалъ старое знамя. Защищая въ 1901 г. Эрвэ, обвинявшагося въ антимилитаристической агитаціи, Бріанъ обратился къ присяжнымъ съ рѣчью, въ которой сказалъ:

— Я являюсь передъ вами, господа присяжные, не въ качествѣ адвоката, но въ качествѣ соціалиста и революціонера. Усердно прошу васъ не дѣлать между мной и моимъ товарищемъ Эрвэ того различія, которое обыкновенно дѣлается между обвиняемымъ и его защитникомъ. Всѣ идеи Эрвэ раздѣляются мною. Не ожидайте, поэтому, что я буду въ моей защитѣ апеллировать къ смягчающимъ обстоятельствамъ. Подобно Эрвэ, я радъ воспользоваться каждымъ случаемъ, который будетъ мнѣ предоставленъ любезностью военнаго министра, чтобы развить передъ столь многочисленной аудиторіей наши анти-

милитаристическія идеи. Подобно Эрвэ, я думаю, что мы не должны при этомъ ограничиваться критикой такихъ институтовъ, какъ напр. постоянныя арміи, но, чтобы нанести дѣйствительный ударъ бѣдственному милитаризму, должны разрушить самый корень зла—иначе говоря, разрушить то, что буржуазія называетъ идеей отечества...

Но всѣ эти страшныя слова были въ 1901-мъ году только отзвуками уходящихъ грозовыхъ тучъ. Бріанъ по привычкѣ повторялъ привычныя рѣчи, но внутренно былъ далекъ отъ нихъ.

— Граждане!—говорилъ онъ 13-го ноября того же 1901-го года на банкетѣ, данномъ въ честь оправданія Эрвэ.—Граждане! Дебаты, которые только что прошли передъ нами, и вердиктъ, постановленный присяжными, не только дѣлаютъ честь вашему департаменту, но и открываютъ передъ нами свѣтлыя перспективы и возбуждаютъ надежды на скорое осуществленіе нашего идеала...

Отмѣтивъ, далѣе, паденіе духа солдатчины, растущую организованность рабочихъ, распространеніе соціалистическихъ идей среди просвѣщенной буржуазіи, уступки министерства Вальдека-Руссо рабочимъ при одной угрозѣ всеобщей стачкой,—Бріанъ заключаетъ, что соціальная революція близится.

— Эта революція—продолжаетъ онъ—вовсе не должна быть по необходимости насильственной. Она можетъ быть мирной, гуманной по формѣ, какъ и по существу. Возможно, что вовсе не будетъ надобности въ примѣненіи грубой силы. Все лучшее, что есть среди буржуазіи, ея отборъ, будетъ нашимъ союзникомъ. Благодаря ихъ соучастію съ нами, мы увидимъ, какъ сломится классовый эгоизмъ, и трудящійся людъ пойдетъ приступомъ лишь на остатки капитализма: тогда капиталъ принужденъ будетъ передать свою власть въ руки трудящихся...

Это—реформизмъ. Реформизмъ своеобразно-идеалистическій, подъ которымъ Бернштейнъ едва-ли подпишется,—но тѣмъ не менѣе реформизмъ, такъ какъ побѣда пролетаріата предполагается въ видѣ мирнаго и моральнаго подчиненія буржуазіи. Со стороны бывшаго анархиста, бывшаго grève-générale'иста, бывшаго революціоннаго синдикалиста и революціоннаго же соціалиста, это—крупный шагъ направо.

Въ 1902-мъ году Бріанъ былъ выбранъ депутатомъ отъ округа Сентъ-Этьеннъ (въ деп. Луары) и вошелъ въ составъ соціалистической фракціи. Въ первое время своей парламентской работы онъ является ея украшеніемъ. Послѣ неудавшейся стачки рудокоповъ (въ 1903-мъ году) онъ говоритъ блестящую рѣчь, въ которой доказываетъ неизбѣжность роста стачечнаго движенія и объединенія капитала—и заключаетъ отсюда о неизбѣжности и всеобщей стачки.

Останавливать этотъ естественный ходъ вещей или регулировать его законодательнымъ путемъ — напрасный трудъ. Правительство, разсчитывающее, что оно справится съ явленіемъ, вытекающимъ изъ экономической необходимости, готовитъ себѣ горькое разочарованіе. Оно мечтаетъ о гармоніи между трудомъ и капиталомъ. Но это—столь же химерическая мечта, какъ и мечта о философскомъ камнѣ или вѣчномъ движеніи. Установить соціальную гармонію можно только путемъ уничтоженія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, путемъ осуществленія освобождающаго коммунизма...

Черезъ три года послѣ этой рѣчи, отрицающей за правительствомъ роль реальнаго фактора въ дѣлѣ разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ, Бріанъ, пройдя черезъ постъ докладчика парламентской коммиссіи по вѣроисповѣднымъ вопросамъ, вошелъ въ составъ правительства. Онъ принялъ постъ министра безъ согласія и не по иниціативѣ партіи,— и тѣмъ самымъ, въ виду окончательнаго постановленія партійнаго конгресса по дѣлу Мильерана, вычеркнулъ себя изъ партійныхъ списковъ.

Дѣятельность Бріана въ качествѣ министра (сначала народнаго просвѣщенія и исповѣданій, потомъ юстиціи), а затѣмъ премьера, служитъ доказательствомъ того, что и въ лагерѣ радикаловъ, куда онъ перешелъ, онъ задержался не надолго, и что этотъ, быть можетъ, наиболѣе измѣнчивый изъ политическихъ дѣятелей Франціи не закончилъ еще своей эволюціи. Но и теперь можно опредѣлить ея характеръ и направленіе. Она была безостановочнымъ передвиженіемъ съ самаго лѣваго фланга политическаго гемицикла — направо. Ни разу до сихъ поръ Бріанъ не отодвинулся налѣво, продвинувшись передъ тѣмъ направо. И эта правильность движенія, эта неизмѣнность въ разъ принятомъ порядкѣ переходовъ, заставляетъ насъ видѣть въ немъ выраженіе дѣйствія глубокихъ причинъ. Какихъ? Ихъ надо искать въ комбинированномъ дѣйствіи личныхъ свойствъ Бріана и тѣхъ соціально-политическихъ условій, въ которыхъ ему приходилось жить и дѣйствовать.

Бріанъ — человѣкъ большого дѣйствія, политическій человѣкъ по существу; онъ всегда стремился опираться на массу и идти по равнодѣйствующей общаго движенія. Онъ недолго, поэтому, оставался среди мечтателей-анархистовъ, числящихся десятками или, много, сотнями — и перешелъ къ синдикалистамъ, организовавшимъ рабочія массы. Пропитывая, затѣмъ, соціалистическую партію синдикалистской идеей всеобщей стачки, онъ достигъ возможно полнаго объединенія лѣвой принципіальной оппозиціи — объединенія, долженствовавшаго сломить капиталистическое государство. Въ процессѣ этой работы онъ убѣдился, что организація революціонныхъ рабочихъ массъ идетъ медленно

и что армія его станетъ реальной и самостоятельной лишь въ концѣ долгаго историческаго процесса. А такъ какъ въ то же время въ рядахъ соціалистической партіи возникло стремленіе дѣйствовать въ союзѣ съ радикальной буржуазіей, то переходъ былого революціонера къ реформизму открывалъ для него возможность опереться на этотъ блокъ. Но блокъ распался съ отставкой Комба. Соціалистическая партія вернулась къ тактикѣ безотвѣтственной оппозиціи. Передъ Бріаномъ стояла альтернатива: или возвратиться въ темные и невліятельные ряды соціалистовъ, или перейти къ радикаламъ, оказавшимся господами положенія, такъ какъ выборы 1906 г. дали имъ подавляющее большинство.

Вѣрный себѣ, своему стремленію опираться на преобладающее въ данный моментъ и наиболѣе обѣщающее теченіе, Бріанъ покинулъ радикаловъ въ 1909—1910 гг., въ эпоху упадка ихъ вліянія, и началъ нащупывать для себя почву вправо отъ нихъ, среди умѣренныхъ, рѣшившихся бороться за сохраненіе statu-quo, за остановку.

На мѣсто, которое занимаетъ теперь Бріанъ, онъ приведенъ, такимъ образомъ, стремленіемъ чувствовать за собою общественную силу, относительною слабостью революціонныхъ элементовъ, разложеніемъ радикальной партіи и подъемомъ, наблюдаемымъ въ средѣ умѣренныхъ буржуазныхъ элементовъ.

Поставленный жизнью передъ баррикадой, по обѣ стороны которой сбираются бойцы-антагонисты, Бріанъ, опредѣляя свое мѣсто въ соціальной драмѣ, рѣшилъ, что партія, играющая роль суперъ-арбитра въ спорѣ, невліятельна, что пролетаріатъ слабъ и неорганизованъ—и занялъ, поэтому, мѣсто въ рядахъ защитниковъ общества. Но составъ этихъ защитниковъ пестръ. Мы видимъ здѣсь остатки былыхъ режимовъ, республиканцевъ поневолѣ и, наконецъ, искреннихъ буржуазныхъ республиканцевъ. Ихъ объединяетъ экономическій интересъ, но раздѣляетъ многое, и прежде всего режимъ притѣсненія нереспубликанскихъ элементовъ. Если невозможно примиреніе вчерашнихъ враговъ и конкурентовъ, то нужно стремиться къ „умиротворенію". Отсюда новый лозунгъ — l'apaisement. Его дѣйствительное политическое содержаніе — союзъ всѣхъ правыхъ противъ крайней лѣвой, консервативной буржуазіи противъ пролетаріата.

II.

La Grève Générale.

„Останавливать естественный ходъ вещей, или регулировать его законодательнымъ путемъ—напрасный трудъ. Правительство, разсчитывающее, что оно справится съ явленіемъ, вытекающимъ изъ экономической необходимости, готовитъ себѣ горькія разочарованія".

Съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова, прошло семь лѣтъ, и то обстоятельство, что Бріанъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свои взгляды—въ который разъ?—тѣмъ менѣе, конечно, могло отразиться на ходѣ вещей, обусловленномъ экономической необходимостью.

Этотъ ходъ вещей велъ съ одной стороны къ уплотненію рабочей желѣзнодорожной организаціи, съ другой—къ настойчивому требованію улучшенія матеріальнаго положенія желѣзнодорожныхъ служащихъ. Начальное жалованье низшаго желѣзнодорожнаго служащаго равняется 3 фр. 75 сант.; отъ этого уровня идетъ скала повышеній. А жизнь между тѣмъ дорожаетъ. Особенно рѣзко поднялась стоимость жизни этой осенью, вслѣдствіе неурожая хлѣбовъ, фруктовъ и овощей, въ общемъ — процентовъ на 15. Отсюда требованіе, нашедшее себѣ краткую и яркую формулу: „Nos cent sous!"—пять франковъ въ день низшему персоналу и соотвѣтственное увеличеніе его на высшихъ ступеняхъ.

Далѣе ставится вопросъ о рабочихъ пенсіяхъ. Вотированному нѣсколько лѣтъ тому назадъ закону о пенсіяхъ желѣзнодорожнымъ служащимъ не дано обратнаго дѣйствія. Люди, имѣющіе за собой двадцать—двадцать пять лѣтъ службы, не имѣютъ надеждъ на пенсію. Наконецъ, идетъ еще рядъ требованій — объ одномъ днѣ отдыха въ недѣлю, объ урегулированіи движенія по службѣ и т. д.

Уже два года тому назадъ между служащими и компаніями начались переговоры по этимъ пунктамъ; но, кромѣ ничтожныхъ частичныхъ уступокъ рабочимъ, они не привели ни къ чему. Весною нынѣшняго года въ дѣло вмѣшался національный синдикатъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и предъявилъ всѣмъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ списокъ общихъ и единообразныхъ требованій, поставивъ въ извѣстность объ этомъ шагѣ и правительство. Компаніи, выразивъ сочувствіе улучшенію матеріальнаго положенія своихъ служащихъ, заявили о готовности вступить въ переговоры съ синдикатами служащихъ отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ группъ — каждая компанія съ синдикатомъ своихъ служащихъ,—но признали для себя невозможнымъ посредничество національной организаціи и, такимъ образомъ, сами перенесли споръ съ строго экономической на политическую почву. Національный синдикатъ—установленіе, существующее легально; коалиціонное право — одно изъ самыхъ дорогихъ завоеваній рабочаго класса. Отказываясь вступать въ соглашеніе съ коалиціей синдикатовъ, компаніи наносили ударъ не только классовымъ интересамъ рабочихъ, но и ихъ классовому самолюбію и чувству права. Отвѣтомъ былъ всеобщій крикъ:—Стачка! Всеобщая желѣзнодорожная стачка!

Началась дѣятельная агитація синдикалистовъ среди несиндицированныхъ рабочихъ, митинги, объѣздъ провинцій, референдумы. Въ

результатѣ движенія синдикатъ, куда начался массовый приливъ членовъ, организовалъ тайный стачечный комитетъ и оффиціально предоставилъ ему право назначить день стачки, а самъ вступилъ въ новые переговоры съ правительствомъ, прося его взять на себя роль посредника. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Бріанъ и Мильеранъ обѣщали переговорить съ компаніями. Въ сентябрѣ,—20-го числа,—они объявили представителямъ національнаго синдиката о неудачѣ своихъ шаговъ предъ компаніями. Тѣмъ не менѣе спокойствіе не нарушалось. Синдикатъ служащихъ, объединившійся въ одну дѣловую организацію съ синдикатомъ машинистовъ и шоферовъ, медлилъ со стачкой, не будучи увѣренъ въ ея успѣхѣ.

Вопросъ о правѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ на стачку не ставился вовсе. Это право во Франціи никѣмъ не отрицается; здѣсь нѣтъ и законодательнаго ограниченія стачекъ въ предпріятіяхъ общественнаго значенія. Всего два года тому назадъ, во время преній въ сенатѣ, Клемансо, тогда первый министръ, и Барту, нынѣшній министръ юстиціи, въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ признали это право. Дѣло было, слѣдовательно, не въ правѣ, а въ цѣлесообразности. Изъ 300 съ небольшимъ тысячъ желѣзнодорожныхъ служащихъ синдицированы только 70.000 человѣкъ, изъ 25.000 машинистовъ и шоферовъ — 16.000. Это, конечно, крупное ядро, но пойдетъ ли за нимъ неорганизованная масса? Конечно, пять франковъ въ день полезны всѣмъ; но, съ другой стороны, рабочіе ждали сильныхъ репрессій со стороны правительства и, рискуя многимъ, не рѣшались открывать военныя дѣйствія.

Прорвалась стачка, какъ извѣстно, неожиданно. Мелкая стачка въ желѣзнодорожномъ парижскомъ депо разрослась, вопреки желанію національнаго синдиката, въ стачку всей сѣверной сѣти, постановленную делегаціей всѣхъ службъ ея, — и затѣмъ была поддержана національнымъ синдикатомъ. Чрезвычайно характерны эта сдержанность такъ называемыхъ революціонныхъ организацій—и возбужденность массъ. Уже отсюда можно было заключить, что стачка не имѣетъ политическаго характера. Это былъ актъ экономической борьбы, не ставившій себѣ политическихъ, тѣмъ болѣе—революціонныхъ цѣлей. Хотѣли пяти франковъ въ день, хотѣли ретроактивнаго дѣйствія закона о пенсіяхъ, но не думали ни свергать правительство, ни измѣнять форму государственнаго строя. Идея о синдикализированномъ государствѣ не сыграла руководящей роли въ житейской борьбѣ. Эту роль играли простые, понятные и настоятельно дѣйствующіе факторы: cent sous и пенсіи.

Объ экономическомъ характерѣ забастовки свидѣтельствовали и всѣ прокламаціи и манифесты, опубликованные какъ синдикатомъ,

такъ и Всеобщей Конфедераціей Труда. На лицо имѣлась, такимъ образомъ, не та революціонная grève générale, о которой мечталъ и въ пользу которой десять лѣтъ работалъ Бріанъ, а обыкновенная стачка, охватившая только цѣлую промышленную область.

Конечно, буржуазные круги могли отнестись къ ней только враждебно. Желѣзнодорожная забастовка глубоко разстраиваетъ всю экономическую жизнь страны, и уже по этому одному буржуазная мысль не можетъ съ ней помириться. Лозунгъ, данный правительству изъ буржуазныхъ круговъ, былъ, поэтому, простъ и ясенъ:

— Во что бы то ни стало раздавить забастовку.

Но правительство? Его положеніе, какъ естественнаго суперъ-арбитра въ соціальныхъ конфликтахъ, было сложнѣе. Двѣ трудно согласимыя обязанности лежали на немъ: во-первыхъ, обезпечить порядокъ и національные интересы; во-вторыхъ, обезпечить дѣйствіе права. Совмѣстное разрѣшеніе обѣихъ задачъ могло быть достигнуто однимъ лишь путемъ: путемъ соглашенія враждующихъ сторонъ. Дѣйствительно, другого выхода нѣтъ. Задавить легальную стачку — значитъ сойти съ почвы права; предоставить ей свободное теченіе—значитъ нанести глубочайшій ущербъ экономическимъ интересамъ населенія. Было ли соглашеніе возможно? Національный синдикатъ желѣзнодорожниковъ и федерація машинистовъ заявили въ первый же день стачки, что они готовы немедленно приступить къ согласительнымъ переговорамъ. А компаніи? Вѣроятно и онѣ не отказались бы, особенно въ случаѣ давленія на нихъ со стороны независимаго правительства. И, по всей вѣроятности, стачка могла бы быть очень скоро ликвидирована—но, конечно, путемъ компромисса съ рабочими.

Такого исхода Бріанъ не пожелалъ. Не будемъ искать объясненій для этого рѣшенія. Всякій человѣкъ находитъ для своихъ дѣйствій достаточно „достаточныхъ основаній", и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ ихъ. Имѣло ихъ, конечно, и правительство Бріана. Остановимся, поэтому, на другой сторонѣ разыгравшейся передъ нашими глазами драмы и постараемся выяснить ея общественное значеніе.

Первымъ актомъ правительства было объявленіе стачки незаконною, неправильно объявленною и революціонною. Незаконной являлась она, по объясненію правительства, вслѣдствіе того, что началась во время хода переговоровъ, въ которыхъ приняло участіе правительство — переговоровъ незаконченныхъ и обѣщавшихъ дать благопріятные результаты. Революціонной она была объявлена безъ всякаго серьезнаго основанія. Это было нужно для оправданія крайнихъ мѣръ—милитаризаціи желѣзныхъ дорогъ и привлеченія организаторовъ стачки къ отвѣтственности по ст. 16, 17 и 18-ой закона 1845 г., карающаго драконовски строго лицъ, виновныхъ въ поврежденіи желѣзныхъ дорогъ

и разстройствѣ движенія, а также моральныхъ участниковъ и инициаторовъ этихъ преступленій. Послѣдовали многочисленные аресты стачечниковъ, членовъ стачечнаго комитета, секретарей и членовъ синдикатовъ и т. д.

Сразу же возникъ — и до сихъ поръ не разрѣшенъ — вопросъ о легальности этихъ мѣръ. Значительное число юристовъ утверждаетъ, что законъ предвидитъ мобилизацію желѣзнодорожнаго персонала только въ военное время. Законъ 1845 г. — законъ умершій фактически. Въ свое время онъ былъ изданъ противъ грабителей и бандитовъ, и воскрешеніе его въ наше время и въ совершенно другихъ условіяхъ представляется юридической нелѣпостью. Аресты за моральное соучастіе нелѣпы уже по одному тому, что тогда прежде всего арестованъ долженъ быть самъ Бріанъ — „отецъ всеобщей стачки“.

Эта нелишенная основательности критика правительственныхъ мѣропріятій не могла, конечно, не подорвать моральнаго ихъ значенія. Беззаконіе однихъ убиваетъ чувство законности въ другихъ; незаконное давленіе вызываетъ реакцію, возбуждаетъ сопротивленіе, разнуздываетъ людей, особенно въ такіе острые моменты, какъ моменты стачки. Въ результатѣ—значительное число желѣзнодорожниковъ не отвѣтили на мобилизаціонный призывъ. Это было больше чѣмъ неповиновеніе—почти мятежъ, оправдывавшій репрессіи.

Съ другой стороны, на линіяхъ начался саботажъ.

— Саботажъ! — говорилъ мнѣ одинъ изъ видныхъ синдикалистовъ: — мы противъ саботажа, противъ порчи пути, грозящей не только поѣздамъ, но и людямъ, и мы громко объ этомъ заявили. Но что подѣлаешь! Лепинъ (префектъ полиціи) тоже вѣдь заявляетъ, что онъ противъ избіенія полиціей арестованныхъ въ участкахъ, однако тамъ on les passe en tabac! Точно такъ же и среди стачечниковъ есть люди, которые не могутъ не перерѣзать телеграфной или сигнальной проволоки. Но бомбы! Ищите бомбистовъ въ другомъ мѣстѣ, а не среди насъ!

И дѣйствительно, бомбистовъ—а бомбъ было подложено во время забастовки около десяти—надо искать въ другомъ мѣстѣ. Гдѣ? Правительство говоритъ, что среди анархистовъ и эрвэистовъ. Но общественное мнѣніе добавляетъ: и среди полиціантовъ.

Дѣйствительно, что-то странное творилось съ этими бомбами. Во-первыхъ, только три покушенія были направлены противъ желѣзныхъ дорогъ. Сначала, какъ сообщали газеты, было взорвано полотно за пять минутъ до проѣзда экспресса Калэ — Парижъ. Тѣмъ не менѣе экспрессъ прошелъ, не останавливаясь, по этому полотну. Слѣдовательно дорога не была испорчена. Потомъ въ пригородномъ поѣздѣ

были найдены фитильныя бомбы — но фитиль не горѣлъ. И только одинъ разъ взрывомъ были разворочены рельсы. Остальныя бомбы были бо̀льшею частью чисто бутафорскаго характера. Такъ, въ школѣ малолѣтнихъ (!) нашли бомбу, наполненную угольнымъ порошкомъ; въ Fontenay-sous-bois—сардиночную коробку, полную песку, съ вставленной веревочкой вмѣсто фитиля. Три взрыва въ Парижѣ имѣли мѣсто—но совершенно нельзя понять смыслъ и цѣль этихъ взрывовъ. Два раза были попорчены ими окна частныхъ лицъ, а одна взорвалась у дверей редактора „Patrie", Массара, бывшаго крайняго революціонера, теперь—націоналиста. Никто отъ взрывовъ не пострадалъ. Неудивительно, что многимъ всѣ эти покушенія, всѣ эти толки объ анархистскомъ заговорѣ кажутся вздоромъ. — Просто правительство фабрикуетъ должный антуражъ для репрессій,—говорятъ они.

А репрессии идутъ дѣйствительно необычныя для Франціи. Массовые аресты, массовые разсчеты стачечниковъ компаніями. Массовыя привлеченія къ судебной отвѣтственности. Стачка раздавлена, и vae victis!

Стачка раздавлена Бріаномъ, бывшимъ анархистомъ и синдикалистомъ, десять лѣтъ проповѣдовавшимъ революціонную всеобщую забастовку. Это обстоятельство придаетъ особую остроту и безъ того болѣзненному процессу и углубляетъ пропасть, отдѣляющую міръ буржуазіи отъ міра пролетаріата.

Если до послѣдняго времени эти два міра были настроены другъ къ другу враждебно, то теперь, послѣ столкновенія „на баррикадѣ" и пораженія пролетаріевъ буржуазный міръ полонъ торжества и рѣшимости взнуздать мятежниковъ. Если до послѣдняго времени кредитъ правительства былъ невеликъ среди пролетаріата, то теперь онъ въ полномъ ущербѣ.

Съ другой стороны, кредитъ министерства Бріана и самого Бріана среди имущихъ, среди промышленныхъ круговъ, благодаря проявленной энергіи и рѣшительному подавленію „мятежнаго движенія", поднялся высоко.

Связи съ соціальной правой у Бріана окрѣпли; послѣднія связи съ соціальной лѣвой—порвались. Вотъ это-то обстоятельство и опредѣлитъ окончательно содержаніе того „apaisement", которое составляетъ его программу.

Конечно, Бріанъ не бросится въ объятія черной реакціи. Для этого онъ слишкомъ уменъ. Онъ знаетъ границу, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя переходить во Франціи. Не черной реакціи надо, поэтому, ожидать, а буржуазной концентраціи направо.

Франція вступаетъ въ полосу соціальнаго консерватизма—конечно въ томъ случаѣ, если радикально-соціалистическая партія въ послѣд-

нюю минуту не одумается и не свернетъ съ опаснаго пути, въ преддверіи котораго стоитъ и она, и вся внутренняя политика страны. Радикально-соціалистическая партія имѣетъ большинство въ палатѣ. Отказавъ Бріану въ довѣріи, она фактически въ силахъ положить конецъ политикѣ d'apaisement, принявшей такой двусмысленный оборотъ. Но очень невелико число тѣхъ, которые надѣются или опасаются такого ея шага.

Не даромъ „Matin", обыкновенно хорошо информированный, пишетъ: „Никогда положеніе кабинета г. Бріана не было такъ прочно, какъ теперь".

Бѣлоруссовъ.

ГОДЪ ИТОГОВЪ И ПОМИНОКЪ

(Изъ научной лѣтописи 1909 года [1])

Истекшій годъ въ области науки не разъ называли годомъ юбилеевъ. Эта особенность его отразилась и на тѣхъ съѣздахъ, международныхъ и національныхъ, которые начинаютъ играть все болѣе и болѣе выдающуюся роль въ жизни науки. Бальтимора, Кэмбриджъ, Виннипегъ, Лилль, Зальцбургъ, Москва; Томсонъ, Рутерфордъ, Пуанкаре, Кайзеръ, Павловъ поочередно сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе ученаго міра, и въ то же время новыя завоеванія науки становятся достояніемъ болѣе широкихъ круговъ, подводятся итоги ближайшему прошлому, поминаются заслуги великихъ ученыхъ, съ именами которыхъ неразрывно связаны господствующія черты современнаго научнаго движенія.

Канунъ нашихъ шестидесятыхъ годовъ—1859-ый годъ былъ отмѣченъ въ европейской наукѣ двумя научными открытіями совершенно исключительной важности. Первое изъ нихъ—одно изъ широчайшихъ обобщеній, когда-либо высказанныхъ въ области научной мысли—дарвинизмъ, оказавшій вліяніе на всѣ отрасли человѣческаго знанія отъ космографіи до соціологіи и этики. Второе—спектроскопія—явилось новымъ разительнымъ доказательствомъ, что въ наукѣ открытіе новаго пріема, новаго метода изслѣдованія не менѣе важно, чѣмъ самое широкое теоретическое обобщеніе. Спектроскопъ пролилъ

[1]) Обзоръ этотъ предназначался для одной изъ первыхъ книжекъ „Вѣстника Европы" 1910-го года, но продолжительная болѣзнь вынудила меня отложить его на нѣсколько мѣсяцевъ.

новый свѣтъ на всю совокупность доступныхъ человѣку предметовъ научнаго изслѣдованія — отъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ космоса до основныхъ явленій жизни на нашей планетѣ.

Намъ, людямъ шестидесятыхъ годовъ, свидѣтелямъ восторженнаго пріема этихъ двухъ открытій, отрадно пробѣгать въ памяти вызванное ими полувѣковое научное движеніе, представлять себѣ его дальнѣйшій ростъ, особенно при видѣ попытокъ попятнаго шествія, невольно наводящихъ порою на мысль о временномъ упадкѣ научнаго духа подъ натискомъ возрождающихся метафизическихъ и мистическихъ вѣяній. Пишущему эти строки привелось самому принять скромное участіе въ этихъ обоихъ движеніяхъ и выпало особое счастіе видѣть вблизи его великихъ піонеровъ. Какъ біологъ-критикъ, я уже черезъ пять лѣтъ послѣ появленія книги Дарвина выступилъ убѣжденнымъ защитникомъ и толкователемъ этого ученія, а какъ физіологъ-экспериментаторъ, я по свойству предпринятой мною задачи долженъ былъ воспользоваться геніальнымъ методомъ Бунзена и Кирхгофа, съ которымъ при первой возможности въ концѣ шестидесятыхъ годовъ поспѣшилъ ознакомиться подъ руководствомъ самихъ его творцовъ и затѣмъ примѣнилъ его къ задачамъ физіологіи. Недавно мнѣ пришлось прочесть мнѣніе, что мое отношеніе къ Дарвину односторонне восторженно и что я недостаточно, будто бы, цѣню новѣйшія дополненія и поправки. На это обвиненіе я могу отвѣтить, что ни одинъ дарвинистъ не позволялъ себѣ такой рѣзкой критики того, что являлось въ дарвинизмѣ ошибочнымъ и въ чемъ значительно позднѣе онъ самъ сознался, но что вызвало и продолжаетъ вызывать похвалы многихъ его сторонниковъ—именно его гипотезы о пангенезисѣ [1]). Точно такъ же еще съ начала семидесятыхъ годовъ я указывалъ на то направленіе, въ которомъ долженъ далѣе развиваться дарвинизмъ, и снова имѣлъ счастіе не только узнать изъ позднѣе появившейся переписки, что именно таково было въ послѣдніе годы мнѣніе Дарвина, но и убѣдиться на дѣлѣ, что именно въ этомъ направленіи успѣшно двигалась и продолжаетъ двигаться современная біологія. Но объ этомъ далѣе.

Истекшій 1909-ый годъ былъ не только юбилейнымъ годомъ двухъ великихъ открытій, отмѣтившихъ новую эпоху въ области положительнаго знанія, но и годомъ столѣтнихъ поминокъ великихъ дѣятелей изъ области не только науки и литературы, но и жизни.

Наибольшее число ихъ выпало на долю англо-саксонской расы и

---

[1]) За то Де-Фризъ и теперь отзывается о ней съ восхищеніемъ, такъ какъ самъ пытался ее развить, доходя при этомъ до абсурда (его наслѣдственное размноженіе капли клѣточнаго сока).

самыми выдающимися изъ нихъ были, конечно, Дарвинъ и Гладстонъ. Годичный обозрѣватель одного изъ лучшихъ современныхъ научно-популярныхъ изданій—американскаго „Popular Science Monthly",—останавливаясь на этихъ двухъ именахъ, говоритъ, что въ нихъ выразилась самая выдающаяся черта столѣтней исторіи Англіи, которую въ свою очередь можно выразить двумя словами: *„наука и демократія"*. Я бы добавилъ отъ себя, что въ этихъ словахъ заключается лозунгъ культурнаго развитія не только англійскаго народа, но и всего цивилизованнаго человѣчества. Мысль эта подтверждается и въ обратномъ порядкѣ: разлагающаяся буржуазія все болѣе и болѣе сближается съ отживающей свой вѣкъ метафизикой, не брезгуетъ вступать въ союзъ и съ мистикой [1]), и съ воинствующей церковью, послѣднюю попытку которой вступить въ борьбу съ положительной наукой такъ вѣрно предсказалъ талантливый физикъ, физіологъ и наконецъ историкъ—Дрэперъ—еще въ то время, когда побѣда научнаго мышленія казалась окончательною.

Если англо-саксонская раса чествовала своего Дарвина [2]), то французы совершенно справедливо вспомнили о своемъ Ламаркѣ и отмѣтили столѣтіе со времени выхода его замѣчательнаго произведенія открытіемъ памятника знаменитому ученому въ Jardin des Plantes. Это, конечно, дало поводъ къ многочисленнымъ параллелямъ между Ламаркомъ и Дарвиномъ, въ которыхъ, къ сожалѣнію, высказались французскій шовинизмъ и продолжающее скрыто тлѣть старое враждебное отношеніе къ Дарвину. Особенно неудачно пытался доказать не только право на первенство, но и превосходство Ламарка передъ Дарвиномъ извѣстный зоологъ Ледантекъ. Трудно было бы собрать въ маломъ объемѣ одной краткой статьи столько поверхностныхъ сужденій и прямо неправды, сколько собралъ этотъ, какъ онъ самъ себя величаетъ, философъ двадцатаго вѣка. Для сообщенія себѣ еще большаго авторитета онъ даже называетъ себя физикомъ; но конечно тѣ, кто желаетъ знать мнѣніе о дарвинизмѣ физиковъ, обратятся къ физикамъ Гельмгольцу, Больцману, Рэлею или къ математику Пирсону, а не къ зоологу. Для подтвержденія своего безнадежнаго тезиса о превосходствѣ Ламарка передъ Дарвиномъ Ледантекъ считаетъ позволительнымъ прибѣгать даже къ такому полемическому пріему: онъ предупреждаетъ, что вмѣсто идей Ламарка будетъ предъявлять свои

---

[1]) Любопытно, что мистицизмъ пробирается даже въ математику.

[2]) Началось это чествованіе съ 1-го января на съѣздѣ Американской Ассоціаціи. Самымъ выдающимся моментомъ былъ, конечно, международный съѣздъ въ Кэмбриджѣ, о которомъ было говорено на страницахъ „Вѣстника Европы". Заключительнымъ аккордомъ долженъ былъ быть Московскій съѣздъ въ декабрѣ. Комитетъ съѣзда возложилъ на меня обязанность произнести рѣчь, но болѣзнь мнѣ помѣшала ее исполнить.

собственныя, такъ какъ увѣренъ, что Ламаркъ долженъ былъ думать какъ онъ, а вмѣсто идей самого Дарвина будетъ разбивать идеи его узко одностороннихъ послѣдователей, не скрывая, что Дарвинъ самъ отъ нихъ отказался бы [1]). Критика Ледантека главнымъ образомъ сосредоточивается на разборѣ Вейсмановскаго развитія гипотезы пангенезиса. Объ этой гипотезѣ, черезъ три года послѣ ея появленія, я, дарвинистъ, высказался, что она „ненаучна въ основѣ, безплодна въ послѣдствіяхъ", и черезъ двадцать лѣтъ узналъ съ удовольствіемъ изъ писемъ Дарвина, что онъ произнесъ надъ ней такой строгій приговоръ: „It is all rubbish to have speculated as I have done" [2]). И вотъ этотъ-то „мусоръ", размазанный нѣмецкими зоологами и безжалостно осужденный самимъ Дарвиномъ, Ледантекъ признаетъ существенной частью дарвинизма и побѣдоносно разбиваетъ. Относительно естественнаго отбора Ледантекъ ссылается на какое-то свое изрѣченіе сомнительнаго остроумія—именно, что изъ этого ученія можно сдѣлать только тотъ выводъ, что „все обстоитъ такъ, какъ обстоитъ, а не иначе" [3]). Далѣе онъ утверждаетъ: только Спенсеръ понялъ истинный смыслъ этого процесса, назвавъ его „сохраненіемъ приспособленнаго"; для Дарвина это былъ только процессъ уничтоженія неприспособленнаго. Говоря это, Ледантекъ, очевидно, разсчитываетъ на полное невѣжество читателей, не знающихъ, что въ заглавіи „Происхожденія видовъ" за словомъ natural selection стоитъ поясненіе: „or the *preservation* of *favoured races*" [4]). Но этотъ непохвальный пріемъ необходимъ Ледантеку для его главнаго доказательства превосходства Ламарка передъ Дарвиномъ. Для этого онъ снова напоминаетъ читателю о своей также, будто бы, глубокомысленной теоріи, по которой организмы въ періодъ размноженія должны считаться „мертвыми" [5]). Отсюда побѣдоносный выводъ: такъ какъ въ основѣ теоріи Дарвина лежатъ факты размноженія, то это—*теорія смерти*, а такъ какъ Ламаркъ мало интересовался явленіями размноженія и сосредоточивалъ свое вниманіе на вегетативномъ періодѣ жизни, то его ученіе—теорія *жизни*; что и требовалось доказать [6]).

---

[1]) „Les neo-darwiniens ont été plus loin que leur maître; ils ont affirmé des choses qu'il n'avait pas affirmées; ils ont nié des choses qu'il n'avait pas niées"... „Si Darwin avait vécu, il aurait peut-être refusé de suivre ses disciples".

[2]) „Эти спекулятивныя идеи, которыя я себѣ позволилъ—просто мусоръ".

[3]) Дѣйствительный физикъ Гельмгольцъ называетъ естественный отборъ „творческой идеей".

[4]) „Или сохраненіе благопріятствуемыхъ расъ".

[5]) Car le phénomène sexuel est un phenomène *non vital* (курсивъ самого Ледантека)... le phenomène sexuel est, *comme nous le savons*, *un phenomène de mort* (курсивъ мой).

[6]) Попутно Ледантекъ высказываетъ еще двѣ совершенно ложныя мысли. Онъ

Такова блестящая діалектика этого, какъ онъ себя величаетъ, философа двадцатаго вѣка, а хотѣлось бы думать — его послѣдняго схоластика. Болѣе умѣреннымъ въ своемъ восхваленіи Ламарка оказался другой французскій зоологъ, Делажъ [1]), отказавшійся отъ безнадежной задачи отстаивать превосходство Ламарка передъ Дарвиномъ; но и онъ отводитъ Ламарку несоотвѣтственно важную роль, въ качествѣ предшественника Дарвина, такъ какъ не объясняетъ, почему Дарвинъ обезпечилъ побѣду эволюціонному ученію, а авторъ „Philosophie Zoologique" отталкивалъ отъ себя всѣхъ серьезныхъ ученыхъ отъ Кювье до Фохта [2]) и понятно еще больше отталкиваетъ ихъ послѣ того, какъ Дарвинъ показалъ, какъ ученые должны браться за разрѣшеніе самаго широкаго вопроса въ области біологіи. Если такъ отнеслись къ Дарвину нѣкоторые французскіе зоологи, то понятно, что французскіе соціологи обнаружили еще менѣе пониманія. Укажу только на извѣстный читателямъ „Вѣстника Европы" примѣръ. Вормсъ въ своей статьѣ приходитъ къ окончательному выводу, что Дарвинъ не объяснилъ факта *приспособленія* организмовъ (а Ламаркъ, будто бы, объяснилъ!). Между тѣмъ всякому извѣстно, что Дарвину его противники даже ставили въ укоръ, что его ученіе именно объясняетъ происхожденіе *приспособленій* (а не видовъ). Да и самое слово *adaptation* вошло въ обиходъ науки только благодаря Дарвину. Вотъ съ какимъ легкимъ багажемъ свѣдѣній до сихъ поръ считается возможнымъ пускаться въ критику дарвинизма. Что касается до вопроса объ авторѣ „Philosophie Zoologique", какъ типѣ, то еще тридцать лѣтъ тому назадъ, послѣ основательнаго изученія этой книги, я далъ на него отвѣтъ, неоднократно повторялъ его и не имѣю ни малѣйшаго повода измѣнять своего мнѣнія [3]). Это—

утверждаетъ, что Ламаркъ былъ правъ, принимая, что сохраняются только признаки, общіе обоимъ родителямъ (это въ наше время процвѣтанія менделизма!), и также легкомысленно утверждаетъ, что „Darwin ne s'est jamais demandé quelle est la cause des variations des êtres vivants". Между тѣмъ всякому извѣстно, что Дарвинъ на первыхъ же страницахъ своей книги высказываетъ по этому поводу мысли, сохранившія полное значеніе и до сихъ поръ, такъ какъ онѣ основаны на оцѣнкѣ массовыхъ наблюденій, а не на схоластическихъ философствованіяхъ о „живой и мертвой жизни".

[1]) Но можетъ быть въ этомъ выразился только извѣстный антагонизмъ этихъ двухъ ученыхъ, чуть не доведшій ихъ до оригинальнаго способа разрѣшенія научныхъ разногласій—до дуэли.

[2]) И болѣе всего Лайэля, отвергшаго Ламарка послѣ тщательнаго анализа его книги. Отсюда понятно справедливое негодованіе Дарвина на послѣдовавшій уже послѣ появленія его книги ничѣмъ не мотивированный поворотъ въ отношеніи Лайэля къ Ламарку.

[3]) „Дарвинъ какъ типъ ученаго", 1878; „Историческій методъ въ біологіи", 1889; „Дарвинъ", 1909.

всѣмъ имѣющимъ представленіе о французской литературѣ восемнадцатаго вѣка [1]) знакомый типъ философствующаго литератора, за неимѣніемъ фактовъ прибѣгающаго къ расплывчатымъ философствованіямъ, а когда и для нихъ не хватаетъ почвы, пускающагося въ праздныя догадки, вплоть до самыхъ нелѣпыхъ. Ламаркъ порою превосходилъ въ этомъ отношеніи своего смѣлаго предшественника де-Малье (Тальямеда). Вотъ почему содержаніе этой книги производило на всѣхъ серьезныхъ ученыхъ XIX-го вѣка впечатлѣніе чего-то архаическаго. Вотъ почему эта книга не имѣла значенія для науки XIX-го вѣка и, понятно, еще менѣе для науки XX-го. Кромѣ краткой рѣчи Ива Делажа, при открытіи памятника Ламарку произнесли обстоятельныя рѣчи академики: зоологъ Перье и ботаникъ Гиньяръ. Они отказались отъ неблагодарной задачи какихъ-нибудь сравненій и ограничились безотносительными указаніями на тѣ дѣйствительныя научныя заслуги Ламарка, которыхъ совершенно достаточно для того, чтобы заставить насъ чтить его память, и которыя сохранили свое значеніе и до сихъ поръ. Перье тактично обошелъ молчаніемъ несчастную мысль Ламарка о вліяніи психики на организацію, на образованіе новыхъ формъ—мысль, пришедшуюся по вкусу нѣкоторымъ современнымъ нѣмецкимъ натуралистамъ и доведенную ими до абсурда въ ученіи о панпсихизмѣ. Къ сожалѣнію, наоборотъ, Гиньяръ не выдвинулъ впередъ самую плодотворную мысль „Philosophie Zoologique", а именно указанія на *наблюдаемую* [2]) въ природѣ связь между формой растеній и обитаемой средой. Гиньяръ за то очень кстати напомнилъ о двухъ другихъ датахъ, совершенно забытыхъ при современныхъ юбилеяхъ [3]). Ровно за сто лѣтъ до появленія книги Дарвина (въ 1759-мъ году) въ Тріанонѣ, на грядкахъ разбитаго для Людовика XV-го ботаническаго садика, Бернаръ Жюссье (къ числу учениковъ котораго долженъ быть отнесенъ и Ж.-Ж. Руссо) въ первый разъ въ живыхъ формахъ, подъ открытымъ небомъ начерталъ свою „естественную систему", т.-е. наглядно выразилъ тотъ основной фактъ „сродства", для объясненія котораго и потребовались всѣ послѣдовавшія (въ томъ числѣ и Ламарковы) попытки установленія родственной связи организмовъ. А ровно черезъ тридцать лѣтъ, въ 1789-мъ году, по преданію—подъ грохотъ пушекъ, громившихъ Бастилію, королевская типографія выпустила въ

---

[1]) Конечно, оно болѣе основательно, чѣмъ то, которое обнаружилъ одинъ русскій писатель, недавно поучавшій своихъ читателей, что колоссальная „Encyclopédie méthodique" (Панкука)—„изслѣдованіе" одного человѣка: Ламарка.

[2]) Подчеркиваю эту подробность, такъ какъ мысль объ *экспериментальномъ* осуществленіи этого факта—новѣйшаго происхожденія.

[3]) Я, впрочемъ, напомнилъ о нихъ въ статьѣ: „Первый юбилей Дарвинизма", въ 1908 г., въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ".

свѣтъ „Genera Plantarum“—произведеніе племянника Бернара—Антуана Лорана Жюссье, въ которомъ идеи дяди были подробно развиты въ изящной, убѣдительной формѣ и навсегда положили конецъ искусственнымъ классификаціямъ, замѣнивъ ихъ новой задачей раскрытія естественной системы, приведшей въ концѣ концовъ къ ученію объ эволюціи.

Забыли только французы помянуть того великаго своего соотечественника, который болѣе всѣхъ ученыхъ и мыслителей заслуживаетъ по праву быть признаннымъ предвозвѣстникомъ *дарвинизма*, т.-е. единственной до сихъ поръ выдерживающей критику теоріи эволюціи. Онъ одинъ вполнѣ опредѣленно высказалъ идею естественнаго отбора. Недавно появилась очень интересная брошюра: „*Біологическая философія Огюста Конта*“ [1]), авторъ которой указываетъ на цѣлый рядъ воззрѣній Конта, ставшихъ достояніемъ современной біологіи, но, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, упускаетъ изъ виду то самое замѣчательное мѣсто, которое сорокъ пять лѣтъ тому назадъ я избралъ эпиграфомъ для своего перваго очерка дарвинизма. Вотъ эти замѣчательныя и всѣми забытыя слова: „Sans doute chaque organisme déterminé est en relation nécessaire avec un système de circonstances extérieures. Mais il n'en résulte nullement que la première de ces deux forces corrélatives ait dû être produite par la seconde, pas plus qu'elle n'a pu la produire; il s'agit seulement d'un équilibre mutuel entre deux puissances hétérogènes et indépendantes. Si l'on conçoit que tous les organismes possibles soient successivement placés pendant un temps convenable dans tous les milieux imaginables, la plupart de ces organisations finiront de toute nécessité par disparaitre pour ne laisser subsister que ceux qui pouvaient satisfaire aux lois générales de cet équilibre fondamental; c'est probablement d'après une suite d'éliminations analogues que l'harmonie biologique a dû s'établir peu a peu sur notre planète où nous la voyons encore en effet se modifier sans cesse d'une manière semblable“ (A. Comte. „Cours de Philosophie Positive“, t. III, p. 396). Здѣсь въ поразительно лаконической формѣ не только высказывается основная мысль „естественнаго отбора“, т.-е. дается объясненіе гармоніи органическаго міра путемъ устраненія (élimination) всего негармоническаго, но въ то же время объясняется односторонность нео-дарвинистовъ и нео-ламаркистовъ. Между тѣмъ какъ первые все приписываютъ организаціи, вторые приписываютъ все средѣ; между тѣмъ какъ первые оставляютъ безъ объясненія происхожденіе того матеріала, которымъ пользуется отборъ—вторые, приписывая все средѣ, оставляютъ безъ объясненія основной фактъ орга-

---

[1]) „La Philosophie Biologique d'Auguste Comte“, par Raoul Mourgue, 1909.

нической гармоніи, т.-е. приспособленія путемъ устраненія всего неприспособленнаго [1]). Только дарвинизмъ, объяснившій гармонію органическаго міра какъ результатъ устраненія всего негармоничнаго естественнымъ отборомъ, только дарвинизмъ, по мѣткому выраженію Франсиса Дарвина, отвѣтилъ на вопросъ quo modo, т.-е. какимъ путемъ осуществляется эволюціонный процессъ; въ этомъ заключается его отличіе отъ всѣхъ ранѣе *и позднѣе* сдѣланныхъ попытокъ объясненія и его неизмѣримое превосходство передъ ними. Хотя строгія дедуктивныя доказательства не оставляютъ никакого сомнѣнія въ постоянной наличности процесса отбора въ природѣ, тѣмъ не менѣе профессоръ Лотси былъ правъ, говоря, что настоятельной задачей современнаго дарвинизма является накопленіе конкретныхъ примѣровъ непосредственнаго проявленія этого процесса.

Въ своей прошлогодней рѣчи я указалъ на одинъ блестящій примѣръ подобнаго изслѣдованія въ работѣ профессора Уельдона. Мнѣ былъ и тогда уже извѣстенъ другой, даже болѣе обстоятельный примѣръ. Благодаря любезности профессора Н. В. Цингера, мнѣ уже въ 1905-мъ году были извѣстны результаты его крайне интересной работы, но такъ какъ ея печатаніе въ изданіяхъ Петербургской академіи наукъ затянулось до 1909 г., я не считалъ себя въ правѣ предвосхитить впечатлѣніе, которое она должна была вызвать при своемъ появленіи.

Этотъ замѣчательный трудъ молодого русскаго ботаника весь проникнутъ духомъ великаго англійскаго ученаго; каждая фраза глубоко продумана; нигдѣ не натолкнешься на противорѣчія или непослѣдовательность мысли, столь обычныя въ скороспѣлыхъ новѣйшихъ произведеніяхъ; каждый доводъ является только стройнымъ сцѣпленіемъ фактовъ, тщательно разысканныхъ въ литературѣ или установленныхъ собственными наблюденіями и талантливо поставленными опытами. Какъ всякій трудъ, потребовавшій многолѣтнихъ изслѣдованій, онъ трудно подвергается сжатому переложенію; попытаюсь въ краткихъ словахъ передать только его руководящую мысль [2]). Между посѣвами

---

[1]) Нѣкоторые современные натуралисты, не зная этой мысли Конта, предлагали замѣнить слова „естественный отборъ“ словомъ „элиминація“; но если оба процесса по существу совпадаютъ, выраженіе Дарвина слѣдуетъ предпочесть: оно указываетъ на результатъ процесса (гармонію), а выраженіе Конта указываетъ только на его содержаніе.

[2]) Крайне спеціальное названіе книги не даетъ повода подозрѣвать ея глубокое научное значеніе: *„О засоряющихъ посѣвы льна видахъ Camelina и Spergula и ихъ происхожденіи“* (303 страницы текста и 9 таблицъ фотографическихъ снимковъ. Петербургъ, 1909). Николай Васильевичъ Цингеръ, профессоръ ботаники въ Новой Александріи—сынъ извѣстнаго математика и ботаника В. Я. Цингера.

льна встрѣчается нѣсколько видовъ [1]) растеній, получившихъ видовое названіе linicolae. Это исключительное ихъ мѣстонахожденіе на культурныхъ площадяхъ обнаруживаетъ ихъ историческое и, какъ показываетъ авторъ, сравнительно недавнее историческое происхожденіе. Тщательными литературными изслѣдованіями, авторъ устанавливаетъ фактъ, что нигдѣ, исключая льняныхъ посѣвовъ, въ естественномъ состояніи виды эти не встрѣчаются. Это дѣлаетъ несомнѣннымъ, что именно въ этой обстановкѣ они возникли и внѣ ея не могутъ существовать. Сравнительное изученіе представителей рода Camelina (Рыжикъ) приводитъ къ заключенію, что изучаемый видъ могъ произойти изъ ближайшихъ къ нему видовъ путемъ превращенія въ направленіи отъ такъ называемыхъ „сухолюбивыхъ" растеній къ растеніямъ „влаголюбивымъ", способнымъ существовать лишь въ условіяхъ достаточной влажности и затѣненія, т.-е. тѣхъ именно условіяхъ, которыя даны льняными посѣвами, чѣмъ и объясняется фактъ, почему, возникнувъ въ той средѣ, новый видъ не могъ разселиться за ея предѣлы, гдѣ не встрѣтилъ такихъ же условій и гдѣ продолжали существовать его предки сухолюбы. Но почему этотъ новый видъ, а не его предки, пробрался на эту богатую культурную площадь? Отвѣтъ очень простъ: эта форма, вступивъ въ борьбу съ человѣкомъ, сумѣла его перехитрить. Человѣкъ, ограждая свои посѣвы отъ вторженія сорныхъ травъ, въ томъ числѣ и Рыжика (Camelina), придумалъ для этого сортировки и отборныя машины, которыя, пропуская черезъ свои рѣшета мелкія сѣмена сорныхъ травъ, отбираютъ крупныя сѣмена льна. Только тѣ представители Рыжика, которые производили крупныя сѣмена, какъ у льна, обманули бдительность человѣка и проникли вмѣстѣ со льномъ въ благопріятныя условія его культуры. Изслѣдованіе Н. В. Цингера любопытно не только потому, что представляетъ убѣдительный примѣръ возникновенія вида путемъ естественнаго отбора одного полезнаго свойства организма — это мы видѣли и въ изслѣдованіи Уельдона; оно доказываетъ вѣрность еще другого положенія, выдвинутаго Дарвиномъ. Дарвину не разъ возражали, что отборъ можетъ объяснить только сохраненіе приспособленій, т.-е. признаковъ полезныхъ (въ настоящемъ случаѣ крупныхъ сѣмянъ), но видовые признаки часто бываютъ совершенно безразличны. Дарвинъ отвѣтилъ на это возраженіе своимъ принципомъ correlation— соотношенія, въ силу котораго признаки безразличные, находясь въ связи съ полезными, будутъ передаваться вмѣстѣ съ ними. Н. В. Цингеръ блистательно доказалъ, что цѣлый рядъ признаковъ изучаемыхъ

[1]) Видовъ настоящихъ, установленныхъ ранѣе другими ботаниками, а не произведенныхъ въ этотъ рангъ ad hoc самимъ авторомъ, какъ въ пресловутыхъ „Энотерахъ" Де-Фриза.

растеній, на основаніи которыхъ установленъ видъ, находится въ причинной связи съ тѣмъ единственнымъ признакомъ, который опредѣляетъ естественный отборъ этихъ формъ, т.-е. съ величиной ихъ сѣмянъ, или, какъ онъ очень удачно выражается: „всѣ видовые признаки являются функціей одной перемѣнной — именно величины сѣмянъ“, которая въ свою очередь является рѣшающимъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ успѣхъ естественнаго отбора.

Можно сказать съ увѣренностью, что замѣчательный трудъ нашего молодого ботаника, увидавшій свѣтъ въ годъ двойного юбилея Дарвина и дарвинизма, доставилъ бы великому ученому болѣе удовольствія, чѣмъ многочисленныя похвальныя слова, раздававшіяся на протяженіи всего года въ различныхъ точкахъ земного шара.

Такимъ образомъ „естественный отборъ“, существованіе котораго неотразимо доказывается дедуктивнымъ путемъ, успѣшно провѣряется и на тщательно изученныхъ конкретныхъ случаяхъ. Дарвинизмъ, какъ единственное объясненіе quo modo эволюціоннаго процесса, въ концѣ перваго полувѣка своего существованія является единственнымъ ученіемъ, обосновывающимъ эволюціонное ученіе на почвѣ фактическаго изученія природы, а не на зыбкой почвѣ праздныхъ догадокъ.

Но за вопросомъ quo modo, на который отвѣтилъ дарвинизмъ, выдвигается еще другой вопросъ—quibus auxiliis, въ отвѣтѣ на который должно заключаться ближайшее развитіе эволюціоннаго ученія, если не собственно дарвинизма. Я это пророчилъ двадцать лѣтъ тому назадъ и мое пророчество съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе оправдывалось. Въ своей рѣчи „*Факторы органической эволюціи*“ [1]), произнесенной въ 1890-мъ году, на съѣздѣ натуралистовъ въ Петербургѣ, я высказалъ слѣдующій рядъ соображеній. Дарвинизмъ объяснилъ основную особенность органическаго міра — его гармонію съ условіями существованія—ученіемъ о приспособленіи путемъ отбора. Дальнѣйшее развитіе біологіи должно заключаться въ болѣе глубокомъ анализѣ двухъ основныхъ свойствъ организмовъ, отъ которыхъ дарвинизмъ отправляется какъ отъ данныхъ: въ анализѣ измѣнчивости и наслѣдственности, и прежде всего первой, какъ самаго первичнаго фактора эволюціи. Я привелъ цѣлый рядъ указаній, что такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ Дарвинъ, съ оговоркой, что „Дарвинъ могъ интересоваться явленіями измѣнчивости, хотя изученіе ихъ не составляло необходимой части дарвинизма“. Еслибъ у кого-нибудь еще могло возникнуть сомнѣніе въ виду такихъ категорическихъ заявленій, какъ заявленіе Ледантека: „Darwin ne s'est jamais demandé

---

[1]) „*Насущныя задачи современнаго естествознанія*“.

quelle est la cause des variations des êtres vivants", то напомню слова Дарвина въ письмѣ къ Гёксли: „Кой чортъ измѣняетъ формы если это не внѣшнія условія". Далѣе, собравъ въ одну картину отрывочныя экспериментальныя изслѣдованія ботаниковъ, я пришелъ въ своей рѣчи къ заключенію: „Рядомъ съ физіологіей процессовъ уже зарождается физіологія формъ; рядомъ съ экспериментальной физіологіей возникаетъ *экспериментальная морфологія*", которая, пробиваясь одинокими струйками во второй половинѣ девятнадцатаго, сольется въ широкій потокъ уже за порогомъ двадцатаго". Предсказаніе мое вполнѣ оправдалось и предложенное мною названіе для новаго отдѣла біологіи привилось [1]). Однимъ изъ позднѣйшихъ, менѣе удачныхъ произведеній въ этомъ направленіи была *Экспериментальная зоологія* [2]) Моргана, русскій переводъ которой появился въ 1909-мъ году. Не могу обойти молчаніемъ неприличной выходки редактора русскаго перевода этой книги, профессора Зографа. Профессоръ Зографъ не только воображаетъ, что онъ первый узналъ объ этомъ новомъ направленіи въ біологіи, но и позволяетъ себѣ сдѣлать оскорбительный выговоръ всѣмъ русскимъ біологамъ, призывая быть свидѣтелями ихъ позора тѣни Менделѣева, Ковалевскаго и т. д. Вотъ его слова (курсивъ мой): „*горько сознаться*, что страна, давшая въ недавнее время Менделѣева, Бутлерова, Александра Ковалевскаго, Мечникова и другихъ, *просмотрѣла это новое научное направленіе*, обѣщающее важныя измѣненія въ нашемъ научномъ міровоззрѣніи". Не только не „просмотрѣла", но даже предсказала его появленіе, дала ему названіе и сдѣлала это въ собраніи всѣхъ русскихъ натуралистовъ. Что же касается до напрасно потревоженныхъ тѣней Ковалевскаго и Менделѣева, то и въ этомъ отношеніи г. Зографъ можетъ быть спокоенъ: во время моей рѣчи Александръ Онуфріевичъ сидѣлъ прямо противъ меня въ первомъ ряду, а Дмитрій Ивановичъ даже придвинулъ свой стулъ вплотную къ каѳедрѣ, чтобы не упустить ничего изъ заинтересовавшей его рѣчи. Просмотрѣлъ что-то только самъ московскій зоологъ, запоздавшій со своею неприличной проповѣдью ровно на двадцать лѣтъ. Это „горькое сознаніе" при немъ и остается; „страна" не несетъ за это никакой отвѣтственности.

Изъ ученыхъ, особенно успѣшно выступавшихъ въ этой новой области изслѣдованія—въ „экспериментальной морфологіи", слѣдуетъ отмѣтить гейдельбергскаго профессора, ботаника Клебса. Черезъ два

[1]) А. Н. Бекетовъ въ своей „Географіи Растеній" указываетъ, что это выраженіе принадлежитъ мнѣ.

[2]) Морганъ очевидно долженъ былъ остановиться на этомъ неудачномъ названіи, такъ какъ названіе *Экспериментальная морфологія* уже было предвосхищено другимъ американскимъ ученымъ—Давенпортомъ.

года послѣ моей рѣчи, въ которой я далъ возможно полную картину вызванныхъ экспериментально глубокихъ морфологическихъ измѣненій вегетативныхъ органовъ, Клебсъ обнародовалъ замѣчательное изслѣдованіе, въ которомъ показалъ возможность подчинить себѣ экспериментально и сферу явленій размноженія, то совершенно устраняя эту функцію и заставляя организмъ вести въ теченіе неограниченнаго времени чисто растительную жизнь, то, по желанію, вызывая тотъ или другой процессъ безполаго или полового размноженія. Эта первая его работа касалась простѣйшихъ растеній — водорослей и грибовъ; но когда Пфефферомъ ему было сдѣлано возраженіе, что эти выводы могутъ оказаться вѣрными только въ примѣненіи къ простѣйшимъ и не оправдаться надъ высшими, онъ отвѣтилъ цѣлымъ рядомъ работъ и надъ цвѣтковыми [1]).

Разбирая выпущенную по случаю чествованія Дарвина въ Кэмбриджѣ книгу „Darwin and modern science" [2]), я указалъ на статью Клебса, какъ на самую оригинальную въ сборникѣ, такъ какъ она указывала на дѣйствительно новое, широкое и плодотворное направленіе, которое принимаетъ эволюціонное ученіе. Повидимому такъ же отнеслись къ Клебсу и англійскіе ученые, такъ какъ Королевское Общество пригласило его въ настоящемъ году прочесть свою Круніанскую лекцію, обыкновенно посвящаемую выдающимся вопросамъ современной науки [3]).

Засвидѣтельствованное всѣмъ ученымъ міромъ торжество идей Дарвина наводитъ на мысль и совершенно обратнаго порядка — на мысль объ отвѣтственности генія передъ потомствомъ. Къ сожалѣнію, не только его великія идеи, но и вскользь брошенная неудачная мысль оставляетъ по себѣ слѣдъ. „Провизуарная гипотеза" Дарвина— пангенезисъ,—которую онъ самъ такъ безжалостно заклеймилъ, надолго привилась въ нѣмецкой наукѣ (благодаря Вейсману въ зоологіи и Де-Фризу въ ботаникѣ) и только мало-по-малу начинаетъ выходить изъ моды. Къ сожалѣнію, того же нельзя сказать о заключительныхъ словахъ его послѣдняго труда: „Способность растенія къ движенію", отъ которыхъ онъ, по болѣе внимательномъ обсужденіи, вѣроятно такъ же отрекся бы, какъ и отъ своего пангенезиса. Они оказали вредное вліяніе на многихъ ботаниковъ, въ томъ числѣ и на его сына и сотрудника по этому изслѣдованію, Франсиса [4]).

---

[1]) Одну изъ этихъ работъ: „Произвольное полученіе растительныхъ формъ" я перевелъ еще въ 1903 году, снабдивъ переводъ своими примѣчаніями.

[2]) „Русск. Вѣд.", май 1909.

[3]) Могу добавить, что на дняхъ предсѣдатель зоологической секціи Британской Ассоціаціи, указывая на необходимость развитія экспериментальной морфологіи, указывалъ зоологамъ, какъ на примѣръ для подражанія, на дѣятельность Клебса.

[4]) На кэмбриджскомъ банкетѣ, въ кругу молодыхъ талантливыхъ ботаниковъ,

Въ этихъ словахъ Дарвинъ высказалъ неудачную мысль, что кончикъ корня у растенія можно уподобить мозгу (brain), такъ какъ по его удаленіи извѣстныя искривленія растущей части корня не проявляются или, скорѣе, проявляются не такъ рѣзко. Метафора эта (не представляющая даже никакой аналогіи въ животномъ организмѣ) была противна той основной мысли Дарвина, которая побудила его сосредоточить въ послѣдніе годы своей жизни всю свою научную дѣятельность на растеніи, такъ какъ именно надъ нимъ онъ могъ показать существованіе отбора безъ наличности сознанія [1]). Эта несчастная метафора, одна изъ тѣхъ, надъ которыми такъ зло подсмѣивался Гейне, говоря, что каждый добрый христіанинъ долженъ молиться „избави насъ отъ лукаваго — и отъ метафоръ",—пришлась очень по вкусу современнымъ соотечественникамъ поэта, до сихъ поръ не удостоившагося памятника на родной землѣ. Цѣлый рядъ нѣмецкихъ ботаниковъ пытался развить мысль Дарвина о сознаніи корня — откуда явилось ученіе объ органахъ чувствъ у растенія и наконецъ о его душѣ. Самымъ горячимъ защитникомъ этого ученія выступилъ у нѣмцевъ Франсе, у насъ — академикъ Фаминцынъ. Франсе — ничѣмъ не заявившій о себѣ въ наукѣ, даже мало талантливый и плохо освѣдомленный популяризаторъ, выступилъ въ прошломъ году — повидимому, по приглашенію редакціи извѣстнаго итальянскаго журнала „Revista di Scienza" [2]) — съ защитой своей излюбленной теоріи; но имъ не представлено ни одного аргумента, который не былъ бы мною въ свое время предусмотрѣнъ и отраженъ [3]). Главнымъ доводомъ является все тотъ же аргументъ отъ непрерывности, который еще съ такимъ блескомъ примѣняли греческіе софисты: человѣкъ состоитъ изъ твердаго вещества; твердое происходитъ изъ жидкаго, жидкое — изъ воздушнаго; но человѣкъ сознаетъ — значитъ и воздухъ сознаетъ. Идеи Франсе нашли себѣ отголосокъ и на Московскомъ съѣздѣ — въ нѣсколькихъ словахъ, высказанныхъ въ его защиту академикомъ Бородинымъ.

И вотъ, въ этотъ моментъ, когда ботаники безо всякаго къ тому повода на мѣсто строгаго опытнаго метода пытаются выдвинуть без-

---

которыми теперь такъ богата Англія, я, не стѣсняясь, высказывалъ мысль: „Много званныхъ, но много ли избранныхъ? Даже самъ Францисъ, по моему мнѣнію (особенно послѣ его прошлогодней президентской рѣчи)—не настоящій дарвинистъ".

1) На первыхъ порахъ ему дѣлали вздорное возраженіе, что естественный отборъ понятенъ еще въ примѣненіи къ животному, обладающему сознаніемъ, но совершенно непонятенъ въ примѣненіи къ растенію.

2) Къ слову сказать—съ твердой почвы положительной науки все болѣе перебирающагося на скользкую почву метафизики.

3) Въ моей университетской актовой рѣчи, въ 1901-мъ году: „Столѣтніе итоги физіологіи растеній".

почвенныя, безсодержательныя психологическія параллели, пустыя догадки о „памяти“, какъ основномъ свойствѣ организованнаго вещества [1]), о способности растенія „учиться“ и дѣйствовать соотвѣтственно съ пріобрѣтенными знаніями, о зависимости процесса роста органовъ отъ „мозга корня“—примѣра чему не встрѣчается и у животныхъ,—въ этотъ моментъ раздается въ Москвѣ авторитетный голосъ И. П. Павлова, призывающаго физіологовъ на приступъ послѣдняго оплота психологовъ, призывающаго естествознаніе отказаться отъ послѣдней своей непослѣдовательности. Вотъ вступительныя слова его рѣчи, оригинальной и знаменательной начиная съ самаго заглавія: „Естествознаніе и мозгъ“.—„Можно съ правомъ сказать, что неудержимый со времени Галилея ходъ естествознанія впервые замѣтно пріостанавливается передъ высшимъ отдѣломъ мозга, или, общѣе говоря, передъ органомъ сложнѣйшихъ отношеній животныхъ къ внѣшнему міру. И казалось, что это не даромъ, что здѣсь дѣйствительно критическій моментъ естествознанія, такъ какъ мозгъ, который въ высшей его функціи — человѣческаго мозга — создавалъ и создаетъ естествознаніе, самъ становится объектомъ этого естествознанія“.

„Но подойдемъ къ дѣлу ближе. Уже давно физіологъ неуклонно и систематически, по строгимъ правиламъ естественно-научнаго мышленія, изучаетъ животный организмъ. Онъ наблюдаетъ происходящія передъ нимъ во времени и въ пространствѣ жизненныя явленія и старается посредствомъ эксперимента опредѣлить постоянныя и элементарныя условія ихъ существованія и ихъ теченія. Его предвидѣніе, его власть надъ жизненными явленіями такъ же постоянно увеличивается, какъ растетъ на глазахъ у всѣхъ могущество естествознанія надъ мертвой природой. Когда физіологъ имѣетъ дѣло съ основными функціями нервной системы, съ процессомъ нервнаго раздраженія и проведенія,—пусть эти явленія до сихъ поръ продолжаютъ быть темными въ ихъ натурѣ, — физіологъ остается естествоиспытателемъ, изслѣдуя послѣдовательно разнообразныя внѣшнія вліянія на эти общіе нервные процессы. Больше того. Когда физіологъ занимается низшимъ отдѣломъ центральной нервной системы—спиннымъ мозгомъ, когда онъ изслѣдуетъ, какъ организмъ, черезъ посредство этого отдѣла, отвѣчаетъ на тѣ или другія вліянія, т.-е. изучаетъ закономѣрныя измѣненія живого вещества подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ внѣш-

[1]) Однимъ изъ разительныхъ примѣровъ безплодной нелогичной замѣны физіологическихъ понятій психологическими должно признать берущее свое начало отъ Геринга, а теперь представляемое Земономъ ученіе о „*мнемѣ*“. Рекомендую помѣщенную въ той же „Rivista di Scienza“ статью Земона, какъ образчикъ современной схоластики. На протяженіи всей статьи не встрѣтишь ни одного факта, а порою просто ломаешь себѣ голову, о чемъ же наконецъ идетъ рѣчь.

нихъ агентовъ, онъ остается все тѣмъ же естествоиспытателемъ. Эту закономѣрную реакцію животнаго организма на внѣшній міръ, осуществляющуюся при посредствѣ низшаго отдѣла центральной нервной системы, физіологъ зоветъ рефлексомъ. Этотъ рефлексъ, какъ и надо ожидать съ естественно-научной точки зрѣнія, строго специфиченъ: извѣстное внѣшнее явленіе обусловливаетъ только опредѣленныя измѣненія въ организмѣ.

„Но вотъ физіологъ поднимается до высшихъ отдѣловъ центральной нервной системы, и характеръ его дѣятельности сразу и рѣзко мѣняется. Онъ перестаетъ сосредоточивать вниманіе на связи внѣшнихъ явленій съ реакціями на нихъ животнаго и вмѣсто этихъ фактическихъ отношеній начинаетъ строить догадки о внутреннихъ состояніяхъ животныхъ по образцу своихъ субъективныхъ состояній. До тѣхъ поръ онъ пользовался общими естественно-научными понятіями. Теперь же онъ обратился къ совершенно чуждымъ ему понятіямъ, не стоящимъ ни въ какомъ отношеніи къ его прежнимъ понятіямъ—къ психологическимъ понятіямъ; короче—онъ перескочилъ изъ протяженнаго міра въ непротяженный. Шагъ, очевидно, чрезвычайной важности. Чѣмъ вызванъ онъ? Какія глубокія основанія побудили къ нему физіолога? Какая борьба мнѣній предшествовала ему? На всѣ эти вопросы приходится дать совершенно неожиданный отвѣтъ: передъ этимъ чрезвычайнымъ шагомъ въ научномъ мірѣ рѣшительно ничего не происходило. Естествознаніе въ лицѣ физіолога, изучающаго высшіе отдѣлы центральной нервной системы, можно сказать безсознательно, незамѣтно для себя, подчинилось ходячей манерѣ думать о сложной дѣятельности животныхъ по сравненію съ собой, принимая для ихъ дѣйствія тѣ же внутреннія причины, которыя мы чувствуемъ и признаемъ въ себѣ.

„Итакъ, физіологъ въ данномъ пунктѣ оставилъ твердую естественно-научную позицію. И что онъ пріобрѣлъ вмѣсто нея? Онъ взялъ понятія изъ того отдѣла человѣческаго умственнаго интереса, который не смотря на свою наибольшую давность, по заявленію самихъ его дѣятелей, не получилъ еще права называться наукой. Психологія, какъ познаніе внутренняго міра человѣка, до сихъ поръ сама ищетъ свои истинные методы. А физіологъ взялъ на себя неблагодарную задачу гадать о внутреннемъ мірѣ животныхъ.

„Послѣ этого нетрудно понять, что изученіе сложнѣйшей нервной дѣятельности высшихъ животныхъ почти не трогается съ мѣста. А этому изслѣдованію уже около ста лѣтъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія работа надъ высшимъ отдѣломъ мозга получила-было сильный толчокъ, но и онъ не вывелъ изслѣдованіе на широкую и торную дорогу. Получено было нѣсколько капитальныхъ фактовъ

въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а затѣмъ изслѣдованіе опять остановилось. Предметъ, очевидно, такъ огроменъ, а темы работъ вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ повторяются все рѣже; однако новаго очень мало. Безпристрастный физіологъ современности долженъ признать, что физіологія высшаго мозга находится сейчасъ въ туманѣ. *Итакъ, психологія въ качествѣ союзницы не оправдала себя передъ физіологіей*" [1]).

Психологія не оправдала возлагавшіяся на нее надежды. Физіологіи прежде всего необходимо освободиться отъ ненадежной союзницы даже въ сферѣ изученія функцій головного мозга, и впредь придерживаться области точнаго опыта—того опыта, который доставилъ профессору Павлову всемірную извѣстность. Суровый приговоръ надъ психологіей, исходящій изъ такого авторитетнаго источника, какъ результатъ его многолѣтней научной дѣятельности, невольно приводитъ на память пророческія слова, раздававшіяся въ теченіе цѣлаго столѣтія. Вспоминаются краснорѣчивыя страницы И. М. Сѣченова: „Кому и какъ разрабатывать психологію". Вспоминается лозунгъ: „Nemo psychologus nisi physiologus" главы величайшей физіологической школы прошлаго вѣка. Вспоминаются, наконецъ, краснорѣчивыя страницы и того великаго мыслителя, который еще въ тридцатыхъ годахъ защищалъ права физіологіи отъ притязаній психологіи и пророчилъ замѣну этой послѣдней физіологіей мозга, основанной на тщательномъ изученіи локализаціи его отдѣльныхъ функцій. Вотъ нѣкоторыя изъ мыслей, разбросанныхъ на страницахъ „Philosophie Positive", посвященныхъ этому вопросу, и сохраняющія и теперь полное значеніе. „Раздѣлъ всей области доступнаго уму знанія между методомъ метафизическимъ и методомъ положительнымъ, предложенный Декартомъ и до сихъ поръ служившій основой для притязаній психологовъ, былъ только безотчетной уступкой духу времени и результатомъ полученнаго воспитанія. Такой радикальный антагонизмъ не вяжется съ нормальнымъ состояніемъ человѣческаго ума". „Послѣдовательные метафизики", продолжаетъ Контъ, „будутъ вынуждены, наоборотъ, по примѣру Де-Местра, требовать подчиненія теолого-метафизическому методу и тѣхъ областей знанія, въ которыхъ уже съ давнихъ поръ свободно утвержденъ методъ положительный". „Очевидная нелѣпость такого исхода несомнѣнно доказываетъ, что дѣлежъ, намѣченный Декартомъ, имѣлъ то важное послѣдствіе, что предоставилъ позитивному методу свободу, необходимую для его развитія до той поры, пока ему стало подъ силу овладѣть и тѣмъ единственнымъ предметомъ, который былъ объявленъ для него запретнымъ, что̀ и случилось

[1]) Курсивъ мой.

въ нашъ вѣкъ" (1837). Ставя свой тезисъ о томъ, что наступило время замѣнить психологію физіологіей мозга, основанной на тщательномъ изученіи локализаціи его отдѣльныхъ функцій, Контъ, не смотря на крайнюю скудость современныхъ ему знаній, оптимистически считаетъ вопросъ этотъ разрѣшеннымъ для умовъ, „стоящихъ на уровнѣ своего вѣка". „Одинъ методъ", продолжаетъ онъ, „смѣняется другимъ не путемъ словопреній, а въ силу свободной конкурренціи, на столько ясно выраженной, что человѣческій разумъ можетъ безповоротно высказать свое предпочтеніе тому изъ нихъ, который сумѣетъ дать успѣшное направленіе относящимся сюда изслѣдованіямъ. Приговоръ уже произнесенъ окончательно и метафизики перешли изъ положенія властвующихъ въ положеніе протестующихъ, по крайней мѣрѣ въ средѣ ученыхъ, которые могли бы и не тревожиться этой безсильной оппозиціей, являющейся признакомъ упадка, еслибъ только она не тормозила умственнаго развитія всего общества".

Задачу, которую великій мыслитель считалъ разрѣшенной въ началѣ девятнадцатаго вѣка, нашему знаменитому ученому во всеоружіи своихъ успѣховъ приходится защищать въ двадцатомъ. Если не оправдался оптимизмъ Конта, то оправдалась его проницательность: то, что не можетъ болѣе тревожить ученыхъ, „продолжаетъ тормозить умственное развитіе общества". Профессоръ Павловъ заключилъ свою рѣчь призывомъ къ московскимъ меценатамъ, приглашая ихъ оказать содѣйствіе такъ успѣшно начатому имъ дѣлу, придти на помощь основанной имъ и уже извѣстной далеко за предѣлами нашей страны научной школѣ. Рѣчь его оказалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Мало того. По какой-то ироніи судьбы газеты вскорѣ оповѣстили, что меценатъ нашелся, явилось крупное пожертвованіе для постройки института, но не для „великаго физіолога земли русской", а для одного изъ московскихъ психологовъ-метафизиковъ—институтъ, который долженъ быть въ вѣдѣніи филологическаго факультета и организованъ по образцу института профессора Вундта. Невольно припоминаются передававшіеся между работавшими въ лабораторіи Гельмгольца отзывы великаго ученаго о Вундтѣ: „можетъ-быть онъ хорошо сдѣлалъ, что перешелъ на психологію; онъ видѣлъ, что физіолога изъ него не выйдетъ". И не является ли этотъ случай новой иллюстраціей къ высказанному мною въ другомъ мѣстѣ мнѣнію о внутренней связи между современнымъ декадансомъ буржуазіи и реставраціей метафизики [1].

К. Тимирязевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

---

[1]) „Насущныя задачи современнаго естествознанія". Съ радостью узналъ я, что

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Тихо, неслышно прошли сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній. Въ обществѣ интересъ къ земскому дѣлу совершенно упалъ. Провинціальныя газеты удѣлили земскимъ собраніямъ бѣглыя, невнятныя строки. Неинтересно... Столбцы газетъ заполнены волнующими извѣстіями о португальской революціи, объ успѣхахъ авіаціи, о новыхъ театральныхъ пьесахъ и такъ далѣе. Конечно, въ нынѣшнихъ земствахъ интереснаго и веселаго мало. Но какъ бы ни были земства сжаты, укорочены и обезлюжены, все же у нихъ на рукахъ осталось громадное хозяйство внутренней крестьянской Россіи. Здѣсь народныя школы, медицина, ветеринарія, агрономія. Все это такія сваи національнаго фундамента, отъ состоянія которыхъ въ значительной степени зависитъ судьба страны. Крѣпнутъ сваи или разрушаются? Впередъ идетъ, не смотря ни на что, крестьянская Россія—или все ползетъ и ползетъ по наклону развала? Заботливое, серьезное обслѣдованіе этихъ вопросовъ составило бы немалую заслугу провинціальныхъ газетъ, и очень жаль, что онѣ, увлекаясь внѣшней городской суетой, удѣляютъ этой области мало времени и вниманія.

Какъ и въ прошломъ году, уѣзднымъ собраніямъ пришлось снова обсуждать телеграмму предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина о предпочтительной помощи отъ земства хуторянамъ и отрубникамъ. Къ хуторской реформѣ правительство, видимо, сохраняетъ прежнее исключительное довѣріе, соединенное съ упрямой увѣренностью въ ея спасительности для деревенской Россіи. Сколько въ прошломъ году ни писали въ журналахъ и газетахъ и сколько уѣздныя и губернскія земства ни постановляли рѣшеній, доказывающихъ, что въ государственномъ и земскомъ смыслѣ было бы неправильно и несправедливо выдѣлять изъ среды всѣхъ плательщиковъ небольшую, искусственную кучку и ей давать исключительную помощь изъ общенародныхъ средствъ,—всетаки глава министерства снова призываетъ земства къ той же антигосударственной несправедливости. Изъ отрывочныхъ газетныхъ извѣстій можно заключить, что многія земства

Москва успѣла отчасти отклонить отъ себя нареканія въ равнодушіи къ дѣйствительнымъ успѣхамъ науки, которыми страна имѣетъ право гордиться. Комитетъ, дѣйствующій на основаніи завѣщанія Леденцова, откликнулся на призывъ профессора Павлова.

отвѣтили теперь на министерскую телеграмму съ меньшей нерѣшительностью и меньшей деликатностью, чѣмъ въ прошломъ году. Изъ Твери сообщаютъ „Русскому Слову“: „По поводу циркулярной телеграммы, съ которой П. А. Столыпинъ обратился къ предводителямъ дворянства, тверской уѣздный предводитель дворянства г. Трубниковъ отвѣтилъ, что тверское уѣздное земство, намѣтивъ рядъ мѣропріятій по улучшенію сельскаго хозяйства, имѣло въ виду содѣйствовать подъему экономическаго состоянія всего населенія уѣзда и не предполагаетъ оказывать преимущественное вниманіе хуторянамъ“. Въ ту же газету телеграфируютъ изъ Вятки: „Уѣздное земское собраніе, заслушавъ телеграфное предложеніе П. А. Столыпина объ оказаніи агрономической помощи хуторянамъ, постановило оказывать помощь вообще всѣмъ крестьянамъ, въ томъ числѣ и хуторянамъ. Выяснилось, что въ Вятскомъ уѣздѣ имѣется всего два крестьянскихъ хутора“. Въ крестьянскомъ вятскомъ земствѣ особенно странной показалась сановная просьба изъ Петербурга объ исключительной заботѣ, посвященной, вѣроятно, двумъ хуторянамъ! Въ симферопольскомъ земскомъ собраніи,—судя по мѣстнымъ газетамъ,—телеграмма П. А. Столыпина вызвала нѣкоторыя пренія. „Гласный Конради указалъ, что это повтореніе прошлогодняго предложенія, и собраніе уже высказало свой взглядъ, что отрубныхъ хозяйствъ въ уѣздѣ мало и земство не видитъ необходимости оказывать помощь однимъ хуторянамъ, а не всему населенію. На это возражалъ гласный М. Е. Серебряковъ: „Въ теченіе послѣдняго времени число хуторскихъ хозяйствъ достигло шестисотъ. Я не согласенъ, что этой формѣ землевладѣнія мы должны оказывать такое же вниманіе, какъ и другимъ. Въ этой новой формѣ землевладѣнія и землепользованія заключаются всѣ надежды на прогрессъ и преуспѣяніе нашего сельскаго хозяйства“. Гласный Муравьевъ поддерживалъ взглядъ В. В. Конради, доказывая, что почвенныя и климатическія условія Крыма не создаютъ благопріятной почвы для индивидуальнаго веденія хозяйства, и индивидуалисты избираютъ путь средній, прибѣгая къ содѣйствію общины. Частновладѣльческихъ земель у насъ сколько угодно, но то, что создается закономъ 9 ноября, у насъ не прививается, и было бы несправедливо, удѣляя хуторянамъ особое вниманіе, поощрять то, что у насъ не прививается. Оставляя принципіальную точку зрѣнія, можно сказать, что одни мѣстныя условія должны насъ удержать отъ этого. Это прекрасно доказывается тѣмъ, что хуторское хозяйство у насъ не прививается, не смотря на то, что этимъ заняты землеустроительныя коммиссіи и крестьянскій банкъ. Намъ нужно остаться при прежнемъ рѣшеніи. В. В. Конради оспариваетъ цифры, приведенныя Серебряковымъ: отрубниковъ и хуторянъ не наберется и

сотни. Серебряковъ предлагаетъ навести справки о положеніи хуторянъ у землеустроительныхъ коммиссій, такъ какъ избранная земствомъ коммиссія, составившаяся изъ противниковъ единоличнаго владѣнія, ничего не сдѣлала для уясненія вопроса. М. К. Муравьевъ протестуетъ противъ отказа отъ своихъ земскихъ органовъ: изберемъ другую земскую коммиссію, если настоящая неудовлетворительна, но не надо спрашивать у землеустроительной коммиссіи. Собраніе помирило спорящихъ: оно приняло предложеніе В. В. Конради повторить прошлогодній отвѣтъ, но въ то же время, согласно предложенію Серебрякова, рѣшило просить землеустроительную коммиссію представить докладъ о положеніи хуторского хозяйства въ уѣздѣ". Изъ этого краткаго газетнаго отчета видно, что указъ 9 ноября внесъ раздоръ не только въ среду крестьянъ, но и въ земскіе круги. Упрямая настойчивость правительства въ хуторской проповѣди видимо вызываетъ въ нѣкоторыхъ земцахъ совершенно обратные результаты: противъ хуторской системы и противъ самихъ хуторянъ начинаютъ чувствовать раздраженіе. Земцы отказываются слѣдить за ходомъ хуторской реформы; земскіе гласные не могутъ даже приблизительно сказать, сколько хуторянъ имѣется въ ихъ собственномъ уѣздѣ, а коммиссія, спеціально избранная для этой цѣли, не выполняетъ своей прямой работы, потому что состоитъ „изъ противниковъ единоличнаго владѣнія". Это говоритъ, конечно, не въ пользу симферопольскихъ земцевъ. Какъ бы ни было, а свое уѣздное хозяйство они должны знать; нѣтъ основаній оказывать хуторянамъ и отрубникамъ исключительное вниманіе, но несправедливо оставлять ихъ совершенно внѣ земской заботы. Они—земскіе плательщики, и на равное съ общинниками попеченіе земства имѣютъ всѣ права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ досада и раздраженіе земцевъ вполнѣ понятны. Это—неизбѣжное слѣдствіе бюрократическаго вмѣшательства въ мѣстную жизнь. Измышленная въ петербургскихъ канцеляріяхъ реформа естественно не прикладывается ко многимъ и разнообразнымъ условіямъ жизни на мѣстахъ. Въ одномъ мѣстѣ хуторская реформа можетъ быть въ томъ или другомъ смыслѣ удобна для введенія въ крестьянскій бытъ, въ другомъ—совершенно неподходяща, въ третьемъ—пріемлема на половину или на треть, съ различными приспособленіями къ мѣстнымъ условіямъ. Земскимъ работникамъ, разумѣется, должно быть досадно, что изъ Петербурга, ничего не видя и многаго не понимая, учатъ ихъ земскому хозяйству на придуманныхъ циркулярныхъ началахъ.

Какъ и въ прошломъ году, нѣкоторыя земства примѣнили хитроумный выходъ изъ положенія, созданнаго телеграммой П. А. Столыпина. „Псковское уѣздное собраніе признало необходимость планомѣрныхъ и обширныхъ агрономическихъ мѣропріятій, если прави-

тельство дастъ ссуду въ 44.000 рублей, о чемъ и постановлено по телеграфу сообщить П. А. Столыпину". Въ такомъ же родѣ рѣшеніе владимірскаго уѣзднаго собранія. Оно послало двѣ телеграммы: въ одной выражаетъ готовность „идти на встрѣчу правительственнымъ мѣропріятіямъ", въ другой же сообщаетъ, что собраніемъ постановлено „учредить агрономическую участковую организацію въ четыре участка, если ходатайство земства предъ правительствомъ о принятіи на счетъ казны половины расходовъ на агрономовъ будетъ удовлетворено".

Не рискуя большой ошибкой, можно сказать, что надежда на щедрыя казенныя субсидіи значительно повліяла и на рѣшенія тѣхъ земствъ, которыя безъ оговорокъ выразили почтительное сочувствіе казенно-земельной реформѣ. Въ крестьянскомъ населеніи, помимо хуторскихъ и отрубныхъ тенденцій, за послѣдніе годы обнаружился широкій интересъ къ совѣтамъ и опытамъ ученой агрономіи. Земства—и правыя, и прогрессивныя—охотно пошли навстрѣчу запросамъ деревни. Но такъ какъ обычная скудость земскихъ кассъ не позволяла дѣлать большихъ шаговъ на этомъ пути, то правительственное увлеченіе земельной политикой явилось очень кстати. Правительство охотно даетъ деньги на агрономовъ и агрономическіе опыты, полагая, что все это очень способствуетъ излюбленной хуторской реформѣ; земства охотно берутъ казенныя деньги, а населеніе—и хуторяне, и отрубники, и общинники, которыхъ почти вездѣ подавляющее большинство, — съ охотой пользуются совѣтами агрономовъ, слушаютъ ихъ разъѣздныя лекціи, присматриваются къ опытнымъ полямъ, покупаютъ на льготныхъ условіяхъ изъ земледѣльческихъ складовъ сѣмена, плуги и другія орудія. Эта сторона правительственнаго увлеченія земельной реформой, несомнѣнно, приноситъ населенію косвенную, но значительную пользу. Даже изъ такихъ, напримѣръ, краткихъ газетныхъ сообщеній видно, что въ этой области жизнь идетъ довольно бойко впередъ: „Въ Мамадышскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, работа земскаго склада сельско-хозяйственныхъ орудій быстро возросла. За первую половину 1910-го года продано орудій на 12,538 рублей, т.-е. больше, чѣмъ за весь прошлый годъ. Какъ и повсюду, собраніе ходатайствуетъ о правительственной ссудѣ". Есть губерніи въ родѣ Самарской, о которой мѣстные люди съ гордостью говорятъ, что въ ней за послѣдніе годы въ крестьянскомъ хозяйствѣ произошелъ цѣлый переворотъ. Вѣковая соха почти исчезла съ крестьянскихъ полей; земство наводнило губернію усовершенствованными плугами, и крестьянство вообще втягивается постепенно въ иной, улучшенный ходъ полевого хозяйства. Конечно, Самарская губернія не представляетъ особаго исключенія въ ряду другихъ. Тѣмъ или другимъ темпомъ жизнь

въ этомъ смыслѣ почти вездѣ во внутренней Россіи идетъ впередъ. Нѣкоторыя земства не пожелали, даже и въ чаяніи правительственной помощи, прикрывать, въ отвѣтѣ на телеграмму П. А. Столыпина, широкое значеніе земской агрономіи независимо отъ хуторскихъ и отрубныхъ опытовъ. Рязанское земство, напримѣръ, отвѣтило министерству: „Земство вполнѣ сознаетъ необходимость оказанія широкой агрономической помощи всему сидящему на землѣ населенію. Подтверждая прошлогоднее постановленіе управы по тому же вопросу, которымъ признано необходимымъ оказывать агрономическую помощь одинаково какъ лицамъ, оставшимся при общинномъ владѣніи, такъ и перешедшимъ къ хуторскому хозяйству, земство, для удовлетворенія все возростающей нужды въ агрономическихъ мѣропріятіяхъ, только-что приняло проектъ введенія въ уѣздѣ участковой агрономіи, по которому, взамѣнъ одной существующей должности агронома, учреждаются четыре. Кромѣ того, земство осуществляетъ и другія мѣропріятія — устраиваетъ зерноочистительные пункты и т. д. Земство охотно пойдетъ навстрѣчу широкому развитію мелкаго кредита для улучшенія крестьянскихъ жилищъ и приданія имъ огнестойкости".

Рязанское земство представляетъ не исключеніе, а, такъ сказать, норму нынѣшняго земскаго настроенія. Многія уѣздныя земства идутъ по тому же пути. Тамъ, гдѣ лѣтъ пять назадъ на весь уѣздъ съ трудомъ держали одного земскаго агронома, мрачно косясь на него, теперь вводится участковая агрономія, т.-е. въ уѣздѣ уже водворяется по четыре, по шести агрономовъ. И, кажется, правыя земства работаютъ въ этомъ направленіи ретивѣе прогрессивныхъ. Получается нѣсколько странная и на первый взглядъ загадочная картина: вѣковѣчные противники — крестьяне и помѣщики — нашли неожиданную точку соприкосновенія для совмѣстной работы. Почему-то оба міра—и крестьянскій, и помѣщичій — почувствовали интересъ и довѣріе къ агрономіи. Между тѣмъ эта странность представляется естественнымъ послѣдствіемъ недавней революціи. Практическій умъ мужика изъ всѣхъ пережитыхъ потрясеній и пораженій вынесъ, видимо, одно прочное убѣжденіе: нельзя больше въ темнотѣ жить, надо учиться, всему учиться. А такъ какъ подъ рукой оказалась агрономія, то деревня взялась и за агрономію. Для помѣщиковъ революція вынесла другой урокъ: крестьянинъ оголодалъ и озлобился на своей тощей, постылой землѣ. Онъ не перестанетъ смотрѣть на сосѣдскую помѣщичью землю жадными, полными вражды глазами. Надо найти способъ прикрѣпить мужика къ его крестьянской землѣ, заставить его полюбить ее и сдѣлать эту тощую землю плодородной и достаточной для удовлетворенія аппетита жаднаго мужика. Такимъ образомъ народилась сначала казенная мечта въ видѣ указа 9-го ноября, который долженъ

былъ научить мужика сладкому сознанію собственности, а рядомъ съ ней явилась и вторая, общепомѣщичья мечта—научить мужика, посредствомъ агрономіи, брать отъ земли богатые урожаи. Тутъ кстати явились легенды о трудолюбивыхъ китайцахъ, которые выдѣлываютъ со своей землей чудеса, получаютъ урожаи самъ-триста, самъ-четыреста и съ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ саженъ собираютъ злаковъ больше, чѣмъ наши неразумные мужики съ нѣсколькихъ десятинъ. Выплыли на общественную сцену краснорѣчивые проповѣдники волшебной грядковой культуры. Принялись ахать надъ глупостью русскаго мужика, который имѣетъ „слишкомъ много“ земли и, по своему невѣжеству, нищенствуетъ около несмѣтнаго богатства. Наивными бываютъ не только отдѣльные люди: въ наивность могутъ впадать цѣлые общественные классы. Наивной можетъ быть цѣлая историческая полоса. И вотъ, такой наивный періодъ земельной политики суждено пережить теперь Россіи. Наивность заключается не въ частной собственности и не въ грядковой культурѣ; на своемъ мѣстѣ можетъ быть превосходна и грядковая культура. Наивность—въ томъ, что по кабинетному измышленію, не считаясь ни съ историческими, ни съ государственными, ни съ національными, ни съ климатическими условіями, хотятъ совершить крутой переворотъ въ народномъ хозяйствѣ. Китаецъ сдѣлался китайцемъ не сразу, а въ теченіе вѣковъ, подъ вліяніемъ китайскихъ условій жизни. Русскій крестьянинъ въ теченіе вѣковыхъ условій своей жизни сдѣлался тѣмъ, что онъ теперь собою представляетъ. И сдѣлать его похожимъ на китайца, можетъ-быть, и можно, но не сразу и не такъ просто... Наивны также старанія нѣкоторыхъ правыхъ помѣщиковъ убѣдить мужиковъ, что много земли имѣть вредно, въ то время какъ они сами крѣпко держатся за свои тысячи десятинъ, не считая ихъ для себя вредными и всячески обороняясь отъ призраковъ отчужденія. Младенческая вѣра въ младенческую глупость мужика... И всетаки повальное увлеченіе агрономіей, вѣроятно, ничего кромѣ значительной пользы не принесетъ крестьянской Россіи. Если агрономы не создадутъ изъ мужика китайца или излюбленнаго правительствомъ хуторянина-собственника, то потокъ спеціальныхъ знаній и спеціальнаго научнаго опыта, пролившійся въ деревню, дастъ иные результаты, естественные и благотворные. Жизнь сумѣетъ приспособить къ своимъ нуждамъ научную агрономическую помощь, помимо казенно-сословныхъ подсказовъ и подталкиваній.

Кромѣ агрономіи, правительство стало въ послѣднее время поощрять начальное народное обученіе, давая многимъ земствамъ съ этой цѣлью значительныя субсидіи. Казенныя деньги упали какъ оживляющій дождь на нѣкоторыя земскія нивы. Въ балашовскомъ

земскомъ собраніи предсѣдатель смѣтной коммиссіи, Н. Н. Львовъ, говорилъ: „Обороты земства быстро расширились, увеличились. Недавно намъ приходилось учитывать каждую копейку, теперь же мы имѣемъ значительныя средства, даже избытокъ. И мы, считаясь съ запросами населенія, должны умѣло ихъ использовать. Требованія жизни растутъ. Большой спросъ на школы; нужно больничное строительство“. Предсѣдатель управы К. Б. Веселовскій обрисовалъ цифрами состояніе земскаго хозяйства: „Смѣта увеличена на 30 процентовъ и достигла милліонной суммы. На слѣдующій годъ увеличеніе предполагается еще большее — на 553 тысячи рублей, т.-е. она достигнетъ 1.300.000 рублей. Ростъ смѣты объясняется тѣмъ, что правительство стало приходить на помощь земству; напримѣръ, министерство народнаго просвѣщенія дало пособіе въ 140 тыс. руб., министерство земледѣлія—около 15 тыс. рублей. Обороты земской кассы мелкаго кредита на текущій годъ предполагались въ 30 тыс., теперь же предположены въ 140 тыс. руб.; обороты сельско-хозяйственнаго склада въ прошломъ году предполагались въ 190 тыс. руб., въ текущемъ году они достигли 400 тыс. рублей, на будущій годъ они будутъ равны 425 тыс. руб.“. Конечно, не одно балашовское земство попало въ такое счастливое положеніе. Во многихъ земствахъ дѣло начальнаго обученія сильно двинулось впередъ, приближаясь ко всеобщему. Однако нужно отмѣтить, что имѣются почему-то и обойденныя земства. Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ вольской уѣздной управы, прочитанномъ въ собраніи, есть такія строки: „По принятому вольскимъ земствомъ министерскому проекту о всеобщемъ обученіи, земство должно было построить въ 1909 и 1910-мъ годахъ 29 школъ, съ 51 комплектомъ. По неотпуску министерствомъ средствъ открыта только одна школа“. И это въ одной и той же Саратовской губерніи! Одно уѣздное земство, благодаря щедротамъ казны, имѣетъ въ средствахъ „даже излишекъ“, другое—въ два года не могло ничего получить изъ обѣщанныхъ на школы суммъ. Очевидно, въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ царитъ по прежнему значительный сумбуръ.

Если петербургскіе циркуляры, при всемъ ихъ реформаторскомъ жарѣ, оказываютъ слабое или смутное вліяніе на крестьянскій бытъ, то есть среда, въ которой тѣ же циркуляры производятъ магическое, почти чудотворное дѣйствіе. Въ прошломъ году, послѣ циркулярной телеграммы П. А. Столыпина, чуть ли не всѣ губернаторы мгновенно превратились въ ревностныхъ агрономовъ и произносили при открытіи земскихъ собраній вдохновенныя агрономическія рѣчи, поучая изумленныхъ сельскихъ хозяевъ, какъ нужно правильно сѣять рожь и пшеницу. Въ нынѣшнемъ году инспектора народныхъ училищъ также внезапно сдѣлались ревностнѣйшими проповѣдниками

военной гимнастики и шагистики. „Саратовскій Листокъ" даетъ, напримѣръ, такой отчетъ о вольскомъ земскомъ собраніи, гдѣ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ ярко проявилъ свое новое увлеченіе. „Читается длинный докладъ управы о введеніи въ сельскихъ школахъ Вольскаго уѣзда обученія гимнастикѣ и военному строю. Озабочиваясь проведеніемъ въ школьную жизнь опредѣленно-выраженной Высочайшей воли и встрѣчая на пути къ достиженію указанной цѣли недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, инспекторъ народныхъ училищъ проситъ земскую управу, не найдетъ ли она возможнымъ внести въ смѣту расходовъ по народному образованію на 1911-ый годъ необходимую сумму на преподаваніе военнаго строя и гимнастики въ начальныхъ земскихъ и министерскихъ училищахъ уѣзда. Сверхъ того, инспекторъ высказалъ въ своемъ докладѣ слѣдующее соображеніе. Занятія гимнастикой должны происходить на открытомъ воздухѣ, въ продолженіе всего теплаго времени весною, осенью и лѣтомъ. Длинное вакаціонное время въ начальныхъ школахъ настолько утомительно и однообразно, и досуга въ это время, особенно въ межработицу и по частымъ праздничнымъ днямъ, такъ много, что представляется полная возможность утилизировать это время для обученія строю и гимнастикѣ. Въ видахъ болѣе широкаго осуществленія этого полезнаго дѣла и въ цѣляхъ придать ему наибольшую практическую жизненность, можно, съ согласія лицъ, причастныхъ къ обученію, приглашать къ совмѣстнымъ занятіямъ и подростковъ, бывшихъ школьниковъ, и даже небывшихъ школьниковъ, лишь бы молодые люди не приносили вреда своимъ участіемъ. Въ школьныхъ отрядахъ должна быть введена дисциплина, а послѣ занятій необходимо производить смотры, для чего можно ходатайствовать передъ военнымъ начальствомъ о командированіи офицеровъ изъ мѣстныхъ войскъ. Земская управа, докладывая о вышеизложенномъ земскому собранію, доводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ до свѣдѣнія, что къ очередному собранію разработать столь важнаго вопроса управа не успѣла, и проситъ собраніе передать разработку этого вопроса въ училищную коммиссію совмѣстно съ вольской земской управой. *Графъ Уваровъ.* Конечно. Необходимо передать въ коммиссію. Пусть министерство устроитъ эту самую гимнастику. По моему мнѣнію, устроить ее невозможно. Но... ничего. Пусть дастъ намъ образецъ. Мы на слѣдующемъ очередномъ собраніи его разсмотримъ. *Инспекторъ Павленко.* Подобная передача равносильна отказу. Я бы попросилъ господъ гласныхъ высказаться. Въ данное время всѣ ученые авторитеты Востока и Запада пришли къ единогласному выводу о пользѣ гимнастики. Ждать съ этимъ дѣломъ нельзя. Необходимо приступать немедленно. Министерство не можетъ вводить обученіе строю на свои деньги. Для этого потребовались бы милліоны.

Слѣдовательно, необходимо обратиться къ мѣстнымъ средствамъ. Если этого не будетъ, я прямо, въ исполненіе Высочайшей воли, долженъ завести обученіе гимнастикѣ на свои средства. Всѣ авторитеты науки, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, пришли къ общему выводу, что школа должна давать не только образованіе. Чему учитъ наша школа? Писать, читать, ну, скажемъ, немного ариѳметикѣ. Но это не важно. Важно воспитаніе. А воспитаніе состоитъ въ возбужденіи и сохраненіи патріотическаго чувства. Эта стройная маршировка, эти флаги, развѣвающіеся по воздуху, это пѣніе военныхъ пѣсенъ! Все это должно въ высокой степени развивать патріотическое чувство. Рѣшительно заявляю, что я долженъ буду устроить обученіе на свой собственный счетъ. *Графъ Уваровъ.* Гимнастику то вводили, то опять уничтожали. По моему, вводить эту гимнастику въ теперешней русской школѣ совершенно безцѣльно и не нужно. Приглашать какихъ-то неизвѣстныхъ унтеровъ. Они будутъ пьянствовать, да еще, пожалуй, бить дѣтей, вотъ и все. Какая гимнастика на воздухѣ въ нашемъ климатѣ, да когда зимой три четверти ребятъ бѣгаетъ въ школу въ отцовскихъ полушубкахъ и безъ валенокъ? А лѣтомъ крестьянскимъ ребятишкамъ приходится дѣлать такую всестороннюю гимнастику, о которой авторитеты западной и восточной науки врядъ-ли имѣютъ понятіе. Цѣлыми днями они косятъ, сгребаютъ сѣно, жнутъ, убираютъ и пасутъ скотину, боронуютъ. Въ праздникъ имъ врядъ отдохнуть да хоть выкупаться. *Инспекторъ Павленко.* Нужно развивать патріотическое чувство, отвратить грядущую бѣду, предупредить преступленія. Нужно вспомнить о гибели нашего флота, объ японской войнѣ. *Графъ Уваровъ.* Право, не понимаю, при чемъ тутъ флотъ и японская война. Деревенскимъ дѣтямъ прежде всего необходимо, чтобы ихъ накормить досыта". Послѣ преній собраніе единогласно постановило передать вопросъ въ коммиссію, т.-е., иными словами, деликатно отклонило настойчивую просьбу инспектора. Петровское уѣздное собраніе (Саратовской губерніи) также отклонило предложеніе о введеніи обученія гимнастикѣ и военному строю. Но въ нѣкоторыхъ земствахъ вопросъ повернулся иначе, такъ какъ его сумѣли обставить поискуснѣе. Корреспондентъ „Южнаго Края" разсказываетъ о полтавскомъ земскомъ собраніи: „Достойно быть отмѣченнымъ предложеніе правыхъ гласныхъ о введеніи въ земскихъ школахъ уѣзда обученія военному строю. Застрѣльщикомъ выступилъ извѣстный лидеръ правыхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, непремѣнный членъ губернской землеустроительной коммиссіи К. А. Невіандтъ. Ссылаясь на успѣхи бахмутскаго инспектора народныхъ училищъ Луцкевича, гласный настойчиво рекомендовалъ чуть-ли не всѣхъ школьниковъ уѣзда превратить въ по-

тѣшное войско. Управа, въ лицѣ предсѣдателя Е. П. Ганько, энергично возражала. Но ни голосъ предсѣдателя, бывшаго военнаго офицера, ни протестующій голосъ другого гласнаго-военнаго не помогли. Гласный Невіандтъ доказывалъ, что обученіе школьниковъ военному строю и патріотично, и ведетъ ко благу родины, и, конечно, никто изъ гласныхъ не осмѣлился баллотировать противъ „патріотизма". Неудовольствіе гласныхъ вызвалъ слѣдующій неудобный пріемъ гласнаго Невіандта, поставившаго втупикъ гласныхъ, особенно изъ крестьянъ. Когда Невіандтъ увидѣлъ, что собраніе склоняется къ провалу его предложенія о „потѣшныхъ", онъ обратился главнымъ образомъ къ гласнымъ-крестьянамъ и сказалъ: „Луцкевичъ получилъ Высочайшее одобреніе обученія школьниковъ военному строю, и вы, господа, сомнѣваетесь въ цѣлесообразности этого патріотическаго метода воспитанія?" Послѣ этихъ словъ, какъ намъ заявили гласные, многіе считали для себя неудобнымъ баллотировать противъ потѣшныхъ. На приглашеніе инструкторовъ ассигновано 1.500 рублей въ годъ. Инструкторовъ предположено вербовать изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей".

Итакъ, новая петербургская мечта, опыты съ которой будутъ производиться по всей Россіи: превратить сиволапое крестьянство въ строевиковъ и патріотовъ. Мечта эта, впрочемъ, не новая. Помнится, мнѣ самому, лѣтъ двадцать тому назадъ, приходилось маршировать на школьномъ дворѣ подъ команду унтера, который потѣшалъ насъ своими восклицаніями: „Ать, два! Отставить! Вопять сначала!" и т. д. Кромѣ потѣхи, ничего тогда во всѣхъ школахъ не вышло изъ этой затѣи, и въ этомъ смыслѣ были мы всѣ, дѣйствительно, „потѣшные". Теперь, видимо, хотятъ приняться за тотъ же опытъ съ большей энергіей. Но результаты будутъ, вѣроятно, такіе же „потѣшные". И даже съ инспекторовъ народныхъ училищъ, навѣрное, усердіе быстро соскочитъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, съ ними серьезно спорить и доказывать, что даже для военныхъ цѣлей въ двадцатомъ вѣкѣ съ одной шагистикой далеко не уйдешь. И какъ разъ японская война дала намъ въ этомъ смыслѣ жестокій урокъ. Пока наши безграмотные солдаты безпомощно бродили среди маньчжурскаго гаоляна да по цѣлымъ мѣсяцамъ не могли научиться стрѣлять изъ пушекъ новаго образца, японскіе солдаты дѣйствовали съ планами въ карманахъ, съ подготовкой и точнымъ разсчетомъ. Культура и наука даютъ теперь народамъ побѣдное оружіе на мирномъ и на бранномъ полѣ, а не шагистика. Конечно, отлично знаютъ это и инспектора народныхъ училищъ, но, памятуя счастливую карьеру инспектора Луцкевича, съ паѳосомъ, да какъ можно погромче, чтобы въ Питерѣ слышали,

говорятъ на земскихъ собраніяхъ о чрезвычайной и спасительной важности военной гимнастики и военнаго строя.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Похороны С. А. Муромцева, какъ „признакъ времени".—Засѣданіе 15-го октября въ Государственной Думѣ.—Результаты „охранной политики" (Москва, Кіевъ) и новый ея манифестъ (Нижній Новгородъ).—Юбилей „академическаго союза" и рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Правила о сектантскихъ собраніяхъ.—Начало думскихъ преній о начальной школѣ.—Юбилей П. Д. Боборыкина.

Съ тѣхъ поръ, какъ проснулась въ Россіи общественная жизнь, погребеніе тѣхъ, кто высоко поднимался надъ среднимъ уровнемъ и оставилъ глубокій слѣдъ въ народномъ сознаніи, получаетъ характеръ событія и соединяетъ въ одномъ чувствѣ, хотя бы на нѣсколько часовъ, толпы людей, въ другое время идущихъ каждый своей дорогой. И по мѣрѣ того, какъ растетъ и ширится интересъ къ общему дѣлу, увеличивается значеніе немногихъ моментовъ, заставляющихъ забыть о мелкой злобѣ дня, о будничной прозѣ. Въ первый разъ, если мы не ошибаемся, обычный типъ похоронной процессіи, съ участіемъ однихъ только родственниковъ и знакомыхъ покойнаго, былъ нарушенъ полвѣка тому назадъ, когда умеръ геніальный актеръ Мартыновъ. Годъ спустя за гробомъ Добролюбова слѣдовали, вмѣстѣ съ сотрудниками его и друзьями, поклонники его идей и его таланта. Время было мрачное, смутное; понимавшихъ всю тяжесть понесенной потери было сравнительно немного; но въ памяти тѣхъ, кто пережилъ этотъ пасмурный ноябрьскій день 1861-го года, осталось ощущеніе чего-то новаго, небывалаго въ Россіи. Не большею задушевностью, но гораздо большею торжественностью отличались, шестнадцать лѣтъ спустя, похороны Некрасова. Еще величественнѣе было зрѣлище, представленное похоронами Достоевскаго (1881), Тургенева (1883), Салтыкова (1889). Что-то особенное, предвѣщавшее бурю, носилось въ воздухѣ во время похоронъ Шелгунова (1891). У всѣхъ еще свѣжо въ памяти впечатлѣніе, произведенное погребеніемъ кн. Сергѣя Трубецкого (1905). При похоронахъ С. А. Муромцева повторилась та же картина, но, по видимому, въ размѣрахъ еще болѣе широкихъ. Напрасны усилія услужливыхъ перьевъ уменьшить важность того, что происходило въ Москвѣ въ знаменательный день 7-го октября. Нельзя въ

какіе-нибудь два дня поставить на ноги цѣлый городъ, нельзя создать настроеніе, поражавшее именно своимъ единодушіемъ, исключавшее всякую мысль о разогрѣваніи или поддѣлкѣ. Въ погребальной процессіи не было ничего внѣшне-привлекательнаго, тѣшащаго слухъ или зрѣніе; не было ни музыки, ни знаменъ, ни блестящихъ мундировъ. Чтобы ожидать ее на улицѣ въ теченіе цѣлыхъ часовъ или идти за нею черезъ всю Москву, недостаточно было простого любопытства: нужно было сердечное уваженіе къ почившему—или сочувствіе тому, что̀ составляло смыслъ его жизненной работы. Въ большинствѣ случаевъ, дѣйствовало, переплетаясь въ разныхъ сочетаніяхъ, и то, и другое. Благодаря первому, похороны С. А. Муромцева не были демонстраціей изъ числа тѣхъ, при которыхъ имя даннаго лица отступаетъ на задній планъ, мало кого интересуетъ, мало даже кому извѣстно; благодаря послѣднему, онѣ получили символическій характеръ и служатъ признакомъ времени.

Воспоминаніямъ о С. А. Муромцевѣ посвящены другія страницы въ настоящей книжкѣ нашего журнала; мы коснемся здѣсь только одной стороны его жизни. Его выдающіяся умственныя силы признаютъ всѣ, даже его противники—за исключеніемъ тѣхъ, которые не постыдились бросать грязь на его свѣжую могилу, загрязняя, конечно, только самихъ себя. Между тѣмъ, сколько разъ онъ былъ удаляемъ съ дороги, на которую его влекло призваніе, на которой онъ могъ сослужить государству и народу самую полезную службу! Превосходный профессоръ, любимый и уважаемый слушателями, возведенный товарищами, не смотря на молодые годы, на отвѣтственный постъ проректора, онъ вытѣсняется изъ университета, на основаніи какихъ-то закулисныхъ обвиненій, безъ предоставленія ему возможности сказать что-либо въ свое оправданіе. Онъ старается найти суррогатъ каѳедры въ юридическомъ обществѣ, вкладываетъ массу труда въ веденіе засѣданій и въ изданіе органа общества; его дѣятельность въ этой области сначала урѣзываютъ на половину, подчиняя „Юридическій Вѣстникъ“ предварительной цензурѣ и обрекая его тѣмъ самымъ на добровольную смерть—а потомъ прекращаютъ ее вовсе, закрывая, изъ-за самаго ничтожнаго повода, юридическое общество. Для Муромцева остается открытой только адвокатура, и онъ быстро занимаетъ въ ней видное мѣсто; но не къ ней тяготѣла его природа, и онъ увеличиваетъ собою число тѣхъ адвокатовъ malgré eux, которыхъ немало у насъ создалъ старый режимъ. Одною изъ особенностей этого режима было вообще неумѣнье или нежеланье ставить the right men in the right places, предоставлять каждому свободу дѣйствія именно тамъ, гдѣ онъ могъ бы всего шире развернуть свои дарованія. По истинѣ неисчислимо количество силъ, именно

потому не нашедшихъ примѣненія, напрасно растраченныхъ, безслѣдно угасшихъ. Всѣмъ памятна судьба Сперанскаго, Николая Милютина, кн. Черкасскаго, Пирогова (какъ государственнаго дѣятеля), Головнина, Виктора Арцимовича, Лорисъ-Меликова; всѣмъ понятно значеніе потерь, понесенныхъ высшей школой въ лицѣ Кавелина, Спасовича, Пыпина, Костомарова, Драгоманова, Дмитріева, Чичерина; но это только небольшая часть именъ, которыя могли бы быть внесены въ синодикъ своеобразнаго россійскаго мученичества. Теперь старое преданіе воскресло въ новой, еще худшей формѣ. Уже не отдѣльныя лица, а цѣлыя категоріи лицъ систематически устраняются отъ дѣятельности, составляющей ихъ настоящее призваніе — дѣятельности, благодаря которой ихъ жизнь могла бы быть счастливой и полной, а государство могло бы пріобрѣсти или сохранить немало преданныхъ и способныхъ работниковъ. Неудачно редактированная и тенденціозно истолкованная статья закона закрываетъ доступъ въ Государственную Думу, въ земство, въ городское общественное управленіе не только для тѣхъ, кто подвергся, по суду, ограниченію политическихъ и гражданскихъ правъ, но и для тѣхъ, кто *могъ* подвергнуться ему, потому что обвинялся въ проступкѣ, *иногда* влекущемъ за собою подобное ограниченіе. Можно подумать, что у насъ талантами и знаніями мощены улицы, что предложеніе ихъ далеко превышаетъ спросъ и для бережнаго отношенія къ нимъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія— тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ этой сферѣ наблюдается скорѣе бѣдность, чѣмъ богатство. Однимъ процессомъ выбрасываются за бортъ десятки людей, которыми дорожила бы всякая другая страна, которыхъ даже нашъ современный судъ не нашелъ достойными суровой кары. Еслибы не пресѣклась преждевременно жизнь Муромцева, онъ все же былъ бы потерянъ, на неопредѣленное число лѣтъ, для активной политики, какъ потеряны для нея многіе изъ лучшихъ ораторовъ первой Государственной Думы, многіе земскіе и общественные дѣятели, заслуги которыхъ стоятъ внѣ всякаго спора. Намъ кажется, что смерть Муромцева должна напомнить о необходимости пересмотрѣть роковой пунктъ 1-ый ст. 10-ой положенія о выборахъ въ Государственную Думу—необходимости, сознанной даже октябристами, когда думское большинство признало А. М. Колюбакина потерявшимъ право на званіе члена Думы. Трудно предположить, конечно, чтобы такой пересмотръ привелъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, къ желанной цѣли: ему не преминуло бы помѣшать большинство Государственнаго Совѣта. Нравственное обязательство Думы сохраняетъ, тѣмъ не менѣе, всю свою силу: она должна протестовать противъ порядка, санкціонирующаго вопіющую несправедливость. Нельзя примириться съ закономъ, при дѣйствіи котораго человѣкъ, вышедшій изъ суда безъ вся-

каго ущерба для своей правоспособности, является, de facto, политически безправнымъ.

Символическое значеніе похоронъ Муромцева можно выразить немногими словами: это была какъ бы реабилитація первой Государственной Думы. Для многихъ, конечно, въ такой реабилитаціи не было надобности. Кто слѣдилъ безпристрастно за дѣятельностью первой Думы, кто не перешелъ, вслѣдъ за ея роспускомъ, на сторону побѣдителей, кто умѣлъ разобраться въ обвиненіяхъ, обрушившихся на побѣжденныхъ, тотъ составилъ себѣ и раньше точное понятіе о мѣстѣ, какое долженъ занять въ нашей исторіи первый опытъ народнаго представительства; но можно было думать, что взглядъ меньшинства не совпадаетъ съ впечатлѣніемъ, оставшимся въ широкихъ массахъ. Теперь стало ясно, что разница между тѣмъ и другимъ во всякомъ случаѣ невелика. Это не значитъ, что всецѣло одобряется все сдѣланное, предпринятое или намѣченное первой Думой. Не настолько распространено всестороннее знакомство съ ея дѣятельностью, не настолько и единодушна оцѣнка наиболѣе важныхъ ея моментовъ: разногласія здѣсь всегда были и всегда будутъ. Мы имѣемъ въ виду только *настроеніе*, которое чувствовалось съ самой первой вѣсти о смерти Муромцева и съ яркостью, не оставляющею мѣста для сомнѣній, выразилось въ день его похоронъ. Первая Дума дорога многимъ, очень многимъ — дорога, во-первыхъ, своимъ составомъ, во-вторыхъ своей программой. Ея составъ давалъ хотя и неполную, но, въ главныхъ чертахъ, вѣрную картину населенія имперіи, со всѣми его народностями, со всѣми его сословіями и классами, со всѣми существующими въ немъ теченіями. До извѣстной степени то же самое можно сказать и о составѣ второй Думы; но въ немъ больше были замѣтны посторонній, случайныя вліянія, коренившіяся, съ одной стороны, въ разъясненіяхъ Сената, съ другой — въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за роспускомъ первой Думы. Не со второй Думой, притомъ, невольно сравниваютъ первую, а съ третьей — и это сравненіе чрезвычайно выгодно для первой Думы. Пробѣламъ и искусственнымъ комбинаціямъ, создавшимъ право-октябристское большинство, естественно противополагается избирательная система, меньше шедшая въ разрѣзъ съ жизнью, меньше расходившаяся съ условіями и предпосылками истинно народнаго представительства. Что касается до программы, выставленной первою Думою въ отвѣтѣ на тронную рѣчь, то и ее освѣщаетъ новымъ свѣтомъ дѣятельность третьей Думы. Поразителенъ контрастъ между тѣмъ, что считала нужнымъ сдѣлать Дума 1906-го года, и тѣмъ, что сдѣлано—и не сдѣлано—Думой 1907-10 гг. Поразителенъ контрастъ между смѣлымъ, но необходимымъ движеніемъ впередъ — и робкимъ

топтаніемъ на одномъ мѣстѣ, переходящимъ, по временамъ, въ прямое отступленіе.

Съ точки зрѣнія, только что установленной нами, понятнымъ становится происшедшее въ Думѣ въ засѣданіи 15-го октября. Торжествующее большинство не могло и не можетъ питать къ предсѣдателю первой Думы иныхъ чувствъ, кромѣ вражды, упорной и рѣзкой у однихъ, болѣе или менѣе смягченной у другихъ, но идущей изъ одного и того же источника. Тѣнь первой Думы лежитъ на ея преемникахъ; воспоминаніе о ней служитъ имъ невольнымъ упрекомъ—а между этимъ воспоминаніемъ и именемъ Муромцева существуетъ неразрывная связь. Конечно, именно отсюда если не все большинство, то болѣе умѣренные его элементы могли бы вывести заключеніе иного рода, чѣмъ то, на которомъ они остановились: они могли бы сказать, что смерть обезоруживаетъ, примиряетъ, заставляетъ забыть о былой непріязни и помнить только достоинства противника. Придти къ такому заключенію было, казалось, тѣмъ легче, что никто не требовалъ и не ожидалъ отъ Думы похвальнаго слова Муромцеву; рѣчь шла только о безмолвномъ знакѣ уваженія къ его памяти, въ какомъ никогда не отказываютъ преемники—предшественнику, работавшему на той же почвѣ. Не только крайніе правые, но и націоналисты не захотѣли, однако, понять, чего требовали отъ нихъ обстоятельства. Оставляя въ сторонѣ заявленіе, поданное предсѣдателю Думы представителями крайнихъ правыхъ—заявленіе, содержаніе и форму котораго предугадать нетрудно,—посмотримъ, какъ мотивировала свою рѣшимость партія націоналистовъ. Почитаніе со стороны Думы памяти Муромцева являлось бы, по ея словамъ, „актомъ противогосударственнымъ. Дума могла бы почтить память усопшаго или какъ предсѣдателя первой Государственной Думы, или какъ политическаго дѣятеля. Между тѣмъ дѣятельность первой Государственной Думы, а потому, конечно, и ея руководителя-предсѣдателя, была признана явно незаконной съ высоты Престола, во всенародно объявленномъ Высочайшемъ манифестѣ отъ 9-го іюля 1906 года, политическая же дѣятельность С. А. Муромцева въ частности была признана преступной судебною властью, вынесшею по этому поводу приговоръ, вошедшій въ законную силу и приведенный въ исполненіе. Такимъ образомъ, еслибы Государственная Дума, будучи законодательнымъ учрежденіемъ, какимъ-либо актомъ выразила иное отношеніе къ явно незаконной и преступной дѣятельности С. А. Муромцева, то тѣмъ самымъ Государственная Дума вступила бы на путь посягательства на прерогативы Верховной власти и подорвала бы авторитетъ суда".—Въ громкихъ и „страшныхъ" словахъ здѣсь нѣтъ недостатка, но они не усиливаютъ выраженной въ нихъ мысли. Одно дѣло—оцѣнка учрежденія подъ угломъ зрѣнія такъ или

иначе понимаемыхъ требованій минуты; другое дѣло—отношеніе къ нему, когда, говоря словами поэта, для него „настаетъ потомство". Одно дѣло—задача суда, имѣющаго передъ собою опредѣленный конкретный фактъ и обязаннаго приложить къ нему столь же опредѣленную статью закона; другое дѣло—задача общества передъ только что закрытой могилой. Первая Дума была распущена, приговоръ надъ подписавшими выборгское воззваніе былъ постановленъ и исполненъ; и то, и другое стало достояніемъ исторіи и не можетъ быть разсматриваемо какъ злоба дня. Почтивъ память Муромцева, Дума не затронула бы ни прерогативъ верховной власти, ни авторитета судебныхъ учрежденій; въ ея молчаливомъ вставаньѣ не было бы ни малѣйшаго указанія на то, что лучше было бы не распускать первую Думу и не предавать суду бывшихъ ея членовъ. Выйдя изъ тюрьмы, Муромцевъ не былъ другимъ, чѣмъ раньше; судимость, лишеніе свободы—все это осталось позади него, какъ тучка, исчезающая съ горизонта... Опасаясь навлечь на себя неудовольствіе въ настоящемъ, большинство Думы забыло объ отвѣтственности передъ будущимъ.

Какъ, однако, образовалось это большинство? Судя по газетнымъ извѣстіямъ, октябристы готовы были принять предложеніе фракціи народной свободы, поддержанное всѣми остальными оппозиціонными группами. На лицо имѣлось, такимъ образомъ, несомнѣнное большинство за предложеніе; имѣлся и товарищъ предсѣдателя (С. И. Шидловскій), изъявившій готовность внести его отъ своего имени. Почему же случилось иначе? Предсѣдательствовавшій въ Думѣ, князь В. М. Волконскій, объяснилъ свой образъ дѣйствій въ слѣдующихъ словахъ: „не касаясь нисколько имени того, кого предлагаютъ почтить, позвольте мнѣ высказать по этому поводу свой взглядъ. Если нѣтъ полнаго единодушія, я не считаю себя въ правѣ почитать память кого бы то ни было. Если къ гробу усопшаго подходить споря и толкаясь, то лучше совсѣмъ не подходить. Въ настоящее же время у меня не только есть сомнѣніе въ этомъ единодушіи, но у меня есть полная увѣренность въ неединодушіи. Этому у меня есть письменное доказательство; вотъ почему я не считаю себя въ правѣ дѣлать это заявленіе Государственной Думѣ". Въ добрыхъ намѣреніяхъ кн. Волконскаго нѣтъ повода сомнѣваться, и способу выраженія ихъ нельзя отказать въ тактичности и деликатности; но отъ этого не измѣняется характеръ его образа дѣйствій, явно нарушающаго права большинства въ угоду меньшинству. Ничто не мѣшало націоналистамъ и правымъ остаться сидѣть, когда, на приглашеніе почтить память усопшаго, всѣ остальные члены Думы отозвались бы вставаніемъ. Исполнилось бы желаніе обѣихъ сторонъ; обнаружились бы съ достаточною ясностью оба противоположные взгляда, безъ всякаго насилія надъ

чьей бы то ни было волей. Само собою разумѣется, что при этомъ обязательно было бы только одно: полнѣйшее спокойствіе, отсутствіе выходокъ, неумѣстныхъ передъ лицомъ смерти. Очевидно, что кн. Волконскій имѣлъ въ виду именно возможность такихъ выходокъ, когда говорилъ, что ко гробу нельзя подходить споря и *толкаясь*; но неужели онъ не могъ повліять своимъ авторитетомъ на близкія ему группы и склонить ихъ къ такой простой и легкой вещи, какъ молчаніе и спокойствіе въ теченіе одной минуты? Если имъ было сдѣлано, въ этомъ смыслѣ, все отъ него зависѣвшее, но усилія его оказались тщетными, то отвѣтственность переходитъ на тѣхъ, кто еще разъ доказалъ свою несдержанность, свою некультурность, свое пренебреженіе къ элементарнымъ требованіямъ приличія. Иначе, можетъ быть, устроилось бы дѣло, еслибы болѣе настойчивости проявили октябристы, еслибы они, напримѣръ, заявили прямо и открыто, что присоединяются къ предложенію конституціоналистовъ-демократовъ; тогда не могло бы получиться такое впечатлѣніе, что за кн. Волконскимъ стоитъ большинство Думы... П. Н. Милюковъ, судя по оффиціальному отчету, воскликнулъ, послѣ рѣчи кн. Волконскаго: „третья Дума сама себя осудила!“ Она неоднократно осуждала себя и прежде, и притомъ еще ярче, еще сильнѣе: достаточно вспомнить, напримѣръ, весь ходъ думскихъ преній о такъ называемомъ обще-имперскомъ законодательствѣ. Совершенно вѣрно, однако, что день 15-го октября ничего не прибавитъ къ ея престижу. Съ бо̀льшимъ соблюденіемъ формъ и приличій, она послѣдовала печальному примѣру с.-петербургской городской думы, баллотировавшей, въ засѣданіи 6-го октября, вопросъ о томъ, надлежитъ ли почтить вставаніемъ память Муромцева и разрѣшившей его отрицательно 55 голосами противъ 44... Вообще господствующая группа нашихъ „отцовъ города“ все больше и больше уподобляется большинству третьей Государственной Думы, утрируя его характерныя свойства и обращаясь какъ бы въ кривое зеркало, въ которомъ оно можетъ узнать свои типичныя черты...

Историку нашего времени трудно будетъ повѣрить, что Государственная Дума, хотя бы и избранная подъ знакомъ 3-го іюня, въ теченіе трехъ лѣтъ не успѣла разсмотрѣть законопроекты о неприкосновенности личности и объ исключительномъ положеніи. Такую медленность нельзя было бы оправдать даже тогда, еслибы въ государствѣ фактически царило право, царила свобода—нельзя было бы потому, что никто не можетъ ручаться за завтрашній день, за продолжительность порядка, основаннаго не на законѣ, а на усмотрѣніи. У насъ, въ настоящую минуту, она совершенно неизвинима. Благо-

даря ей продолжаютъ дѣйствовать правила, несостоятельность которыхъ, открыто признанная еще при старомъ режимѣ, обостряется массою злоупотребленій, сплошь и рядомъ возводимыхъ въ систему; благодаря ей—и въ виду реакціонныхъ настроеній, такъ ярко проявляющихся и въ средѣ министерства, и въ средѣ Государственнаго Совѣта,—нелегко даже предвидѣть наступленіе конца все болѣе и болѣе нестерпимой аномаліи. Нѣсколько времени тому назадъ могло казаться, что „успокоеніе" страны повлечетъ за собою если не отказъ отъ всѣхъ видовъ охраны, то, по меньшей мѣрѣ, уничтоженіе ея эксцессовъ, созданныхъ практикою послѣднихъ лѣтъ. Возникали слухи о предстоящемъ удаленіи должностныхъ лицъ, съ именами которыхъ общество привыкло соединять представленіе о худшихъ крайностяхъ произвола; находили вѣру извѣстія о томъ, что дѣяніями градоправителей въ Одессѣ или Ялтѣ, Вологдѣ или Тамбовѣ, переполнена, наконецъ, чаша терпѣнія центральной власти. Сравнительно небольшой дозы оптимизма было достаточно для того, чтобы ожидать устраненія хотя бы самыхъ вопіющихъ контрастовъ между словомъ и дѣломъ, между обѣщаніемъ и исполненіемъ. Ожиданія эти, однако, не оправдались—и еслибы наше „представительство" было „народнымъ" не только по имени, самой насущной его задачей было бы признано проведеніе закона о гарантіяхъ, безъ которыхъ немыслимо нормальное развитіе страны.

Между такими гарантіями одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ свобода печати. Если у насъ ея теперь нѣтъ, то это обусловливается не столько дефектами спеціальныхъ о ней постановленій, сколько тѣмъ же господствомъ все охватывающей и всюду проникающей „охранной политики". Именно охранной политики, а не законовъ объ охранѣ. Первая идетъ гораздо дальше послѣдняго, идетъ иногда даже прямо въ разрѣзъ съ нимъ. При дѣйствіи усиленной охраны администрація не получаетъ, собственно говоря, никакихъ особыхъ правъ по отношенію къ печати; судьба періодическихъ изданій ставится въ зависимость отъ мѣстной власти только объявленіемъ чрезвычайной охраны. На практикѣ мы видимъ теперь совсѣмъ не то. Одному изъ правилъ объ усиленной охранѣ (ст. 15 пун. 1) дается распространительное толкованіе, явно противное его буквальному и внутреннему смыслу. Въ обязательныя постановленія, мотивируемыя необходимостью предупреждать нарушеніе общественнаго порядка и государственной безопасности, включаются статьи, дающія возможность карать дѣятелей печати продолжительнымъ арестомъ и крупными денежными штрафами. Что законъ не имѣлъ въ виду ничего подобнаго—это видно изъ примѣровъ, приведенныхъ въ его текстѣ: онъ говоритъ объ обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ

управляющихъ по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія, о способахъ этого наблюденія, о порядкѣ опредѣленія и смѣщенія лицъ, на которыхъ возлагается наблюденіе—и *тому подобномъ*. Очевидно, что нѣтъ и не можетъ быть никакого подобія между владѣльцами или ихъ управляющими—и редакторами періодическихъ изданій, между конкретными, точно опредѣленными мѣрами надзора—и выраженіемъ мнѣній или оглашеніемъ фактовъ путемъ печати. Насколько легко доказать, напримѣръ, фактъ непрописки вновь пріѣхавшаго лица, настолько трудно установить значеніе газетнаго сообщенія. Насколько несомнѣнно, что полиція, въ смутное время, должна имѣть свѣдѣнія о вновь прибывшихъ, настолько очевидна несостоятельность полицейскаго контроля надъ печатнымъ словомъ. Появленіе, въ данной мѣстности, „опаснаго" лица можетъ считаться важнымъ съ точки зрѣнія охраны; но не ей подобаетъ судить о важности той или другой газетной статьи. Если въ содержаніи послѣдней есть признаки преступленія, раскрыть его и принять дальнѣйшія мѣры—задача другой власти, болѣе компетентной, другой процедуры, болѣе сложной. Непосредственно угрожать общественному порядку и государственной безопасности печатное слово можетъ развѣ въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ общимъ закономъ—и не ихъ, конечно, имѣла въ виду приведенная нами статья положенія объ усиленной охранѣ. Вложивъ въ нее то, о чемъ не думалъ законодатель, административная практика пришла и приходитъ къ поразительно-страннымъ результатамъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ мы и хотимъ остановиться.

Распоряженіемъ московскаго градоначальника подвергнутъ аресту на три мѣсяца, безъ замѣны штрафомъ, редакторъ „Русскаго Слова", Ѳ. И. Благовъ, „за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности должностныхъ лицъ" (т.-е. объ образѣ дѣйствій полицейскихъ чиновъ во время похоронъ С. А. Муромцева). Само собою разумѣется, что при полнѣйшемъ спокойствіи, господствующемъ въ Москвѣ, при самообладаніи, только что обнаруженномъ ея населеніемъ, никакія сообщенія о дѣйствіяхъ полиціи не угрожали ни малѣйшей опасностью ни общественному порядку, ни государственной безопасности, и не могли, слѣдовательно, вызвать репрессій со стороны полиціи, хотя бы и была доказана ихъ невѣрность, даже лживость. Но развѣ можетъ быть рѣчь о доказанности, когда карательная мѣра принимается вслѣдъ за появленіемъ статьи, безъ истребованія объясненій отъ обвиняемаго, сразу обращающагося въ осужденнаго, безъ разспроса постороннихъ, безпристрастныхъ свидѣтелей, на основаніи—нужно полагать—одного только оффиціальнаго донесенія, никѣмъ не провѣреннаго и ничѣмъ не подтвержденнаго? Развѣ начальникъ,

обращающій свою дискреціонную власть въ способъ защиты своихъ подчиненныхъ, не является судьею въ собственномъ дѣлѣ? Когда обвиненіе кого-либо въ сообщеніи ложныхъ свѣдѣній доходитъ до суда, на обязанности послѣдняго лежитъ не только установленіе факта, составляющаго предметъ сообщенія, но и опредѣленіе виновности или невиновности подсудимаго, въ зависимости отъ того, вѣрилъ ли онъ въ точность оглашенныхъ имъ данныхъ и какія основанія имѣлъ для такой вѣры. Этому элементарному требованію справедливости не соотвѣтствуетъ и не можетъ соотвѣтствовать административное распоряженіе, принимаемое ab irato, подъ впечатлѣніемъ минуты. Совершенно немотивированною и необъяснимою представляется и его крайняя суровость—избраніе формы наказанія, наиболѣе обременительной для даннаго лица, и притомъ въ самой высшей ея мѣрѣ. Если въ замѣткѣ „Русскаго Слова" заключалось явное и намѣренное искаженіе истины, ничто не мѣшало возбудить противъ газеты судебное преслѣдованіе; если все сводилось къ *оцѣнкѣ* фактовъ, дѣйствительно происшедшихъ, нападенію можно и должно было противопоставить защиту, но отнюдь не уголовную кару. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ настоящемъ случаѣ имѣлось на лицо именно и только различіе *мнѣній*: ненужное и неумѣстное съ точки зрѣнія однихъ—другимъ казалось позволительнымъ и даже похвальнымъ. Апологетомъ полиціи выступилъ „Голосъ Москвы", хотя имѣлъ уже передъ собою кару, разразившуюся надъ „Русскимъ Словомъ": отстаивая образъ дѣйствій полицейскихъ чиновъ во время похоронъ С. А. Муромцева, октябристская газета отстаивала тѣмъ самымъ карательное распоряженіе градоначальника, отстаивала произволъ, вопреки лучшимъ традиціямъ русской печати. Другое дѣло, еслибы столкновенію противоположныхъ взглядовъ не предшествовало вмѣшательство „властной руки"; тогда оно могло бы оказаться лучшимъ средствомъ къ раскрытію правды. „Голосъ Москвы" говоритъ о „чрезвычайной корректности" полиціи и объ обнаруженномъ ею „полномъ спокойствіи духа"; „Русское Слово", ссылаясь на письменное свидѣтельство лицъ, стоявшихъ около могилы и слышавшихъ слово: „долой", которымъ прерывались надгробныя рѣчи, задаетъ вопросъ, можно ли считать это слово выраженіемъ „полнаго спокойствія духа"? А что, если указаніе „Русскаго Слова" подтвердится? Что, если разслѣдованіе, съ котораго надлежало начать, будетъ произведено — хотя и не оффиціально, но съ достаточнымъ безпристрастіемъ и достаточною полнотою, — послѣ суммарной расправы? Не станетъ ли хоть тогда ясной необходимость положить конецъ порядку вещей, невозможному даже въ зачаточно-правовомъ государствѣ?

Какъ ни возмутительно лишеніе свободы, постигшее редактора

„Русскаго Слова", но хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что оно не отразилось и не отразится на судьбѣ газеты. Далеко не всегда административныя кары проходятъ такъ благополучно для періодическихъ изданій. Глубокое негодованіе возбуждаетъ оглашенная въ печати исторія небольшой, копеечной кіевской газеты: „Огни" [1]). Ее штрафовали каждый мѣсяцъ (въ полгода—шесть штрафовъ на 1.200 рублей); теперь редактирующая ее госпожа Прохаско арестована, не смотря на болѣзненное состояніе, въ административномъ порядкѣ. О трехъ предметахъ ее хотѣли заставить молчать: о евреяхъ, о рабочихъ и о духовенствѣ. „Я на это не шла—восклицаетъ она— и не пойду. Отъ христіанства, отъ церкви я не отходила, и отъ тѣхъ, кто меня караетъ, я оберегаю христіанство, оберегаю православіе. Отъ евреевъ я была далека, друзей у меня между ними не было до 1905-го года. Въ 1905 г. я была свидѣтельницей погромовъ. Я видѣла, какъ съ именемъ Христа на устахъ мучили людей. Нетрудно вѣдь рѣшить, съ кѣмъ Христосъ—съ тѣми, кто Его именемъ творитъ убійства, или съ убиваемыми... Я чувствую, что правы боящіеся насъ. Мы, которые должны прежде всего любить ихъ, какъ братьевъ, мы для нихъ—дикіе волки... Въ первыя времена христіанства христіане много терпѣли гоненій, ихъ мучили, но ихъ мученіями росла вѣра христіанская. И еслибы меня замучили въ конецъ подъ арестомъ и меня бы не стало, то, положа руку на сердце, скажу: это величайшее для меня счастье! Я, значитъ, совершила все, что могла; послѣ меня, нѣтъ сомнѣнія, найдутся десять, двадцать на мое мѣсто и будутъ продолжать мое дѣло, ибо я погибну за Христа и за людей-братьевъ... Я говорю, говорю честно, открыто. Я не позволяю себѣ даже укрыться за ту ширму, которая есть къ услугамъ всѣхъ редакторовъ. Не прикрываюсь чужой спиной, несу отвѣтъ за все. У насъ есть судъ. Хорошъ ли, плохъ ли онъ, не будемъ объ этомъ говорить; во всякомъ случаѣ, это—судъ. Пускай меня судятъ. Но нѣтъ, мнѣ говорятъ: мы васъ душить будемъ — и душатъ, и душатъ". Неужели и этотъ вопль отчаянія не будетъ услышанъ?

Не менѣе знаменательны, чѣмъ дѣйствія администраціи, тѣ наставленія, съ которыми она иногда обращается къ представителямъ печати. Такова, напримѣръ, недавняя рѣчь новаго нижегородскаго губернатора Хвостова, нѣсколько знакомаго нашимъ читателямъ по помѣщеннымъ у насъ статьямъ о вологодской административной ссылкѣ. Великодушно предоставляя газетамъ полную свободу выраженія мнѣній и партійныхъ взглядовъ, ничего не имѣя противъ указанія ошибокъ мѣстной администраціи и его собственныхъ, онъ счелъ

[1]) См. „Рѣчь", № 267.

нужнымъ предупредить, что не позволитъ отрицательно относиться къ самодержавію и православной вѣрѣ. Желательно было бы знать, какимъ путемъ и въ силу какого права онъ будетъ осуществлять свою угрозу? И что̀ понимаетъ онъ подъ именемъ отрицательнаго отношенія къ самодержавію и православію? Подойдетъ ли сюда, напримѣръ, тотъ взглядъ на самодержавіе, на которомъ остановилось большинство Государственной Думы—третьей Думы!—въ памятный день первыхъ ея преній объ адресѣ? Какъ совмѣстить съ полицейской охраной православія не отмѣненный до сихъ поръ указъ 17-го апрѣля 1905-го года? Какимъ закономъ губернаторъ присоединенъ къ числу цензурныхъ органовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточенъ надзоръ надъ печатью? Никакимъ толкованіемъ, никакимъ даже перетолкованіемъ положенія объ охранѣ нельзя доказать, что дѣйствіе его не исчерпывается „предупрежденіемъ нарушеній общественнаго порядка и государственной безопасности"—нарушеній, къ числу которыхъ конечно не принадлежитъ выраженіе „несогласнаго" образа мыслей по вопросамъ политическимъ и религіознымъ... Мы готовы предположить, что слова г. Хвостова переданы въ печати не совсѣмъ точно; вѣдь не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, грозить *закрытіемъ* газетъ, когда даже въ правилахъ о чрезвычайной охранѣ говорится только о ихъ *пріостановкѣ.* Такое же недовѣріе возбуждаетъ въ насъ газетная передача другой рѣчи г. Хвостова, съ которою онъ, вступая въ управленіе губерніей, обратился къ подвѣдомственнымъ ему должностнымъ лицамъ. Ему приписывается выраженіе желанія и готовности „отражать натискъ враговъ единой недѣлимой Россіи, враговъ откровенныхъ—какъ революціонеры, и *пресмыкающихся* — какъ ка-деты". Мы не думаемъ, чтобы самое „превозмогающее усердіе" могло довести оффиціальное лицо до грубаго оскорбленія, въ оффиціальной рѣчи, группы людей, законно и открыто дѣйствующихъ въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Такъ могутъ говорить о партіи народной свободы несдержанные на языкъ ораторы Таврическаго дворца, знающіе, что имъ въ правѣ остановить предсѣдатель, что имъ тотчасъ же отплатятъ противники той же монетой, только болѣе тонкаго чекана; такъ могутъ выражаться публицисты „Россіи" и однородныхъ съ нею изданій, безотвѣтственные, часто безъименные и, притомъ, все же не вполнѣ огражденные отъ отвѣтныхъ нападеній—но едва ли по ихъ стопамъ можетъ идти губернаторъ, обращающійся къ своимъ подчиненнымъ и именно потому обязанный взвѣшивать каждое свое слово...

Если мы ошибаемся, если содержаніе обѣихъ рѣчей г. Хвостова вѣрно передано въ печати, то объяснить ихъ можно только тѣмъ партійнымъ наклономъ, который все больше и больше замѣтенъ въ дѣятельности правительства. Что многія должностныя лица, изъ числа

вліятельныхъ и облеченныхъ широкою властью, не скрываютъ—или даже прямо признаютъ — свою принадлежность къ одной изъ крайнихъ правыхъ партій—это давно извѣстно: но явные признаки солидарности съ реакціонными группами можно найти, въ послѣднее время, и въ болѣе высокихъ сферахъ. Ничтожный самъ по себѣ фактъ—празднованіе первой годовщины такъ называемаго академическаго студенческаго союза—недаромъ обратилъ на себя общее вниманіе. Не интересами науки и не интересомъ къ наукѣ созданъ этотъ союзъ. Правильный ходъ занятій въ высшей школѣ возстановился уже давно, и возстановился не благодаря, а скорѣе вопреки „академистамъ", вносившимъ, своими претензіями, своимъ показнымъ усердіемъ, раздраженіе въ среду студентовъ. Покровителями академистовъ сразу выступили люди того направленія, для котораго существуетъ только казенная, „обезвреженная" наука, которому страшна и ненавистна всякая мысль объ истинной академической свободѣ. Своихъ пѣвцовъ, какъ и слѣдовало ожидать, союзъ нашелъ въ лагерѣ открыто или прикровенно реакціонной печати. Вотъ, напримѣръ, какіе хвалебные гимны раздаются въ ихъ честь на страницахъ пресловутаго „частнаго изданія": „Союзъ академистовъ имѣетъ значеніе такого единенія русской учащейся молодежи, которое, совершенно оставляя въ сторонѣ политику, партійныя распри, тѣмъ болѣе—партійное политиканство, сосредоточивается исключительно на одной мысли: дѣло учащейся молодежи—учиться, мужать, воспитывать въ себѣ здоровое тѣло и здоровую волю". Врагами академическаго союза, „все болѣе и болѣе привлекающаго къ себѣ симпатіи русскаго общества", провозглашаются „всѣ тѣ, кто настаиваетъ на обязанности учащейся молодежи отдавать себя въ распоряженіе политическимъ искателямъ приключеній, хотя бы въ качествѣ революціоннаго матеріала. Его друзья—всѣ тѣ, кто принципіально не допускаетъ ни въ какой школѣ, а слѣдовательно и въ высшей, никакого политиканства". Все это—прямая противоположность истинѣ. Основа академическаго союза—именно политиканство, въ самомъ невысокомъ смыслѣ этого слова. Его друзья видятъ въ немъ орудіе борьбы, тѣмъ болѣе удобное, чѣмъ менѣе оно сознательно. Его враги—если только можно говорить о враждѣ къ такому противнику—ставятъ ему въ вину кощунственное отношеніе къ наукѣ, злоупотребленіе ея именемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто, съ самаго провозглашенія автономіи, всего болѣе стремился къ умиротворенію высшей школы, къ торжеству ея великихъ задачъ, къ осуществленію ея вѣчныхъ цѣлей? Кто убѣждалъ молодежь трудиться, пріобрѣтать знанія, недостаточное распространеніе и углубленіе которыхъ — одинъ изъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ Россія? Конечно — профессора, лучшіе профессора, боровшіеся съ теченіемъ, ставившіе на карту

свою популярность, лишь бы только опять закипѣла настоящая академическая жизнь: достаточно назвать обоихъ братьевъ Трубецкихъ, достаточно вспомнить по истинѣ геройскія усилія ректора московскаго университета. Обстоятельства долго оставались неблагопріятными; происходившее за стѣнами высшей школы слишкомъ сильно отзывалось въ ней самой, да и длинный рядъ предшествовавшихъ годовъ—годовъ гнета, всемѣрно поддерживавшаго отчужденіе между студентами и профессорами—кидалъ свою тѣнь на новую дорогу. Съ каждымъ семестромъ, однако, препятствія, коренившіяся въ средѣ самого студенчества, теряли свою силу, и если положеніе дѣлъ въ высшей школѣ все еще не можетъ быть названо нормальнымъ, то исключительно потому, что до сихъ поръ ненормальны общія условія русской жизни.

Присмотримся поближе къ *друзьямъ* „академическаго союза"; вѣдь и къ нему примѣнима старинная поговорка: dis-moi qui tu hantes—je te dirai qui tu es". Первое мѣсто между этими друзьями занимаетъ г. Пуришкевичъ—и одно его имя опрокидываетъ пирамиду похвалъ, такъ тщательно возведенную „Россіей". Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть въ „прославленномъ" бессарабскомъ депутатѣ олицетвореніе политиканства—именно политиканства, т.-е. примѣненія къ политикѣ мелкихъ средствъ, неразборчивыхъ пріемовъ, вызывающихъ выходокъ, огульныхъ заподозриваній, бездоказательныхъ обвиненій. Меньше всего подходитъ къ г. Пуришкевичу какая бы то ни было „академическая" роль, въ настоящемъ значеніи этого слова; меньше всего можно видѣть въ немъ борца за просвѣщеніе, искателя истины, цѣнителя науки. Примыкая, всѣми своими симпатіями и антипатіями, къ теченію, издавна служившему и до сихъ поръ служащему тормазомъ всѣхъ свѣтлыхъ начинаній, гасителемъ всѣхъ добрыхъ порывовъ, онъ вноситъ въ него только обостренную грубость формъ, небывалый цинизмъ рѣчи. И вотъ чью дружбу „Россія" вноситъ въ активъ „академическаго союза"! Ab uno disce omnes: по этому типичному другу можно судить о всѣхъ остальныхъ. На празднествѣ, о которомъ мы упомянули выше, вторую роль игралъ г. Замысловскій, болѣе сдержанный, чѣмъ г. Пуришкевичъ, но въ сущности вполнѣ достойный идти съ нимъ рука объ руку. Не нарушалось впечатлѣніе картины и присутствіемъ гг. Гололобова, Крупенскаго, гр. А. А. Бобринскаго. Въ своей рѣчи г. Пуришкевичъ подчеркнулъ, между прочимъ, полное отсутствіе тѣхъ, которые должны были бы идти впереди академистовъ—представителей профессуры. Да, это отсутствіе знаменательно, но не въ томъ смыслѣ, какъ полагаетъ ораторъ. Оно прямо указываетъ на то, что „академическаго" въ союзѣ—только имя. Стремленіе молодежи объединиться

на истинно научной почвѣ не могло бы не встрѣтить сочувствія и поддержки среди тѣхъ, кто не переставалъ, при самой неблагопріятной обстановкѣ, отстаивать призваніе высшей школы, тѣхъ, благодаря кому теперь выше чѣмъ когда-либо поднятъ уровень университетскихъ и институтскихъ занятій. Если никто изъ профессоровъ не явился на праздникъ союза, это можетъ быть объяснено только двоякимъ образомъ: или ихъ вовсе не приглашали устроители празднества, сознавая, что оно посвящено не наукѣ, а политикѣ, и притомъ политикѣ менѣе всего имѣющей общаго съ высшей школой—или это поняли профессора и пришли къ заключенію, что имъ не подобаетъ занять мѣсто рядомъ съ настоящими героями торжества.

На празднествѣ академическаго союза присутствовалъ предсѣдатель совѣта министровъ. Его привѣтствовалъ и выразилъ ему глубокую благодарность г. Пуришкевичъ, признающій за собою, слѣдовательно, право говорить отъ имени союза. П. А. Столыпинъ отвѣтилъ (цитируемъ его слова по „Россіи"), что хотя онъ и не думалъ совсѣмъ говорить, но не можетъ удержаться, чтобы не сказать, какъ онъ радъ, что побывалъ на этомъ праздникѣ и могъ порадоваться на зарю пробужденія русской молодежи. „Я вѣрю—сказалъ онъ—въ силу русскаго духа, вижу проявленіе его въ васъ, вижу, какъ въ жизненной борьбѣ вы закаляетесь закаломъ вѣры въ Бога, любви къ Царю, закаломъ добра и чести и русской доблести". „Уходя съ праздника,—такъ закончилъ предсѣдатель совѣта министровъ,—говорю: не прощайте, а здравствуй, зарождающаяся новая, крѣпкая молодая Россія". Не будемъ говорить о томъ, въ какой степени—или въ какомъ смыслѣ—названіе: *русскій* примѣнимо къ духу, проявляемому „академическимъ союзомъ"; не будемъ разбирать, какого сорта „закалъ" молодежь можетъ получить подъ руководствомъ и вліяніемъ г. Пуришкевича. Спросимъ себя только, свободно ли было торжество, такъ сильно обрадовавшее П. А. Столыпина, отъ рѣзко-партійнаго характера? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ; столь же несомнѣнно и то, что партія, авангардомъ или летучимъ отрядомъ которой служитъ „академическій союзъ", меньше всего расположена къ поддержкѣ государственнаго строя, представителемъ которой являлся на „академическомъ" праздникѣ П. А. Столыпинъ. Съ внѣпартійностью, которую не разъ признавало для себя обязательною министерство, стоящее у власти, несовмѣстимо яркое выраженіе сочувствія къ питомцамъ союзовъ „русскаго народа" и „Архангела Михаила". Правда, свободнымъ отъ партійной окраски кабинетъ П. А. Столыпина не былъ никогда; иначе не могло бы быть и рѣчи о приравненіи партій—къ обществамъ, объ отказахъ въ легитимаціи партій, о преданіи суду за простую принадлеж-

ность къ партіи. Все же, однако, наклонъ къ партійности раньше не былъ такъ силенъ и не шелъ такъ далеко влѣво.

До какой степени ненормально всякое сближеніе министерства съ крайней правой — сближеніе, которое, въ сущности, не можетъ привести ни къ чему иному, кромѣ подчиненія колеблющихся и побѣдѣ прямолинейныхъ,—объ этомъ можно судить по слѣдующему, мало замѣченному факту, совпавшему, по времени, съ празднествомъ академическаго союза. Вновь назначенный управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія—Л. А. Кассо, бывшій директоръ московскаго лицея цесаревича Николая,—произнесъ, при прощаньѣ съ лицеистами, небольшую рѣчь, въ которой провелъ параллель между древнимъ Римомъ и Россіей. „Если Римъ“ — воскликнулъ онъ — „былъ силенъ своей цивилизаціей и своимъ сознаніемъ права, то и Россія также нуждается въ молодыхъ силахъ, которыя проводили бы въ жизнь правовое юридическое начало“. Указавъ, затѣмъ, на портретъ Александра II-го, министръ выразилъ надежду, что „образъ царя-освободителя будетъ постоянно напоминать питомцамъ лицея о необходимости культурной дѣятельности на благо Россіи“. Правовое начало, культурная дѣятельность—какъ это далеко отъ завѣтовъ г. Пуришкевича и его единомышленниковъ! Все поведеніе крайнихъ правыхъ въ Думѣ и внѣ Думы идетъ въ разрѣзъ съ „сознаніемъ права“, которое г. Кассо считалъ себя обязаннымъ насаждать въ своихъ слушателяхъ. „Академическій союзъ“, въ его настоящемъ видѣ, неизбѣжно долженъ стать помѣхой на пути новаго руководителя академической жизни—если только онъ, какъ министръ, останется тѣмъ, чѣмъ былъ въ качествѣ педагога. Увѣренности въ послѣднемъ имѣть нельзя. Кабинетъ П. А. Столыпина не всегда достигаетъ единодушія, но всегда къ нему стремится — и если линія его дѣйствій по прежнему будетъ уклоняться въ сторону безправія, то министру народнаго просвѣщенія трудно будетъ стоять на стражѣ культуры и права. При настоящемъ положеніи дѣлъ не имѣетъ, слѣдовательно, существеннаго значенія и уходъ г. Шварца. Знаменуя собою, быть можетъ, кое-какія перемѣны къ лучшему въ проектахъ уставовъ университетскаго и гимназическаго, онъ едва ли внесетъ новую, живую струю въ область народнаго образованія. Въ ней, какъ и во всѣхъ другихъ, расцвѣтъ можетъ наступить лишь при свѣтѣ истинной свободы и правильнаго пониманія общенародныхъ нуждъ.

Какъ далеко еще до этого свѣта—доказательствомъ тому служатъ, между прочимъ, правила о сектантскихъ собраніяхъ, утвержденныя недавно министромъ внутреннихъ дѣлъ. Мотивируемыя, отчасти, желаніемъ устранить затрудненія, встрѣчаемыя иногда сектантами

при устройствѣ молитвенныхъ и богослужебныхъ собраній, правила эти установляютъ цѣлый рядъ стѣсненій, отъ которыхъ, при господствующихъ теперь административныхъ привычкахъ и пріемахъ, только одинъ шагъ до мѣръ запретительнаго свойства. Ограничимся нѣсколькими примѣрами. Тамъ, гдѣ нѣтъ регистрированной религіозной общины, объ устройствѣ богослужебнаго или молитвеннаго собранія могутъ заявлять лица (въ числѣ не менѣе 25), исповѣдующія *извѣстное правительству вѣроученіе.* Отсюда возможность противопоставлять многимъ ходатайствамъ такую fin de non recevoir, бороться съ которою будетъ нелегко. Какъ доказать, въ самомъ дѣлѣ, что данное ученіе извѣстно — или должно быть извѣстно — правительству (т.-е., въ сущности, тому должностному лицу или присутственному мѣсту, которому подается заявленіе)? И если правительство отвѣтитъ, что ученіе, исповѣдуемое заявителями, ему неизвѣстно, то какія, для ознакомленія съ нимъ, должны быть представлены матеріалы? И какъ долго можетъ продолжаться процессъ ихъ изученія? Обо всемъ этомъ въ правилахъ не сказано ни слова... „Не допускается“,—читаемъ мы дальше,—подъ видомъ богослужебнаго или молитвеннаго собранія, собраній для сообщеній, чтеній и собесѣдованій, не имѣющихъ характера собственно богослуженія или молитвословія“. А если лица, исповѣдующія опредѣленное ученіе, собираются именно для чтенія и собесѣдованія, замѣняющаго имъ богослуженіе и молитвословіе? Чѣмъ будетъ руководствоваться администрація при проведеніи демаркаціонной линіи между понятіями, столь близкими и родственными? И возможно ли предупредить произволъ въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ, не всегда ясныхъ даже при близкомъ знакомствѣ съ данною сектою?.. Особое опасеніе внушаютъ, по видимому, молитвенныя или богослужебныя собранія для несовершеннолѣтнихъ, принадлежащихъ къ семействамъ, исповѣдующимъ данное вѣроученіе; правила о нихъ, „въ виду чрезвычайнаго разнообразія сектантскихъ ученій, будутъ установлены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по мѣрѣ возбужденія о томъ особыхъ ходатайствъ“. Нелегко понять причины этой предосторожности. Вѣдь собранія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, устраиваются только для несовершеннолѣтнихъ, принадлежащихъ къ сектантскимъ семействамъ; отъ какихъ же вліяній предполагается ихъ предохранять, и какимъ путемъ? Нельзя же думать, что „особыми правилами“ будетъ введено нѣчто въ родѣ состязательнаго процесса, т.-е. обязательное участіе въ собраніи, рядомъ съ сектантскими учителями, представителей православной церкви... Мѣстной административно-полицейской власти предоставляется „назначать для присутствованія въ богослужебныхъ и молитвенныхъ собраніяхъ компетентное

должностное лицо, обязанное наблюдать за тѣмъ: а) чтобы подъ видомъ богослужебнаго или молитвеннаго собранія не устраивалось собраніе иного рода; б) чтобы на собраніи не происходило поруганія или поношенія догматовъ, обрядовъ и установленій православной церкви и не проявлялось непристойнаго отношенія къ ней или къ предметамъ ея вѣрованій, а равно не допускалось призыва къ отпаденію отъ православія. Въ первомъ случаѣ должностное лицо, по двукратномъ предупрежденіи, своею властью закрываетъ собраніе; во второмъ же, по составленіи протокола, доводитъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ до свѣдѣнія подлежащей власти для привлеченія виновныхъ къ уголовной отвѣтственности" [1]). Изъ какой среды будутъ избираться эти *компетентныя* должностныя лица? Если изъ числа полицейскихъ чиновниковъ, то болѣе чѣмъ сомнительной будетъ ихъ компетентность; если изъ среды спеціалистовъ по православному вѣроученію (напр. свѣтскихъ миссіонеровъ, учителей духовныхъ училищъ и семинарій, секретарей консисторіи и т. п.), то къ отсутствію ручательства въ компетентности прибавится почти несомнѣнное пристрастіе. Представимъ себѣ, далѣе, сектантовъ, вынужденныхъ молиться, проповѣдывать, изливать самыя задушевныя свои чувства въ присутствіи лица, въ лучшемъ случаѣ—равнодушнаго и холоднаго, въ худшемъ—предубѣжденнаго и враждебно-настроеннаго; вѣдь положеніе ихъ будетъ, пожалуй, хуже, чѣмъ въ тѣ времена, когда они были вынуждены собираться тайно, опасаясь каждую минуту нашествія полицейской власти. А право командированнаго должностного лица прерывать ходъ богослуженія или молитвословія и даже закрывать собраніе? Чрезвычайно тягостное для участниковъ обыкновеннаго, свѣтскаго собранія, оно будетъ совершенно невыносимо для людей, пришедшихъ на богослуженіе или на молитву... Подозрительность, которою внушены новыя правила, явно противорѣчитъ духу указа 17-го апрѣля и послѣдующихъ вѣроисповѣдныхъ узаконеній. Спорнымъ, въ добавокъ, представляется и самое право административной власти принимать общія мѣры, соприкасающіяся на каждомъ шагу съ областью законодательства.

Въ первомъ же послѣ открытія сессіи засѣданіи Государственной Думы началось обсужденіе законопроекта о низшей школѣ—и сразу обнаружилось коренное, непримиримое разногласіе между двумя коммиссіями, за которымъ стоитъ такое же разногласіе между партіями. Коммиссія по народному образованію высказывается за

[1]) Въ связи съ этимъ установлено правило, требующее увѣдомленія полицейской власти о часахъ богослужебныхъ и молитвенныхъ собраній.

объединеніе всѣхъ безъ изъятія начальныхъ школъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; коммиссія по дѣламъ православной церкви отстаиваетъ обособленность церковно-приходской школы. Къ какому изъ этихъ мнѣній склоняется нашъ журналъ—это не требуетъ объясненія. Съ самаго изданія правилъ 1884-го года мы не переставали выражать отрицательное отношеніе наше къ церковной школѣ, возвращаясь къ этому вопросу при разборѣ каждаго новаго отчета синодальнаго оберъ-прокурора, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, раскрывавшемъ неудобство и опасность двоевластія въ области начальнаго обученія. Еще недавно можно было думать, что въ обновленномъ государственномъ строѣ не останется мѣста для такой вопіющей аномаліи, какою является самостоятельная церковно-приходская школа; теперь увѣренность въ этомъ далеко не столь тверда. Если и допустить, что центръ Думы не покинетъ своихъ вождей [1]), не разбредется въ разныя стороны и проведетъ, вмѣстѣ съ лѣвыми, основное начало законопроекта, то до побѣды будетъ еще далеко: слишкомъ вѣроятно противодѣйствіе Государственнаго Совѣта, систематически парализующаго немногіе шаги впередъ, дѣлаемые Государственною Думой... Отлагая подробный разборъ думскихъ преній до другого раза, ограничимся немногими замѣчаніями. По мнѣнію В. Н. Львова (докладчика коммиссіи по дѣламъ православной церкви), принципу единовластія „приносится въ жертву исторически образовавшаяся связь между школою и церковью—а въ случаѣ нарушенія этой связи все дѣло народнаго образованія пойдетъ по наклонной плоскости, какъ это было въ семидесятыхъ годахъ". Трудно представить себѣ увѣреніе, болѣе расходящееся съ дѣйствительностью. Именно тогда, когда въ народѣ, освобожденномъ отъ рабства, возникло и стало осуществимымъ стремленіе къ образованію, никакой связи между церковью и школой на лицо не оказалось. Предоставленная собственнымъ силамъ, церковь почти ничего не сдѣлала для начальнаго обученія; немногочисленныя церковно-приходскія школы, основанныя въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, влачили жалкое существованіе или только числились на бумагѣ. Въ это самое время сложилась и быстро окрѣпла земская школа, въ семидесятыхъ годахъ не только не спускавшаяся внизъ по наклонной плоскости, но, наоборотъ, двигавшаяся впередъ, не смотря на цѣлую сѣть неблагопріятныхъ условій. Ростъ церковно-приходской школы — гораздо болѣе количественный, чѣмъ качественный, — начался только тогда, когда ее взяла подъ свое покровительство свѣтская власть, обильно затрачивавшая на нее средства

---

[1]) Докладчиками коммиссіи по народному образованію выступили В. К. фонъ-Анрепъ и Е. П. Ковалевскій, оба—видные члены союза 17-го октября.

государственнаго казначейства... „Отдѣленіе религіи отъ начальнаго образованія"—говоритъ г. Львовъ—„есть идея ложная, какъ это показалъ опытъ всѣхъ западныхъ государствъ". На этотъ счетъ существуютъ весьма различныя мнѣнія; но еслибы и былъ правъ г. Львовъ, то вѣдь въ настоящемъ случаѣ идетъ рѣчь не объ исключеніи религіи изъ школы, а только о сосредоточеніи школьнаго дѣла въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія. „Страшныя слова", слѣдовательно, здѣсь совершенно неумѣстны. „Всѣ остальныя вѣроисповѣданія, существующія въ Россіи", — читаемъ мы дальше въ изложеніи рѣчи г. Львова,—„сохраняютъ за собою право имѣть свои школы; только православная церковь, по какой-то странной непослѣдовательности, оказывается въ менѣе выгодномъ положеніи". Это совершенно невѣрно: православная церковь не лишается права учреждать, *на свои средства*, свои школы, но онѣ, наравнѣ съ школами другихъ исповѣданій, подчиняются, на общемъ основаніи, вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія... По удачному выраженію одного изъ октябристскихъ ораторовъ (деп. Леонова), „свобода церкви не заключается въ томъ, чтобы брать деньги у государства на школы и въ то же время держать эти школы внѣ всякаго контроля со стороны правительственной власти".

Значительная часть произведеній П. Д. Боборыкина—къ литературному юбилею котораго съ такимъ сочувствіемъ отнеслись, двѣ недѣли тому назадъ, и общество, и печать,—увидѣла свѣтъ въ „Вѣстникѣ Европы". Первымъ изъ нихъ былъ романъ: „Полжизни" напечатанный въ 1873-мъ году. Начиная съ 1881-го года немного можно насчитать лѣтъ, когда бы имя Петра Дмитріевича не появлялось на страницахъ нашего журнала. Ему онъ отдалъ такія крупныя вещи, какъ „Китай-городъ" (1882), „Изъ новыхъ" (1887), „На ущербѣ" (1890), „Василій Теркинъ (1892), „Перевалъ" (1894)," „Ходокъ" (1895), „Княгиня" (1896), „По другому" (1897), „Тяга" (1898), „Куда идти" (1899), „Исповѣдники" (1902), „Братья" (1904), „Карты на столъ" (1906), „Побѣжденныхъ не судятъ" (1910). Въ „Вѣстникѣ Европы" помѣщены и нѣкоторые изъ лучшихъ общественныхъ и литературно-критическихъ этюдовъ Петра Дмитріевича („Аѳинская республика", 1881; „Этюды по психологіи творчества", 1885; „Дюма-сынъ въ новомъ освѣщеніи", 1886).

Къ оцѣнкѣ художественнаго дарованія П. Д. Боборыкина, помѣщенной ниже, мы хотѣли бы прибавить нѣсколько словъ объ отношеніи его къ русской политической жизни. Отличительной его чертой часто признается объективизмъ, доходящій до „полнаго уничтоженія авторской личности". Еще на дняхъ, въ одной изъ лучшихъ статей,

вызванныхъ юбилеемъ П. Д., мы прочли, что „въ глубинѣ его души жили и сочувствіе, и негодованіе — и этимъ объясняется выборъ темъ для его романовъ,—но въ свою беллетристическую дѣятельность онъ не допускалъ ихъ". Самъ П. Д. неоднократно высказывался противъ „направленства" (имъ, кажется, и пущено въ ходъ это слово). И все же мы думаемъ, что обычный взглядъ требуетъ поправки или оговорки. Правда, мы не найдемъ у П. Д. лирическихъ изліяній, какихъ, напримѣръ, такъ много у Диккенса или Додэ; правда, онъ не говоритъ прямо отъ своего лица, избѣгаетъ отступленій, сентенцій, вводныхъ замѣчаній; но это еще не значитъ, что его произведеніямъ чужда субъективная окраска. Помимо выбора темъ, она чувствуется въ выборѣ положеній, въ выборѣ и характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ. Неужели, послѣ прочтенія одного изъ лучшихъ разсказовъ П. Д.: „Поумнѣлъ", можетъ остаться сомнѣніе въ томъ, на чьей сторонѣ сочувствіе автора—на сторонѣ приспособляющихся и примиряющихся, или на сторонѣ стойкихъ и вѣрныхъ? Неужели неясно, скорбитъ ли авторъ объ *ущербѣ*, изображаемомъ въ романѣ того же имени, или равнодушно констатируетъ его признаки? Неужели для рѣшенія этого вопроса недостаточно хотя бы картины обѣда, за которымъ, среди натянутости и неловкости, вызванной присутствіемъ ренегата, прорывается, наконецъ, законное чувство презрѣнія и гнѣва? Неужели ничего, кромѣ наблюдательности, не слышится въ изображеніи бюрократическихъ препонъ, встрѣчаемыхъ „ходокомъ" за голодающихъ крестьянъ? Еще рельефнѣе, быть-можетъ, взгляды автора отразились въ „Тягѣ", въ „Исповѣдникахъ", въ „Куда идти". Въ самыхъ послѣднихъ романахъ П. Д. незамѣтно даже тѣхъ сдержекъ, которыя онъ налагалъ на себя раньше, отчасти въ силу излюбленнаго имъ взгляда, отчасти подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. И если теоріи автора не всегда, съ занимающей насъ точки зрѣнія, соотвѣтствовала его практика, исполненіе, то мы, конечно, ставимъ ему это не въ вину, а въ заслугу. Именно потому его романы надолго сохранятъ значеніе не только лѣтописи русскаго общества на рубежѣ двухъ столѣтій, но и яркаго вклада въ исторію теченій, волновавшихъ русскую мысль.

СЕРГѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ МУРОМЦЕВЪ

(Опытъ его характеристики.)

Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу люди моего поколѣнія! Два года назадъ мы хоронили Чупрова. Не стало и Муромцева. Оба они встаютъ въ моей памяти, какъ необходимое восполненіе другъ друга. Чупровъ— это безпредѣльная любовь ко всему живущему, сердечное участіе къ страждущимъ и обремененнымъ. Это—во время данный мудрый и добрый совѣтъ, въ крайнемъ случаѣ—молчаливое рукопожатіе, бодрящее и потому благотворное. Разумъ, согрѣтый чувствомъ, ученость, отдавшая себя на служеніе всякому полезному начинанію — таковъ былъ незабвенный, всѣмъ равно доступный, никогда не щадившій своихъ силъ, добрѣйшій изъ добрѣйшихъ Александръ Ивановичъ.

Экономистъ-философъ и художникъ родного слова, Чупровъ училъ, воспитывалъ, будилъ совѣсть и временно уснувшія добрыя чувства у ряда поколѣній русской молодежи. Его благотворное вліяніе не разъ испытывали и его ровесники. Онъ умѣлъ сказать имъ правду въ глаза, не задѣвая ихъ самолюбія, но заставляя, въ то же время, задуматься, всмотрѣться въ самихъ себя, осудить собственное поведеніе и по возможности исправить невольно или сознательно сдѣланное ими зло. По истинѣ это былъ не только мудрецъ, но и святой.

Муромцевъ—это мужъ совѣта, это соборный человѣкъ, это знаменосецъ нарождающейся въ Россіи новой гражданственности. Его внѣшній видъ вызываетъ въ умѣ представленіе объ античной красотѣ и выступающей наружу внутренней гармоніи.

Онъ на первый взглядъ кажется холоднымъ и безстрастнымъ. Жизнь научила его владѣть собою, не подчиняться временнымъ настроеніямъ, избѣгать столько же увлеченій, сколько и разочарованности. Десятки лѣтъ онъ идетъ все одной и той же дорогой, не столько исповѣдуя, сколько служа однимъ и тѣмъ же убѣжденіямъ. Сами эти убѣжденія подсказаны ему не чувствомъ, а холоднымъ разумомъ. Они—выводъ изъ научнаго изученія прошлаго и изъ объективнаго наблюденія надъ дѣйствительностью. Съ юныхъ лѣтъ, изучая право въ процессѣ его образованія, онъ проникся увѣренностью, что ничто не достигается безъ борьбы и никакой порядокъ не можетъ считаться вѣчнымъ; разъ измѣнились породившія его условія, онъ падаетъ, уступая мѣсто но-

вому укладу, болѣе приспособленному къ измѣнившейся средѣ. Это чередованіе формъ политической жизни и правовыхъ институтовъ можетъ принять характеръ мирнаго и поступательнаго хода, иначе говоря—прогресса, если найдутся люди, творчество которыхъ будетъ направлено на ускореніе и облегченіе переживаемой обществомъ трансформаціи. Отсюда увѣренность Муромцева въ высокомъ призваніи юристовъ и его убѣжденность въ томъ, что свою въ нѣкоторомъ смыслѣ провиденціальную миссію они могутъ исполнить лишь подъ условіемъ никогда не порывать связи съ жизнью.

Юристъ долженъ дать себѣ отчетъ въ ея требованіяхъ и отвѣтить на нихъ приспособленіемъ къ нимъ старыхъ порядковъ, а если это немыслимо, то возведеніемъ новаго зданія по возможности на старомъ фундаментѣ. Эту истину сознавали еще римскіе правовѣды; „консерватизмъ римскаго права“, изученію котораго Муромцевъ посвятилъ одну изъ своихъ работъ, означалъ именно это рѣдкое умѣнье „вливать вино новое въ мѣха старые“, хотя бы для этого потребовалась нѣкоторая предварительная ихъ чинка.

Юристъ подготовляетъ переходъ къ высшимъ формамъ жизни, прививая обществу вкусъ къ извѣстнымъ новшествамъ, вполнѣ отвѣчающимъ измѣнившимся условіямъ народнаго быта. Эти новшества могутъ быть взяты на прокатъ, заимствованы у болѣе передовыхъ обществъ и пріурочены къ потребностямъ того, которому дѣлается прививка. Убѣдительнымъ примѣромъ сказаннаго можетъ служить та рецепція римскаго права германо-романскими племенами, исторію которой Муромцевъ представилъ въ другомъ своемъ сочиненіи, прямо посвященномъ этому предмету.

Но заимствованіе далеко не составляетъ обычнаго хода развитія права. Оно всего чаще представляетъ собою естественный ростъ, а этотъ послѣдній рисуется Муромцеву, какъ и всей той школѣ сравнительно-историческаго изученія юридическихъ институтовъ, главой которой одно время былъ его учитель Іерингъ, въ формѣ постепеннаго образованія все новыхъ и новыхъ правовыхъ наслоеній подъ вліяніемъ прогрессивнаго теченія народной жизни. „Гражданское право древняго Рима“—этотъ, какъ выразился одинъ изъ учениковъ Муромцева, „монументальный трудъ“ покойнаго юриста,—должно было служить иллюстраціей нормальнаго хода развитія права. Муромцевъ, быть можетъ, недостаточно оцѣнивалъ вліяніе, оказанное на эту трансформацію тѣми „потоками подражанія“, источниками которыхъ въ разное время были древняя Грецiя, Сирія и Египетъ. Работы такихъ ученыхъ, какъ напримѣръ лейпцигскій профессоръ Миттейсъ, въ этомъ отношеніи заполнили оставленные Муромцевымъ пробѣлы. Но они нисколько не опровергли его общей схемы — самопроизволь-

наго юридическаго творчества, на почвѣ измѣняющихся жизненныхъ отношеній, какъ главнаго фактора, обусловливающаго собою ростъ права.

Въ этомъ творчествѣ юристамъ вообще и судьямъ въ частности принадлежитъ, по мнѣнію Муромцева, роль, мало чѣмъ уступающая роли законодателя. Эта мысль—прямое отраженіе англійской и американской практики—была еще новинкой въ Германіи и отчасти въ Россіи въ то время, когда она была высказана Муромцевымъ. Она все болѣе и болѣе проникаетъ въ юридическое сознаніе германскихъ народовъ и наложила свою печать на кодификаціонныя работы новѣйшаго времени, всего болѣе на гражданскій кодексъ Швейцаріи—работу мѣстнаго юриста Губера.

У Муромцева практика всю жизнь шла рука въ руку съ теоріей. Проникнутый сознаніемъ той истины, что юристъ призванъ будить въ своихъ соотечественникахъ чувство законности и стремленіе къ созданію высшихъ формъ жизни, онъ съ юности, въ роли профессора, редактора научнаго журнала и предсѣдателя юридическаго общества, сталъ проповѣдывать обновленіе нашего обветшалаго строя, столько же гражданскаго, сколько и политическаго. Окруживъ себя единомышленниками, въ родѣ Гольцева, Іоллоса, Пржевальскаго, и раздѣливъ тяжесть руководительства юридическимъ обществомъ съ Александромъ Ивановичемъ Чупровымъ, предсѣдателемъ статистическаго его отдѣленія, Муромцевъ съумѣлъ обратить органъ московскихъ юристовъ въ вѣстникъ обществознанія и одновременно въ истолкователя земскихъ и городскихъ запросовъ къ правительству. Онъ самъ весьма вѣрно опредѣлилъ характеръ дѣятельности юридическаго общества въ годы своего предсѣдательствованія, сказавъ въ рѣчи, прочитанной имъ на торжественномъ засѣданіи 13-го марта 1888-го года: „мы не теряемъ надежды на то, что можетъ быть не въ очень далекомъ будущемъ русскія общественныя силы будутъ призваны къ большему, чѣмъ нынѣ, участію въ государственной жизни. Было бы легкомысленно, въ ожиданіи этого лучшаго будущаго, оставлять себя безъ надлежащей къ нему подготовки. Если лучшему будущему дѣйствительно суждено наступить, то оно не должно застигнуть насъ въ расплохъ. Тогда нѣкогда будетъ раздумывать, когда придется сразу передѣлывать то, что должно бы было, при иномъ порядкѣ вещей, передѣлываться постепенно, въ теченіе десятилѣтій. На представителяхъ русской общественной мысли и силы лежитъ обязанность теперь же приступать къ выработкѣ опредѣленныхъ предположеній... ...Юридическое общество признало, что задача его состоитъ въ проведеніи въ публику политическихъ идей, усвоеніе которыхъ требуется современнымъ обществен-

нымъ состояніемъ Россіи. Оно взялось далѣе за дѣло трудное, но важное — за подробную разработку нѣкоторыхъ преобразованій, въ которыхъ нуждается наше законодательство“ [1]). Вѣрный этой программѣ, Сергѣй Андреевичъ еще съ 1881-го года самъ работаетъ и заставляетъ работать другихъ надъ такими задачами, какъ выработка проекта закона о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, проекта основныхъ положеній фабричнаго устава, проекта правилъ объ участіи служащихъ въ прибыляхъ предпріятія. Одновременно общество было занято разборомъ выработаннаго коммиссіей Таганцева новаго уголовнаго уложенія, и эта работа была произведена такъ тщательно, что коммиссія, по заявленію самого Таганцева, „много разъ пользовалась съ величайшей выгодой для себя указаніями и замѣчаніями московскаго общества“ [2]).

Въ какомъ духѣ производилась вся эта далеко не легкая работа, объ этомъ говоритъ самъ Муромцевъ въ своей уже приведенной рѣчи. Вотъ подлинныя его слова:

„Изслѣдованіе закона въ связи съ нуждами жизни, внимательное отношеніе къ народному творчеству, сказывающемуся въ обычномъ правѣ и въ дѣятельности суда присяжныхъ, возможно полное огражденіе общества отъ преступленій, въ связи съ гуманнымъ отношеніемъ къ преступнику, укрѣпленіе суда по совѣсти въ сферѣ гражданскаго правосудія, огражденіе жизни, здоровья, умственнаго и нравственнаго развитія рабочаго противъ эгоизма предпринимателей, споспѣшествованіе международному правовому общенію, въ области же чистой науки — признаніе закономѣрности явленій общественно-правовой жизни и познаваніе ихъ путемъ историко-сравнительнаго изслѣдованія: вотъ задачи, которыя юридическое общество дерзало рекомендовать современному ученому, государственному и судебному дѣятелю и къ разрѣшенію которыхъ оно приложило свои посильные труды“ [3]).

Можно судить, послѣ всего сказаннаго, какъ болѣзненно отозвались въ душѣ Муромцева слѣдовавшія на близкомъ разстояніи другъ отъ друга сперва удаленіе съ занимаемой имъ каѳедры, затѣмъ закрытіе „Юридическаго Вѣстника“, существованіе котораго временно было продолжено, въ другомъ видѣ, цѣною личныхъ усилій и денежныхъ пожертвованій самого редактора и его ближайшихъ сотрудниковъ, наконецъ закрытіе юридическаго общества, въ возмездіе за то, что его предсѣдатель не отступилъ передъ мыслью связать съ памятью Пушкина протестъ противъ „властной опеки“ надъ личностью.

---

[1]) „Статьи и рѣчи“, выпускъ II, стр. 24 и 25.

[2]) Ibid., стр. 27.

[3]) Ibid., стр. 28.

Муромцевъ героически переносилъ удары судьбы и на новомъ поприщѣ присяжнаго повѣреннаго скоро сдѣлался руководителемъ работъ молодыхъ юристовъ. Какъ исполнялъ онъ эту добровольно принятую на себя обязанность, развивая самодѣятельность своихъ юныхъ товарищей и охотно „учась“ при случаѣ у тѣхъ, кого онъ призванъ былъ обучать, объ этомъ сказано было много вѣрнаго и цѣннаго надъ его свѣжей могилой нынѣ хорошо извѣстнымъ московскимъ адвокатомъ—Малянтовичемъ.

Тяжелый трудъ присяжнаго повѣреннаго не мѣшалъ Муромцеву посвящать часть своего времени исполненію обязанностей земскаго гласнаго, одинаково въ Тульской и Московской губерніяхъ, и участвовать въ засѣданіяхъ городской думы. О его дѣятельности въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія можно судить отчасти по тѣмъ „Письмамъ изъ Москвы“, которыя онъ печаталъ сперва въ „Порядкѣ“, газетѣ, издававшейся, въ 1881—2 гг., М. М. Стасюлевичемъ, а затѣмъ, съ 1885-го по 1886-ой годъ, въ „Вѣстникѣ Европы“. Его близко интересовали, въ періодъ наступившей уже реакціи вопросы о пересмотрѣ земскаго положенія и рано возникшія сомнѣнія насчетъ того, чтобы „мечтанія“ и „иллюзіи“, содержаніе которымъ давали еще недавніе слухи объ обще-земской Думѣ, скоро получили осуществленіе. Терзала его также мысль о томъ, что студенческія волненія и порождаемая ими „университетская смута“ не найдутъ желаннаго разрѣшенія въ „нѣкоторыхъ преобразованіяхъ болѣе широкаго свойства“, въ дарованіи русскому обществу свободы собраній и союзовъ. „Профессоръ—писалъ онъ—будетъ только профессоромъ, студентъ—только студентомъ... когда эти лица будутъ увѣрены, что для удовлетворенія прочихъ своихъ потребностей они найдутъ полный просторъ внѣ своихъ профессій, въ качествѣ обыкновенныхъ гражданъ“ [1]).

Муромцевъ еще въ 1882-мъ году былъ въ числѣ тѣхъ, кто не вѣрилъ въ цѣлебную силу „корпоративныхъ привилегій и изъятій изъ общаго закона“ и требовалъ реформы послѣдняго въ сторону развитія и укрѣпленія системы личной и общественной самодѣятельности“.

Успѣхи реакціи не въ состояніи были сломить его здороваго оптимизма, воспитаннаго изученіемъ историческаго прошлаго опередившихъ насъ народовъ и государствъ. Онъ зналъ, что часъ свободы необходимо придетъ и чувствовалъ себя еще настолько молодымъ и свѣжимъ, чтобы не отчаяваться въ возможности стать самому свидѣтелемъ великихъ событій.

И его надежды оправдались, правда не такъ скоро, какъ онъ разсчитывалъ. Пришлось ждать цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ

---

[1]) „Статьи и рѣчи“, вып. III, стр. 55.

обстоятельства позволили ему съ высоты президентскаго кресла сказать въ обращеніи къ депутатамъ перваго созыва: „Совершается великое". Подъ этимъ великимъ онъ разумѣлъ зарожденіе русскаго народнаго представительства. Въ эту минуту его мысль не тревожила еще возможность потери „государственной грамотки" и замѣны всенародныхъ мужей „ставленниками землевладѣльцевъ".

Прошло пятилѣтіе; новыя надежды оказались новыми „иллюзіями"; но и заканчивая свое поприще, Сергѣй Андреевичъ смѣло смотрѣлъ въ будущее, охотно принося ему въ жертву свое личное благополучіе.

И за это неизмѣнное служеніе идеалу свободной личности, поставленной подъ защиту безстрастнаго закона и суда и призванной къ широкой общественной дѣятельности, потомство воздастъ должное первому предсѣдателю первой русской Государственной Думы. Намъ же, его современникамъ и товарищамъ, приличествуетъ провозгласить „вѣчную память" такъ преждевременно покинувшему насъ вождю.

Максимъ Ковалевскій.

Къ пятидесятилѣтію литературной дѣятельности П. Д. БОБОРЫКИНА

Исполнилось 50 лѣтъ литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина.

Она была обширна и разнообразна. Петръ Дмитріевичъ выступалъ какъ романистъ, драматургъ, теоретикъ искусства, критикъ, публицистъ.

На нижеслѣдующихъ страницахъ я буду имѣть въ виду только *романы* и *повѣсти* П. Д. Боборыкина,—не съ тѣмъ, чтобы представить оцѣнку ихъ объективнаго значенія, какъ вклада въ русскую литературу, а съ цѣлью дать посильную характеристику *художественнаго дарованія* писателя.

Итоги художественной работы П. Д. Боборыкина еще не подведены. Несомнѣнно одно: она вошла въ исторію русской литературы, гдѣ будущій историкъ отведетъ ей видное и почетное мѣсто.

Оцѣнка его дарованія (я говорю объ оцѣнкѣ объективной, всесторонней, справедливой) еще не сдѣлана. Несомнѣнно одно: Боборыкинъ — *призванный и большой художникъ-наблюдатель и бытописатель*.

Это опредѣленіе, совершенно правильное, но слишкомъ общее,

должно быть дополнено указаніемъ на тѣ индивидуальныя черты, въ силу которыхъ въ ряду нашихъ художниковъ-наблюдателей и бытописателей П. Д. Боборыкинъ занялъ особое, *свое*, лишь ему одному принадлежащее мѣсто.

Подобно большинству нашихъ выдающихся художниковъ-наблюдателей, отъ Пушкина до Писемскаго, Боборыкинъ—строгій и послѣдовательный *реалистъ* въ искусствѣ. Быть реалистомъ въ искусствѣ, значитъ отправляться не отъ идеи, а отъ факта и осмотрительно переходить отъ видимости вещей къ скрытому въ нихъ смыслу, отъ конкретныхъ явленій къ обобщающей ихъ идеѣ, отъ внѣшняго человѣка къ внутреннему. Какъ и въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ это— столбовой путь индуктивнаго познанія.

Этимъ-то путемъ всегда и шелъ П. Д. Боборыкинъ. Достаточно извѣстны мастерство и точность, съ какими онъ описываетъ физіономію, манеру, походку, повадку, костюмъ—вообще внѣшняго человѣка. Часто (какъ это дѣлаютъ всѣ художники-реалисты) онъ писалъ прямо съ натуры. П. Д. Боборыкинъ — признанный мастеръ въ искусствѣ рисовать внѣшность человѣка. Но вотъ черта, на которую критика, кажется, не обратила должнаго вниманія: внѣшность сама по себѣ не представляетъ для Боборыкина самостоятельнаго интереса, и въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивается бѣглымъ абрисомъ, наброскомъ, не выписывая фигуру полностью. Его описанія мѣстъ, вещей, обстановки, обличья людей почти всегда сжаты, кратки, отрывочны,— я готовъ сказать (и это—не упрекъ): *спѣшны*. Набросавъ рисунокъ, намѣтивъ нѣсколько чертъ, онъ спѣшитъ дальше—и переходитъ отъ видимости вещей къ ихъ смыслу, отъ внѣшняго человѣка къ внутреннему. Черты внѣшности, которыя онъ такъ экономно воспроизводитъ, почти всегда имѣютъ у него опредѣленное психологическое значеніе. Въ самомъ способѣ рисовать внѣшность сказывается не рисовальщикъ, *а психологъ*.

П. Д. Боборыкинъ, по преимуществу, *реалистъ-психологъ*. Въ каждомъ выведенномъ лицѣ онъ стремится установить и освѣтить различныя черты, изъ которыхъ слагается его психика: тутъ и признаки наслѣдственной классовой психологіи, и навыки среды, и черты, создавшіяся подъ вліяніемъ воспитанія и обстоятельствъ личной жизни. Психологія пола и возраста занимаетъ видное мѣсто въ романахъ и повѣстяхъ Боборыкина, и многія фигуры, имъ созданныя, безспорно являются цѣннымъ документомъ для психолога. Діагнозъ натуры, темперамента, ума, страстей, настроенія лицъ всегда отличается обстоятельностью и точностью, исключающими у читателя возможность двухъ мнѣній о данномъ лицѣ. И лицо не только стоитъ передъ нами „какъ живое“, но оно *объяснено*, оно, можно сказать, *исчерпано* до

дна души, до сокровенныхъ помысловъ и инстинктивныхъ побужденій. *Изобразительные пріемы искусства здѣсь сочетались съ глубокою интуиціею прирожденнаго психолога и съ методическою точностью натуралиста.*

Я настаиваю на этомъ потому, что до сихъ поръ эта рѣзкая индивидуальная особенность творчества П. Д. Боборыкина не была оцѣнена. Напомню, напр., великолѣпныя фигуры Василія Теркина и Серафимы Ефимовны—натуры сложныя, представляющія для психологическаго анализа большія трудности. Какъ онѣ правдивы и ясны въ изображеніи Боборыкина—и какой „человѣческій документъ" представляютъ онѣ для психолога!

Вспомнимъ типы „Китай-города", гдѣ выведено московское купечество новой формаціи. Передъ нами рядъ лицъ, рѣзко и опредѣленно очерченныхъ—и весь интересъ этой яркой бытовой картины сводится именно къ психологіи среды и ея отдѣльныхъ представителей, къ изображенію и художественному истолкованію новыхъ замоскворѣцкихъ типовъ, явившихся на смѣну типамъ Островскаго. Черты наслѣдственности, навыки, ставшіе инстинктомъ, сквозятъ изъ-подъ налета неглубокаго просвѣщенія, новыхъ культурныхъ началъ, вѣяній „духа времени",—и эта амальгама истолкована исчерпывающимъ образомъ. То же самое нужно сказать и о представителѣ этой новой буржуазіи въ романѣ „Перевалъ"—Кумачевѣ: великолѣпный московскій типъ, въ своемъ родѣ пророческій...

Возьмемъ—на удачу—произведеніе, относящееся по идеѣ и фабулѣ къ другой области: повѣсть „*Поумнѣлъ*". Здѣсь опять мы имѣемъ исчерпывающій психологическій анализъ героя; до дна раскрывается весь душевный процессъ, приведшій героя къ тому печальному факту, что онъ „поумнѣлъ". Этотъ процессъ не только объясненъ, но и оцѣненъ съ моральной точки зрѣнія, чему содѣйствуетъ параллель между душевной исторіей мужа и душевной драмой жены, которая не „поумнѣла" и упрямо осталась при прежнемъ идеализмѣ...!

Не умножая примѣровъ, напомню только, что у Боборыкина есть вещи, написанныя спеціально на психологическія темы, гдѣ все внѣшнее и бытовое, да и сама фабула занимаютъ второстепенное мѣсто, *и гдѣ суть дѣла—въ разработкѣ и рѣшеніи психологической задачи и въ моральной оцѣнкѣ данныхъ явленій.* Таковы по-истинѣ превосходные разсказы: „*Безъ мужей*", „*Съ убійцей*", „*Трупъ*", „*Безвѣстная*".

Перехожу къ другой особенности, придающей художественному дарованію П. Д. Боборыкина большую цѣнность. Это — его разносторонность или широта района, на который простирается дѣйствіе его психологической интуиціи. Понимать людей интимно и проникно-

венно—дѣло не изъ легкихъ, и у различныхъ художниковъ мы находимъ, такъ сказать, спеціализацію человѣческаго пониманія; въ такихъ случаяхъ говорятъ, что писатель умѣетъ истинно-художественно воспроизводить такую-то среду, не обнаруживая подобнаго же умѣнья въ изображеніи другой, и часто, при этомъ, ссылаются на то, что данная среда хорошо знакома автору съ дѣтства, что онъ выросъ въ ней или изучалъ ее въ теченіе долгихъ лѣтъ. Вопросъ сложнѣе, чѣмъ кажется. П. Д. Боборыкинъ, сколько мнѣ извѣстно, не изучалъ спеціально и долго среду и бытъ телеграфистовъ—а между тѣмъ посмотрите, съ какою проникновенностью изобразилъ онъ людей изъ этой среды въ разсказѣ „Юзъ и Морзъ". Дворянинъ по происхожденію, изъ старинной помѣщичьей семьи, интеллигентъ по преимуществу, онъ воспроизводитъ купцовъ, мѣщанъ, интеллигентовъ-разночинцевъ, актеровъ, актрисъ, балетныхъ танцовщицъ, акушерокъ, гувернантокъ, боннъ, прислугу—такъ, что читателю, какъ бы онъ ни отнесся къ тому или другому произведенію въ цѣломъ и въ частностяхъ, прежде всего бросаются въ глаза сила и проницательность психологической интуиціи писателя. Прошу читателя вспомнить — *съ этой стороны* — изображеніе лицъ разнаго званія и состоянія въ большихъ романахъ, а также укажу на такіе разсказы, какъ „По чужимъ людямъ", „Три афиши", „Голубой лифъ", „Безвѣстная", „У плиты"—и читатель убѣдится въ томъ, что сила психологической интуиціи у Боборыкина не ограничивается кругомъ тѣхъ явленій, съ которыми онъ сроднился съ дѣтства или которыя онъ долго изучалъ. Какъ въ самой жизни, въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, такъ и въ художественномъ творчествѣ видная роль принадлежитъ *отгадкѣ:* можно двадцать лѣтъ знать человѣка и всетаки не понимать его, пока случайное обстоятельство или моментальное прозрѣніе не откроетъ вамъ душу этого человѣка. Мы не столько узнаемъ, сколько угадываемъ людей. У П. Д. Боборыкина этотъ даръ отгадки поистинѣ изумителенъ, и зачастую онъ обходится безъ—всегда могущественной—помощи личнаго опыта, какъ въ смыслѣ собственныхъ переживаній, такъ и въ смыслѣ методическихъ, повторенныхъ и провѣренныхъ наблюденій.

Но у него этотъ цѣнный даръ—угадывать чужую и чуждую душу—имѣетъ другого „помощника", которому имя—„*симпатическое воображеніе*". Безъ симпатическаго воображенія немыслимо художественное творчество, но у разныхъ художниковъ оно имѣетъ различную силу и — главное — *различную субъективную окраску основнымъ чувствомъ.* Это—одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ психологіи творчества и также столь родственной ей психологіи пониманія человѣка человѣкомъ, прозрѣнія въ чужую душу.

Въ дѣйствіи симпатическаго воображенія нужно различать двѣ

стороны. Писатель до извѣстной степени самъ переживаетъ чувства, настроенія, страсти изображенныхъ лицъ — гнѣвъ одного, горе другого, радость третьяго и т. д. Эти переживанія я называю „фиктивными чувствами", и это—только одна сторона явленія. Другую его сторону образуетъ основное субъективное чувство, у разныхъ художниковъ различное и всегда глубоко индивидуальное, съ которымъ художникъ фиктивно переживаетъ психологію и жизнь выведенныхъ лицъ. У Пушкина этимъ основнымъ чувствомъ была гуманность, у Гоголя — чувство скорбнаго юмора, у Тургенева — чувство мягкой и красивой грусти, у Достоевскаго—художническая жестокость (по удачному опредѣленію Михайловскаго) и т. д. — Какъ опредѣлимъ мы этотъ камертонъ симпатическаго воображенія у П. Д. Боборыкина?

Писателя нельзя только почитывать: его нужно перечитывать и изучать. Кто вчитывался въ художественныя произведенія Боборыкина, кто изучалъ ихъ, тотъ, полагаю, согласится со мною, что личнымъ, основнымъ чувствомъ, съ какимъ онъ переживаетъ психологію созданныхъ лицъ, должно быть признано своеобразное *чувство жалости*, я бы сказалъ: *созерцательной и потенціальной жалости*. Это—особое чувство, отличное отъ жалости въ собственномъ и обычномъ смыслѣ, хотя и родственное ей. Трудно подобрать для него точный терминъ; приходится прибѣгать къ описательнымъ выраженіямъ, въ родѣ, напр., такого: это—предчувствіе возможной жалости, это—готовность, когда будетъ поводъ, пожалѣть человѣка, и даже пожалѣть и безъ всякаго повода, „просто такъ-себѣ", „по-человѣчеству", въ минуту раздумья.

Это тонкое, часто едва уловимое чувство шевелится у вдумчиваго читателя при чтеніи романовъ и повѣстей Боборыкина весьма часто, даже тогда, когда лицо или сцена, по существу дѣла, не могутъ вызывать жалости. Тѣмъ явственнѣе обозначается оно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ для этой послѣдней, для жалости въ обычномъ смыслѣ, есть поводъ. Поводъ представляется нерѣдко, и мотивъ жалости къ людямъ — къ своимъ и чужимъ, къ близкимъ и далекимъ, къ себѣ самому—звучитъ то громче, то тише въ большинствѣ художественныхъ произведеній Боборыкина, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ достигаетъ до той высоты, на которой онъ становится тѣмъ, что можно назвать *паѳосомъ* творчества. Не даромъ этимъ *паѳосомъ жалости* запечатлѣнъ шедёвръ Боборыкина — романъ „*Василій Теркинъ*", одно изъ тѣхъ произведеній, которыми, по праву, гордится русская литература.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ЗАМѢТКИ О ТЕАТРѢ.

Сезонъ въ Московскомъ Художественномъ театрѣ открылся 12-го октября инсценировкой „Братьевъ Карамазовыхъ“. Задолго до спектакля эта рискованная попытка вызывала оживленные толки, и весьма многіе критики и театралы пророчили ей провалъ. Справедливо указывалось на то, что техника романа и драмы совершенно различны по самой природѣ своей; приспособить романъ къ сценѣ значитъ, собственно говоря, создать совсѣмъ новое литературное произведеніе, и чѣмъ талантливѣе и глубже романъ, тѣмъ больше таланта и глубины требуется отъ приспособителя—а гдѣ же теперь найдется талантъ, равный автору „Братьевъ Карамазовыхъ“? Припоминался цѣлый рядъ прежнихъ попытокъ выкроить драмы изъ романовъ Достоевскаго и Тургенева; припоминалась антихудожественность всѣхъ такихъ передѣлокъ безъ исключенія. Правда, Художественный театръ заявлялъ, что онъ не дерзнетъ измѣнить ни одного слова въ великомъ произведеніи Достоевскаго и ставитъ не передѣлку „Братьевъ Карамазовыхъ“, а лишь инсценировку нѣкоторыхъ частей романа, сохраняя текстъ въ полной неприкосновенности. Но скептики не унимались. Мыслимо ли, говорили они, втиснуть необъятное содержаніе романа въ рамки хотя бы и двухъ вечеровъ, какъ то дѣлаетъ Художественный театръ? Не останутся ли отъ романа одни жалкіе клочки, не будетъ ли въ корень разрушена вся сложная концепція его, не получится ли нѣчто досадное и даже оскорбительное для всѣхъ, почитающихъ и любящихъ проникновенную трагедію Карамазовской семьи?

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти возраженія были хорошо извѣстны руководителямъ Художественнаго театра, были обдуманы и взвѣшены, и если театръ все-таки рискнулъ ставить „Братьевъ Карамазовыхъ“, то, значитъ, надѣялся достигнуть нѣкоторыхъ художественныхъ цѣнностей, не упраздняемыхъ разсужденіями скептиковъ. Въ чемъ состоятъ эти цѣнности—догадаться было нелегко, и потому спектакли 12-го и 13-го октября пріобрѣтали особенно жгучій интересъ для всякаго, кому близка судьба сценическаго искусства и дорого творчество Достоевскаго.

Достаточно было пробѣжать программу обоихъ спектаклей, гдѣ

перечислены всѣ инсценируемые отрывки, чтобы сразу же понять, что театръ совсѣмъ не задается цѣлью показать на сценѣ не то что ужъ весь романъ, но даже хотя бы основные моменты его. Причины такого рѣшенія были разнообразны, но совершенно понятны.

Прежде всего, въ дѣло впуталась мертвящая десница драматической цензуры, которая категорически возбранила театру всякое прикосновеніе къ самой душѣ романа—къ богословскому и религіозному основному стержню его. Старецъ Зосима и весь монастырь, т.-е. то самое, во что Достоевскій вложилъ свою главную идею, должно было исчезнуть безслѣдно; изъ дальнѣйшихъ сценъ романа исчезли всѣ разговоры о вѣрѣ въ Бога и въ безсмертіе, о Христѣ и Голгоѳѣ, объ оправданіи міра и непріятіи его и т. д. Невыразимо тяжела эта заскорузлая и близорукая политика нашего цензурнаго вѣдомства, не оправдываемая ни исторически, ни психологически. Руководители вѣдомства какъ будто не знаютъ, что нашъ театръ начался съ мистерій, т.-е. съ инсценировки сюжетовъ изъ священнаго писанія и изъ житій святыхъ, что въ средніе вѣка, въ пору наиболѣе горячей религіозной вѣры, въ пору наиболѣе ревниваго оберeганія уваженія къ святынѣ, на театральныхъ подмосткахъ появлялись святые угодники, ангелы и самъ Христосъ—и это не только не оскорбляло религіознаго чувства, но наоборотъ, сама церковь всячески поощряла именно такія представленія, надѣясь при помощи ихъ отвлечь свою паству отъ народнаго, скоморошескаго театра. Такъ было на Западѣ, такъ было и въ старой Руси, при тишайшемъ и благочестивомъ царѣ Алексѣѣ, при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ. Такъ до сихъ поръ, разъ въ десять лѣтъ, стекаются несмѣтныя тысячи людей со всѣхъ концовъ свѣта въ баварскій Оберъ-Аммергау посмотрѣть на инсценировку евангельской повѣсти о страстяхъ Христовыхъ; тутъ являются передъ публикой на подмосткахъ апостолы, Матерь Божія и самъ Спаситель, изображаемые столярами и горшечниками. И смѣю увѣрить, что люди вѣрующіе, которые въ немаломъ числѣ вкраплены въ пеструю толпу, наполняющую оберъ-аммергауcкій театръ, не только не оскорбляются „Представленіемъ Страстей", но наоборотъ, вы можете иной разъ услыхать рядомъ съ собою тихій, умиленный плачъ. Этимъ примѣромъ я хочу только показать, что между театральными подмостками и религіознымъ чувствомъ нѣтъ той враждебной противоположности, которую утверждаетъ наша драматическая цензура, — и даже возможенъ союзъ, плодотворный и для вѣры, и для искусства.

Менѣе всего понятенъ цензурный запретъ для Достоевскаго вообще и для „Братьевъ Карамазовыхъ" въ частности. „Не хула Іисусу, а хвала"—вотъ что такое этотъ романъ. Человѣкъ великой и

искушенной вѣры, Достоевскій въ живомъ дѣйствіи, въ живомъ подвигѣ задумалъ изобразить борьбу абсолютной для него правды Христовой съ тѣми временными, антихристіанскими правдами, которыя имѣли силу среди его современниковъ, имѣютъ силу и доселѣ. Съ поразительнымъ безстрашіемъ истиннаго и незыблемаго убѣжденія, Достоевскій выдвинулъ все, что сказано было противъ Христа, съ щедростью генія прибавилъ къ этому все, что подсказывало ему его глубокое сердцевѣдѣніе, и затѣмъ побѣдилъ „правду міра сего" правдою христіанства. Онъ прошелъ черезъ неслыханную „силу отрицанія Бога", отвѣтилъ на нее „всѣмъ романомъ" и утвердилъ свою вѣру, такимъ путемъ, на базисѣ, которому не страшенъ уже никакой скептицизмъ, ибо все, что можетъ скептицизмъ возразить, онъ уже заранѣе предвидѣлъ и переспорилъ въ своей душѣ. Въ своемъ творчествѣ Достоевскій дѣлаетъ всѣхъ насъ участниками пережитаго имъ процесса укрѣпленія вѣры. А цензура отнимаетъ у насъ все это. Почему?..

Такимъ образомъ, вся религіозно-философская сторона романа, волею цензуры, отпала. Исчезла вмѣстѣ съ нею и въ высшей степени необходимая сцена скандала, учиненнаго Ѳедоромъ Павловичемъ Карамазовымъ въ монастырѣ—сцена, являющаяся существеннѣйшимъ моментомъ въ общей художественной и психологической конструкціи романа. Исчезъ, далѣе, центральный діалектическій пунктъ—„Легенда о Великомъ инквизиторѣ" и весь разговоръ Ивана съ Алешей въ трактирѣ. Наконецъ, скомкана и сцена суда надъ Митей, потому что цензура, какъ оказывается, не допускаетъ на подмостки не только монаховъ, но и судей.

Впрочемъ, въ послѣднихъ двухъ купюрахъ повинна не одна драматическая цензура: онѣ вынуждались и самымъ существомъ дѣла, т.-е. разницей художественной техники въ романѣ и въ драмѣ.

Когда вы читаете книгу, то діалогъ двухъ братьевъ въ трактирѣ, постоянно переходящій въ монологъ Ивана, исполненъ захватывающаго интереса. Но попробуйте воспроизвести эти сорокъ двѣ страницы убористой печати на сценѣ—и получится нѣчто совершенно невозможное. Во-первыхъ, этотъ разговоръ займетъ не менѣе двухъ часовъ времени, что уже само по себѣ нестерпимо. Во-вторыхъ, львиная доля этого времени падетъ на монологи Ивана, и какъ бы выразительно ни произносилъ ихъ артистъ, они утомятъ вниманіе зала; даже сверхчеловѣческаго напряженія зрителей не хватитъ, чтобы съ достаточной интенсивностью воспринять глубокую философскую діалектику Ивана. Нѣчто въ корень антисценическое получится и отъ полнаго отсутствія дѣйствія въ этой сценѣ, и отъ неизбѣжной длительной манекенности слушающаго и безмолвствующаго Алеши. Со всѣми

этими обстоятельствами, конечно, была бы безсильна справиться самая утонченная сценическая техника.

Въ сценѣ суда несоотвѣтствіе романа и драмы сказывается съ другой стороны. Тутъ Достоевскій даетъ въ діалогической формѣ лишь нѣкоторые особенно выпуклые моменты, главную же массу происшествій изображаетъ въ повѣствовательной формѣ, и, слѣдовательно, инсценировка всего суда абсолютно невозможна безъ коренной передѣлки текста, даннаго Достоевскимъ.

По той же причинѣ, какъ и разговоръ въ трактирѣ, т.-е. по полной антисценичности, исчезла и столь важная для характеристики Мити „исповѣдь горячаго сердца“, отлившаяся у Достоевскаго въ огромный монологъ, занимающій свыше двадцати страницъ и произносимый Митенькой передъ безмолвствующимъ и бездѣйствующимъ Алешей. Условія сцены заставили отказаться и отъ другихъ главъ, весьма важныхъ для характеристики Мити и исполненныхъ драматическаго напряженія, а именно отъ отчаяннаго метанія его за деньгами въ день катастрофы и отъ сцены „въ темнотѣ“, когда „слезы матери“ спасаютъ Митю отъ отцеубійства, а злой случай подставляетъ подъ его пестикъ старика Григорія. Нельзя было показать и „дѣтвору“, ибо неудалось подыскать исполнителей для Коли Красоткина, Смурова и прочихъ мальчиковъ.

Что же—спросите вы—осталось послѣ этого отъ романа? Отъ романа, какъ отъ цѣльнаго замысла, отъ цѣльнаго, весьма сложнаго, но стройнаго произведенія, не осталось ровно ничего. Однако съ этой точки зрѣнія безплодно было бы и подходить къ спектаклю 12—13 октября. Театръ не задавался цѣлью инсценировать романъ, хотя бы и съ большими купюрами, но съ соблюденіемъ основныхъ его архитектурныхъ и психологическихъ линій. Не сокращенный романъ предложенъ былъ нашему вниманію, а „отрывки изъ романа“. Подъ этимъ угломъ зрѣнія и надо судить новую постановку Художественнаго театра. Разъ театръ ясно сознавалъ, что невозможно хоть сколько-нибудь исчерпать на сценѣ бездонное и огромное содержаніе романа, разъ онъ сознательно и заранѣе отказался отъ этой задачи, то совершенно безплодно толковать о томъ, что онъ этой задачи не исполнилъ. Вопросъ для меня локализуется вотъ на чемъ: дала ли инсценировка немногихъ отрывковъ изъ романа,—быть можетъ даже не самыхъ существенныхъ въ общемъ замыслѣ Достоевскаго,—дала ли она что-нибудь художественно цѣнное, и если дала, то насколько значительны эти цѣнности, стоило ли ради нихъ цѣлой труппѣ работать до изнеможенія болѣе двухъ мѣсяцевъ, вынести до 180 репетицій, потратить бездну ума, энергіи, таланта, изобрѣтательности, и стоитъ ли публикѣ отдавать два вечера, чтобы посмотрѣть не очень-то ласково

встрѣченные критикой, непритязательные „отрывки изъ романа Ѳ. М. Достоевскаго“, какъ обозначаетъ спектакль программа.

Изъ 96-ти главъ романа постановка Художественнаго театра использовала всего 23, т.-е. менѣе одной четвертой части. Въ первый вечеръ идутъ отрывки изъ 3-ей—8-й книгъ романа. Изъ 3-ей книги взята сцена въ домѣ Ѳедора Павловича (разговоры Смердякова о мученичествѣ за вѣру и буйство Мити, главы 7—9), Грушенька у Катерины Ивановны (гл. 10), ночной разговоръ Мити съ Алешей подъ ракитой (гл. 11). Изъ 4-й книги взяты разговоры Алеши съ отцомъ (гл. 2), съ Лизой Хохлаковой (гл. 4), „надрывъ въ гостиной“ (гл. 5), „надрывъ“ у капитана Снѣгирева (гл. 6 и 7). Изъ 5-й книги инсценированъ только разговоръ Смердякова съ Иваномъ (гл. 6), изъ 7-й—только ночной визитъ Алеши къ Грушенькѣ (гл. 3), изъ 8-й—только появленіе окровавленнаго Мити въ квартирѣ Грушеньки и у Перхотина (гл. 5). Второй день начинается поразительной сценой кутежа въ Мокромъ и затѣмъ допроса Мити (кн. 8, гл. 7—8, и кн. 9, гл. 3—5); далѣе слѣдуютъ четыре отрывка изъ 11-й книги: мучительный разговоръ Лизы Хохлаковой съ Алешей (гл. 3), „Не ты... не ты...“ (гл. 5), послѣднее свиданіе Ивана съ Смердяковымъ (гл. 8) и кошмаръ Ивана Карамазова (гл. 9). Спектакль кончается отрывкомъ сцены въ судѣ—показаніе Ивана и второе показаніе Катерины Ивановны (кн. 12-я, гл. 5).

Отрывки, повидимому, подобраны такимъ образомъ, чтобы, пользуясь матеріаломъ, доступнымъ для сцены, дать по возможности отчетливыя характеристики главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ романа,—характеристики, конечно, только психологическія, ибо вскрывающаяся у Достоевскаго за индивидуальной психологіей общая метафизическая проблема должна была, въ виду изложенныхъ выше обстоятельствъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, исчезнуть. Удались ли однако хоть такія характеристики? Невсѣ и не вполнѣ, и по причинамъ разнообразнымъ.

Г. Лужскій даетъ интересный, но не исчерпывающій образъ главы Карамазовской „семейки“. Изступленное сладострастіе старика передано превосходно, но шутъ и приживальщикъ исчезли совсѣмъ—а вѣдь эта сторона не менѣе существенна для пониманія послѣдующей трагедіи, чѣмъ Карамазовское сладострастіе. Вѣдь какъ разъ приживальство, лакейство Ѳедора Павловича есть первоисточникъ его гибели. Смердяковъ—лакей, чортъ Ивана—тоже лакей, приживальщикъ, гаеръ. У обоихъ братьевъ эта черта есть органическая черта, полученная по наслѣдію отъ отца, въ крови коренящаяся. Смердяковъ весь сотканъ изъ лакейства, трусливаго и вмѣстѣ наглаго. Въ Иванѣ лакейство борется съ другими, благородными инстинктами, но въ иныя

минутки беретъ верхъ. И вотъ, въ одну изъ такихъ минутокъ два лакея вступаютъ въ союзъ и рѣшаютъ убійство своего отца, котораго оба до кровомщенія ненавидятъ, одинъ—какъ источникъ своего соціальнаго униженнаго положенія, другой—какъ источникъ столь отвратительнаго для него внутренняго лакея — „чорта". Я не имѣю возможности сейчасъ подробно развить эту тему, и только ограничиваюсь указаніемъ на весьма существенный психологическій узелъ, правильное пониманіе котораго освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ цѣлый рядъ фактовъ въ романѣ. И вотъ этотъ-то узелъ исчезъ совсѣмъ на сценѣ Художественнаго театра. Вина тутъ, впрочемъ, не на г. Лужскомъ: вѣдь шутовская ипостась старика - Карамазова дана Достоевскимъ какъ разъ въ сценѣ въ монастырѣ, которую похерила цензура. Но мнѣ кажется, что хотя въ намекахъ г. Лужскій могъ бы показать эту черту и на томъ матеріалѣ, который попалъ на сцену. Слѣдовало бы, кромѣ того, больше выдержать фигуру старика Карамазова въ томъ тонѣ нервической суетливости и раскидистости, который мѣстами такъ хорошо данъ г. Лужскимъ; необходимо отказаться отъ тѣхъ барскихъ, даже благородныхъ минъ и позъ, которыя изрѣдка, можетъ быть безсознательно, даетъ артистъ Карамазову-отцу: этихъ нотъ Достоевскій нигдѣ не приписываетъ ему. Психологически невѣрна спокойная жестокость, допускаемая г. Лужскимъ въ началѣ послѣдняго разговора съ Алешей: тутъ у старика, конечно, проявляется та самая нервическая злость, для передачи которой артистъ, нѣсколько минутъ спустя, находитъ такія экспрессивныя средства.

Митю играетъ г. Леонидовъ. И этой фигурѣ отсутствіе сцены въ монастырѣ много вредитъ. Теперь приходится начинать роль съ того момента, когда Митя врывается къ отцу и, на глазахъ братьевъ и слугъ, бьетъ его. Технически почти немыслимо актеру взять такую сильную сцену прямо, безъ всякой возможности предварительно „разыграться". Да и воспріятіе зрителя, хотя бы и въ совершенствѣ знакомаго съ романомъ, всетаки остается тоже неподготовленнымъ къ этой бурѣ, слишкомъ внезапной безъ предварительныхъ порывовъ въ кельѣ старца Зосимы и безъ муки „исповѣди горячаго сердца". Вѣроятно, по этимъ причинамъ первое появленіе Мити на сценѣ вышло какимъ-то деревяннымъ и ровно ничего не дало зрительному залу. Также мало тронулъ и разговоръ съ Алешей подъ ракитой. Стали даже поговаривать о полномъ провалѣ роли, и многіе съ этимъ выводомъ и ушли изъ театра въ первый вечеръ. Но меня отъ такого заключенія удержала послѣдняя картина, въ которой Митя опять, хотя и ненадолго, показывается на сценѣ, сначала на кухнѣ у Грушеньки, затѣмъ у Перхотина: сложные перебои настроеній, которые здѣсь раздираютъ Митину душу, переданы были г. Леонидовымъ съ

несомнѣннымъ подъемомъ, съ точной, гибкой и яркой экспрессіей. Но настоящую и безспорную побѣду одержалъ г. Леонидовъ въ началѣ слѣдующаго вечера, въ сценѣ кутежа, „бреда“ и допроса въ Мокромъ. Тутъ Митина душа явлена намъ была во всей силѣ и сложности своей Карамазовской сущности. Сначала робкій, кроткій и готовый „устраниться“, потомъ радостно недоумѣвающій, потомъ охваченный безудержно-радостнымъ порывомъ, то коноводъ буйной оргіи, то молитвенно созерцающій Грушеньку, сладострастный звѣрь, смиряемый тайной истинной любви, безпредѣльно счастливый и вдругъ раздавленный воспоминаніемъ о пролитой крови, молящійся о чудѣ, какъ ребенокъ, и еще переходы, переливы, оттѣнки безъ конца, и черезъ всю эту бурю переживаній красной нитью—дѣтски чистая, благородная основа Митиной души. Для всего нашелъ г. Леонидовъ и тонкость художественнаго воспріятія, и огромный артистическій темпераментъ, и совершенно исключительную гибкость, разнообразіе, экспрессивность изобразительныхъ средствъ. А затѣмъ допросъ—яркая антитеза Митина благородства и искренности съ юридической деревянностью судейскихъ тупицъ, его благоговѣйная благодарность Богу при вѣсти о спасеніи Григорія, доброжелательная откровенность со слѣдователемъ, смѣняемая потомъ то яростью оскорбленнаго человѣка, то глубочайшимъ презрѣніемъ къ душевной скудости допрашивающихъ, — и ослѣпительными молніями сверкающія порыванія къ Грушенькѣ... Передъ нами не было ни сцены, ни актера: неистовствовала, мучилась, восторгалась сама душа многограннаго Карамазовскаго первенца, постоянно помрачаемая, но въ основѣ своей неизмѣнно богоподобная. Смѣло скажу: артистъ шелъ вровень съ авторомъ. При такомъ исполненіи сцены въ Мокромъ характеристику Мити можно было бы считать исчерпывающей даже и при отсутствіи всѣхъ другихъ сценъ. До сихъ поръ мы знали г. Леонидова какъ артиста хорошаго, но не выдающагося; теперь въ немъ вскрылась художественная индивидуальность первостепеннаго калибра.

Г. Качаловъ отважился на роль Ивана. Да и кому же, какъ не этому тонкому и глубокому артисту, было браться за столь отвѣтственную задачу? Но подумайте только, что оставалось отъ Ивана при упраздненіи всей метафизической и религіозной стороны романа? Человѣкъ, связанный загадочными нитями съ Катериной Ивановной и еще болѣе загадочными — съ Лизой Хохлаковой, а болѣе всего — безсознательный участникъ отцеубійства. Но, говоря безотносительно, вѣдь и это много, очень много, гораздо больше, чѣмъ даютъ самыя напряженныя психологическія прозрѣнія современныхъ нашихъ драматурговъ. И г. Качаловъ, въ отведенныхъ ему рамкахъ, далъ образцы изумительнаго мастерства. Невозможно вложить больше изящества и

проникновенности въ сцену объясненія Ивана съ Катериной Ивановной передъ лицомъ Алеши, нельзя вообразить болѣе сложную и выразительную мимику во время вслушиванія въ темныя рѣчи Смердякова о поѣздкѣ въ Чермашню. Конецъ этой сцены сдѣланъ Качаловымъ безподобно: въ точномъ соотвѣтствіи съ указаніями Достоевскаго, онъ завершаетъ ее неожиданнымъ смѣхомъ, значительность и загадочность котораго Достоевскій рѣзко подчеркиваетъ. И вотъ, у г. Качалова самый характеръ этого смѣха, и особенно сопровождающіе его мимика и жесты, таковы, что на минуту изящный, сильный и умный Иванъ исчезаетъ и передъ вами стоитъ кто-то другой, чуть ли не тотъ самый чортъ, въ котораго потомъ Иванъ запуститъ стаканомъ. И вы начинаете понимать, откуда взялась невысказанная интимность Ивана съ Смердяковымъ, съ одной стороны, и горячая убѣжденность Алеши въ невинности Ивана — съ другой. Ослѣпительно яркой молніей сверкаетъ связь этого момента съ кошмаромъ Ивана и внезапно освѣщаетъ затаеннѣйшія глубины въ концепціи романа. Иванъ второго дня ведется съ такимъ же мастерствомъ и достигаетъ вершинъ творчества въ сценѣ кошмара, гдѣ г. Качаловъ отваживается на задачу неслыханной трудности—и выходитъ побѣдителемъ.

Какъ было ставить сцену кошмара? Посадить Ивана и чорта другъ противъ друга и заставить ихъ разговаривать? Но это было бы невозможной аляповатостью, ибо вѣдь чортъ—галлюцинація Ивана. Для избѣжанія такой явной несообразности, г. Качаловъ рѣшилъ превратить діалогъ въ монологъ, т.-е. говорить самому и за чорта, и за Ивана, только легкими оттѣнками выдѣляя эти два голоса, препирающіеся въ смятенной душѣ безсознательнаго отцеубійцы. Я не скажу, чтобы уже на первомъ представленіи г. Качаловъ вполнѣ овладѣлъ всѣми деталями этого небывалаго до сихъ поръ на сценѣ пріема; кое-гдѣ переходъ отъ одного голоса къ другому стушевывается, но общій контуръ намѣченъ съ удивительной силой и вѣрностью, впечатлѣніе получается огромное и сразу же становится ясно, что, сыгравъ свою роль нѣсколько разъ, артистъ безъ труда доработаетъ все, чего еще не хватало на первомъ представленіи. Силѣ впечатлѣнія содѣйствуетъ и тонкая постановка этой картины. Рампа совершенно потушена, сцена освѣщается только невѣрнымъ, колеблющимся пламенемъ одинокой свѣчи на столѣ передъ самоваромъ, отъ котораго на заднюю стѣну падаетъ причудливая, человѣкообразная тѣнь. Входитъ Иванъ, проходитъ между свѣчой и стѣной— и опять по стѣнѣ ползетъ гигантская, шатающаяся тѣнь отъ него. И вся сцена кажется заполненной колеблющимися тѣнями; среди нихъ еле намѣчается контуръ кресла, на которомъ Ивану мерещится

чортъ, и вы не видите, есть на томъ креслѣ кто-нибудь, или нѣтъ никого. Жутко и кошмарно, путанно все какъ-то, въ полномъ соотвѣтствіи съ кошмарной психикой Ивана. Особенной силы достигаетъ настроеніе въ концѣ картины, когда, взволнованный мечтой о человѣко-богѣ, Иванъ выпрямляется во весь ростъ, слабый отблескъ свѣчи едва освѣщаетъ его торсъ, а плечи, руки и голова тонутъ во мракѣ, и оттуда несется проникающій въ душу голосъ, исполненный мрачной гордости и вмѣстѣ съ тѣмъ—послѣдняго отчаянія и тоски... Эта картина по силѣ замысла и совершенству воплощенія прямо примыкаетъ къ сценѣ въ Мокромъ. Послѣ нея уже мало прибавляетъ монологъ Ивана въ судѣ, хотя проведенный съ рѣдкимъ мастерствомъ и богатствомъ нюансовъ.

Лицо, которое Достоевскій называетъ настоящимъ героемъ своимъ, Алеша—не удался совсѣмъ. Не угаданъ, прежде всего, его внѣшній обликъ. Забыли, что Алеша ростомъ выше средняго, хорошо сложенъ, красивъ и краснощекъ, что онъ — тоже Карамазовъ и преисполненъ „изступленной“ силой жизни, что его обаяніе—не обаяніе фанатика-аскета или изможденнаго юродиваго, а власть жизнерадостности, ласковой любви и всепрощающаго пониманія, основаннаго на способности *все* пережить, перечувствовать и все побѣдить не эпитиміею, а кроткой любовностью. Передъ нами, въ лицѣ г. Готовцева, явился худощавый, съ намекомъ на изможденность, елейный субъектъ, не безъ дьячковства, субъектъ совершенно незначительный и теряющійся рядомъ съ остальными фигурами, созданными Художественнымъ театромъ. Исчезла и многогранность Алешиной психики, его *настоящая* влюбленность въ Лизу Хохлакову (помните, какъ онъ краснѣетъ, когда Лиза съ нимъ заигрываетъ передъ старцемъ Зосимой), доступность для него карамазовскаго сладострастія и бунта, его тяжкія боренія послѣ „тлетворнаго духа“, пошедшаго отъ старца Зосимы. Хоть бы дали главу: „Такая минутка“, гдѣ Алеша бунтуетъ противъ Бога своего и соглашается дѣлать все, что ни подскажетъ ему Ракитинъ. Вѣдь эта глава стоитъ въ органической связи съ послѣдующей „Луковкой“, инсценированной Художественнымъ театромъ, и мысль о постановкѣ ея подсказывается сама собой; иначе и позиція Алеши у Грушеньки, и пережитый имъ тамъ переломъ и восторгъ остаются непонятными. Но, повидимому, театръ прямо таки не понялъ Алешу и ограничилъ его участіе въ драмѣ простыми и незначительными репликами. Не поняли, что тутъ передъ нами попытка возродить подвигъ Христовъ въ условіяхъ бурной русской дѣйствительности, поставить человѣколюбца кроткаго лицомъ къ лицу съ человѣколюбцемъ революціонеромъ (вѣдь Иванъ—будущій дѣятель 1-го марта), заставить его, безгрѣшнаго, взять на себя грѣхъ братьевъ своихъ и добровольно

взойти на Голгоѳу. Правда, все это должно было разыграться во второмъ, „настоящемъ", ненаписанномъ романѣ, къ которому написанный былъ только предисловіемъ, только „эпизодомъ изъ ранней юности героя". Но уже и въ юности сказались черты будущаго великаго подвижника, и онѣ даны въ романѣ, но не были подхвачены и истолкованы въ инсценировкѣ.

Таковы успѣхи и недочеты Художественнаго театра въ характеристикѣ главныхъ героевъ Достоевскаго. Объ остальныхъ лицахъ я ограничусь краткими замѣчаніями. Смердяковъ очень вѣрно данъ въ первый вечеръ г. Вороновымъ, уловившимъ безпримѣсное хамство этой души, амальгаму трусости и наглости, логической изворотливости и нравственной тупости. Въ предсмертномъ разговорѣ съ Иваномъ г. Вороновъ сильно „сдалъ" и только ослабилъ впечатлѣніе, оставленное предыдущей игрой. Безподобный типъ создаетъ г. Москвинъ изъ капитана Снѣгирева. Съ высоко-художественной правдивостью передано имъ порывчатое и злобное гаерство оскорбленнаго жизнью и людьми человѣка—и восхитителенъ по чуткости переходъ къ откровенности, когда Снѣгиревъ начинаетъ чуять кроткую любовность Алеши. Разсказъ у камушка про Илюшечку, постоянно прерываемый мужественно подавляемыми всхлипываніями, вполнѣ достоинъ Достоевскаго, выявляя основную его идею о той красотѣ, которую изъ самой исковерканной и озлобленной души можетъ вызвать ласка. Г. Москвину мѣнять въ своемъ исполненіи нечего: это вполнѣ законченное художественное цѣлое, насквозь, до мельчайшихъ деталей дышащее органической жизненной правдой. Превосходно передаетъ инсценировка и „нѣдра" Снѣгирева—его семью, дочерей, жену, Илюшечку: всего на нѣсколько минутъ мелькаютъ передъ зрителемъ эти лица, но онъ ихъ никогда уже не забудетъ. Удачно воплощены и еще многія эпизодическія лица: Ракитинъ, судебный слѣдователь, всѣ фигуры въ сценѣ въ Мокромъ.

Далеко не такъ благополучно обстоитъ дѣло съ героинями романа. Г-жѣ Гзовской, вообще врядъ ли подходящей къ стилю Художественнаго театра, совсѣмъ не слѣдовало браться за психологически труднѣйшую роль Катерины Ивановны. Тутъ ничего не сдѣлаешь развитой техникой, тщательнымъ обдумываніемъ, упорной работой—всѣми тѣми качествами, которыми обладаетъ въ высшей степени эта артистка, и благодаря которымъ она снискала немало симпатій на сценѣ Малаго театра и во время петербургскихъ гастролей. Тутъ надо художественное проникновеніе и способность непосредственныхъ творческихъ переживаній,—то, что совершенно чуждо артистической индивидуальности г-жи Гзовской. Въ результатѣ и вышло то, что должно было выйти: изъ Катерины Ивановны на сценѣ Художественнаго

театра не получилось ровно ничего, не сложилось никакой фигуры, ни вѣрной, ни невѣрной.

Очень неровно ведетъ роль Грушеньки г-жа Германова. Издѣвательство „инфернальной женщины" надъ Катенькой совсѣмъ пропало; гораздо лучше прошло покаяніе передъ Алешей, съ искренними и трогательными нотами; но вѣнцомъ игры г-жи Германовой оказалась все та же сцена въ Мокромъ, гдѣ артистка нашла выраженія для многихъ струнъ въ сложной душѣ Грушеньки и была достойнымъ партнеромъ г. Леонидова.

Съ особой похвалой долженъ я отмѣтить молодое, но богатое дарованіе г-жи Кореневой. Она насъ заинтересовала уже нѣкоторыми нотками въ прошломъ году, играя Вареньку въ „Мѣсяцѣ въ деревнѣ". Теперь, въ трудной и отвѣтственной роли Лизы Хохлаковой, она нашла совершенно неожиданные и въ высокой степени примѣчательные тона для передачи этого причудливаго созданія Достоевскаго. Обѣ сцены ея съ Алешей — и дѣтски-наивная, и недѣтски-мучительная — были истолкованы г-жей Кореневой съ равной содержательностью и убѣдительностью непосредственнаго переживанія. Наоборотъ, Хохлакова-мать въ исполненіи г-жи Раевской сдѣлана въ совершенно невѣрныхъ тонахъ: изъ молодой, „еще красивой" и истерической дамы получилась какая-то грузная, спокойная фигура съ медлительной рѣчью и медлительными движеніями. Сущее недоразумѣніе.

Итакъ, въ смыслѣ характеристики типовъ, созданныхъ Достоевскимъ, постановка Художественнаго театра, при нѣкоторыхъ, иногда существенныхъ неудачахъ, дала всетаки цѣлый рядъ прекрасныхъ достиженій, и притомъ такихъ, которыя не могли бы получиться ни на какомъ другомъ матеріалѣ. Во всей русской драматической литературѣ нѣтъ типовъ такой глубины, силы и сложности, какъ у Достоевскаго. Въ этомъ отношеніи съ нимъ рядомъ можетъ стать и въ міровой литературѣ только Шекспиръ; но, конечно, сейчасъ невозможно собрать русскую труппу, которая воплотила бы образы Шекспира съ той степенью совершенства, съ какой Художественный театръ воплотилъ образы Достоевскаго. Кто изъ нашихъ драматурговъ, современныхъ или прежнихъ, ставитъ артистамъ столь благородныя и огромныя задачи, требуетъ отъ нихъ такого творческаго напряженія, такъ до дна исчерпываетъ ихъ талантъ, какъ это видѣли мы на инсценировкѣ „Братьевъ Карамазовыхъ"? И вполнѣ понятно, что артисты, смутно чувствующіе въ своей душѣ еще неявленныя возможности, цѣлые пласты, нетронутые предыдущей работой, ищутъ требовательнаго художника, могущаго потрясти ихъ еще неиспытаннымъ восторгомъ, вызывающаго ихъ на творенія красоты и значительности еще небывалой. Если театръ духовно переросъ драматур-

говъ, то естественно, что онъ идетъ къ романистамъ, тоже далеко оставившимъ за собою драматическую литературу въ смыслѣ проникновенія въ тайники страстей человѣческихъ. Кто же будетъ спорить, что отъ такого ненормальнаго посягновенія сцены на романъ получается нѣчто архитектурно нескладное, что вмѣсто стройнаго цѣлаго передъ нами лежатъ какіе-то обломки. Но и обломки античныхъ статуй всетаки безмѣрно выше, чѣмъ новенькія съ иголочки рыночныя подѣлки въ витринѣ эстампнаго магазина на Невскомъ проспектѣ или Кузнецкомъ мосту.

Но не только отдѣльныя индивидуальныя характеристики цѣнны въ новой постановкѣ Художественнаго театра. Сцена въ Мокромъ, огромная, длящаяся почти полтора часа, колоссально значительна въ смыслѣ, такъ сказать, симфоническомъ. Тутъ достигнута неслыханная въ русскомъ театрѣ напряженность и сконцентрированность драматизма и даже трагизма. Кто сомнѣвается въ трагической сущности дарованія Достоевскаго, тотъ пусть посмотритъ эту сцену въ исполненіи Художественнаго театра. Раскаленные потоки противорѣчивыхъ страстей съ головокружительной быстротой мчатся, сталкиваются, кружатся въ водоворотѣ, вздымаются къ небесамъ, низвергаются въ бездны, стономъ и воплемъ, осанной и изступленіемъ потрясаютъ весь душевный составъ человѣческій. Достоевскій, видимо, заразилъ всю труппу, и исполненіе идетъ все время вровень съ замысломъ. Всѣ, отъ первыхъ персонажей до послѣднихъ статистовъ, захвачены этимъ бѣшенымъ ураганомъ: и сѣрые понятые, и оргійная, жуткая толпа развернувшихся во всю парней и дѣвокъ,—не декадентски, а по-русски, по-деревенски оргійная, не столько виномъ, сколько ярилинымъ хмѣлемъ пьяная. Прямо не хватаетъ словъ, чтобы передать потрясающее впечатлѣніе отъ этихъ визжащихъ пѣсенъ, отъ возни любострастной, но отнюдь не пошлой, отъ Митина и Грушенькина рисунка на этомъ фонѣ, то безпредѣльно мощнаго, то обаятельно тонкаго. Ревущая симфонія бреда то наростаетъ, то утихаетъ, перемежаясь съ нѣжной лирикой двухъ влюбленныхъ душъ. И вдругъ безмолвіе, и какъ громовой ударъ — глаза слѣдователя, глядящаго черезъ очки за занавѣску, гдѣ притихли въ истомѣ счастья Митя съ Грушенькой. Моментъ перелома. Начинается другая ритмика—хожденіе Мити по мытарствамъ... Да, и это обломокъ, но такой, за который нежалко отдать всю современную нашу драматургію, ибо онъ есть великое обѣтованіе, пророчество о томъ, чѣмъ можетъ быть и будетъ грядущая русская трагедія и грядущій русскій театръ.

Я не отмѣтилъ бы одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ въ новомъ опытѣ Художественнаго театра, еслибы не упомянулъ о совершенно своеобразной внѣшней постановкѣ „Братьевъ Карамазо-

выхъ". Основной характеръ этой постановки — абсолютная простота, полное отреченіе отъ полноты сценической иллюзіи, откровенная условность. Во-первыхъ, спектакль начинается и нѣсколько разъ прерывается простымъ чтеніемъ. Чтецъ, г. Званцевъ, тутъ же, на глазахъ у всѣхъ: для него отгорожена лѣвая (считая отъ публики) четверть сцены, превращенная въ темную нишу, обитую черно-зеленой тканью и освѣщенную слабой электрической лампочкой на пюпитрѣ. Чрезвычайно просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ вдумчиво и проникновенно, какъ бы житійно, онъ читаетъ по книгѣ разсказъ о томъ, какъ старецъ Зосима посылаетъ Алешу изъ монастыря къ отцу и братьямъ. Чтецъ умолкаетъ. Находящаяся рядомъ съ нимъ темно-зеленая занавѣска на колечкахъ, скрывающая остальную часть сцены, медленно отодвигается, и вы видите нѣчто не претендующее ни на какую иллюзію: близко придвинутый къ рампѣ свѣтлый сѣровато-зеленоватый фонъ, передъ нимъ два-три предмета изъ меблировки, едва намѣчающіе обстановку Карамазовской залы, и просто распланированныя фигуры—Θеодоръ Павловичъ, Иванъ, Смердяковъ, Григорій. Двѣ-три секунды все неподвижно и безмолвно, затѣмъ начинается разговоръ, къ которому васъ вплотную подвелъ чтецъ. Тотъ же самый фонъ остается и во всѣхъ безъ исключенія остальныхъ картинахъ, — мѣняются только предметы, намѣчающіе обстановку, и всегда число ихъ отпущено крайне скупо: это — два-три предмета, то богатыхъ (у Хохлаковыхъ и Катеньки), то мѣщанскихъ (у Грушеньки), то нищенскихъ (у Снѣгирева). Та же скупость остается и при дѣйствіи на открытомъ воздухѣ. Встрѣча Алеши съ Димитріемъ обставлена одной только ракитой, стволъ которой идетъ наискосокъ посередь сцены, а листва раскинулась длинной линіей наверху. Декорація „надрыва на чистомъ воздухѣ": большой камень, возлѣ него заборъ, который какъ-то незамѣтно сводится на нѣтъ въ двухъ саженяхъ отъ камня. Декорація разговора Ивана со Смердяковымъ: ворота и возлѣ нихъ лавочка; больше ничего. И такъ во всѣхъ сценахъ. Но эта простота далась, очевидно, нелегко. Посмотрите, съ какимъ непогрѣшительнымъ вкусомъ подобраны всѣ красочныя пятна, всѣ линіи. А затѣмъ сколько мудрости въ этой бѣдности: ничего лишняго, но ровно столько, что, окинувъ сцену бѣглымъ взглядомъ, вы сразу получаете совершенно точное знаніе того, гдѣ именно, въ какой обстановкѣ и атмосферѣ происходитъ дѣйствіе. И дальше вамъ уже нечего больше дѣлать съ обстановкой, все ваше вниманіе цѣликомъ сосредоточивается на лицахъ, на ихъ словахъ и переживаніяхъ: фонъ данъ моментально, остается слѣдить за узоромъ, который на немъ ткется.

Въ этой мудрой простотѣ сказывается черезвычайно любопытная

эволюція, переживаемая Художественнымъ театромъ—если только не театромъ вообще, ибо уже и за границей производятся опыты въ этомъ же самомъ направленіи. Нѣчто подобное мнѣ доводилось видѣть у Рейнгардта въ Берлинѣ и въ Мюнхенскомъ Künstlertheater. У московскихъ же художниковъ такая эволюція особенно поучительна. Вѣдь они начали съ неслыханно реалистическихъ постановокъ хотя бы Чеховскихъ пьесъ—а теперь, очевидно, исчерпавъ эту манеру до конца, почувствовали необходимость иного пріема, выдвигающаго рельефно экспрессію словъ и фигуръ и достигающаго такимъ путемъ особенно тонкихъ и сконцентрированныхъ эффектовъ. Даже и Чехова они теперь иногда исполняютъ въ обстановкѣ простой гостиной, безъ всякихъ сценическихъ аксессуаровъ, при чемъ идутъ тутъ еще дальше въ смыслѣ упрощенія, сводя игру и даже мимику до намекающихъ жестовъ и пользуясь почти исключительно экспрессіей дикціи. И какое это получается обаятельное, высокохудожественное зрѣлище! Послѣ него обычная постановка начинаетъ казаться уже слишкомъ матеріальной, почти грубой.

Чрезвычайно удачна мысль примѣнить къ инсценировкѣ Достоевскаго пріемъ упрощенной постановки. Вѣдь Достоевскій и самъ весьма мало обращаетъ вниманія на декорацію: онъ всегда обозначаетъ ее парой штриховъ, а потомъ и совсѣмъ про нее забываетъ, увлеченный психическими переживаніями своихъ героевъ.

Въ конечномъ итогѣ, вопросъ: „стоило-ли?" рѣшается, я думаю, самъ собою: плюсы въ новомъ опытѣ Художественнаго театра столь огромны, столь многочисленны и столь поучительны, что прямо даже неохота думать и говорить о тоже значительныхъ и тоже многочисленныхъ минусахъ. Великая радость и великая благодарность—вотъ настроеніе, съ которымъ покидаешь Художественный театръ послѣ „Братьевъ Карамазовыхъ",—и еще преклоненіе передъ труппою, которая обладаетъ не только творческой талантливостью, но и благородной и безпредѣльной дерзновенностью неустаннаго исканія, истиннымъ безстрашіемъ передъ самыми, казалось бы, безнадежными рисками. Бросаются въ бездны, за то достаютъ настоящіе жемчуга.

С. Адріановъ.

НѢСКОЛЬКО НОВѢЙШИХЪ КНИГЪ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Я не пишу систематическаго обзора по исторіографіи французской революціи за ближайшее время: для этого потребовалась бы, конечно, болѣе обширная и обстоятельная статья, а не маленькая, такъ сказать, летучая замѣтка о нѣкоторыхъ книгахъ, съ которыми я познакомился приблизительно за послѣдній годъ и которыя, по моему мнѣнію, болѣе или менѣе достойны быть отмѣченными въ общей печати для любителей историческаго чтенія.

Общимъ трудомъ по исторіи революціи является книга П. Кропоткина: „La grande révolution", вышедшая въ свѣтъ въ 1909 г., кромѣ французскаго языка, на нѣмецкомъ и англійскомъ. Объ этой книгѣ мною написана большая статья [1]). Здѣсь, поэтому, ограничусь немногими словами. Особенность книги — та, что авторъ поставилъ себѣ задачею восполнить нѣкоторые пробѣлы въ обычномъ представленіи о ходѣ французской революціи, справедливо замѣчая, что экономическая сторона революціи еще сравнительно мало изслѣдована. Впрочемъ, онъ, собственно говоря, занимается самъ въ своей книгѣ не экономическими отношеніями и порядками эпохи, а тѣми событіями, тою борьбою, которыя имѣютъ преимущественное отношеніе къ экономическимъ причинамъ и условіямъ. Понятно, что послѣднія касаются главнымъ образомъ выступленія народныхъ массъ, а потому авторъ и слѣдитъ больше всего за этими выступленіями и за проявленіями въ нихъ соціальныхъ идей (въ частности — анархизма и коммунизма). Черезъ всю книгу проводится мысль о двойственности революціи: во-первыхъ, въ ней, по мнѣнію автора, была идейная сторона, имѣвшая свой источникъ въ буржуазіи, а во-вторыхъ, активная сторона, выступленія народныхъ массъ. Обыкновенно ихъ связываютъ съ дѣятельностью якобинцевъ, но авторъ въ этой партіи республиканскихъ государственниковъ видитъ враговъ народныхъ движеній, его интересующихъ. Хронологическіе предѣлы въ книгѣ — 1789 и 1793 годы, съ большимъ освѣщеніемъ того, что ближе къ 1793-му, а не 1789-му году. Весь трудъ основанъ на старомъ матеріалѣ, которымъ авторъ пользовался въ Британскомъ музеѣ, на вновь опубликованныхъ архивныхъ источникахъ и на работахъ другихъ историковъ.

---

[1]) „Русское Богатство", IX и X кн. за 1910 г.

Очень существенныя поправки къ изображенію въ книгѣ Кропоткина событія 10-го августа 1792 г. даетъ спеціальное изслѣдованіе объ этомъ событіи, сдѣланное Ф. Саньякомъ (Ph. Sagnac) въ книгѣ: „La chute de la royauté", тоже вышедшей въ прошломъ году. Этотъ историкъ—прекрасный спеціалистъ по эпохѣ французской революціи; его „Législation civile de la révolution française" (1898) пользуется заслуженною репутаціею очень солиднаго труда. Теперь проф. Саньякъ подвергъ критикѣ разсказы историковъ о 10-мъ августа 1792 г., когда совершилось паденіе конституціи 1791 г., а съ нею и монархіи во Франціи, и произвелъ самый тщательный разборъ свидѣтельствъ современниковъ этого событія, чтобы дать свой разсказъ о томъ, какъ и кѣмъ было подготовлено и какъ, собственно, происходило возстаніе 10-го августа. Общее значеніе событія проф. Саньякъ опредѣляетъ такъ: „14-ое іюля разрушило—но только въ упованіи—старый порядокъ, и съ 1789 по 1792 г. Франція жила въ неизвѣстности относительно будущаго. 10-ое августа положило конецъ этой ужасной неопредѣленности и, вмѣстѣ съ битвами при Вальми и Жемаппѣ, окончательно обезпечило новый порядокъ". Это—выводъ, съ которымъ въ общемъ долженъ былъ бы согласиться и Кропоткинъ, хотя ему и пришлось бы кое-что передѣлать въ изображеніи самыхъ фактовъ.

Идейная сторона французской революціи тѣсно связана съ вопросомъ объ отношеніи ея къ просвѣтительной философіи XVIII в. На эту тему большой трудъ издалъ въ нынѣшнемъ году Жозефъ Фабръ (Joseph Fabre), подъ заглавіемъ: „Les pères de la révolution—de Bayle à Condorcet" и съ посвященіемъ памяти Гамбетты. Авторъ самъ называетъ свой трудъ „патрологіей революціи" и ставитъ своею задачею подробно изслѣдовать генезисъ и эволюцію идей, подъ знаменемъ которыхъ происходила революція. Тема не новая, и въ развитіи ея тоже новаго мало, такъ какъ авторъ болѣе излагаетъ, нежели анализируетъ идеи „отцовъ революціи". Съ гораздо бо̀льшимъ интересомъ, нежели глава о Руссо въ книгѣ Фабра, читается небольшой трудъ Эдма Шампіона (Edme Champion): „J.-J. Rousseau et la révolution française", вышедшій въ свѣтъ въ прошломъ году. Уже раньше авторъ оспаривалъ мнѣніе, осуждающее Руссо, какъ предшественника террористовъ, и возвращается къ этой темѣ въ виду новѣйшихъ нападокъ на Руссо и вообще въ виду существованія „прискорбной маніи воплощать въ одномъ человѣкѣ такое событіе, какъ французская революція". Книга Шампіона—далеко не панегирикъ Руссо, хотя ей и поставлена апологетическая цѣль, а критическій разборъ мнѣній историковъ и вообще потомства и отношеній, въ какихъ стояли къ Руссо дѣятели революціи. Не такъ давно Іеллинекъ, въ своемъ изслѣдованіи о происхожденіи „Деклараціи правъ че-

ловѣка и гражданина“, доказалъ, что ея основныя идеи—американскаго происхожденія, а вовсе не были навѣяны чтеніемъ Руссо. Нѣкоторые французскіе ученые съ этимъ не хотѣли согласиться. Болѣе всего въ этомъ отношеніи возражалъ нѣмецкому ученому Бутми. Касаясь этого вопроса, Шампіонъ находитъ, что Бутми преувеличилъ вліяніе Руссо. Самому автору книги кажется, что изъ французскихъ писателей скорѣе нужно было бы говорить здѣсь о Вольтерѣ, а не о Руссо. Декларація, по мнѣнію Шампіона, и безъ Руссо была бы, въ сущности, тѣмъ же самымъ, чѣмъ теперь. Шампіонъ опровергаетъ, дальше, исключительное вліяніе Руссо на идеологію и тактику якобинизма. Въ томъ же 1909 г. вышла въ свѣтъ книга Анри Родэ (Henri Rodet): „Le contrat social et les idées politiques de J. J. Rousseau“, въ которой подчеркивается, что мышленіе Руссо переполнено („fourmille“) неожиданными контрастами. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ идеяхъ Руссо есть существенныя противорѣчія, и потому, по всей вѣроятности, еще долго будутъ оцѣнивать противорѣчиво политическую теорію Руссо и вліяніе ея на революцію [1]. Нужно ожидать, что близкая двухсотая годовщина рожденія Руссо (1912 г.) еще болѣе оживитъ интересъ къ этой незаурядной личности.

По исторіи религіи или, вѣрнѣе, католической церкви въ эпоху французской революціи предпринялъ большой трудъ П. Де-ла-Горсъ (Pierre de la Gorce). Первый томъ его книги: „Histoire religieuse de la révolution française“ появился въ прошломъ году, охватывая эпоху учредительнаго собранія, съ изображеніемъ „привилегированной церкви“ при старомъ порядкѣ. Авторъ собирается довести свое изложеніе до заключенія конкордата 1801 г., болѣе ста лѣтъ регулировавшаго отношенія церкви и государства во Франціи. Книга издана фирмой Plon-Nourrit et C-ie, извѣстной своими католическими (и прям клерикальными) публикаціями [2]; но каковы бы ни были симпатіи и антипатіи автора, ему нельзя отказать ни въ желаніи всесторонне освѣтить исторію католической церкви во Франціи въ эпоху рево-

---

[1]) Книгѣ предпослана, въ видѣ предисловія, статья о ней Э. Фагэ, появившаяся сначала въ „Revue des deux mondes“. О книгѣ Родэ онъ отзывается, какъ „un livre essentiel, de première valeur, original, encore que le sujet ait été traité cent fois, et inspiré de l'esprit le plus juste, le plus impartial, le plus vraiment scientifique que je sache“. Текстъ книги занимаетъ 430 страницъ, а въ приложеніи дается богатая библіографія.

[2]) Консервативная пресса Франціи встрѣтила книгу Де-ла-Горса самыми большими похвалами. „Revue du clergé Française“ привѣтствовала ее, напримѣръ, такими словами: „то, что Тэнъ и Сорель сдѣлали для соціальной и дипломатической исторіи революціи, Де-ла-Горсъ дѣлаетъ теперь для исторіи религіозной“. Но періодическія изданія другого лагеря тоже отмѣчаютъ выдающіяся достоинства книги.

люціи, ни въ стремленіи къ безпристрастію. Изображая состояніе духовенства передъ революціей, Де-ла-Горсъ останавливается очень долго и на недостаткахъ, его характеризовавшихъ. Равнымъ образомъ, онъ вполнѣ понимаетъ мотивы, заставившіе низшій клиръ стать на сторону демократическихъ требованій; по его словамъ, „presque inconsciemment l'esprit de révolte s'est glissé jusque dans les meilleures âmes". Особенно долго останавливается авторъ на секуляризаціи церковной собственности, но очень важный вопросъ о распродажѣ бывшихъ имуществъ духовенства у него, къ сожалѣнію, едва затронутъ, хотя это — одна изъ очередныхъ задачъ исторической науки. Еще больше мѣста посвящено въ книгѣ гражданскому устройству духовенства, разборъ котораго нельзя не назвать очень обстоятельнымъ и въ общемъ справедливымъ, ибо, прежде всего, не дѣло государственной власти создавать церковное устройство, и притомъ учредительное собраніе въ этомъ взятомъ на себя дѣлѣ руководствовалось совершенно противорѣчивыми стремленіями. Интересны страницы, на которыхъ авторъ говоритъ о томъ, какіе взгляды насчетъ церковной реформы высказывались въ наказахъ духовенства, хотя и можно при этомъ пожалѣть, что эта тема не разработана имъ подробнѣе. Любопытна по своимъ подробностямъ глава объ отношеніи папы Пія VI и короля Людовика XVI къ гражданскому устройству духовенства. Много въ книгѣ и подробностей о томъ, какъ это устройство проводилось въ жизнь.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ одной полемикѣ. Въ 1907 г. извѣстный историкъ французской революціи А. Оларъ (Aulard) издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Taine, historien de la révolution Française", составившуюся изъ ряда статей его въ журналѣ „La révolution Française" [1]). Она вызвала большую полемику, о которой кое-какія подробности сообщилъ самъ Оларъ въ статьѣ своей, заключающей изложеніе имъ самимъ главныхъ выводовъ о Тэнѣ и написанной спеціально для „Современнаго Міра". Недавно вышли въ свѣтъ двѣ работы, посвященныя книжкѣ Олара о Тэнѣ. Одна изъ нихъ написана А. Кошеномъ (Cochin) и носитъ заглавіе: „La crise de l'histoire révolutionnaire". Извѣстно, что Оларъ отнесся крайне сурово—и невсегда справедливо—къ труду Тэна, признавъ его почти безполезнымъ для исторической науки. Кошенъ защищаетъ Тэна и даже прямо возвеличиваетъ его надъ другими историками, во многихъ случаяхъ прямо оспаривая фактическую вѣрность нападокъ на него Олара; но въ иныхъ отношеніяхъ онъ ставитъ, наоборотъ, Тэна, къ которому отно-

---

[1]) О ней я написалъ небольшую замѣтку въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1908 г.

сится вообще безъ симпатіи, выше Олара. Для него одинъ долженъ дополнять другого: у Тэна факты являются тѣмъ менѣе объяснимыми (и тѣмъ менѣе имъ объясненными), чѣмъ болѣе онъ ихъ накопилъ; у Олара есть объясненіе, которое, однако, допускаетъ умолчанія и смягченія. Будущимъ историкамъ и тотъ, и другой могутъ сослужить службу лишь подъ условіемъ отказа отъ привычки или возмущаться; или преклоняться передъ народомъ въ качествѣ революціоннаго фетиша. „Обыкновенная исторія—говоритъ Кошенъ—приводитъ къ объясненію, исторія революціи въ девяти случаяхъ изъ десяти—къ вердикту... Акты, революціи для однихъ имѣютъ характеръ скандаловъ, которые ими прикрываются, какъ почтительными сыновьями, тогда какъ другіе относятся къ нимъ съ судейскою строгостью; но никто не думаетъ разсматривать ихъ въ интересѣ простой любознательности“ (en curieux).

Другая работа о книгѣ Олара—брошюра Яр. Кулжинскаго и П. Ардашева подъ заглавіемъ: „Новая критика Тэна“, вышедшая въ свѣтъ въ 1910 г., нѣсколько раньше книжки Кошена. Собственно, первый изъ двухъ авторовъ только излагаетъ мнѣнія Олара, а приговоръ о нихъ высказываетъ второй. Проф. Ардашевъ, авторъ двухтомнаго труда: „Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка“, извѣстенъ какъ хорошій спеціалистъ по исторіи эпохи, весьма благожелательно встрѣченный французской критикой [1]), и взглядъ его, какъ человѣка, много работавшаго въ архивахъ, на Тэна и Олара заслуживаетъ, поэтому, быть отмѣченнымъ. „Научное значеніе сочиненія Тэна,—говоритъ онъ,—несомнѣнно было въ свое время переоцѣнено“. Въ томъ, что Тэнъ недостаточно критически относился къ своимъ источникамъ и даже не всегда точно воспроизводилъ приводимые имъ тексты, проф. Ардашеву „пришлось лично убѣдиться“, когда онъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, началъ самъ работать въ парижскомъ Національномъ архивѣ надъ тѣми же бумагами, которыми пользовался Тэнъ. Тѣмъ не менѣе критику Олара онъ считаетъ слишкомъ пристрастною, недостаточно объективною, не всегда справедливою. Отмѣтивъ въ ней нѣсколько мѣстъ, вызывающихъ возраженія, онъ указываетъ на то, что сама „книга проф. Олара заслуживала бы такой же тщательной провѣрки, какой онъ подвергъ сочиненіе Тэна“. И русскій ученый отмѣчаетъ, что научная объективность „покамѣстъ недостижима для французскихъ историковъ революціонной эпохи, столькими живыми и чувствительными

---

[1]) Ср. мой отзывъ объ этомъ трудѣ въ „Отчетѣ о XIII присужденіи (Академіей наукъ) премій митрополита Макарія“, вышедшій въ свѣтъ и отдѣльно.

нитями связанныхъ съ политическими злобами для французской современности“ [1]).

Н. Карѣевъ.

ПАМЯТИ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ

(1846—1910)

На протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ польская литература потеряла двухъ писательницъ, издавна стоявшихъ въ первыхъ рядахъ польскаго національнаго творчества: вслѣдъ за Элизой Ожешко скончалась Марія Конопницкая. Было много общаго въ ихъ дарованіяхъ и въ ихъ литературномъ развитіи. Жизненные пути ихъ скрестились въ самомъ началѣ. Въ одномъ изъ варшавскихъ пансіоновъ онѣ провели вмѣстѣ одинъ годъ, конкуррируя въ писаніи сочиненій для своихъ подругъ. Встрѣтились пути ихъ снова въ важную для Конопницкой минуту ея жизни: первую ея книгу издала Ожешко.

Марія Конопницкая, урожденная Василовская, дочь чиновника судебнаго вѣдомства, родилась и первые годы жизни провела въ г. Сувалкахъ. Мать Конопницкой умерла рано, и ея воспитаніемъ, какъ это было и съ Ожешко, занялся отецъ, страстно любившій свою дочь. Отецъ училъ ее, какъ передаетъ она сама, „любить Христа, друга печальныхъ и угнетенныхъ людей“; онъ читалъ съ нею полные грозныхъ символовъ псалмы Давида, часть которыхъ онъ самъ перевелъ; онъ ознакомилъ ее съ польской литературой и научилъ любить родную словесность, прочитавъ съ нею произведенія Кохановскаго, Бродзинскаго, Мицкевича, Словацкаго. На ряду съ Саллюстіемъ и Цицерономъ онъ познакомилъ ее съ сочиненіями Паскаля, передъ которымъ преклонялся. Конопницкая не получила прочнаго школьнаго образованія, если не считать одного года, проведеннаго ею въ варшавскомъ пансіонѣ. И въ будущемъ, почти во всю свою жизнь, Конопницкая не могла пополнить своихъ знаній систематической ра-

[1]) Прибавлю, что изданіе матеріаловъ по исторіи французской революціи идетъ своимъ чередомъ. Самое новое предпріятіе въ этой области представляетъ собою „Collection des documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française“, о нѣкоторыхъ томахъ которой мною даны краткія замѣтки въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института“. Новѣйшія работы русскихъ ученыхъ по эпохѣ революціи заслуживаютъ быть разсмотрѣнными особо и подробнѣе.

ботой надъ своимъ самообразованіемъ, что съ такимъ блескомъ исполнила Ожешко, менѣе одаренная отъ природы.

Въ 1862 г. Конопницкая вышла замужъ и поселилась въ имѣніи своего мужа въ Калишской губ. Въ домѣ мужа велась шумная, безпорядочная жизнь на старопольскій барскій ладъ; мужъ часто отсутствовалъ изъ дому по дѣламъ, и Конопницкая чувствовала себя одинокой среди суеты, порождаемой присутствіемъ отца ея мужа и его младшихъ братьевъ.

Одиночество толкнуло Конопницкую на ознакомленіе съ жизнью деревни и ея обитателей, и это ознакомленіе наложило неизгладимую печать на всю ея жизнь, на всю ея литературную дѣятельность: она стала пѣвцомъ деревни, изобразителемъ крестьянскихъ нуждъ, горя, печали, радостей, тоски, ожиданій. Уже въ эту раннюю пору передъ нею всталъ тотъ тяжелый контрастъ между рядомъ стоящими крестьянской избой и барской усадьбой, который преслѣдовалъ ее всю жизнь и нашелъ такое яркое выраженіе въ ея произведеніяхъ. „Почему—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній—та пропасть, которая раздѣляетъ братьевъ на угнетенныхъ и угнетателей, такъ безбрежна, какъ океанъ, такъ страшна, какъ открытая рана?“ Уже въ эту пору увидала она зоркими очами поэта, что „отъ убогихъ хатъ три пути лежатъ: къ міроѣду, въ кабакъ, на кладбище; про иные не слыхать въ народѣ“. Уже тогда она стала тосковать: „Кто жъ укажетъ путь, гдѣ бъ душѣ вздохнуть, — путь широкій къ свѣту и свободѣ?“

На одинъ изъ поворотовъ по этому пути Конопницкая случайно натолкнулась въ домѣ своего мужа: на чердакѣ стараго шляхетскаго дома она нашла библіотеку, состоящую изъ произведеній французскихъ писателей конца XVIII вѣка, и съ жадностью стала впитывать въ себя найденныя сокровища человѣческой мысли. Другой поворотъ, который вывелъ писательницу на широкій путь беззавѣтнаго служенія народу, она нашла уже значительно позже, когда всецѣло отдалась своему литературному призванію, примкнувъ къ охватившему тогда польскую молодежь,—говоря русскимъ терминомъ,—народническому движенію.

Первыя пятнадцать лѣтъ своего замужества Конопницкая почти безвыѣздно жила въ деревнѣ, если не считать двухъ поѣздокъ для развлеченія въ Германію и одной—въ прикарпатскій курортъ Щавницы для поправленія здоровья. Эта послѣдняя поѣздка, относящаяся къ 1875 г., произвела сильное впечатлѣніе на Конопницкую. Величавая красота Карпатскихъ горъ разбудила дремлющій талантъ писательницы, и вскорѣ въ варшавскомъ „Bluszcz“ и въ провинціаль-

номъ „Kaliszanin“ появляются ея первыя стихотворенія изъ цикла: „Въ горахъ“.

Начало литературной дѣятельности совпало у Конопницкой съ рѣзкой перемѣной во внѣшнихъ обстоятельствахъ ея жизни. Имѣніе мужа было продано, и писательница съ мужемъ и шестью дѣтьми переѣхала изъ тихой деревни въ шумную Варшаву. Здѣсь она съ головой погружается въ литературную дѣятельность, здѣсь же и опредѣляется ея литературная индивидуальность. Въ 1881 г. выходятъ въ Вильнѣ ея драматическіе отрывки („Изъ прошлаго“, изд. Ожешко), а въ Варшавѣ—первая книжка ея стихотвореній. Въ 1884 г. она получаетъ за свою новеллу „Войцехъ Запало“ премію; въ 1888 г. появляются ея „Четыре новеллы“, въ 1893 г.—„На дорогѣ“, въ 1897 г.—„Новеллы“.

Первыя произведенія Конопницкой отнюдь не являются совершенными; излишества романтизма, преувеличенный сентиментализмъ и реторическое изложеніе охлаждающимъ образомъ дѣйствуютъ на читателя. Недостатки эти, однако, съ каждымъ новымъ произведеніемъ все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто тѣмъ чудеснымъ качествамъ, которыя съ теченіемъ времени доставили Конопницкой мѣсто въ ряду великихъ писателей польской литературы. Качества эти—поразительная простота языка, мощь и сила поэтическихъ образовъ, концентрація живого чувства, яркая искренность настроенія.

Почти всѣ ея произведенія носятъ скорбный, трагическій характеръ. „Къ тебѣ иду я плакать, человѣкъ“,—говоритъ писательница въ одномъ изъ раннихъ своихъ произведеній—и эти слова стали ея поэтическимъ лозунгомъ, душою ея поэтическаго творчества. Скорбнымъ и вмѣстѣ свѣтлымъ героемъ произведеній Конопницкой является польскій крестьянинъ, польская деревня. Города писательница не любитъ; съ подозрѣніемъ и рѣшительнымъ недовѣріемъ относится она къ культурѣ большихъ городовъ, которые кажутся ей „чудищами, развращающими людей“. Пѣсня ея носитъ сельскій характеръ. Ни у кого изъ польскихъ писателей до Конопницкой нѣтъ такого чистаго, яснаго, простого и вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго народнаго языка, какой находимъ въ ея стихотвореніяхъ. Но сельскій характеръ идетъ вглубь ея творчества. Начавъ говорить отъ имени крестьянина, отъ имени „его сердца“, она стала „сама его сердцемъ“. Въ польской литературѣ и до Конопницкой изображали крестьянина и его горе, но только въ ея пѣснѣ, ея устами заговорилъ этотъ „свободный рабъ“ (wolny najmyt) своимъ подлиннымъ языкомъ, потребовалъ подлиннаго вниманія къ себѣ, къ своей грустной жизни. Во имя этого „свободнаго раба“, который сталъ „ея сердцемъ“, Конопницкая жила и работала, изъ-за него готова была вступить въ конфликтъ со всѣмъ міромъ, съ

самимъ небомъ. „Всевышней волей—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ произведеній—сосчитана каждая слеза, падающая изъ глазъ страдальца... Какъ? Сосчитана и не утерта?..“

Съ 1890 г. Конопницкая жила за границей и послѣднія пятнадцать лѣтъ своей работы посвятила, главнымъ образомъ, созданію большой поэмы, подъ названіемъ „Бальцеръ въ Бразиліи“, которая печаталась по частямъ. Поэма эта изображаетъ жизнь и мытарства польскихъ крестьянъ, эмигрировавшихъ въ Бразилію, и, по единодушному признанію польской критики, является великимъ произведеніемъ, народнымъ эпосомъ, какого не знала польская литература со времени „Пана Тадеуша“ Мицкевича.

Кромѣ разсказовъ и стихотвореній, Конопницкой принадлежитъ нѣсколько томовъ дорожныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ ею изъ путешествій по западной Европѣ, а также многочисленные переводы французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ произведеній. Выступала Конопницкая и на стезю журнальной работы, ставъ въ 1884 г. во главѣ изданія „Swit“, посвященнаго интересамъ женскаго движенія; но по прекращеніи этого изданія она больше не возвращалась къ журналистикѣ.

Въ 1902 г. польское общество и польская литература торжественно праздновали 25-ти-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Конопницкой. Празднества сосредоточились во Львовѣ и Краковѣ. Всѣ слои общества прислали къ знаменитой писательницѣ своихъ представителей съ адресами, рѣчами и поздравленіями, толпы народа дефилировали передъ скромной квартирой ея; въ даръ отъ народа, на средства, собранныя по подпискѣ, она получила сельскую усадьбу съ обширнымъ паркомъ.

Русскимъ читателямъ Конопницкая стала извѣстна съ 90-хъ годовъ, когда ея стихотворенія и разсказы появились въ переводахъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ ея стихотворенія печатались въ переводахъ М. Гербановскаго и А. Колтоновскаго.

М. Славинскій.

ТРАГЕДІЯ ВОЛИ

(О бывшихъ ссыльныхъ.)

Исторію мытарствъ политическихъ ссыльныхъ обыкновенно считаютъ оконченною съ возвращеніемъ ихъ изъ ссылки. Довольно часто удѣляютъ вниманіе ссылкѣ, но судьба сдѣлавшихся „вольными гражданами" мало кого интересуетъ. Между тѣмъ, первое время воли является непосредственнымъ продолженіемъ періода изгнанія. Исковерканные, изломанные люди не могутъ сразу стать такими же, какими были раньше. По словамъ бывшаго шлиссельбуржца Новорусскаго, онъ долгое время чувствовалъ себя неудобно, терялся въ большомъ обществѣ; даже на улицѣ ему была нужна нянька. То же бываетъ и съ ссыльными. Искусственная изоляція въ предѣлахъ глухого села или „города" лишь по имени настолько калѣчитъ людей, что воля кажется имъ страшной. Въ 1905-мъ году, въ самомъ началѣ освободительнаго движенія, покончилъ съ собой Прохоровъ, въ Архангельской губерніи. Онъ испугался амнистіи! Онъ былъ уже освобожденъ и не зналъ, что ему дѣлать, вернувшись! Ссылка оказывается великолѣпнымъ институтомъ калѣченія и смерти; не даромъ графъ Игнатьевъ сказалъ, что она „для бѣднаго и физически слабаго человѣка является особой формой медленной смертной казни"...

Теперь, въ такъ называемые конституціонные дни, возвращающіеся ссыльные страдаютъ не только отъ собственной изломанности: не радуетъ и окружающая дѣйствительность. Предоставимъ слово цѣлому ряду тѣхъ, кто самъ узналъ „трагедію воли". Бывшіе товарищи по ссылкѣ не разъ писали мнѣ, и у меня накопилось достаточное количество матеріала. Никто изъ нихъ не предполагалъ, что ихъ строки могутъ появиться въ печати. Какъ товарищу, какъ другу разсказывали они мнѣ всѣ свои неурядицы и безпокойства. Думаю, они не будутъ въ претензіи на мою нескромность.

Вотъ что пишетъ конторщикъ К. И—нъ, вернувшійся домой, въ одинъ изъ небольшихъ городковъ Костромской губерніи. „Съ первыхъ же дней я сталъ себя чувствовать здѣсь неважно. Да и не мудрено. Какъ бы тамъ ни было, а для меня не только окружающая посторонняя пу-

блика, но свои кажутся какъ бы совершенно чужими... Все время живу въ такой обстановкѣ, гдѣ не только пахнетъ мертвечиной, но буквально мертво все и вся. Конечно, за это время, даже противъ желанія, развелась масса знакомствъ, которыя не только не оставляютъ впечатлѣнія, а хотя бы ихъ присутствіе могло на минуту вывести изъ того оцѣпенѣнія, въ какомъ я нахожусь все время! И это было бы много, но увы!.. Какъ-то становится не въ моготу это ничего недѣланіе, а поступить куда бы то ни было совершенно невозможно: близко гдѣ-нибудь не возьмутъ, да и некуда, а ѣхать куда дальше—не выдавали паспорта; когда же первое время наводили обо мнѣ различныя справки, такъ прямо предложили не выѣзжать". Мытарства съ военной службой И—нъ описываетъ такъ: „5-го марта явился въ присутствіе и меня, раба Божьяго, начали свидѣтельствовать. Хотя эта процедура продолжалась не болѣе 15-ти минутъ, но мнѣ такъ все это опротивѣло—прямо не зналъ, что̀ дѣлать (другой мясникъ не осматриваетъ при покупкѣ такъ скотину, какъ эти коновалы ворочали меня); а когда я сказалъ, что боленъ катарромъ желудка, то разсмѣялись; все-таки отправили въ больницу, гдѣ подтвердилась справедливость моихъ словъ; и тутъ не повѣрили даже врачу, который написалъ свидѣтельство, снова назначили коммиссію; такъ повторялось раза три, пока, наконецъ, рѣшили дать отсрочку по болѣзни до осени. И вотъ теперь я опять въ своихъ краяхъ, опять все та же картина. Что̀ теперь дѣлать—не знаю!.. Живу одинъ, какъ отшельникъ. Хорошо, что у меня дома нашлось нѣсколько книгъ Ибсена и Успенскаго, за ними только и отдыхаю душой; ужъ очень мнѣ нравится Ибсенъ". Послѣ этого письма прошло довольно много времени, пока я узналъ, что И—нъ только на дняхъ пріобрѣлъ право на жительство. „Почти два мѣсяца—пишетъ онъ—я странствовалъ по волнамъ жизни и никакъ не могъ пристать ни къ одному изъ береговъ. Только еще недѣлю, какъ пристроился къ подрядчику по доставкѣ грузовъ на фабрики, приказчикомъ. Жалованье еще не знаю сколько, но, думаю, рублей тридцать. За это время побывалъ кое-гдѣ. Ѣздилъ въ Кострому къ Т., но неудачно, въ Ярославль—тоже, и еще въ нѣсколько мѣстъ—съ тѣмъ же результатомъ. Уже собрался-было домой, но вотъ случай—и я сдѣлался приказчикомъ. Должность хоть и аховая, но приходится мириться. Еще на Пасхѣ или вскорѣ тутъ какъ-то поступилъ дома къ судебному слѣдователю и ужъ думалъ остаться, какъ вдругъ говоритъ тотъ: „Вы, знаете, намъ не годитесь". Ну, конечно, никакихъ объясненій я не спрашивалъ, а сложилъ свои пожитки и убрался". Въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ И—нъ нашелъ службу, онъ также чувствовалъ себя нехорошо. За время неволи онъ много читалъ, занимался; интересы глухой провинціи оказались ему чужды. Въ одномъ изъ своихъ

писемъ онъ жалуется мнѣ: „Окружающая обстановка такова: ежедневно подъ моими окнами вечеромъ до поздней ночи слышатся пьяные голоса, что̀, конечно, наводитъ еще больше на тоску. При этомъ вспоминается картина другихъ сходокъ — прежнихъ, не пьяныхъ... За послѣднее время я могъ сойтись съ рабочими очень близко. Они не то, что̀ года четыре тому назадъ, много сознательнѣе, но и гораздо хуже. Ихъ теперь уже ничто больше не интересуетъ. Они прямо говорятъ: „Что̀ дѣлать? Бороться? Но мы не хотимъ унаваживать собою землю для какого-то будущаго поколѣнія, а сами все равно ничего не получимъ! Мы жить хотимъ!“ И вотъ ихъ жизнь: день работаютъ, ночью—вино, карты и женщины, и ничего больше; такъ поступаютъ наши прежніе товарищи“.

Воинская повинность доставляетъ много непріятностей бывшимъ ссыльнымъ. Но въ иныхъ случаяхъ неблагонадежныхъ не берутъ. Такъ было, напримѣръ, въ Николаевѣ съ С. К—вымъ, „29-го апрѣля—пишетъ онъ—я предсталъ передъ засѣданіемъ коммиссіи. Во время начала засѣданія было принято четыре человѣка, я же оказался послѣднимъ. Когда очередь дошла до меня, по телефону потребовали жандармскаго ротмистра и полиціймейстера. Наконецъ, зовутъ меня, помѣряли, посмотрѣли; конечно—„негоденъ“... Мнѣ кажется, что два телефонныхъ администратора помогли мнѣ освободиться“... Въ глуши все сводится къ произволу, въ центрахъ соблюдаютъ законность, но затѣмъ не считаются уже ровно ни съ чѣмъ. Съ Ф., напримѣръ, произошелъ слѣдующій инцидентъ. Будучи единственнымъ сыномъ въ семьѣ, онъ не долженъ былъ отбывать воинскую повинность вовсе. Но, находясь въ этапѣ, Ф. не могъ подать соотвѣтствующаго заявленія. Его отецъ не зналъ, гдѣ находится сынъ и даже—что̀ съ нимъ. Поэтому льгота оказалась утраченной. Тщетно хлопоталъ Ф. о возстановленіи права на нее. Въ министерствѣ ему заявили: „Кто же виноватъ, если вы были въ ссылкѣ! Вы говорите, что не могли подать заявленія,—не надо было попадать въ ссылку“!.. Интересный разговоръ имѣлъ Ф. съ письмоводителемъ воинскаго присутствія, который, на вопросъ, освобождаетъ ли преподавательская дѣятельность въ воскресной школѣ отъ солдатчины, съ увѣренностью заявилъ: „Васъ не утвердятъ!“ — Ф. изумился: „Какъ же вы, считая меня безусловно неблагонадежнымъ, хотите все-таки взять въ солдаты?“—Письмоводитель усмѣхнулся.—„Ничего, тамъ за вами будетъ строгій надзоръ“. Лишь цѣною погибшихъ отъ туберкулеза, изъѣденныхъ тюрьмою и ссылкою легкихъ Ф. купилъ свое избавленіе отъ военной службы.

Въ плохихъ условіяхъ оказываются евреи, всюду гонимые—всегда, а послѣ ссылки въ особенности. Бухгалтеръ Д—ій, очутившись на югѣ, сообщаетъ мнѣ свои злоключенія. „На дняхъ получились бумаги изъ Елисаветграда, что такой-то (я) разыскивается. Ко мнѣ пріѣхала по этому поводу мать, которая во-время меня предупредила. Я въ тотъ же день выписался изъ полиціи. По какому поводу разыскиваюсь—не знаю и понять не могу. Имѣлъ здѣсь поступить на службу въ одно коммиссіонное дѣло на 150 рублей въ мѣсяцъ, но помѣшало именно то, что не могу прописаться". Послѣ выяснилось, что администрація предлагаетъ ему выѣхать за границу! Въ результатѣ „свободный гражданинъ" пишетъ: „Живу здѣсь нелегально. Ужъ такова судьба". Отбывшій срокъ, легализовавшійся окончательно человѣкъ долженъ пользоваться фальшивымъ паспортомъ. Таково положеніе бывшаго ссыльнаго на волѣ!

Еще хуже живется выброшеннымъ на улицу съ грудными ребятами. Судьба супруговъ К—выхъ очень характерна. Мужъ долго оставался безработнымъ. Заводъ отказалъ ему, мотивируя тѣмъ, что онъ прежде „очень запачканъ". Съ полгода бились они изо всѣхъ силъ. Наконецъ, страшная, безысходная нужда заставила жену К. отправиться къ матери въ Пензу. Вотъ ея жизнь: „Я часто собиралась писать вамъ—такъ начинается письмо,—но всегда откладывала. Настроеніе постоянно скверное, мысль не вяжется, такъ я никому и не пишу, кромѣ мужа. Ужъ мѣсяцъ, какъ живу въ Пензѣ. Изъ Николаева пришлось уѣхать. Теперь сижу у матери въ подвалѣ. Ужасная квартира. Мнѣ и камеры въ тюрьмѣ не приходилось встрѣчать такой. Я вамъ говорила, что мнѣ послѣ ссылки, возможно, ѣсть будетъ нечего; такъ и случилось. Я теперь хуже, чѣмъ на казенномъ пайкѣ. Это все благодаря Соничкѣ (грудной ея ребенокъ). Не будь ея, я сама принялась бы за работу; былъ бы вѣрный кусокъ хлѣба, какъ и прежде, а теперь—не повернешься свободно. Прежде богатыя тетушки звали меня: „Послѣ ссылки ты къ намъ, пожалуйста; отдохнешь, и мы будемъ рады",—а когда написала, что у меня есть ребенокъ, получаю сухіе отвѣты и ни слова о томъ, что пріѣзжай. Ужасно скучаю. Сижу абсолютно одна. Постоянный крикъ матери на дѣтей страшно раздражаетъ. Сергѣю писать всего не хочу, онъ окончательно потеряетъ голову; и безъ того совсѣмъ плохо себя чувствуетъ... Я теперь ничего не читаю, даже мѣстной газетки. Отъ города далеко, чтобы къ кому-нибудь ходить читать, хоть въ библіотеку. Тащить съ собою ребенка тоже нельзя. А дѣвочка славная, шустрая, вся въ Сергѣя. Ужъ больно я живу невзрачно"... С. К—ву черезъ нѣкоторое время все-же удалось поступить на мѣсто. Жена вернулась къ нему; Соничка была жива.

Не всѣмъ послѣ ссылки воля улыбается хотя бы и настолько.

Б. П—нъ и Ек. Б., которую мы всѣ привыкли звать просто Катей, полюбили другъ друга въ ссылкѣ. Онъ окончилъ реальное училище; она была умной дѣвушкой, простой работницей. Для нихъ эта разница была несущественной и незамѣтной. По интеллигентности—не той, которая измѣряется дипломами, а той, которая имѣется на лицо въ дѣйствительности — они стояли на одномъ уровнѣ. Совмѣстный этапъ и ссылка сблизили ихъ. Что, по видимому, могло помѣшать чистой, хорошей любви, основанной на дружескихъ и товарищескихъ отношеніяхъ? Родные Б. П—на иначе взглянули на дѣло: они считали, что „фабричная" заѣла его жизнь. Пока они еще находились въ ссылкѣ, этого какъ бы не замѣчали. Но по возвращеніи бѣдную Катю встрѣтили такъ, что она ушла, въ морозъ, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, на улицу. Своими оскорбленіями родственники П—на довели Катю до того, что она предложила мужу полную свободу. Онъ оказался порядочнымъ человѣкомъ и не отшатнулся отъ жены; они стали бѣдствовать вмѣстѣ. Безъ заработка скитались несчастные по Петербургу; даже пристанища имъ невозможно было найти, такъ какъ охранное отдѣленіе категорически запретило имъ жительство въ столицѣ. Уѣхать—но куда, да и нужны деньги, которыхъ у нихъ не было. Грудной ребенокъ, мальчикъ, по имени Вадимъ, не выдержалъ такой жизни: заболѣлъ и скоро умеръ. Катя тоже свалилась, а самъ П—нъ ходилъ по городу, обогрѣваясь у костровъ... Весной охранное отдѣленіе смилостивилось и разрѣшило истрадавшимся людямъ жить въ Петербургѣ. Но куда ни обращался П—нъ въ поискахъ за мѣстомъ, все было безрезультатно. Гдѣ просто его не пускали, гдѣ производилъ странное впечатлѣніе и пугалъ видъ тощаго человѣка въ черной рубахѣ, сильно нервничающаго и съ бѣгающими глазами. Катя устроилась работницей въ переплетной, и они существовали вдвоемъ на ея жалкій заработокъ, рублей въ 20—25 въ мѣсяцъ. Сама она постоянно хворала. Приходилось удивляться, какъ худенькая и блѣдная женщина можетъ долгіе часы задыхаться въ мастерской. Мысль о погибшемъ, почти замерзшемъ сынѣ никогда не покидала ее.

Однажды ко мнѣ зашелъ П—нъ, съ которымъ мы довольно часто встрѣчались. Разговоръ коснулся—а можетъ быть мой собесѣдникъ и самъ перевелъ на эту тему—самоубійствъ. Помнится, полусерьезно, съ обычной манерой тѣхъ, кто говоритъ со смѣхомъ именно для того, чтобы не разрыдаться, онъ сказалъ: „Катя упорно уговариваетъ меня отправиться ad patres!"—Я давно уже чувствовалъ ихъ настроеніе, но теперь, какъ почти всякій сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ, подалъ видъ, будто и не предполагалъ этого. „Я самъ борюсь изо всѣхъ силъ съ ея настроеніемъ—продолжалъ П—нъ,—но не могу отрицать, что она

разсуждаетъ вполнѣ логично. Ужасная гибель Вадимки какимъ-то призракомъ стоитъ передъ нами. Люди мы окончательно изломанные. Жизнь до ссылки какъ будто не существуетъ для насъ, и самымъ лучшимъ воспоминаніемъ является Яренскъ! Подумайте сами. Жалѣть о томъ, что мы не заброшены на далекій сѣверъ, что свободны! Развѣ это нормально? Потомъ Катя—человѣкъ совершенно разбитый, больной; я въ конецъ изнервничался. Предположимъ, найду заработокъ и мы устроимся въ матеріальномъ отношеніи. Гдѣ прежняя вѣра въ общественный подъемъ? Чѣмъ жить? На что̀ надѣяться? Скажите, посовѣтуйте, что̀ дѣлать?"

Конечно, въ отвѣтъ П—ну мнѣ пришлось сказать заѣзженныя фразы о жизни, которая впереди, о возможности въ будущемъ общественнаго дѣла и т. д. Но какими жалкими и худосочными мнѣ самому казались эти аргументы! Послѣ пережитой жизненной драмы никчемныя слова утѣшенія прямо смѣшны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я понималъ, что огромное значеніе имѣетъ и кошмарное настроеніе, переживаемое послѣ ссылки, та трагедія воли, которой я посвящаю свою статью. Когда Борису я говорилъ свои пустыя слова, мнѣ было стыдно передъ самимъ собой.

Рѣдко кто изъ возвращавшихся не кидался изъ стороны въ сторону, не узнавалъ всю горечь освобожденія, какимъ парадоксомъ ни звучатъ эти слова. Вотъ корректоръ П., высланный вновь изъ Петербурга, гдѣ у него родные, знакомые, связи; вотъ граверъ Б., который, не находя заработка по возвращеніи, покончилъ съ собой... Товарищи разсказываютъ, что одинъ бывшій ссыльный сдѣлался суфлеромъ, другой — ловитъ рыбу: часть ѣстъ самъ съ семьей, часть продаетъ. И много еще такихъ примѣровъ.

Ссылка кончается съ возвращеніемъ, но она замѣняется не менѣе ужасной трагедіей воли. Прошлое нельзя вычеркнуть изъ своей жизни,—тѣмъ болѣе такое тяжелое. Если человѣкъ и выходитъ изъ повседневной борьбы съ лишеніями неискалѣченнымъ физически, то духовно онъ почти всегда перерождается. Въ глазахъ изгнанниковъ остается на всю жизнь какой-то странный отпечатокъ грусти. Будущее неминуемо подернуто дымкой печали.

Говорятъ, ссылка нужна, такъ какъ она исправляетъ. Это неправда. Калѣча, ссылка озлобляетъ. Кто, какъ не люди неоднократно подвергавшіеся политическимъ репрессіямъ, были вождями такъ называемыхъ революціонныхъ партій?..

Поэтому мы скажемъ снова—Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ...

Борисъ Фромметтъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Паденіе монархіи въ Португаліи.—Парламентскія битвы во Франціи: министерство Бріана и его противники.—Турецкіе займы и французская дипломатія.—Греческій кризисъ.—Персидскія дѣла.

Въ концѣ сентября неожиданно произошла революція въ Португаліи, и молодой король долженъ былъ удалиться съ матерью въ Англію. Королевскій домъ Браганца, занимавшій до конца восьмидесятыхъ годовъ и императорскій тронъ въ Бразиліи, увеличилъ собою число тѣхъ бывшихъ владѣтельныхъ фамилій, которыя въ разное время находили убѣжище въ британскихъ владѣніяхъ.

Послѣ трагической смерти короля Донъ-Карлоса и его старшаго сына при проѣздѣ ихъ по улицамъ Лиссабона, въ январѣ 1908-го года, было уже ясно, что положеніе монархіи въ Португаліи крайне шатко. Тяжелое бремя отвѣтственности за дальнѣйшее управленіе государствомъ возложено было на юнаго Мануэля и его мать, вдовствующую королеву Амалію. Король понялъ свое назначеніе соотвѣтственно своему возрасту и традиціямъ: онъ сталъ наслаждаться жизнью на государственный счетъ безъ всякихъ стѣсненій, проводилъ время съ интересными шансонетными пѣвицами, а заботу о государственныхъ дѣлахъ предоставилъ своей матери, довѣрявшей лишь іезуитамъ и разнымъ аферистамъ консервативнаго лагеря. За два съ половиною года смѣнено было пять или шесть министерствъ, но эта частая смѣна правящихъ лицъ вызывалась не какими-либо политическими причинами, а откровенными заботами о распредѣленіи государственныхъ благъ между возможно большимъ количествомъ кандидатовъ. Одна общественная группа уступаетъ мѣсто другой до тѣхъ поръ, пока не насытятся всѣ—и тогда тотъ же очередной порядокъ повторяется вновь. Эта наивно-хищническая система управленія послѣдовательно проводилась на практикѣ, подъ именемъ круговой или „ротативной“. Народъ не могъ проникнуться любовью и признательностью къ подобнымъ правителямъ; оппозиція усиливалась, и республиканское движеніе все болѣе возростало въ странѣ. На выборахъ въ парламентъ, въ августѣ текущаго года, республиканцы одержали побѣду въ Лиссабонѣ и въ другихъ крупныхъ городахъ. При открытіи кортесовъ, въ сентябрѣ, прогрессисты и ихъ

союзники демонстративно отсутствовали во время чтенія тронной рѣчи королемъ. Недовольство распространялось и въ арміи, и во флотѣ. Отдѣльные случайные факты могли только ускорить взрывъ. Одинъ изъ новыхъ республиканскихъ депутатовъ, профессоръ психіатріи Бомбарда, былъ убитъ 3-го октября (нов. ст.) въ своемъ кабинетѣ какимъ-то офицеромъ, бывшимъ его паціентомъ. Вѣсть объ этомъ убійствѣ послужила сигналомъ къ настоящему возстанію. Часть войскъ сразу присоединилась къ революціи. На улицахъ разгорѣлись кровавыя стычки; стоявшая въ гавани эскадра открыла бомбардировку, направивъ свои выстрѣлы въ правительственныя зданія и, между прочимъ, въ зданіе дворца, гдѣ находился король. Правительство растерялось, и вскорѣ въ разныхъ пунктахъ города былъ поднятъ республиканскій флагъ. Королевской фамиліи оставалось только искать спасенія въ бѣгствѣ.

Республика была оффиціально провозглашена 5-го октября. Временное правительство составилось изъ популярныхъ оппозиціонныхъ дѣятелей, съ Теофилемъ Брага во главѣ. Новые министры—большею частью ученые писатели и профессора, послѣдователи философіи Огюста Конта. Самъ президентъ, Теофиль Брага, считается отличнымъ знатокомъ португальскаго фольклора. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Бернардино Машадо, былъ долго профессоромъ философіи, одно время занималъ постъ министра публичныхъ работъ, затѣмъ разошелся съ монархистами и сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ республики. Обладая независимымъ состояніемъ и разнообразными талантами пропагандиста, онъ много содѣйствовалъ успѣху республиканскихъ идей, но всегда высказывался противъ всякихъ революціонныхъ насилій. По его убѣжденію, переворотъ долженъ былъ совершиться мирно, конституціоннымъ путемъ. Теофиль Брага, Бернардино Машадо и ихъ коллеги производятъ впечатлѣніе искреннихъ идеалистовъ и теоретиковъ, довольно далекихъ отъ требованій современной политической практики; это видно уже изъ того, въ какомъ серьезномъ тонѣ они заявляютъ о своемъ позитивизмѣ и съ какой довѣрчивостью они сообщаютъ иностраннымъ правительствамъ о „неописуемомъ восторгѣ“ населенія по поводу торжества лиссабонской революціи. Конечно, далеко не всѣмъ правительствамъ могло доставить удовольствіе это сообщеніе о неописуемомъ восторгѣ, съ какимъ португальцы низвергли свою династію.

Для великихъ европейскихъ державъ паденіе монархіи въ Португаліи не представляетъ большого практическаго интереса. Ближе оно касается Испаніи, гдѣ условія существованія династіи мало чѣмъ отличаются отъ португальскихъ. Чрезмѣрное развитіе монашества, владычество духовенства надъ массою населенія, искусственно

поддерживаемое невѣжество народа, страшная отсталость въ наукахъ и искусствахъ, въ промышленности и торговлѣ — все это одинаково замѣчается въ Испаніи, какъ и въ Португаліи. Тѣмъ не менѣе испанскій монархизмъ допускаетъ еще мирное конституціонное развитіе и даетъ еще возможность проводить желательныя внутреннія реформы, чего нельзя было уже ожидать въ злосчастной маленькой странѣ, гдѣ царство придворной камарильи прочно утвердилось съ давнихъ поръ. Исторія Португаліи за послѣднее столѣтіе есть сплошная цѣпь бѣдственныхъ для народа событій, династическихъ междоусобій, насильственныхъ актовъ и переворотовъ. Король Донъ-Карлосъ погибъ изъ-за беззаконій своего фаворита Франко; его наслѣдникъ потерялъ власть, потому что не умѣлъ и не желалъ пользоваться ею для блага страны. Эти неудачные правители не возбуждаютъ сочувствія даже среди убѣжденныхъ консерваторовъ другихъ странъ. Въ „Revue des deux Mondes" — журналѣ вообще консервативномъ, не чуждомъ клерикальныхъ тенденцій—мы находимъ весьма любопытныя замѣчанія о португальской революціи. „Нужно сказать прямо,—говоритъ политическій обозрѣватель и главный редакторъ журнала, академикъ Франсисъ Шармъ,—что монархію въ Португаліи погубили сами монархисты. Нѣкоторыя газеты усматриваютъ въ происшедшемъ переворотѣ слѣды внѣшнихъ интригъ, британскихъ или германскихъ; но смѣшно вѣрить этимъ нелѣпымъ сказкамъ. Надо еще удивляться тому, что португальская монархія существовала такъ долго при тѣхъ условіяхъ, при какихъ она дѣйствовала. Весь правительственный строй въ Португаліи прогнилъ насквозь. Продажность, хищенія, внутреняя порча истощали государство отъ верхнихъ его органовъ до низшихъ. Это была уродливая каррикатура на тѣ злоупотребленія, какія случаются въ другихъ странахъ... Постоянно изобрѣтались новыя должности, чтобы удовлетворить новые аппетиты. Нѣкоторыя изъ этихъ должностей были довольно забавны; такъ, если вѣрить газетнымъ разсказамъ, одна дама получила мѣсто содержательницы кошекъ, предназначенныхъ для истребленія крысъ въ казенныхъ амбарахъ... Смѣнявшіяся министерскія партіи назывались то прогрессистами, то обновителями; но не ищите смысла въ этихъ кличкахъ: онѣ ничего не значатъ, не соотвѣтствуютъ никакой опредѣленной программѣ, а означаютъ только то, что существовали двѣ смѣны для поочереднаго исполненія тѣхъ же плохихъ дѣлъ и для полученія за нихъ установленнаго жалованья. Публичные нравы естественно оказывали разлагающее вліяніе и на частную дѣятельность. Финансовые скандалы умножались, и въ нихъ почти всегда замѣшаны были политическіе дѣятели. Зло принимало такіе размѣры, что казалось неизлечимымъ... Природа вещей сама собою приводитъ къ торжеству справедливости.

Если оставить въ сторонѣ личности короля и королевы-матери, то нельзя сожалѣть о судьбѣ португальской монархіи. Ея смерть была настоящимъ самоубійствомъ, и республиканцамъ оставалось лишь оттолкнуть уже разлагающійся трупъ". Для такого умѣреннаго и осторожнаго журнала, какъ „Revue des deux Mondes", эти рѣзкіе отзывы представляются въ высшей степени характерными. Очевидно, династія Браганца, связанная близкимъ родствомъ съ Орлеанскими принцами, не можетъ уже питать какія-либо надежды на возвратъ потеряннаго счастья. Впрочемъ, бывшій король и его мать, имѣя обезпеченный годовой доходъ въ двѣсти или триста тысячъ франковъ, едва ли нуждаются въ чьемъ-либо сожалѣніи или сочувствіи: они сохранили способность наслаждаться жизнью и избавились отъ разныхъ оффиціальныхъ стѣсненій и тревогъ, которыя иногда, быть-можетъ, мѣшали имъ спокойно пользоваться благами міра въ Лиссабонѣ.

Неудавшійся опытъ всеобщей желѣзнодорожной забастовки во Франціи оставилъ крупный слѣдъ въ политической жизни страны—измѣнилъ группировку партій, усилилъ и объединилъ сознательные буржуазные элементы, внесъ разстройство и разладъ въ ряды передовыхъ радикаловъ и соціалистовъ. Въ напечатанномъ выше письмѣ изъ Парижа приводятся интересныя подробности о рѣшительной борьбѣ, разыгравшейся между руководителями желѣзнодорожнаго синдиката и главою кабинета Бріаномъ. Борьба перешла на парламентскую арену и закончилась послѣ горячихъ, необыкновенно шумныхъ и продолжительныхъ преній, въ которыхъ Жорѐсъ игралъ роль главнаго обвинителя. Бріанъ побѣдилъ, но съ значительнымъ ущербомъ для своей политической репутаціи и для своего нравственнаго авторитета. Въ засѣданіи 30 (17) октября палата приняла формулу, выражающую довѣріе правительству.

Соціалисты чрезвычайно рѣзко выступали противъ Бріана, обвиняя его въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ, въ буржуазномъ честолюбіи и оппортунизмѣ. Положеніе министерства относительно синдикатовъ было съ самаго начала фальшивое: самъ Бріанъ и двое его коллегъ, министръ публичныхъ работъ Мильеранъ и министръ труда Вивіани, принадлежали номинально къ соціалистической партіи и принципіально всегда высказывались въ пользу неограниченнаго права стачекъ; а между тѣмъ имъ приходилось дѣйствовать противъ стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ и даже принимать крутыя мѣры для ея ограниченія и прекращенія. Бріанъ былъ еще недавно энергическимъ проповѣдникомъ и защитникомъ идеи всеобщей политической забастовки, а теперь онъ вынужденъ былъ прибѣгать къ военной силѣ

для противодѣйствія желѣзнодорожной забастовкѣ. Давно уже извѣстно, что люди мѣняются при переходѣ отъ оппозиціи къ министерскимъ портфелямъ—и мѣняются вовсе не по мотивамъ вульгарнаго честолюбія, а въ силу особаго чувства отвѣтственности, связаннаго съ занятіемъ министерскаго поста. Бріанъ, какъ частное лицо, можетъ стоять за полную свободу стачекъ и признавать цѣлесообразность всеобщей забастовки, какъ способа разрѣшенія соціальнаго вопроса; но, какъ министръ и какъ глава правительства, онъ не могъ допустить, чтобы произвольнымъ рѣшеніемъ отдѣльныхъ руководителей рабочаго класса былъ остановленъ ходъ огромной общественной машины, непрерывное дѣйствіе которой есть необходимое условіе нормальной экономической жизни страны.

Остановка желѣзнодорожнаго движенія съ 11-го октября на пять дней причинила неисчислимые убытки не только Франціи и французамъ, но и другимъ націямъ, доставляющимъ свои товары во Францію; и эта остановка, съ точки зрѣнія правительства, не оправдывалась ни экономическими, ни политическими требованіями рабочихъ. Для синдиката дѣло шло о томъ, чтобы показать свою силу желѣзнодорожнымъ компаніямъ и побудить ихъ къ уступкамъ на будущее время; въ то же время это былъ опытъ политической забастовки желѣзныхъ дорогъ, съ цѣлью показать всей вообще буржуазіи фактическое могущество рабочаго класса. Министры, хотя и соціалисты, неизбѣжно должны были смотрѣть на дѣло съ другой стороны; они взвѣшивали интересы рабочихъ сравнительно съ затронутыми общественными и національными интересами и старались достигнуть компромисса, безобиднаго для тѣхъ и другихъ. Правительство взяло на себя посредничество между желѣзнодорожными обществами и ихъ рабочими для мирнаго улаженія возникшаго спора; переговоры еще продолжались, когда объявлена была забастовка. Министры утверждаютъ, что чисто-экономическія требованія рабочихъ—объ увеличеніи заработной платы и о пенсіяхъ—обсуждались въ миролюбивомъ духѣ и не давали повода къ забастовкѣ. Если забастовка имѣла политическое значеніе, какъ актъ борьбы противъ буржуазіи, то она была безцѣльна, ибо не была разсчитана на достиженіе какого-либо опредѣленнаго положительнаго результата; устраивать же всеобщую желѣзнодорожную забастовку, безъ сознательной общей цѣли—значитъ безпричинно вредить народу и государству. Въ сущности, между теоріею всеобщей политической забастовки и отрицаніемъ произвольной желѣзнодорожной стачки нѣтъ внутренняго логическаго противорѣчія. Бріанъ могъ бы сказать, что онъ и теперь стоитъ за всеобщую забастовку, какъ за единственный вѣрный путь къ окончательной побѣдѣ рабочаго пролетаріата надъ промышленною буржуа-

зіею, но что онъ рѣшительно противъ напрасной траты народныхъ силъ и средствъ такими частными забастовками, какъ только-что законченная, не оставившая послѣ себя ничего кромѣ колоссальныхъ убытковъ, всеобщихъ огорченій и непріятностей.

Жоресъ и его союзники изображали Бріана какимъ-то предателемъ, врагомъ рабочей демократіи, достойнымъ суроваго возмездія; Бріанъ въ свою очередь говорилъ въ такомъ тонѣ, точно онъ выступалъ въ роли спасителя общества отъ великой соціальной катастрофы. Обѣ стороны должны были тутъ же въ парламентѣ отказываться отъ нѣкоторыхъ неосторожныхъ выраженій: Жоресъ объяснилъ, что вовсе не думалъ допускать въ своей газетѣ мысль объ употребленіи насилія противъ министра-президента, а Бріанъ доказывалъ, что его фраза о готовности нарушить законы для спасенія общества не имѣла того страшнаго смысла, какой въ ней находили. Пятидневный парламентскій бой, который пришлось выдержать главѣ кабинета при обсужденіи запроса соціалистовъ о забастовкѣ, представлялъ собою нѣчто совершенно исключительное: самые страстные и сильные ораторы лѣвыхъ партій неустанно громили правительство, нападая особенно на Бріана и отчасти на Мильерана—а Бріанъ своими энергическими и самоувѣренными отвѣтами доводилъ противниковъ до такого возбужденія, что они бросались съ угрожающими возгласами къ трибунѣ, и личнымъ друзьямъ министра только съ трудомъ удавалось оградить его отъ оскорбленій.

Бріанъ остался на высотѣ положенія, какъ ораторъ, но авторитетъ его, какъ государственнаго человѣка, поколебался. Онъ не обнаружилъ того спокойнаго самообладанія, которое казалось свойственнымъ ему въ моменты кризиса и борьбы; онъ слишкомъ явно оттолкнулъ отъ себя прежнихъ единомышленниковъ, не укрѣпивъ своихъ связей съ другими республиканскими группами, и его министерство можетъ очутиться въ зависимости отъ настроенія центра и правыхъ. Послѣдняя парламентская побѣда Бріана принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя равносильны пораженію.

Въ послѣднее время французское правительство проявило иниціативу въ такихъ дѣлахъ, которыя прежде устраивались помимо его активнаго участія, путемъ непосредственныхъ переговоровъ между заинтересованными лицами. Недавно венгерское министерство финансовъ предполагало заключить на парижской биржѣ крупный заемъ въ 560 милліоновъ кронъ (около 230 милл. рублей). При обычныхъ условіяхъ французскіе капиталисты охотно оказали бы кредитъ представителямъ страны, которая по своимъ финансовымъ рессурсамъ и

по своей аккуратности въ платежахъ не возбуждаетъ ни въ комъ никакихъ сомнѣній. Но австрійскія газеты имѣли неосторожность объяснить, что заключеніе венгерскаго займа въ Парижѣ сохранило бы капиталы вѣнской биржи для крупныхъ денежныхъ операцій, необходимыхъ для Австріи на военныя надобности и на сооруженіе новыхъ броненосцевъ. Такимъ образомъ французскіе капиталы нужны были для усиленія арміи и флота великой державы, находящейся въ тѣсномъ союзѣ съ Германіею и обязанной при извѣстныхъ обстоятельствахъ направить свое оружіе противъ Франціи или ея союзниковъ. Французская дипломатія тотчасъ же вмѣшалась въ дѣло, и устройство венгерскаго займа въ Парижѣ было отклонено на томъ формальномъ основаніи, что по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ были допущены австрійскими властями прямыя нарушенія французскихъ интересовъ.

Точно также французское правительство отнеслось критически къ проекту новаго турецкаго займа въ Парижѣ; оно ставило свои условія, требовало назначенія французскихъ должностныхъ лицъ для участія въ постоянномъ контролѣ надъ турецкими финансами, долго вело объ этомъ переговоры съ прибывшимъ изъ Константинополя министромъ финансовъ Джавидъ-беемъ и наконецъ признало себя вынужденнымъ прервать ихъ, когда условія его не были приняты Портою. Само собою разумѣется, что конституціонная Турція, управляемая отвѣтственнымъ министерствомъ, имѣетъ гораздо больше правъ на финансовое довѣріе, чѣмъ Турція султана Абдулъ-Гамида или Абдулъ-Азиса; поэтому займодавцы не требуютъ уже реальнаго обезпеченія займа таможенными или иными поступленіями, а довольствуются гарантіями правильнаго денежнаго хозяйства и счетоводства. Однако младо-турецкая Порта находила и эти гарантіи излишними, такъ какъ надѣялась получить нужныя средства въ другомъ мѣстѣ. Германія и Австро-Венгрія воспользовались этимъ случаемъ, чтобы закрѣпить съ обновленною Турціею тѣ связи, которыя удалось Вильгельму II установить съ Турціею дореформенною, при Абдулъ-Гамидѣ. Возбужденныя берлинскимъ кабинетомъ надежды дали туркамъ смѣлость отказаться отъ соглашенія съ французскими капиталистами; но послѣдствія показали, что эти надежды были значительно преувеличены. Австро-германскіе банки предложили, вмѣсто заключенія займа, выдать авансъ въ размѣрѣ до шести милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или шестидесяти милліоновъ рублей за 6%, сверхъ коммиссіонныхъ, подъ векселя или обязательства срокомъ на шесть мѣсяцевъ. Такая краткосрочная ссуда, конечно, не избавитъ Турцію отъ займа по истеченіи срока, а обойдется она гораздо дороже заемной операціи, такъ какъ французы давали деньги за 4% на долгій срокъ, въ обмѣнъ

на процентныя бумаги. Правда, краткосрочныя обязательства могутъ быть по желанію возобновлены на новый срокъ, но при этомъ и невыгоды сдѣлки увеличатся, и для турецкаго казначейства австро-германская комбинація не представляетъ никакого облегченія. Оказывается, что нѣмецкіе и австрійскіе банки не обладаютъ достаточными силами для успѣшнаго соперничества съ парижскимъ денежнымъ рынкомъ, который былъ и остается богатѣйшимъ вмѣстилищемъ свободныхъ капиталовъ на материкѣ Европы. Туркамъ не миновать обращенія къ Франціи, и политическій престижъ Германіи и Австро-Венгріи нисколько не поднимется въ глазахъ младотурецкаго правительства подъ вліяніемъ всей этой странной исторіи. Въ денежномъ отношеніи французская республика все еще могущественнѣе тройственнаго союза, и она имѣетъ право и возможность ставить свои условія кредиторамъ. Она можетъ контролировать употребленіе капиталовъ, даваемыхъ ею взаймы иностраннымъ государствамъ, и это молчаливо признаваемое право контроля уже не разъ практиковалось, хотя и въ крайне корректныхъ и вѣжливыхъ формахъ, по отношенію къ союзной Россіи. Франція обыкновенно выговариваетъ въ пользу своей промышленности предоставленіе ей извѣстной доли русскихъ военныхъ заказовъ, что̀ впослѣдствіи вызываетъ негодующіе протесты нашихъ патріотовъ-націоналистовъ; но что̀ же дѣлать, если французы заранѣе включаютъ эти заказы въ условія русскаго займа? Они охотно давали намъ средства на увеличеніе нашихъ военныхъ силъ вдоль нашихъ западныхъ границъ, въ виду возможныхъ совмѣстныхъ дѣйствій въ неопредѣленномъ будущемъ; они не скрывали своего неудовольствія по поводу того, что наши западныя пограничныя области очищались отъ прежней массы войскъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ многія изъ нашихъ западно-русскихъ крѣпостей предназначены были къ упраздненію. Французы интересуются этимъ въ качествѣ нашихъ союзниковъ и кредиторовъ; они, конечно, не стали бы снабжать насъ капиталами на новыя предпріятія на Дальнемъ или Ближнемъ Востокѣ или на какія-либо другія рискованныя дѣла, могущія ослабить наше положеніе въ Европѣ. Россія, съ своей стороны, должна избѣгать дальнѣйшихъ иностранныхъ займовъ, чтобы сохранить независимость своей внѣшней политики и не доводить народныхъ средствъ до истощенія.

Въ Греціи политическій кризисъ вышелъ изъ періода опасныхъ увлеченій, связанныхъ съ вопросомъ о судьбѣ Крита и о возможной войнѣ съ Турціею. Критскіе и греческіе патріоты перестали думать о насильственномъ освобожденіи острова отъ турецкаго владычества,

которое въ сущности остается лишь номинальнымъ и нисколько не мѣшаетъ фактической автономіи жителей. Мысли и заботы грековъ направились въ другую сторону—къ вопросу о судьбѣ самой Греціи, о жалкомъ и почти безнадежномъ политическомъ состояніи страны, о безконечныхъ раздорахъ и интригахъ своекорыстныхъ парламентскихъ партій. Изъ среды арміи выдѣлилась передовая часть офицерства и образовала военную лигу, которая поставила себѣ цѣлью оживить и поднять политическій духъ націи, способствовать проведенію необходимыхъ реформъ и вести борьбу противъ всякихъ партійныхъ дѣльцовъ и интригановъ; но военная лига, присвоивъ себѣ фактически диктаторскую власть, еще болѣе усложняла и запутывала общее положеніе дѣлъ своимъ произвольнымъ и не всегда удачнымъ вмѣшательствомъ. Чтобы заставить военную лигу отказаться отъ диктатуры, придуманъ былъ проектъ созыва національнаго собранія, которому предстояло бы съ подобающимъ авторитетомъ опредѣлить способы національнаго возрожденія Греціи.

Популярнѣйшимъ пропагандистомъ этой идеи и наиболѣе выдающимся дѣятелемъ реформаторскаго движенія является представитель и избранникъ Крита, Венизелосъ, выборный глава исполнительной власти на островѣ. Король Георгъ, тронъ котораго былъ сильно поколебленъ военными возстаніями и офицерскими домогательствами, сразу присоединился къ новой патріотической программѣ и нашелъ твердую точку опоры въ общественномъ мнѣніи. Парламентъ принялъ резолюцію о созывѣ національнаго собранія, съ тѣмъ, чтобы основы существующаго конституціоннаго строя сохранили свою силу и чтобы только второстепенныя постановленія конституціи подверглись пересмотру, какъ это установлено 107-ою статьею конституціонной хартіи. Необходимость пересмотра, согласно той же статьѣ, „считается въ достаточной степени установленной, если палата испрашиваетъ разрѣшеніе этого пересмотра въ двухъ послѣдовательныхъ законодательныхъ сессіяхъ, посредствомъ спеціальныхъ резолюцій, принятыхъ большинствомъ трехъ четвертей общаго числа ея членовъ и опредѣляющихъ границы пересмотра". На этотъ разъ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, было рѣшено довольствоваться однимъ постановленіемъ палаты. Выборы въ національное собраніе производились при общемъ подъемѣ настроенія. Казалось, что старые партійные счеты забыты, парламентскіе дѣльцы сложили оружіе и ждутъ обновленія родины отъ новыхъ людей.

Національное собраніе было открыто въ Аѳинахъ 14 (1)-го сентября. Въ прочитанной королемъ Георгомъ тронной рѣчи выражалась увѣренность, что представители народа съумѣютъ вывести страну на путь спасительныхъ преобразованій и усовершенствованій. Вени-

зелосъ, избранный въ депутаты въ одномъ изъ избирательныхъ округовъ Греціи въ качествѣ греческаго подданнаго, сложилъ съ себя званіе главы критскаго правительства, чтобы войти въ составъ палаты; трое остальныхъ представителей Крита, избранныхъ населеніемъ и не обладающихъ правами греческаго гражданства, отказались отъ своихъ полномочій, чтобы не давать повода къ протестамъ со стороны Турціи. Среди членовъ національнаго собранія замѣчались существенныя разногласія: одни изъ депутатовъ требовали, чтобы собраніе признано было учредительнымъ; другіе заявляли, что собраніе, будучи по закону только ревизіоннымъ, должно пользоваться, однако, особыми правами и не можетъ быть распущено королемъ; третьи предлагали приступить къ работѣ, не задаваясь предварительными принципіальными обсужденіями. Вожди прежнихъ партій, Ѳеотокисъ, Мавромихалисъ и Раллисъ, давали всѣмъ чувствовать свое присутствіе и вліяніе въ палатѣ. Коалиціонное министерство Драгумиса не могло удержаться и должно было выйти въ отставку.

Общественное мнѣніе единодушно указывало на Венизелоса, какъ на единственнаго свѣжаго и независимаго дѣятеля, свободнаго отъ традицій и нравовъ греческаго парламентаризма и способнаго внести новый духъ въ политическую жизнь страны. Венизелосъ сдѣлался въ короткое время любимцемъ греческаго народа; повсюду его встрѣчали шумныя выраженія симпатіи и довѣрія. Онъ привлекалъ къ себѣ умы и сердца искренностью своего тона, прямотою и ясностью своей натуры, внутреннею убѣжденностью и чистотою своихъ стремленій— тѣми особыми качествами, которыя рѣзко отличаютъ его отъ опытныхъ парламентскихъ дѣльцовъ и профессіональныхъ патріотовъ Греціи. Король Георгъ, имѣвшій возможность близко изучить нѣсколько поколѣній греческихъ политиковъ и политикановъ, также, повидимому, повѣрилъ въ призваніе Венизелоса и отнесся къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. Венизелосъ принялъ предложеніе образовать новое министерство, послѣ того какъ старые партійные вожди обѣщали ему соблюдать нейтралитетъ. Явившись въ національное собраніе 21-го октября, въ качествѣ министра-президента, онъ сразу встрѣтился съ обычными лукавыми пріемами парламентской интриги. Нѣкоторые депутаты, ссылаясь на сообщенія газетъ, предлагали премьеру высказаться по вопросу о томъ, можетъ ли національное собраніе быть распущено королемъ; другіе совѣтовали прежде всего рѣшить, признается ли собраніе учредительнымъ или ревизіоннымъ. Послѣ долгихъ споровъ Венизелосъ поставилъ вопросъ о довѣріи. Когда соотвѣтственная формула была внесена однимъ изъ депутатовъ, всѣ приверженцы Раллиса и Мавромихалиса, вмѣстѣ съ группою „независимыхъ“ сторонниковъ учредительныхъ полномочій, тотчасъ же

покинули собраніе. Довѣріе было вотировано большинствомъ, но число присутствовавшихъ депутатовъ оказалось недостаточнымъ для составленія надлежащаго кворума, и потому состоявшееся постановленіе признано было недѣйствительнымъ. Венизелосъ заявилъ королю о своей отставкѣ, въ виду того, что въ собраніи не составилось законнаго большинства для выраженія ему довѣрія; но король уговорилъ его остаться и добиться голосованія при законномъ комплектѣ палаты. Собраніе высказалось, затѣмъ, въ пользу кабинета большинствомъ 208 голосовъ противъ 31, при 27 воздержавшихся; но подача голосовъ сопровождалась такими заявленіями и оговорками, что Венизелосъ ясно видѣлъ невозможность разсчитывать на прочную поддержку палаты при данномъ ея составѣ. Премьеръ призналъ необходимымъ распустить собраніе, и король послѣдовалъ его совѣту: декретомъ 24-го октября назначены новые выборы, на 28-ое ноября. Открытіе сессіи новаго собранія предстоитъ 8-го января будущаго года (нов. ст.).

Старыя парламентскія партіи находятъ распущеніе національнаго собранія незаконнымъ, такъ какъ конституція не даетъ королю подобнаго права, и на этомъ основаніи отказываются отъ участія въ выборахъ; но страна могла бы только выиграть отъ такого уклоненія, еслибы оно осуществилось въ дѣйствительности. Къ сожалѣнію, трудно надѣяться на безкорыстную самоотверженность старыхъ партій, и Греція едва ли скоро дождется того обновленія, о которомъ мечтаетъ Венизелосъ.

Положеніе дѣлъ въ Персіи вызываетъ справедливыя опасенія не только въ дипломатическихъ сферахъ, но и въ русскомъ обществѣ. Наши войска занимаютъ еще часть персидской территоріи, хотя они, кажется, исполнили уже свою задачу и обезпечили спокойствіе и безопасность иностранцевъ въ занятыхъ областяхъ. Персидское правительство давно уже хлопочетъ о прекращеніи этой оккупаціи, первоначальные мотивы которой перестали существовать; переговоры ведутся настойчиво, но безуспѣшно, и съ разныхъ сторонъ повторяются по адресу нашей дипломатіи хорошо знакомыя намъ обвиненія.

Говорятъ, что Россія соглашается удалить свои войска изъ сѣверной Персіи только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы персидское правительство возобновило концессію на разработку мѣдныхъ рудниковъ въ Карадагскомъ округѣ, близъ кавказской границы, и предоставило русскимъ эксплуатацію автомобильнаго движенія по сооруженной ими дорогѣ между Рештомъ и Тегераномъ. Первая изъ этихъ концессій не могла быть использована предпринимателями до истеченія срока, вслѣдствіе существовавшихъ въ странѣ безпорядковъ, и потому воз-

обновленіе ея было бы только дѣломъ справедливости по отношенію къ лицамъ, затратившимъ свои средства на это предпріятіе. Точно также требованіе права на эксплуатацію дороги, проведеніе которой обошлось русскому правительству около трехъ милліоновъ рублей, является вполнѣ естественнымъ и цѣлесообразнымъ. Но удобно ли связывать эти спеціальныя частныя требованія съ исполненіемъ обязательства очистить персидскую территорію отъ русскихъ войскъ?

Неоднократно было заявлено нашими и британскими представителями, что русскія войска уйдутъ изъ Персіи тотчасъ по минованіи въ нихъ надобности. Теперь никто не отрицаетъ, что въ странѣ достигнуто прочное успокоеніе и что присутствіе нашихъ военныхъ отрядовъ въ Тавризѣ, Казвинѣ и Ардебилѣ не вызывается уже необходимостью. Вліятельныя лондонскія газеты, несомнѣнно расположенныя къ Россіи, ясно давали намъ понять, что мы не должны настаивать на усвоенной нами точкѣ зрѣнія и что такая тактика не можетъ разсчитывать на поддержку и сочувствіе Англіи. Между тѣмъ само британское правительство недавно обратилось къ Персіи съ оффиціальною угрозою занять ея южныя мѣстности англо-индійскими полицейскими отрядами, если по истеченіи трехъ мѣсяцевъ не будетъ обезпечена безопасность южныхъ торговыхъ дорогъ отъ разбойниковъ. Эта грозная октябрьская нота значительно измѣняетъ положеніе вопроса о русской оккупаціи и ставитъ на очередь весьма щекотливыя международно-политическія задачи, едва ли соотвѣтствующія современнымъ условіямъ и потребностямъ Россіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— П. Коганъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Томъ III. Современники. Выпускъ III. Мистики и богоискатели. М., 1911.

„Богоискательство", еще недавно скрытое въ тиши кабинетовъ и тѣсныхъ кружковъ немногочисленныхъ адептовъ, вышло въ шумную жизнь улицы и вступило въ открытый споръ съ современностью, во имя обновленія общественно-политической жизни религіозно-мистическимъ началомъ. И нельзя сказать, чтобы это теченіе, увлекшее, въ качествѣ пророковъ, нѣсколькихъ несомнѣнно талантливыхъ людей, не возбуждало интереса, не имѣло нѣкотораго успѣха. Мистическія настроенія,

касающіяся самаго интимнаго, что есть въ человѣкѣ, его вѣчно загадочной судьбы, его безпомощности предъ неизбѣжнымъ и непознаваемымъ, обладаютъ особой заразительностью въ то время, когда широкія круги общества и народа лишены возможности дѣятельной творческой работы надъ земной своей участью. И мистики влекутъ за собою людей въ міръ заманчиваго „возвышающаго обмана" и самообмана. Поэтому голосъ писателя, подходящаго къ „богоискателямъ" съ серьезнымъ разборомъ ихъ претензій и стремленій имѣетъ немалую цѣнность, хотя бы это былъ разборъ чисто полемическій, какъ въ книгѣ г. Когана. Авторъ исходитъ изъ представленія о литературѣ, какъ выразительницѣ настроеній и идеологіи опредѣленныхъ слоевъ и группъ. Взглядъ—нѣсколько упрощенный и не во всѣхъ случаяхъ объясняющій литературныя явленія, въ данномъ случаѣ, но пригодный, такъ какъ онъ даетъ возможность рельефно выставить отрѣшенность отъ жизни и внутреннее безплодіе современнаго богоискательства. Въ книгѣ г. Когана три статьи посвящены Мережковскому, одна—Андрею Бѣлому, одна—Вячеславу Иванову. Первая статья—какъ бы введеніе къ остальнымъ и говоритъ о методѣ Мережковскаго, о незаконномъ смѣшеніи научнаго метода и вѣры, проникающемъ всѣ построенія богоискателей. Въ остальныхъ статьяхъ болѣе или менѣе ярко обрисованы противорѣчія, къ которымъ приводитъ это смѣшеніе методовъ у разбираемыхъ авторовъ. Характеризуется спутанность ихъ мысли, непонятная туманность повторяющихся образовъ и трагическое безсиліе дать ясную форму какимъ-то невѣдомымъ тайнамъ, будто-бы усмотрѣннымъ символистами. „Тотъ тупикъ, въ который уперся мистицизмъ въ лицѣ своихъ наиболѣе талантливыхъ представителей, является лучшимъ свидѣтельствомъ того, какъ трудно ожидать обществу съ этой стороны отвѣта на свои запросы". Дѣйствительно, не отрицая за символистами знаній и таланта, нельзя не признать, что эти достоинства тонутъ отдѣльными яркими блестками въ общей картинѣ безнадежныхъ усилій постичь непостижимое—усилій, часто сбивающихся на истерическую раздраженность, а иногда на банальность.

— Андрей Бѣлый. „Лугъ зеленый". Книга статей. Книгоиздательство „Альціона". Москва, 1910. Ц. 1 р.

„Книга статей" г. Бѣлаго приглашаетъ читателя прогуляться по „лугу зеленому" русской литературы. Однако, эта прогулка подъ руководствомъ выдающагося символиста—дѣло совсѣмъ не легкое, прежде всего потому, что трудно понимать мало вразумительную рѣчь г. Бѣлаго, пересыпанную метафорами и уподобленіями, пышную и рето-

рическую. Хоть кого могутъ напугать безпрестанные и уже давно избитые „перегибы отъ буддійской онѣмѣлости и величаваго холода къ золотисто-закатному, винному пожару діосиніанства“, и „знойные потоки солнечной свѣтозарности“. Рѣжутъ ухо и пріемы характеристикъ г. Бѣлаго. Особо цѣнимые имъ писатели продѣлываютъ необыкновенныя вещи. Мережковскій усѣлся „въ облакахъ съ подзорной трубкой. Опредѣлите-ка его, кто онъ!“ Соллогубъ — „Ахъ ты фокусникъ-покусникъ! Покусничаетъ волшебникъ, надѣлъ армянскій халатъ, двумя бутылочками помахиваетъ... Посматриваетъ армяшка, застращиваетъ!“. Брюсовъ тоже похожъ на колдуна: „сейчасъ—прямо такой, какой стоитъ съ телефонной трубкой и въ застегнутомъ сюртукѣ, провалится сквозь полъ или улетитъ въ трубу на шабашъ“; не смотрите, что онъ — „талантливѣйшій изъ русскихъ поэтовъ современности, еще и умнѣйшій, корректнѣйшій изъ нихъ“. Бальмонтъ— „залетная комета“: сейчасъ сидѣлъ на деревянномъ пѣтушкѣ, „завтра встанетъ онъ съ пѣтушка, надменно взлетитъ къ лицу надменное его пенснэ, и—пафъ, пафъ, пафъ! Уйдетъ въ синіе свои, синіе, синіе, синіе просторы. Надѣнетъ шляпу, запоетъ интерпланетный маршъ и... нѣтъ его: пошелъ описывать рейсы: земля—луна—солнце—земля!“ Однако, за г. Бальмонтомъ водится большой грѣхъ: „жизнь не соединилъ онъ съ творчествомъ въ символѣ цѣнности (?) и безцѣльно носится въ мiровыхъ пустыняхъ небытія“. Вообще, у г. Бѣлаго метафоры такъ и сыплются, вплоть до увеселительной неожиданности: „некрасовская гражданственность должна утвердиться на діонисическомъ стержнѣ“, — точно турокъ на колу. Словомъ, въ крикливо-фамильярной манерѣ г. Бѣлаго, въ неудержимомъ его словоизверженіи, лишенномъ вкуса и нестерпимо притязательномъ, данъ неистощимый матеріалъ для пародіи. Что же скрыто за этой внѣшностью, за стилемъ, смахивающимъ на развинченные жесты неврастеника? Какъ теоретикъ символизма, г. Бѣлый мѣстами довольно скроменъ: „всякая теорія символизма, появляющаяся въ наши дни, въ лучшемъ случаѣ есть лишь набросокъ плана, по которому надлежитъ выстроить зданіе“. Гораздо чаще символизмъ просто возглашается какъ обрѣтенный особый родъ познанія, противополагаемый познанію логическому. Послѣднее выражается раціоналистическими способами, тогда какъ символическій методъ есть методъ творческаго художественнаго воспріятія, проникающій въ сущность вещей, отображающій символами непознаваемое. Центръ тяжести переносится при этомъ на мнимое постиженіе непостижимаго и на таинственное „пресуществленіе искусства въ религію жизни“. „Прошлое литературы—пѣсня (?), будущее—религія жизни“. Ручьи поэзіи „переливаются въ теургію и магію“. Вершина символизма—„соединеніе творчества и религіи въ сотвореніи художникомъ

религіи, въ теургіи". Сотворили ли уже русскіе символисты религію, не видно, хотя словъ на эту тему, невразумительныхъ и темныхъ, говорится г. Бѣлымъ великое множество. Многорѣчивый панегирикъ Брюсову сводится на хвалебный гимнъ внѣшней формѣ его стиха и его личности; что касается содержанія, мы узнаемъ только, что Брюсовъ борется въ выборѣ между жизнью и смертью. „Но онъ глянулъ сквозь формы въ Жизнь Цѣнную. Отнынѣ образъ Крылатаго Меченосца (нѣкто, усмотрѣнный поэтомъ въ глубинахъ небесныхъ) не оставитъ его, пока онъ не выберетъ пути Жизни или Смерти". Этими непонятными вѣщаніями заканчивается статья о Брюсовѣ; въ заключительной же статьѣ книги г. Бѣлаго мы неожиданно прочли о томъ же единственномъ Брюсовѣ, что онъ устроилъ, пока что, только какое-то „паровое воскресеніе мертвыхъ", т.-е. учинилъ нѣчто въ родѣ фальсификаціи вмѣсто теургіи! Временами въ словоизверженіяхъ г. Бѣлаго слышны ноты анархическаго протеста, во вкусѣ Морриса, противъ техническаго прогресса, во имя призыва къ „зеленому лугу". Иногда звучитъ отголосокъ чего-то въ родѣ народничества, появляются апокалипсическія предвидѣнія, ощущается ароматъ „пунцовыхъ лампадокъ". Съ достаточной смѣлостью символизмъ объявляется непосредственнымъ преемникомъ Пушкина, Лермонтова и т. д.

Ради справедливости хотѣлось бы отмѣтить отдѣльныя красивыя мѣста, точно чужой рукою вставленныя, критическое чутье, раскрывшее въ бытѣ чеховскаго творчества (въ статьѣ о Чеховѣ) глубокую печаль и символы тщеты бытія. Но общее раздражающее впечатлѣніе литературной манеры г. Бѣлаго, совсѣмъ не гармоническій визгъ его души-ласточки (его собственное сравненіе), взвинченный пророческій экстазъ—менѣе всего могутъ примирить съ нимъ не-модерниста, не мистика.

— Чеховскій юбилейный сборникъ. 1860—17 января—1910. Москва, 1910.

Весь доходъ отъ настоящаго изданія поступаетъ въ фондъ на постройку Учительскаго Дома въ Москвѣ. Издатели задались цѣлью собрать воедино по возможности все, что появилось въ періодической печати по случаю юбилея Чехова. Къ сожалѣнію, какъ во всякой „юбилейной литературѣ", и въ чеховской оказывается много хлама, который, конечно, не стоилъ такого вниманія, какое оказали ему составители. Таковы, напр., въ первую голову напечатанныя въ отдѣлѣ „Лепестки", вымученныя и вялыя вирши газетныхъ фельетонистовъ и др. Таковы же и многія замѣтки, старательно собранныя по газетамъ и маленькимъ журналамъ. При этомъ составители все же не могли достигнуть дѣйствительной полноты, за которою погнались, и,

напр., совершенно обошли провинціальную печать; а между тѣмъ именно здѣсь и появилось кое-что новое о Чеховѣ (южныя газеты). Въ обиліи вялыхъ повтореній и варіацій на давно данный тонъ о прекрасной душѣ Чехова, среди писаній псевдонимовъ, анонимовъ и Брендеровъ съ Норвежскими, тонутъ немногія вдумчивыя статьи и воспоминанія, дающія нѣчто оригинальное и цѣнное: „Братъ человѣческій" Мережковскаго, „Посмертный ликъ Чехова" Л. Гуревичъ, воспоминанія Авиловой, статья Тана „На родинѣ Чехова", призывъ редакціи „Русскаго Слова" сдѣлать національной собственностью ялтинскую дачу Чехова. Кромѣ перепечатокъ, въ сборникѣ дано нѣсколько раннихъ разсказовъ Чехова, „Мысли, избранныя изъ сочиненій", съ обычными недостатками подобныхъ хрестоматій, и рядъ снимковъ съ героевъ пьесъ Чехова въ воспроизведеніи московскаго Художественнаго театра. Эти снимки много оживляютъ пустынныя страницы объемистаго сборника. Впрочемъ, ради того хорошаго, что имѣется въ сборникѣ, и въ виду его дешевизны (1 р. 25 к. за книгу въ 540 стр.) и благой цѣли, надо пожелать, чтобы изданіе не обмануло ожиданій его составителей.

— Сергѣй Муромцевъ. Статьи и рѣчи. Выпускъ I. Некрологи, привѣтствія, воспоминанія (1878—1910). Выпускъ II. На первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ и въ московскомъ юридическомъ обществѣ (1875—1910). Выпускъ III. Изъ общественной хроники (1880—1886).

Три выпуска статей и рѣчей только что скончавшагося С. А. Муромцева закрѣпятъ въ сознаніи читателей тѣ величественныя черты мужа гражданственности, въ какихъ узнала его родина въ качествѣ предсѣдателя первой, великой русской Государственной Думы. Статьи его, рѣчи, самыя короткія выступленія носятъ печать какой-то особенной законченности, зрѣлой мысли и непоколебимой увѣренности въ правотѣ сказаннаго. Его некрологи и привѣтствія — иногда въ полстранички, выкованные, безъ одного лишняго слова,—звучатъ какъ ударъ въ могучій колоколъ, ударъ, властно пробуждающій душу и настраивающій ее на высокій ладъ. Таково, напр., знаменитое привѣтствіе, произнесенное имъ въ юбилейные пушкинскіе дни (1899) и послужившее поводомъ къ закрытію московскаго юридическаго общества. Это художественное въ своемъ родѣ произведеніе когда-нибудь будетъ разучиваться въ школахъ какъ настоящій образецъ „высокаго" стиля. И хотя самъ Муромцевъ скромно оговаривался, что это привѣтствіе—„совмѣстный трудъ членовъ Бюро Юридическаго Общества", печать личности автора всецѣло лежитъ на этихъ строкахъ: „Въ исторію гражданскаго развитія нашего отечества неиз-

гладимыми чертами вписано, какъ среди общества, печально поражавшаго чуткую совѣсть великаго народнаго поэта своимъ презрѣніемъ къ мысли и равнодушіемъ ко всякому долгу, справедливости и правдѣ, звучалъ героическій гимнъ, посвященный красотѣ и человѣческому достоинству. Проникнутый съ юности мечтами о просвѣщенной свободѣ и законности, какъ лучшихъ опорахъ государственнаго порядка, не щадилъ поэтъ своихъ гигантскихъ усилій пробудить современную ему толпу отъ позорнаго сна, ударяя съ невѣдомою силою выстраданнымъ стихомъ по людскимъ сердцамъ, хотя и безъ надежды найти въ нихъ немедленный откликъ своему тяжкому сердечному стону. Но этотъ стонъ былъ стономъ почуявшей свою силу русской личности. Борьба, вынесенная Пушкинымъ, была борьбой личности за независимость и свободное развитіе. Великій поэтъ былъ могучимъ провозвѣстникомъ русскаго Возрожденія. Празднуя нынѣ память поэта, мы торжествуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду, одержанную русской личностью надъ рутиною жизни и властной опеки".

Борьбу съ рутиной и властной опекой составляла и та сторона жизни Муромцева, которая представлена во второмъ и третьемъ выпускахъ его произведеній, т.-е. дѣятельность его въ юридическомъ обществѣ, и его публицистика, относящаяся къ самому глухому періоду недавней нашей общественности; къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка. Въ его „письмахъ изъ Москвы" хроника столицы—лѣтопись мѣстной земской жизни, городского самоуправленія, разныхъ формъ общественности—поднята до высоты общерусскихъ вопросовъ. Посильному разрѣшенію ихъ Муромцевъ много послужилъ (говоря словами Гоголя, процитированными въ его рѣчи 26-го апрѣля 1909 г.) „непоколебимою твердостью въ жизненномъ дѣлѣ, бодреньемъ и освѣженьемъ всѣхъ вокругъ себя". Эти качества сохранены для потомства въ рѣчахъ и статьяхъ покойнаго.

— Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 г.г. Выпускъ I. Спб., 1910.

Литература мемуаровъ, воспоминаній, автобіографій издавна составляетъ любимый родъ историческаго чтенія для широкой публики. Русская литература можетъ похвалиться нѣсколькими высокохудожественными произведеніями въ этомъ родѣ. Таковы „Семейная хроника" и „Дѣтскіе годы" С. Аксакова, „Былое и Думы" Герцена, „Записки современника" Короленка. Гораздо многочисленнѣе мемуары, лишенные творческой силы воспроизведенія, но тѣмъ не менѣе влекущіе къ себѣ личностью авторовъ, правдивымъ пересказомъ пережитаго и видѣннаго ими. Таковы и воспоминанія И. И. Янжула. Первый

выпускъ ихъ обнимаетъ время отъ поступленія автора, въ 1864-мъ году, въ московскій университетъ до 1887-го года. Читатель не найдетъ здѣсь широкихъ картинъ русской жизни или характеристики умственныхъ теченій въ русскомъ обществѣ за это время. Цѣль автора гораздо скромнѣе: онъ вспоминаетъ лично имъ прожитое и людей, съ которыми приходилось встрѣчаться на жизненномъ пути, вспоминаетъ иногда не безъ мелочей, мало интересныхъ. Но за то этотъ путь рисуется безъ всякой преднамѣренности, какъ настоящій и серьезный *трудовой* путь. Въ этомъ—наиболѣе симпатичная черта воспоминаній г. Янжула. Они даютъ также много данныхъ для характеристики московскаго университета и отдѣльныхъ его представителей. Любопытны страницы, изображающія литературные кружки Москвы начала семидесятыхъ годовъ; въ особенности интересенъ кружокъ, образовавшійся около органа С. Юрьева „Бесѣда", гдѣ И. И. Янжулъ писалъ подъ именемъ Всеволода Юрганова. Подробно разсказана заграничная жизнь И. И. въ годы приготовленія къ каѳедрѣ и первыхъ ученыхъ трудовъ. Въ послѣдней главѣ идетъ рѣчь о много нашумѣвшей службѣ Янжула въ должности фабричнаго инспектора, въ первые годы существованія фабричной инспекціи. Безъискусственный и благодушный разсказъ живо обрисовываетъ все, что приходилось одолѣвать студенту, желающему посвятить себя наукѣ, затрудненія учащагося за границей (между прочимъ характерны страницы, разсказывающія о бездушно-формальномъ отношеніи къ русскимъ за границей нашихъ посольствъ), терніи, которыя ожидаютъ у насъ ученаго, желающаго примѣнить свои знанія къ живому дѣлу. Изъ отдѣльныхъ лицъ, о которыхъ говорится на страницахъ книги, назовемъ А. И. Чупрова, Стороженка, Владиміра Соловьева, Писемскаго, Муромцева, Мильгаузена, Боголѣпова.

Ч. В—скій.

— Александръ Бенуа. Царское Село въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Изданіе Товарищества Р. Голике и А. Вильборгъ. Спб., 1910.

Талантливый и многосторонне образованный художникъ-критикъ, послѣ многихъ лѣтъ изученія „Русской Версали", къ которому онъ привлекъ огромный литературный и архивный матеріалъ, создалъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію искусства XVIII-го вѣка. Съ глубокою любовью къ старому искусству, грандіознымъ памятникомъ котораго является Царское Село, съ увлеченіемъ и изяществомъ стиля, удачно совмѣщающимся съ самой точной и кропотливой документальностью, Ал. Бенуа разсказалъ про золотой вѣкъ Царскаго Села, когда Елисавета Петровна перенесла въ свою любимую резиденцію все созданное европейскимъ искусствомъ середины XVIII столѣтія въ области архи-

тектуры, домовой и садовой, и украшенія жилищъ. Изслѣдованіе Бенуа тѣмъ цѣннѣе, что выдвигаетъ сдѣланное въ елисаветинскій періодъ, тихій и скромный въ сравненіи съ блестящимъ екатерининскимъ царствованіемъ, но безконечно больше давшій архитектурному искусству, въ особенности въ Царскомъ Селѣ. Постройки этой эпохи поражаютъ не столько монументальностью, сколько необыкновенною детальностью украшеній. Отъ разсѣянныхъ въ книгѣ безчисленныхъ снимковъ и рисунковъ трудно бываетъ оторваться. Общую физіономію елисаветинскаго Царскаго авторъ рисуетъ живыми и тонкими чертами. Кокетливый архитектурный стиль, яркія краски, обиліе позолоты, все это придавало Царскому сказочный видъ: „вблизи оно, быть можетъ, шокировало вкусъ, исправленный эстетическими теоріями, но на людей простыхъ и въ особенности на народъ оно производило самое радостное, прямо умилительное впечатлѣніе... Царское Село скоро сдѣлалось популярнѣйшимъ, общеизвѣстнымъ мѣстомъ, и, навѣрное, вызывавшіяся имъ впечатлѣнія сыграли не послѣднюю роль въ окончательной побѣдѣ изящной западной культуры надъ московскимъ варварствомъ. Превосходство Запада здѣсь являлось въ доступной, ясной формѣ и съ оттѣнкомъ того самаго варварства, надъ которымъ праздновалась побѣда". Тотъ же самый оттѣнокъ варварства окрашивалъ и бытовую придворную жизнь, описанную авторомъ въ особой главѣ— эту смѣсь новой европейской культуры съ застарѣлой азіатчиной, такую странную среди этихъ садовъ и прихотливыхъ дворцовъ, съ „Рафаилами Урбино" на стѣнахъ.

Авторъ очень позаботился объ украшеніи книги, и съ нимъ эту задачу раздѣлили такіе выдающіеся художники, какъ Е. Е. и Н. Е. Лансере, Альб. Бенуа, Митрохинъ, Сомовъ, Добужинскій, Яремичъ. Изъ украшающихъ царскосельскіе чертоги Елисаветы работъ старинныхъ мастеровъ въ книгѣ переданы произведенія Паоло Веронезе, Ватто, А. П. Брюллова, Дункера, Дж. Б. Скотти, Ротари, Растрелли, Теніерса. Даны виды Царскаго, чертежи, планы, изображенія мебели, бронзы, воспроизведены архитектурныя детали, старинныя гравюры— всего около двухсотъ иллюстрацій въ текстѣ и шестидесяти на отдѣльныхъ листахъ, при чемъ использованы всѣ лучшіе способы воспроизведенія: и фототипія, и автотипія-duplex, и хромолитографія, и геліогравюра, и трехцвѣтная печать. Такія вещи, какъ рисунки Сомова, Е. Лансере, братьевъ Бенуа, проникнуты глубокой исторической интуиціей. Рядомъ съ художникомъ-авторомъ и художниками-иллюстраторами надо поставить типографа-артиста Б. Г. Скамони, вкусъ и старанія котораго сдѣлали изъ книги настоящій шедевръ типографскаго искусства. Съ внѣшней стороны изданіе поражаетъ строгимъ и величавымъ, до мелочей выдержаннымъ единствомъ стиля и непошлой,

серьезной роскошью. Правда, и стоитъ оно дорого (100 руб.), но возможность исполнить такую работу въ Россіи нельзя не счесть отраднымъ фактомъ, и самое существованіе такихъ книгъ у насъ, высоко поднимая типографское дѣло, не можетъ не отразиться вообще на русской книгѣ. Желательно, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ и выпустилъ другую книгу — о Царскомъ Селѣ при Екатеринѣ и Александрѣ.

— Словарь литературныхъ типовъ. Вып. IV: Грибоѣдовъ. Подъ ред. Н. Д. Носкова. Спб., 1910. Ц. 1 руб.

Это изданіе, ставшее популярнымъ въ качествѣ пособія для школы и для самообразованія (раньше вышли выпуски, посвященные Тургеневу, Гоголю, Лермонтову и С. Аксакову), очень полезно и болѣе широкому читательскому кругу. Всѣ тѣ разбросанныя черты, которыми характеризуютъ тѣ или иные литературные типы ихъ создатели и критики, тщательно суммируются, словно лучи, собранные въ одномъ фокусѣ, и благодаря этому искусственному пріему характеристики пріобрѣтаютъ особенную выпуклость. Составители добросовѣстно стараются давать себѣ самимъ поменьше воли и по возможности говорить о типическихъ обликахъ словами ихъ авторовъ. Такимъ образомъ получаются портреты внѣ ихъ обычной перспективы, оторванные отъ фона, на которомъ ихъ представили ихъ творцы, но тѣмъ не менѣе вѣрные и своеобразно-яркіе. Конечно, пользованіе „словаремъ" возможно только при условіи знакомства съ его основнымъ матеріаломъ; но именно „словарь", многое приводя на память и подчеркивая, облегчаетъ читающему дальнѣйшее, болѣе сложное и глубокое усвоеніе тѣхъ или другихъ типовъ. Въ настоящемъ выпускѣ, посвященномъ Грибоѣдову, согласно вообще принятому редакціей методу, находимъ біографическія свѣдѣнія о писателѣ, съ краткой хронологической „канвой", исторію созданія его произведеній, ихъ перечень, съ обстоятельными историко-литературными справками, указанія на наиболѣе крупные источники для ихъ изученія, и самый словарь—расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ характеристики созданныхъ авторомъ типовъ, при чемъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, „Горе отъ ума", хотя не забыты и второстепенныя произведенія. Особое вниманіе удѣлено образамъ Чацкаго, Софьи, Фамусова и Молчалина, прекрасно разработаннымъ и по самой комедіи, и по отзывамъ критиковъ. Жаль, что при этомъ составители не обратили вниманія на интересныя статьи И. А. Гриневской: „Оклеветанная дѣвушка" и „Кого любитъ Софья Павловна?" („Ежемѣс. Сочиненія", 1901 г., октябрь и ноябрь). Критическая литература о Грибоѣдовѣ такъ, въ общемъ, невелика, что не

слѣдовало игнорировать эти этюды, въ которыхъ, къ тому же, проводится оригинальный взглядъ на главную героиню „Горя отъ ума". Мнѣніе г-жи Гриневской о Софьѣ, кое въ чемъ сходящееся съ отзывомъ Гончарова, слѣдовало привести въ качествѣ противовѣса мнѣніямъ Бѣлинскаго и Айхенвальда. Очерчивая Фамусова, составители смѣло могли отбросить поверхностную его характеристику, принадлежащую Незеленову, и вмѣсто нея использовать гораздо болѣе цѣнную статью С. Васильева: „Къ характеристикѣ Фамусова" („Русск. Обозр.", 1890, сентябрь). Библіографія могла бы быть нѣсколько распространеннѣе и составлена тщательнѣе. Вмѣсто дорогого и недоступнаго большинству читателей суворинскаго изданія изслѣдованія П. Е. Щеголева объ отношеніяхъ Грибоѣдова къ декабристамъ лучше было бы рекомендовать „грибоѣдовскій" № „Литерат. Вѣстника" (1904 г., кн. 2), гдѣ это изслѣдованіе впервые напечатано. Для знакомства съ близкими Грибоѣдову Катенинымъ и кн. В. Ѳ. Одоевскимъ слѣдовало рекомендовать также полезную въ библіографическомъ отношеніи работу С. Бертенсона о первомъ и И. А. Кубасова и Б. А. Лезина — о второмъ. Приписанная Пушкину эпиграмма на Булгарина, по поводу его отношеній къ Грибоѣдову: „Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь"... принадлежитъ кн. П. А. Вяземскому; странно говорить о гордомъ и самолюбивомъ Пушкинѣ-юношѣ, что онъ „пристроился" къ кружку Зеленой Лампы. „Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій", вошедшихъ въ литературную и повседневную рѣчь изъ „Горя отъ ума", поражаетъ embarras de richesses: къ „нарицательнымъ" индивидуально-грибоѣдовскимъ выраженіямъ отнесены такія общія, какъ „бить баклуши", „будетъ гонка", „прямой чурбанъ" или восклицаніе Софьи: „ребячество!". Но все это мелочи въ сравненіи съ прекраснымъ, въ общемъ, исполненіемъ задачи. Понимая ее съ строгой широтою и требовательностью, составители внимательно прослѣдили всю біографическую литературу о Грибоѣдовѣ, положительно до послѣднихъ дней, и въ рядѣ выдержекъ изъ мемуарной литературы представили „Грибоѣдовскую Москву"—историческій фонъ „Горя отъ ума". Какъ и другія части „Словаря литературныхъ типовъ", книга о Грибоѣдовѣ далеко вышла за предѣлы простого справочника и даетъ систематизированный сводъ матеріаловъ о Грибоѣдовѣ, полезный для разносторонняго изученія великаго писателя.—Н. Л.

— Другъ народа Александръ Львовичъ Караваевъ. Спб., 1910.

Этотъ сборникъ статей посвященъ памяти павшаго 5 марта 1908 г., отъ руки убійцы, депутата-трудовика второй Государственной Думы, врача А. Л. Караваева. Онъ составился изъ статей, написанныхъ

подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ трагическаго событія; но вслѣдствіе „независящихъ обстоятельствъ", играющихъ столь выдающуюся роль въ нашей жизни, выходъ его въ свѣтъ задержался на цѣлые два года. Не смотря на спѣшность составленія, разсматриваемое изданіе ярко рисуетъ любвеобильную и преданную народу личность Караваева; а такъ какъ послѣдній отличался, вмѣстѣ съ тѣмъ, незаурядной энергіей и становился въ центрѣ прогрессивной общественной работы того мѣста, куда его забрасывала судьба, то описаніе дѣятельности Караваева можетъ служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и матеріаломъ для новѣйшей исторіи нашей общественности. А. Л. Караваевъ принадлежалъ къ тому общественному направленію, которое именуется у насъ народничествомъ. Онъ выступилъ—еще студентомъ—на арену общественной дѣятельности во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, послѣ того какъ русская молодежь сдѣлала первый опытъ массоваго сближенія съ народомъ, съ цѣлью подвинуть его на революціонныя выступленія, испытала въ этомъ неудачу, остановилась передъ вопросомъ о путяхъ болѣе длительнаго и прочнаго вліянія на массы—и выступила затѣмъ на путь прямой, насильственной борьбы съ властью. Караваевъ твердо усвоилъ основную практическую идею народничества семидесятыхъ годовъ — идею о томъ, что политическое и экономическое освобожденіе народа можетъ быть дѣломъ только рукъ самого народа, а задача интеллигенціи заключается въ пробужденіи народныхъ массъ и подготовленіи ихъ къ выполненію великаго дѣла. Не испытавъ очарованія и разочарованія своихъ старшихъ единомышленниковъ въ практическомъ примѣненіи этой идеи, онъ не поддался и тому психическому настроенію, которое толкало энергичныхъ дѣятелей народничества конца 70-хъ годовъ на путь непосредственной борьбы; онъ не уклонился отъ основной усвоенной имъ идеи и сталъ только искать новыхъ формъ и путей просвѣтительнаго воздѣйствія на народъ. По натурѣ своей Караваевъ не могъ поработиться догмѣ партіи и узкой политикѣ. Онъ былъ также слишкомъ реалистъ для того, чтобы ожидать — при обстановкѣ того времени—прочныхъ успѣховъ отъ подпольной дѣятельности по организаціи народныхъ массъ. Родившись въ крестьянской семьѣ, не разрывая съ народомъ и въ годы своего ученія, онъ хорошо позналъ его жизнь, горе и страданія, „научился понимать народъ, не идеализируя его, и, видя всѣ темныя стороны, полюбилъ его той глубокой любовью, которой не измѣнилъ до конца дней своихъ". Любовь къ ближнему составляла вообще характерную черту покойнаго, а любовь такой энергичной и дѣятельной натуры не могла не вести къ попыткамъ облегчить горе и нужду, которыя такъ били въ глаза всякому, соприкасающемуся съ бытомъ трудящихся массъ.

Указанными выше чертами предопредѣлялся характеръ общественной дѣятельности Караваева. Онъ начиналъ съ того, что приходилъ къ народу со средствами медицинскаго пособія, продолжалъ тѣмъ, что становился утѣшителемъ, совѣтникомъ и помощникомъ окружающихъ въ ихъ горѣ и нуждахъ, а заканчивалъ организаціей мѣстной интеллигенціи, а по возможности и крестьянъ или рабочихъ (смотря по мѣсту жительства), для систематической помощи нуждающимся и для культурно-просвѣтительнаго воздѣйствія на народъ, удовлетворяя этимъ въ предѣлахъ возможнаго одновременно и своимъ филантропическимъ чувствамъ, и завѣтной идеѣ просвѣщенія народа, развитія его самосознанія и самодѣятельности, какъ предварительнаго условія осуществленія идеи освобожденія народа усиліями самого народа. „На культурно-просвѣтительную дѣятельность и свое участіе въ ней онъ всегда смотрѣлъ, какъ на одно изъ средствъ къ политическому просвѣщенію массъ“.

Такова была дѣятельность Караваева въ годы безвременья и политической спячки русскаго общества. Отъ подготовительныхъ мѣръ онъ переходилъ къ прямой политической работѣ, когда въ обществѣ возникали соотвѣтствующія стремленія. Онъ принималъ участіе въ „Союзѣ Освобожденія“, находился во главѣ общественныхъ выступленій въ Екатеринославѣ въ 1904 и 1905 гг., стараясь въ то же время войти въ близкія отношенія съ деревней, а когда па арену политическихъ исканій выступили крестьяне, сдѣлался дѣятельнымъ членомъ крестьянскаго союза. Послѣ октябрьскихъ событій ему пришлось оставить Екатеринославъ; время первой Государственной Думы онъ провелъ въ Петербургѣ, принимая дѣятельное участіе въ организаціи и работахъ трудовой группы. При выборахъ во вторую Думу, проходившихъ въ Екатеринославѣ при болѣе свободныхъ внѣшнихъ условіяхъ, онъ былъ намѣченъ кандидатомъ и избранъ въ депутаты голосами интеллигентныхъ и демократическихъ круговъ этого города. Послѣ роспуска второй Думы, осенью 1907 г., мы находимъ А. Л. Караваева опять въ Екатеринославѣ, за той же просвѣтительной работой, которой была посвящена вся его жизнь. Политическое значеніе этой просвѣтительной работы было хорошо понято не только друзьями, но, увы, и темными врагами новаго порядка вещей. Черныя души давно намѣтили Караваева, какъ своего злѣйшаго врага, и грозили ему смертью. Караваевъ вѣрилъ въ эту угрозу и, отправляясь вечеромъ по воскреснымъ днямъ въ поселокъ Амуръ для чтенія лекцій просившимъ его о томъ рабочимъ, высказывалъ предположеніе, что, быть можетъ, ему и не вернуться назадъ живымъ. Угроза была приведена въ исполненіе: Караваевъ погибъ отъ пули. Ни онъ самъ, ни другіе не сомнѣвались, что черный замыселъ зародился въ средѣ „союзниковъ“. Новѣйшія данныя,

повидимому, подтверждаютъ это предположеніе; но мы, къ сожалѣнію, не можемъ имѣть увѣренности въ томъ, что дѣло, возбужденное родственниками убитаго, пройдетъ всѣ полагающіяся по закону стадіи и что участіе черной организаціи въ политическихъ убійствахъ будетъ еще разъ доказано судебнымъ разбирательствомъ.—В. В.

— П. Г. Виноградовъ, профессоръ Оксфордскаго и Московскаго Университетовъ. Римское право въ средневѣковой Европѣ. Изданіе А. А. Карцева. Москва, 1910.

Новая книга проф. П. Г. Виноградова посвящена одному изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ исторіи. Рецепція римскаго права въ западной Европѣ, вторичная жизнь права, не павшаго съ древнимъ Римомъ, не погребеннаго подъ его развалинами, мощнаго въ своемъ послѣдующемъ вліяніи—проблема, давно уже привлекавшая вниманіе изслѣдователей, какъ юристовъ, такъ и историковъ. Внимательному изученію и пытливой критикѣ подвергались источники; появлялись и появляются спеціальныя работы, посвященныя тому или другому отдѣльному вопросу; возникали ученые споры и контроверзы; дѣлались и попытки общихъ построеній, бо̀льшая ихъ часть теперь уже устарѣла. За послѣднее время открыты и новые источники, выяснились новыя исходныя точки зрѣнія; но дать общій очеркъ рецепціи римскаго права, стоящей на современномъ научномъ уровнѣ, представляло задачу нелегкую и отвѣтственную. Новый трудъ проф. Виноградова блестяще выполняетъ эту задачу. Исчерпывающая эрудиція въ области исторической и историко-правовой литературы, глубина и тонкость медіэвиста-аполитика, широкій размахъ историка сравнительнаго права, строгая форма и логичность юриста, общія перспективы историка культуры—все это счастливо сочетается въ проф. Виноградовѣ. Какъ и предыдущія его работы, книга о рецепціи римскаго права въ средніе вѣка займетъ видное мѣсто въ исторической литературѣ.

Въ основу книги легли лекціи, читанныя по приглашенію Лондонскаго университета и первоначально появивившіяся на англійскомъ языкѣ (см. нашъ обзоръ исторической литературы въ февральской книгѣ „Вѣстника Европы"). Первая лекція трактуетъ объ упадкѣ римскаго права. Здѣсь авторъ даетъ яркую картину конца римской имперіи, когда сначала просачивавшіеся, а затѣмъ хлынувшіе мощной волною чужеземные элементы разрушили римскій міръ. Римское право подвергалось искаженіямъ и произвольнымъ интерпретаціямъ въ варварскихъ государствахъ. Проф. Виноградовъ подробно останавливается на римскомъ законѣ вестготовъ (Breviarium Alaricianum) и на рэ-

тійской кодификаціи—Lex Romana Curiensis, въ которыхъ отразились характерныя черты постепеннаго паденія римскаго права. Переходя къ правовымъ обычаямъ ранняго средневѣковья, авторъ отмѣчаетъ непрерывающееся существованіе отрывочныхъ и искаженныхъ нормъ, заимствованныхъ болѣе или менѣе непосредственно изъ римской правовой системы; это положеніе иллюстрируется рядомъ примѣровъ изъ исторіи франковъ, готовъ и лангобардовъ. Во второй лекціи даются основные моменты возрожденія юриспруденціи, закончившагося пышнымъ расцвѣтомъ Болонской школы. Изъ предшественниковъ Болонскаго возрожденія отмѣчены представители южно-французской юриспруденціи („Exceptiones Petri"), ломбардскіе юрисконсульты и ученые Равеннской школы. Особенно подробно характеризуется великая Болонская школа, при чемъ авторъ все время вскрываетъ историческую почву расцвѣта итальянскаго правовѣдѣнія. Третья, четвертая и пятая лекціи посвящены рецепціи римскаго права во Франціи, Англіи и Германіи. Въ отдѣлѣ, отведенномъ Франціи, особенно интересенъ анализъ недавно-открытаго южно-французскаго памятника „Lo Codi", составленнаго для провансальскихъ судей и являющагося наиболѣе любопытнымъ вкладомъ Франціи въ возрожденіе римскаго права. Главное мѣсто въ третьей лекціи занимаетъ Бомануаръ, знаменитый французскій юристъ—составитель „Coutume de Beauvaisis". Проф. Виноградовъ подробно останавливается на отношеніи Бомануара къ римскому праву и способѣ пользованія имъ. Въ главѣ о римскомъ правѣ въ Англіи блестящъ и остроуменъ разборъ юридическаго ученія Брантона, въ твореніяхъ котораго проф. Виноградовъ раньше открылъ много новаго (въ „Villainage in England" и въ статьѣ о текстѣ Брантона въ первой книжкѣ „Law Quarterly Review"). Въ лекціи о римскомъ правѣ въ Германіи разсмотрѣны своеобразныя проявленія воспріятія римскаго права въ нѣмецкихъ земляхъ. Германская разновидность рецепціи даетъ характернѣйшій образецъ мощнаго значенія правового фактора, круто измѣнившаго къ худшему соціальное положеніе низшихъ классовъ (крестьянская оппозиція юристамъ: Juristen sind böse Christen).—И. Бороздинъ.

— I. М. Кулишеръ. „Лекціи по исторіи экономическаго быта западной Европы". Изданіе второе. 1910 г.

Существуетъ значительное число курсовъ всеобщей исторіи, и въ то же время нѣтъ ни на одномъ европейскомъ языкѣ работы, которая охватывала бы исторію хозяйственнаго быта Европы. Дѣло въ томъ, что экономическая сторона жизни народовъ стала разрабатываться лишь недавно. До послѣдняго времени историки занимались, глав-

нымъ образомъ, политическими учрежденіями, юридическимъ бытомъ, состояніемъ литературы, искусства, науки. Объ экономическихъ явленіяхъ они говорили лишь мимоходомъ, отрывочно, какъ бы не считая ихъ важными для пониманія хода человѣческой жизни. Правда, были глубокіе мыслители, какъ Лэнге въ концѣ XVIII ст., Сенъ-Симонъ въ началѣ XIX, высказывавшіе, что экономическая сторона общественной жизни—самая главная, что ею, по преимуществу, обусловливаются и политическія учрежденія, и юридическій бытъ, и нравы, понятія, идеи, а слѣдовательно литература и искусство. Но эти мысли долго находили мало послѣдователей. Лишь труды Штейна, Маркса и Энгельса дали сильный толчокъ къ ихъ распространенію, За послѣднее время разработка экономической исторіи ведется весьма энергично. Собираются матеріалы, появляется большое число монографій, изслѣдующихъ ту или другую область хозяйственной жизни или экономическую жизнь вообще того или другого отдѣльнаго народа. Все это позволяло ожидать появленія общаго курса экономической исторіи. И такой курсъ явился. І. М. Кулишеръ напечаталъ прочитанныя имъ въ Петербургскомъ университетѣ „Лекціи по исторіи экономическаго быта западной Европы". За разошедшимся, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, первымъ изданіемъ книги потребовалось второе. Авторъ даетъ общій обзоръ экономическаго развитія западной Европы со времени жизни германцевъ за Рейномъ и Дунаемъ — германцевъ эпохи Цезаря и Тацита—и заканчиваетъ характеристикой хозяйственнаго строя наканунѣ великой французской революціи. Наиболѣе полно и обстоятельно разработана экономическая исторія Германіи и Англіи. Хозяйственная эволюція въ романскихъ странахъ—Франціи, Италіи и Испаніи—изложена съ достаточной полнотой лишь со времени образованія городского хозяйства, т.-е. съ XIII-го вѣка. Намъ кажется, что автору слѣдовало бы дать очеркъ тѣхъ хозяйственныхъ порядковъ IV-го и V-го вѣковъ, какіе находили германцы, поселяясь въ Римской имперіи, а также обратить бо́льшее вниманіе на выясненіе взаимодѣйствія германскихъ и римскихъ хозяйственныхъ укладовъ.—И. Иванюковъ.

— Алексѣй Боровой. Исторія личной свободы во Франціи. 1910 г. Т. I-й: Старый порядокъ и революція.

Книга г. Боровогo представляетъ собою обширное изслѣдованіе вопроса, о которомъ, повидимому, писано было уже немало и который все же не исчерпанъ. Она потребовала отъ молодого ученаго многолѣтнихъ занятій въ Національной библіотекѣ Парижа; они производились на моихъ глазахъ и, какъ видно изъ самаго сочиненія, коснулись многихъ смежныхъ вопросовъ.

Первый томъ свидѣтельствуетъ о большой начитанности автора въ новѣйшей литературѣ по исторіи французской революціи; она въ рѣдкихъ случаяхъ выходитъ за предѣлы самой этой литературы; тѣмъ не менѣе надо сказать, что для одного вида матеріаловъ, а именно для наказовъ 89 г., какъ и для дебатовъ Учредительнаго Собранія, г. Боровой сдѣлалъ отступленіе отъ своего правила держаться литературной обработки предмета. Онъ обратился къ изслѣдованію источниковъ первыхъ рукъ, но, разумѣется, только обнародованныхъ, а не рукописныхъ; послѣднее вышло бы за предѣлы тѣхъ разумныхъ требованій, какія можно поставить не мѣстному изслѣдователю, строго отмежевавшему ту частную сферу, въ которой онъ намѣренъ выступить во всеоружіи знаній, а историку личной свободы во Франціи, имѣющему въ виду обнять вопросъ во всѣхъ его взаимоотношеніяхъ съ общимъ ходомъ общественныхъ и политическихъ событій и притомъ на разстояніи не одного—двухъ лѣтъ, а ряда десятилѣтій. Пробѣгая длинный списокъ сочиненій, прочитанныхъ авторомъ, и провѣряя дѣлаемыя имъ ссылки, приходишь къ заключенію, что имъ едва ли упущено что-либо существенное въ той обширной литературѣ, какую вызвало во Франціи съ одной стороны оживленіе интереса къ вопросамъ туземнаго права, а съ другой—спеціальная разработка по документамъ общественной, политической и правовой стороны великаго переворота, послѣдствіемъ котораго было полное обновленіе страны. Если сравнивать книгу г. Боровего съ обычнымъ типомъ диссертацій, какъ онъ сложился одинаково и въ Германіи, и во Франціи, то нельзя не придти къ тому заключенію, что она нимало не отвѣчаетъ представленію объ ученической работѣ, пробѣ пера выступающаго впервые передъ публикой изслѣдователя, а является обширнымъ разсужденіемъ историко-догматическаго характера, въ основу котораго положено рѣдкое знакомство съ литературой какъ по предмету, которому оно непосредственно посвящено, такъ и по всей той эпохѣ, среди которой происходитъ развитіе изучаемыхъ теорій и учрежденій. Какъ ни разнообразна начитанность автора, но, разумѣется, и къ нему можетъ быть предъявлено обычное возраженіе о неполнотѣ списка работъ по затронутымъ имъ вопросамъ. Возьмемъ, напримѣръ, одну изъ его темъ, разбираемую въ первомъ томѣ. На страницахъ 66 и слѣд. поднятъ вопросъ о знаменитыхъ lettres de cachet; изъ ссылокъ видно, какъ обстоятельно авторъ познакомился съ этимъ предметомъ, не лишеннымъ и теперь жизненнаго интереса, если не во Франціи, то въ Россіи—и все же авторъ не все прочелъ и не все цитировалъ изъ имъ прочитаннаго. Прочелъ ли онъ прекрасныя статьи, написанныя, на основаніи источниковъ первыхъ рукъ, моимъ учителемъ Бутарикомъ, покойнымъ профессоромъ школы хартій въ Па-

рижѣ? Результаты его изслѣдованія сообщались намъ на лекціяхъ и тутъ же демонстрировались представленіемъ самыхъ документовъ, т.-е. тѣхъ lettres de cachet, на основаніи которыхъ послѣдовало задержаніе стольнихъ духовныхъ вождей Франціи, а рядомъ съ этимъ сыновей-расточителей, оскорбителей семейной чести и всякаго рода проходимцевъ? Можно думать, что авторъ не прочелъ этихъ статей, но, въ этомъ, разумѣется, полъ-бѣды, такъ какъ то, что въ нихъ новаго—проникло въ послѣдующую литературу. По этому поводу не могу воздержаться отъ желанія отмѣтить всю неосновательность обычнаго пріема критики, пускаемаго въ ходъ по отношенію къ магистерскимъ диссертаціямъ. Отъ нихъ, согласно закону и установившейся практикѣ, можно требовать обстоятельнаго знакомства съ предметомъ. Подъ это понятіе подводится запросъ на прочтеніе авторомъ всего написаннаго раньше его по затронутымъ имъ темамъ. Въ большинствѣ случаевъ это оказывается неосуществимымъ, да и безполезнымъ, такъ какъ всякое новое изслѣдованіе обыкновенно включаетъ въ себя результаты предыдущихъ. Еслибы книга была посвящена детальному освѣщенію какого-нибудь тѣсно ограниченнаго вопроса, еще можно бы было настаивать на прочтеніи всего относящагося къ предмету, т.-е. столько же источниковъ первыхъ рукъ, сколько монографій и статей въ научныхъ журналахъ. Но возможно ли это въ обширныхъ разсужденіяхъ, дающихъ отвѣты на рядъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый во Франціи или Германіи послужилъ бы темой для самостоятельной диссертаціи. Нѣтъ другого выбора, какъ или требовать отъ диссертанта изслѣдованія по мелкому вопросу, ограниченнаго тѣсными рамками опредѣленной эпохи и мѣстности, или отказаться отъ обычнаго пріема нападенія на неполноту использованной имъ литературы и разсматривать его разсужденіе съ точки зрѣнія обоснованности выводовъ и логической зависимости ихъ другъ отъ друга.

Становясь на эту послѣднюю точку зрѣнія, можно придти къ тому заключенію, что въ первомъ томѣ авторъ всесторонне освѣтилъ вопросъ о такъ называемыхъ lettres de cachet. На страницѣ 107 онъ подводитъ итогъ всему сказанному имъ ранѣе и говоритъ: „lettres de cachet были широко распространенной формой административнаго ареста, сохранившагося во Франціи и по сію пору, хотя, конечно, въ иныхъ формахъ и иныхъ размѣрахъ. Lettres de cachet исторгали преступника изъ рукъ судьи и отдавали его въ руки вездѣсущей администраціи. Административныя взысканія, по единодушному отзыву современниковъ, были несравненно мягче безжалостныхъ приговоровъ судовъ старой монархіи. Поэтому на lettres de cachet смотрѣли нерѣдко какъ на знакъ особой королевской милости, такъ какъ они

позволяли смягчить наказаніе". Что на такую точку зрѣнія становились современники, авторъ доказываетъ, ссылаясь на отзывы такихъ лицъ, какъ Люсэ, сказавшій, что въ эпоху жестокаго, безчеловѣчнаго законодательства lettre de cachet давала возможность смягчить наказаніе для лицъ скорѣе слабыхъ, чѣмъ преступныхъ. Чѣмъ-то знакомымъ звучитъ для насъ заявленіе, къ которому нерѣдко прибѣгали власти стараго порядка. Въ слѣдственномъ матеріалѣ нѣтъ, молъ, уликъ, чтобы преслѣдовать обвиняемаго въ уголовномъ порядкѣ, но не мѣшало бы посадить его въ тюрьму, испросивъ для этого lettre de cachet. Параллели съ современностью такъ и навязываются, но авторъ тщательно избѣгаетъ ихъ, желая придать своему сочиненію характеръ объективнаго, научнаго изслѣдованія.

Г. Боровой вполнѣ даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что по вопросу о lettres de cachet далеко не сказано послѣднее слово. Имѣется, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ писателей, представленіе, что рядомъ съ именными указами о задержаніи имѣлись и такіе, въ которыхъ имя задержаннаго не прописывалось (lettres de cachet en blanc). Лицо, получившее отъ начальства такого рода приказъ, могло подвергнуть задержанію любого человѣка по собственному его выбору. Спрашивается, насколько распространена была такая система, граничащая съ полнымъ произволомъ. Г. Боровой съ научной добросовѣстностью говоритъ, что разрѣшеніе вопроса представляетъ серьезныя трудности въ виду незначительности и сомнительной достовѣрности матеріала, съ которымъ приходится оперировать (стр. 96). Онъ справедливо замѣчаетъ на стр. 98: „можно ли говорить о широкой распространенности „бланкетныхъ" приказовъ, если архивъ учрежденія, спеціально вѣдавшаго всѣ дѣла по lettres de cachet, не могъ зарегистрировать ни одного случая пользованія ими"? Такимъ учрежденіемъ одинъ изъ изслѣдователей вопроса, Функъ-Брентано, считаетъ Бастилію. Чтобы опредѣлить удѣльный вѣсъ только что упомянутаго мнѣнія, г. Боровой задается послѣдовательно вопросомъ: можно ли искать именно въ бастильскомъ архивѣ такихъ бланкетныхъ приказовъ о задержаніи, и приходитъ къ отрицательному выводу, что, разумѣется, въ концѣ концовъ колеблетъ положеніе тѣхъ, кто отрицаетъ самый фактъ существованія lettres de cachet en blanc. Не обходя ни одного сомнѣнія и дѣлая посильныя попытки къ ихъ разрѣшенію, авторъ не обольщается мыслью о прочной установленности своего окончательнаго вывода: „вопросъ о томъ, какъ часто прибѣгали къ lettres de cachet en blanc, остается неразрѣшимымъ; на него можетъ отвѣтить только разработка матеріаловъ въ провинціальныхъ архивахъ". Свое заключеніе авторъ излагаетъ въ условной формѣ: считая фактъ существованія lettres de cachet en blanc вполнѣ доказаннымъ, онъ въ то же время признаетъ

голословнымъ то утвержденіе, что они доступны были всѣмъ и каждому, такъ какъ ими производима была торговля. И это положеніе поддерживается цѣлымъ рядомъ фактовъ и соображеній, свидѣтельствующихъ о большой осторожности г. Борового и его желаніи держаться въ рамкахъ того матеріала, который имѣется въ рукахъ изслѣдователя, и никогда не утверждать ничего, что бы не находило себѣ положительнаго подтвержденія въ этомъ матеріалѣ.

Я потому и остановился съ нѣкоторой подробностью на вопросѣ о lettres de cachet, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, по которымъ доселѣ высказываются рѣзко противоположныя воззрѣнія. Авторъ не счелъ возможнымъ присоединиться прямо къ тому или иному изъ нихъ и сохранилъ полную научную самостоятельность.

Я не имѣю, конечно, возможности слѣдить за его выкладками шагъ за шагомъ; перейду прямо къ вопросу, что сдѣлано было для обезпеченія личной свободы учредительнымъ собраніемъ 1789 г. Объ этомъ вопросѣ писано было немало. Изъ общихъ трактатовъ по конституціонному праву Франціи Росси и Рихтеръ, можетъ быть, дали наиболѣе полные отчеты всего, что по этому предмету высказано было дѣятелями 1789 г. Но и ихъ работа является менѣе полной, чѣмъ произведенная русскимъ изслѣдователемъ. Я поставлю ему въ заслугу, что въ сочиненіяхъ современниковъ и непосредственныхъ предшественниковъ революціи онъ счелъ нужнымъ искать выраженія постепенно сложившихся взглядовъ по тѣмъ вопросамъ, по которымъ окончательное рѣшеніе выпало на долю Конституанты. Расширяя свою задачу, авторъ, можетъ быть, напрасно останавливается съ такой подробностью на событіяхъ, предшествовавшихъ созыву генеральныхъ штатовъ; это придаетъ меньшую цѣльность его сочиненію, но легко объясняется тѣмъ, что на этомъ періодѣ съ меньшей подробностью останавливались русскіе писатели, въ томъ числѣ и я, въ сочиненіяхъ, посвященныхъ тѣмъ или другимъ сторонамъ французской революціи. За послѣднее время было обнародовано много матеріаловъ и появилось много монографій, касающихся этой эпохи, и я вполнѣ объясняю себѣ желаніе молодого ученаго затянуть свою работу и пожертвовать личными интересами съ цѣлью подарить читателя любопытными главами, посвященными періоду мало затронутому еще, по крайней мѣрѣ русскими изслѣдователями. И въ этомъ отдѣлѣ выступаетъ большая начитанность автора; она, можно сказать, является роскошью для такого историко-юридическаго изслѣдованія, какимъ по самому своему предмету должна быть „Исторія личной свободы во Франціи". Но эти главы, которыхъ могло бы и не быть въ работѣ, привлекутъ къ ней многихъ читателей: такъ интересно и полно изложены событія, предшествовавшія наступленію освободительнаго движенія и непо-

средственно его подготовившія. Авторъ пользуется нерѣдко не только монографической литературой, но и политическими брошюрами последней четверти XVIII вѣка, хранимыми въ Національной библіотекѣ (см., напр., стр. 188). Мемуары этого времени изучены имъ съ большой обстоятельностью и провѣрены сопоставленіемъ приводимыхъ ими данныхъ съ свидѣтельствами, отличающимися менѣе субъективнымъ характеромъ. Если автору можетъ быть сдѣланъ какой-нибудь упрекъ, то не въ недостаткѣ, а скорѣе въ излишествѣ того, что имъ сдѣлано при изображеніи ближайшей обстановки, среди которой развернулась законодательная дѣятельность французскихъ учредителей по вопросу о гарантіяхъ личной свободы. Очевидно, интересъ событій, имъ описываемыхъ, былъ такъ великъ, что авторъ не могъ освободиться отъ нѣкотораго увлеченія и отвелъ имъ бо̀льшее число главъ и страницъ, чѣмъ это дѣлается обычно въ книгахъ, подобныхъ его собственной. Если первая глава второго отдѣла могла бы быть короче безъ ущерба для всего сочиненія, то слѣдующая за ней не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека въ излишнемъ развитіи темы.

Рѣчь въ ней идетъ о тѣхъ указаніяхъ, какія законодатели Франціи могли найти при рѣшеніи вопроса о гарантіяхъ личной свободы въ наказахъ своихъ избирателей. Исчерпывающаго вопросъ изложенія нельзя найти ни въ одномъ сочиненіи, посвященномъ разбору наказовъ, хотя бы уже потому, что не проходитъ не только года, но, можно сказать, мѣсяца, чтобы литература по этому вопросу не обогатилась изданіемъ не столько новыхъ монографій, сколько сырого матеріала по этому вопросу. По приблизительному разсчету число приходскихъ наказовъ не менѣе 30.000; нужно ли говорить, что еще не всѣ они обнародованы? Съ тѣхъ поръ, какъ къ этому дѣлу привлечено министерство народнаго просвѣщенія во Франціи и государственный бюджетъ покрываетъ связанныя съ нимъ издержки, нѣсколько десятковъ толстыхъ и тонкихъ томовъ прибавилось къ ранѣе изданнымъ, и все же дѣло далеко еще не приблизилось къ концу. Можно сказать, что г. Боровой не использовалъ всего этого матеріала, и этотъ упрекъ былъ бы справедливъ, еслибы его работа была посвящена исключительно вопросу о томъ, какъ понимаютъ наказы 1789 г. природу и средства обезпеченія личной свободы. Впрочемъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ болѣе близкое знакомство съ тѣми наказами, которые вышли изъ приходовъ, едвали бы много прибавило къ тому солидному матеріалу, какой накопленъ въ этой главѣ г. Боровымъ. Дѣло въ томъ, что когда составители этихъ документовъ говорятъ о необходимости ввести во Франціи англійскую систему Habeas Corpus, они только воспроизводятъ готовые образцы, присланные имъ изъ столицы. Французскій крестьянинъ, разумѣется,

еще мало разбирался въ этихъ вопросахъ, и все, что было сказано дѣльнаго на этотъ счетъ, принадлежитъ тѣмъ составителямъ наказовъ отъ бальяжей и сенешоссей, которые вербовались изъ среды пишущей братіи, адвокатовъ или тѣхъ членовъ судебно-служилаго дворянства, которые были извѣстны въ то время подъ названіемъ „nobles de robe“. Эти общіе наказы отпечатаны съ достаточной полнотою и въ сборникѣ Лорана и Мовидаля, которымъ главнымъ образомъ пользовался г. Боровой; но при пользованіи этимъ сборникомъ онъ никогда не терялъ изъ виду тѣхъ совѣтовъ, какіе заключаетъ въ себѣ по адресу изслѣдователей превосходная работа Бретта и служащая солиднымъ дополненіемъ къ ней монографія русскаго изслѣдователя Ону. Ссылками на нихъ покрыты страницы, входящія въ составъ этой второй главы. Слѣдуя Бретту, г. Боровой пользуется съ большой осторожностью тѣмъ матеріаломъ, какой даютъ ему наказы, и, можетъ быть, относится къ нимъ съ чрезмѣрнымъ скептицизмомъ. Совпаденіе требованій, заявленныхъ наказами разныхъ бальяжей по отношенію къ реформамъ, связаннымъ съ личной свободой и ея гарантіей, разумѣется, не всегда вызываемо было списываніемъ готовыхъ образцовъ, а иногда и единствомъ установившейся на этотъ счетъ доктрины. Съ 245-ой страницы г. Боровой переходитъ къ ознакомленію съ самымъ содержаніемъ тѣхъ требованій, какія наказы заключаютъ въ себѣ по интересующему автора вопросу, и на стр. 248-ой справедливо говоритъ, что наказы были вѣрнымъ снимкомъ ходячихъ въ то время взглядовъ; но онъ прибавляетъ, что сами эти взгляды въ достаточной степени расходились между собою; этимъ объясняется, что хотя центральное мѣсто въ изложеніи требованій и занимаетъ недовольство lettres de cachet, но многіе наказы, особенно дворянскіе, говорятъ о возможности примѣненія ихъ и въ будущемъ къ цѣлому ряду случаевъ; то, что было ненавистнымъ произволомъ для однихъ—замѣчаетъ онъ,—то сохраняло силу для другихъ, и это утвержденіе подкрѣпляется затѣмъ выписками изъ цѣлаго ряда наказовъ; выписки же эти не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ существованія серьезнаго разномыслія. Другой вопросъ, не менѣе часто поднимаемый наказами,—вопросъ объ установленіи законныхъ формъ ареста,—разрѣшается этими документами различно, и тѣмъ не менѣе можно придти къ тому заключенію, что въ большинствѣ мѣстностей Франціи законными поводами для ареста и заключенія наказы признаютъ лишь судейскій приказъ и поимку преступника на самомъ мѣстѣ преступленія (стр. 253).

Авторъ умѣетъ, такимъ образомъ, разобраться въ рядѣ противорѣчивыхъ, повидимому, заявленій и указать если не общую, то преобладающую тенденцію. Первый томъ заключаетъ въ себѣ разборъ

созидательной дѣятельности только первыхъ двухъ законодательныхъ собраній эпохи революціи—Учредительнаго и Законодательнаго. Авторъ сообщаетъ много интересныхъ подробностей о томъ, какъ возникла „Декларація правъ человѣка и гражданина", каковы были близкіе и отдаленные ея предки. Въ спорѣ между Еллинекомъ и Бутми по этому вопросу онъ, повидимому, не присоединяется всецѣло ни къ одному изъ предложенныхъ рѣшеній и приходитъ къ тому выводу, что французская Декларація впитала въ себя множество историческихъ струй, чѣмъ объясняется и пестрота ея содержанія, и несомнѣнныя противорѣчія. Эта точка зрѣнія близка къ той, какую мнѣ приходилось защищать неоднократно; я готовъ принять и то, что г. Боровой говоритъ на 293 стр. своей книги: „она (Декларація) была компромиссомъ между признаніемъ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ личности и идеей народнаго суверенитета".

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ показываетъ, въ какой мѣрѣ обѣщанія Деклараціи приведены въ исполненіе конституціей 1791 г., и указываетъ существенные пробѣлы новаго законодательства. Очевидно, мы не имѣемъ возможности слѣдовать за нимъ въ этой части его книги; мы можемъ лишь отмѣтить и полноту передачи имъ не только законовъ, но и правительственныхъ инструкцій, и правильность общаго вывода, что „конституанта была на высотѣ своей задачи, разрушая старое, но что ей не подъ силу оказалось созиданіе новаго" (стр. 355).

Справедливъ, не смотря на свою суровость, и выводъ автора по отношенію къ смѣнившему конституанту Законодательному Собранію. Онъ гласитъ буквально слѣдующее: „казалось, легислатива должна была облечь въ плоть и кровь начала, завѣщанныя конституантой, и утвердить на прочныхъ основаніяхъ гарантіи личной свободы; на дѣлѣ вышло иначе: мы не только не знаемъ новаго законодательства, которое обратило бы наконецъ слова деклараціи въ реальную дѣйствительность, но видимъ, наоборотъ, какъ легислатива фактически отмѣняетъ декларацію рядомъ чрезвычайныхъ законовъ, лишающихъ свободу всякихъ дѣйствительныхъ гарантій" (стр. 468).

Трудно заподозрить автора въ сентиментальномъ или принципіальномъ пристрастіи къ революціоннымъ палатамъ. Слѣдуя несомнѣнному призванію историка—давать объясненія столько же неудачамъ, сколько и успѣхамъ, — авторъ указываетъ затѣмъ причины неудачи, говоря: „легислатива жила въ атмосферѣ борьбы и ненависти; она была несвободна, ею руководила улица, руководили партіи и клубы, руководили трибуны; ея законодательныя мѣропріятія не могутъ быть, поэтому, приравнены къ спокойной органической работѣ".

Почти 500 страницъ потребовалось г. Боровому для обоснованія всѣхъ этихъ положеній, и притомъ страницъ, которыя точнѣе можно назвать in quarto, чѣмъ in octavo; казалось бы, что, исполнивъ такой трудъ, авторъ въ правѣ былъ представить его въ любой юридическій факультетъ для полученія степени магистра, но авторъ счелъ нужнымъ продолжить свою работу и присоединить новый томъ къ прежнему. До поры до времени мы воздержимся отъ оцѣнки этого второго и самостоятельнаго сочиненія; оно заслуживаетъ такого же внимательнаго отношенія, какъ и разсмотрѣнная уже нами книга.

Г. Боровой влагаетъ въ свои сочиненія немало труда и старается въ то же время придать самому разсказу легкую и увлекательную форму; мы не сомнѣваемся, поэтому, въ успѣхѣ автора и въ широкомъ распространеніи его дѣльной и полезной монографіи. — Максимъ Ковалевскій.

Въ теченіе октября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовичъ, Н. Я.—Художники и мыслители. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Аданъ, Поль.—Полное собраніе сочиненій. Т. II. Декорація жизни. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Александрова, О. Н.—Борьба жизни со смертью. Вып. V и VI. Спб., 1910 г. Цѣна выпуска 40 коп.

Амфитеатровъ, А. В.—Княжна. Романъ-хроника. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Жаръ-птица. Фантастическій романъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

д'Аннунціо, Габріэле.—Собраніе сочиненій. Т. VI. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Антоновъ, Н. Р., священникъ.—Храмъ Божій и церковныя службы. Учебникъ богослуженія для средней школы. Спб., 1910 г. Цѣна 90 коп.

Ауэрбахъ, Ф.—Эктролизмъ или физическая теорія жизни. Перев. съ нѣм. І. М. Бикермана. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Барацъ, Г. М.—Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Барашковъ, С. А.—Паспортъ. Драма изъ народнаго быта. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Березинъ, Н. И.—Персія. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

——— Уралъ. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Благовидовъ, Ѳ. В., проф.—Отчетъ о состояніи Тифлисскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за первый (1909—1910) учебный годъ. Тифлисъ, 1910 г.

Богдановъ, А., и *Степановъ*, И.—Курсъ политической экономіи. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Богородицкій, В. А.—Краткій очеркъ діалектологіи и исторіи русскаго языка. Казань, 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Общій курсъ русской грамматики. Казань, 1907 г. Цѣна 2 р.

——— Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія. Казань, 1909 г. Ц. 1 р.

——— Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Казань, 1910 г. Цѣна 2 р.

——— Сравнительно-грамматическій комментарій къ текстамъ аріо-европейскихъ языковъ. Вып. I. Санскритъ. Казань, Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Брюсовъ, Валерій.—Земная ось. Изд. 2-е. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р. 20 к.

Бузескулъ, В., проф.—Историческіе этюды. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

——— О лекціяхъ В. Ф. Цыха, проф. Харьковскаго университета въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. Харьковъ, 1910 г.

Бѣлый, Андрей.—Лугъ зеленый. Книга статей. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Бѣльскій, С.—Новая земледѣльческая Россія. Очерки землеустройства. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вагнеръ, Владиміръ.—Біологическія основанія сравнительной психологіи. Томъ I. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Вагнеръ, А.—Новый курсъ въ біологіи. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Вознесенскій, Н., прот.—Анатэма. Разборъ трагедіи Л. Андреева. Благовѣщенскъ, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Галуновъ, Александръ.— Сосуды скудельные. Трилогія. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Гернъ, Б. А.—Учебникъ физики. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р. 20 коп.

Глазуновъ, Н. Л.—Комедіи, шутки. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Грузенбергъ, Семенъ.—Очерки современной русской философіи. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Грушевскій, Мих., проф. — Кіевская Русь. Т. I. Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства. Извлеченіе изъ 2-го украинскаго изданія. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Гуревичъ, Исидоръ.—Бархатные когти. Юмористическіе разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Доринъ, Дмитрій.—Стихи. Полусны. Спб., 1910 г. Цѣна 65 коп.

Дружининъ, Модестъ. Стихи. Спб., 1909 г. Цѣна 30 коп.

——— Стихотворенія. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

——— Стихотворенія. Спб., 1909 г. Цѣна 25 коп.

Закржевскій, Александръ.—Подполье. Психологическія параллели. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 1 р.

Ибаньесъ, Бласко. — Полное собраніе сочиненій. Т. II. Кровь и песокъ. Романъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Имшенецкій, А.—Борисъ Шанго. Драма. Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Кабановъ, Н.—Очерки по физіологіи здороваго и больного человѣческаго организма. Физіологія отдѣльныхъ органовъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 40 к.

Кирова, Е.—Картины жизни. Уфа, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Кневенагель, Э.—Руководство къ практическимъ занятіямъ по качественному анализу и неорганической химіи. Перев. съ нѣм. Н. Л. Глинки, съ пред. Н. Д. Зелинскаго. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Князьковъ, С. А., и *Сербовъ*, Н. И.—Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра II. Подъ ред. проф. С. В. Рождественскаго. Москва, 1910 г.

Козьминъ, Н. Н.—Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Кулаковскій, Юліанъ.—Исторія Византіи. Томъ I (395—518). Кіевъ, 1910 г. Цѣна 3 р.

Лосскій, Н.—Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мищенко, Атэ.—Три побѣдителя. Книга счастья. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мультатули.—Богъ хочетъ милости, а не жертвы. Разсказъ. Изд. 2-е. Спб., 1910 Цѣна 8 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас.—Цари биржи. (Каиново племя въ наши дни). Романъ. Изд. 6-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Оствальдъ, Вильгельмъ.—Исторія электрохиміи. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Пименова, Э. К.—Около южнаго полюса. Послѣднее путешествіе къ южному полюсу Шекльтона. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

——— Природа и люди Африки. Изд. 3-е. Спб., 1910 г. Цѣна 45 коп.

Плаутъ, Германъ.—Грамматика японскаго разговорнаго языка. Русскій переводъ Владиміра Исаковича. Спб., 1910 г.

Рейнботъ, Э. В.—Стихотворенія. Изъ сочиненій 1883—1908 г. Спб., 1909 г.

Рэйсбрукъ Удивительный.—Одѣяніе духовнаго брака. Вступит. статья Мориса Мэтерлинка. Переводъ Михаила Сизова. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Сабинина, М.—По горамъ и пустынямъ Средней Азіи. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Свирскій, А.—Разсказы. Т. II. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сидоровъ, Юрій.—Стихотворенія. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Соболевъ, М. Н.—Таможенная политика Россіи во 2-й половинѣ XIX вѣка. Томскъ, 1911 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Сургучевъ, Илья.—Разсказы. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Сысоевъ, И. П., народный учитель.—Путешествіе въ Америку. Москва, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Танъ, В. Г.—Собраніе сочиненій. Т. III. Жертвы дракона. Романъ изъ первобытной жизни человѣчества. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Уэллсъ, Гербертъ Джорджъ.—Собраніе сочиненій. Т. V. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чарская, Л. А.—Евфимія Старицкая. Историческій романъ. Изд. 2-е. Спб., Цѣна 1 р.

Эренбургъ, И.—Стихи. Парижъ, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Я., П. (П. Якубовичъ-Мельшинъ).—Стихотворенія. Т. I. Изд. 6-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Стихотворенія. Т. II. Изд. 4-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ѳирсовъ, Н. Н.—Императоръ Александръ I и его душевная драма. Спб., 1910 г. Цѣна 35 коп.

— Врачебная хроника Харьковской губ. Годъ 14-й. Харьковъ, 1910 г.

— Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея. Годъ 16-й. Тобольскъ, 1910 г. Цѣна 1 р.

— Здоровый столъ. Руководство къ приготовленію кушаній и діэтетикѣ при здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. Составлено подъ редакціей д-ра П. Кащенко. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

— „Земля“. Сборникъ четвертый. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблемы). Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. I. Изд. т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°.“ Москва, 1910 г.

— Народная Энциклопедія. Т. IV. Сельское хозяйство. 1-й полутомъ: Животноводство. 2-й полутомъ: Земледѣліе. Москва, 1910 г.

— Отчетъ комитета о пятомъ очередномъ присужденіи премій, учрежденныхъ харьковскимъ земельнымъ банкомъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Харьковъ, 1910 г.

— Отчетъ о дѣятельности родительскаго комитета Александровской мужской гимназіи за 1908—1909 годъ. Царицынъ, 1910 г.

— Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфоритныхъ залежей. Подъ ред. проф. Як. Самойлова. Вып. 2-й. Москва, 1910 г.

— Отчетъ совѣта общества содѣйствія устройству сельскихъ безплатныхъ библіотекъ-читаленъ въ Томской губ. за 1908—1909 гг. Томскъ, 1910 г.

— Почтово-телеграфная статистика за 1908 годъ. Спб., 1910 г.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 131. Переписка Императора Николая Павловича съ великимъ княземъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Томъ I. 1828—1829 г. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

— Сборникъ постановленій Олонецкаго Губ. Зем. Собранія сессій 1901—1909 гг. Составилъ С. А. Левитскій. Петрозаводскъ, 1910 г.

— Сборникъ т-ва „Знаніе“ за 1910 годъ. Книга XXXII. Спб., 1910. Ц. 1 р.

— Сельскохозяйственный и экономическій бытъ старообрядцевъ. (По даннымъ анкеты 1909 года). Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

— Словарь литературныхъ типовъ. Вып. VI: Грибоѣдовъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1907 годъ. Спб., 1910 г.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1909 годъ. Уфа, 1910 г.

— Энциклопедическій словарь. 7-е совершенно переработанное изданіе подъ ред. проф. В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева. Изд. т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°.“ Томъ I. А—Актуарій. Москва, 1910 г.

Corredor La Torre, Jorge.—L'église romaine dans l'Amérique latine. Paris, 1910. Prix. 4 fr. 50 c.

Maude, Aylmer.—The life of Tolstoy later years. London, 1910. Price 10 s. 6 d.

— Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави, движение на корабитѣ по пристанищата, пазарни цѣни въ по-главнитѣ градови прѣзъ второто тримѣсечне отъ 1910 година. София, 1910 г.

— Дѣло. Кн. VI и VII. София, 1910 година.

дѣла, какъ жизненно то, что олицетворялъ покойный: она увидѣла обликъ первой Думы. Кошмарнымъ ужасомъ вѣетъ на нее отъ этого облика. Она настойчиво увѣряла и себя увѣрила въ томъ, что этотъ обликъ исчезъ безвозвратно, что его до конца затмили союзническія чайныя, клубъ академистовъ, всероссійскій національный союзъ, думская вермишель, октябристское послушаніе, автомобильныя гонки и аэропланы: на похоронахъ Маціевича вѣдь тоже были тысячи народа, а день 17-го октября поминали только въ двухъ-трехъ ресторанахъ, да и то одни потерявшіе документъ октябристы...

Первой по времени отличилась петербургская городская дума. Въ засѣданіи 6 октября гласный Казицынъ потребовалъ, чтобы предложеніе почтить память Муромцева вставаніемъ, „какъ вопросъ личнаго характера", было подвергнуто закрытой баллотировкѣ. И предсѣдатель Думы, С. В. Унковскій, написалъ слѣдующую редакцію „вопроса", нигдѣ, думаемъ, и никогда не красовавшагося надъ баллотировочнымъ ящикомъ: „Угодно ли с.-петербургской городской думѣ принять предложеніе гласнаго Добровольскаго о почтеніи памяти скончавшагося въ Москвѣ бывшаго предсѣдателя первой Государственной Думы С. А. Муромцева вставаніемъ".—„Считаю позорнымъ такую баллотировку!"—вырвалось у гласнаго Коробки, когда „вопросъ" былъ оглашенъ. П. А. Потѣхинъ пытался усовѣстить стародумцевъ. „Я давно сижу въ думѣ,—говорилъ онъ,—но никогда еще не было у насъ случая, чтобы обсуждался и баллотировался вопросъ о почтеніи памяти кого-либо вставаніемъ. Позвольте мнѣ, какъ старому гласному, предостеречь думу отъ увлеченія и просить не оскорблять общественнаго учрежденія постановкой на баллотировку такого вопроса". Ничто, однако, не помогло. „Гласные не дѣти — закричалъ г. Казицынъ:— нужно же когда-нибудь поднять забрало и дѣйствовать открыто!" И дѣйствуя „открыто" при посредствѣ закрытой баллотировки, петербургская городская дума отвѣтила на „вопросъ" отрицательно.

Политическій смыслъ этого, во всякомъ случаѣ оскорбительнаго для общественнаго учрежденія голосованія поторопились сейчасъ же подчеркнуть гг. Меньшиковъ и Пуришкевичъ. Первый выразилъ думѣ, руководимой членами комитета всероссійскаго національнаго союза, гг. Унковскимъ, Глазуновымъ и Демкинымъ, одобреніе. Второй объявилъ городскому головѣ благодарность за „мужественное" поведеніе думы... Не понимаемъ, зачѣмъ взывалъ г. Казицынъ къ забралу, которое „нужно же когда-нибудь поднять"? Черная сотня давно его подняла и давно скинула съ своего лица послѣдніе остатки стыда. Всѣ разсужденія о томъ, что предложеніе было внесено внезапно и что старо-

думцы прибѣгли къ закрытой баллотировкѣ, дабы оградить себя отъ „нравственнаго насилія“, само собою разумѣется, суть только разсужденія. Въ угарѣ реакціоннаго упоенія черная сотня безудержна. Для политическихъ противниковъ—живыхъ или мертвыхъ, все равно—у нея нѣтъ пощады. Прилична или нѣтъ данная форма отказа въ пощадѣ — это ее остановить не можетъ. Вѣдь радовалась же правая пресса, на этотъ разъ—кромѣ „Новаго Времени“, когда редакторъ „Русскаго Слова“, за неодобрительный отзывъ о какомъ-то чинѣ полиціи въ описаніи похоронъ С. А. Муромцева, былъ арестованъ градоначальникомъ на три мѣсяца!

Легко представить себѣ, какъ подъ бойкимъ перомъ г. Меньшикова перевернулись бы разсужденія о „внезапности“ и о „нравственномъ насиліи“, еслибы умеръ, скажемъ, крупный чиновникъ—дѣятель реакціи—и еслибы желаніе почтить память покойнаго исходило изъ рядовъ нынѣ торжествующаго политическаго теченія. Съ нашей точки зрѣнія могила все примиряетъ. Когда люди видятъ гробъ или встрѣчаютъ погребальную процессію, они снимаютъ шляпы и крестятся, не справляясь о политическихъ убѣжденіяхъ умершаго. Поэтому мы, осуждая голосованіе петербургской думы, готовы всегда осудить и тѣхъ, кто отказался бы почтить вставаніемъ память крупнаго чиновника или хотя бы убитаго на посту городового. Но вотъ что любопытно: возьметъ ли подъ свою защиту реакціонная пресса вышневолоцкаго, тверской губ., дворянина, г. Алексѣева, которому грозитъ исключеніе изъ дворянскаго собранія за то, что онъ не всталъ въ уѣздномъ дворянскомъ собраніи въ тотъ моментъ, когда другіе поднялись въ знакъ уваженія къ памяти нѣкоего В.? О томъ, что въ Твери хотятъ кого-то, путемъ исключенія изъ дворянскаго собранія, лишить избирательныхъ правъ, нѣсколько времени назадъ было напечатано въ телеграммахъ. Но ни имя, ни поводъ сообщены не были. Теперь мы прочли въ „Вышневолоцкомъ Голосѣ“ (№ 26) письмо г. Алексѣева съ подробнымъ изложеніемъ какъ фактической стороны эпизода, такъ и мотивовъ, которые руководили иниціаторовъ предложенія о его исключеніи. И если въ предстоящемъ тверскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи найдется изъ присутствующихъ двѣ трети единомышленниковъ петербургскихъ стародумцевъ, то г. Алексѣева навѣрное исключатъ, ибо онъ—кадетъ, и этого не скрываетъ.

Въ ряду общественныхъ учрежденій—земскихъ собраній и городскихъ думъ—петербургская дума, отказавшаяся почтить память Муромцева, осталась въ одиночествѣ. Ея примѣръ, вызвавшій авторитетное одобреніе Меньшикова и начальническую благодарность Пуришкевича, оказалъ гораздо бо̀льшее воздѣйствіе на предсѣдателей учрежденій, гдѣ возникали предложенія вставаніемъ отдать долгъ

почтенія покойному, нежели на самыя учрежденія. Но въ ряду правыхъ политическихъ союзовъ и со стороны черносотенцевъ-добровольцевъ она встрѣтила дружную поддержку. 21 октября, въ Кіевѣ, въ залахъ купеческаго клуба, состоялось собраніе членовъ всѣхъ мѣстныхъ правыхъ организацій. На собраніи присутствовали генералъ-губернаторъ, губернаторъ, вице-губернаторъ, исполняющій обязанности командующаго войсками и два епископа. Былъ отслуженъ молебенъ, послѣ чего генералъ-губернаторъ объявилъ собраніе открытымъ. Первую рѣчь произнесъ архимандритъ Адріанъ. И хотя собраніе было созвано по случаю высокоторжественнаго царскаго дня, но онъ говорилъ не объ этомъ днѣ. Онъ говорилъ о козняхъ враговъ православія, о ихъ неповиновеніи властямъ и упомянулъ о панихидахъ въ разныхъ городахъ по Муромцевѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Невѣрующіе во Христа торжественно устраиваютъ панихиды по предсѣдателѣ первой Думы. Но что такое Дума? Что такое Совѣтъ? По повелѣнію Царя они созваны, по повелѣнію его могутъ быть распущены. Нечего торжествовать невѣрующимъ“ (см. „Рѣчь“, № 290).

Дальше всѣхъ другихъ городовъ въ черносотенной экспансивности, вѣрнѣе—въ подогрѣтомъ экстазѣ, ушла, конечно, „истинно-русская“ Одесса. Здѣсь за „дѣло“ взялись добровольцы. Одинъ изъ достойныхъ героевъ резины и погромовъ, увидѣвъ въ окнѣ магазина выставленный портретъ Муромцева, пустилъ въ него камнемъ, разбилъ зеркальное стекло и сбросилъ портретъ съ мольберта. Въ театрѣ-кинематографѣ такіе же добровольцы сорвали представленіе. Заимствуемъ изъ мѣстныхъ газетъ слѣдующее описаніе успѣшной выходки хулигановъ: „На экранѣ, подъ звуки шопеновскаго марша, демонстрировалась картина похоронъ предсѣдателя первой Государственной Думы С. А. Муромцева. Едва на экранѣ показался портретъ покойнаго предсѣдателя, какъ раздался неистовый шумъ, свистъ и крики: „Уберите эту собаку! Долой картину!“ и т. п. Завѣдующій сценой опустилъ занавѣсъ. Когда страсти немного улеглись, сидѣвшій въ публикѣ студентъ обратился къ шумѣвшимъ съ предложеніемъ прекратить шумъ, но не успѣлъ онъ окончить фразы, какъ поднялся протестующій крикъ и многіе изъ кричавшихъ подбѣжали съ угрозами къ оторопѣвшему студенту. Одинъ изъ нападавшихъ, какъ передаютъ, въ формѣ коммерческаго училища, схватилъ студента за воротъ и нанесъ ему звонкую пощечину. Околоточнымъ надзирателемъ буяны были отправлены въ участокъ, гдѣ обо всемъ составленъ протоколъ. Послѣ составленія протокола виновные вновь прибыли въ иллюзіонъ“.

Что касается „истинно-русской“ печати, то она сочла долгомъ вокругъ могилы С. А. Муромцева развить сыскъ. „Нашелся—писала одна газета—либеральный епископъ, который не только хоронилъ

Муромцева, но взволнованнымъ голосомъ сказалъ прочувствованное слово, охарактеризовавъ покойнаго какъ выдающагося представителя науки, какъ человѣка долга и общественнаго дѣятеля". „Тѣло С. А. Муромцева провожалъ на кладбище одинъ изъ губернаторовъ"—кивала, къ сожалѣнію не зная фамиліи „виновнаго", другая. Третья—требовала лишенія камергерскаго званія предводителя дворянства, который не только допустилъ въ земскомъ собраніи выраженіе почтенія памяти С. А. Муромцева вставаніемъ, но самъ это предложилъ. Противъ новаго министра народнаго просвѣщенія, г. Кассо, начатъ былъ, оборванной его рѣчью въ Думѣ, формальный походъ за то, что онъ осмѣлился посѣтить могилу своего покойнаго товарища по профессорской каѳедрѣ... Вслѣдъ за газетнымъ начался сыскъ и оффиціальный. Какъ телеграфировалъ въ „Русское Слово" казанскій корреспондентъ газеты, старшій предсѣдатель судебной палаты вызывалъ для объясненій члена палаты Боронина, товарища предсѣдателя окружнаго суда Попова и членовъ того же суда Марка и Новикова по поводу участія названныхъ лицъ, какъ гласныхъ, въ засѣданіи городской думы, когда была почтена вставаніемъ память предсѣдателя Государственной Думы С. А. Муромцева.

Чего же, однако, больше во всей этой вакханаліи и въ этомъ сыскѣ, захватившемъ даже „храмину правосудія"—„независимый", стоящій внѣ (!) политики судъ: — силы или безсилія? Конечно, безсилія. На сторонѣ реакціи—фактическая сила. Но идейно она безсильна. Смерть и похороны Муромцева это лишній разъ доказали. Не будь фактической силы въ рукахъ реакціи, вся Россія отъ Финляндіи до Туркестана, отъ Варшавы до Владивостока, отъ столицъ до глухой деревни, какъ одинъ человѣкъ, встала бы, чтобы отдать долгъ почтенія памяти Муромцева, памяти первой Думы и тѣхъ завѣтовъ, которые принесли съ собой первые избранники народа. И реакція это знаетъ...

Въ сентябрѣ, въ Одессѣ, происходилъ съѣздъ дѣятелей по благоустройству городовъ. „На секціонномъ засѣданіи съѣзда, при обсужденіи доклада кіевскаго делегата Демченко о финансовомъ кризисѣ городовъ, представитель администраціи запретилъ обсужденіе тезиса доклада, гласящаго, что улучшеніе финансовъ, благоустройства и санитаріи городовъ немыслимо безъ измѣненія городового положенія и закона о выборахъ въ городскія думы въ смыслѣ демократизаціи городского управленія. Обсужденіе доклада Демченко пріостановлено до полученія личнаго распоряженія градоначальника". Такъ гласила телеграмма, напечатанная въ петербургскихъ газетахъ 19 сентября. Черезъ нѣсколько дней пришли въ Петербургъ мѣстныя газеты, и въ

нихъ мы прочли, какое получилось личное распоряженіе градоначальника. Генералъ Толмачевъ призвалъ предсѣдателя съѣзда и объявилъ ему, что если будутъ продолжаться доклады „революціоннаго характера“, то онъ съѣздъ закроетъ. Одинаковая судьба постигла въ общемъ собраніи докладъ Д. Д. Протопопова: „О необходимыхъ мѣрахъ по жилищному вопросу“. Все, такъ или иначе касавшееся реформы городового положенія, распространенія избирательнаго права на всѣ классы городского населенія и снятія съ городовъ опеки администраціи, было тщательно вычеркнуто изъ текста доклада и изъ тезисовъ помощникомъ полиціймейстера, который не допустилъ не только обсужденія „революціонныхъ“ положеній докладчика, но даже оглашенія ихъ.

Итакъ, обсужденіе на оффиціально разрѣшенномъ съѣздѣ той реформы, которая въ 1904 г., когда еще почиталась преступной даже мечта о „конституціи“, была признана монархомъ неотложной, „для упроченія правильнаго въ отечествѣ Нашемъ хода государственной жизни“, и въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, которые были намѣчены въ указѣ 12 декабря,—такое обсужденіе нынѣ не допустимо, какъ „революціонное“ посягательство, и оно было изъято изъ предметовъ занятій съѣзда подъ угрозой его закрытія. Скажутъ: „нельзя обобщать; все это происходило въ Одессѣ, гдѣ властвуетъ ген. Толмачевъ“ и т. д. Едва ли, однако, обобщеніе здѣсь неумѣстно. Ген. Толмачевъ очень хорошо знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ это многажды доказывалъ и снова доказалъ блестящей побѣдой надъ г. Малиновскимъ, главнымъ врачебнымъ инспекторомъ, командированнымъ изъ Петербурга въ Одессу для борьбы съ чумой. И полную умѣстность обобщенія подтвердилъ отвѣтъ, который почти одновременно былъ данъ петербургской городской думѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ дѣловыхъ залежахъ петербургской думы имѣется съ 1906 г. докладъ особо избранной коммиссіи о городской реформѣ. Гласные-обновленцы въ одномъ изъ весеннихъ засѣданій потребовали, чтобы докладъ былъ поставленъ на повѣстку. Дума рѣшила предварительно запросить о положеніи вопроса министерство. Министерство отвѣтило, что никакихъ законодательныхъ предположеній о реформѣ городского самоуправленія оно не имѣетъ и что въ этомъ направленіи никакихъ работъ не производится. Значитъ, на томъ, что въ 1904-мъ году было признано „неотложнымъ“, въ 1910-мъ году поставленъ крестъ. Если, такимъ образомъ, исчезъ вопросъ о городской реформѣ, то, конечно, исчезъ и вопросъ о реформѣ земской.

Отъ добра добра не ищутъ. Города тонутъ въ грязи, задыхаются отъ пыли и вони. Здоровой воды въ однихъ городахъ нѣтъ вовсе, въ другихъ—она по цѣнѣ составляетъ предметъ роскоши. Холера три года

уноситъ на кладбища петербургскую бѣдноту. Изъ Одессы не хочетъ уходить чума. Въ земствѣ все замерло. Денегъ нѣтъ. Въ больницу крестьяне ходятъ за двадцать верстъ. Дѣти въ деревнѣ мрутъ, какъ мухи... Но развѣ это не пустяки? Развѣ можно надъ этимъ даже задумываться, когда „для упроченія правильнаго хода государственной жизни“ есть безропотное послушаніе, готовность дворянъ-землевладѣльцевъ давать крестьянскіе рубли на стражниковъ и на полицію,—когда о сотрудничествѣ въ области сыска исполнительнымъ органамъ самоуправленія не надо ни напоминать, ни намекать. Былъ въ Петербургѣ исаакіевскій скверъ, кому-то не понравился—и нѣтъ его. Вступила въ свои обязанности въ Петербургѣ новая училищная коммиссія—вѣрное отраженіе избирательной системы,—и первое ея рѣшеніе—произвести разслѣдованіе, кто изъ учителей и учительницъ какъ себя велъ въ 1905-мъ году. За одинъ отказъ почтить память Муромцева развѣ нельзя помириться и съ холерой, и съ клоакой вмѣсто фильтровъ? Правда, за послушаніе, за усердіе въ готовности, за сотрудничество въ сыскѣ и за неудовлетвореніе потребностей населенія неизбѣжно предстоитъ тяжелая экономическая расплата. Но стоитъ ли думать о будущемъ, когда настоящее дало такое блестящее „успокоеніе“, что еще немного—и придется усердствующимъ говорить одно слово: „полегче“?!..

Есть темное пятно въ земскомъ и городскомъ благополучіи: угольныя, дровяныя, бѣльевыя и иныя панамы и жадность къ общественному пирогу. На Руси такъ повелось, что усердствующіе всѣмъ хороши, только на руку не чисты. Но и съ этимъ состоялось примиреніе. Въ Петербургѣ чуть было не крахнула система кормленія гласныхъ. Стародумцы не подѣлили жирныхъ и тощихъ кусковъ, перессорились, и дума отняла жалованье отъ исполнительныхъ коммиссій. Особое по дѣламъ города присутствіе такое „революціонное“ постановленіе отмѣнило. Тѣмъ временемъ кормящіеся и прикармливающіеся столковались, и одной коммиссіи, водопроводной, уже не только дали, но даже прибавили жалованье. Черезъ недѣлю или двѣ дадутъ съ прибавкой и другимъ. Но пройдетъ два года—вдругъ избиратели отчета спросятъ? Опасность, по примѣру послѣднихъ выборовъ, была. Была — и нѣтъ ея. Общества обывателей и избирателей закрыты. Умѣло и строго спрашивать будетъ некому... Что бы ни говорили юристы сената, присутствія градоначальства и министерства, а закрытіе обывательскихъ обществъ есть логическій результатъ того креста, который водруженъ на вопросѣ о реформѣ городского и земскаго самоуправленія...

Уволенный за неуспѣшность студентъ Сырокомля-Сопоцько—характернѣйшее знаменіе времени. Его двойка на экзаменѣ въ военно-медицинской академіи сдѣлалась событіемъ чуть не государственной важности. Сотни студентовъ получаютъ каждый годъ на экзаменахъ двойки и, кромѣ нихъ самихъ да, пожалуй, ихъ родственниковъ, никого это не волнуетъ. Получилъ двойку г. Сопоцько—и въ событіе вовлечены печать, начальникъ академіи, профессора, никакого касательства къ злосчастной двойкѣ не имѣвшіе, завѣдующіе студентами штабъ-офицеры, тверской губернаторъ, военный министръ. О его двойкѣ—пишутъ, говорятъ, спорятъ. По поводу ея пришелъ въ движеніе даже судебно-слѣдственный аппаратъ. По приказанію военнаго министра, о двойкѣ г. Сопоцьки производилъ разслѣдованіе военный судья, генералъ Шебеко. Какъ результатъ разслѣдованія, ожидается—писали газеты—„отмѣна" двойки.

Имя г. Сопоцьки не впервые появляется на страницахъ „Вѣстника Европы". Мы упоминали въ апрѣльской хроникѣ о его, полномъ брани, открытомъ письмѣ военному министру съ требованіемъ, чтобы изъ академической читальни былъ убранъ бюстъ Льва Толстого. Онъ писалъ, что двѣнадцать студентовъ, увѣренные въ одобреніи ихъ поступка, „поклялись разбить проклятый идолъ". Мы тогда назвали г. Сопоцьку „невѣдомымъ". Оказывается, онъ далеко не новичокъ въ оригинальныхъ,—чтобы не сказать другого слова,—выступленіяхъ. „Лѣтъ пять тому назадъ,—разсказываетъ въ „Русскомъ Словѣ" (№ 240) Григорій Петровъ,—если не ошибаюсь, въ Тулѣ, а можетъ-быть въ Тамбовѣ, былъ такой случай. Заѣзжій фокусникъ давалъ представленіе, показывалъ обычныя штуки: вынималъ изъ уха, изъ глаза серебряные рубли, ловилъ въ воздухѣ живыхъ рыбъ, перемѣщалъ изъ шкатулки въ шляпу и обратно разные предметы. Черезъ нѣсколько дней въ мѣстномъ духовномъ журналѣ появилась грозная статья съ вопросомъ къ властямъ: — Что онѣ позволяютъ? Въ христіанскомъ государствѣ вьявь чародѣй силою дьявола морочитъ православныхъ, потому что развѣ мыслимы штуки фокусника, если послѣднему не помогалъ бы самъ сатана? Авторомъ этой статьи былъ нынѣшній студентъ-союзникъ М. Сопоцько". Судьба непосредственно сталкивала Гр. Петрова съ г. Сопоцько еще раньше—въ началѣ девятисотыхъ годовъ. Тогда синодъ собирался отлучить Л. Толстого. „Въ Петербургѣ — пишетъ Гр. Петровъ—было устроено многолюдное совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ покойнаго нынѣ придворнаго духовника, протоіерея Янышева. На собраніи было одно духовенство. Въ видѣ рѣдкаго исключенія, изъ мірянъ были допущены и говорили только двое. Одинъ былъ синодальный миссіонеръ В. Скворцовъ, другой—введенный подъ ручательствомъ Скворцова М. Сопоцько. Сопоцько буквально ошеломилъ

все почтенное собраніе столичнаго духовенства, хотя ему и не удалось даже кончить первой фразы. Онъ началъ такъ: — „Азъ, окаянный, страдавшій болѣзнью, такъ-то именуемою...“ И наименованіе болѣзни, и рѣчь о ней такъ огорошили отцовъ, что всѣ закричали:— „Довольно, довольно! Замолчать!“

Думаемъ, что приведенныхъ двухъ эпизодовъ изъ прошлаго г. Сопоцьки совершенно достаточно, чтобы было ясно, какому субъекту двойка помѣшала стать врачомъ. Прибавимъ развѣ слышанный нами разсказъ о происхожденіи этой двойки. Одинъ студентъ военно-медицинской академіи сообщалъ намъ, что дѣло было такъ. На экзаменѣ профессоръ предложилъ г. Сопоцькѣ сдѣлать на трупѣ трахеотомію. Онъ разрѣзалъ горло поперекъ. Тогда профессоръ сказалъ, что такъ рѣжутъ только барановъ, и отказался поставить ему удовлетворительный баллъ. Но что значатъ для г. Сопоцьки „странности“ сужденій о фокусникѣ, двойка и отсутствіе элементарныхъ познаній въ медицинѣ? Онъ „истинно-русскій“ союзникъ, онъ клялся разбить бюстъ Толстого. Этимъ все сказано. Кто смѣетъ оспаривать его право быть врачомъ? И—что уже прямо трагично—онъ врачъ, онъ даже до „отмѣны“ двойки врачуетъ въ старицкомъ уѣздѣ тверской губерніи. Г. Сопоцько этого не скрываетъ. Въ „Русскомъ Знамени“ — за подписью: „Исп. об. врача с. Мологина, Михаилъ Сырокомля-Сопоцько“,—были напечатаны слѣдующія строки: „Хотя оный помпадуръ (тверской губернаторъ, г. Бюнтингъ) меня и не утвердилъ, а я три съ половиной мѣсяца эти обязанности съ успѣхомъ исполнялъ, да— сказать ли по секрету?—исполняю и сейчасъ“. Будь на мѣстѣ г. Сопоцьки свѣтило медицины, но безъ свидѣтельства о полицейской благонадежности, онъ, при неутвержденіи губернаторомъ, и трехъ дней не могъ бы быть земскимъ врачомъ. А для рѣжущаго людскія горла убойнымъ способомъ губернаторское неутвержденіе—ничто.

Въ заключеніе приведемъ безпримѣрную по тону и по содержанію похвальбу „героя нашего времени“: „Бюнтингъ извивается, какъ ужъ, желая оправдаться въ глазахъ общественнаго мнѣнія (?!), но это ему не удалось, и теперь его незакономѣрныя по отношенію ко мнѣ дѣйствія подлежатъ обсужденію перваго департамента правительствующаго сената, а извѣстное мнѣ высокопоставленное лицо, во имя правды, я надѣюсь, доложитъ о нихъ самому Государю Императору. Вотъ въ сенатѣ мы съ Бюнтингомъ и побесѣдуемъ“... „Что касается моего увольненія изъ академіи, о которомъ сообщалъ Бюнтингу Данилевскій (бывшій начальникъ военно-медицинской академіи), то слѣдствіе генерала Шебеко возстановитъ мои попранныя права, а самъ Данилевскій уже вылетѣлъ въ отставку. Думаю, что то же случится и съ Бюнтингомъ, послѣ суда и рѣшенія правительствую-

щаго сената"... Кто поручится, что г. Сопоцько не выйдетъ изъ исторіи съ двойкой полнымъ побѣдителемъ—на благо несчастныхъ крестьянъ, которыхъ онъ „съ успѣхомъ" рѣжетъ и лечитъ? Прошли тѣ времена, когда Сопоцьки довольствовались половинными побѣдами...

ОТВѢТЪ гр. ПЕРОВСКОМУ-ПЕТРОВО-СОЛОВОВО

Составитель „общественной хроники" „Вѣстника Европы" получилъ отъ гр. Перовскаго-Петрово-Соловово письмо, вызванное хроникой, напечатанной въ октябрьской книжкѣ. „Предоставляю вамъ—пишетъ гр. Перовскій—отозваться на это письмо, если сочтете для себя удобнымъ, въ той формѣ, въ какой пожелаете". Полагаю, что самая подходящая форма—отвѣтъ на тѣхъ самыхъ страницахъ, которыя дали поводъ автору письма упрекнуть меня въ непослѣдовательности и поставить мнѣ нѣсколько вопросовъ.

Мою непослѣдовательность гр. Перовскій усматриваетъ въ томъ, что, неоднократно отмѣчая „обычный отвратительно-кровожадный крикъ" г. Маркова 2-го и его думскихъ единомышленниковъ: „мало",—я, „повидимому", упускаю изъ виду, „что въ первый разъ стали кричать это „мало" на скамьяхъ крайней лѣвой (кадетскихъ „друзей слѣва") въ первой Думѣ, во время рѣчи П. А. Столыпина, въ которой онъ приводилъ цифры, относившіяся къ числу убитыхъ и раненыхъ полицейскихъ". Далѣе гр. Перовскій пишетъ, что онъ просмотрѣлъ по моей книгѣ „Изъ эпохи освободительнаго движенія" то, что я писалъ въ свое время о первой Думѣ, и „никакихъ комментарій къ этому тоже отвратительно-кровожадному, казалось бы, крику, да кажется и самаго упоминанія о немъ не нашелъ". Отсюда сдѣланъ выводъ: „Слѣдовательно, въ то время никакого особеннаго впечатлѣнія этотъ крикъ на васъ не произвелъ. Но стоило ему раздаться изъ ненавистныхъ вамъ рядовъ Думы, притомъ по адресу уже не скромныхъ служителей долга, а завѣдомыхъ убійцъ и грабителей,—какъ онъ васъ возмутилъ настолько, что вы постоянно къ нему возвращаетесь".

Прочтя приведенныя строки, я, прежде всего, сталъ вспоминать, дѣйствительно ли въ первой Думѣ оглашеніе числа убитыхъ и раненыхъ полицейскихъ было встрѣчено крикомъ: „мало". Моя память этого факта не сохранила. Отмѣтки въ стенограммахъ о

такомъ крикѣ во время рѣчи П. А. Столыпина я не нашелъ. А потому позволяю себѣ думать, что гр. Перовскій ошибся въ фактическомъ утвержденіи, послужившемъ ему главной посылкой для вывода. Но если въ первой Думѣ и не раздавалось „отвратительно-кровожаднаго" крика: „мало", то все же—можетъ сказать гр. Перовскій—на мнѣ остается упрекъ въ томъ, что я тогда не реагировалъ на страницахъ „Вѣстника Европы" на террористическіе акты, жертвами которыхъ ежедневно падали „скромные служители долга".

Можетъ быть, я по данному вопросу въ хроникѣ „Вѣстника Европы" и не писалъ—опять навѣрное не помню, хотя кажется, что и въ этомъ гр. Перовскій впалъ въ ошибку. Но во всякомъ случаѣ такой упрекъ былъ бы несправедливъ, какъ въ отношеніи журнала, такъ и въ отношеніи меня. „Вѣстникъ Европы" никогда не скрывалъ совершенно опредѣленно отрицательнаго отношенія къ террору вообще и къ убійству чиновъ полиціи, въ частности. Изъ того, что мною было написано въ 1906 г. въ другихъ органахъ печати по поводу стрѣльбы въ городовыхъ, приведу слѣдующій отрывокъ изъ отвѣта на письмо нѣкоей писавшей мнѣ невѣсты городового „Маши": „Стыдитесь прежде всего, Маша, думать, что если бы вы пришли ко мнѣ или написали за полной подписью и съ указаніемъ адреса, то васъ ухлопали бы потому, что вы невѣста городового. Я, какъ и вашъ женихъ, „никого не тронулъ за всю жизнь". И ничего общаго не имѣемъ съ убійствами и съ убійцами не я одинъ, а мы всѣ, требовавшіе и требующіе отмѣнить смертную казнь. Скажите, затѣмъ, вашему жениху, что я никогда не говорилъ, что городовыхъ жалѣть нечего и что ихъ убивать можно и слѣдуетъ. И опять — не я одинъ. У всѣхъ насъ кровью обливается сердце при каждомъ новомъ извѣстіи объ убійствѣ городового. И если мы требуемъ отмѣны смертной казни для „господъ, что зовутъ народъ на смуту и на живодерство", то именно для того, чтобы прекратились убійства и городовыхъ". Этотъ отвѣтъ былъ напечатанъ 28-го іюня 1906 г. въ газетѣ „XX вѣкъ" („Изъ эпохи освободительнаго движенія", т. II, стр. 343). Кромѣ того, сошлюсь на рѣчи, которыя я произнесъ въ первой Думѣ 18-го мая и 19-го іюня 1906 г. и затѣмъ 13-го марта 1907 г.—во второй.

Въ оффиціальной стенографической записи послѣдней рѣчи (Госуд. Дума. Второй созывъ. Отчеты. Т. I, стр. 503—505) есть слѣдующія мѣста: „Если нужно, чтобы я исповѣдалъ свою вѣру, я скажу, что рѣшительнымъ образомъ осуждаю убійство съ лѣвой стороны: я осуждаю всякую кровь! Въ моихъ жилахъ такъ же точно холодѣетъ кровь, какъ и въ жилахъ преосвященнаго Евлогія, каждый разъ, когда приходится слышать о новыхъ проявленіяхъ ужаса, о новой смерти, о новой бомбѣ, о новыхъ выстрѣлахъ. Но кровь моя точно

также стынетъ и тогда, когда я узнаю о погромахъ. Я также протестую противъ убійства Герценштейна, какъ противъ убійства каждаго должностного лица, — вся душа моя протестуетъ противъ этого... Преосвященный Евлогій призывалъ насъ къ признанію. Извольте, мы признаемъ. Первую Думу упрекали за то, что она не осудила политическихъ убійцъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Когда я вступилъ въ первый разъ на эту каѳедру, отстаивая необходимость уничтоженія смертной казни, я говорилъ Государственной Думѣ слова осужденія политическимъ убійцамъ, и мои слова вызвали въ залѣ апплодисменты. Но вы требуете невозможнаго... Вы, господа, ставите правительство на одну доску съ преступниками, вы разрушаете всю идею государственности, весь строй, основу государства и законности... Ужасъ положенія въ томъ, что мы дѣйствительно, фактически, имѣемъ двѣ борющіяся стороны. И то, что мы имѣемъ двѣ какъ бы равныя стороны, вырываетъ почву изъ-подъ ногъ каждаго, осуждающаго,—я это повторяю и раньше говорилъ много разъ,—осуждающаго политическія убійства. Вы вырываете—не вы, а факты, обстоятельства вырываютъ у насъ почву изъ-подъ ногъ! Мы видимъ, что страна катится по наклонной плоскости—и вы думаете это остановить казнями, карами? Нельзя никогда забывать человѣческой психологіи. Люди управляются своими мыслями. Вы можете механически вырвать человѣка, но идею вырвать нельзя. Каждый вырванный человѣкъ тѣмъ, что онъ механически вырванъ, уничтоженъ—чѣмъ рѣзче, тѣмъ хуже — производитъ большее впечатлѣніе, большее психическое воздѣйствіе на общество, чѣмъ онъ могъ бы своими дѣйствіями причинить вреда"...

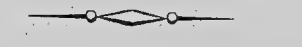
Цитата вышла нѣсколько длинна. За это прошу извиненія. Но ею я не только хотѣлъ доказать, что въ отношеніи меня упрекъ гр. Перовскаго несправедливъ. Мнѣ, какъ убѣжденному борцу противъ смертной казни, гораздо важнѣе было выяснить другое. Именно—что, высказываясь и въ настоящее время, и въ 1905-1907 гг. противъ убійства человѣка человѣкомъ, людей людьми—кто бы они ни были,—я, дѣйствительно, не становлюсь и никогда не становился на точку зрѣнія гр. Перовскаго. Его точка зрѣнія — полная параллель между преступнымъ убійствомъ и смертной „казнью". Для него крикъ „мало" изъ устъ г. Маркова 2-го и одинаковый крикъ изъ устъ „кадетскихъ друзей слѣва" (если такой крикъ раздавался или еслибы когда-либо раздался) равноцѣнны. Разница лишь въ томъ, что первый его адресуетъ „завѣдомымъ убійцамъ и грабителямъ", а вторые—людямъ, ни въ чемъ не повиннымъ, „скромнымъ и честнымъ служителямъ долга". Для меня же преступное дѣяніе и закономѣрный актъ государственной власти суть явленія разнаго порядка, и устанавливать параллель между ними я считаю недопустимымъ. Въ этомъ у насъ разномысліе

коренное. Для меня одинъ „отвратительно-кровожадный крикъ“ есть призывъ къ убійству государствомъ—призывъ въ убійству по закону, черезъ палача. А другой—призывъ къ убійству преступному. Отсюда—глубокое различіе въ ихъ юридической и, особенно, этической оцѣнкѣ.

Въ концѣ письма гр. Перовскій пишетъ: „За отмѣну смертной казни вы ломаете копья неустанно. Но спрошу васъ: а много ли вами написано строкъ, въ которыхъ указывалось бы на мизерность того пособія, которое государство выплачиваетъ вдовамъ и дѣтямъ его вѣрныхъ слугъ, потерявшихъ жизнь“?

Опять неукладывающійся въ моей головѣ параллелизмъ. Но безотносительно къ сопоставленію того, чего нельзя сопоставлять, не могу не сказать, что гр. Перовскій по существу своего вопроса—не по его обращенію ко мнѣ, конечно,—правъ. Что вышло изъ милліона, спеціально ассигнованнаго два слишкомъ года назадъ на помощь жертвамъ террора? Мнѣ лично извѣстна [одна изъ такихъ жертвъ. Человѣкъ былъ раненъ бомбой въ январѣ 1908-го года. Бомба сдѣлала его калѣкой. Скоро минетъ три года. Онъ все ходитъ, проситъ, стучится во всѣ двери—и голодаетъ. Отвѣты старые, давно извѣстные: или что вѣдомства еще между собою не снеслись, или что законъ неясенъ, или что документы не въ порядкѣ.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Въ октябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ подъ стихотвореніями: „Ронделли“ по ошибкѣ пропущена подпись автора, В. Бородаевскаго.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.—НОЯБРЬ.

